

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 466 047

**This is an authorized facsimile
printed by microfilm/xerography on acid-free paper
in 1985 by
UNIVERSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

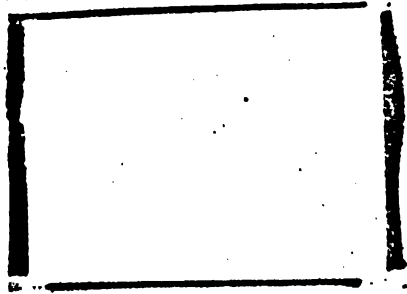

ор 8547
X751862
V.3

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО

ТОМЪ III

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вос. Собр., 9 том., № 12.

1891.

Digitized by Google

722B-1716

PG2950

K61

1889a

v.3

MAIN

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.

Императорский Секретарь, Академикъ *А. Широковъ*.

**О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБЫЧАЯХ
ЯЗЫЧЕСКИХ СЛАВЯНЪ.**

Графу Александру Сергѣевичу Уварову, г. Предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества.

Высокоуважаемый графъ!

Посвящая вамъ небольшой трудъ свой по наукѣ славянской древности, я позволю себѣ и предварительное объясненіе съ отвлеченнымъ образомъ чинамъ замѣнить живымъ бесѣдою съ вами. Пріймите ее за отчетъ г. предсѣдателя общества о занятіяхъ одного изъ членовъ!

Исследованіе мое не имѣетъ призванія ни на особую новизну выводовъ, ни на неперемѣняющую полноту фактовъ: оно — не болѣе, какъ корректурные листы одной главѣ изъ науки славянской бытовой древности. Область эта еще такъ не полно исследована въ отношеніи матеріала, такъ мало обработана въ ученое смислѣ, что думать о новыхъ рѣшительныхъ заключеніяхъ, о полнотѣ содержанія, — будетъ мечтою неопытности. Наука, какъ и жизнь, идетъ постепеннымъ ростомъ: она слагается вѣковой работою многихъ поколѣній — и только самооболѣченіе юности можетъ увлечься мечтою непосильнаго труда и жалеть преждевременно о вѣдѣхъ далекаго будущаго. Всему свое время. Для науки славянской древности не наступило время совершенности, когда она могла бы явиться, какъ живой и вѣрный образъ прошедшаго, какъ знаніе, полное убѣждающей, научительной силы: она находится еще на степеняхъ собранія и критической обработки матеріала. Почтенные, достойные общей признательности, труды совершенны въ этой области, но они лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ возвышаются надъ значеніемъ матеріала нуждающагося въ критической поправкѣ: они отвѣчали требованіямъ не вѣе строгимъ, чѣмъ требованія историко-археологической науки нашего времени: что такъ легко и свободно разрѣшалось, ни, то слова теперь вытягиваются въ гордиловъ узелъ и требуютъ немыхъ отвѣтовъ и рѣшеній, что прежде не тревожило ничьего доверья, то теперь отвергается или возбуждаетъ недоразумѣнія — и наборотъ...

Такое состояніе науки, указывая, что она находится въ критическомъ возрастѣ, прямо опредѣляетъ мою задачу. Свести въ одно цѣлое

разрозненные и доселѣ разбросанные факты погребальной старины языческихъ славянъ, критически осмотръ, опредѣлить ихъ надлежащій смыслъ и степень значенія, наконецъ — собрать ихъ, по возможности, въ стройный порядокъ систематическаго изложенія — вотъ что я имѣлъ въ виду исполнить. Если при такой критической переборкѣ уже извѣстнаго, въ концѣ концовъ, и не оказалось бы особенно новыхъ и блестящихъ результатовъ, то все же такая работа казалась мнѣ необходимою, чтобы удалиться отъ *призраковъ*, создаваемыхъ торопливостью толкованія и столь еще обыкновенныхъ въ наукѣ бытовой славянской древности. Вы найдете, что и мое изслѣдованіе заключаетъ не одинъ голый фактъ, что и оно не свободно отъ предположеній и домысловъ; какая же изъ историческихъ наукъ можетъ обойтись безъ нихъ? Но догадки — не поѣха наукъ, если онѣ осмотрительны, если существуютъ достаточныя для нихъ основанія. Стараясь, по возможности, отдѣлать достовѣрные историческіе факты и прямыя, необходимыя выводы изъ нихъ отъ личныхъ, подлежащихъ спору, объясненій, я имѣлъ въ виду доставить читателю всѣ средства къ убѣжденію, хотя бы оно и не согласовалось съ моимъ и было вѣрнѣе его; ибо кто, наученный опытомъ и уроками прошедшаго, кто можетъ сказать, что его догадки всегда и вездѣ — вѣрны и неопровержимы...

Разумѣется, что къ дѣлу такой могло вести только *осмотрительное* изслѣдованіе: мнѣ казалось, что лучше до поры до времени оставить темное темнымъ или *предположительно* объяснять его, чѣмъ предлагать рѣшенія свѣтлыя, но непрочныя. Выиграю ли чрезъ это самое дѣло — приглашаю посудить васъ и другихъ знатоковъ и любителей родной старины.

Но икогда здѣсь въ подробности касательно самаго предмета, подробности, которыя вы встрѣтите въ своемъ мѣстѣ, позволю себѣ лишь нѣсколько словъ объ объемѣ и формальной постройкѣ моего труда.

Область *погребальной старины* не имѣетъ той самостоятельной, особой бытовой цѣлости, при которой было бы возможно отдѣльное ея изслѣдованіе, независимо отъ другихъ житейскихъ явленій и понятій: она составляетъ одну, и притомъ — *внѣшнюю*, часть общаго круга понятій и представленій о концѣ человѣческой жизни и посмертномъ существованіи: она должна быть разсматриваема не только въ тѣсной съ ними связи, но и какъ нераздѣльное съ ними цѣлое: право на вниманіе изслѣдователя имѣетъ здѣсь и обычай, и вѣрованіе, и простое понятіе или представленіе: вѣрованіе и понятіе объясняютъ обычай, обычай позволяетъ заключать о вѣрованіи и понятіяхъ, и даже объ условіяхъ и поводахъ дѣйствительной жизни. Вотъ причина, почему, преслѣдуя част-

ную задачу, а не могу удержаться въ ея тѣсныхъ предѣлахъ и иногда входить въ предварительныя поясненія уже извѣстныхъ и обследованныхъ предметовъ. Недостаточны покажутся вамъ эти небочныя черты моего изслѣдованія, если вы потребуете отъ нихъ самостоятельной полноты содержания, но самое назначеніе ихъ обильвало меня въ краткости и сжатости изложенія; онѣ лишь служатъ для поясненія главнаго предмета, имѣютъ зависимую, несамостоятельную цѣну. Изслѣдуя погребальныя обичаи, я не адаюсь въ пространныя сравнительныя сближенія представлений, хотя и родственныя, но въ сущности далекихъ отъ главнаго предмета, для меня важнымъ только тѣ представленія, понятія и вѣрованія, которыя прямо относятся къ концу человѣческой жизни, соприкасаются съ погребальными обиходами и опредѣляютъ его порядки: представленіе, неокрѣпшее въ религіозное вѣрованіе и несоставившее слѣда въ дѣйствительной жизни, иногда вовсе не отмѣчено мною; однимъ словомъ—нея занимаясь прежде всего жизнью дѣйствительной, а готовъ уже поспѣть, какъ необходимый элементъ жизни, отъ котораго идутъ многіе побѣги ея и который освѣщаетъ многія ея стороны.

Позволю себѣ указать на это во отстраненіе недоумѣнія, когда въ моемъ изслѣдованіи вы не встрѣтите многого, что имѣетъ связь съ понятіями о загробной жизни и о многихъ, сюда относящихся, найдете лишь краткія упоминанія; всему этому — приличное мѣсто не въ изслѣдованіи «о погребальныхъ обиходахъ языческихъ славянъ», а въ будущей «славянской мѣологии».

Понятія о загробной жизни вытекаютъ изъ дѣйствительнаго человѣческаго желанія жизни, изъ чувства цѣны ея, погребальныя обичаи и обряды — суть олицетворенное, переведенное въ житейскую практику, желаніе продолжать эту жизнь. Исхода — такимъ образомъ, изъ дѣйствительнаго чувства, сопровождаемаго обичаями, потерянными по большей части изъ окружавшей человѣка дѣйствительности, его погребальная древность должна отразить въ себѣ и понятія дѣйствительныя и жизнь реальную, историческую...; но удалось ли мнѣ вскрыть хотя нѣкоторыя черты этой стороны предмета — судить не могу, но крайней мѣрѣ, полная цѣна и признавая законность этого требованія, я старался, по возможности, удовлетворить ему.

Изслѣдованіе, сообразно системѣ, распадается на двѣ главныя части: первая посвящена критическому разсмотрѣнію источниковъ: языка, народнаго быта, кзѣстій языческихъ, могильныхъ памятниковъ, сморал — представляетъ систематическое — и отчасти историческое — обзорніе понятій языческихъ славянъ о посмертномъ существованіи и ихъ погребальныхъ обиходахъ. Первая часть въ сущности имѣетъ значеніе поясненія

тельной статьи, ей отведено самостоятельное мѣсто для того, чтобы не обременить изложение сторонними критическими изслѣдованіями и отступленіями, и чтобы каждый анализъ подѣ рукою средства повторить заключенія и домысли; существенное отсюда перешло въ главное изложеніе, отчего неизбежно явились многія повторенія одного и того же. Устранить ихъ я не сумѣлъ.

Не могъ также избѣжать я и нѣкоторыхъ эпизодовъ, хотя и важныхъ по содержанию, но неотносящихся непосредственно къ моей задачѣ: одинъ изъ нихъ соединяетъ первую часть изслѣдованія со второй, другой, чтобы не нарушать непрерывности цѣлости изложенія, отнесенъ въ «Приложеніе». Мнѣ казались уместными и даже необходимыми—эти отступленія: безъ нихъ остались бы не ясны не только частности, но и самыя основанія нѣкоторыхъ заключеній, которыхъ я придаю нѣкоторую цѣну.

Найдете вы еще, можетъ быть, излишнихъ обиліе бібліографическихъ ссылокъ и примечаній. Слабость эту я охотно признаю за собою; но мнѣ не хотѣлось бросить безслѣдно то, что доставалось усиліями, иногда не совсѣмъ обыкновенными, и что—по доброй совѣсти—я не могъ призвать на помощь неумѣстными. Наконецъ, считаю нужнымъ сказать, что мое изложеніе ограничивается лишь объективно-историческою стороною вопроса: не задавался задачей доказывать какую-либо общую мысль, я желалъ только представить важную страничку изъ жизни прошедшаго и сообразно этому старался вездѣ сохранить *историческую точку зрѣнія* на предметъ; хотя, по причинамъ объясненнымъ ниже, я не могъ слѣдовать точному *историческому способу изложенія*.

Свой трудъ я посвящаю вамъ, высокоуважаемый графъ, на память того участія, какое оказывали вы къ моимъ занятіямъ родной стариной; пусть онъ напоинитъ васъ время вашихъ общихъ усилій, общихъ трудовъ по любезному Московскому Археологическому Обществу.

Съ чувствомъ высокаго почтенія и искренней преданности пишу честь быть вашимъ покорнымъ слугою.

А. Котляревскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ Маніум.....	стр. 1
Славянское язычество и обычаи.....	10
Источники. Языкъ.....	16
Славянскіе порядки.....	188

REVISED

Jus Manum.

Въ числѣ великихъ задачъ, искони поставленныхъ природою человѣческому разумѣнію, ни одна не имѣетъ такого верховнаго, необходимаго значенія, какъ задача смерти.

Жизнь человѣка проходитъ въ заботахъ и борьбѣ, въ истребленіи страстей и разнообразіи явленій; несомнѣнный ихъ потокъ, онъ рѣдко отдаетъ равную дань каждому требованію своей нравственной природы: въ увлеченіи однимъ — онъ равнодушенъ къ другому, вообще же — доволенъ ходячими, унаслѣдованными мыслями и обходится безъ труда тамъ, гдѣ только можетъ. Среди такого самозабвенія — явленія смерти, и не рѣдко они одни, представляютъ вѣчный мотивъ, возвращающій человѣка къ его нравственному долгу, къ серьезной работѣ мысли надъ задачами существованія.

Смерть всегда была и вѣчно будетъ непримиримымъ врагомъ человѣка, и если во мгновенія, свободныя отъ посѣщеній страшной неземной гостыи, его мысль можетъ спокойно остановиться на ней и представить ее въ пріятельномъ образѣ добраго друга людей, молодаго гения, гасящаго факелъ жизни и призывающаго всѣхъ къ безмятежному покою, — то это лишь мечта поэта, далекая отъ дѣйствительной жизни, отъ обычныхъ человѣку мыслей и чувствованій, для которыхъ образъ смерти всегда отвратительно страшенъ, а ея явленія — всегда дѣйствуютъ по-

вымъ и какъ бы внезапнымъ образомъ. Дѣйствительно, несмотря на законную необходимость смерти, на непрерывную, опытомъ вѣковъ утвержденную, власть ея надъ людьми, человекъ никогда не можетъ войти въ полную мировую съ нею, и вѣчный законъ природы все имѣть для него значеніе случая или произвола: столько новой тревоги и лишней ведетъ за собою исполненіе этого закона! Оттого, ни равнодушіе къ общимъ вопросамъ жизни, ни сила привычки, приучающей человека къ самымъ страшнымъ несчастіямъ — не властны овладѣть вопросомъ о смерти, обезсилить его или низвести на обыкновенную, незначительную, степень. И въ единичной жизни человека, и во всей исторіи человечества это — роковой вопросъ, предъ которымъ всѣ другіе кажутся столь малыми, чуть не суетными; самая жизнь ежедневно приводитъ къ нему и — неудивительно, что на рѣшеніе его потрачено столько крѣпкихъ думъ, столько серьезнаго умственнаго труда, что онъ всегда былъ великимъ нравственнымъ двигателемъ исторіи!

Ближайшею попыткой отвѣтить на загадку смерти была мысль о матеріальномъ посмертномъ существованіи, идея о безсмертіи. Гдѣ существуетъ хотя какая-нибудь связь семей и поколѣній, тамъ всегда есть и представленія о загробной жизни: они вызваны потребностью души, для которой нѣтъ высшаго блага, какъ благо жизни, и нѣтъ чувства естественнѣе, какъ желаніе продолжить эту жизнь и за дверями гроба. Такимъ путемъ разрѣшаетъ каждый народъ страшную неизвѣстность смерти, — и нѣтъ такого, — какъ бы ни былъ низокъ уровень его нравственнаго развитія, который не испытывалъ бы необходимости этой властительной мысли, потому что нѣтъ народа, который не чувствовалъ бы цѣны жизни, святости узъ родства и дружбы, любви и нравственной привязанности, который не оскорблялся бы безпощадными вторженіями смерти и, въ чувствѣ горькой утраты — не отдался бы обаятельной мечтѣ о временной разлукѣ и вѣчнымъ союзѣ за гробомъ!

Смутная или понимасмая въ грубыхъ формахъ — въ началѣ,

возвышенно-идеальная — впоследствии, мысль о безсмертіи исполнила великую историческую миссію: возстановляя нарушенный миръ души, она примиряла человѣка съ вѣчнымъ и непонятнымъ для него закономъ природы, поддерживала и укрѣпляла энергію, готовую изнемочь предъ страхомъ совершеннаго уничтоженія, она же столь часто указывала и ближайшую цѣль его дѣятельности и направленія его исторіи: воодушевленіе безсмертія влекло юные народы къ тѣмъ славнымъ подвигамъ, о которыхъ рассказываютъ преданія старины: легко разставаясь съ жизнью, они вѣрили, что съ честью будутъ приняты въ обители блаженныхъ предковъ, что жизнь ихъ отнынѣ будетъ вѣчнымъ праздникомъ и наслажденіемъ; путемъ идеи безсмертія: общаніемъ вѣчнаго блаженства и грозою вѣчной казни водворились высокія истины христіанства между грубыми варварами, тѣмъ же путемъ, только дѣйствуя на чувственную сторону человѣка и льстя его чувственнымъ инстинктамъ, распространился и исламъ, самъ по себѣ чуждый характера нравственнаго достоинства; множество и единичныхъ явленій, подвиговъ, полныхъ истиннаго величія, любви и блага для человѣчества — вышли изъ этого чувства и этой высокой идеи...

Вообще можно сказать: нѣтъ сферы въ дѣятельности человѣка, гдѣ бы онъ, творя великое, не чувствовалъ бы вдохновительнаго вліянія идеи безсмертія и не согрѣвался ея живительными лучами: боязнь одного исключительно земнаго бытія всегда указывала ему его высокое призваніе и вела его стезею добра и истины.

Но и оставивъ область громкихъ дѣлъ и торжественныхъ событий, спустившись въ среду обыкновенной, частной исторической жизни, мы увидимъ то же могучее вліяніе идеи загробнаго существованія: она удовлетворяетъ не одну только нравственную пылкость и чувство человѣка: исходя отъ дѣйствительности, отъ дѣйствительнаго чувства любви къ жизни, она легко входитъ и въ самую жизнь и опредѣляетъ многія ея воззрѣнія и практическіе порядки. Среди массы грубыхъ первоначальныхъ

мифическихъ представлений, еще далекихъ отъ всякаго религіознаго начала, понятія о будущей жизни — кажется одни — заключаютъ въ себѣ зародыши религіи: они основаны не столько на стремленіяхъ ума и фантазіи, сколько на чувствѣ, этомъ вѣчномъ источникѣ религіи — и вотъ почему такъ рано они получаютъ силу священнаго догмата и вызываютъ практическое обрядовое чествованіе; смерть является не только простымъ примирителемъ, покрывающимъ забвеніемъ бывшія страсти и антипатіи, но и даетъ поводъ къ широкой апопеезѣ: усопшіе предки становятся божествами — хранителями, а жизнь и дѣла ихъ — предметомъ глубокаго религіознаго почтенія для потомковъ. Предкамъ приносятся умиловительныя и благодарственныя жертвы, имъ воздвигаютъ алтари, къ нимъ обращены молитвы и призванія въ различныхъ случаяхъ жизни. Вѣкъ предковъ — это золотой вѣкъ жизни человѣчества, область безгрѣшная, свободная отъ недостатковъ земнаго бытія, полная красоты и высокой мудрости: отсюда для народа исходятъ все добрыя порядки дальнейшей жизни, его священныя, нерушимыя законы и добрыя обычаи, его полезныя знанія и искусства, изъ этой области черпаютъ живыя поколѣнія твердые образцы для своихъ дѣлъ и подвиговъ, къ отшедшимъ блаженнымъ отцамъ обращаются они въ трудныя минуты жизни за наставленіемъ и утѣхой; событія старины, славныя дѣла предковъ вдохновляютъ народныхъ поэтовъ и вообще служатъ обильнымъ источникомъ поэтическаго творчества, наслажденія и высокаго поученія, в чѣмъ далѣе входитъ народъ въ тревожное разнообразіе исторической жизни, тѣмъ привлекательнѣе рисуется ему золотое время предковъ, «когда, по словамъ Гезіода, люди жили какъ боги, вдали отъ трудовъ и бѣды...» (Ер. х. II, V, 112) Образование и наука даютъ иные идеалы, но какой долгій путь нужно пройти до этого! Тысячелѣтія исторической жизни — говоря о массѣ — лишь немногимъ ослабили религіозное поклоненіе старинѣ и предкамъ!.. Апопееза предковъ и вообще чествованіе усопшихъ — у всехъ народовъ древняго и новаго міра — составляло необходимый догматъ рели-

гізного вѣрованія и вызывало разнообразныя благочестивыя обычаи и обряды.

Въ религiи древнихъ индусовъ — поклоненiе усопшимъ, блаженнымъ, божественнымъ предкамъ выступаетъ, какъ священнѣйшая обязанность живыхъ потомковъ, предки — это боги — установители жертвоприношенiй и священныхъ обрядовъ, многiя божества — суть только души блаженныхъ предковъ, вообще — поклоненiе усопшимъ, молитвы и жертвы имъ являются средоточiемъ всего семейнаго культа ¹⁾.

Классическiе народы чтли своихъ покойниковъ, какъ святыхъ и блаженныхъ боговъ: апофеоза мертвыхъ нiгдѣ у нихъ всеобщее значенiе, она распространялась на всѣхъ предковъ, не ограничиваясь только великими людьми, оказавшими услугу отечеству; для древнихъ грековъ покойники были *подземные боги*, римляне называли ихъ *Dii tames*; отсюда этотъ распространенный у греко-италийскаго племени культъ домашнихъ духамъ, покровителямъ роднаго крова и домашняго очага: Героямъ, Демонамъ, Ларамъ и Манамъ. Въ особенности у ирактическихъ римлянъ поклоненiе усопшимъ приняло житейскiй характеръ и опредѣлило важнѣйшiе порядки семейнаго права ²⁾.

Широкою апофеозу предковъ и почтенiю къ мертвымъ находимъ мы и у языческихъ народовъ средней и сѣверной Европы: кельтовъ, германцевъ, литвы и славянъ: она и теперь еще видна во множествѣ ихъ повѣрiй, преданiй, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ, на нихъ не разъ мы остановимся внослѣдствiи.

Чествованiе усопшихъ было однимъ изъ духовныхъ наслѣдiй,

1) Lassen, Indische Alterthumsk. I, 768 — 9, Em. Burnouf, Essai sur la Veda (P. 1863), p. 183 sq.

2) Fustel de Coulanges. La Cité antique (2-e ed. 1866), p. 15—21. Здѣсь указано много мѣстъ изъ классическихъ писателей объ апофеозѣ мертвыхъ въ греко-римскомъ мiрѣ, прекрасно объяснена и связь домашняго культа усопшихъ съ юридическими институтами, но — будучи, какъ кажется, мало знакомъ съ сравнительною наукою древности, авторъ слишкомъ односторонне смотритъ на древнiя вѣрованiя и представлениа, особенно это замѣтно въ 1-й книгѣ его труда. Сравни также Wacker. Griech. Götterlehre, I, 794 sq.

принятыхъ западнымъ міромъ отъ стараго. Новыя понятія благопріятствовали этому: подъ ихъ впливіемъ культъ мертвыхъ получилъ болѣе возвышенный смыслъ: изъ тѣснаго круга семейной религіи онъ поднялся на степенъ общей обязательной святости и общественаго поклоненія; но кажется, что средне-вѣковая апофеоза мертвыхъ никогда не дошла бы до такихъ громадныхъ размѣровъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ ее въ исторіи западной Европы, если бы она не опиралась на готовые предшествовавшія вѣрованія массъ и не имѣла прочныхъ корней въ прошедшемъ... ¹⁾

Разсматривая это, чрезъ всю исторію человѣчества проходящее, благочестивое поклоненіе усопшимъ, нельзя не видѣть, что оно основывалось на твердомъ сознаніи, что міръ усопшихъ и живущія поколѣнія состоятъ въ непрерывной и дѣятельной взаимной связи: простое чувство и мысль народа понимали эту связь не въ идеально-правственномъ смыслѣ, но живымъ, реальнымъ образомъ: загробное существованіе и его условія представлялись въ формахъ и условіяхъ существованія земнаго, какъ продолженіе той жизни, тѣхъ потребностей, отношеній и заботъ, какія имѣли мѣсто въ дѣйствительности: боги или близкіе къ божеству — безсмертные, блаженные предки и за гробомъ полны дѣятельной заботы и попеченій о своихъ покинутыхъ близкихъ: полнота жизни нравственной и матеріальной, счастье и довольство — есть даръ, ниспосылаемый предками, дѣло ихъ любви и заботы о потомкахъ. Въ свой чередъ и усопшіе, отдѣляясь отъ міра живыхъ, не отрѣшились отъ всѣхъ потребностей дольней жизни: они имѣютъ нужду въ услугахъ и чествованіи со стороны потомковъ... Первымъ, важнѣйшимъ и благочестивѣйшимъ актомъ его была *почетъ потребная*.

Для чувства человѣка — естественно стремленіе полагать границу между царствомъ жизни и смерти: обезображенная смер-

1) Превосходную характеристику культа мертвыхъ въ средніе вѣка читатель найдетъ у Гринна, въ его *Geschichte d. deutsch. Sprache* 1-ое изд. p. 147 — sq или 103 — sq 2-го изд.

тію, распадающаяся плоть требует немедленнаго исключенія изъ среды живыхъ людей, но человѣческій родъ, по прекрасному замѣчанію Я. Гримма, отрекся бы отъ своей собственной природы, еслибы это *право живыхъ* не смягчалось *последнимъ правомъ мертвыхъ* на честь и услугу, необходимую для того, чтобы они могли перейти и водвориться въ вѣчномъ жилищѣ и тамъ продолжать свое существованіе. Забота отдать этотъ долгъ родному или собрату, покончившему расчеты съ жизнью, *сомкнуть уста, закрыть глаза ему* (Iliad. XI, 453, Odys. XI, 426), какъ забота нравственно-естественная, всегда была и священною нравственною обязанностію человѣка; только самые грубые народы, преданные лишь животнымъ инстинктамъ и потребностямъ, пренебрегаютъ или не знаютъ этой повинности, оставляя своихъ покойниковъ на произволъ судьбы; у всѣхъ же другихъ племенъ, имѣющихъ залоги исторической будущности, *погребальная почестъ* искони была предметомъ высокаго нравственнаго и религіознаго долга; въ произведеніяхъ народной словесности вездѣ проходитъ тоскливое чувство жалости и состраданія о человѣкѣ, лишенномъ погребальной почести; народная пѣсня не знаетъ болѣе страшнаго проклятія, какъ — *чтобы чело- лоткъ не имѣлъ гроба, чтобы земля ею не приняла*, народная повѣсть съ любовью и сочувствіемъ останавливается на лицахъ, которыя не пренебрегли этою священною повинностію: она награждаетъ ихъ долгою и счастливою жизнью... И обычай и законодательство освятили *последнее во мертвыхъ* на погребальную почестъ. Въ Спартѣ каждый обязанъ былъ, найдя мертвое тѣло, похоронить его или по крайней мѣрѣ посыпать пепломъ; равнымъ образомъ — и въ Аоніахъ законъ предписывалъ похоронить трупъ, если онъ встрѣтится на дорогѣ, или за недосугомъ — хотя посыпать его прахомъ. Законъ этотъ былъ еще *общимъ — эллинскимъ* (νόμος Πανελληνίων) онъ одинаково распространялся и на гражданина и на чужеземца ¹⁾. Въ погребальной почести не

1) A. Maury. Histoire des Religions de la Grèce antique, I (P. 1857), p. 150-3

отказывали даже врагу: дѣло благочестія стояло выше земныхъ страстей и ненавистей; оттого самымъ страшнымъ наказаніемъ въ классическомъ мірѣ было лишеніе погребенія: такъ карались только предатели отчизны, святотатцы, самоубійцы и должники. Лишался могилы и погребальной почести, человекъ, по понятіямъ древности, какъ бы лишался будущей жизни и подлежалъ вѣчному наказанію; душа его обрекалась на всегдашнее мучительное, безпріютное блужданіе, она, неотдавшая землѣ — земнаго, не могла войти въ жилище усопшихъ и приобщиться къ сонну многихъ родственныхъ тѣней. Такъ муки собственной, живой души, страдавшей при мысли о возможности лишиться священнаго обряда погребенія, человекъ переносилъ на своихъ усопшихъ. Нося въ груди такое вѣрованіе, онъ менѣе всего могъ быть равнодушенъ въ своихъ отношеніяхъ къ усопшимъ; понятно почему и боги в общественное мнѣніе преслѣдовали того, кто нарушалъ этотъ святой законъ или же пренебрегалъ имъ. Ничто такъ живо не умѣло чувствовать намъ высокаго значенія погребальной почести въ античномъ мірѣ, какъ художественнѣйшее произведеніе Софокловой музы — «Антигона», гдѣ неразумный отказъ въ погребеніи царскому сыну встрѣчаетъ в мужественный протестъ родственнаго чувства сестры усопшаго, жертвующей жизнью за исполненіе своего святаго долга, и справедливую кару боговъ за презрѣніе ихъ «законовъ вѣчныхъ и неизблемыхъ» (Soph. Ant. 1322).

То же сознаніе высокаго значенія погребальной почести, то же чувство нравственнаго долга живыхъ относительно мертвецовъ мы находимъ и у прочихъ племенъ индо-европейскаго корня: одинъ видъ часто величественныхъ погребальныхъ памятниковъ, разстланныхъ по Европѣ и уцѣлѣвшихъ вопреки урагану тысячелѣтій, краснорѣчиво говоритъ о глубокомъ религіозномъ почтеніи, съ какими провожали эти народы своихъ, отходящихъ на покой, отцовъ и праотцевъ; оттого и такимъ ореоломъ святости окружаются мѣста, гдѣ почіеть дорогой прахъ опочившихъ предковъ: это величайшая святыня, не терпящая оскорбленія. «У насъ есть

могилы отцовъ — говорили сквоы посланъ Дарія, — отважь-
 тесь ихъ потревожить, тогда узнаете, будемъ ли мы сражаться
 за нихъ или нѣтъ» (Her. IV, 127). Если таково религиозное по-
 чтеніе къ праху и могиламъ праотцевъ у народа кочевого, то
 у племень осѣдлыхъ оно идетъ еще глубже, является еще необ-
 ходимѣе: для нихъ *родная земля* не только мѣсто, гдѣ человекъ
 родился и взросъ, но и гдѣ покоится прахъ его предковъ, гдѣ видны
 ихъ могилы: онѣ — покровители, стражи и свидѣтели родовой
 недвижимой собственности, по нимъ опредѣляются границы ея,
 рѣшаются возникающіе споры; онѣ наконецъ составляютъ общую
 святыню родственныхъ семей, которая, питая затемняемое годами
 сознание родственной связи, скрѣпляетъ ихъ въ тѣсный союзъ
 на общія предпріятія, одушевленные унаслѣдованными отъ пра-
 отцевъ чувствами и стремленіями.

Такимъ образомъ, вопросъ о цародныхъ воззрѣніяхъ на за-
 гробное существованіе и происходящихъ отсюда явленіяхъ дол-
 женъ быть признакъ вопросомъ глубокаго историческаго значе-
 нія и интереса. Онъ не ограничивается предѣлами домашней жизни
 народовъ, не имѣетъ только узкаго характера антикварнаго знанія,
 но обнимаетъ собою одну изъ важнѣйшихъ сторонъ исторической
 науки, какъ вопросъ о постоянномъ дѣятельномъ началѣ исторіи,
 которое равно участвовало и въ области умственнаго движенія,
 и въ сферѣ общественныхъ политическихъ событій; но раскрыть
 во всей полнотѣ его историческое значеніе, прослѣдить развѣт-
 вленіе корней его въ жизни, показать, чтѣ въ ней питалось его
 сокани — все это еще долго останется идеальной задачей науки:
 обширность и глубина вопроса еще неизмѣримо превышаетъ
 средства изслѣдователя, потому теперь можно лишь исподоволь
 готовить рѣшеніе его изслѣдованіемъ отдѣльныхъ сторонъ
 предмета; одну изъ такихъ сторонъ, именно антикварную, я
 предполагаю разсмотрѣть въ настоящемъ трудѣ, ограничиваясь
 притомъ почти исключительно одною *славянскою народностью*.

Славянское язычество и обычаи.

Вступая въ область дѣятельности, далекой отъ нашего времени и по числу минувшихъ лѣтъ, и по кореннымъ воззрѣніямъ, понятіямъ, порядкамъ и условіямъ жизни, умістно будетъ остановиться и уяснить предварительно нѣкоторыя особенности предмета, насъ занимающаго: этимъ точнѣе опредѣлится и самая задача, и способы ея исполненія.

Эпоха славянскаго язычества — вотъ время, погребальнымъ обычаемъ — предметъ, подлежащій нашему изслѣдованію.

Что же такое славянское язычество? Есть ли это эпоха однородныхъ явленій жизни, имѣетъ ли оно тотъ внутренній характеръ цѣлости и единообразія, какими обыкновенно отличается каждая опредѣленная историческая эпоха?

Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть сомнителенъ. Бѣдны и отрывочны наши свѣдѣнія о доисторическомъ времени жизни славянъ, но они достаточны для убѣжденія, что понятіе объ эпохѣ *славянскаго язычества* — есть слишкомъ широкое, исторически-неопредѣленное понятіе, что для того, чтобы отвѣтить требованіямъ науки, оно должно быть подѣлено на составныя части, ограниченныя болѣе дробными и рѣзкими историческими и этнографическими опредѣленіями. Выскажемся яснѣе. Если современная наука не позволяетъ еще никакихъ заключеній о точномъ времени выдѣленія славянъ изъ общаго индо-европейскаго источника, объ эпохѣ цѣльной славянской народности, условіяхъ и порядкахъ ея жизни¹⁾, то по крайней мѣрѣ изслѣдователь уже

1) Попытку изобразить, на основаніи фактовъ языка, картину нравственной и матеріальной жизни *общеславянскаго племени* представилъ недавно извѣстный чешскій археологъ Я. Э. Воцель въ статьѣ: «O vzdělavosti slovanského národu v rannotních stádech jeho» (Часописъ чешскаго Музея 1864, р. 353—370), трудъ — небогатый содержаніемъ, но прекрасный по счастливой мысли. Впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ обстоятельно слѣжены между собою всѣ *словари* индо-европейскихъ языковъ, пока не опредѣлится, что принадлежало *осамъ* или, что лишь некоторымъ, что исключительно одной народности, что наконецъ привело въ языкъ владѣтели вассированія, — до той поры наши заключенія о доисторической жизни индо-европейскихъ отдѣльныхъ племенъ будутъ невольны, отрывочны и неважными.

нѣтъ полное право думать, что такой этнологическій процессъ совершился во времена глубочайшей древности, до которой не достигаетъ никакой хронологически-опредѣленный памятникъ. Съ той поры, до времени появленія славянъ на сцену засвидѣтельствованной исторіи, совершилось, конечно, много переворотовъ, мирныхъ и насильственныхъ измѣненій въ ихъ бытѣ и понятіяхъ: *славяне и въ доисторическую эпоху, несомненно, имѣли свою исторію*. Придерживаясь лишь исторически извѣстныхъ, достовѣрныхъ фактовъ, можно видѣть, что задолго до принятія христіанства огромное славянское племя, «Winidagum patio porulos», раздѣлялось на множество вѣтвей, простираясь, по словамъ Иорнанда, «per immensa spatia»; другіе свидѣтели 6—9 вв. перечисляютъ *многія отдѣльныя племена славянъ*; въ эпоху перевода Свѣц. писанія на славянскій языкъ, отмѣчается уже нѣсколько частныхъ видовзмѣненій славянской рѣчи.... Чтобы дойти до такого раздробленія, необходимо было и много жить и многое пережить, потому нельзя сомнѣваться, что разнообразіе физическихъ условій жизни, историческихъ судебъ и вліяній — давно, съ незапамятныхъ временъ, должно было отмѣтить частными особенностями бытѣ отдѣльныхъ вѣтвей славянскаго племени, и при вступленіи въ исторію мы встрѣчаемъ ихъ уже далеко не на равной ступени цивилизаціи и гражданственности: тогда какъ одни заняты еще личною заботой о существованіи и трудовою борьбой съ природой, другіе — уже создаютъ могучія государства; но не только въ общественныхъ учрежденіяхъ, а и въ домашней, семейной жизни и ея порядкахъ, въ области религіи, обычаевъ и нравовъ можно замѣтить то же неравенство развитія, то же отсутствіе единства, которое давало бы дохристіанской, языческой жизни славянъ значеніе цѣльной органической эпохи. Черты ближайшей родственности многочисленны и очевидны, начиная съ языка и оканчивая общественными учрежденіями; но многочисленны также и отличія, и нѣтъ возможности собирать это разнообразіе въ одну общую эпоху и подводить подъ одинъ общій историческій уровень. Отсюда видно, что въ

простомъ повидимому понятіи о языческой эпохѣ жизни славянскаго племени заключается много несоразмѣрнаго разнообразія: это не одна цѣльная эпоха, а по крайней мѣрѣ нѣсколько ихъ, не одинъ народный организмъ, а большое количество ихъ, хотя и близкихъ, но отмѣченныхъ уже рѣзкими чертами особенности и розни. Сопоставивъ такое, изъ несомнительныхъ фактовъ извлеченное, понятіе объ эпохѣ славянскаго язычества съ требованіями исторической науки, мы увидимъ необходимость *слѣдить жизнь славянскаго язычества съ ея историческими и этнографическими измѣненіями*. Но въ какой мѣрѣ можетъ изслѣдователь удовлетворить этому требованію? Въ темной области, лежащей за предѣлами достовѣрной исторіи, наука овладѣла, до нѣкоторой степени, лишь исходнымъ пунктомъ: она указала источникъ, изъ котораго вышли отдѣльныя индо-европейскія народности, пыталась, и не безуспѣшно, представить объемъ и условія быта этого перваго періода жизни общей индо-европейской семьи¹⁾; но что слѣдуетъ далѣе, что занимаетъ пространство между эпохой племеннаго единства и временемъ историческимъ, то остается въ лѣтисчисленіи народовъ бѣлымъ, ничѣмъ не наполненными страницами²⁾. Изслѣдователи пытались угадать славянь въ различныхъ темныхъ именахъ средневѣковыхъ народцевъ и

1) Кромѣ общезнаемаго труда Pictet: «Les origines Indo-Européennes». Gen. 1859—63, 2 vol., слѣдуетъ назвать замѣчательный опытъ А. Куна: «Zur ältesten Geschichte der Indo-germanischen Völker», помѣщен. вторымъ изданіемъ въ Weber's «Indische Studien» т. 1. (1850), стр. 921—363, и статью Justi: «Über die Urzeit der Indo-Germanen», въ Раунеромъ «Historisches Taschenbuch» 1802, р. 303—342. Сюда относятся также богатый запасъ частныхъ изслѣдованій или въ отдѣльныхъ изданіяхъ, или въ Попреминикахъ (Zeitschrift für vergleich. Sprachforsch. съ 1851, Beiträge съ 1850), издаваемыхъ Куномъ и Шлейхеромъ.

2) Периоды развитія и постепеннаго раздробленія индо-европейской семьи, опредѣленные языковѣдомъ (Schleicher's: «Die deutsche Sprache» 1860, St. p. 80—4, его же «Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ». Сиб. 1865, особ. 89 и слѣд.) остаются до поры-времени голою схемою; они указываютъ лишь на отдаленную будущую возможность нѣкотораго возстановленія картины нравственнаго и матеріальнаго быта племенъ съ эпохи выхода ихъ изъ прародинны; единственнымъ матеріаломъ здѣсь можетъ служить Лексиконъ, ср. «Прин.» на 11-й стр.

событіями ихъ жизни пополняли пробѣлы собственно славянской исторіи; но предположенія эти, часто счастливыя, имѣющія всѣ условія исторической достовѣрности, все же представляютъ малое приобрѣтеніе сравнительно съ тѣмъ, чего можно и должно требовать отъ опредѣленной исторіи.... Съ запасомъ скудныхъ свѣдѣній изслѣдователь приходитъ къ началу такъ называемой исторической эпохи, когда часть племенъ индо-европейскаго корня отмѣчается родовыми именами венодовъ, сербовъ и славянъ вообще, но и здѣсь еще долго его преслѣдуетъ случайность свѣдѣтельствъ, пустота и скудость свидѣтелей, и только съ 8—9 вв. онъ начинаетъ чувствовать подъ собою твердую историческую почву. При такомъ состояніи нашихъ свѣдѣній о древнѣйшемъ бытѣ славянъ нельзя и думать объ отчетливомъ исполненіи требованій историко-этнографической науки, о томъ, чтобы представить *постепенныя измѣненія быта отдѣльными славянскими племенами*. Владѣя незначительнымъ количествомъ отрывочныхъ данныхъ, изслѣдователь можетъ удовлетворить историко-этнографическимъ требованіямъ лишь тѣмъ, что, опираясь на аналогіи и сравнительныя наведенія, онъ отмѣтитъ *относительную древность нѣкоторыхъ фактовъ народной жизни, укажетъ приблизительно обще-славянское или только племенное, единичное ихъ бытованіе, и сдѣлаетъ строгіи предположенія о тѣхъ условіяхъ быта, среди которыхъ возникли эти явленія*; въ общемъ же способѣ изложенія онъ поневогѣ долженъ слѣдовать не историко-этнографическому, но систематическому порядку. Еще яснѣе окажется необходимость такого способа изложенія, когда мы взглянемъ на отличительный характеръ нашего предмета.

Обыкновенно думаютъ, что народные обычаи идутъ тѣмъ же путемъ историческаго развитія, какому слѣдуютъ и всѣ другія явленія жизни и дѣятельности человѣка, что изслѣдовать ихъ должно историко-генетическимъ методомъ, въ связи съ постепеннымъ ростомъ и измѣненіями народной жизни; но такое мнѣніе справедливо только на первый взглядъ: при болѣе внимательномъ

изученіи предмета оно оказывается применимым лишь къ незначительному числу явленій внутренней жизни народа; вообще же — сфера народнаго обычая не подлежит закону *ограниченной* жизненнаго развитія, и не можетъ быть изслѣдуема по обыкновенному *историческому* методу. Если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ — историкъ ищетъ дѣло съ явленіями дѣйствительной, настоящей жизни, онъ идетъ по ихъ горячему слѣду, можетъ отыскать причину явленія, слѣдитъ за его дѣйствіемъ и послѣдствіями, словомъ — явленія представляются ему въ постоянномъ соотвѣтствіи и неразрывной связи съ жизнью... Совсѣмъ иное положеніе изслѣдователя стародавнихъ обычаевъ и обрядовъ: только въ исключительныхъ, счастливыхъ случаяхъ онъ въ состояніи уловить живую связь между явленіемъ и жизнью, прошедшая жизнь обращена къ нему преимущественно по живую, вѣчно обновляющеюся, вѣчно юной своей стороною, гдѣ играетъ разнообразіе страстей и столкновеній, по стороною — если такъ можно выразиться — палеонтологической, областію жизни окаменѣлой, утратившей свой опредѣленный смыслъ и подверженной лишь неорганическимъ превращеніямъ.

По большей части суевѣрный обычай или обрядъ идутъ отъ времени незапамятной, глубокой древности: откуда и какъ бы ни образовались они, но однажды войдя въ народную жизнь, они получаютъ такую стойкость, которую поколебать не могутъ и вѣковые перевороты въ бытѣ и народныхъ понятіяхъ: нужды нѣтъ, что обычай или обрядъ расходится съ жизнью и даже противорѣчитъ ей: къ нему относятся безсознательно и безотчетно, съ суевѣрнымъ уваженіемъ, его берегутъ, какъ унаслѣдованную отъ праотцевъ, непонятную святыню и твердо вѣрятъ, что всякое отступленіе отъ него ведетъ за собою неминуемое наказаніе. Стремленіе согласить поступки съ убѣжденіями у каждаго народа бываетъ плодомъ долгой жизни, обильной опытомъ, богатой знаніями и развитіемъ, потому — неудивительно, что и въ древности и въ настоящее время въ жизни народа бытовало и бытуетъ много безотчетныхъ и несогласныхъ съ ея поряд-

ками — обычаевъ, они являются иногда полновластнымъ распорядителемъ житейскаго обихода, но въ сущности представляютъ начало мертвое, чуждое живаго, сознательнаго соотвѣтствія съ текущей жизнью. Согласно этому — и *измѣненіе* народныхъ обычаевъ рѣдко указываетъ на движеніе жизни: оно повинуется не закону историко-органическаго развитія, а случайностямъ механическаго осложненія, порчи или утраты; требованія жизни не проходятъ даромъ: старый обычай осложняется новыми приставками, новые обычай и обряды одновременно бытуютъ со старыми или сливаются съ ними, такъ что не рѣдко обычай представляетъ собою неорганической сплавъ разнородныхъ и разновременныхъ частей; равнымъ образомъ и исчезновеніе обычая изъ житейскаго обихода случается не въ совмѣстномъ историческомъ соотвѣтствіи съ исчезновеніемъ потребностей, его породившихъ: и по минованіи видимой нужды въ немъ, онъ, какъ мы выше замѣтили, живеть и дѣйствуетъ еще цѣлые вѣка и тысячелѣтія, опираясь на обаятельное дѣйствіе преданія на суевѣрный умъ простолюдина; вымираетъ же обычай или отъ причинъ внѣшнихъ, или въ силу ослабленія народной памяти.

Такой неорганической характеръ обычая и обряда отнимаетъ у изслѣдователя бытовой древности всякую возможность идти путемъ строгаго историко-генетическаго метода, и ставитъ его чуть ли не въ ложное положеніе: онъ долженъ говорить о мертвомъ обычаѣ среди живой жизни: его исторія всегда будетъ — такъ сказать — исторіей задняго числа, а хронологія — всегда неисторическая; допустивъ даже, что, путемъ анализа и наведеній, онъ сумѣетъ вскрыть нѣкоторыя черты дѣйствительнаго быта, затаенныя въ обычаяхъ, все же онъ можетъ назначить имъ только гадательныя, общія жизненныя помѣты, не какиминибудь опредѣленными историческими періодами, но широкими стадіями народнаго развитія, напр. эпохой кочевья, бытомъ звѣролововъ, пастуховъ или осѣдлыхъ земледѣльцевъ; къ тому же — здѣсь онъ и остановится: вмѣсто историческаго развитія, далѣе онъ будетъ отмѣчать лишь историческіе наросты и осложненія.

Очевидно, что и со стороны предмета задача изслѣдователя погребальныхъ обычаевъ языческихъ славянъ опредѣляется только систематическимъ изложеніемъ и объясненіемъ фактовъ: заботясь уловить связь между глухимъ явленіемъ и жизнью, когда-то въ немъ трепетавшею, онъ долженъ, по возможности, раскрыть первоначальный смыслъ, причины возникновенія и бытованія извѣстныхъ обычаевъ.

Источники.

Языкъ.

Осмотримъ источники нашего предмета. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, конечно, свидѣтельствамъ языка, этого вѣрнѣйшаго и иногда единственнаго свидѣтеля былой жизни народовъ.

Древнѣйшіе памятники славянскаго языка по содержанію своему почти исключительно церковные и переводные: такихъ, которые представляютъ попытку выразить самостоятельную мысль, вообще немного, да и они, служа дѣлу новой религіи, рѣдко уклоняются въ мірскіе интересы и еще рѣже — развѣ для поученія — касаются частныхъ порядковъ и явленій языческой жизни. Это исключительно христіанское направленіе древнѣйшей славянской письменности объясняетъ намъ, почему въ ея памятникахъ мы находимъ очень небогатый запасъ словъ и выраженій, обозначающихъ понятія о загробной жизни и порядки погребальнаго обихода языческихъ славянъ; но предполагать существованіе такихъ словъ и выраженій невозможно: если были особые предметы и понятія, то должны были быть и особые терминны и слова, ихъ выражающіе; но, кажется, что изъ нихъ до насъ дошла только немногіе, или случайно оброненные въ памятникахъ, или усвоенные письменностью и дальнѣйшимъ языкомъ, потому что они не слишкомъ рѣзко противорѣчили хри-

стіанскимъ понятіямъ и могли быть безъ соблазна приняты въ ихъ выраженію. Щедрѣе, чѣмъ письменные памятники, былъ языкъ народный: какъ въ жизни простолюдина сохранилось много суевѣрныхъ остатковъ язычества, такъ и въ языкѣ — много словъ и терминовъ для выраженія понятій о загробномъ мірѣ и погребеніи, указывающихъ на факты древней языческой жизни славянъ; но и здѣсь многое уже вывѣтрилось, получило иное знаменованіе, а иногда даже замѣнилось чужеземнымъ, такъ что для восстановленія силы этихъ свидѣтелей необходима учная реставрація.

Факты языка насъ занимаютъ бытовымъ своимъ содержаніемъ, насколько въ нихъ отразились черты дѣйствительности или факты былой народной жизни; но изслѣдованіе ихъ съ этой стороны представитъ много затрудненій, если не принять во вниманіе показаній другихъ источниковъ: народныхъ вѣрованій, обычаевъ, извѣстій письменныхъ; а допустивъ ихъ, мы увеличимъ повторенія въ нашемъ изслѣдованіи, представляющемъ и безъ того ихъ немало, потому намъ показалось удобнымъ дать мѣсто разсмотрѣнію фактовъ языка (какъ древняго, такъ и нынѣшняго народнаго — областного), относящихся къ нашему предмету — въ дальнѣйшихъ, и въ особенности — въ заключительной — частяхъ изслѣдованія, когда къ тому представится свой поводъ и мѣсто; здѣсь же лишнимъ будетъ обозначить общіе приемы, какимъ слѣдуетъ мы при употребленіи этого источника, и осмотрѣть только тѣ факты, которые или вызываютъ сомнѣнія, или, хотя повидимому и относятся къ предмету, но должны быть вовсе устранены при изслѣдованіи погребальной языческой древности.

Разсматривая языкъ, какъ свидѣтеля народнаго быта, необходимо имѣть въ виду *персональное, коренное значеніе словъ*, т. е. опредѣленіе того природнаго, живаго явленія, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ котораго образовалось и вступило въ жизнь извѣстное слово; важно такое опредѣленіе потому, что и измѣняясь въ своемъ значеніи, слово по большей части не

окончательно отстываетъ отъ своего природнаго смысла, но только развиваетъ его: предлагая тк. обр. возможность возстановить фактъ древняго быта, оно даетъ объясненіе обычаямъ и понятіямъ, на первый взглядъ лишеннымъ всякаго основанія; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что коренное значеніе и природный смыслъ слова могли поблекнуть еще въ глубокую старину, еще до образованія отдѣльныхъ племенныхъ, этнографическихкихъ особей: у славянъ оно могло бытовать съ значеніемъ, далеко отошедшимъ отъ первоначальнаго, потому заключенія о фактахъ *славянской* жизни по коренному значенію словъ требуютъ широкой повѣрки иными явленіями; вообще — безопасно допущенный въ *объяснительномъ* отношеніи, корнесловъ обязываетъ исследователя къ крайней осторожности, если онъ захочетъ исключительно на его основаніяхъ возстановлять факты особаго славянскаго быта. Хотя этотъ предметъ славянской науки до сихъ поръ мало обработанъ, однако, пользуясь трудами современныхъ лингвистовъ¹⁾, если не всегда можно предложить достовѣрное, положительное, то по крайней мѣрѣ уже можно надѣяться избѣгнуть неосновательныхъ сравненій и догадокъ.

За корнесловнымъ значеніемъ для насъ важно *этнографическое распространеніе словъ*, т. е. опредѣленіе ихъ принадлежности: употреблялись ли они у всѣхъ славянскихъ племенъ, или только у нѣкоторыхъ, самобытны ли они, или обязаны своимъ происхожденіемъ влиянію другихъ, чуждыхъ народовъ. Это можетъ дать историческія помѣты фактамъ. Впрочемъ, рѣшительныя заключенія здѣсь еще болѣе могутъ быть рановременны и

1) Обозначены пособия, которыми мы пользовались: Bopp, *Glossarium sanscriticum comparativum*. Ber. 1867; Diefeabach, *Lexicon comparativum linguarum indo-germanicarum*. Fr. am. M. 1851 г. 2, г.; Pott, *Wurzel-Wörterbuch der Indo-germanischen Sprachen*. Detm. 1867, 2; v. Ejsudem, *Etymologische Forschungen*, 1-ое изданіе т. 1-мъ 1833.; Benfey, *Griechisch. Wurzellexicon*. Ber. 1839—42. 2 v.; G. Curtius, *Grundzüge der Griechisch. Etymologie*. L. 1865; сверхъ этого и другими частными изслѣдованіями, которыя обозначены въ своемъ мѣстѣ.

ошибочны: слово, жившее въ старину у *ослаз* славянскихъ племенъ, могло съ теченіемъ времени у *мажотормыз* утратиться и замѣниться новымъ, могло оно, сохраняясь и до сихъ поръ въ языкѣ народа, profits незамѣченнымъ наукою и быть незанесеннымъ въ извѣстные словари славянскихъ нарѣчій; равнымъ образомъ и заимствование слова изъ чужихъ еще не свидѣтельствуетъ о чужеземномъ источникѣ того явленія, которое имъ обозначается: заимствование словъ не всегда есть слѣдствіе нужды, но часто бываетъ дѣломъ случайности или перенчивости, которую иногда безъ нужды увлекаются общества и даже цѣлыя племена.

Весь запасъ славянскихъ словъ, выражающихъ понятія о загробномъ существованіи и предметы погребальнаго языческаго обихода, можетъ быть, какъ кажется, раздѣленъ на четыре отдѣла: во-первыхъ, слова древнія, не принятыя христіанскимъ образованіемъ въ силу ли ихъ языческаго значенія или потому, что они могли быть замѣнены другими, болѣе близкими къ христіанскимъ понятіямъ; во-вторыхъ, слова также древнія, но усвоенныя христіанствомъ, потому что они, не противорѣча его истинамъ, легко примѣнялись къ ихъ выраженію; въ-третьихъ — слова и выраженія, изобрѣтенныя вслѣдствіе ли благочестиваго желанія передать христіанскія представленія и понятія, не прибѣгая къ языческимъ терминамъ, или по несуществованію послѣднихъ для выраженія такихъ понятій и наконецъ — слова заимствованныя; мы не упоминаемъ здѣсь о словахъ описательныхъ, каковы напр. *похороны*, *поминокы*, *комчина* и т. д.: они идутъ ко всякой эпохѣ и ко всякой религіи, гдѣ существуетъ погребальный ритуаль.

Очевидно, что для насъ важны слова первыхъ двухъ категорій; другія, впрочемъ немногочисленныя, не идутъ къ дѣлу, но во отстраненіе сомнѣній, мы осматриваемъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка: Изборникѣ 1078 года, Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ, переводѣ словъ Григорія Богослова и т. д. — греческій *κατάβητος* и

пронзв. прилаг. — передаются по-славянски словами: *порода*, *породный*, — *скый*, греческое же *γέννα* — словами: *родъ*, *родство*, *родъ огненный*, *родство огню или огненным огню родный или родственный*¹⁾. Слова эти никакъ нельзя принимать за народные и дѣйствительныя, тѣмъ менѣе можно искать въ нихъ слѣдовъ древняго языческаго быта: передавая греч. *παράδεισος* словомъ *порода*, переводчики желали, какъ кажется, избѣжать употребленія языческаго термина — *рай* и для этого только слегка славянизировали греческое слово; что слово *рай* имъ было извѣстно, это доказывается обстоятельствомъ, что въ тѣхъ же памятникахъ мы встрѣчаемъ и его, но какъ-бы обмолвкой, ни-моходомъ²⁾. *Родъ*, *родство* въ значеніи *семьи* явились: во-первыхъ, вслѣдствіе отсутствія народнаго термина, который могъ бы обозначать предметъ, чуждый понятіямъ язычника, во-вторыхъ же, по близости и снѣшенію двухъ греческихъ словъ: *γέννα* и *γέννα*, *γέννησις* = *родъ*, *родство*; въ другихъ памятникахъ *γέννα* передается описательнымъ выраженіемъ — *кзиро горацимъ или огнемъ* (Miklos. Lex. p. 1155), и не питѣи мы равносильнаго греческаго *γέννη τοῦ πυρός* — можно было бы думать, что въ образованіи его участвовали языческія воспоминанія о грозовомъ облачномъ (облако = воздушное море или озеро) мѣстопребываніи душъ усопшихъ. Въ Евангеліи 1307 г. греч. *ἀβύς* переводится выраженіемъ *темный омутъ*³⁾, но это передача буквальная древне-классическаго представленія о мрачномъ являщѣи тѣснѣи.

Остановимся еще на другихъ словахъ.

1) Востоковъ, Словарь церковно-славян. языка т. 1. 155, 310; Miklosich, Lexicon palaeosloven. W. 1864. p. 629, 802.

2) См. Описание рукоп. Синодал. библиот. отд. второй (т. 3-ий М. 1859), стр. 114, 149, 261, 398, 428 и т. 2-ой (М. 1857) стр. 12.

3) Бусласъ, Палеограф. и филологич. матеріалы для ист. письменъ. М. 1855. стр. 33. Удивительно, однако же, что эти придуманные термины придуманы разными лицами почти въ одно и то же время, ибо встрѣчаются въ различныхъ одновременнохъ памятникахъ; быть-можетъ, они идутъ изъ одной школы, отъ одного учителя.

Въ чешскихъ глоссахъ къ С.-Галленскому Словарю (*Mater verborum*) мы находимъ слово *zaromisce* — жаровище; имъ передается латинское «*priga, rognis i lignorum constructio, in quo mortui comburuntur*». Этому термину Воделъ усвоивалъ погребальное значеніе, заключая отсюда, что многія, сходныя съ нимъ, имена мѣстностей въ Чехазъ и въ Моравѣ обозначаютъ именно мѣста, гдѣ въ древности сожигались тѣла усопшихъ славянъ¹⁾. Нельзя отрицать, что терминъ *жаровище* могъ имѣть встарину и погребальное значеніе, но едва ли это значеніе было исключительное, и потому едва ли справедливъ выводъ, взъ него сдѣланный: кажется, что слово имѣло болѣе общее значеніе мѣста, гдѣ дѣйствовалъ огонь (такъ и въ новоболгарскомъ имъ обозначается очагъ), что глоссаторъ къ готовому латинскому тексту прибавилъ только описательное чешское выраженіе, которое столь же мало указываетъ на языческую древность, какъ и церковно-славянскія слова: *жсратикъ*, *жсратикъ*.

Шафарикъ²⁾ предполагалъ, что русское слово *булора*, происходя будто бы отъ *Бол*, имѣетъ религіозное значеніе, и такимъ образомъ здѣсь какъ бы замѣчаются слѣды религіознаго поклоненія мертвымъ; но *булора* въ русск. яз. никогда не значитъ собственно *Grabhügel* = могила: это только возвышеніе всякаго рода, притомъ — вѣрнѣе будетъ думать, что это слово сложное, подобно чешск. *pa-hor*, — *rek*, *pa-hrb*, польск. *pa-gdrek*³⁾.

Нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются, чтобы слово *курганъ* было тюркскаго происхожденія (новоперс. *gur-chané* = могильный домъ, или джагатайск. *kurgan* †); они готовы допустить его славянское происхожденіе и образованіе *per metathesin* изъ *круп—анъ*, но такое мнѣніе не имѣетъ никакихъ основаній: туземное происхожденіе слова видно уже изъ того, что это

1) Wocel, Grundzüge d. böhmisch. Alterthumsk. Pr. 1846, p. 87.

2) Schaffarik, Die Abkunft der Slaven. Of. 1828, p. 129.

3) Хотя нѣсколько приходитъ на мысль и объясненіе этого слова съ дреш. *bahil*, нм. *bübel*.

† Muchlinski, Zródłostownik. Pet. 1858, p. 72.

слово — не народное, его нѣтъ ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, кромѣ русскаго книжнаго, куда оно зашло отъ южныхъ тюркскихъ сосѣдей, хотя — еще въ давнее время (*молочанскій курганъ* упоминается въ I новгород. лѣтописи подъ 1224 год.).

Поюста (*pxyca, paguz?*) въ нынѣшнемъ языкѣ употребляется въ смыслѣ кладбища, мѣста погребенія; основываясь на этомъ, пок. Неволнинъ предполагаетъ, что такое значеніе слово могло имѣть и въ языческой старинѣ, что погосты тогда были мѣстами общественнаго богослуженія, когда совершались и празднества въ честь усопшихъ, увеселенія и угощенія ихъ¹⁾; но въ древнихъ русскихъ памятникахъ IX — XIV вв. с. л. погостъ употребляется для обозначенія сельбща въ родѣ слободы или села, позднѣе оно значить приходъ церковный, и нигдѣ не видно, чтобы оно имѣло языческое религиозное или погребальное знаменованіе, такъ что послѣднее должно отнести ко вліянію христіанства, гдѣ до XVIII в. умершихъ хоронили на церковныхъ дворахъ.

Покута, *покута* въ обл. смолен. = кладбище и служеніе по покойникѣ: поставивъ эти наименованія въ связь со словомъ *кута* — уголь внутри избы или дома, можно прійти къ догадкѣ, что они скрываютъ отголоски языческой старины, что прахъ мертвыхъ отцовъ, покровителей родного крова, останки ихъ — хоронились въ главномъ углу жилища, какъ домашнія святыня, позднѣе же, подъ вліяніемъ христіанства, терминъ получилъ общее знаменованіе мѣста покоя усопшихъ....; догадка сама по себѣ ничуть не странная: въ подтвержденіе ся можно привести много суевѣрныхъ обыкновеній и понятій народа, не мало и положительныхъ свидѣтельствъ изъ старины родственныхъ племенъ²⁾; но допустить се въ настоящемъ случаѣ едва ли возможно, потому что эти термины — очевидно христіанскіе: они идутъ отъ слова *калми-ся* и имѣютъ въ разныхъ нарѣчійхъ нравственно-

1) Неволнинъ, О вѣтнихъ и погостахъ Новгородскихъ, въ Записк. Географическаго Общества т. VIII, Сиб. 1853, стр. 86—90. Сравн. *Novicia II* отд. Акад. Наукъ т. 2, 1853 г. стр. 239—267.

2) *Reichholz, Deutscher Unsterblichkeitsglaube. B. 1867, p. 237 sq.*

церковное значеніе покаянія, покаяннаго служенія. мѣста и его юридическое значеніе наказанія (Jungst. III, 256; Linde, IV, 294).

Kar словац. и *Karmina*, — а серб.- хорват. = поминки, погребальный пиръ — кажется должно признать заимствованными отъ другихъ народовъ: въ этомъ убѣждаетъ насъ совершенное однопочество словъ въ славянскихъ лексиконахъ и сличенія съ готск. *Kara* = *sorge*, *kūsmerniss*, *klāge*, др. в. и. *charōn* = *lamentari*, нов.-н. *char-freitag*; ниж.-н. *karmen* = *wehklagen* и наконецъ, латин. *carmina* (*super mortuos*?).

Каутуры, *калтуры* въ белорус. = похороны и въ тѣсномъ значеніи: сѣзованіе по мертвомъ еще до погребенія, терминъ чужеземный, заимствованный изъ Шкипетарскаго: *калас* — хороню, прячу, причаст. фор. с *калтура* — похороны¹⁾. Трудно опредѣлять, какъ зашло это слово на Русь, быть-можетъ съ переселенцами, или еще въ то время, когда воюхя нашли на дунайскихъ славянъ и сѣли въ нихъ.

Непонятнымъ остается для насъ слово *коломнице*, которое встрѣчается въ русскихъ памятникахъ²⁾ въ смыслѣ мѣста погребенія. Но всего менѣе пригодны для насъ слова заимствованныя и притомъ въ позднюю эпоху, таковы: *трума*, *трума*; употребляемое въ малороссійскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ для обозначенія гроба: это испорченное средне-латинское *tumba*; *truhla* — въ нарѣчіяхъ чешскомъ, словац. и лужицкомъ = ящикъ, потомъ — гробъ, кажется нѣмецкое *die Truhe*; нлр. *цемингар*, польск. *smętarz* = латинское *coemeterium* или греческое *κομιταριον*.

1) Извѣстія 2-го отд. Академіи Наукъ, т. X, стр. 161. Нр. Е. Тузакіевск. *Kzut oka na wzgórla Archeologii krajowej*. Wil. 1842. 6 str. w рггсr.

2) Древняя Россійская Визавіонка, часть XIV, М. 1790 г. стр. 149 и 172: си мертвыхъ де своихъ они кладутъ въ сѣдѣхъ по вурганакъ и по коломнице. *Дуриче* (Bibliotheca Slavica. I, Wis. 1793, p. 78) приводитъ одно мѣсто изъ грамоты Лудовика 832 г., которое, кажется, можетъ навести на объясненіе слова: *ante ad mediam montem, qui apud Uinidas Colesmezka vocatur* = коло — лежа; *ице* — русск. окончаніе увеличительнаго, потому *коломнице* = холмище = гора.

τήριον; рус. *косиры*; взятое, быть-можетъ, изъ древне-сѣвернаго *kōstr* или греч. *κῆστρα*, — στήριον¹⁾).

Когда и какими путемъ ни зашли бы къ намъ эти термины, но очевидно, что они не имѣютъ ничего общаго съ языческимъ бытомъ славянъ.

НАРОДНЫЙ БЫТЬ.

Въ суетврныхъ обычаяхъ простаго народа до сихъ поръ сохраняются черты далекой старины; онѣ уцѣлѣли силою непрерывнаго преданія, связующаго отходящія поколѣнιά съ нарождающимися, которыя не сумѣли или не чувствовали нужды замѣнить эти старые порядки — новыми. Привязанность къ старинѣ, полагая иногда серьезныя преграды успѣхамъ народной мысли и образованности, имѣетъ, такимъ образомъ, ту добрую сторону, что даетъ наукѣ средства оживить многія страницы древней жизни — поясненіемъ ли темныхъ намековъ другихъ показаній, или восстановленіемъ того, что вовсе забыто или обойдено ими. Важное значеніе народнаго быта, какъ источника науки древности, уже признано и оправдано, по крайней мѣрѣ — на столько, что попытка воспользоваться его матеріаломъ уже не можетъ показаться неумѣстною; напротивъ — она тѣмъ необходима, что есть и достаточныя средства идти надежной дорогой къ заключеніямъ достовернымъ и важнымъ.

Выше (стр. 14—16) мы имѣли поводъ отмѣтить особенности исторической жизни обычаевъ и опредѣлить по отношенію къ нимъ общую задачу изслѣдователя древности; теперь — время опредѣлить основанія, которыхъ мы будемъ держаться, допуская тѣ или иные обычаи въ кругъ нашего разсмотрѣнія и предлагая объясненія ихъ.

Суетврный народный обычай почти всегда есть окаменѣлый, измѣненный временемъ и случайностями жизни, поблекшій и вы-

1) Юнгманъ (Skiznik II, 141) и нѣкоторые другіе принимаютъ славянское происхожденіе этого слова, какъ *kostran*, *k-ost-r-y*, *kostraty*, рус. *кострома*, — *убаты*, — *убъ*.

вѣтрившійся — образъ явленія, имѣвшаго когда-то свой смыслъ и достаточную причину своего существованія....; такъ должно думать, потому что, думая иначе, въ исторію придется внести огромную массу явленій бессмысленныхъ и безпричинныхъ. Но не всякій бытующій въ народѣ суевѣрный обычай есть непременно остатокъ далекой языческой старины: каждое время можетъ творить новые обычаи и порядки, какъ только представляется въ томъ потребность и возможность исполненія; дальнѣйшее движеніе жизни создаетъ новые, уноситъ многіе изъ старыхъ, но не всѣ; часто цѣлыя вѣка они продолжаютъ свое существованіе подъ видомъ унаслѣдованныхъ суевѣрныхъ привычекъ и обыкновеній; съ ними тѣмъ труднѣе бываетъ разстаться, тѣмъ менѣе извѣстна ихъ причина и происхожденіе; такимъ образомъ, каждое время можетъ оставить въ наслѣдство другому и многіе суевѣрные обычаи, потому нѣтъ основаній сводить всю массу суевѣрій, облекающихъ нынѣ народную жизнь, къ единственному источнику языческой древности: это — результатъ всего прожитаго до настоящаго дня, а не одной какой-нибудь исключительной эпохи, здѣсь собраны разнородныя воспоминанія, слѣды различныхъ временъ и вліяній¹⁾.... Такъ, весь запасъ народныхъ обычаевъ, относящихся къ концу человѣческой жизни и погребальному обряду, представляетъ собою нестройный сборъ разновременныхъ и разнохарактерныхъ явленій: одни, дѣйствительно — идутъ изъ далекой до-христіанской старины, другіе видимо образовались впоследствии, подъ вліяніемъ новыхъ началъ, наконецъ — третьи не носятъ никакой определенной помѣты и одинаково могутъ быть усвоены всякому времени: древнему, какъ и новому; языческому, какъ и христіанскому.

Задача наша указываетъ, что мы должны принять во вниманіе только древніе обычаи, идущіе изъ языческаго источника.

1) Для примѣра стоитъ вспомнить здѣсь только одинъ фактъ русской старины, именно — возникновеніе многихъ суевѣрныхъ понятій и обычаевъ отъ чтенія книгъ *апокрифическихъ*, которыя уже никакъ нельзя отнести къ языческой славянской древности.

Древность ихъ опредѣляется для насъ столько же согласіемъ и связью ихъ съ древнимъ бытомъ, языческими вѣрованіями и воззрѣніями на загробное существованіе, сколько и отсутствіемъ такой внутренней связи ихъ съ христіанскими вѣрованіями и понятіями. Погребальный обрядъ относится къ явленію жизни, въ христіанскомъ смыслѣ важному и знаменательному: съ нимъ связаны догматы о будущемъ воскресеніи, вѣчномъ духовномъ блаженствѣ праведныхъ и вѣчной мукѣ грѣшныхъ; христіанская религія не могла произвести погребальныхъ порядковъ, неосвященныхъ присутствіемъ такой высокой мысли, она не могла вызвать и укрѣпить обычаи, которые своимъ земнымъ, матеріальнымъ характеромъ такъ рѣшительно противорѣчили ея истинамъ; потому, находя въ погребальныхъ обычаяхъ несогласіе съ религіозными основапіями христіанства, должно думать, что сила, создавшая такіе обычаи, была иная, именно — предшествовавшая воззрѣнія и вѣрованія народа. Незаловажнымъ признакомъ древности обычаевъ можетъ служить и тожество или сходство ихъ съ однородными фактами жизни другихъ родственныхъ племенъ, хотя отсюда не *esse* еще можно заключать о непрѣмѣнномъ происхожденіи этихъ явленій въ эпоху племеннаго единства: одинакія воззрѣнія и условія жизни могутъ и въ позднее время породить одинаковые обычаи у различныхъ племенъ.

Суетѣрные обыкновенія, происхожденіе которыхъ остается сомнительнымъ: древнему — языческому, или новому времени принадлежать они — не входятъ въ наше разсмотрѣніе, по большей части они случайны и вообще мало имѣютъ историческаго значенія.

Теперь о способѣ объясненія обычаевъ: онъ опредѣляется ихъ происхожденіемъ и причиною, которыя, въ главныхъ чертахъ, уже получили въ наукѣ свое обозначеніе. Причина возникновенія обычаевъ есть причина — жизненная: стремясь дать осязательную форму своимъ мыслямъ, удовлетворить матеріальныя и нравственныя потребности своей природы и жизни, народъ приводится къ вѣдѣннымъ поступкамъ и ирѣмамъ дѣйствія, ко-

торыя и крипнуть въ обычаи. Такъ произошли вообще всѣ древніе обычаи, но одни изъ нихъ явились путемъ заведомо разумнаго побужденія, иначе вслѣдствіе сознательнаго изобрѣтенія, или исторической необходимости, другіе возникли, какъ бы помимо воли человѣка, дѣйствіемъ тѣхъ же внутреннихъ, природою въ него вложенныхъ силъ, которыя увлекаютъ его къ бессознательному творчеству и въ языкѣ и въ поэзіи.

Поставленный ребенкомъ предъ природою, человѣкъ въ началѣ и поступалъ, какъ ребенокъ: могучія явленія природы, міръ небесныхъ чудесъ, представлялись его младенческому уму и живой фантазіи въ образахъ *дѣйствій* и *омноженій* живыхъ, болѣе чѣмъ онъ сильныхъ, существъ; пораженный ихъ впечатлѣніемъ и движимый врожденнымъ стремленіемъ дѣйствовать или нуждой, онъ невольно подражалъ на землѣ тому, что, по его понятіямъ, происходило въ сферѣ небесной; конечно — подражалъ не всадъ и не безсмысленно, но тамъ, гдѣ его умъ, слѣдуя первымъ заключеніямъ, открывалъ какое-нибудь соотношеніе между явленіями и понятіями: желая, напр., низвести дождь на свои воли, человѣкъ-младенецъ производилъ громъ орудіями, такъ какъ онъ замѣтилъ, что въ природѣ гроза обыкновенно раздражается дождемъ. Имъ руководить здѣсь столько же бессознательное стремленіе ребяческой перенимчивости, сколько и не менѣе ребяческая мысль, что поступая тк. обр., онъ даетъ своей жизни порядокъ, обезпечить ея благосостояніе, отвратить грозящія несчастія, словомъ — достигнуть того, чего желаетъ: его развивавшееся религиозное чувство заставляло въ небесныхъ явленіяхъ предполагать нравственный и благой смыслъ, и тѣмъ скорѣе онъ бралъ отсюда образцы для своихъ дѣйствій....

Какъ *мномы* были невольнымъ выраженіемъ поэтическихъ воззрѣній народа на міръ, невольными формами его мысли, стремившейся понять и объяснить явленія природы, такъ многіе обычаи были столь же невольнымъ житейскимъ осуществленіемъ этихъ воззрѣній и мыслей: народъ переносилъ ихъ въ среду дѣй-

ствительной жизни и примѣнять къ различнымъ ея обстоятельствомъ и случайностямъ.

Это — обычай *минимистическаго* источника; число ихъ въ глубокую старину было гораздо значительнѣе числа тѣхъ, которые явились вслѣдствіе сознательнаго опыта жизни, какъ прямой выводъ ума изъ необходимыхъ и случайныхъ явленій быта, потому что послѣдніе подвержены безпрерывному историческому превращенію, первые же, рано получивъ религіозное значеніе, окрѣпли въ темное суевѣріе, которое долго жило, еще и теперь живетъ въ быту простого народа; ибо чтó завѣдомо создано рукой его, то можетъ быть нарушено при первомъ случаѣ необходимости, передавая же отъ пращуровъ темная святыня уступать только силѣ времени и просвѣщенія.

Двумя источниками: мпическимъ и бытовымъ, еще однако не объясняется происхожденіе всѣхъ обычаевъ: есть между ними такіе, которые создались исключительно *силой языка*, вслѣдствіе забвенія первоначальнаго значенія словъ и тожества именъ при обозначеніи различныхъ предметовъ: называя, наур., *тучу* (облако) и *корову* однимъ и тѣмъ же именемъ *го* (по родству вышшняго впечатлѣнія предметовъ), индусъ эпохи Ведъ въ погребальномъ гимнѣ возсылалъ пожеланія, чтобы душа усопшаго была перенесена *облакомъ* въ обитель блаженныхъ отцовъ; но когда, позднѣе, помутилось значеніе термина, тогда возникъ странный обычай приводить къ умирающему *корову*, держась за которую, онъ думалъ облегчить душѣ переходъ въ вѣчное жилище.

Возвращаясь къ нашему предмету, мы увидимъ, что дѣйствительно одни изъ погребальныхъ обычаевъ могутъ быть объяснены не иначе, какъ запасомъ *миническиихъ воззрѣній* народа на явленія смерти, существо души и ея посмертное бытіе (будутъ ли это — обычай *природообразательные*, или они возникли по требованію мысли — разница не велика), другіе вышли изъ *историческихъ обстоятельствъ* или *условій быта*; найдутся, конечно, и обычай происхожденія *министическаго*, но чтобы объяснить эту сторону предмета, необходимо имѣть гораздо болѣе средствъ,

чѣмъ какни въ настоящее время располагаетъ изслѣдователь славянской древности: мы разумѣемъ здѣсь слабость сравнительной разработки лексикона славянскихъ нарѣчій.

Пройдя черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, испытавъ рѣшительное вліяніе новой, высшей религіи, погребальныя обычаи не могли уцѣлѣть въ своей рѣзкой, оригинальной формѣ: многія древнія стороны ихъ ушли вмѣстѣ съ жизнью или поблекли, другія — смягчились и получили иное знаменованіе. Возстановить черты древности здѣсь можно только при посредствѣ сравнительныхъ сопоставленій и сближеній съ однородными явленіями жизни другихъ родственныхъ племенъ, ибо они, болѣе насъ богатые свѣдѣтельствами старины, часто могутъ указать еще живые образы тѣхъ явленій, отъ которыхъ у насъ лишь одни глухіе отголоски; но опредѣливъ свою задачу изслѣдованіемъ погребальныхъ обычаевъ языческихъ *славянъ*, мы находимъ нужнымъ ограничить употребленіе сравнительнаго метода: матеріалъ, предлагаемый стариной родственниковъ племенъ — для насъ не цѣль, но только *обяснительное средство*, значеніе его мы измѣряемъ фактами славянской жизни и потому оставимъ безъ вниманія всѣ тѣ, сами по себѣ важныя и любопытныя, явленія его, которыя не находятъ прямаго соотвѣтствія съ славянской стариной, могутъ быть обходими или ничего не даютъ для ея объясненія. Спора нѣтъ, что необходимо въ наукѣ и сопоставленіе различій: этимъ ярче отдѣляется этнографическая сторона быта различныхъ племенъ, но или теперешніи средства науки слабы, или частныя наши средства, только — въ области погребальной старины индо-европейскихъ племенъ мы не усматриваемъ такихъ противоположностей, которыя могли бы повести къ важнымъ этнографическимъ заключеніямъ: большинство обычаевъ вышло изъ общаго источника и, вѣроятно, еще въ доплеменную эпоху исторія дѣйствовала на нихъ слабо — и вотъ почему, при богатствѣ сходства, мы встрѣчаемъ здѣсь такъ мало различій, имѣющихъ историко-этнографическое значеніе.

Погребальныя обычаи ивонческаго источника понутились очень

раво: выходя изъ младенческаго возраста въ новыя формы быта, приобретаемая новыя понятія, народъ постепенно забывалъ смыслъ своихъ обычаевъ и держался ихъ только по преданію, можетъ-быть именно потому, что не могъ разрѣшить ихъ загадки; такимъ образомъ, прежнія *сознательныя* дѣйствія стали дѣйствіями *темной и неведомой* причины, безъ разумнаго отношенія къ жизни; и когда мы определяемъ *смыслъ* ихъ, наши опредѣленія относятся не къ этому позднему времени ихъ неразумнаго существованія, но къ эпохѣ ихъ возникновенія и сознательнаго употребленія; иными словами: говоря о *смыслѣ* извѣстнаго обычая, мы не имѣемъ въ виду выразить, что именно *такъ* всегда понимаетъ ихъ и самъ народъ¹⁾, но желаемъ лишь указать затерянную причину явленія и поводъ его присутствія въ жизни.

Запасомъ бытовыхъ погребальныхъ фактовъ мы воспользуемся впоследствии, въ связи со всѣми прочими данными предмета; здѣсь же остановимся только на тѣхъ явленіяхъ быта, которые, хотя и не относятся прямо къ погребальному обряду, но по внутреннему родству съ нимъ могутъ имѣть нѣкоторое значеніе при его объясненіи.

Въ извѣстномъ трудѣ своемъ «о сожженіи тѣлъ» (*Über das Verbrennen der Leichen*), Я. Гриммъ высказалъ мысль, что способы казни преступниковъ стояли въ эпоху язычества въ соотношеніи съ жертвенными и погребальными обрядами, ибо что для мертваго было почестію, то для живаго обращалось въ наказаніе²⁾; вѣрную мысль эту еще съ большимъ правомъ можно распространить на послѣдующее время: можно думать, что подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій — древняя погребальная почестъ прямо перешла въ *назорную казнь*. Уклонившіяся съ прав-

1) Напротивъ — онъ всегда почти объясняетъ ихъ другимъ образомъ, и такіа толкованія, будучи попыткой досужей позднѣйшей мысли, рѣдко тѣмъ могутъ служить при точномъ объясненіи обычаевъ; они любопытны совершенно въ другомъ отношеніи: въ нихъ безсознательно иногда высказываются восторженныя черты старинныхъ вѣрованій и понятій.

2) *Kleinere Schriften*, II (1868), p. 220—221.

ственнаго пути христіанина, преступникъ лишается права на *неосмыслимо мирную* христіанскую кончину: поворная жизнь заслуживала и вѣнца позорнаго, — и что же было позорнѣе стараго языческаго нечестія? Чѣмъ ближе можно было покарать преступника-христіанина, какъ не *языческою нечестію*? Вотъ почему исполнительный обычай казни, если онъ не опредѣлялся чужеземными юридическими институтами (напр. римскимъ), почти всегда попадалъ въ колею языческаго погребальнаго обряда¹⁾.

Войдемъ въ нѣкоторыя частности.

Сожженіе на костръ — одинъ изъ обыкновенныхъ способовъ казни въ обычномъ правѣ славянской старины; ему подвергались тѣ личности, которыя, по народнымъ понятіямъ, стояли въ связи со злыми, враждебными челоуѣку, силами, таковы: вѣщія жонки-вѣдмы, волхвы, вампиры²⁾; согласно съ такимъ взглядомъ и законодательство усвоило эту казнь для колдуновъ, колдушій, еретиковъ и святотатцевъ³⁾. Огонь является здѣсь не простымъ средствомъ казни, но имѣетъ особое назначеніе, какъ очистительная стихія. Сожженіе въ этихъ случаяхъ столько же — казнь, столько и забота объ успокоеніи души, огненное очищеніе ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ — очищеніе земли отъ губительнаго начала. Близость обычая съ языческимъ погребеніемъ — очевидна. Замѣчательны нѣкоторыя частныя черты обычая: кое-гдѣ у славянъ вѣдмы сожигались на *терновомъ* огнѣ, вампировъ же прокалывали *терновымъ* коломъ и потомъ

1) Отсюда должимъ быть изъяты тѣ роды наказаній, которые опредѣлялись иными понятіями, такими: отсѣченіе членовъ (головы, руки, ноги, уха, пальцовъ), казни различной, т. е. привязываніе преступника къ далекому колу или хвосту его и т. д.

2) Поля. Собр. рус. Лѣт., т. III, годъ 1227 г.; т. V, годъ 1411. Wahylewicz, въ *Sazoria Ceskeho Museum*, 1839, стр. 57, *ibidem* 1840, стр. 235, 237. Шелышевъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. т. II. М. 1850, стр. 86 (слово Серапіона). Сожженіе живыхъ по поводу мороваго нещѣтрія. См. II. Собр. рус. Лѣт., III (1841), 42 стр.

3) Уложеніе царя Ал. Мих. га. I, Котоминкинъ. О Россіи (надъ 1859), Спб. стр. 95—6; Полное собраніе русскихъ лѣтоц. т. IV годъ 1509 г.. Сожженіе вѣдунговъ и расколочителей въ XVII—XVIII вв. — общезвѣстно.

сожигали¹⁾. Если позволительно по криминальной практикѣ заключать о погребальной, то нельзя ли здѣсь допустить догадку, что в славянской старинѣ не былъ чуждъ обычай сожигать мертвецовъ на кострѣ изъ особаго рода дерева — терновника (сербск. глогъ); о такомъ обычаѣ у германцевъ говоритъ Тацитъ (*id voluit observatur ut corpora clarorum virorum certis lignis crementur....*; Ger., cap. 27), и Гриммъ приводитъ рѣшительныя доказательства, что этотъ *извѣстный родъ* дерева былъ *терна* †. Догадка будетъ тѣмъ позволительнѣе, что съ одной стороны — обычай могъ образоваться еще въ эпоху племеннаго единства ††, съ другой — мнѣе релігіозное значеніе *терна*, какъ символа небеснаго огня, до сихъ поръ живетъ въ быту славянъ во множествѣ повѣрій и суевѣрныхъ обрядовъ²⁾. Для погребальной старинны, можетъ-быть, имѣеть нѣкоторое значеніе и та черта, что иногда сожигали въ *срубѣ*³⁾.

По Литовскому Статуту (Розд. 11, арт. 7), за убійство отца или матери — преступника сажали въ мѣхъ вмѣстѣ съ *исома*, *мѣтухомъ*, *ужомъ* и *кошкой*, затѣмъ — *топили въ водѣ*; равнымъ образомъ, въ народныхъ обычаяхъ въ старину бывали примѣры, что при моровомъ повѣтріи (или коровьей смерти), женщину, заподозрѣнную въ злыхъ умыслахъ, завязывали въ мѣшокъ съ кошкою и вѣтухомъ и топили или зарывали въ землю⁴⁾. Въ погребальной старинѣ мы найдемъ не только прямыя соответствія, но и разгадку этихъ символовъ: тамъ они имѣютъ и достаточный смыслъ, и свою причину, тогда какъ здѣсь — они со-

1) Вагнелвичъ loc. cit.; Arkiv za poviestnica jugoslav. Kn. II, стр. 389, 421; кн. VII, 228; Поповъ, Путешествіе въ Черногорію. Спб. 1847, стр. 221.

† Kleinere Schriften II, p. 244 и слѣд., 253 и слѣд.

†† Кuhn, Herabkunft des Feuers.... В. 1859, стр. 46, 236.

2) А. Потебня, О мнѣе релігіозномъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ.... М. 1858, стр. 307 и слѣд.

3) Такъ сожжены были извѣстные наши расколуучители въ 16—17 вв. См. «Исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», разсказ.

4) Снегиревъ, Русскіе престонародные праздники.... т. I, М. 1837, стр. 304; Сахаровъ, Сказанія русскаго народа. Т. II. Спб. 1849, книга 7-ая стр. 14.

вершено непонятны. *Потопить въ воду* преступника, *сбросить тѣло его въ рѣку или море* — обычай столь же перѣдкій въ старинѣ, какъ и сожженіе †; подобно послѣднему, онъ также согласуется съ древними возрѣніями на область загробной жизни; самъ по себѣ онъ, конечно, не можетъ служить прямымъ свидѣтельствомъ о бытованіи у славянъ погребальнаго обычая *отправляема усопшихъ въ страну отцовъ путемъ воды*, но въ связи съ другими о томъ намеками, долженъ, кажется, получить нѣкоторое значеніе.

Смерть на *исслами*, столь позорная въ христіанскомъ мірѣ, въ язычествѣ вовсе не имѣла такого смысла: повѣшеніе и душепіе было обыкновеннымъ способомъ принесенія жертвы, и въ душа выводилась изъ своего сѣдалища и отправлялась въ горнюю область¹⁾; такимъ понятіемъ объясняются нѣкоторыя стороны языческихъ погребальныхъ обрядовъ; съ ними мы встрѣтимся немедленно.

Не бесполезны для нашей цѣли также и тѣ обычай, которые соблюдаются при похоронахъ лицъ или неполучившихъ христіанскаго знаменія крещенія, или насильно разорвавшихъ жизненные связи, какъ самоубійцы. Скончавшись не христіанскою кончиною, они и погребаются не по христіанскому обряду, но по древнему языческому, хотя и ослабѣлому: они удалены съ мѣста общаго покоя, ихъ хоронятъ *одиночно*, *подъ семейнымъ порогомъ*²⁾ или на *раздорожьи*, *перекресткахъ* и *путяхъ*; иногда на ихъ могилѣхъ

† Полн. собр. рус. глѣт. т. VI, подъ 1498 г. Миладиевичи. Булгаринъ, нар. пѣсни. Загр. 1861 г., стр. 186, 188.

1) Религіозно-жертвенное значеніе этого рода казни основательно объяснено Либректомъ въ «*Zeitschrift für Deuts. Mythologie*», II (Göt. 1855), p. 407 и слѣд., ср. также *Orient and Occident* (G. 1863) II, 274 sq. Этотъ языческ.-жертвенный характеръ удуманія объясняется и протесты русскаго духовенства противъ употребленія въ пищу удавленныхъ.

2) Такъ хоронятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи некрещенныхъ младенцевъ.

сбирается и горитъ костеръ, эта умиротворяющая старая жертва ихъ оспротѣлымъ, безпріютнымъ душамъ¹⁾.

Въ заключеніе отиѣтимъ еще одинъ обычай. Въ своемъ словѣ о *малопрѣи* блаж. Серапіонъ (XIII в.) обращается съ укоромъ къ современникамъ, что они, видя имль Божій (всякія природныя бѣдствія, засуху и т. д.), заповѣдаютъ: «кто буде *удаленика* или *утопленика* погреблъ, не погубите люди, сихъ *выгребите* †; обычай былъ еще столь силенъ въ началѣ 16 вѣка, что Максимъ Грекъ счелъ обязанностью вооружиться противъ него особымъ *посланиемъ*. «Кій отвѣтъ сотворимъ въ день судный, говорилъ онъ, тѣлеса утопленихъ или убиенихъ и поверженыхъ не сподобляюще я погребанію, но на поле извлекше ихъ, *отымаемъ* *колемъ*, и еже беззаконнѣйше и богомерзко есть, яко аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими садима и сѣмена пани не преснѣвають на лучшее, оставивше молитесь содѣтелю и строителю всѣхъ.... аще увѣмы нѣкогого утопленнаго или убитаго незадвна погребена.... *раскопаемъ* *окаяннаю* и *извержемъ* *его* *имидь* *далъ* и *не* *погребсна* *покинемъ*.... по нашему по премногу безумію виновно стужи мнѣше быти погребеніе его»²⁾. Запрещеніе хоронити утоплениковъ и самоубійцъ мы встрѣчаемъ и у другихъ славянскихъ племенъ³⁾, такъ что нельзя не отнести этотъ обычай ко времени древнему. Всякія природныя бѣдствія: бездождіе, градъ, безвременный морозъ — народъ приписываетъ вліянію несчастныхъ, погибшихъ насильственной смертью: ихъ блуждающія души какъ бы мстятъ за неестественную разлуку съ жизнью, они вихремъ и грозой посята въ воздухъ и нарушаютъ порядки природы⁴⁾; но зачѣмъ откапываютъ ихъ или

1) См. ниже, при разборѣ свидѣтельства Оттона Банбергскаго.

† Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій Монастырь, Ч. II, М. 1850, стр. 87.

2) Сочиненія Максима Грека, ч. III, Каз. 1862, стр. 170—1.

3) Славловіа, Slavonien und Croatien, Pesth т. I, 1819, стр. 187.

4) Объясненіе такого представленія о дѣйствіяхъ души см. въ началѣ заключительной части.

оставляютъ вовсе безъ погребенія, повергая на поле и *сожигаля колѣсъ*? Нельзя ли предположить здѣсь слѣдовъ древняго погребенія, хотя и окончательно измѣненныхъ христіанствомъ; нельзя ли думать, что для успокоенія душъ, въ болѣе отдаленную старину, тѣмъ такихъ людей сожигались, что надъ ними совершался старый языческій обрядъ, который въ христіанствѣ оставилъ послѣ себя только отрицательный слѣдъ *непогребенія*? Источники не представляютъ прѣмага подтвержденія этой мысли, но едва-ли иначе можно объяснить существованіе обычая; въ подобной формѣ онъ былъ невозможенъ въ языческой древности: мнущіяся души нуждались въ благочестивомъ успокоительномъ обрядѣ, а не въ безчестіи непогребенія; вмѣсто покоя, послѣднее привнесло бы имъ только вѣчную мстительную тревогу; напротивъ, сожженіе, слѣдуя древнимъ понятіямъ, вполне умиротворяло ихъ, и самъ Серапіонъ, въ томъ же словѣ о маловѣрїи, свидѣтельствуеъ, что его современники *можжамъ оиенъ* неповинныхъ людей при тѣхъ же бѣдственныхъ случайностяхъ жизни: неурожаѣ, беадождїи, холодѣ.

СВѢДѢТЕЛЬСТВА ПИСЬМЕННЫЯ.

Число письменныхъ свидѣтельствъ о погребальной старинѣ языческихъ славянъ довольно значительно, важны и нѣкоторыя извѣстія, ими сообщаемыя; но въ большинствѣ они не отличаются опредѣленными подробностями и требуютъ строгой, разборчивой критики: немногія изъ нихъ входятъ въ предметъ ради его самого, другія же упоминаютъ о немъ только по случаю, такъ сказать мимоходомъ: христіанскій характеръ свидѣтелей какъ будто воспрещаетъ имъ остановиться со вниманіемъ на такомъ предметѣ, каковъ погребальный обиходъ язычества; потому такъ глухи, такъ случайны ихъ извѣстія, такъ мало въ нихъ подчасъ правдивой наблюдательности историка и такъ много элемента личнаго взгляда. Чтобы правильно оцѣнить эти извѣстія и каждому изъ нихъ назначить свое мѣсто, необходимо, прежде другого, положить различіе между фактомъ народнои жизни и

личнымъ на него *воззрѣнiемъ* свидѣтеля, между *необходимыми* явленiемъ быта и несущественнымъ, *случайнымъ* происшествiемъ; сколь не трудно иногда бываетъ провести такую черту различiя, мы не отступимъ, по возможности, отъ этого основного закона исторической критики источниковъ и, съ этою цѣлью, постараемся отдѣлить также и наши прямые выводы изъ фактовъ отъ предположительныхъ заключенiй и вѣроятныхъ объясненiй. Разсмотрѣнiе наше мы ограничиваемъ тѣми свидѣтельствами, которыя говорятъ объ *обрѣдахъ* и *обычаяхъ*, и рѣдко касаемся извѣстiй о *вѣрованiяхъ*: при всей стойкости своей — обычай и обрядъ болѣе подвержены видоизмѣненiямъ и портѣ, чѣмъ темное вѣрованiе: безотчетно передаваясь изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ, оно, такъ сказать, закрѣпляется имъ и ясно сквозитъ изъ-за своей оболочки, потому и не требуетъ особаго, предварительнаго осмотра; но обычай и обрядъ, часто не носящiе опредѣленнаго названiя, не имѣютъ условiй такой долговѣчности: они распространяются путемъ практики и, рано или поздно, должны уступить побѣдной силѣ времени: измѣненiя ихъ, а равно личныя воззрѣнiя на нихъ свидѣтелей — сами собою условливаютъ необходимость критики; впрочемъ, кое-гдѣ она необходима и относительно извѣстiй о вѣрованiяхъ, именно тамъ, гдѣ свидѣтель не умѣетъ угадать ихъ смысла и говорить о нихъ подъ влiянiемъ чисто-личныхъ понятiй. При неопредѣленности письменныхъ извѣстiй не всегда достаточнымъ бываетъ ближайшее буквальное объясненiе: приходится обращаться къ другимъ источникамъ, слѣчать письменныя показанiя между собою и взаимно повѣрять и пополнять ихъ. Вотъ причина, почему иногда мы принуждены будемъ заходить впередъ и для объясненiя одного источника приводить показанiя другого, о которомъ рѣчь идетъ еще далеко впереди; только во второй части труда, въ собственномъ изслѣдованiи, падѣмся, уляжется въ стройное зтогъ, неизбежный въ предварительной работѣ, беспорядокъ. Извѣстiя письменныхъ памятниковъ мы расположимъ въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ и лишь рѣшительныя, очевидныя за-

вмѣствованія помѣстимъ непосредственно вслѣдъ за ихъ источникомъ.

Иорнандъ (circa 551) въ 49 главѣ своего сочиненія «De Getarum origine et rebus gestis», слѣдую ведошедшему до насъ Прискову тексту, рассказываетъ о смерти Аттилы слѣдующее: найдя своего вождя умершимъ, гунны

«ut illius gentis mos est, crinlum parte truncata informes facies cavis turpavere vulneribus, ut proeliorum eximius non femineis lamentationibus et lacrimis, sed sanguine lugeretur virile»,

потомъ воздавали ему погребальную почесть слѣдующимъ образомъ:

«In mediis campis et intra tentoria serica cadavere collocato spectaculum admirandum et solenniter exhibetur. Nam de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, in modum circensium cursibus ambientes, facta ejus cantu funereo tali ordine referebant....»

слѣдуетъ погребальный гимнъ, прославляющій подвиги Аттилы....

«Postquam talibus lamentis est defietus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti comessatione celebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver terra recondunt. Cujus fercula primum auro, secundum argento, tertium ferri rigore communiunt, significantes tali argumento potentissimo regi omnia convenisse: ferrum, quo gentes edomuit, aurum et argentum, quod ornatum reipublicae utriusque acceperit: addunt arma hostium caedibus acquisita, phaleras variarum gemmarum fulgore pretiosas et diversi generis insignia, quibus collitur aulicum decus. Et, ut tot et tantis divitiis humana curiositas arceretur, operi deputatos detestabili mercede trucidarunt, emeritque momentanea mors sepelientibus cum sepulto». (ed. Closs. p. 170—2).

Какъ не смѣлымъ можетъ показаться желаніе отнести это свидѣтельство къ славянамъ и дать ему мѣсто въ наукѣ славян-

ской древности; но нельзя не признать, что въ томъ видѣ, какъ оно дошло къ намъ, на немъ видѣтъ нѣкоторое право остановиться и изслѣдователю славянской старины. Если сравнительная этнологія не оправдываетъ гаданій о славянствѣ гушновъ, то она и не отрицаетъ смѣшаннаго, составнаго характера племени Атталы; что славяне, на ряду съ другими племенами, могли и должны были войти въ дружину гушновъ — противъ этого спорить трудно, видя въ виду какъ историческія, такъ и лингвистическія соображенія: прежде другого насъ останавливаетъ тотъ терминъ, который Иорнандъ, или его источникъ, употребляетъ для обозначенія погребальнаго пиршества гушновъ, именно *страда*.

Гриммъ усвоиваетъ это слово готскому племени, онъ производитъ его отъ глагола *straujan — sternere, stravida*; по его мнѣнію, оно имѣетъ значеніе костра, кучи, погребальнаго ложа для сожженія мертвеца¹⁾; Дифенбахъ также принимаетъ его въ свой готскій глоссарій, замѣчая, впрочемъ, что Иорнандова форма — латинизирована (по-готски должно было быть *stravo?*) и что нѣмецкое происхожденіе термина остается подъ сомнѣніемъ²⁾. Предположеніе Гримма находитъ нѣкоторую поддержку въ извѣстіи схоластика (Лактанція) къ Стаціевой Тебандѣ: «*exuviis hostium, говорятъ онъ, extruebatur regibus mortuis pyra, quem ritum sepulturae hodie quoque barbari servare dicuntur, quem strabam dicunt lingua sua*»; но намъ представляются причины сомнѣваться и въ исключительно готскомъ происхожденіи слова, и въ исключительно такомъ его знаменованіи: какъ готъ, Иорнандъ, кажется, долженъ былъ бы выразиться о родномъ терминѣ опредѣленнѣе, чѣмъ глухими словами: «*quam appellant ipsi*» т.-е. гушны; для него оно, видно, было незнакомо; сверхъ этого,

1) Grimm. Über das Verbrennen der Leichen in Kleinere Schriften. t. II, p. 259. cf. статью ею же: Über Diphthongen nach weggefallenen Consonanten, ibidem, t. III, p. 155.

2) Lexicon Comparativum Linguarum Indo-germanicarum t. II, p. 341—2 и t. I, p. 80.

Аттила скончался не въ бою съ врагами, тѣло его не предавалось сожженію, *страва праздновалась* «*super tumulum ejus*» и притомъ — «*ingenti comessatione*», т. е. торжественнымъ, обрядовымъ пиромъ, и потому не могла обозначать погребальнаго костра, «*exuviarum hostilium molem*»; стало быть позволительно искать *имызъ* варваровъ, которымъ принадлежало это слово и *мною*, болѣе широкаго, его значенія. Такими, кажется, должно признать *славяны*, которые и донынѣ пользуются этимъ терминомъ для обозначенія: пищи, кушанья, запаса яствъ, составляющихъ обѣдъ; въ такомъ значеніи употребляется оно теперь въ нарѣчіяхъ: польскомъ, чешскомъ, словацкомъ, мало-и великорусскомъ¹⁾; по бытованіе слова можно услѣдить и въ древнее время: мы находимъ его въ той же формѣ въ памятникахъ старой чешской письменности (Hanka. Starob. Sklad. III, p. 55, ver. 578), и именно со значеніемъ погребальныхъ поминковъ, пира по смерти; далѣе — этимологія прямо ставитъ его въ родственныи рядъ словъ, древность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію: оно сложное — *с-трава-а*, тема, очевидно, идегъ отъ славянскаго корня *троу²⁾*, который даетъ происхожденіе глаголу *троути* (?), *натроути*, *натровити* = *cibare*, *nutrire*, почему въ древнѣйшихъ какъ глагольскихъ, такъ и кирилловскихъ рукописяхъ употребляется онъ тамъ, гдѣ позднѣйшія ставятъ глаголь *имамъ*, *мамимамъ*, и въ фрейзингенскихъ статьяхъ мы находимъ: *matroviesciti*, по транскрипціи Востокова — *натрокмаухъ*, *натракиаухъ*, при чемъ онъ замѣчаетъ: «глаголы *травати*, *трую*, *отравати* (то же, что: *травити*, *травлю*, *отравляти*) въ разныхъ діалектахъ словенскихъ употребляются въ перепосномъ смыслѣ: *окармливать*, *ядомъ отравлять*. Но собственно: *л* смыслъ былъ издревле: *кормить*, *п-*

1) *Linde. Slownik*, 2-е изд. sub voce, *Jungmann. ibid.*, Далъ. Толк. Слов. *ibid.*

2) *Miklosich. Radices. Mag. slov.* p. 93—6, *Wurzeln* (1867) p. 6. Болѣе древній, индо-европейскій корень слова остается гадательнымъ: *Потт* (*Wurzel — Wörterbuch* I, 1. p. 103—4.) указываетъ на *trā*, *trāi*-оберегать, защищать и *имамъ*, но не рѣшается подвести къ нему вышеприведенныя славянскія слова.

тать, или также въ среднемъ залогѣ: ѣсть, кормиться. Отъ того *трава*: собственно кормъ ¹⁾). Въ такомъ значеніи, кажется, слово *трава* употреблено въ плавтеевскомъ спискѣ: «она же (Даниль и Василько) пріяста и съ любовью, *трава* же бывши, Даниль не пойдѣ.... (стр. 173)²⁾ и въ современномъ языкѣ: *трава-страда* = сѣдомое, поѣдаемое (Даль. Толк. Сл. sub. voce), *травить*, *стравливать* = уничтожать, истреблять, а далѣе — отравлять; *потрава* = кушанье въ чешск., польск., бѣло-велико- и малорусскомъ ³⁾). Ясно, что нѣтъ причинъ выдѣлять отсюда *страву* Юрнанда и приписывать ей исключительно готское происхожденіе и значеніе коэгра †; равнымъ образомъ, нѣтъ причинъ думать, что славяне заимствовали слово отъ гуиновъ: этому противорѣчитъ его широкое, *коренное* распространеніе; при такихъ обстоятельствахъ, не будетъ слишкомъ смѣлымъ допустить и предположеніе о славянскомъ характерѣ погребальнаго обычая *стравы* надъ могилой гуинскаго предводителя. Въ подтвержденіе можно привести и извѣстную замѣтку Прокопія Кесаря. (6 в.), что славяне во многомъ имѣютъ *травы* *гуиновъ* ⁴⁾. Сближенія и даже отождествленія гуиновъ съ славянами нѣрѣдки и у византийскихъ и у западныхъ лѣтописцевъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ указываетъ Шафарикъ ⁵⁾; наконецъ — гуинскій именословъ стоитъ въ непосредственной связи съ славянскимъ; по всему этому Шафарикъ, кажется, имѣлъ полное право сказать

1) *Беллетт*. Собраніе словенскихъ памятниковъ (Сиб. 1827 г.) р. 69.

2) Можетъ быть, въ рукописномъ текстѣ стояло: *страва*?

3) Едва ли, потому правъ былъ пок. Шафарикъ, когда глаг. *на трау* отъ условна исключительна паннонское происхожденіе и исключительное употребленіе въ глаголицѣ. см. *Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus*. Prag, 1858, р. 33.

† Салъ Гриниъ, въ своихъ *D. Rechtsalterthümer*, р. 8, приводитъ одно заключающее мѣсто изъ граноты 1090: «*genus tibi quod vulgo strava dicitur*».

4) «*Ingenium ipsis neque malignum, nec fraudulentum, et cum simplicitate mores Hunnicos* (Оввиловъ ѣдс) *in multis retinent*»-Šafařík. *Slov. Starožita*. vyd. 1868, II, р. 693.

5) *Über die Abkunft der Slaven*... Ofen, 1828, р. 131—2. cf. Grimm. *Deutsche Myth.* (1854) р. 490.

сѣдующее: «woher diese Aneignung slowenischer Gebräuche und Namen bei den Hunnen und umgekehrt, nach Prokop, hunnischer Sitten bei den Slowenen, wenn beyde nicht eine längere Zeit mit einander verbrüdert und verchwägert gewesen? Schon Ptolomäus zählt unter den Bewohnern des europäischen Sarmatiens auch die Hunnen auf. Es ist daher warscheinlich, dass die Slowenen durch die Übermacht der Hunnen aus ihren alten ruhigen Sitzen geworfen, sich eben sogut wie andere Völker [*diversae nationes*, sagt Iornandes] im Gefolge der Sieger befanden und mit ihnen das Kriegsglück theilten» ¹⁾.

Имя, такимъ образомъ, довольно прочные залоги, если не славянскаго происхожденія погребальнаго обряда гуновъ, то, по крайней мѣрѣ, его родственной близости къ славянамъ, мы не можемъ не принять его въ соображеніе: будетъ слишкомъ смѣлымъ пользоваться имъ, какъ прямымъ источникомъ славянской древности, но не признать важнаго объяснительнаго значенія его, кажется, невозможно.

Удивительны своею обстоятельностью подробности, передаваемые Iорнандомъ [Прискомъ] о погребеніи Аттилы: допустить, что его объясненіе убійства рабовъ на могилѣ вождя было лишь личнымъ его объясненіемъ, что скорѣе это была жертва усопшему, и за гробомъ имѣвшему нужду въ рабахъ, можно подумывать, что мы слышимъ голосъ очевидца. При вѣсти о смерти Аттилы, гуны, въ знакъ скорби, обрѣзали часть волосъ и втерзали свои лица, потомъ выносили трупъ въ поле и поставили его въ шатрѣ, воишкія ристанія или игры [сл. тризна] въ честь усопшаго сопровождались пѣснями, въ которыхъ прославлялись его подвиги; еще до погребенія, на могилѣ [?] совершали *страгу*, т.-е. торжественный ширъ; затѣмъ, въ тишинѣ, ночью—тѣло въ богатомъ гробу, украшенномъ золотомъ, серебромъ и желѣзомъ²⁾,

1) Abkunft d. Slaven. p. 131.

2) Символика гроба Аттилы, о которой говоритъ Iорнандъ, есть, конечно, личное объясненіе историка.

положили въ могилу; а съ нимъ и оружіе, добытое въ битвахъ, драгоценныя украшенія [ожерелья] и разныя вещи, какими украшаютъ дворець. Исполнители погребенія — по всему вѣроятію рабы—предавались смерти...

Трудно, почти невозможно указать въ этихъ обычаяхъ что нибудь исключительно славянское: ни одна существенная черта ихъ не противорѣчитъ славянской погребальной практикѣ; но въ равной степени—они могутъ быть отысканы и въ погребальной практикѣ иныхъ народовъ, разительнѣе прочаго — обстоятельство совершенія *тризны до погребенія*, и, если слѣдовать точному смыслу разсказа русской *Повѣсти временныхъ лѣтъ* и нѣкоторыхъ другихъ показаній, то еще на глазахъ исторіи мы встрѣтимъ совершенно подобный обычай въ ходу у языческихъ русскихъ славянъ; позволяя себѣ это сближеніе, я не хочу видѣть здѣсь этимологическаго тождества; но не могу утверждать и противнаго.

Императоръ Маврикій [582—692] въ своемъ Стратегиконѣ, между прочимъ, упоминаетъ и объ обычай славянскихъ женщинъ предавать себя смерти вѣдѣ за умершимъ мужемъ:

Σωροσενθει δὲ καὶ θήλια αὐτῶν [Σχλαβῶν καὶ Ἀντῶν] ὑπὲρ πάντων ῥύτιν ἀνδρώπου, ὥστε τὰ πολλὰ αὐτῶν τὴν τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελειωτὴν ἰδίῳ ἠγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἐκαστὰ ἐκαστίως, εὐχ' ἠγοούμενα ζῶην τὴν ἐν χερσὶ διαχωγίην¹⁾.

Маврикій принадлежитъ къ тому небольшому числу византийскихъ историковъ, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія: онъ не столько анналистъ-литераторъ, сколько практической человѣкъ, цѣль его Стратегикона—чисто-практическая, руководящая; онъ передаетъ въ немъ не досужую теорію, но плоды своихъ личныхъ наблюденій, личнаго опыта... Непосредственное его знакомство съ нравами славянъ, сосѣдей Византийской имперіи, подтверждается общемо вѣрностью въ изображеніи ихъ быта и

1) Не имѣя подъ руками волежнаго изданія Стратегикона Маврикія, береть цитату изъ Проложеній къ Старожитностямъ Шафарика, 2-е изд. т. 2, р. 694.

нравовъ, что уже давно признано историческою критикою...; тѣмъ драгоценнѣе и въ настоящемъ случаѣ является его свидѣтельство. Нѣтъ надобности, кажется, доказывать, что подъ общимъ именемъ славянъ и Антонъ Маврикій исключительно разумѣеть славянскія племена, обитавшія въ предѣлахъ Византійской имперіи или же сосѣдствія съ нею: одругихъ, жившихъ на сѣверѣ и востокѣ, онъ вовсе не заботился, и, конечно, даже не зналъ ихъ. Останавливаясь на самомъ извѣстнѣйшемъ, мы позволимъ себѣ разсматривать его не какъ случайное упоминаніе о случайныхъ происшествіяхъ, но какъ положительное извѣстіе объ обычномъ фактѣ славянской жизни; таковъ, по крайней мѣрѣ, характеръ всего главнѣйшаго, что передаетъ Маврикій о славянахъ, и нѣтъ причины въ этомъ случаѣ допускать исключеніе, тѣмъ болѣе, что далѣе мы встрѣтимъ и прямыя тому доказательства.

Обыкновеніе славянскихъ женъ лишать себя жизни по смерти мужа, по заключенію Маврикія, вытекало изъ первобытной чистоты нравовъ ихъ, какъ слѣдствіе чувства скорби о дорогой утратѣ, какъ знакъ вѣрности къ мужу, по вмѣстѣ съ тѣмъ и по сознанію безпомощнаго положенія вдовы.... Такое объясненіе обычая есть личное объясненіе образованнаго царственнаго писателя: оно имѣетъ свою долю справедливости, но не можетъ назваться *достаточнымъ*: ни естественное чувство скорби, ни тяжелая жизнь вдовы, своею единственною силой — не могли бы, кажется, создать и укрѣпить такой обычай, еслибы въ основаніи его не лежала болѣе высшая, *религіозная* причина, непонятная и, можетъ-быть, невѣдомая для грека-христіанина. Обычай не имѣлъ всеобщей обязательной силы: *не ослъ, а только многіе* изъ женъ добровольно слѣдовали за своими мужьями въ могилу.

Свидѣтельство Маврикія цѣликомъ вошло въ «Тактиконъ» Льва Мудраго [886—911], который, въ этомъ отношеніи, не нашелъ прибавить къ своему источнику ни одной новой черты, и потому не заслуживаетъ особаго вниманія; мы приводимъ здѣсь его слова лишь для сличенія съ источникомъ:

«Castitate autem feminae quoque ipsorum [id est Sclavorum] erant quam maxima; et tanta quidem, ut earum multae suorum virorum mortem suam propriam esse existiment, et se ipsae suffocent; viduam tolerare vitam non sustinentes»¹⁾.

Оеофлактъ Симмокатскій, лѣтописецъ первой половины 7-го вѣка [circa 629], въ своемъ описаніи царствованія императора Мавркія, рассказываетъ подъ одиннадцатымъ годомъ его, т. е. 592, что Прискъ, римскій полководецъ, ободренный удачными побѣдами, проникъ во внутреннія земли славянъ [interiores Sclavinorum partes penetrat] и ночью, по указанію какого-то перелѣбчика Генеда [Γηπαις], напалъ на Музука [Μουσικος Μουσικως], царя марваровъ.

«Barbarus [т. е. Музукъ] prae ebrietate mentem amiserat: illo quippe die *funeralia festi fratri, ut mos est barbaris, celebrabat*. Itaque singulari timore percussis omnibus, rex vivus in potestatem adducitur»²⁾.

Добровскій, съ обычною ему осторожностью, хотя и не позволялъ себѣ утверждать, чтобы Музукъ былъ славянскимъ княземъ (т. е. славянского происхожденія), ибо подъ именемъ *сарваровъ* лѣтописецъ по большей части разумѣетъ болгаръ и аваровъ, племена чуждого происхожденія, тѣмъ не менѣе — не сомнѣвался, что Музукъ владычествовалъ и надъ славянами, потому «и славянамъ былъ не неизвестенъ обычай праздновать шромъ память покойника»³⁾. Добровскій, какъ видно, колебался признать славянскую народность обычая, допускалъ, что онъ былъ извѣстенъ славянамъ лишь потому, что владыка ихъ держался его (weil es mitten unter ihnen von ihrem Fürsten geschah); но, разсмотрѣвъ внимательно рассказъ лѣтописца и другія обстоятельства, можно, кажется, позволить себѣ болѣе точное и опре-

1) *Βασιλικ. Starožitnosti*, 2 vyd. 2 t. v Přílohach p. 700. Греческаго подлинника мы также не имѣли подъ руками.

2) См. Stritteri *Memoriae populorum* т. 2-й (Spb. 1774) p. 61.

3) *Abhandlung. d. böhmisch. Gesells. d. Wissensch. r. 1788*, статья: *Über die Begräbnisart der alten Slaven*, p. 336—7.

дѣльное заключеніе. Словомъ *barbari* греч. летописцы называютъ не только болгаръ, аваровъ, но и славянъ, напр. подъ годани 581: «*Bajanus in ulteriorem fluminis ripam transgressus, vicos et pagos Sclavinorum igni ferroque vastavit: et cum nemo barbarorum auderet cum illo manus conserere, omnia quae potuit, rapuit,*» (Stritt. Mem. pop. II, p. 48); подъ 593 (у Феофлакта)... «*Priscus auctoritate imperatoris ad Istrum movet, ut ab eo Sclavorum gens flumen trajicere prohibita, vel nolens securitatem et otium Thraciae praestaret.* Ажеbat siquidem Prisco imperator, *barbaros nunquam quieturos, ni Romani Istrum quam acerrime custodirent,* (ibid. p. 55—6); въ самомъ разсказѣ о вторженіи Приска въ земли славянъ, они сначала называются собственнымъ именемъ, а потомъ уже общимъ нарицательнымъ *barbari*; и по самому ходу событій видно, что здѣсь разумѣются исключительно славяне: нѣтъ никакого упоминанія о другомъ какомъ народѣ, вездѣ говорится лишь объ оныхъ славянахъ; наконецъ важно въ этомъ случаѣ и имя князя, которое византийцы передаютъ на свой ладъ *Местохъс*, *Местохос*, т.-е. измѣнивъ несвойственный имъ славянскій звукъ ж въ σ и прибавивъ греческій суффиксъ *ос*. Приведенное въ славянскую форму, это имя не представитъ ничего противнаго славянскому именослову: корень *мжж* даетъ происхожденіе и другимъ собственнымъ славянскимъ именамъ, какъ серб. *Мужило*, *Какъмужъ*; *ош* же — обыкновенный суффиксъ въ образованіи именъ. Въ актѣ Брѣтислава 1052 года (Erben, Regesta Boh. 1, p. 48) мы находимъ имя *Мужик*. Г. Морощкинъ приводитъ въ своемъ Именословѣ достаточное количество славянскихъ именъ, образованныхъ отъ корня *мжж* и встрѣчающихся въ старинныхъ памятникахъ, таковы: *Мужска*, *Мужникъ*, *Мужило*, *Мужко*, *Мужочъ* и составныя: *Мужедрагъ*, *Мужи-сынъ* и т. д.¹⁾; также нельзя позабыть, что отецъ

1) Славянскій Именословъ, Спб. 1867, стр. 181. Миклошичъ (Bildung der slavischen Personennamen. W. 1860, p. 82) указываетъ то же самое имя въ латинской формѣ *mosog*.

Аттылы носилъ имя Mundzicus (Iogn. с. XXV & XLIX), что, при сродствѣ гунискаго Ономастикона съ славянскимъ¹⁾, съ своей стороны, даетъ нѣкоторое право догадываться о славянскомъ источникѣ имени Мелхиосъ.

Если всѣ эти соображенія справедливы, то не остается сомнѣнiя, что мы имѣемъ дѣло съ свидѣтельствомъ 7-го вѣка существованiя у современныхъ подунайскихъ славянъ²⁾ обычая праздновать поминки по усопшемъ, при чемъ попойка въ честь его составляла необходимую часть религiознаго обряда. Слова лѣтописца оставляютъ въ неизвѣстности: были ли эти поминки немедленно по смерти известнаго лица, или здѣсь разумѣются періодичныя, срочныя поминки, справлявшiяся по истеченiи известнаго времени. И то и другое имѣло мѣсто въ быту языческихъ славянъ, но въ настоящемъ случаѣ вѣроятнѣе будетъ предположить поминки періодическія, б. м. годовщину, такъ въ предыдущемъ лѣтописецъ вовсе не упоминаетъ о приключившейся смерти брата Алжжона.

Извѣстiе Теофилакта, безъ измѣненiя въ содержанiи, вошло въ хронографъ Теофила (879), а оттуда и въ сочиненіе Анастасiа библіотекаря (circa 886)³⁾; но они ничего не прибавляютъ къ своему источнику.

Св. Бонифаціи (756), известный просвѣтитель нѣмецкихъ племенъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Этвальду, королю англійскому, сообщаетъ слѣдующее, важное для насъ, свидѣтельство:

«Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset; et laudabilis mulier inter

1) Schaffarik. Abkunft der Slaven, p. 131.

2) Только—не низинныхъ славянъ или тепер. болгаръ, а бытъ-можетъ—сербовъ: передавая болгарское нид, грекъ, кажется, долженъ былъ бы удерживать носовую звукъ а и передать его такъ: Мѣвѣицѣосъ; впрочемъ, въ вѣиск. рик. читается Мѣвѣуѣосъ, Stritt. I. с. p. 89 in nota.

3) Приведены у Страттера, loco citato p. 80.

Illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo†. Добровский первый указал на это свидетельство и оцѣнилъ его важность для науки славянской древности¹); но, несмотря на удовлетворительныя объясненія его и повѣрку иными несомнѣнными источниками, оно испытало много сомнѣній и ложныхъ толкованій; поводъ къ нимъ, кромѣ прочаго, подавало и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто *Winedi* читается *Pergae* 2). Л. Суворецкій не вѣрилъ, чтобы Бонифацій, который самъ вызывалъ славянъ и заселялъ ими берега Майна, могъ быть о нихъ такого дурного понятія («*foedissimum et deterrimum genus hominum*»), и потому склонялся къ мнѣнію, что Бонифацій говоритъ здѣсь о пруссахъ и лоттахъ 3). Отчасти опираясь на то же обстоятельство и находя противорѣчіе отзыва Бонифація о славянахъ съ словами его житія, составленнаго Виллибальдомъ (cir. 768), гдѣ славяне называются «вѣрными данниками церкви» («*fideles bargildi*»), Шпренгель полагалъ, что вмѣсто *Winedi* слѣдуетъ читать *Hindi, Indii*; наконецъ, Ворбсъ сомнѣвался въ справедливости словъ Бонифація на томъ основаніи, что апостолъ нѣмецкихъ племенъ лично не былъ знакомъ съ славянами и писалъ о нихъ по глухимъ слухамъ; его извѣстіе, потому, лишено исторической правды и относится къ другимъ, сосѣднимъ нѣмецкимъ племен-

† *Patrologiae cursus completus, ser. II sc. Migne, t. 89, 1850. P. pagina 760, epistola 62*, по изданію Вурдтвейна (1789) это письмо помѣчено № 72-мъ, у Серапіа же (1605) № 19-мъ.

1) Ueber eine Stelle im XIX-ten Briefe des heiligen Bonifacius die Slaven und ihre Sitten betreffend, von Joh. Dobrowsky, in *Abhandlungen der böhmischen Gesellsch. der Wissenschaften auf das Jahr 1787 (III Fl.)*, P. 1768, pag. 156—160.

2) Такъ у Бароніо въ *Annales ecclesiast.* подъ годомъ 745: «*Est apud Pergae*... Отсюда оно перешло и въ другіе изданія и переводы.

3) Изсѣдованіе начала народовъ славянскихъ, раз. Л. Суворецкаго, рус. перек. Москва 1846 (Чтен. въ общ. собр. и др. 1846 г. ч. 1-я) стр. 62—3.

† *Krusa. Deutsche Alterthümer oder Archiv f. Geschichte etc. t. I, p. VI Halle 1828. стр. 11-я.*

намъ въ Слезіи †. Неосновательность подобныхъ толкованій станетъ очевидна, когда мы ближе разсмотримъ характеръ письма Бонифація и поводъ, по которому оно написано. Прежде всего замѣтимъ, что чтеніе *Persae* вмѣсто *Winedi* не оправдывается ни однимъ спискомъ рукописей «Писемъ»: ни первый издатель писемъ Бонифація, іезуитъ Н. Серарій, ни Добровский, просматривавшій вѣнскую рукопись (IX—X в.) этихъ писемъ¹⁾, ни Дуричъ, предпринимавшій по этому поводу спеціальныя справки въ рукописяхъ²⁾, ни позднѣйшіе издатели Вурдтвейнъ и Гильсъ (Giles)³⁾, никто и нигдѣ не встрѣтилъ чтенія *Persae*, вездѣ стояло и *Winedi*, что я не позволяеть сомнѣваться въ правильности чтенія; далѣе замѣчательно еще, что монахъ Альберикъ (cir. 1246), помѣщая въ своей Хроникѣ пересказъ письма Бонифація, такъ передаетъ вышеприведенное мѣсто: «*Windi quoque id est Slavi, quod est foedissimum genus hominum, hunc habent ut mulier, viro mortuo, ve in rogum cremari pariter assura praecipitet*»†; этимъ кажется окончательно устраняется произвольная легенда *Persae*. Не трудно устранить и внутреннія причины сомнѣнія: Бонифацій имѣлъ въ виду дать Эггивальду наставленіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, онъ запрещаетъ ему удовлетвореніе плотскихъ потребностей внѣ христіанскаго брака, указываетъ на языческихъ саксовъ, у которыхъ нарушеніе супружеской вѣрности подвергалось тяжелому наказанію, потомъ говорить о святости брака и въ примѣръ семейныхъ добродѣтелей приводитъ славянъ (вендовъ), у которыхъ жена, по смерти мужа, добровольно лишала себя жизни, чтобъ быть сожженной на кострѣ вмѣстѣ съ усопшимъ. Едва-ли для ближайшей цѣли необходимо было приводить въ примѣръ

† Ibidem. t. I, part 1-a (1824), статья: „Siad die Urnenbegräbnisse..., slavischen oder deutschen Ursprungs,...“ p. 52.

1) См. Писма Добровскаго къ лужиц. ученому Антону, помѣщен. въ *Neues Lauenitzches Magazin* t. XIX (или VI по н. серіи), Göt. 1841, стр. 57.

2) *Durich. Bibliotheca Slavica* t. I. Wind. 1795, p. 329. 330 in. notia.

3) Текстъ Мниа взятъ изъ Вурдтвейна и Гильсса (Lond 1844).

† *Alberici Monachi Triam Fontium (?) Chronicon*, ed. Leibnitz. Hann. 1696. Над. составляетъ также 2-ю часть изд. Лейбницомъ «*Accessionum historicarum*».

такой далекий и невѣдомый европейцамъ народъ, какъ индусы или персы: подъ рукою былъ примѣръ ближе, и нѣтъ ничего естественнѣе перехода отъ саксовъ къ сосѣднимъ венедамъ — славянамъ, на которыхъ также распространялась заботливость нѣмецкаго апостола; потому догадка Шпренгеля оказывается вѣрною. Противорѣчіе между поступками св. Бонифація въ отношеніи славянъ, похвальными отзывами о нихъ его житія и неблагопріятнымъ сужденіемъ о ихъ характерѣ Письма его къ Эттибальду (*foedissimum et deterrimum genus hominum*) можетъ быть объяснено христіанскимъ настроеніемъ проповѣдника и его желаніемъ подѣйствовать на Эттибальда: будучи однимъ изъ главныхъ двигателей борьбы христіанства съ язычествомъ, ознаменовавшись на самомъ дѣлѣ съ стойкимъ упорствомъ старой религіи, Бонифацій не могъ иначе отзываться о язычникахъ¹⁾, особенно въ письмѣ, цѣль котораго была дать наставленіе въ правилахъ христіанской жизни: если и такой отвратительный народъ, какъ венеда-язычники, хранить чистоту нравовъ, то тѣмъ болѣе сохранять ее слѣдуетъ князю христіанну — таковъ, кажется, смыслъ этого мѣста въ письмѣ Бонифація: оно не столько выражаетъ его дѣйствительное мнѣніе, сколько служитъ средствомъ возбудить усыпленную нравственность Эттибальда; въ иныхъ житейскихъ отношеніяхъ Бонифацій смотрѣлъ на славянъ иначе и цѣнилъ по достоинству ихъ добрыя качества.

Отстранивъ сомнѣнія, мы должны принять свидѣтельство Бонифація въ прямомъ, даже въ буквальномъ смыслѣ. Онъ, конечно, зналъ славянъ²⁾ не по глухимъ только слухамъ: во время своего пребыванія въ Тюрингіи, прежде или послѣ, онъ долженъ

1) Быть-можетъ, къ этому присоединилось еще и національное чувство нерасположенія къ славянамъ. Есть и другое упоминаніе о славянахъ въ письмѣ (поданнѣмъ) того же Бонифація къ папѣ Захарію cf. Šafařík, *Starobitností* (2-е изд.) т. 2-й р. 531.

2) Какъ спеціальнѣйшій комментарий къ слову *Waldi* указывается на статью Добровскаго: *Über eine Stelle etc. v. I. cit.* и статью Галлуса: *Ueber das Verbrennen der Todten bei den Slaven*, помѣщ. въ сборн. *Beiträge zur Geschichte und Alterthumskunde der Niederlausitz*. Lab. 1838, t. II, p. 12 sq.

былъ знать ихъ по личному, непосредственному опыту, когда рѣшался вызывать ихъ къ переселенію на берега Майна; но и допустивъ противное, все же нельзя не ввѣдѣть *достоверной* *необходимости* свидѣтельства Бонифація: нѣтъ никакихъ видимыхъ причинъ предполагать вымыселъ или искаженіе факта, нѣтъ ничего, что противорѣчитъ ему, и существуетъ многое, что подтверждаетъ и оправдываетъ его, — и прежде всего, разсмотрѣнное уже нами показаніе императора Мавркія. Такимъ образомъ становится несомнѣннымъ, что въ 8 вѣкѣ у сѣверо-западныхъ славянъ (6-м., только у нѣкоторыхъ племенъ) существовалъ обычай сожигать мертвецовъ на кострѣ, жена умершаго добровольно (*proprio sapu*) предавала себя смерти, чтобы быть сожженной вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, и такой поступокъ вызывалъ всеобщее одобреніе со стороны единоплеменниковъ. Подобно Мавркію, и христіанское чувство Бонифація понимало этотъ обычай, какъ слѣдствіе чувства супружеской любви; но имѣя въ виду нѣкоторые иные факты (о нихъ — далѣе), можно думать, что добровольное принесеніе себя въ жертву со стороны жены было болѣе слѣдствіемъ убѣжденія или вѣрованья, что только такимъ путемъ жена вступить въ вѣчное жилище блаженныхъ, только вмѣстѣ съ мужемъ, и какъ бы чрезъ него она приобщится наслажденіямъ загробной жизни. Вѣрованье это, какъ мы увидимъ впоследствии, вытекало изъ общественныхъ условій славянскаго язычества вообще и положенія въ немъ женщины въ особенности. Обычай добровольнаго принесенія себя въ жертву со стороны женъ, въ подтвержденіе свидѣтельства имп. Мавркія, и у сѣверо-западныхъ славянъ — не былъ всеобщимъ: бывали, и можетъ-быть, еще чаще, примѣры противнаго, иначе не имѣла бы смысла похвала, какою, по слову Бонифація, встрѣчали соплеменники такое самопожертвованіе. Къ какому въ частности изъ племенъ славянскихъ относится показаніе Бонифація, нельзя и догадываться, можно лишь думать, что къ племени, географически ближайшему отъ мѣста его дѣятельности, т. е. къ одному изъ сѣверо-западныхъ или балтійскихъ.

Письмо Бонифация къ Этибальду въ свободномъ пересказѣ вошло, какъ мы замѣтили, въ Хроникку Альберика (†1246) ¹⁾; не обративъ на это обстоятельство должнаго вниманія, нѣкоторые изслѣдователи (Ворбсъ, Галлусъ и Калина) ²⁾ ошибочно принимали простую выписку Альберика за новое, второе, свидѣтельство о славянахъ. Изъ Альберика то же извѣстie перенесъ въ свою Хроникку Генрихъ фонъ Герфордъ (1870) ³⁾ и другой, позднѣйшій компиляторъ, указанный Добровскимъ ⁴⁾.

Не мало свѣдѣнiй о бытiи и нравахъ славянъ передаютъ арабы, торговая предприимчивость и религиозная стремленiя которыхъ заводили ихъ въ отдаленныя страны средней и юго-восточной Европы и ставили въ близкiя сношенiя со многими народами. Будутъ ли это — извѣстiя очевидцевъ-наблюдателей, или только писавшихъ по слухамъ, въ обихъ случаяхъ они важны и интересны, какъ голосъ объ отдаленной славянской старинѣ, о которой сохранилось столь немного другихъ свидѣтельствъ. Изслѣдователя не разъ смутитъ оригинальность арабскихъ воззрѣнiй и разсказовъ, онъ можетъ отнестись съ недоверiемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, но его сомнѣнiя не оправдаются, когда, распространяя ихъ на все, сообщаемое арабами, онъ откажетъ ихъ свидѣтельствамъ вообще въ научной цѣнности или самостоятельности ⁵⁾! Скорѣе можно сѣтовать о бѣдности, чѣмъ

1) Vide supra l. cit.

2) Kruse's Archiv I, p. 1. pag 47—8. Gallus und Neumann. Beyträge etc., II, p. 11—12; Kalinav. Jäthensstein. Böhmens heidn. Opferplätze etc. (Pr. 1836), p. 124—16.

3) Liber de rebus memorabilioribus sive Chronicon Henrici de Hervordia ed. A. Potthast. G. 1859. sub an. 754. pag. 19—10.

4) Ueber Eine stelle etc... p. 187.

5) Шафарикъ, при обзорѣ письменныхъ источниковъ славянскихъ древностей, очень неодобрительно отзываясь о восточныхъ свидѣтельствахъ: даже важнѣйшимъ изъ нихъ онъ отказываетъ въ самостоятельности, говоря, что они цѣлкомъ заимствованы изъ греческихъ историковъ, что ихъ собственныя извѣстiя отличаются сказочнымъ характеромъ, вообще — подозрительны и требуютъ строгой критики (Staročita. 2-е изд. I. p. 30); послѣднее, конечно, справедливо; но что касается самостоятельности и степени важности этихъ

о незначительности арабскихъ источниковъ славянской древности, особенно вспомнить, сколь многое намъ извѣстно только по имени, сколь многое до сихъ поръ не открыто или вовсе потеряно¹⁾, какъ чрезъ это затрудняется и самое объясненіе уже извѣстнаго, дошедшаго къ намъ иногда не прямо отъ автора, а чрезъ постороннія, позднѣйшія руки и притомъ въ искаженномъ и спорченномъ видѣ... Скорѣе можно сѣтовать и на то, что, несмотря на численную незначительность уже извѣстныхъ арабскихъ источниковъ славянской старины, наука до сихъ поръ далеко не исчерпала ихъ матеріала, повѣрила и объяснила только незначительную часть его. Три замѣчательныхъ труда посвящены почти исключительно разбору арабскихъ извѣстій о славянахъ; но занятые собираніемъ матеріала и критикой текста, ни Френъ, ни Оссонъ, ни Шармуа не имѣли возможности удовлетворить въ то же время и требованіямъ высшей критики историческаго содержанія. Въ изслѣдованіяхъ славянскихъ и русскихъ ученыхъ не рѣдко можно встрѣтить счастливыя объясненія подробностей, но, сколько извѣстно, никто еще не бралъ на себя труда подвергнуть пересмотру весь вопросъ въ цѣломъ его объемѣ; а безъ этого не только единичныя извѣстія, но и самый источникъ остается въ какомъ-то сомнительномъ свѣтѣ: изслѣдователь не знаетъ, въ какой мѣрѣ позволительно пользоваться его из-

---

источниковъ, то позволительно быть много ишиба: греческіе историки дѣйствительно служили источникомъ для нѣкоторыхъ, болѣе позднихъ, арабскихъ писателей (и это объяснено Reinaud'омъ 1, см. Прилѣч. на 82 стр.); но никто еще не указалъ греческихъ источниковъ *Ибнъ-Хордадъ-бна*, *Масуди*, въ особенности — *Ибнъ-Фозлана* и *Ибнъ-Доски*. Дунаскъ, что и слѣдуетъ это— едва ли возможно, а потому нельзя отказать ихъ показаніямъ въ самостоятельности и, какъ надѣемся объяснить, въ важности для науки славянской древности.

1) О бывшемъ богатствѣ арабской географической литературы можно получить понятіе изъ Френъ на предисловіи къ изданію: *Ibn Fozlan's und anderer Araber Berichte*, Spb. 1823, р. XIII sq., а также изъ рецензіи Гаммера на изданіе Reinaud'овой «Географія Абул-Феды», помѣщ. въ *Sitzungsberichte d. Wiener Akademie der Wissenschaften, philoa.-hist. Classe* 1849 г. стр. 59—75, 85—109.

вѣстіями, куда, къ какому народу-племени и мѣстности отнести его показанія; недостаточно исполнена и предварительная, такъ сказать, черновая работа: не опредѣлены, какъ слѣдуетъ, и взаимныя отношенія свидѣтельствъ, приблизительная степень ихъ непосредственной достовѣрности, ихъ источники и литературныя заимствованія¹⁾. Такъ русская историческая наука до сихъ поръ остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно извѣстій, переданныхъ Ибнъ-Фоцланомъ: одни изслѣдователи видятъ въ его Руси варяго-русовъ (норманновъ), другіе позволяютъ себѣ видѣть въ нихъ славянъ русскихъ; убѣждающихъ доводовъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны — немного, еще менѣе такихъ, которые основывались бы на изслѣдованіи всѣхъ сторонъ и частныхъ вопроса. Отсюда выходитъ, что каждому, кто въ своихъ изслѣдованіяхъ встрѣчается съ извѣстіями арабскихъ писателей, все еще, по необходимости, предстоитъ предварительная этнографическая критика ихъ извѣстій.

Арабскія свидѣтельства такъ важны въ рѣшеніи вопроса, насъ занимающаго: они предлагаютъ такія точныя положительныя извѣстія о погребальной древности, что мы считаемъ себя не вправѣ легко отнестись къ нимъ, принявъ на вѣру какое-нибудь изъ господствующихъ мнѣній: намъ необходимо, хотя приблизительно, рѣшить, къ какому народу и племени слѣдуетъ отнести эти показанія. Не желая, однако, такимъ отступленіемъ нарушать порядка въ обзорѣ источниковъ вопроса о погребальной старинѣ языческихъ славянъ, мы относимъ въ «Приложеніе» этотъ краткій, по возможности, разборъ этнографическихъ понятій арабовъ о славянахъ и Руси, адѣсь же приводимъ только конечный выводъ его.

Всѣ древнѣйшіе арабскіе писатели подъ именемъ *саклабовъ*, *сакалибовъ* разумѣютъ юго-западныхъ и западныхъ славянъ;

1) Въ послѣднемъ отношеніи превосходима, хотя и слишкомъ общія, указанія сдѣланы Рено въ своемъ классическомъ введеніи къ переводу Географіи Абул-Феди: *Géographie d'Aboulféda*, t. I, Par. 1648, 4-е p. XL — CLXXIV и CCLXXXII et sq, passim.

иногда этимъ именемъ обозначается у нихъ и русское племя, быть-можетъ сѣверное, новгородское, которому и русская летопись спеціально усвоиваетъ наименование *словянъ*; именемъ же *борджанъ* арабы обозначаютъ *болгара дунайскихъ*. *Русь, Рос, Рис*, столь часто упоминаемая у нихъ, по всѣмъ признакамъ есть *Русь славянская*, славянскіе обитатели Черноморья, волжскаго и днѣпровскаго бассейновъ. Такъ позволительно заключать не только по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было твердыхъ этнографическихъ признаковъ чуждаго (норманскаго) происхожденія этой Руси, но и по яснымъ топографическимъ и этнографическимъ указаніямъ, прямо свидѣтельствующимъ о туземной, *славянской* природѣ этого *многочисленнаго народа*, а не о пришлой природѣ дружины, сколь ни была бы послѣдняя велика и предприимчива. Вообще мнѣніе о норманствѣ арабской Руси составилось не вслѣдствіе разбора и оцѣнки арабскихъ свидѣтельствъ, а отъ готовой гипотезы о норманскомъ происхожденіи имени Русь, и даже давъ этой гипотезѣ полныя права историческаго вѣроутія, должно отказаться отъ мысли встрѣтить для нея поддержку въ извѣстіяхъ арабовъ.

Отсылая читателя за доказательствомъ всего этого къ «Приложенію», переходимъ къ самому разбору арабскихъ свидѣтельствъ о нашемъ предметѣ.

По счастливымъ обстоятельствамъ мы имѣемъ возможность начать разсмотрѣніе ихъ свидѣтельствъ *новыми, старѣйшими* изъ доселѣ извѣстныхъ.

Абу-Атля Ахмедъ бенъ Омаръ Ибнъ Доста въ своей «*Книжѣ драгоцѣнныхъ драгоцѣнностей*» (*Kitâb el-Jâq en-Nefîs*), писанной около 900 года по Р. X. ¹⁾, передаетъ, между прочимъ, о *славянахъ* слѣдующее:

---

1) Заслуга открытія этого новаго историческаго источника принадлежитъ доктору Хвольсову, онъ нашелъ его между арабскими рукописями Британскаго Музея и, чрезъ посредство А. А. Куника, сообщилъ намъ два отрывка изъ него въ бивальномъ переводѣ съ оригинала. Считаюсь долгомъ привести здѣсь обонимъ ученикъ вашу искреннюю признательность.

«Когда кто изъ нихъ умретъ, они сожигаютъ трупъ его. Ихъ жоны изрѣзываютъ ножами свои руки и лица, когда у нихъ кто-нибудь умретъ (изъ членовъ семейства). На слѣдующій день по сожженіи мертвеца, они собираютъ пепель съ пожараща, складываютъ его въ сосудъ и ставятъ послѣдній на холмѣ. По истеченіи года, они приносятъ на ту могилу до двадцати кувшиновъ съ медомъ, тамъ собираются родные усопшаго, ѣдятъ, пьютъ, потомъ возвращаются домой. Если усопшій имѣлъ три жены, и одна, по ея увѣренію, особенно любила его, она приноситъ къ его тѣлу два шеста, укрѣпляетъ ихъ въ землѣ стоймя, потомъ кладетъ на концы ихъ перекладину, а въ срединѣ ея привязываетъ веревку; затѣмъ, стоя на скамьѣ, обвиваетъ одинъ конецъ веревки вокругъ своей шеи. Послѣ того, какъ она это исполнила, скамью принимаютъ изъ-подъ ногъ ея, и женщина виситъ, пока не задохнется и умретъ. Трупъ ея бросаютъ въ огонь и сожигаютъ».

Далѣе въ извѣстіи о руссахъ:

«Когда между ними умретъ какой знатный, для него вырываютъ могилу въ видѣ просторной комнаты, кладутъ туда мертвеца, кладутъ туда также его одежду, золотые обручи, которые онъ носилъ, много яствъ, кружки съ наитками и другіе неодушевленные предметы цѣнности (деньги?). Жена, которую онъ любилъ, живую помѣщается въ погребальной комнатѣ; затѣмъ заворачиваютъ двери, и она тамъ умираетъ».

Когда д-ръ Хвольсонъ вполне обнарудетъ свое важное открытіе, тогда станетъ возможнымъ и правильное сужденіе о значеніи этого новаго источника науки славянской древности; теперь же, имѣя въ своемъ распоряженіи только два отрывка, мы должны ограничиться приблизительнымъ опредѣленіемъ ихъ цѣны и значенія.

Быль ли Ибизъ-Доста лично въ земляхъ славянъ, и къ какому племени относится его показаніе — пока неизвѣстно¹⁾,

1) Въ частномъ письмѣ къ намъ А. А. Куникъ высказалъ предположеніе, что можетъ-быть Ибизъ-Доста преимущественно имѣетъ въ виду карпатскихъ славянъ или поляковъ.

неизвѣстно также, какое племя разумѣть онъ подъ именемъ руссовъ; но предполагая, что этнографія его не представляетъ въ этомъ случаѣ отступленія отъ прочихъ, извѣстныхъ, арабскихъ свидѣтельствъ, мы принимаемъ его руссовъ за русскихъ славянъ вообще. Уже при первомъ взглядѣ на рассказъ Ибнъ-Досты, нельзя не замѣтить полной исторической правдивости его: такъ говорить можетъ только очевидецъ, или тотъ, кто записалъ показаніе достовѣрнаго очевидца; на это указываетъ и обстоятельная, трезвая передача фактовъ, незатемненныхъ личнымъ взглядомъ, отъ котораго едва ли удержался бы собиратель лютучихъ слуховъ, и еще болѣе — согласіе ихъ съ другими свидѣтельствами славянской старины. Остановимся и провѣрять важнѣйшее. У славянъ (?) господствуетъ погребальный обычай сожженія, у русскихъ — *погребеніе* въ собственномъ смыслѣ; такое одновременное существованіе различныхъ обычаевъ у двухъ близко родственныхъ племенъ не можетъ показаться страннымъ послѣ того, какъ археологическіе поиски доказали, что одинъ обычай не исключаетъ другого даже въ предѣлахъ одного и того же племени и нерѣдко одной и той же могилы¹⁾; грубое выраженіе печали терзаніемъ лицъ и рукъ мы встрѣтимъ далѣе и въ положительныхъ свидѣтельствахъ старины и въ теперешнихъ народныхъ нравахъ; обычай собирать пепелъ сожженного и справлять поминки по немъ находятъ полное подтвержденіе въ свидѣтельствахъ русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (о чемъ далѣе) и въ рассмотрѣнномъ уже нами показаніи Теофиakta (стр. 44—46), причѣмъ Ибнъ-Доста пополняетъ и уясняетъ ихъ неточности, опредѣляя время поминокъ и подробности обряда; обычай (добровольнаго?) сожженія жены вмѣстѣ съ мужемъ мы уже имѣли случай отмѣтить въ предыдущемъ (стр. 42—3, 46—50) и много разъ укажемъ впоследствии, точно также, какъ и

1) Weinh. Die Heidnische Todtenbestattung. W. 1859, pag. 6, 10, 24, 28, 91. Lisch. Aenderung aber d. altgerm. und slavischen Grabalterthamer. Schw. 1857. pag. 12.

мелкія черты русскаго похороннаго обряда, условленныя убѣжденіемъ язычника, что человѣкъ и по смерти имѣеть тѣ же потребности и нужды, какъ и при жизни, что могла — это семейный посмертный домъ или хозяйство его. Способъ, какимъ жена предаетъ себя смерти, т.-е. удушеніе веревкой, стоитъ въ очевидной связи съ жертвеннымъ значеніемъ этого дѣянія (см. стр. 33—4). Мы встрѣтимся съ нимъ снова у Ибнъ-Фоциана и Льва Діакона. Жертва жены; какъ и у Бонифація, исполняется «*grorgio manu*». Мертвенцу не сожженному у русскихъ давалась въ могилу жена *асиала*, по доброй волѣ или по принудительной силѣ обычая — этого не видно; здѣсь, при случаѣ, замѣтимъ, что память о такомъ обычаѣ русской старины, какъ кажется, сохранилась въ извѣстной былинѣ о Потокѣ: неподдерживаемый жизнью, древній бытовой мотивъ поэтически видоизмѣнился; народъ объяснялъ его тѣмъ, что жена Потока была чародѣйка и мудрости искала надъ мужемъ своимъ; для чего онъ заставляетъ ее, положивъ напередъ заповѣдь, свести ея съ собою въ могилу, но въ концѣ концовъ, старая дѣйствительность беретъ верхъ надъ поэзіей, и Авдотью Лиховидьвену (лебедь бѣлую) *зарываюши асиалою ея съ умершимъ мужемъ*¹⁾.

Массуди (†956) принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ арабскихъ путешественниковъ, которые черпали свои извѣстія не изъ книгъ предшественниковъ, но изъ личнаго богатаго опыта, изъ источниковъ непосредственныхъ и прямыхъ: онъ на своемъ вѣку видѣлъ множество земель, до него не посѣщенныхъ или не описанныхъ никѣмъ изъ арабовъ, такъ, нѣтъ сомнѣнія, онъ посѣщалъ Арменію, берега Каспійскаго моря и области Византийской имперіи, можно думать, что онъ былъ и въ земляхъ западныхъ славянъ, или, по крайней мѣрѣ, получилъ о нихъ свѣдѣнія отъ человѣка, лично тамъ бывшаго: на это указываетъ его обстоятельное этнографическое описаніе славянскихъ племенъ,

1) Такъ по тексту Кирии Данилова (стр. 230—5), который мы считаемъ древнѣе, чѣмъ редакціи у Рыбникова.

которое, будучи сдѣлано по глухому слуху, заключало бы гораздо болѣе порчи, искаженій и преувеличеній; сверхъ этого, мы увидимъ (см. «Приложеніе»), что онъ пользовался какими-то особыми извѣстіями о славянахъ, б. м. греческими ¹⁾.

«Славяне, говоритъ онъ въ своихъ «Историческихъ Лѣтописяхъ», раздѣляются на многія племена, одни изъ нихъ христіане, также между ними есть маги (т.-е. язычники) и поклонники солиду... Большинство изъ нихъ маги, они сожигаютъ своихъ мертвыхъ и поклоняются имъ ²⁾».

О какихъ славянахъ идетъ здѣсь рѣчь, сказать трудно, такъ по крайней неясности относящихся сюда топографическихъ опредѣленій Массуди, такъ и потому, что изъ его «Историческихъ Лѣтописей» до сихъ поръ въ наукѣ извѣстны только незначительные отрывки.

Въ «Золотыхъ Лугахъ» Массудивысказывается опредѣленіе:

«Язычники, обитающіе въ землѣ хозаръ, принадлежатъ къ разнымъ племенамъ, между которыми находятся славяне и русскіе..., они сожигаютъ своихъ покойниковъ, возлагая на тотъ же костеръ ихъ вьючныхъ животныхъ, оружія (Шарм.=домашнюю утварь) и украшенія. Когда кто-нибудь умираетъ, жена его сожигается живою вмѣстѣ съ нимъ, но если жена умираетъ первая, мужъ не подвергается этой участи. Когда кто умираетъ холостымъ, ему даютъ жену по смерти (Шарм.=женать по смерти). Жены пламенно желаютъ быть сожженными вмѣстѣ съ своими мужьями, чтобы вслѣдъ за ними (Шарм.=съ ихъ ду-

1) О Массуди см. подробности: Reinaud. Géographie d'Aboulséda, p. I. Introduction. p. LXIV sq. и наше «Приложеніе». Переводъ нашъ изъ «Золотыхъ Лугахъ» сдѣланъ по повѣстному франц. изданію Barbier de Meynard's: Masoudi. Les prairies d'or. Par. 1861—5 до сихъ поръ 4 vol; въ спискахъ ( ) помѣщаются разнорѣчія, встрѣченныя нами въ переводѣ Шармуа: Relation de Mas'oudy (ионѣц. въ Mémoires de l'Académie des sciences de Spb. VI ser. II и въ отд. оттискѣ), а также и у другихъ.

2) См. Отрывки изъ «Историческихъ Лѣтописей» напечатаны Кренеромъ въ Sitzungsberichte d. Wiener Akademie. philoa.-hist. Classe 1860, p. 207—11. Объ этомъ сочиненіи см. наше «Приложеніе».

шани ¹⁾ войти въ рай. Это — обычай индусовъ, у которыхъ, однакоже, жена сожигается съ мужемъ только тогда, когда она сама того захочетъ ²⁾ (глава XVII или по др. XV).

Далѣе, вчисляя въ главѣ XXXIV (или XXXII) различныя племена славянскія, Массуди говорятъ:

«Что же касается до племени, известнаго подъ именемъ сертиновъ — сербовъ (Шарм. = Serbine), то славяне, которые его составляютъ, сожигаютъ себя, когда умираетъ ихъ князь (гоі) и владыка, въ огонь бросаютъ также лошадей, которыя ему служили; эти племена имѣютъ обычай, сходные съ индусами..... Въ странѣ хозаръ находятя славяне и русскіе, они сожигаютъ сами себя (?) на огромныхъ кострахъ ³⁾».

О *борджаназъ* = *боларазъ* дунайскихъ Массуди въ «Историческихъ Лѣтописяхъ» говорятъ слѣдующее:

«Когда изъ борджанъ кто умираетъ, они собираютъ всѣхъ его рабовъ и прислугу (Diener und Gefolge), произносятъ извѣстные пожеланія (weisheitsprüche) и сожигаютъ ихъ съ жертвцомъ, говоря: «мы сожигаемъ ихъ въ этомъ свѣтѣ, за то они не будутъ сожжены на томъ». Борджане имѣютъ большой храмъ; если кто умретъ, они заключаютъ его въ немъ и съ нимъ жену и рабовъ, и они остаются тамъ, пока не умрутъ съ голода ⁴⁾».

Взвѣсившая всѣ другія показанія Массуди о славянахъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что они далеко не равной цѣны: съ одной стороны онъ представляется намъ человѣкомъ, близко знакомымъ съ славянскими племенами и ихъ бытомъ, съ другой — только доверчивымъ собирателемъ слуховъ, продиктовавшихъ ему напр. ту фантастическую картину славянской религіозной

1) У Ганакера: *cum enim de alternam felicitatem adepturas esse credunt.* apud Frähn. Iba Fenzl. p. 105.

2) Barbier de Meynard. Maçoudi, t. II p. 9, 10. Charmoy. Relation, Mémoires...etc., p. 317, отд. оттиска, — p. 31. Радѣленіе главъ въ текстѣ Барбье де Мейнара — иное, чѣмъ у Шармуа.

3) Barbier de Meynard. Maçoudi, t. III p. 63—4; Charmoy. Relation, p. 314 (18 стр).

4) Кремеръ въ Sitzungsab. der wien. Akademie, 1850, p. 210—11.

древности, какую находимъ въ LXVI (или LXIV) главѣ его «Золотыхъ Луговъ», именно гдѣ говорится о священныхъ зданіяхъ славянъ. Нѣтъ, впрочемъ, никакой видимой причины отнести подозрительно къ приведеннымъ извѣстіямъ его о языческомъ погребеніи: имъ не противорѣчатъ ни свидѣтельства другихъ источниковъ, ни самыя обстоятельства, въ какихъ находились тогда племена славянскія. Христіанство, хотя и считало уже около столѣтія своей жизни на славянской почвѣ, но, можно сказать, только что начинало приниматься: самъ Массуди, въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, замѣчаетъ, что *многіе* изъ славянъ уже христіане и имѣютъ церкви, о большинства же выражается, что они — язычники и солнцепоклошники; языческіе обряды могли еще быть въ своей силѣ или, по крайней мѣрѣ, продолжаться по живому преданію, которое не легко уступаетъ порядкамъ новой религіи даже и тогда, когда она вступаетъ на болѣе готовую почву, чѣмъ это было у племенъ славянскихъ.

Какъ общераспространенный погребальный обычай у славянъ юго-западныхъ: сербовъ и болгаръ (низійскихъ славянъ) и восточныхъ — русскихъ (быть-можетъ, также новгородцевъ), Массуди знаетъ *сожженіе*, онъ повторяетъ это нѣсколько разъ съ ясностью, недопускающею сомнѣній; только, говоря о борджанахъ = болгарахъ дунайскихъ, онъ какъ бы намекаетъ, что на ряду съ сожженіемъ употреблялся и обычай *похороны* въ собственномъ смыслѣ; хоронили ли борджане своихъ мертвецовъ въ храмѣ, какъ можно полагать изъ словъ Массуди, въ этомъ позволительно сомнѣваться — и по совершенному отсутствію однородныхъ показаній въ источникахъ, и по естественному порядку вещей; замѣтимъ къ этому, что другой арабскій этнографъ, Аль-Бекри, списавшій это мѣсто изъ Массуди, ничего не знаетъ о *храмѣ*, а говоритъ прямо о *могилахъ* (см. ниже), у Ибнъ-Досты, какъ мы видѣли, рѣчь тоже идетъ о *могилахъ* комматѣ; отсюда можно заключать, что это мѣсто изъ текста

1) *Ibidem*, pag. 208—9.

«Историческихъ Лѣтописей» или испорчено, или передано повѣрно (Кремеромъ?)¹⁾! Устранивъ ошибку, мы получимъ извѣстіе, что у борджанъ одновременно съ погребальнымъ обычаемъ сожженія существовалъ и обычай *похороны*, и такой фактъ не долженъ казаться страннымъ: онъ, какъ мы замѣчали уже, находитъ полное подтвержденіе въ другихъ свидѣтеляхъ древности. Какъ сожигали, такъ и хоронили покойника не одного, но вмѣстѣ съ нимъ его жену, рабовъ, коней и вообще скоть, оружіе, утварь, словомъ — все, чѣмъ пользовался въ жизни покойникъ, и въ чемъ онъ могъ, по народнымъ понятіямъ, имѣть нужду по смерти. Держась буквально словъ Массуды, можно подумать, что обычай сожигать съ покойникомъ жену и рабовъ былъ общеобязательнымъ, непреложнымъ явленіемъ жизни, только сербы какъ будто *добровольно* обрекали себя на сожженіе съ своимъ мертвымъ владыкою. Относительно рабовъ такой обычай, конечно, не былъ слѣдствіемъ добровольнаго самопожертвованія, но жена покойника — имѣла ли она право выбора: остаться въ живыхъ, или идти на костеръ вслѣдъ за мужемъ? Рѣшить это въ настоящемъ случаѣ трудно: Массуда, не зная всѣхъ условій обычая и основываясь только на видности, могъ слишкомъ обобщить явленіе; имп. Маврикій и св. Бонифаций, гораздо ранѣе, говорятъ о *добровольномъ* участіи жонъ въ судьбѣ мужа (см. выше стр. 42—3, 46—9); но съ другой стороны, ничего нѣтъ страннаго, что у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и въ 10 вѣкѣ этотъ обычай могъ являться въ жестокой общеобязательной формѣ²⁾. Суровость обычая смягчалась *религиознымъ* *спросомъ*, что только вслѣдъ за мужемъ—жена, вслѣдъ за господиномъ—рабы

1) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности воспользоваться готовностью нашихъ арабистовъ проверить это мѣсто текста «Историческихъ Лѣтописей» Массуды: оно до сихъ поръ не издано, Кремеръ представляетъ только краткія извлеченія и то въ нѣмецкомъ переводѣ. Быть-можетъ, извѣстіе это произошло отъ неточной передачи славянской рѣчи, гдѣ арабъ чаще имѣетъ значеніе простого дома, комнаты, чѣмъ священнаго аданія.

2) Выраженіе о сербахъ, что они сожигаютъ сами себя (?)—слѣдуетъ, конечно, понимать относительно рабовъ и прислугъ князя или владыки.

могутъ войти въ обитель блаженныхъ; потому-то жены не задумывались жертвовать жизнью и даже пламенно желали этого. Такое вѣрованіе, вмѣстѣ съ понятіемъ, что усопшій продолжаетъ жить и по смерти съ тѣми же потребностями, породило странный обычай — женить холостого по смерти, ибо если женитьба составляетъ законъ и необходимость земной жизни, она равно необходима и въ иномъ мірѣ. Жены и рабы сожигались живыми на кострахъ и (у борджанъ) съ извѣстными религіозными причитаніями; изъ нихъ Массуди приводитъ слѣдующее: «мы сожигаемъ ихъ на этомъ свѣтѣ, за то они не будутъ сожжены на томъ». Если дать этому выраженію цѣну достовѣрности и не принять его за случайное и незначительное, то, кажется, въ немъ можно видѣть намекъ на языческія понятія о томъ, что нѣкоторыхъ людей, напр. жену, непослѣдовавшую за мужемъ, рабовъ — за своимъ господиномъ, ожидала въ загробномъ мірѣ огненная казнь *некла*. Въ случаѣ естественной смерти жены при жизни мужа, онъ не раздѣлялъ ея участи, не предавался смерти. Религіозное почтеніе къ усопшимъ, покорны и поминки ихъ, чествованіе предковъ въ образѣ домашнихъ пенатовъ, безъ сомнѣнія, заставили Массуди сказать, что *славяне поклоняются мертвымъ*.

Сочиненія Массуди послужили обильнымъ источникомъ, откуда черпали многіе послѣдующіе арабскіе писатели. Мы пройдемъ ихъ извѣстія, указывая только на отступленія отъ источника, таковы:

Аль-Бекри († 1094), написавшій сочиненіе «*Пути и Страны*»¹⁾. Слѣдуя своему источнику, онъ передаетъ о болгаръ дунайскихъ слѣдующее:

«Въ числѣ обычаевъ борджанъ находится такой: когда кто умретъ, они кладутъ его въ глубокую ямку, погребаютъ вмѣстѣ

1) Рене (Géographie d'Aboulféda I, p. CIII) сомнѣвается, чтобы первая часть этого сочиненія, гдѣ говорится о хозарахъ, принадлежала Аль-Бекри; дѣйствительно, онъ только списывалъ и сокращалъ Массуди.

съ ними его жонъ и служителей, заставляя ихъ умереть съ голода; другихъ сожигаютъ вмѣстѣ съ мертвецомъ¹⁾.

Аль-Бекри, мы замѣтили выше, исправляетъ и объясняетъ темное показаніе Массуди о погребеніи у болгаръ дунайскихъ: здѣсь уже нѣтъ поминъ о *храмѣ*, но о глубокой *могилѣ*, въ которой погребаютъ мертвеца и вмѣстѣ съ нимъ жену и рабовъ, также и одновременное существованіе двухъ различныхъ обычаевъ—*погребенія* и *сожженія* выступаетъ въ словахъ Аль-Бекри явственнѣе, чѣмъ у Массуди.

Ибрагимъ бенъ Вешифъ-Шахъ († 1225) пересказываетъ одно мѣсто изъ «Историческихъ Лѣтописей» слѣдующими словами:

«Большинство славянскихъ племенъ маги (язычники) и сожигаютъ сами себя»²⁾.

Якутъ († 1229) въ своемъ Географическомъ Словарѣ представляетъ буквальную выписку изъ «Золотыхъ Луговъ» — о погребеніи сербовъ, при чемъ онъ и сослался на источникъ³⁾.

Димешки († 1327) въ своей Космографіи, кажется, только распространилъ это же извѣстіе:

«Одни славяне исповѣдуютъ христіанство, другіе не признаютъ никакой религіи и не зависятъ ни отъ какой пчелы (ни отъ какого народа?), это тѣ, которые всего ближе къ сѣверу и океану. Они сожигаютъ тѣла своихъ князей по ихъ смерти и, вмѣстѣ съ ними, сожигаютъ рабовъ обоюга пола, жонъ и лицъ, бывшихъ въ услуженіи у князя: секретаря (?), визиря (?), любимца (собокольника) и врача»⁴⁾.

Буквально это мѣсто не встрѣчается въ сочиненіяхъ Массуди, но отсюда нельзя заключать о его самостоятельности, и намъ кажется, что оно явилось вслѣдствіе желанія позднѣйшаго араб-

1) Напечатано у Deffrémery. Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. Paris, 1849 (оттискъ изъ Journal asiatique 1849, N 10) p. 25.

2) Charmoy. Relation de Mas'oudi, Mémoires etc. p. 326 (30 отд. ст.).

3) Charmoy. ibidem. p. 331 (35).

4) Charmoy. ibidem. p. 353 (56).

скаго космографа объяснить темное выраженіе своего источника, въ этомъ убѣждаетъ насъ и исчисленіе ближнихъ людей князя, взятое изъ жизни мусульманскаго Востока, и то обстоятельство, что въ XIII—XIV вв. такой рѣшительно языческой и варварской обычай уже не могъ имѣть мѣста въ жизни какого-нибудь славянскаго племени, не потому, конечно, чтобы нравы и обычай народа успѣли смягчиться, но потому, что этого не дозволили бы вошедшіе въ силу христіанскіе порядки. Извѣстіе Димешки, очевидно, запоздало тремя вѣками, оно идетъ изъ болѣе стараго литературнаго источника, которымъ и могли быть сочиненія Массудя.

Наконецъ, укажемъ еще, что въ «Лѣтописяхъ достопримечательностей» неизвѣстнаго автора и времени,—разсказъ Массудя о погребеніи у сербовъ отнесенъ къ славянскому народу Nandjin или Bāndjin¹⁾.

Какъ видно, всѣ пересказыватели Массудіевыхъ извѣстій, ничего не прибавляютъ новаго противъ источника, и только Аль-Бекри поясняетъ его.

Вполнѣ оригинальнымъ является намъ сказаніе Ибнъ-Фоклана (путеш. около 921 г.), арабскаго посланника калифа Муктедира ко двору болгарскаго царя. Онъ видѣлъ русскихъ купцовъ, приходившихъ въ Булгаръ, наблюдалъ ихъ нравы и образъ жизни, спрашивалъ чрезъ толмача о значеніи и смыслѣ странныхъ для него обычаевъ, записалъ все, что удалось ему видѣть и выпытать. Извѣстія его сохранились въ географическомъ словарѣ Якута. Въ нашемъ «Приложеніи» читатель встрѣтитъ краткій комментарий ко всѣмъ, сообщаемымъ имъ фактамъ, здѣсь же рассматриваемъ только его извѣстія о погребальныхъ обычаяхъ языческой Руси; о нихъ онъ распространяется всего болѣе, какъ очевидецъ²⁾.

1) Charney. *ibidem*. q. 366 (70).

2) Мы переводимъ по тексту (переводу) Френа: „Ibn Fouklan's und anderer Araber berichte... Spb. 1823., нѣкоторыя разсужденія приводимъ изъ Раммуссена: *De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aet. Haav. 1825*, p. 37 sq., и Оссона: *Les peuples du Caucase*, Par. 1828, p. 96 sq.

«Если кто-нибудь изъ Руси (русскихъ) заболѣвалъ, они разбивали для него въ отдаленіи отъ себя палатку, переносили его туда, и оставляли возле него немного хлѣба и воды. Близко къ больному они не подходятъ, также не разговариваютъ съ нимъ и, что еще хуже—не посѣщаютъ его ни разу во время болѣзни¹⁾, особенно, если это бѣднякъ или рабъ. Если онъ выздоровѣетъ и встанетъ съ постели, то возвращается домой къ своимъ; въ случаѣ же смерти—его сожигаютъ; только когда это — рабъ, его оставляютъ, какъ онъ есть (не сожигаютъ), пока не станетъ добычею псовъ и хищныхъ птицъ.

Мнѣ говорили, что съ своими (Рас. мертвыми) начальниками они дѣлаютъ вещи, изъ которыхъ сожженіе составляетъ лишь самое незначительное. Я хотѣлъ узнать эти обычаи, и вотъ, наконецъ, меня извѣстили о смерти одного изъ знатныхъ между ними. Они опустили его въ могилу и на десять дней снабдили ее крышею, пока не скроили и не сшили ему одежду. Если покойникъ—человѣкъ бѣдный, ему строятъ небольшую ладью, и сжигаютъ его въ ней, по смерти же богатаго собираютъ его имѣніе и раздѣляютъ на три части: одну даютъ его семьѣ, другую употребляютъ на покупку платья, на третью покупаютъ крѣпкаго напитка (pavis) для попойки въ тотъ день, когда дѣвушка его предается смерти и сжигается вмѣстѣ съ господиномъ...

Когда умираетъ изъ нихъ какой начальникъ (князь), его семейство спрашиваетъ у его дѣвушекъ и отроковъ: «кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ?» Одинъ изъ нихъ отвѣчаетъ: «я», и какъ только скажетъ это, онъ связанъ и уже не можетъ отказаться, даже—еслибы онъ самъ этого захотѣлъ. По большей части дѣлаютъ это дѣвушки; потому, когда вышеозначенный мужъ умеръ, спросили у дѣвушекъ его: «кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ?» Одна изъ нихъ отвѣчала: «я». Тогда поручили

1) Раскусевъ предполагаетъ здѣсь и такой смыслъ: „не посѣщать его عمدливо“ р. 87.

ее двумъ дѣвушкамъ, онѣ должны были стеречь ее, всюду ходить за нею и иногда даже мыли ей ноги; сами же люди (родные?) занялись дѣломъ усопшаго: кроили ему платье, приготовляли все нужное. Дѣвушка же между тѣмъ пѣла каждый день, пѣла, была весела и довольна.

Когда настала день, въ который надлежало быть сожжену умершему и дѣвухѣ, я отправился на рѣку, гдѣ стоялъ его корабль; но онъ уже былъ вытасченъ на землю, для него были вбиты въ землю четыре большіе столба изъ березы (Chalendsch) и другаго дерева, и кругомъ ихъ разставлены деревянныя фигуры на подобіе людей¹⁾, корабль притащили сюда и поставили на столбы. Люди между тѣмъ начали ходить взадъ и впередъ и говорили слова, которыхъ я не понималъ, а мертвецъ лежалъ вдаль въ своей могилѣ, откуда его еще не вынимали; потомъ припесли скамью (ложе), поставили ее на корабль и покрыли ее ватными стегаными одеялами, греческой золотой паволокой и подушкой изъ той же матеріи; тотчасъ пришла старая женщина, которую они называютъ ангеломъ смерти, и разостлала названные вещи на скамьѣ. Она-то распорядилась шитьемъ платья и всѣми приготовлениями, она же убиваетъ и дѣвуху. Я видѣлъ ее, эту женщину: точно чортъ съ иррачнымъ и страшнымъ взглядомъ! Когда пришли къ могилѣ покойника, сняли землю съ деревянной крыши и самую крышу приняли прочь, вынули мертваго въ холстинѣ, къ которой онъ умеръ. Я видѣлъ, какъ отъ жестокаго холода страны онъ весь почерпѣлъ; крѣпкій напитокъ, плоды и музыкальный инструментъ (базалайка?)²⁾ были положены съ нимъ въ могилѣ, и все это теперь снова вынули. Мертвецъ, кромѣ цвѣта, не измѣнился. Его одеяла въ подштанники, штаны, сапоги, камзолъ и кафтанъ изъ золотой паволоки съ золотыми пуговицами, надѣли шапку золотой матеріи, опушенную соболями. По-

1) Раамна. „statuae lignae, hominibus, heroicisque formâ similes (p. 40).

2) Frähn: „eine Last“, Ohsson: „na luth“, во всякомъ случаѣ—инструментъ струнный.

томъ понесли его въ шатеръ, разбитый надъ задью, посадили на стеганое одеяло, подперли подушками, принесли крѣпкій напитокъ, плоды, пахучія травы и положили возгѣ него, также хлѣбъ, мясо и лукъ (чеснокъ) положили предъ нимъ, потомъ принесли собаку, разрубили ее на двѣ части и бросили въ задью, все оружіе покойника положили возгѣ него, привели двухъ лошадей и гоняли ихъ, дотогѣ ихъ гоняли, пока онѣ не измучились (сильно не вспотѣли), тогда разрубили ихъ своими мечами, и мясо ихъ бросили въ корабль; затѣмъ были приведены два быка (двѣ коровы) и ихъ также изрубили и бросили въ корабль, принесли еще курицу и пѣтуха, зарѣзали ихъ и бросили туда же.

Между тѣмъ дѣвушка, обрекая себя на смерть, ходила туда и сюда и вошла въ одинъ изъ шатровъ, которые находились тамъ; тогда обитатель его¹⁾ легъ къ ней и сказалъ: «скажи своему господну, что только изъ любви къ тебѣ я сдѣлала это (!)».

Было въ пятокъ послѣ обѣда: дѣвушку подвели къ предмету, нмѣ сдѣланному, который имѣлъ видъ выступа у двери²⁾; она стала на ладони мужинъ, заглянула за возвышеніе (сруба) и произнесла какія-то слова на своемъ языкѣ, потомъ ее спустили съ рукъ. Снова ее заставили взойти на возвышеніе, и она сдѣлала то же, что и въ первый разъ; ее снова опустили, потомъ подняли въ третій разъ, и все она дѣлала то же (т. е. произносила слова), какъ въ первый и второй разъ; тогда ей дали курицу, она отрѣзала ей голову и бросила прочь; курицу подняли и бросили въ корабль. Я освѣдомлялся у переводчика обо всемъ, что она дѣлала: «въ первый разъ, отвѣчалъ онъ, она сказала: «вотъ вижу я отца моего и мать мою», во второй — «вотъ вижу я—сидятъ вмѣстѣ всѣ мои умершіе родные», въ третій разъ — «вотъ и мой господинъ, онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекра-

1) Разшии „amazon ejus puellae“.

2) Расмуссенъ предполагаетъ (р. 41—2 in nota), что здѣсь разумѣется сруба или возвышеніе надъ колодезю, что, кажется, и справедливо.

сепъ, такъ зеленъ..., возлѣ него вся его дружина и отроки, онъ зоветъ меня, ведите же меня къ нему». Тогда подвели ее къ кораблю, она сняла пару своихъ ручныхъ обручей и отдала ихъ старухѣ, которую называютъ ангеломъ смерти и которая должна была ее умертвить, сняла также обручи съ ногъ и отдала ихъ двумъ служившимъ ей дѣвушкамъ, называемымъ дочерьми ангела смерти. Затѣмъ подняли ее на корабль, но не пустили, пока, въ раскинутый надъ нимъ шатеръ. Пришли мужчины со щитами и палцами и поднесли ей чашу крѣпкаго напитка (меда). Она взяла ее, заплѣла надъ нею и потомъ выпила. «Эгимъ, сказалъ мнѣ переводчикъ, она прощается съ своими близкими», подали ей другую чашу, она взяла и плѣла длинную плѣсню; но старуха торопила ее скорѣе выпить чашу и войти въ шатеръ, гдѣ лежалъ ея господинъ; дѣвушка испугалась, нерѣшительно подошла къ шатру; но только просунула голову между нимъ и кораблемъ, старуха быстро схватила ее за голову, втащила ее въ шатеръ, и сама вошла туда же; въ ту минуту мужчины начали бить палцами въ щиты, чтобы не было слышно ея криковъ и другія дѣвушки не испугались бы и не отказывались бы снова давать согласіе на смерть съ своими господами. Потомъ въ шатеръ вошли шесть мужчинъ и, совокупившись по одиночкѣ съ нею, положили ее возлѣ ея господинна, двое изъ нихъ схватили ее за руки, двое за ноги, старуха же, называемая ангеломъ смерти, надѣла ей веревку на шею и, подавъ концы ея двумъ другимъ мужчинамъ, чтобы они тянули, подошла сама съ большимъ широкимъ ножомъ и вонзила его между реберъ дѣвушки, двое мужчинъ душили ее веревкою, пока она не скончалась. Тогда выступилъ, совершенно нагой, одинъ изъ родственниковъ покойника, онъ взялъ кусокъ дерева, зажегъ его и шелъ задомъ къ кораблю, держа въ одной рукѣ зажженное дерево, другою придерживая свои заднія части, пока не зажегъ костра подъ кораблемъ. Затѣмъ пришли и другіе съ подпалками и другимъ деревомъ, каждый несъ зажженный кусокъ и бросалъ его въ тотъ костеръ. Скоро огонь охватилъ костеръ, потомъ — корабль, шатеръ, мужчину, дѣвушку и все, что

было на кораблѣ, подулъ страшный вѣтеръ, и пламя еще болѣе распространилось.

Возлѣ меня стоялъ одинъ изъ тѣхъ руссовъ; я слышалъ — онъ что-то говорилъ съ переводчикомъ, который былъ подлѣ него. Я спросилъ переводчика, что ему сказалъ русскій, и получилъ отвѣтъ: «вы, арабы, сказали онъ, глупый народъ: чело-вѣка, который былъ для васъ милѣе и почтеннѣе прочихъ людей, вы зарываете въ землю, гдѣ его ѣдятъ ползающіе звѣри и черви; мы же сожигаемъ его во мгновеніе, чтобы онъ немедленно и безъ задержки вошелъ въ рай.» Тутъ онъ захохоталъ во все горло и прибавилъ: «владыко благосклоненъ къ умершему: вотъ онъ посылаетъ вѣтеръ, который во мгновеніе его унесетъ»¹⁾. И дѣйствительно, не прошло часу, какъ корабль, костеръ и дѣвушка съ умершимъ — превратились въ пепелъ.

Тогда, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ выгашенный изъ воды корабль, насыпали они возвышеніе, подобное круглому холму, утвердили въ срединѣ его большое деревянное (изъ березы) сооруженіе²⁾, на которомъ начертали имя усопшаго вмѣстѣ съ именемъ русскаго князя. Сдѣлавъ все это, они разошлись.

Таковы показанія Ибнъ-Фозлана о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ руссовъ, сохранившіяся у Якута, который, сообщая ихъ въ своемъ «Словарѣ», не могъ не выразить своего изумленія, и отвѣтственность за достовѣрность ихъ возложилъ на автора³⁾.

Если въ лицѣ Массуди мы имѣемъ ученаго историка и географа своего времени, собирателя разнородныхъ извѣстій, приводимыхъ имъ въ систему, то въ Ибнъ-Фозланѣ мы находимъ только рассказчика. Онъ самъ былъ очевидцемъ, самъ наблюдать

1) Ohsson: «Dieu a voulu le voir arriver plus tôt», p. 101.

2) Frähn: «ein grosses Büchen Holz» (p. 21); Rasmus: «magnam lignam metallum ponentem» (p. 45); Ohsson: «une grande pièce de bois de bouleau» (p. 101); въ русскихъ переводахъ это мѣсто обыкновенно передается словомъ столбъ; причина, почему мы отступили отъ этого объясненія — ниже.

3) Frähn. Ibn Fozlan's Berichte, p. 23.

правы и обычай языческой Руси; но могъ ли онъ все видѣть, о чемъ рассказываетъ, все ли онъ передалъ вѣрно, все ли онъ полагалъ такъ, какъ слѣдовало? Ибнъ-Фоцланъ передаетъ что онъ видѣлъ и слышалъ, но онъ—человѣкъ совершенно иной страны, иныхъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій, чѣмъ эта чуждая, наблюдаемая имъ жизнь; потому онъ глядитъ на нее не простыми глазами: самыя обыкновенныя и простыя явленія, случайныя порядки ея представляются его удивленному пониманію, какъ особенности народнаго характера или какой-то обрядъ, и онъ невольно преувеличиваетъ видѣнное, притомъ онъ довѣряетъ всему, что передавалъ толмачъ и самыя русскіе, а они, конечно, между правдой рассказывали и небывыцы съ желаніемъ порисоваться предъ иностранцемъ и хвастнуть своимъ: «Вы арабы — глупый народъ» — говорилъ Ибнъ-Фоцлану одинъ изъ русскихъ, и другіе едва ли стѣснялись правдой предъ чужеземцемъ, простакомъ-наблюдателемъ... Еще до погребенія знатнаго русскаго купца, Ибнъ-Фоцлану насажали о ихъ обычаяхъ много чудесъ и, разъ готоваясь видѣть небывалое и диковинное, онъ не умѣлъ уже удержаться въ границахъ дѣйствительности: его любопытство идетъ далѣе, и воображеніе пополняетъ непонятныя и скрытыя пробѣлы происшедшаго; къ тому же онъ писалъ для публики, для читателей, прославленныхъ своею наклопностью къ чудеснымъ рассказамъ: чѣмъ необыкновеннѣе повѣсть, тѣмъ болѣе вниманія къ ней и уснѣха, тѣмъ болѣе нища для самолюбія автора и бывалаго странника; при этой мысли трудно вообще остаться холоднымъ передатчикомъ дѣйствительности, трудно не увлечься стремленіемъ поразказать своимъ читателямъ поболѣе диковиннаго, и потому трудно представить лишь нагую дѣйствительность, не разукрасивъ хотя нѣкоторыхъ сторонъ ея...; для араба же, не привыкшаго полагать границу между прозой и поэзіей жизни, такая трезвая осмотрительность — почти невозможна; потому-то въ рассказѣ Ибнъ-Фоцлана мы не видимъ простого, безыскусственнаго отчета о видѣнномъ: это — картина разрисованная, въ которой сочеталась и нагая дѣйствительность,

и досужія толкованія переводчика-руководителя, и побѣги личной фантазіи изумленнаго мусульманина, который, встрѣтивъ такой необыкновенный народъ и такіе странные обычаи, хочетъ рассказать о нихъ своимъ читателямъ и удивить или позабавить ихъ. Такимъ образомъ, Ибнъ-Фозлянъ соединяетъ въ себѣ столько же достоинства очевидца, сколько и недостатки неумѣлаго наблюдателя и путешественника-литератора: достоинства и важность его показаній давно признаны, но они, надѣмся, станутъ опредѣленнѣе и яснѣе, когда мы отдѣлимъ въ нихъ черты сомнительныя и преувеличенныя, происходящія и отъ неумѣнія его стать въ правильныя отношенія къ наблюдаемому, и отъ довѣрія въ первомъ подручному объясненію переводчика, и отъ невольнаго соблазна подѣйствовать на читателей рассказомъ о странныхъ обычаяхъ¹⁾; принявъ въ расчетъ все это, мы будемъ въ состояніи извлечь изъ показаній Ибнъ-Фозлана весьма важныя данныя относительно языческой погребальной древности русскихъ — славянъ; они важны не потому только, что записаны очевидцемъ, такъ сказать на мѣстѣ и по горячему слѣду своей жизни, но и по тѣмъ подробностямъ, которыхъ мы не встрѣтимъ ни въ одномъ однородномъ памятникѣ, и въ которыхъ изслѣдователь не имѣетъ права сомнѣваться, потому что они не противорѣчатъ понятіямъ и условіямъ быта языческой старины.

Ибнъ-Фозлянъ рассказываетъ, что больного русскіе отдѣляли въ особое помѣщеніе и прочіе люди прекращали всякое сообщеніе съ нимъ. Такъ слѣдуетъ изъ перевода Френа, но Расмуссенъ, мы видѣли, даетъ тексту и иной смыслъ: «больного посѣщаютъ ежедневно»; послѣднее — вѣроятнѣе; но если принять и первое, то все же едва ли можно видѣть здѣсь какое-нибудь постоянное обыкновеніе русскихъ; скорѣе думать, что

1) Забѣгать слѣдуетъ, что всѣ указаные нами недостатки Ибнъ-Фозлана гораздо болѣе ясны въ первой части его извѣстій (см. наше Проложеніе), чѣмъ во второй, съ которой мы имѣемъ теперь дѣло; личное наблюденіе шло здѣсь своею обязательную сторону.

это было частное обыкновеніе русскихъ купцовъ въ Булгарі: побужденіемъ къ нему могла служить или испытанная заразительность болѣзни, или, что вѣрнѣе, бѣдность и рабство: торговымъ людямъ некогда было заботиться о бѣднякѣ или рабѣ, за немогшемъ на чужбинѣ, и они оставляли его на произволъ судьбы; съ богатыми, конечно, бывало иначе, и самъ Ибнъ-Фопланъ намскаеть на это, указывая, такимъ образомъ, на случайность своего извѣстія.

Умершіе предавались сожженію — таковъ общій погребальный обычай русскихъ по извѣстію Ибнъ-Фоплана: простые люди просто и сжигались въ лодкѣ, которую строили на этотъ случай, знатные и богатые сжигались съ особыми почестями и приговорами. Въ такомъ отличіи нѣтъ ничего страннаго: оно естественно и находитъ подтвержденіе въ свидѣтельствахъ могилъ не только славянской территоріи, но и вообще всей Европы¹⁾: богатые и знатные люди имѣли болѣе средствъ и, кажется, болѣе правъ на роскошную погребальную почесть, потому что и быть языческихъ славянъ не былъ чуждъ сословнаго элемента. Но зачѣмъ и простая чадь и знатные сжигаются въ ладѣ? Относительно похоронъ, видѣнныхъ Ибнъ-Фопланомъ, можно на первый разъ подумать, что это былъ не какой-либо непремѣнный обычай, а простое стеченіе обстоятельствъ: погребался пріѣзжій купецъ, ладья была однимъ изъ главныхъ предметовъ его имущества, и потому, на ряду съ прочими предметами житейскаго обихода, должна была удовлетворять его загробнымъ потребностямъ: на тотъ свѣтъ ему давали его собственность; бѣдняку для той же цѣли могли строить новую небольшую ладью, такъ какъ онъ не имѣлъ своей собственной, хотя и былъ купцомъ... Такъ можно понять извѣстіе Ибнъ-Фоплана, если допустить, что онъ имѣлъ въ виду лишь погребеніе русскихъ на чужбинѣ, въ Булгарі²⁾; но, кажется, его словамъ должно придать болѣе общій

1) Weinheld. Die heidnische Todtenbestattung. W. 1859, p. 24, 90, 96 et passim.

2) Такъ и повѣсть его Охсон: Les peuples du Caucase, p. 1829, p. 96 note.

смысла: слѣдуя изустному сообщенію, онъ могъ говорить такъ и не о частномъ погребальномъ обыкновеніи русскихъ купцовъ въ Булгарѣ, а вообще о русскомъ постоянномъ обычаѣ, независимо отъ случайныхъ обстоятельствъ, тогда лодка, въ которой сожигали покойника, получить значеніе одного изъ условій языческаго погребенія русскихъ славянъ (или, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь племени изъ нихъ), и свидѣтельство Ибнъ-Фоцлана возстановитъ намъ любопытный и важный фактъ славянской старины, именно: *обычай хоронима мертвеца въ лодкѣ, спускаемая ли его въ открытую воду, путемъ которой онъ достигнетъ страны блаженныхъ отцовъ, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, сожигая его тѣло; существованіе такихъ обычаевъ у другихъ племенъ индо-европейскаго корня не подлежитъ сомнѣнію¹⁾*, относительно бытованія ихъ у славянъ мы находимъ лишь темные отрывочные намеки, сохранившіеся въ языкѣ и нѣкоторыхъ фактахъ народной суевѣрной практики (мы соберемъ ихъ во 2-й части нашего изслѣдованія). Ибнъ-Фоцланъ впервые даетъ определенное въ этомъ отношеніи показаніе, и сомнѣваться въ истинѣ его тѣмъ менѣе должно, что тѣ же возрѣнія на загробную жизнь, какія условили этотъ обычай у другихъ родственныхъ племенъ — въ равной мѣрѣ, какъ увидимъ, существовали и у славянъ. Право на погребальную почесть имѣли лишь люди свободные: рабы не погребались и не сожигались, по смерти — они выбрасывались и становились добычею хищныхъ звѣрей и птицъ; рабами бывали по большей части иноплеменники и иновѣрцы, въ глазахъ властелиновъ они не заслуживали послѣдней чести, какъ вещь, которую можно было и убить и продать, свершить надъ ними священный обрядъ — значило уподобить ихъ свободнымъ; а по понятіямъ языческихъ славянъ рабство не прекращалось и за дверями гроба (см. ниже свид. Льва Діакона); потому, если и сожигались рабы, то вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, какъ служеб-

1) См. Grimm. Kleinere Schriften, t. p. 266 и слѣд. Weinh. Old, Altaordisches Leben. Ber. 1856, p. 478 sq, 783 sq.

ная сила его посмертному существованію, но не какъ правный лица; не надъ ними и не для нихъ совершался погребальный обрядъ, а они составляли предметъ, входившій въ него; отсюда понятно, почему рабы, умершіе естественною смертію, въ глазахъ славянъ-язычниковъ не имѣли права на погребальную почесть и оставались на произволъ судьбы.

Съ умершими сожигались отроки, и еще чаще дѣвушки, по добровольному ихъ согласію; были они, конечно, рабы и рабыни. О сожженіи отроковъ Ибнъ-Фозланъ получилъ свѣдѣніе изъ разспросовъ, смерть же дѣвушки рабыни онъ видѣлъ своими глазами; причина, почему дѣвушки предаются смерти чаще, чѣмъ отроки — остается темна: быть-можетъ, Ибнъ-Фозлану такъ рассказали русскіе купцы, торговавшіе исключительно рабнями; быть-можетъ, была тому и иная причина, именно—религіозное вѣрованіе, отмѣченное нами выше. О женѣ покойника Ибнъ-Фозланъ не говоритъ ни слова: кажется, онъ былъ холостой человекъ; тогда нельзя ли къ описываемому обряду примѣнить извѣстіе Массуди, что славяне и русскіе въ землѣ хозаръ *женямы холостую по смерти, и видѣтъ въ немъ сочетаніе двухъ, впрочемъ не далекихъ другъ отъ друга, обычаевъ, погребальную и свадебную?* Не выдавая этого предположенія за вѣрное, мы думаемъ, однако, что оно не лишено вѣроятія, потому что только съ этой точки зрѣнія можно объяснить нѣкоторые частные факты, замѣченные Ибнъ-Фозланомъ и совершенно странные и непонятные въ священномъ обрядѣ погребенія. Касательно добровольнаго согласія дѣвушекъ и отроковъ умереть съ своимъ господиномъ — извѣстіе Ибнъ-Фозлана не противорѣчитъ другимъ свѣдѣтельствамъ (см. выше, стр. 61); кажется, въ X столѣтіи суровая, принудительная сила обычая уже смягчилась: жены, рабы и рабыни уже имѣли право свободного выбора между жизнью и смертію и послѣднюю избирали добровольно, увлекаясь надеждой вступить въ обитель блаженства по слѣдамъ своего властелина. Тѣло усопшаго положили напередъ въ изготовленную особо могилу, которую покрыли крышею, и возлѣ него оставили питье,

плоды и музыкальный инструментъ; по понятіямъ язычника — покойникъ, видно, жилъ и въ могилѣ, но только жизнью, которая выдѣляла его изъ царства обыкновенной жизни и требовала для него особаго помѣщенія¹⁾. На мѣстѣ сожженія — въ день погребальнаго обряда, лодка или погребальное ложе обставлялось человѣкообразными фигурами; хотя ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ другихъ свидѣтельствахъ, но отвергать только потому показаніе Ибнъ-Фозлана — едва ли будетъ справедливо: фактъ принадлежитъ къ числу подмѣченныхъ, но видно, чтобы онъ былъ выдуманъ, или переданъ съ чужого голоса: Ибнъ-Фозланъ говоритъ здѣсь въ качествѣ очевидца; фигуры эти, вѣроятно, были изваянія божествъ, о которыхъ нашъ путешественникъ упоминалъ выше²⁾: погребеніе — всегда дѣйствіе священное, совершать его было естественно въ присутствіи боговъ. Усопшаго, какъ богатаго и знатнаго, погребали съ роскошью, великолѣпно одѣвъ его и убравъ погребальное ложе; его снабжали яствами и питьемъ, положили возлѣ него оружіе, сюда же бросили изрубленныхъ коней, быковъ (коровъ?), собаку, пѣтуха и курицу. Ибнъ-Фозланъ не знаетъ, почему коней предварительно измучили ѣдой, мы позволяемъ себѣ видѣть здѣсь не безцѣльное дѣйствіе, но почестъ, оказываемую мертвому: бѣгъ происходилъ въ честь его, подобно тому, какъ воины Аттилы, *«lectissimi equites, in modum circensium cursibus ambientes, facta ejus sancta funereo referebant»*¹⁾. Домашнія животныя должны были служить

1) Невольно вспоминается при этомъ, что и тѣло Аттилы до погребенія (см. выше, стр. 41) было также вынесено на поле и поставлено подъ разбитыя шатра.

2) Fgahn. Ibn. Fozl. p. 7—8 и ниже Приложение. Можетъ-быть, эти фигуры были изображеніями предковъ усопшаго, приобщавшагося къ нѣмъ сонну, тогда совершеніе обряда въ присутствіи ихъ будетъ еще понятнѣе. Существованіе подобныхъ нечестовъ въ языческой славянской старинѣ, какъ увидимъ ниже, подтверждается многими, и всего яснѣе запаломъ народныхъ суевѣрій.

1) Приводитъ здѣсь, по указанію Круга (Forschungen, II, p. 525), выдержку изъ Петра Дюсбурга о подробномъ же обычай Пруссонъ: *«cum nobilibus mortuis arma, equi, servi et ancillae, vestes, canes venatici, aves rapaces et alia, quae spectant ad militiam urerentur»*.

покойнику на томъ свѣтѣ—и съ этою цѣлью сожигался съ нимъ на кострѣ; такъ, вѣроятно, объяснялъ народъ значеніе обряда, и, съ своей точки зрѣнія окъ былъ правъ; но первоначальный источникъ обычая, кажется, возникъ помимо такого практическаго взгляда и вытекалъ изъ первобытныхъ мнѣческихъ воззрѣній на загробное существованіе и пребываніе души въ сферѣ воздушной, гдѣ движутся небесныя стада—облака (быки, коровы), гонимыя воюющимъ вѣтромъ (собакою) и освѣщаемыя блескомъ молній, небеснымъ огнемъ (пѣтухами), по этой области воздушнаго моря должна была носиться душа усопшаго въ *ладѣ* или на бурномъ конѣ. Мы не разъ еще остановимся на слѣдахъ такихъ воззрѣній на загробную жизнь, условившихъ многіе частныя порядки погребальнаго обряда, тогда наше толкованіе, надѣмся, не покажется страннымъ или натянутымъ, здѣсь замѣтимъ только, что, конечно, русскіе X вѣка, надѣляя своего покойника животными и птицами, не понимали уже первоначальнаго значенія обряда и исполняли его по преданію, вѣроятно, придавая ему указанное выше, позднѣйшее значеніе.

Погребальнымъ обрядомъ распорядилась старуха, называемая *Ангеломъ Смерти*, ей помогали двѣ дѣвушки, которыя назывались *дочерьми ея*; небогатые источники славянской языческой старины не говорятъ ничего объ этомъ дѣйствующемъ лицѣ погребальнаго обряда: нѣтъ, сколько знаемъ, никакого упоминанія о немъ и въ древне-сѣверныхъ источникахъ, но такое отсутствіе свидѣтельствъ еще не даетъ права отвергать показаніе Ибизъ-Фодлана. Въ суевѣрной практикѣ славякъ лицо старухи знахарки-ворожеи и донинѣ играетъ весьма важную житейскую роль, языкъ и обычай, въ свою очередь, сблизжаютъ понятіе о смерти съ понятіемъ о женщинѣ-старухѣ¹⁾, какъ знахарки она была хранительницею обычая и могла руководить его порядкамъ; что до ея имени, ангела смерти, то въ немъ можно

1) cf. Wörba. Archiv für die Geschichte der Lansiz. 8. 1798 p. 107—108. У лужичанъ и поминъ мертвыхъ тѣломъ завѣдуетъ старуха *оубога*.

видѣть мусульманскую передачу какого-нибудь русскаго нарѣчат., намъ неизвѣстнаго; служившія ей дѣвушки, вѣроятно, назывались ея дочерьми въ силу родовой черты языка, который усваиваетъ родственныя наименованія лицамъ, хотя и не стоящимъ въ дѣйствительномъ родствѣ, но связаннымъ какими-либо отношеніями. Сообщение обреченной на смерть дѣвушки съ любовникомъ можно понять, какъ символическій обрядъ вступленія въ бракъ съ умершимъ, которому природа уже отказала въ земномъ супружескомъ правѣ, какимъ, по естественному закону, сопровождается бракъ: его символически замѣняетъ другое, асимметрическое лицо; но слова, сказанныя имъ дѣвушкѣ, а равнымъ образомъ и совокушеніе съ нею 6-ти мужчинъ — совершенно невѣроятны. Весь текстъ первыхъ крайне не ясенъ и почти лишень смысла, къ тому же, какъ могъ посторонній человѣкъ и чужеземецъ видѣть, чтó происходило втайнѣ, скрытно отъ всякаго чужого взора, гдѣ и какъ онъ могъ слышать слова, которыя влагаетъ онъ въ уста любовника дѣвушки? Онъ руководился объясненіями толмача; но гдѣ порука, что объясненія эти были согласны съ дѣйствительностью, а не выдуманы для забавы надъ пытливымъ арабомъ! Допустивъ даже возможность разсказываемаго, все же невозможно признать его обычаемъ или обрядомъ: это могло быть только случаемъ, но какъ переводчикъ, остававшійся возлѣ Ибнъ-Фодлана, могъ предусмотрѣть его, или знать, чтó дѣлается тамъ, въ закрытомъ шатрѣ! Кажется, что къ такой *фантасм* Ибнъ-Фодланъ былъ приведенъ мыслью о крайней чувственности и сладострастіи русскихъ¹⁾: воображеніе только восполнило скрытую дѣйствительность — и вотъ, шесть мужчинъ, вошедшихъ въ погребальный шатеръ для того, чтобы предать смерти жертву, прежде поодиночкѣ наслаждаются съ нею чувственною любовью..., — и онъ точно присутствуетъ при совершеніи этого мерзостнаго обряда. Нигдѣ, ни у одного народа нельзя найти подобной черты быта: явленіе такъ противо-

1) Онъ говоритъ объ этомъ выше, см. наше «Приложеніе».

рѣшить чувству почтенія къ смерти и усопшему; такъ профанируетъ торжественность священнаго обряда погребенія, что мы не колеблемся признать все это сказкой араба, желающаго удивить соотчичей разсказомъ о томъ, какія чудеса пришлось ему высмотрѣть на своемъ вѣку.

Предъ смертью дѣвушка исполняла два обряда: она глядѣлась въ колодезь и торжественною пѣснью прощалась съ своими близкими, выпивая при этомъ подносимыя чаши напитка. Колодезь имѣетъ бытъ значеніе *рая*: мнѳческія представленія индоевропейскихъ народовъ сближаютъ жилище отшедшихъ блаженныхъ предковъ, рай — съ *колодеземъ* или *источникомъ*; страну отцовъ мнѳческое воззрѣніе помѣщаетъ на *островѣ* среди воздушнаго океана или въ *облакахъ* — *источникахъ*¹⁾, когда мнѳы низвелись на землю и приурочились къ извѣстнымъ земнымъ предметамъ, тогда произошла перемѣна и въ этомъ представленіи: мѣсто небесной воды заступила земная, источникъ или колодезь, и вѣчно зелентующій островъ блаженныхъ народная фантазія помѣстила въ колодезь... Чтобы смягчить во всякомъ случаѣ тяжелый переходъ въ вѣчность, обреченную жертву допускали напередъ увидѣть блаженства райа, и вотъ причина троекратнаго глядѣнія дѣвушки въ колодезь, гдѣ ея изступленное воображеніе видѣло всѣхъ родныхъ и господина, окруженныхъ прелестями райской жизни²⁾. Питье прощальной чаши и послѣднее причитаніе встрѣчаетъ многочисленныя аналогіи въ обычаяхъ славянскихъ племенъ: мы приведемъ ихъ въ своемъ мѣстѣ. Обрядъ, который совершала дѣвушка съ курицей, предъ своею смертью, можетъ имѣть столько же погребальное, сколько и

1) Въ Ригъ-Ведѣ *облака* представляются *источниками*. Ср. Maashardt. Germanische Mythen. Berlin. 1858, p. 268—270, et passim.

2) Забѣтннъ въ разсказѣ Ибнъ-Фозлана камущуюся неточность: дѣвушка видитъ своего господина въ райѣ, она зоветъ ее къ себѣ прежде окончательнаго погребальнаго обряда сожженія, который совершался именно для того, чтобы проводить усопшаго въ рай! Неточно ли переданы слова дѣвушки, или уже самое вбросаніе погупалось въ своей опредѣленности — сказать трудно.

брачное значеніе: въ народныхъ свадебныхъ обычаяхъ курица играетъ весьма видную роль: ею кормятъ молодыхъ на постелѣ, она служитъ для особыхъ свадебныхъ примѣтъ и гаданій, ею дарятъ молодыхъ на новое хозяйство, и вообще она является символомъ новой семьи, новоселья¹⁾; при такихъ понятіяхъ естественно подарить *новобрачную*, переселяющуюся на другое жилье, курвцей, которую она и *беретъ* съ собою. Объясненіе, какое даетъ Ибнъ-Фозланъ бытью палцами въ щиты слишкомъ рационально: вѣрнѣе думать, что такое дѣйствіе входило въ торжественность религіознаго обряда и первоначально основывалось на подражаніи громовымъ звукамъ явленій небесной сферы, куда переселялись души новобрачныхъ покойниковъ. Какъ способъ смерти дѣвушки отмѣтимъ *удушеніе* (см. выше, стр. 33—4, 55—6). Костеръ зажигалъ одинъ изъ родственниковъ покойника, *назой* и *идя задомъ къ кораблю*, другіе слѣдовали за нимъ; намъ неизвестна причина такого обнаженія, едва-ли, впрочемъ, слова Ибнъ-Фозлана слѣдуетъ понимать буквально: быть-можетъ, родственникъ усопшаго сбросилъ съ себя только важнѣйшую часть одежды, и тогда это можно понять, какъ трауръ по близкомъ²⁾, видимый знакъ бѣды (бѣдности), скорби; обстоятельство, почему онъ шелъ задомъ къ костру кажется случайнымъ, быть-можетъ, онъ желалъ защитить зажженный факелъ отъ противнаго вѣтра. На пепелищѣ сожженнаго насыпали въ память ему круглый холмъ-могилу и въ срединѣ ея ставили деревянное сооруженіе, на которомъ начерчивали³⁾ имя покойнаго и русскаго князя.

1) *Landts. Provinz. Blätter*. 1782. I, 141; II, 70; *Этнограф. Сборникъ*, V, p. 71; Терещенко, Бытъ рус. нар. II, 53; *Haupt. Sagenbuch der Landts*, L. 1862. I, p. 62—3; *Сваріовіса. Croaten und Wenden*. Drea. 1829, 114 p.; Бузавъ. *Очерки рус. нар. поэзіи*. I, 47—48.

2) Taylor (*Researches into the early History of Mankind*. L. 1845. p. 49—50) предлагаетъ много примѣровъ или полнаго обнаженія тѣла, или нѣкоторыхъ частей его въ знакъ покорности, уваженія, потому—бѣды, печали, траура.

3) О письменахъ этихъ нельзя ничего сказать положительнаго; быть-можетъ, это были рисы. О существованіи особыхъ письменъ у Руси X вѣка говорить Ибнъ-Якубъ-Эль-Недимъ и представляеть списокъ ихъ, доселѣ необъясненный. См. *Frähn. Ibn-Abu-Jakub-El-Nedim's Nachricht v. d. Schrift der Russen im X Jhrd.* Pet. 1836.

Что это было за сооруженіе — мы попытаемся опредѣлить всо-сѣдствіи; кажется, однако, это не былъ простой столбъ: путеше-ственниковъ выразился бы тогда яснѣе; кажется, что здѣсь рѣчь идетъ о *надиробной постройкѣ*. Странно, что Ибнъ-Фозланъ ни-чего не говоритъ о погребальной тризнѣ, хотя выше, упоминая о раздѣлѣ имущества покойника, онъ прямо выражается, что третья часть его идетъ на попойку (тризну, которая ему каза-лась только попойкой) въ тотъ день, когда сожигается дѣвушка вмѣстѣ съ своимъ господиномъ; вѣроятно, тризна совершалась или не на могилѣ, а дома, или нѣсколько позднеѣ, и тогда Ибнъ-Фозланъ не видѣлъ ея.

Подобно Массуду и извѣстія Ибнъ-Фозлана перешли въ произведенія многихъ послѣдующихъ арабскихъ писателей-этно-графовъ: изъ него, кажется, взяли свои показанія:

Истахри (путеш. около 951 г.): «русскіе сожигаютъ сво-ихъ покойниковъ, вмѣстѣ съ имуществомъ, на пользу ихъ душъ»¹⁾.

Ибнъ-Хаукаль (976): «русскіе сожигаютъ своихъ усоп-шихъ, и съ богатыми изъ нихъ сожигаются вмѣстѣ и дѣвушки (служанки, рабыни) по собственному ихъ побужденію»²⁾.

Эдризиди (10 в.) буквально повторяетъ Ибнъ-Хаукала, впрочемъ съ указаніемъ на источникъ³⁾.

Левъ Діаконъ († circa 989), рассказывая о борьбѣ Свято-слава съ Цинисіемъ въ Болгаріи и пораженіи, какое потерпѣли Русы у Доростола, передаетъ слѣдующее: когда отъ руки Ане-маса погибъ первый послѣ Святослава богатырь Икморъ ("Икмо-

1) Meerdmann. *Buch der Länder*, Hamb. 1845, стр. p. 106. Можетъ-быть, Истахри и самъ, независимо отъ указанного источника, получилъ тѣ же свѣдѣнія, такъ-какъ онъ, должно полагать, былъ въ земляхъ прикаспій-скихъ.

2) Frähn. *Ibn-Fozlan's Berichte...* p. 252. Ибнъ Хаукаль, какъ видно, заимъ извѣстіе изъ Ибнъ-Фозлана, а не изъ Истахри, своего главнаго источ-ника.

3) Lelewel. *Géographie du moyen Age*. Brux. 1852 t. III—IV. p. 165.

рес), Руссы (Рῥος), сильно пораженные этимъ несчастіемъ, забросали щиты на спину и отступили къ городу...

ἤδη δὲ νυκτὸς καταστροφῆς καὶ τῆς μῆνης κληρονομοῦ οὐσης, κατὰ τὸ πιδίον ἐξελθόντες τοὺς σφετέρους ἀνεψιφλάρων νεκρούς· οὗς καὶ συναλίσσαντες πρὸ τοῦ περιβόλου καὶ πυρᾶς θαμινὰς διανάψαντες κατέκαισαν, πλείστους τῶν αἰχμαλώτων, ἀνδρας καὶ γυναῖκα, ἐπ' αὐτοῖς κατὰ τὸν πατριὸν νόμον ἐναπογράξαντες, ἑναγισμοὺς τε πεποιηκότας ἐπὶ τὸν Ἰστρον ὑπομάχια βρήρη καὶ ἀλεχτρούνας ἀπίπνηξαν, τῷ ῥεδίῳ τοῦ ποταμοῦ ταῦτα κατακοντώσαντες. λίγεται γὰρ Ἑλληνικοῖς ὀργίσις κατόχους ὄντας..» (ed. Bonn. L. IX, с. VI. p. 160).

Мы далеко отошли бы отъ нашей цѣли, войдя въ подробное разсмотрѣніе этнологическаго вопроса о Руссахъ (Рῥος) византийскихъ писателей: конечно, важенъ этотъ вопросъ по многимъ отношеніямъ; но и наука не владѣетъ, пока, достаточными средствами къ его рѣшенію, и по самой сущности дѣла онъ представляется въ настоящемъ случаѣ—*обходимымъ*; въ разсказѣ Льва Діакона рѣчь идетъ ни о какомъ-нибудь этнологически цѣльномъ народѣ, но о *волахъ* Святослава. Примемъ ли мы *норманское* происхожденіе *Русси*, или *славянское*, все же этнологическая цѣльность воевъ Святослава останется недоказанною: ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя будетъ еще заключать, что она состояла изъ исключительно пришлаго (норманскаго), или изъ исключительно туземнаго (славянскаго) народа. Вопросъ о составѣ воевъ Святослава отчасти разрѣшается извѣстными русской лѣтописи, еще подъ годомъ 6390 читаемъ: «пойде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи»; подъ 6415: «иде Олегъ на Греки.. поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляне, и Сѣверо, и Деревляне, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тверци, яже суть Тлъковны»...; подъ 6452 годомъ: «Игорь совокупивъ *сми* многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Твърьци и Печенѣги... пойде на Греки»; послѣ битвы при Переяславцѣ Святославъ бралъ съ грековъ дань «и за

оубьеныя, глаголя: яко родъ его возьметь»; потомъ, «видѣвъ мало дружины своея, рече въ собѣ... пойду въ Русь, приведу болѣ дружины»; взявъ съ грековъ дары, «поча думати съ дружиною, рѣка сице: аще не с'творимъ мира со царемъ, а оубѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступятъ ны въ градѣ, а Руска земля далеча...., но с'творимъ миръ со царемъ, да изнова изъ Руси, *своокупимше оом, оумножимши, поидемъ Царюгороду*». Эти ясныя указанія заставляютъ думать, что, если даже допустить исконную отличительную черту мирнаго характера славянскихъ обитателей юга Россіи¹⁾, уже при Олегѣ примѣръ пришлаго дружинничества не оставался безъ вліянія и на туземное славянское населеніе, вызывая и въ немъ жажду славы и воинскихъ подвиговъ: убыль въ приходивъ пополнялась туземнымъ источникомъ, и чрезъ сотню лѣтъ послѣ пришествія чуждаго военнаго сословія, даже и при новыхъ притокахъ его, въ дружинѣ, а тѣмъ болѣе и въ *волахъ*—не замѣчается уже перебѣса чуждой народности. Далѣе, Кедринъ (или Скилица?) рассказываетъ, что въ числѣ убитыхъ воевъ Святослава находились и *женщины, переодѣтыя въ мужское платье, онѣ сражались съ мужьями (μετὰ τῶν ἀνδρῶν) противъ грековъ²⁾*; изъ Льва Діака известно, что въ лагерьъ были и *младенцы*, которые, имѣя сомнѣнія, принадлежали этимъ женщинамъ, рѣшившимся раздѣлить тревоги воинской жизни съ своими мужьями³⁾... все это скорѣе

1) Едва ли, впрочемъ, такая мысль можетъ имѣть значеніе историческаго факта: одно географическое положеніе славянъ, обитавшихъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря, въ ближайшемъ соосѣдствѣ съ азіатскими народами, то кочевывавшими въ тѣхъ мѣстахъ, то танувшими иио нихъ на западъ, должно было вывести русскихъ славянъ изъ адальнн мирнаго быта и воспитать въ нихъ воинскую предприимчивость; вспомнивъ здѣсь удалыхъ черноморскихъ руссовъ и ихъ походы на Востокъ. Впрочемъ, объ этомъ см. Приложение.

2) Cedr. ed. Bonn. II p. 406.

3) Много мнѣнія держится уважаемый А. А. Куникъ: «Sie (erschlagene Frauen) waren, говоритъ онъ, schwerlich Familienmütter, sondern gehörten wol ohne Zweifel zur Klasse der Schildmädchen, welche wir in der normannischen Geschichte öfters antreffen, nach deren Aussagen sie theils ohne Männer theils in Verblindung mit ihnen auf kriegerische Abenteuer anzogen». Beruf. der schw.

указываетъ на *мусельный* (славянскій) составъ воевъ Святослава, чѣмъ на *беадомную* дружину пришлецовъ (норманновъ). Потому, руководствуясь только этими указаниями, можно, кажется, принять за исторически достовѣрное, что *сом* Святослава подѣ Доростоломъ въ большинствѣ состояли изъ русскихъ славянъ; иначе трудно будетъ объяснить и ихъ отважную заботу не *посрамить* земли русской и ихъ осѣдлыя наклонности характера: какъ, несмотря на богатую приманку добычи впереди, ихъ все-таки влечетъ мысль о возвратѣ въ далекую русскую землю, гдѣ видѣлся отдыхъ отъ трудовой и бурной жизни война. Къ этому прибавимъ, что имя Русь, Рѣс, въ 10 вѣкѣ уже не имѣетъ строгаго этнологическаго характера: Левъ Діаконъ употребляетъ его для обозначенія войска Святослава, Лѣтопись—для обозначенія русской земли вообще, русскаго народа и въ частности—воевъ и дружины.

Не находя, такимъ образомъ, никакого внѣшняго препятствія отнести свидѣтельство Льва Діакона къ *славянской* древности, позволяемъ себѣ подробный разборъ его внутренняго содержанія, при этомъ главнымъ образомъ имѣемъ въ виду этнологическую сторону предмета.

Со стороны теоріи норманскаго происхожденія Руси, кажется, сдѣлано все, чтобы объяснить вышеприведенное свидѣтельство Льва Діакона: блестящій и остроумный комментарий къ нему г. Кунника читатель найдетъ въ 2-мъ томѣ его труда: «*Begrufung der schwedischen Rodsen* (Spb. 1845, p. 451—492)». Позволяя себѣ не раздѣлять, въ этомъ случаѣ, основного взгляда уважаемаго нами ученаго на славянскій элементъ Святославовой дружины, попытаемся представить такой же комментарий къ свидѣтельству Льва Діакона съ точки зрѣнія славянскаго быта.

Родsen. II p. 452. Чтобы такое предположеніе могло получить силу, для этого, во—1-хъ, необходимы доказательства болѣе прочныя, чѣмъ указанія на побужденіи образы Ольга и Рогнады; во 2-хъ; необходимо доказать, что младецы, о которыхъ говоритъ Левъ Діак., принадлежали не женщинамъ, находившимся въ числѣ воевъ Святослава.

Предварительно продолжимъ выдержку изъ Льва Діака: она касается вѣрованій тавроскивовъ (т. е. руссовъ)¹⁾ въ будущую жизнь. Рассказавъ, что они, будучи побѣждены и не видя спасенія, никогда не предаются въ руки врагу, Левъ Діакъ поясняетъ, «τοῦτο δὲ πράττουσι, δεξάν κλητῆμένοι τοιαύτην φασὶ γὰρ τοῖς πρὸς τῶν ἐναντίων κατακτινομένους ἐν ταῖς πόλεμοις, μετὰ τὸν μὲρον καὶ τὴν ἐκ τῶν σωμάτων διαίτησιν τῶν ψυχῶν, ἐν ἄδει ταῖς αἰδέοντας ὑπηρετεῖν. Ταυροσκίδα δὲ, τὴν τοιαύτην δεδιότας λατρίαν ἀποστύχουστας δὲ καὶ ταῖς ἀναρροσιν αὐτοῦς ἐξυπηρετεῖν, τῆς ἰαυτῶν σφαγῆς αὐτόμαρς γίνονται. ἀλλὰ τοιαύτη μὲν ἡ ἐπικρατήσασι ἐν αὐτοῖς δεξά, (ed. Bonn. p. 151—2). Какъ въ этого, такъ и въ вышеприведеннаго мѣста Льва Діакона открывается, что руссы на будущую жизнь смотрѣли, какъ на продолженіе настоящей, съ ея радостями и горемъ (рабство), что употребляемый ими способъ погребенія мертвецовъ—было сожженіе; вадъ усопшими они убивали плѣшниковъ мужичиъ и жещичиъ; по совершеніи же погребальнаго обряда душили младенцевъ и топили ихъ съ пѣтухами въ рѣкѣ. Едва ли слѣдуетъ доказывать, что вѣрованіе въ чувственную будущую жизнь и обычай сожженія тѣлъ усопшихъ были одинаково распространены и у норманновъ, и у языческихъ славянъ: относительно послѣднихъ на это существуютъ прямые историческія свидѣтельства; мы собираемъ ихъ въ настоящей главѣ нашего труда; и если они представляются далеко не въ такомъ обиліи, съ какимъ они собраны г. Куника относительно сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ, то, по крайней мѣрѣ, въ такой же ясности, не позволяющей сомнѣваться или отвергать ихъ: бѣдность свидѣтельствъ о сожиганіи тѣлъ усопшихъ у славянъ объясняется вообще сравнительною бѣдностью лѣтописныхъ свидѣтельствъ о нравахъ и обычаяхъ этихъ племенъ въ эпоху ихъ язычества, и богатство свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ у скандинавовъ—никакъ не дастъ права заключать о норманскомъ

1) Объясненіе этого убогого термина у г. Куника: *Begriffung d. Hadesen II*, p. 8—9 et 447.

характеръ погребальной тризны Святославовыхъ воєвъ: вѣрова-
ніе въ чувственную будущую жизнь, обычай сожженія—столько
же норманскіе, сколько и славянскіе. Говоря объ убійствѣ плѣн-
никовъ надъ тѣлами павшихъ воиновъ, о потопленіи младенцевъ
и пѣтуховъ въ струяхъ Дуная, Левъ Діак. несомнѣнно передаетъ
не случайное явленіе, но обычный фактъ народной жизни (хатѣ
тѣмъ патрионъ вѣровъ), такъ понимали его всѣ изслѣдователи дре-
вности, но какой смыслъ могъ имѣть этотъ обычай—это, пока,
остается вопросомъ. Относительно убійства плѣнниковъ, мужчинъ
и женщинъ, мы наклонны раздѣлить мнѣніе г. Куника, что это
были не языческія жертвы богу войны, а рабы, предназначав-
шіеся на служеніе павшимъ¹⁾, тѣмъ болѣе, что самъ лѣтописецъ,
какъ видно изъ приведенной нами выдержки, свидѣтельствуетъ,
что руссы переносили идею рабства и въ область загробнаго
міра; естественно такое понятіе у народа рабовладѣльца, кото-
рый посмертную жизнь понимаетъ и представляетъ въ реаль-
ныхъ, земныхъ формахъ; существованіе его въ славянской дре-
вности подтверждается извѣстною клятвенною формулою Игорева
договора: «да будутъ рабы въ сій вѣкъ и въ будущій», о самомъ
обычаѣ упоминается, какъ мы видѣли, и въ другихъ положитель-
ныхъ свидѣтельствахъ славянской древности.

«Совершенно иную цѣль—говоритъ г. Куникъ—имѣло
удушеніе младенцевъ и погруженіе ихъ вмѣстѣ съ пѣтухами въ
Дунай: можетъ-быть, этимъ хотѣли доставить средства къ благо-
получному переходу душъ павшихъ воиновъ; вообще пѣмецкія
племени приносили въ жертву младенцевъ и въ особенности за-
кладывали ихъ въ стѣны» (р. 458). Здѣсь не вполне ясною пред-
ставляется связь между обрядомъ и мыслью: чѣмъ именно облег-
чали эти жертвы переходъ въ вѣчность? Давъ силу нѣкоторымъ
преданіямъ и археологическимъ фактамъ славянской древности,
окажется, что суровый обычай зарывать и закладывать въ стѣну

1) Куникъ, loco citato, Срезневскій. Святлища и обряды изъ Богослуж. Славянъ (X. 1846) р. 17, 86—8.

живыхъ людей, какъ взрослыхъ, такъ и младенцевъ — нигдѣ мѣсто и въ жизни языческихъ славянъ¹⁾; но едва ли между ними и погребеніемъ младенцевъ во имя Святослава существуетъ какая-нибудь связь, по крайней мѣрѣ она — не явная, и потому здѣсь гораздо вѣроятнѣе допустить объясненіе историческое: между павшими во имя Святослава, какъ видно изъ Кедрина, были женщины; нѣтъ сомнѣнія, что съ ними въ дружинѣ были и дѣти, грудные младенцы; по смерти отцовъ и матерей²⁾ они оставались сиротами, на произволъ судьбы, имъ не было болѣе мѣста въ военной, вѣдущей дружинѣ; а отсюда, естественно, должна была явиться мысль о присоединеніи ихъ къ сонму усопшихъ родныхъ: ихъ *удушили* и, слѣдуя вѣрованію, сближающему загробную область съ *водою* (небесною), *погрузили въ струи Дуная*. Обычаю приносить въ жертву усопшимъ пѣтуховъ — г. Кунникъ не нашелъ подтвержденій въ сѣверныхъ источникахъ. Для славянской древности указанія на этотъ обычай не рѣдки: мы встрѣтили уже такой же обычай у Ибнъ-Фозлана, приведемъ еще нѣкоторые факты изъ суетврныхъ народныхъ обычаевъ: по указанію г. Срезневскаго³⁾, у карпатскихъ горцевъ и у хорутанъ кое-гдѣ доселѣ существуетъ обыкновеніе умерщлять на могилѣ пѣтуха, въ Атикарскомъ уѣздѣ (Саратов. губ.) тотъ же обычай уплѣлъ уже въ смягченной формѣ: когда опускаютъ мертвеца въ могилу, родственника покойнаго, поймавъ заранѣе въ домѣ его *ямуха* или курицу, передаетъ его чрезъ могилу другой женщинѣ, а потомъ его отдають нищему⁴⁾;

1) Нѣкоторые изъ нихъ указаны К. Я. Эрбенкомъ, въ ст. его *Obřetování veští*, въ *Сазор. časak. Museum*, 1848, р. 37 sq.

2) Мы позволимъ себѣ даже высказать предположеніе, что женщины, которыхъ, по словамъ Л. Д., убили руссы надъ островами своихъ воиновъ, были вовсе не мѣльнички, а скорѣе жгши павшихъ: предположить это естественно, чѣмъ думать, что греки, отправляясь въ недалекий походъ, брали съ собою и женщинъ; славянской обычай убійства жены на гробѣ мужа — не требуетъ подтвержденія.

3) Святяшща и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ X. 1846, р. 88.

4) Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1845, № 36.

жертвы пѣтухамъ являются у славянъ въ многочисленныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни †; изъ сравнительнаго разбора относящихся сюда преданій и повѣрій видно, что въ образѣ пѣтуха мнѣческое міросозерпаніе народа олицетворяло небесный огонь, блескъ грозы въ пространствѣ небеснаго моря¹⁾, а такъ какъ то же міросозерпаніе тамъ же представляло себѣ и область пребыванія и дѣйствія душъ усопшихъ, то участіе пѣтуховъ въ погребальномъ обрядѣ становится понятнымъ; сюда принадлежитъ и замѣчательная чешская поговорка о душахъ усопшихъ младенцевъ, что они на *луту пасутъ пѣтушковъ* (на louce kohoutky pasou)²⁾, т. е. *въ раю стерегутъ небесные блески* = молніи. Переселяя, такимъ образомъ, души младенцевъ въ воздушную область небеснаго моря, народный обычай придавалъ имъ и пѣтуховъ (символъ небеснаго блеска), которыхъ они будутъ пасти на томъ свѣтѣ.

Такимъ образомъ, и по внутреннему содержанію свидѣтельство Льва Діакона можетъ быть усвоено славянской старинѣ³⁾, и дастъ для нея слѣдующіе факты: оно подтверждаетъ существованіе погребальнаго обычая сожженія у славянъ (восточныхъ), при чемъ—усопшимъ давались въ услугу рабы-пѣтушки, которыхъ предавали смерти надъ погребальнымъ костромъ; съ усопшими родителями иногда предавались смерти чрезъ удушеніе и младенцы-сироты, которыхъ, слѣдуя преданію, имѣющему мнѣческое основаніе, топили въ водѣ вмѣстѣ съ пѣтухами.

Титмаръ, епископъ Межиборскій († 1018) оставилъ въ

† Nauš Běselevný kalendář slovanský. Pr. 1860 стр. 124, 129, 175, 183 et passim. Востоковъ, Описание ркн. Руинповск. Музея. Сиб. 1842, стр. 226 ст. 2. Grohmann, Aberglauben und Gebräuche aus Böhmen und Mähren. Pr. 1864. p. 51, 74—6.

1) Ср. Аванастевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 1-я, М. 1866. стр. 518 и sq., Mannhardt, Germanische Mythen, В. 1868 p. 341.

2) Nauš Běselevný kalend. p. q.

3) Свидѣтельство Льва Діакона относитъ къ славянской древности и Яковъ Гримъ см. Kleinere Schriften, B. t. II. 1865 p. 293—4, ст. Über das Verbrennen der Leichen.

своей Хроникѣ два относящихся до нашего предмета свидѣтельства: одно касается вѣрованій славянъ въ безсмертіе души, другое—ихъ погребальнаго языческаго обычая.

Первое находится въ 7-й главѣ 1-й книги.

«Haec loquor... in litteratis et maxime Sclavis, quicquid morte temporalis omnia putant finire» †.

Это, на первый взглядъ странное, извѣстіе вызвало слѣдующій обстоятельный комментарий г. Срезневскаго: замѣчаніе Дитмара — говорить онъ, какъ ни случайно брошено оно въ его лѣтописи, приводитъ обыкновенное доказательство тому, что славяне не имѣли понятія о безсмертіи души; но послѣ доказательства противнаго, при убѣжденіи, что Дитмаръ не говорилъ того, чего не зналъ, нельзя не искать въ его замѣчаніи много, болѣе правдоподобнаго, смысла. Можно предполагать, что Дитмаръ, не заботясь о фактѣ, высказалъ только мнѣніе, для христіанна его времени очень возможное, что славяне, какъ язычники, не могли сознать идеи о воскресеніи душъ иначе, какъ посредствомъ всѣхъ другихъ истинъ христіанскаго ученія; но этому предположенію противорѣчитъ характеръ всей лѣтописи Дитмара: желая сказать такую мысль, онъ выразилъ бы ее полнѣе. Остается, слѣдовательно, предположить, что Дитмаръ, зная о вѣрованіи славянъ въ двойственность посмертной судьбы человѣческой, зная, что, по вѣрованію славянъ, для однихъ готовилась послѣ смерти новая жизнь, между тѣмъ какъ для другихъ смерть была совершеннымъ окончаніемъ существованія, обратилъ вниманіе только на эту послѣднюю мысль, какъ на совершенно противную духу христіанства. Едва ли можно какъ-нибудь иначе понять слова Дитмара, не вѣря тому, что Дитмаръ не зналъ никакого обычая славянъ, въ которомъ выражалась бы ихъ надежда на жизнь послѣ смерти. Неловкость выраженія оправдывается его случайностью»¹⁾. При всемъ уваженіи къ уче-

† Bielowski. Monumenta Poloniae historica. t. 1. Lwów. 1864. p. 244.

1) Ст. о языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души. Ж. Мн. Нар. Просв. 1847. № 2, стр. 193—4, Ср. Святыхъ и обряды аз. бог. др. Сл. стр. 18.

нему авторитету проф. Срезневскаго, мы позволимъ себѣ въ настоящемъ случаѣ быть иного мнѣнія, и вотъ на какихъ основаніяхъ: понятіе о совершенномъ уничтоженіи бытія по смерти было совершенно чуждо славянскому язычеству: его не подтверждаютъ никакіе памятники старины; приведенныя г. Срезневскимъ заклинанія и поговорки («Богъ меня убей, бій ты сына Божя, піеш тиѣ Рап Вѣг забіје, zobу тје Вѣн забіл, да не Богъ убије, изгниуо као невѣрац, исчезни, сгинь ты, пропади, провались, не стало те нѣти душе твоје») едва ли выражаютъ что-нибудь иное, а не простое недоброе пожеланіе утратить дорогой даръ жизни: какъ ни сильна была вѣра въ будущую жизнь, но все же она не могла пересилить привязанности къ земному бытію и побѣдить смутное чувство страха предъ неизвѣстною таинственностью загробнаго существованія; подобныя поговорки возможны при всякой религіи и даже при такой, которая совершенно чужда понятія о загробномъ возмездіи. Споры нѣтъ, что вообще *возможна идея о совершенномъ уничтоженіи за гробомъ*, но при чувственномъ характерѣ язычества, она едва ли могла изъ идеальной идеи стать реальнымъ понятіемъ и сдѣлаться твердымъ, опредѣленнымъ предметомъ вѣрованія. По отношенію къ свидѣтельству Титмара также нѣтъ, кажется, надобности предполагать существованіе такого понятія или вѣрованія въ славянской языческой древности: Титмаръ начинаетъ 72-ю главу II книги своей Хроники слѣдующими словами: *«ut nullus Christiano fidelium de futura mortuorum resurrectione diffidat, sed ad beatæ immortalitatis gaudia anhelanter per sancta proficiscatur desideria, quaedam, quæ in urbe Wallislevo.. accidisse voraciter compere, intimabo»* (Biel p. 243), и вслѣдъ затѣмъ передаетъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ о томъ, какъ ночью усопшіе являлись въ церквахъ и совершали богослуженіе, какъ привидѣнія предсказывали всегда что-нибудь необыкновенное или недоброе. Этими примѣрами Титмаръ хочетъ убѣдить тѣхъ, которые невѣруютъ (*inlitterati* = невѣгласи) въ христіанскій догматъ воскресенія мертвыхъ и возмездія въ будущей жизни, въ особен-

ности славянъ, которые полагають, что съ смертию все кончается; глава заключается богословскимъ разсужденіемъ о трехъ родахъ душъ. Отсюда видно, что Титмаръ смотрѣлъ на понятія языческихъ славянъ о будущей жизни съ точки зрѣнія христіанской догматики; не находя у нихъ вѣрованія о воскресеніи мертвыхъ, онъ не задумался приписать имъ понятіе о совершенномъ уничтоженіи за гробомъ; къ тому, быть-можетъ, ему былъ извѣстенъ славянской погребальный обычай сожженія; обычай этотъ такъ противорѣчилъ духу христіанства и его догматамъ, что благочестивый епископъ не пашель для него другого объясненія, какъ допустивъ существованіе указаннаго небывалаго понятія. Здѣсь невольно приходитъ на мысль и отбѣчающее Титмару извѣстію—мѣсто изъ нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: «се же послѣ же, говорилъ Володимиръ своимъ боярамъ и старцамъ, придоша Грьци.. и много глаголаша, сказавъ отъ начала міру, о бытїи всего міра..... и друїи сѣмъ поведаютъ быти: да аще кто дѣтєть, въ нашу вѣру ступитъ, то пакы, оумрєть, станєть и не оумрєтї ему вѣка....» годъ 6495. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь рѣчь идетъ не объ общемъ вѣрованіи въ безсмертіе души, а о христіанскихъ догматахъ будущей жизни и воскресенія мертвыхъ. Такъ, по нашему мнѣнію, должно понимать и слова Титмара о мнимомъ вѣрованіи славянъ.

Второе свидѣтельство Титмара касается уже погребальнаго языческаго обряда славянъ. Оно тоже случайно и потому очень глухо: подъ 1018 г., рисуя нравственное состояніе подданныхъ Болеслава Храбраго, онъ говоритъ:

«in tempore patris sui (т. е. Мисекоиса, Мечислава), cum is jam gentilis esset, unaquaeque mulier post viri exequias sui igne cremati decollata subsequitur»¹⁾.

Само по себѣ ясное, это свидѣтельство очевидно подавало поводъ ко многимъ противорѣчивымъ толкованіямъ: извѣстный Добнеръ²⁾ относилъ его не къ полякамъ, а къ сосѣднимъ съ

1) Liber VIII cap. II. Bielowski. Monum. p. 312.

2) Hagek a Lib. Annales Bohemorum. (Pr. 1763.) tomus II, p. 51. in nota.

нии пруссамъ; Ворбсъ простираетъ его лишь на нѣмѣцкую Силезію, гдѣ, по его мнѣнію, существовали дуги, нѣмецкое племя, у котораго было въ обычаѣ сожигать тѣла умершихъ ¹⁾. Такія предположенія выходили изъ напередъ принятой системы, будто бы славянскія племена имѣли исключительно одинъ погребальный обычай, обычай погребенія въ собственномъ смыслѣ или похоронъ въ землѣ и не сожигали, подобно многимъ другимъ народамъ, тѣлъ усопшихъ. Еще Добровскій ²⁾ достаточно показалъ неосновательность перваго предположенія; что же касается до *сторого* (предп. Ворбса), то оно можетъ показаться правдоподобнымъ только тогда, когда мы станемъ разсматривать его въ отдѣльности, т. е. безъ связи съ предшествующимъ текстомъ Титмара и безъ сопоставленія съ другими свидѣтельствами славянской древности. Титмаръ говоритъ о нравахъ славянъ, о польскомъ народѣ, имѣющемъ различныя грубыя, но въ то же время и похвальные (*interdum laudabiles*), обычаи; онъ оправдываетъ суровую жестокость ихъ тѣмъ, что самый народъ, котораго должно *пастн*, какъ *быковъ* и *бить*, какъ *ословъ* «*sine reoena gravi non potest cum salute principis tractari*», что чрезъ такіе обычаи и наказанія божественный законъ, недавно насажденный *въ тѣхъ странахъ* (*in his regionibus noviter exorta*), гораздо прочнѣе укореняется, чѣмъ чрезъ установленный епископомъ постъ. Заговоривъ о Болеславѣ Хр. и отцѣ его Мечиславѣ, хронистъ снова находитъ поводъ коснуться *похвальной* грубости древнихъ польскихъ нравовъ, потому что встрѣчаетъ невыгодное противорѣчіе ей въ распущенности и развратѣ своего времени: жестоко былъ обычай убивать жену по смерти мужа, жестоко и наказаніе за нарушение дѣвственной чистоты; но они хранили общую нравственность, тогда-какъ отсутствіе строгости повлекло за собою полный развратъ современности. Та-

1) Kruse. Deutsche Alterthümer (H. 1824), t. I. pars I, pag. 43.

2) Abhandlungen der Böhmis. Gesellschaft der Wissenschaften auf das Jahr 1786 (Pr. 1786), p. 386.

кова, какъ кажется, мысль Титмара. Ни о какомъ другомъ племени, кромѣ польскаго (populus ejus, sc. Bolizlavi), адѣсь нѣтъ и помяну, самая принадлежность Силезіи къ Польшѣ въ нач. XI вѣка и существованіе въ ней въ эту эпоху лугиевъ, не находятъ никакого подтвержденія въ историческихъ свидѣтельствахъ ¹⁾; потому и нѣтъ достаточныхъ причинъ не относить свидѣтельство Титмара къ польскимъ славянамъ 10 вѣка; изъ него неоспоримо вытекаетъ, что еще при Мечиславѣ, до принятія имъ христіанства, у поляковъ существовалъ древній погребальный обычай сожженія; на гробѣ мужа предавалась смерти (м.-б. противъ своей воли) и его жена, чрезъ отсѣченіе головы. Текстъ Титмара не разрѣшаетъ вопроса: сожигалась ли жена съ мужемъ или нѣтъ; сжатость рѣчи хрониста позволяетъ допустить и то и другое: Ибнъ-Доста, Ибнъ-Фоцданъ и другіе свидѣтели старины, какъ мы видѣли, говорятъ о сожженіи тѣла жены; если же держаться буквального смысла текста, то должно будетъ принять, что жена *только предавалась смерти* по совершеніи погребального обряда надъ своимъ мужемъ; во всякомъ случаѣ, позволительно полагать, что останки ихъ хоронились въ одной могилѣ: на это какъ бы указываетъ глаголъ *subsequitur*, который, впрочемъ, можетъ имѣть и общее значеніе послѣдованія въ вѣчность ²⁾.

1) Beiträge zur Geschichte und Alterthumskunde der Nieder-Lausitz. hrsg. v. Galus und Neumann. II Heft. Lubben. 8°. 1838, p. 10.

2) Неопредѣленность выраженія Титмара заставила Л. Суворовскаго сомнѣваться въ справедливости его показанія; въ такомъ мнѣніи утвердилъ его и то обстоятельство, что Гельмольдъ, по его словамъ, вѣрный переписчикъ Титмара, хорошо знавшій славянъ вообще и поляковъ, не смѣлъ повторить этой сказки (см. Исслѣдованіе начала народовъ славянскихъ, рус. пер. М. 1846, стр. 62). Причина, почему Гельмольдъ не перенесъ въ свою хроникку Титмарова свидѣтельства, объясняется легко частнымъ или случайнымъ характеромъ послѣдняго; сверхъ того, Гельмольда никакъ нельзя называть переписчикомъ Титмара: множество извѣстій его явилось самостоятельнымъ, а наоборотъ у Титмара находится многое, о чемъ вовсе не говоритъ Гельмольдъ. Вообще, послѣ того, какъ намъ стала, хотя отчасти, извѣстны арабскіе источники славянской древности, послѣ уснѣховъ археологической науки, едва ли кто рѣшится назвать извѣстіе Титмара—сказкой.

Можно было бы вовсе опустить совершенно незначительныя упоминанія Гельмольда (сгг. 1147) о погребальной старинѣ славянъ, но такъ какъ нѣкоторые археологи¹⁾ ссылаются на нихъ въ рѣшеніяхъ вопроса о характерѣ славянскаго погребенія, то мы находимъ не лишнимъ выслушать и его показанія, хотя только затѣмъ, чтобы ихъ отвергнуть.

Въ XXXVI (по др. раздѣленію XXXVII) главѣ 1-й книги своей *славянской хроники* Гельмольдъ рассказываетъ о пораженіи руянъ у Любека: руяне приняли непріятельскія войска за свою конницу и вышли изъ кораблей на встрѣчу имъ съ великою радостію, тогда Генрихъ V ударилъ на нихъ,

«et facta est ruina magna in exercitu Ranorum in die illa, cecideruntque interfecti coram castro Lubeke, nec fuit minor numerus eorum, qui aquis praefocati sunt, quam occisorum gladio. Feceruntque tumulum magnum, in quo projecerunt corpora mortuorum, et in monumentum victoriae, vocatus est tumulus ille Raniberg, usque in hodiernum diem»²⁾.

По смыслу рѣчи видно, что холмъ насыпали не руяне, а ихъ непріятели, нѣмцы: нельзя думать, что, выигравъ поле битвы, нѣмецкія войска немедленно оставили его; гораздо вѣроятнѣе предположить, что это—они, собравъ въ кучу тѣла враговъ, насыпали надъ ними холмъ въ память своей побѣды; самъ Гельмольдъ указываетъ на такой ходъ дѣла, говоря, что нѣмцы прогнали руянъ «ad paves usque», что число тѣхъ, которые, спасаясь, утонули, было не менѣе числа убитыхъ; самое имя Raniberg говоритъ о нѣмецкомъ происхожденіи побѣднаго холма; а потому отсюда и трудно извлечь какую-нибудь черту славянской погребальной древности! Въ другомъ мѣстѣ «Хроники» (кн. 1, гл. LXXXI или LXXXIV)³⁾ Гельмольдъ приводитъ наказъ графа Адольфа славянамъ въ Нордалбингіи, «ut transferrent

1) W. Adler. Die Grabhügel etc. im Orlagan. Saalf., 1837, p. 64.

2) Helmoldi. Chronica Slavorum, editio Bangerti (Lub. 1659 4to), p. 31.

3) Ibid. p. 168.

mortuos suos tumulandos in atrium Ecclesiae. Извѣстie любопытно лишь въ томъ отношеніи, что оно указываетъ на одно изъ средствъ, какимъ пользовались распространители христіанства, чтобы приучить народъ приходить къ церкви: зная привязанность живущихъ къ дорогому праху почившихъ предковъ и родныхъ, они наказываютъ хоронить ихъ на церковномъ дворѣ; такой обычай велся издавна, мы встрѣчаемъ его много разъ въ постановленіяхъ западныхъ соборовъ и капитуляріяхъ правителей, особенно Карла Великаго; смыслъ его станетъ для насъ понятнѣе, когда мы рассмотримъ свидѣтельства о нашемъ предметѣ извѣстнаго *Оттона, епископа Бамбергскаго* (1125 г.).

Въ одномъ письмѣ Оттонъ отдаетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ странѣ языческихъ славянъ-лютичей и говоритъ, что онъ приказалъ новообращеннымъ,

«ne sepeliant mortuos christianos inter paganos in silvis aut in campis, sed in cimiteriis sicut mos est omnium christianorum, ne fustes ad sepulchra eorum ponant»¹⁾.

Христіанское погребеніе на кладбищахъ (при церквяхъ) Оттонъ противопоставляетъ языческому погребенію въ *лѣсахъ* и на *поляхъ*; съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему поморянскій апостолъ, въ числѣ прочихъ, отыбченныхъ рѣзкими чертами язычества, обычаевъ, какъ языческое богослуженіе, ворожба, гаданія, жертвы, запрещаетъ и такое, повидному, незначительное и не рѣзко противорѣчащее христіанству, обыкновеніе погребать усопшихъ въ *лѣсахъ* и на *поляхъ*; но не должно упускать изъ виду, что похоронный обрядъ всегда сопровождался явленіями и дѣйствіями, оскорблявшими чувство христіанина-миссіонера, что религіозное почтеніе къ предкамъ, прахъ которыхъ поконился въ *лѣсахъ*, влекло язычника въ тѣ

1) Письмо помѣщено въ Хроникѣ Эккегарда (прежде принн. за ad Urspergensis) подъ 1125 г., Перца *Monum. Germaniae historica* t. VIII, 263—4, а также и въ одномъ житіи Оттона, напечатанномъ въ *Vierter Jahresbericht d. Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde*. Stettin. 8°—1830, p. 157.

мѣста, бывшія святилищами ихъ¹⁾; такимъ образомъ, обычай хоронить въ лесахъ давалъ поддержку язычеству, тогда какъ похороны на церковномъ кладбищѣ, подъ надзоромъ служителей церкви—являлись довольно дѣйствительнымъ средствомъ къ укрѣпленію новой религіи и воспитывали въ язычнкѣ религіозное чувство почтенія къ новой святынѣ—церкви.

Другое запрещеніе Оттона весьма глухо, оно касается обыкновенія сносить на могилу хворость, палки, *fustes* (дрова?)²⁾. Что это былъ не какой-нибудь частный, неизмѣющій особаго смысла, случай, но распространенный обычай, на это указываетъ уже самый фактъ запрещенія: окъ не имѣлъ бы смысла, относясь только къ частному явленію или даже къ нѣсколькимъ частнымъ явленіямъ: странно было бы запрещать то, что само по себѣ незначительно, что не опиралось на языческія вѣрованія и понятія; потому и не будетъ слишкомъ смѣлымъ видѣть здѣсь одинъ изъ обычаевъ погребальной языческой старины славянъ. Какой же былъ смыслъ его? Зачѣмъ на могилу, или въ нее, полагали языческіе лютичи палки или хворость? Въ отвѣтъ на это можно представить лишь догадку: намъ кажется, это было ослабѣлымъ остаткомъ обычая собирать костеръ для сожженія усопшаго: никакой важный и сложный обычай не уступаетъ своего мѣста другому безъ того, чтобы, по закону наслѣдства, не передать ему нѣкоторыхъ своихъ чертъ и особенностей даже и тогда, когда они стоятъ въ видимомъ противорѣчій съ нововведеніемъ; такъ могло быть и здѣсь: обычай сожженія усопшихъ—еще до водворенія христіанства—смѣнился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изреченіемъ въ собственномъ смыслѣ, но отъ перваго уцѣлѣло

1) Свидѣтельства объ этомъ предметѣ собраны у Бернгарди *Bansteine: zur Slavischen Mythologie, Jordan's Jahrbücher für Slavische Literatur* 1844: Н. 1. р. 21 сл. и у Г. Срезневскаго: Святилища и обряды etc. р. 21—5.

2) *Fustis*, съ нѣмѣть значеніе палокъ, изъ которыхъ дѣлають загароду или плетень, палокъ употреблявшихся для наказанія: *fas tibus verberari caedi*. въ постановленіяхъ Карла Лыскаго читаемъ: «*Ut servi pro hoc convicti, non cum grossa fustei; sed nudi cum virgis vapulent. Duc ange, Glossar. Latinitatis, sub voce.*»

обыкновеніе собирать на могилѣ мертвеца костеръ изъ пазокъ или хворосту. Вѣроятность такого объясненія подтверждается нѣкоторыми суевѣрными обыкновеніями, сохраняющимися въ простомъ народѣ: въ Лужицахъ кое-гдѣ существуетъ обычай класть на могилы усопшихъ камни или вѣтви, изъ которыхъ и образуется впоследствии цѣлый холмъ; у русскихъ поселенъ западнаго края—самоубійць хоронять на перекресткахъ, на могилы ихъ бросаютъ палки, *отмети*, солому или сѣно, иногда ихъ сожигаютъ; въ Луковскомъ уѣздѣ есть такая могила, существующая съ незамятныхъ временъ, ежегодно вырастаетъ на ней костеръ и ежегодно его *сожигаютъ*; обычай кое-гдѣ сохранился и на Руси: въ Вологодской губерніи—на курганѣ, гдѣ по преданію похороненъ извѣстный воинъ Аника, всякій прохожій непременно обязанъ бросить *прутъ*; въ Псковской—существуетъ нѣсколько такихъ могилъ, и въ особенности извѣстна одна возлѣ погоста Бѣнецъ; она усвоивается также богатырю, и каждый изъ окрестныхъ жителей, минуя ее, отламываетъ сучекъ дерева и бросаетъ его на могилу. Такимъ образомъ, собирается большая куча сучьевъ на могилѣ, она увеличивается въ продолженіе двухъ лѣтъ, но на третье, по рассказамъ стариковъ, *непрежменно сгораетъ*; въ Харьковской губерніи проходящіе бросаютъ на могилы людей, погребенныхъ на дорогахъ, палки, щепки, траву и др.; то же дѣлаютъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи на мѣстахъ погребенія самоубійць и некрещеныхъ дѣтей¹⁾; болѣе древній слѣдъ такого обычая мы увидимъ еще впоследствии. Останавливаясь на приведенномъ, нельзя, полагаю, объяснять этого обычая однимъ только желаніемъ выразить почтеніе къ праху почившаго: тогда зачѣмъ не распространить такогоavian-

1) Haupt. Sagenbuch der Lausitz. L. 1862, t. I, p. 162 и 179 in notis; Gołębowski. Lud Polski. War. 1830, p. 250; Wojcicki Zarysu domowe. War. 1842, t. III, p. 336—7; Русскій Архивъ, 1864, годъ 2, стр. 229; Карман. книжка для любит. земледѣлія. Сиб. 1848, стр. 307—9; Кузнецъ; Записки о Южной Руси. Сиб. 1837 г. т. II, стр. 268; A. Nowosielski. Lud Ukrainski. t. I, Wil. стр. 42; Шейковский. Бытъ Подолянъ. К. 1860, вып. II, стр. 6—7.

наго обыкновенія на всѣ могилы, зачѣмъ оно удержалось только относительно могилъ неизвѣстныхъ *богатырей*, *самоубійцъ*, *некрещенныхъ младенцевъ*, зачѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти костры набросанныхъ сучьевъ *сожигаются*? Объяснить это можно, допустивъ мысль, что здѣсь скрывается остатокъ языческаго способа погребенія, потому суевѣрный обычай и распространяется только на могилы великихъ людей языческой старины, богатырей и лицъ, погребенныхъ не по *христианскому* обряду. Сюда же, очевидно, относится и запрещеніе Оттона Бартольдъ и Гизебрехтъ даютъ ясныя объясненія: первый полагаетъ, что Оттонъ разумѣетъ здѣсь обычай огораживать могилы болѣе знатныхъ людей частоколомъ или плетнемъ (*der Edleren Gräber wahrscheinlich, mit Pfählen und Stangen bezeichnet blieben*)¹⁾. Объясненіе само по себѣ вѣроятное, но такой фактъ, если дѣйствительно онъ существовалъ, кажется намъ бы со стороны Оттона болѣе опредѣленное выраженіе, да и къ чему было запрещать такое невинное и въ христианскомъ смыслѣ обыкновеніе? При томъ же, въ словахъ источника нѣтъ ни малѣйшаго поминка о могилахъ *знатныхъ*: они говорятъ вообще о народномъ обычай. Толкованіе Гизебрехта—символическое: у славянъ балтійскихъ цвѣтущее зеленое дерево было, по его мнѣнію, символомъ жизни, напротивъ—отломанная, лишенная зелени вѣтвь была знакомъ смерти, разобщенія съ жизнью, отсюда обычай у поморянъ полагать палки на гробъ усопшаго: мертвый въ могилѣ былъ для нихъ тою же отломанною отъ дерева вѣтвью; съ временною смертію, по вѣхъ вѣрованію, все оканчивалось (Титмаръ); потому-то Оттонъ Бамбергскій и запретилъ новообращеннымъ поморянамъ этотъ *мнимо-несимный* обычай, нехристианскій смыслъ котораго дол-

1) Barthold. Geschichte v. Rugen und Pommern, Nam. 1839, т. I, р. 578. Гораздо ранѣе, еще въ 17 в., такое же объясненіе было предложено Кракеромъ: Das grosse Pommerische Kirchen-chronicon, 1628, 4° р. 18, а потомъ Зеленъ: Geschichte des Herzogthums Pommern. I. Band, Ber. 1819, pag. 22, 8°.

женъ былъ быть ему извѣстенъ¹⁾. При всей привлекательности своей такое объясненіе слишкомъ искусственно: допустивъ, что подобная отвлеченная идея могла входить въ кругъ понятій язычника, все же останется непонятною причина существованія подобнаго обычая, или иначе: связь понятія съ обрядовымъ дѣйствіемъ; уже съ этой одной стороны объясненіе Гизебрехта не можетъ быть призвано удовлетворительнымъ, но сверхъ того, оно вообще не находитъ никакого подтвержденія въ свидѣтельствахъ древности и предполагаетъ въ славянскомъ язычествѣ болѣе высокую (философскую) степень развитія, чѣмъ та, до которой оно въ дѣйствительности доходило.

Въ хроникѣ Мартина Галла (12 в.) находится извѣстіе о смерти Мѣшка (Мечислава) сына Болеслава Храбраго: вся Польша, говоритъ лѣтописецъ, плакала по немъ, какъ мать по единственному сыну, и всѣ сословія и возрасты.

«*lamentando feretrum mortui sequebantur et exsequias ejus lacrimis et suspiriis celebrabant. Ad extremum misera mater cum in urna puer plorandus conderetur (по др. сп. poneretur) una hora quasi mortua, sine vitali spiritu tenebatur, vix que post exequias ab episcopis ventilabris et aqua frigida suscitabatur*»²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что погребеніе Мѣшка было совершено по христіанскому обряду: вѣтъ дѣда, отца и мать христіанъ, царственный юноша былъ, конечно, также христіанинъ; погребальный обрядъ совершали епископы; тѣло усопшаго, по словамъ М. Галла, было погребено; но чѣмъ при этомъ объяснить выраженіе «*cum in urna puer conderetur или poneretur?*» Гизебрехтъ (Луд.), основываясь на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ средневѣковой древности, предполагалъ, что тѣло усопшаго было предварительно подвергнуто варкѣ, мягкія части — сожжены, и пепель положенъ въ урну, а кости схоронены въ могилѣ³⁾; дѣй-

1) *Baltische Studien*, t. VI, стр. 1. (Stettin 1839) p. 156, cf. *ibidem* t. XIII, стр. II, (1847) p. 34 sq.

2) *Bielowski. Monumenta Poloniae historica*, I, p. 424.

3) *Baltische Studien*, t. XII, pars II (St. 1846) стр. «*Die Zeit und die Formen der Todtenverbrennung*». p. 127—130.

ствительно, такой обычай упоминается въ письменныхъ источникахъ¹⁾, но, какъ ясно изъ многихъ примѣровъ, онъ всегда зависѣлъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и болѣе всего, когда извѣстное лицо умерло вдали отъ отчизны, и приближенные желали перенести и похоронить его кости на родной землѣ; ничего подобнаго не случилось относительно сына Болеслава, а потому и самое предположеніе оказывается неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что оно не подтверждается никакимъ свидѣтельствомъ славянской древности. Гораздо вѣрнѣе будетъ думать, что слово *urna* употреблено Мартиномъ Галломъ не въ собственномъ значеніи погребальнаго сосуда, а въ общемъ смыслѣ могилы, гроба; легко могло быть, что выраженіе *in urna condere* или *ponere* было буквальный переводомъ народнаго польскаго выраженія, которое въ эпоху язычества точно обозначало дѣйствіе погребальнаго обряда, въ эпоху же христіанскую удержалось по преданію и получило общій смыслъ похоронъ. Самое слово *urna* могло имѣть значеніе каменнаго выдолбленнаго гроба, какіе иногда встрѣчаются въ земляхъ западно-славянскихъ и, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, относятся къ эпохѣ языческой²⁾. Несмотря, однако, на свою неопредѣленность, извѣстіе Мартина Галла, кажется, служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что въ языческую эпоху и у польскихъ славянъ было обыкновеніе полагать прахъ сожженнаго усопшаго въ погребальный сосудъ; нельзя и допускать, что по такому обычаю былъ погребенъ Мѣшко, но трудно иначе объяснить выраженіе *гѣтопсаца*: не имѣя основаній въ языческой старинѣ, оно останется совершенно необъяснимымъ и даже бессмысленнымъ.

Хотя *Козьма Пражскій* († 1125) и жилъ спустя три столѣтія по введеніи христіанства въ чехахъ, но язычество при

1) Много изъ собрано въ сочиненіи Ph. Jaffé. De arte medica saeculi XII, Ber. 1853, p. 27, 30—32.

2) Свидѣнія о некоторыхъ изъ нихъ см. въ статьѣ Цыбульскаго: «Obesny stan nauki o rękach Słowiańskich», помѣщ. въ Roczniki towarzystwa przyjaźni nauk polski. t. I. Pozn. 1866, p. 458 sq.

нѣтъ еще не перестало быть живою стихіей народной жизни: обаятельная, вѣками закрѣпленная сила его дѣйствовала и въ народныхъ полу-историческихъ или мѣстныхъ сказаніяхъ («*sepius fabulosa narrationes*»), и въ народныхъ обычаяхъ и обрядахъ; слѣды ея видны даже въ лѣтописцѣ, занимавшемъ высокую духовную должность декана. Между памятниками чешской старины Козьма Пражскій называетъ и двѣ славныя въ его время могилы: одна была воздвигнута Кассѣ (Kazi), дочери Крока, другая была насыпана въ честь вождя Тира (Стира Далмицовой Хроникѣ); о первой лѣтописецъ говоритъ:

«Ejus (sc. Kazi) usque hodie cernitur tumulus ab incolis terrae ob memoriam suae dominae nimis alte congestus super ripam fluminis Mzie (Mže, Mies-Beraun) juxta viam, qua itur in partes provinciae Bechin per montem qui dicitur Ossiek».

О происхожденіи другой онъ рассказываетъ, что Тиръ передъ битвою обратился къ своимъ воинамъ съ такою рѣчью:

«Si forte contigerit me mori in proelio, sepelite me in hoc colliculo et construite Mausoleum mihi in aecula nominativum vel memoriale, unde et hodie nominatur militis accerrimi *bustum* Tyri!».

Очевидно, лѣтописецъ передаетъ народные преданія—*fabulosa sepius narrationes*, ходившія въ его время о двухъ извѣстныхъ могилахъ Кассы и Тира. Нельзя, конечно, давать преданіямъ значеніе событія или строгой, исторически-достоверной истины; но какъ неложные памятники народныхъ понятій, они нерѣдко имѣютъ всю цѣну историческаго свидѣтельства; такъ и въ настоящемъ случаѣ, основываясь на нихъ, позволительно заключать, что въ XI—XII вѣкѣ чехи имѣли понятіе объ извѣстномъ родѣ погребенія своей языческой старины, именно, что надъ *яратомъ знаменитаю усоншаю, въ память ему воздвигался холмъ*. Еслибы и не было у насъ никакихъ другихъ подтвердительныхъ тому указаній, то уже одна близость преданій

къ эпохѣ язычества даетъ право думать, что традиціонное понятіе о языческомъ погребеніи основывалось на дѣйствительности, что такой обычай дѣйствительно имѣлъ мѣсто въ жизни народа. О способѣ самаго погребенія: сожигалось ли тѣло усопшаго или было хоронено несожженнымъ, заключать трудно: преданія въ этомъ случаѣ не ведутъ ни къ какому опредѣленному заключенію; правда, выраженіе *visum Turi* въ собственномъ смыслѣ знаменуетъ сожженіе¹⁾; но, по вѣрному замѣчанію Добровскаго, Козьма Пражскій такъ часто заимствуетъ изъ классическихъ писателей слова и цѣлыя выраженія, вовсе не соединяя съ ними того смысла, какой они имѣли въ цвѣтущую эпоху латыни, что становится слишкомъ смѣлымъ придавать выраженію лѣтописца значеніе сожженія²⁾. Не безъ значенія, кажется, и та черта народнаго преданія, что могли Кассѣ насыпаютъ на *берегу рѣки при дорогѣ*: судя по извѣстіямъ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ старины, это—не простая случайность, но скорѣе обычный фактъ народной жизни: поставленный на такомъ торномъ мѣстѣ, погребальный памятникъ громко говорилъ каждому проходящему о величій того, чей прахъ онъ скрывалъ; дорогою, какою проходили предъ нимъ многія поколѣнія, широко разносилась и слава почившаго³⁾. Было ли также въ обычай хоронить на готовомъ, природномъ холму, какъ можно бы заключать изъ словъ Тира—сказать трудно: отъ народнаго преданія, мы замѣтили, нельзя

1) *Visum* (отъ *vero*)—жаровище, подстилка гробница вообще, гробъ, отсюда средневѣковое *visitare*=*lucro condere*, cf. *Ducange*, in voce, *visum* толкуется въ средневѣковыхъ немецкихъ глассахъ: *graf*, *ein graf* *Diefenbach*, *Notum Glossarium* (Fr. 1867) in voce.

2) Добровскаго: «Ueber die Begräbnissart der alten Slaven....» въ *Abhandl. d. Böhm. Gesells. d. Wissenschaften auf d. Jahr 1786*, 4°, Pr. p. 340.

3) Что такая идея и такое чувство было присуще полякамъ старинны, это видно изъ словъ умирающаго Бесовульѣа: «скажи героямъ—говорилъ онъ Влггау—по сожженіи насыпать мнѣ могилу на высокомъ мѣстѣ Гроне, пусть она служить для памяти моему народу, а пловцы, что бороздятъ темныя волны, будутъ называть ее—холмомъ Бесовульѣа. Такъ и было: десять дней насыпали герои холмъ Бесовульѣа, они окружили его стѣною, положили въ него и драгоценности, добытыя почившимъ, потомъ праздновали тризну и пѣли пѣсни, прославлявшія дѣла его. *Editio Greinii, vers. 2806 sq. n 3157 sq.*

требовать определенности прямого исторического факта, хотя такой обычай — действительно имѣлъ мѣсто въ бытѣ народа.

Подъ 1039 годомъ Козьма передаетъ слѣдующее постановленіе князя Брѣтислава:

«Similiter et qui in agris sive in silvis suos sepeliunt mortuos, hujus rei praesumptores archidiacono bovem et CCC (300) in fiscum ducis solvant nummos; mortuum tamen in poliandro fidelium humi condant denuo».

Далѣе, подъ годомъ 1092 (по др. 1093) о князѣ Брѣтиславѣ II разсказывается, что онъ

«principatus sui in exordio omnes magos, ariolos et sortilegos extrusit regni sui e medio, similiter et lucos sive arbores, quas in multis locis colebat vulgus ignobile extirpavit et igne cremavit. Item et superstitiosas institutiones, quas villani adhuc semipagani in pentecosten tertia sive quarta feria observabant, offerentes libamina super fontes mactabant victimas et demonibus immolabant. Item sepulturas, quae fiebant in sylvis et in campis atque cenas (cenae), quas ex gentile ritu faciebant in biviviis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, item et jocos profanos, quos super mortuos suos inanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant.. has abominationes et alias sacrilegas adinventiones dux bonus ne ultra fierent in populo Dei—exterminavit¹⁾».

Мы снова встрѣчаемся здѣсь съ правительственнымъ запрещеніемъ, чтобы поселяне, adhuc semipagani, не хоронили мертвецовъ по языческому обряду на поляхъ и въ лѣсахъ. Обстоятельное извѣстіе летописца, современника Брѣтислава II, даетъ право полагать, что запрещеніе это не было простымъ повтореніемъ общаго мѣста церковныхъ постановленій, но было вызвано дѣйствительностью: чешскій народъ, хотя давно обращенный въ

1) Pertz. Monumenta Germaniae Historica t. IX, 1861, ed. Koppke, p. 69 et 102.

христианство, имѣлъ еще много языческихъ обыкновений¹⁾ и могъ хоронить своихъ усопшихъ съ языческою обрядностью и по древнему обыкновению въ гѣсахъ и на поляхъ. Далѣе, постановленіе Брѣтислава указываетъ и на нѣкоторыя частныя черты погребальной старинныя языческихъ чеховъ; объясняя ихъ, Добровскій думаетъ²⁾, что слова: «*sepas quas ex gentili ritu faciebant in bivis et in trivis, quasi ob animarum relaxationem*» могутъ быть понимаемы двоякимъ образомъ: или поселяне на распутьяхъ строили знаменныя для поминокъ или жертвъ усопшихъ, или это была *тризна*; самое же слово «*relaxatio animarum*» оиъ сближаетъ съ чешскимъ выраженіемъ «*lebbe odpočínání, odpočívání*»—миръ души. Дѣйствительно, выраженіе Козьмы Пражскаго уже въ 12 вѣкѣ представлялось двусмысленнымъ: Сазавскій продолжатель и интерполиторъ Козьмы (между 1126—1162 г.) изъ *sepas* сдѣлалъ *sepas*, что также не лишено смысла и значенія. Гайкъ († 1558 г.) передалъ это слово чешскимъ *stánky* т. е. шатры; въ средновековной латыни *sepas* обозначало и игру, и хижину, «*σχηνή, porticum; sepasfactor*, по нѣмецкимъ глоссамъ—«*einig der do hotten macht mit laube*»³⁾; по всему этому не легко рѣшить, которое изъ двухъ значеній будетъ въ настоящемъ случаѣ истинное: *тризна*, въ которую входила обрядовая игра, могла для христианина имѣть видъ театральной сцены, но можно разумѣть здѣсь и постройку, хижину надъ могилой, воздвигаемую затѣмъ, чтобы души усопшихъ, посѣщая родной прахъ, отдыхали отъ долгаго пути. Оставляемъ рѣшеніе этого до разбора русскихъ извѣстій и замѣтимъ только, что Козьма Пражскій и далѣе говоритъ о погребальныхъ ирцахъ (*josa profana*), давая такимъ образомъ знать, что они представ-

1) Объ остаткахъ язычества у чеховъ того времени смотри указанія Габуша, въ его новомъ сочиненіи: *Das Schriftwesen und Schrifttum d. böhm. slavisch. Völkerstämme*.... Pr. 1867, p. 87—89.

2) «Ueber die Begräbnisart der Slaven.» l. cit. p. 350—2.

3) *Diefenbach. Novum Glossarium latino-germanicum.* Fr. am. M. 1867, p.

зли и́что другое, отличное отъ предыдущихъ *симв.* Не замѣченнымъ должно пройти для насъ обстоятельство, что эти сцены производились при дорогахъ, на *распутныхъ* или *перекресткахъ*, in *biviis et triviis*. Поминки по усопшемъ, кромѣ игръ (*joca profana*), состояли въ попойкѣ, переряживаніяхъ и пляскѣ: въ иномъ смыслѣ трудно понять выраженіе постановленія: *jocosa profanosa... induti faciem largis bachando exercebant*; почему именно *московудство* соединилось съ поминками усопшихъ—понять не трудно: обычай переряживанія основывался на древнихъ мифическихъ представленіяхъ народа о явленіяхъ весенней, пробудившейся къ жизни природы: онъ возникъ изъ наивнаго подражанія тому, что совершалось въ надземной сферѣ, и что дѣтская фантазія народа понимала въ формахъ жизни и дѣятельности зооморфическихъ существъ¹⁾, весною же совершались и обычные поминки усопшихъ, такъ какъ върваніе соединяло понятіе о душахъ усопшихъ съ представленіями явленій воздушной природы, преимущественно весенней: пребывавъ въ оцѣпѣннѣи и бездѣятельности во время зимняго сна природы, души предковъ, вмѣстѣ съ нею, воскресаютъ для дѣятельности весною и принимаютъ различные звѣрныя образы (тучи), потому-то поминки, какъ бы вопреки естественному характеру грустнаго праздника, въ старину, да кое-гдѣ и теперь—отличаются весельемъ и даже разгуломъ²⁾. Слова постановленія Бр.: *«super mortuos inanes scientes panes»* Добровскій понималъ въ смыслѣ вызыванія мертвыхъ съ цѣлью узнать отъ нихъ будущее. Объясненіе—вполнѣ умѣстное и въроятное: обычай вызыванія усопшихъ нерѣдко упоминается и въ письменныхъ источникахъ и въ народныхъ преданіяхъ европейской средневѣковой старины; Гриммъ (*Deuts. Myth.* 1178—9) собралъ многія свидѣтельства, относящіяся къ

1) Удовлетворительныя въ этомъ отношеніи объясненія см. въ сочин. Ломаньскаго: «Поэтическая возрѣнія славянъ на природу» т. I. М. 1886, стр. 117—119.

2) См. Rochholz. «Deutscher Usterblichkeitsglaube». Бер. 1867, р. 317 и слѣд.

нѣмецкой древности, и нѣтъ причинъ утверждать, что эти «*astig-legia ad sepulchra mortuorum*» или «*super defunctos*» не имѣли мѣста въ бытѣ языческихъ славянъ¹⁾: слѣды ихъ и понынѣ видны и въ народной поэзіи и въ суевѣрныхъ обыкновенияхъ простаго народа: такой обычай естественно вытекалъ изъ сознанія непрерывной связи между поколѣніемъ живущихъ и сонмомъ усопшихъ, блаженныхъ праотцевъ, и странно было бы не встрѣтить его тамъ, гдѣ существовали обычные приглашенія къ *милымъ родителямъ*, чтобы они приняли участіе въ заупокойной трапезѣ потомковъ; въ современныхъ народныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ, мы увидимъ далѣе, сохранились явственные слѣды обращенія къ мертвымъ предкамъ за разрѣшеніемъ какого-нибудь темнаго или запутаннаго дѣла; но этого естественнаго и простаго обыкновения никакъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ позднѣйшей *некромантіи*, порожденной классическою наукою тайныхъ знаній и распространеннейшей по Европѣ путемъ исключительно книжнымъ.

Кадлубекъ (1223) въ своей Хроникѣ рассказываетъ цѣлую краснорѣчивую повѣсть о томъ, какъ Попѣлъ младшій (*minor Poprilius*), подстрекаемый наветами жены, отравилъ своихъ дядей (*patruos*); онъ притворился умирающимъ и созвалъ ихъ для утѣхи и совѣта: пусть они разсудятъ о наследствѣ престола и въ то же время пусть отпразднуютъ вмѣстѣ съ нимъ еще заживо его погребальную тризну:

«*mori patre, говорилъ онъ, omnino mihi non videor, si vestra erga me viderim studia, si meas vobiscum concelebraverim exequias; nam quid ab eo speraverim, qui quod mortuo debet, venti negaverit*»,

такъ притворился онъ, и всѣ подняли великій плачь:

lacerant crinem virgines, matrone (æ) vultum, habitum an-nose (æ)... post funebres itaque supersticiones, quas etiam hodie

1) У русскихъ въ XVI вѣкѣ существовалъ обычай кликать мертвыхъ въ великій четвергъ. См. *Столбовъ*, глава 41, вопр. 26.

in funeribus exercet gentilitas, lautissimis deliciarum delictis, quos vero aliquantisper a merore solutos rex, ut sese visant postulat; et vicaria poculorum adoracione coram ipso blande consolentur... Surrigatur ergo, inquit Rex, poculum; surrigar et ego ut omnes consalvere jubeam, ut valadictivo invicem feremur osculo, ut ex hoc divino nectare me presorbillante singuli delibant...»

Отвѣдавъ смертнаго напитка, дядя Попѣла въ теченіе ночи окончили жизнь въ мученіяхъ, и жестокий тиранъ даже *отказалъ имъ въ погребальной почести*; скоро, однако, онъ постигнуть былъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло огромное количество мышей, которыя преслѣдовали его всюду, пока наконецъ—не сожрали, поймавъ въ башнѣ, гдѣ онъ думалъ найти убѣжище съ женой и двумя сыновьями¹⁾. Таковъ романтическій разсказъ Кадлубка. Послѣ тщательныхъ разысканій Бѣлевскаго нельзя болѣе сомнѣваться, что главнымъ источникомъ его были повѣствованія классическихъ историковъ и поэтовъ, но далеко не единственнымъ: нѣкоторыя черты разсказа позволяютъ предполагать, что въ образованіи его принимало участіе и *народное преданіе*, ходившее въ то время о Попѣлѣ²⁾, не трудно устранить изъ разсказа цвѣты краснорѣчія,

1) *Magistri Vincentii (Kadiubkonis) Cronica Polonorum*, ed. A. Comes Przewdzicki, Crac. 1862, p. 27—31. Предположеніе, что Кадлубекъ заимствовалъ какъ много другое, такъ и этотъ разсказъ изъ болѣе древняго (XI в.) зѣтовска Мѣрвы (*Mierwa, Dziegwa*), а не наоборотъ—и послѣ разысканій Бѣлевскаго (см. его *Wstępowania do dziejów polski*. L. 1850, p. 83 sq, 190 sq, 378 sq.)—не можетъ быть еще признано за подлежащій сомнѣнію литературный фактъ. Помѣщая текстъ Кадлубка, мы считаемъ, однако, необходимымъ замѣтить, что текстъ Мѣрвы (Бѣлевскій, I. с. стр. 378—88) не отличается отъ него ни въ чемъ, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій, такъ что для насъ дѣло не измѣнится въ своей сущности, если предположеніе Бѣлевскаго и окажется справедливымъ, только извѣстіе изъ XII—XIII в. должно будетъ поместить въ XI.

2) Свидѣтельства о томъ, что преданіе, задолго до Мѣрвы, Мартина Гаала и Кадлубка, было распространено въ Польшѣ—собраны у Бѣлевскаго (*Wstępow.* p. 309—40). Эти указанія и въ особенности слова Мартина Гаала: «*Narrant eñiam seniores antiquis etc...*» должны были бы, кажется, оставаться самымъ рѣшительное сужденіе Бѣлевскаго, будто бы весь разсказъ о Попѣлѣ, въ своей цѣлости, идетъ изъ классическаго книжнаго источника.

но возвратитъ преданію древнѣйшій видъ, отдѣлится необходимое народное отъ произвольныхъ добавокъ хрониста, не видится возможности за невѣніемъ повѣрочныхъ данныхъ¹⁾; потому главная черта Кадлубковой повѣсти, обстоятельство, что Попѣлъ справлялъ свою погребальную тризну еще при жизни — должна остаться подъ сомнѣніемъ: выражала ли она хотя случайный, но обычный фактъ славянскаго языческаго быта, или есть плодъ личнаго вымысла лѣтописца. Въ свѣдѣльствахъ древности, сколько знаемъ, не встрѣчается никакихъ указаній на такой обычай, кромѣ указанія Ибнъ-Фозлана и темнаго намека русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», гдѣ Ольга, еще до избіенія древлянъ, приказываетъ отрокамъ своимъ «*жизни на нѣ*» и какъ бы справляетъ тризну по врагамъ еще до смерти ихъ; такой поступокъ имѣлъ, конечно, иной смыслъ, нежели благочестивая погребальная тризна, торжественное прощаніе съ близкимъ ум-

Гдѣ, напр., въ какихъ письменныхъ источникахъ можно найти извѣстіе о погребальной прощальной тризнѣ Попѣла, гдѣ авторитетный непосредственный источникъ преданія, что Попѣлъ былъ съѣденъ мышами, вышедшими изъ труновъ отравленныхъ и лишенныхъ погребенія дядей? Подобное народное преданіе существуетъ у многихъ индо-европейскихъ народовъ, и между прочимъ, почти въ буквальной сходствѣ съ польскимъ — у чеховъ. Попытки освободить черты народныхъ польскихъ преданій изъ-подъ живой одежды, въ какую облакали ихъ патриотизмъ, ученость и риторика хронистовъ, представлены были Сан-Мартонъ: «Die Polnische Königsage» В. 1848 и позднѣе Гутшиндонъ: «Kritik der polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadlubek (помѣщ. въ Archiv für Kunde österrreichischer Geschichts-Quellen, t. 17, W. 1857, p. 297—326). Заслуживая полное вниманіе по мысли, по многимъ частнымъ соображеніямъ, труды эти заставляютъ желать, чтобы вопросъ былъ пересмотрѣнъ снова, сообразно современному состоянію науки сравнительной мифологіи. Въ повѣсти Кадлубка Гутшиндъ признаетъ остаткомъ народнаго преданія только одну черту, именно: происшествіе съ мышами и отчасти образъ злой жены Попѣла; но если рассказъ объ умерщвленіи дядей должно отнести къ ученымъ выдумкамъ хрониста, то я не вижу причинъ утверждать, чтобы черта погребальной тризны была также чистой выдумкой: Кадлубекъ могъ списать ее съ обычая простого народа и только приспособить къ своему роману.

1) Мартинъ Галазъ рассказываетъ просто, что Попѣлъ былъ съѣденъ мышами, и опускаетъ всѣ другія подробности: *istorum gesta, quorum memoria oblivio vetustitatis abolevit, et quos error et idolatria defoedavit, memorare negligamus.* Chr. l. I. c. 2 Также безъ всякихъ подробностей и извѣстіе другого лѣтописца у Вѣлевскаго l. c. p. 389.

рающимъ, но въ сущности, кажется, можно признать фактъ русской лѣтописи за явленіе однородное съ Кадлубковой тризвой Поппла. Оттого нельзя, думаемъ, положительно отвергать этой черты, нельзя рѣшительно утверждать, что она вымышлена хронистомъ: она могла быть въ жизни славянскаго язычества не какъ обычай, имѣющій повсемѣстную силу, но какъ явленіе частное, не противорѣчившее понятіямъ и обычнымъ обрядамъ: если не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣломъ усопшаго совершали торжественный обрядъ пощанія, почему не могли совершать того же обряда съ умирающимъ, который отправлялся въ долгій путь, къ новому мѣсту жительства, почему и то и другое не могло происходить съ одинаковою обрядовою обстановкою: пьемъ прощальной чашы, прощальными привѣтствіями? Итакъ, не позволяя себѣ принимать извѣстіе Кадлубка за несомнѣнный фактъ славянскаго языческаго быта, мы нисколько не отрицаемъ ни возможности, ни *спроможія* его. Древнею, не произвольно вымышленною чертою разсказа должно признать заключительный эпизодъ его о мышахъ, въ которыхъ превратились мстительныя души дядей Поппла: что черта эта принадлежала народному преданію, въ этомъ убѣждаютъ насъ и слова Мартина Галла (*pagant veniōres etc...*) и многія одинаковыя преданія родственныхъ народовъ¹⁾; представленіе души въ образѣ мыши—довольно распространено въ мифологіи индо-европейскихъ племенъ²⁾, мстительность же ихъ объясняется не только злодѣйствомъ Поппла, но еще болѣе тѣмъ, что онъ отказалъ своимъ жертвамъ въ *морзбальной почести*, которая одна, по языческимъ понятіямъ, могла успокоить мятуціяся, безприютно блуждающія души. Наконецъ, разсказъ Кадлубка, свидѣтеля XII—XIII вѣка (или Мерсвы—XI в.) даетъ подтвержденіе уже извѣстному изъ дру-

1) San Marte. Die Polaische Königsage. В. 1848, p. 59. Gutschmid. Kritik. etc. p. 313—317. Liebrecht: Die Sage vom Mäusethurm, пом. въ Zeitschrift für Mythologie, II (1855), p. 405—13, сравни также сочин. Grohmann, Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indo-Germanen. Pr. 1862, p. 76 sq.

2) Grohmann. loco cit. passim.

гихъ источниковъ, именно, что славянскій языческій обрядъ погребенія сопровождался торжественнымъ пиромъ, попойкой и различными суевѣрными обрядами «quos esiam hodie (т. е. во время хрониста) in funeribus exercet gentilitas»; къ нимъ, конечно, относились и тѣ публичныя выраженія траура, о которыхъ говоритъ летописецъ словами: «lascrant cinem virgines», etc...

Крамедворская рукопись предлагаетъ намъ нѣсколько выраженій, относящихся къ понятіямъ языческихъ славянъ о посмертномъ существованіи души, и нѣсколько прямыхъ указаній на погребальныя обычаи; предположивъ воспользоваться первыми въ заключительной части изслѣдованія, оставляемъ здѣсь только на послѣднихъ.

Въ пѣснѣ Zăboj a Slawoj, въ концѣ читаемъ:

«Aj bratře, aj šery wrch!
bozi ny tamo wicestwiem dařili,
tamo i wěle duš tĕkà sĕmo tamo po dřewech;
jich bojle sĕ ptactwo i plachy zwĕř,
jedno sowy nebojã sĕ.
Tamo k wrchu pohrebat mrč,
i dàt pokrm bohòdm,
i tamo bohòdm spasãm dàt mnostwie obĕti,
a jim hlàsat milych slow,
i jim oružie pobitych wrahòw!¹)

Въ пѣснѣ Čestmir a Wlaslaw, когда первый поразилъ послѣдняго, то

«Morena jej sipãše w noc črnu.
Kupieše krew ze silma Wlaslawu,

1) Текстъ всадъ приводимъ по изданію, помѣщенному въ Wyborč z literatury Česka, t. I, Pr. 1845 p. 11, 39. Къ сожалеанію, мы не могли воспользоваться поправками бр. Иречковъ (въ Svĕtozorč 1858), о которыхъ они упоминаютъ въ своемъ сочиненіи: Die Echtheit der Königinhof. Handschrift, P. 1853, pag. 191 | 2.

po zelené trávě w syru zemi teče;
aj, a vyjde duša z řwúcej huby,
wyletě na drwo a po drwech
sěmo tamo, doniž mrtew neščen.

Въ пѣснѣ Jelen убитый юноша представляется поиребеннымъ:

«Ležie junošie w chladnej zemi,
na junošie roste dubec, dub,
rozkládá sě w suky šit i šit.

Наконецъ—въ пѣснѣ Zagmausená ясный намекъ на поиребеніе:

Kdě mój otčik, otčik mily?
zahřeben w rowece;
kde moje mătí, dobrá mătí?
trávka na niej roste....

Я не считаю умѣстнымъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о подлинности Краледворской рукописи: послѣ того, что было писано въ защиту ея чешскими учеными, сомнѣнія становятся едва ли возможны, по крайней мѣрѣ—незаконны; иное дѣло отпослительная древность частей сборника: она еще можетъ вызывать неодинаковыя рѣшенія. Памятникъ сохранился въ рукописи XIII—XIV в.¹⁾; но нѣтъ причинъ полагать, что всѣ пѣсни, въ него входящія, по времени своего появленія принадлежать именно къ этому вѣку; напротивъ, различіе въ содержаніи, направленіи и духѣ ихъ, во взглядахъ на предметы и самомъ языкѣ, указываютъ на разновременность ихъ происхожденія; и попытки опредѣлять время возникновенія пѣсенъ существуютъ почти со времени открытія знаменитой рукописи; онѣ продолжаются и донынѣ, хотя не всегда съ однимъ стремленіемъ открыть только истину...

1) Добронекъ по письму относитъ рукопись ко времени между 1290—1310 г., см. Geschichte der Böhmisches Sprache, Pr. 1818, p. 396; Палацкий—во времени между 1289—1290 г.; но не выше, см. Jahrbücher der Literatur. 1829, t. XLVIII, p. 150.

Изъ пѣсенъ, касающихся нашего предмета, Zagtmaisená (Oruščena) не носятъ на себѣ признаковъ опредѣленнаго времени, кромѣ палеографическаго признака рукописи: лирическое по характеру, изображая тоскливое чувство одиночества сироты, оно въ равной мѣрѣ могло возникнуть и прежде и позднѣе XIII в.; то же мы позволимъ себѣ сказать и о стихотвореніи *Jelen*: многіе чешскіе ученые, основываясь на общемъ впечатлѣніи, находятъ, что оно имѣетъ характеръ глубокой древности и относятъ его къ 9-му вѣку¹⁾; дѣйствительно, въ тонѣ стихотворенія гораздо менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, слышится сентиментальности, этого исключительнаго плода позднѣйшей лирики; по ничто не даетъ права заключать о высокой древности произведенія, о томъ, что оно принадлежитъ языческой старинѣ: живое чувство природы, на основаніи котораго первый объяснитель²⁾; считать его древнѣйшимъ во всемъ Сборникѣ, едва ли можетъ имѣть рѣшающее значеніе: такого чувства нельзя отрицать и у поэта XII—XIII вв., и даже въ позднѣйшее время³⁾ еще менѣе уместно искать въ стихотвореніи *многоческаго смысла* и думать, что убитый юноша есть образъ *мнимо божества, осиленнаго враждебными великанами зимы*⁴⁾; къ такой догадкѣ не приводитъ ни одна черта произведенія; нѣтъ въ немъ ничего, что указывало бы на исключительно многоческую, а не на земную, реальную обстановку. Итакъ, если нѣтъ причинъ относить эти два стихотворенія (*Jelen* и *Oruščena*) къ языческой

1) Wybor z literatury Čeake, I, p. 23; Sitzungsberichte d. k. böhmischen Gesellschaft. d. Wissensch. 1835 II, p. 40; Nebesky въ Časopis Českého Muzeum, 1858, pag. 267—8.

2) Kralodvorský rukopis. od. W. Hanky a W. Swobody, P. 1829 (2-е издан.) p. 65.

3) Таково, въ главныхъ чертахъ, было и мнѣніе Палацкаго, высказанное имъ въ разборѣ 2-го изданія Крал. ркп., въ Jahrbücher der Literatur. t. XLVIII, p. 160, позднѣе въ «Привѣчаніяхъ» къ изданію графа Туна (Gedichte aus Böhmens Vorzeit, P. 1845, p. 91) онъ относитъ стихотвореніе къ *языческой эпохѣ*.

4) Hanns. Das Schriftwesen und Schrifttum der böhmisch-slovenischen Völkerstämme. P. 1867, p. 23.

древности, то нѣтъ и повода придавать имъ намекамъ на поиребленіе какой нибудь значительный для насъ смыслъ.

Отхотворенія «Záboj a Slawoje», «Čestmir a Wlzlaw»—по содержанію, безспорно, принадлежатъ къ древнѣйшимъ во всемъ Сборникѣ. Чешскіе ученые относятъ ихъ къ языческой эпохѣ и время появленія перваго опредѣляютъ 805—6 годомъ, основываясь на слѣдующемъ соображеніи: произведеніе изображаетъ жизнь языческую, потому оно не могло возникнуть послѣ водворенія христіанства въ Чехію, т. е. времени 845—863 г.; появилось оно и не ранѣе эпохи Карла Великаго (768—814): на это указываютъ нѣкоторые признаки и, между прочимъ, слово *kral*, встрѣчающееся въ значеніи собственнаго имени *Karel Carolus*; между двумя крайними предѣлами этого историческаго періода есть событіе, черты котораго подходятъ къ происшествію пѣсни, именно—неудачныя вторженія франковъ въ Чехію въ 805—6 гг., о немъ-то и разсказываетъ стихотвореніе Краледворской рукописи. Пѣснь «Честмиръ и Влаславъ» помѣчаютъ 880 годомъ, или вообще первой половиной IX вѣка—на томъ основаніи, что около этого времени Козьма Пражскій повѣствуетъ о битвѣ и смерти героя Тира, личность котораго, а равно и самое событіе тождественны съ личностью Честмира (Далимловъ *Štir=Čsmir, Čsmir* крд. ркп.) и его подвигомъ¹⁾. Отдавая полную справедливость остроумію такихъ гаданій, мы не можемъ, однако, признать ихъ убѣдительными: повѣсть Козьмы Пражскаго о Тирѣ (Штирѣ) не имѣетъ ничего общаго съ пѣснью о Честмирѣ, кромѣ призрачнаго созвучія и въ именахъ героевъ, имя *kral* можетъ быть понимаемо и въ нарицательномъ значеніи (гех), безъ малѣйшаго нарушенія смысла рѣчи; остается только общій признакъ языческой эпохи произведеній, именно—черты жизни, ими изображаемой; но сколько позволительно судить объ

1) Joz. und Herm. Jireček, Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Pr. 1862, p. 7, 176—8; V. Nebešky, Kralodvorsky Rakopia, вѣ Časopis českého Museum, 1853, pag. 384—8; Thun., Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Pr. 1845, предисловіе II. I. Шафарика, стр. 21 и записки Палацкаго, стр. 53, 73.

основаніяхъ и условіяхъ языческаго быта славянъ, о характерѣ ихъ древняго поэтическаго творчества, мы не колеблемся сказать, что такіа произведенія не могли быть непосредственными, прямыми плодами языческаго періода славянской жизни; по крайней мѣрѣ, во всей исторіи европейской поэзіи нѣтъ другого примѣра, чтобы памятникъ языческой эпохи представлялъ такое полное ослабленіе стихівъ язычества, какъ эти пѣсни Краледворской рукописи: оно является какъ-то случайно, скорѣе по воспоминанію, чѣмъ вслѣдствіе дѣйствительнаго участія въ жизни; поблеклые образы его ясно говорятъ о его внутреннемъ безсиліи, немислимомъ для времени начала 9-го вѣка; языческіе обряды и обыкновенія рѣдко выступаютъ въ прямомъ дѣйствіи, но болѣе въ описательныхъ упоминаніяхъ; ходомъ событій управляетъ уже новое политическое начало народной вражды и раздраженія, которое и даетъ произведеніямъ быстрый, лирическій характеръ; отсюда и самые образы ихъ—не спокойные образы величаваго стариннаго эпоса, а созданія минуты, возмущенной вторженіемъ чуждыхъ началъ. Всѣ эти признаки говорятъ не въ пользу высокой языческой древности названныхъ пѣсенъ Краледворской рукописи¹⁾; но при всемъ томъ трудно думать, что слѣды древней религіи и быта зашли въ произведенія, какъ обдуманная своевольная прибавка позднѣйшаго слагателя, желавшаго представить картину старины: для этого они слишкомъ просты, естественны и не умышленны, древній источникъ ихъ—несомнѣненъ; но они уцѣлѣли не въ томъ видѣ, въ какомъ бытовали въ язычествѣ, а въ ослабѣлыхъ, выродившихся образахъ, пройдя чрезъ

1) Здѣсь не мѣсто не помянуть добрымъ словомъ критики нек. Фей-фалика (Ueber die Kraljedworscher Handschrift. Wien. 1860, p. 88—9.), хотя нѣтъ предмыслиаго читателя можетъ видѣть, что мы совершенно несогласны съ этимъ ученымъ въ выводахъ, какіе онъ сдѣлалъ. Возраженія бр. Иречкова устраниаютъ послѣдніе, но не устраниютъ возможности другаго: Иречковъ доказалъ, что стихотворенія Кр. рик. могли возникнуть въ XIII в., но не доказалъ такой возможности для начала 9-го вѣка; вообще эта сторона возраженій чешскихъ ученыхъ незнама и критика Фейфалика остается, пона, въ своей силѣ.

время, которое не могло питать и поддерживать ихъ. Поэтому, въ пѣсняхъ Краледворской рукописи мы склонны видѣть не непосредственныя произведенія языческой эпохи, но позднѣе пересказы древняго оригинала, который сохранился путемъ устной передачи и, конечно, подвергался разнообразнымъ измѣненіямъ, подобно русскому слову о Полкѣ Игоревѣ и малороссійскимъ думамъ¹⁾. Первоначальное произведеніе могло появиться и въ 10 вѣкѣ, пересказъ же его едва ли былъ записанъ ранѣе XII—XIII вв. Таково наше предположеніе; къ нему, кромѣ прочаго, приводятъ и замѣченная бр. Иречками порча текста пѣсенъ²⁾, происходящая, кажется, не отъ неисправной переписки, но отъ дурной, забывчивой устной передачи.

Возвратимся теперь къ нашему предмету. Несмотря на относительно поздній видъ пѣсенъ, исторія и христіанскія понятія отразились въ нихъ лишь отрицательною стороною: ихъ вліяніе ослабило черты древнихъ вѣрованій и обычаевъ, но не замѣнило ихъ новыми, несовѣстными съ древнимъ бытомъ; потому мы имѣемъ право разсматривать показанія этихъ произведеній, какъ свидѣтельства конца языческой жизни чешскаго племени.

Стихотвореніе «Zboj a Slawoj» указываетъ на обычай погребенія въ собственномъ смыслѣ, стихотвореніе же «Čestmír a Wlaslaw» — на погребальный обычай сожженія; одинъ обычай, какъ мы замѣчали уже (см. выше), не исключалъ другого, и въ настоящемъ случаѣ тѣмъ менѣе уместна была такая исключительность, что погребеніе, какъ кажется, не было только простымъ посмертнымъ обрядомъ, но имѣло и иную цѣль, именно — сооруженіе высокой мошны въ память победы надъ врагами; такъ объясняетъ д-ръ Ганушъ выраженіе: «*k uštki rohčebat mŕch*», т. е. не на юръ, но юроу, высокою насыпью

1) Что эпические (?) пѣсни Крад. ркп. не принадлежать къ народной поэзи въ собственномъ смыслѣ, съ этихъ согласны и Иречки (l. cit. p. 49); но богѣ чѣмъ страшно поступаютъ они, когда такое повѣіе распространяютъ и на весь славянскій эпосъ.

2) Die Echtheit der Königinhofer Handschrift... p. 191.

(berghoch) ¹⁾, и мы не находимъ препятствій раздѣлить это мѣнѣе.

Богамъ спасителямъ, побѣднымъ (bohdm srazám) приносится *жертвы* (mnostwie oběti), *другимъ богамъ* — *покорнъ*. Что значить такое различіе? Нельзя ли въ послѣднихъ видѣть *думи* убитыхъ въ бою воиновъ ²⁾, нельзя ли въ словѣ *bohodom* предположить такое же значеніе, какое имѣетъ латинское *divus* (чешск. nebožtík) и передать его латинск. *divis manibus*? Кажется, что можно. Тогда *покорнъ* будетъ имѣть значеніе погребальной *стравы* на могилѣ усопшихъ.

Богамъ-спасамъ дѣлаются *благодетельныя соплашенія* (hlasat miluch slow) и приносится *оружіе побитыхъ враговъ*; хотя въ этомъ мѣстѣ текста и не замѣчается никакого искаженія, а равно и никакого противорѣчія обычаямъ языческаго времени, но имѣя въ виду общую порчу окончанія гѣсни ³⁾, не вѣрнѣ ли будетъ допустить и здѣсь перебой стиховъ и читать ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «tamo k wrchu rohēbat mrch, i dat roktn bohodom, a jim hlasat miluch slow, i jim oruzie robitych wradow; i tamo bohdm srazám dat mnostwie oběti!» Такой порядокъ едва ли не естественнѣе общепринятаго, по крайней мѣрѣ — заключеніе выходить эпически-заключеніе и поэтичнѣе. Если эта, впрочемъ совершенно личная, догадка не лишена вѣроятія, то и извѣстіе о погребеніи можетъ пополниться двумя подробностями, именно: глашеніемъ *мнѣмъ* словъ (причитаній) усопшимъ и принесеніемъ имъ оружія враговъ, которое, вѣроятно, полагалось въ могилу, какъ въ могилу Аттилы положили «arma hostium scyribus acquisita».

Наконецъ, замѣтимъ выступающе (въ стих. Čestmir) значеніе погребальной почести: душа до той поры не находитъ покоя и

1) Das Schriftwesen und Schrifttum der böhm.-sloven) Völkerstämme. Pr. 1867, p. 86.

2) Таково мнѣніе и Гауша (loco citato): онъ видитъ адѣсь *мнѣмъ*.

3) «Der Schluss des Záboj, говорить Иречки, ist so beschaffen, dass eine durch ein Versehen des Abschreibers (? по нашему мнѣнію — перескакиваниемъ) veranlasste Versetzung mehrerer Stellen angenommen werden muss.» l. cit.

мятежно блуждаетъ по деревьямъ, пока не совершится священный обрядъ сожженія.

Важныя извѣстія о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ русскихъ племенъ сохранила намъ «*Поэтиа временныхъ лѣтъ*», или древнѣйшій лѣтописный сборникъ русской старины.

Историко-литературная критика обозначила уже довольно ясно составъ «*Поэтии*» и опредѣлила важнѣйшіе источники, которыми пользовался составитель¹⁾: идеальная личность простодушнаго лѣтописца, передающаго, не мудрствуя лукаво, что знаетъ и что слышалъ, кажется навсегда уступила мѣсто образу *составителя обдумывающаго*, который, по византійской мѣркѣ, свелъ показанія различныхъ источниковъ въ систематическую хроникъ о томъ, «*что ся удѣла на русской землѣ*²⁾. Съ положительностью, почти несомнѣнной—наука уже отличаетъ древнѣйшій лѣтописный слой, отрывки котораго вошли въ разныя мѣста «*Повѣсти*»; потому въ вопросѣ, насъ занимающемъ, мы можемъ разсматривать ея показанія, слѣдуя иному порядку, чѣмъ тотъ, котораго держался лѣтописецъ-составитель.

На первомъ мѣстѣ мы поставимъ *народныя преданія* о смерти Аскольда, Дира и Олега и мщеніи Ольги древлянамъ, отнесенныя въ «*Повѣсти*» къ 882, 912 и 945 годамъ.

«И оубиша Аскольда и Дира, носоша на гору и погребоша и на горѣ».

«Умьре (Олегъ) и плакашася по немъ вси людіе плачемъ великомъ, и носоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголетсѣя

1) Съ уваженіемъ назовемъ здѣсь труды: гг. Срезневскаго (Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Спб. 1862), Костомарова (Лекціи по русской исторіи. Спб. 1860), Гедесова (Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ. Спб. 1862, глава IV) и Кушнина (Замѣчанія къ книгѣ г. Погодина: Гедесовъ и его система. Спб. 1864, стр. 51—8, 64—73).

2) Последнимъ защитникомъ этого идеальнаго взгляда на т. наз. Нестора выступилъ недавно г. Погодинъ, въ своей брош.: Гедесовъ и его система. Спб. 1864, стр. 4 эк. et passim; но съ такими доводами, которые ни на йоту не поколеблютъ противоположнаго мнѣнія: общія мѣста—самый непрочный и ненадежный способъ убѣжденія.

Щековица; есть же могла его до сего дни, словоь могла Олгова».

Убийъ Игоря, древляне похребом его и, вслѣдъ затѣмъ, отправили къ Ольгѣ пословъ съ предложеніемъ выйти замужъ за князя ихъ Мала; Ольга отвѣчала пришедшимъ:

«люба ми есть рѣчь ваша, оуже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтати наутрѣ предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою, и лязте: в лодыи величающеся; азъ оутро послю по вы, вы же рыцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодѣ; и възнесутъ вы в лодыи, и отпусти я въ ладью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И заоутра Волга, сѣдючи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ глаголюще: зоветь вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не едемъ на конихъ, не на возѣхъ, понесѣте ны в лодыи. Рѣша же Княие: намъ неволя; Князь нашъ оубьенъ, а Княгини наша хоче за вашъ Князь, и понесоша я въ лодыи. Они же сѣдаху въ перегѣбѣхъ, въ великихъ сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ к Ольгѣ, несше вринуша е въ яму и с лодьюю. Пришкыши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь? они же рѣша: пуши ны Игоревы смерти; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я».

Ольга требуетъ отъ древлянъ присылки новыхъ жарочныхъ мужей; они, не подозрѣвая обмана, посылають извѣстныхъ правителей своей земли.

«Древляномъ же пришедшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рыкуше сице: измывшеса приидте ко мнѣ. Они же пережгоша истопку, и влѣзоша Древляне, начаша ся мыти: и запроша о нихъ истопку, и повелѣ зажечи я отъ двери и, ту изгорѣша вси. И посла къ Древляномъ, рыкуши сице: се оуже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идѣже оубисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, възваряша. Ольга же, помыши мало дружины, легкю идуши, приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ съсуги

могли велику; яко соспоша, и повелѣ тръизну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пяти, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне к Ольгѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко оупвшася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пяти на ня, а сама отъиде кромѣ и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И иѣскоша ихъ 5000, а Ольга возъвратися Кіеву, и пристрой вои на прокъ ихъ.

Мы не безъ намѣренія пересказываемъ подробности общезвѣстнаго лѣтописнаго разсказа: онѣ, какъ увидимъ, не такъ чужды нашей цѣли, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Примемъ ли мы эти разсказы за дѣйствительныя происшествія, допустимъ ли въ созданіи ихъ участіе народнаго поэтическаго творчества (что и гораздо вѣроятнѣе), значеніе ихъ для насъ будетъ одинаково: дѣло идетъ не о строгой исторической достовѣрности событій, но о достовѣрности фактовъ внутренней жизни народа: сохранные въ трезвой лѣтописной памяти или записанные по устному разсказу, какъ народныя преданія, они равно драгоценны для насъ, потому что взяты изъ дѣйствительнаго быта, а не вымышлены досужей фантазіей.

Смерть своего мужа Ольга мститъ сначала тѣмъ, что первыхъ пословъ древлянскихъ заживо *погребаетъ*, вторыхъ *сожигаетъ*. Преданіе не даетъ особаго значенія этимъ дѣйствіямъ: относясь къ древлянамъ съ національнымъ пренебреженіемъ, какъ къ простакамъ, оно видитъ здѣсь только хитрую уловку мудрой жены, въ которую попадаютъ враги по своей умственной малости; но въ такомъ ли смыслѣ и должно понимать эти дѣйствія: древлянскіе послы находились въ полной власти мстящей кіевской княгини, она могла, не прибѣгая къ хитрости, поступить съ ними какъ хотѣла: умертвить или замучить ихъ, и если для этого она выбрала не прямые пути, то, конечно, не безъ причины и основанія. Какъ врагъ древлянъ, убитый Игорь, хотя и былъ погребенъ, но *безчестно*, безъ священнаго обряда; душа его *требовала* не только мести, но и успокоительной погребаль-

ной почести и жертвы, и это-то, кажется, руководило поступками Ольги: послѣвъ древлянскихъ она привнесъ въ жертву неумиротворенной душѣ своего погибшаго мужа, справляя надъ ними заживо *религіозные погребальные обряды*: однихъ она закапываетъ въ землю въ *ладѣ* (ср. показанія Ибнъ-Фодлана), другихъ — *сожигаетъ*; третій актъ мести имѣеть такой же погребально-жертвенный характеръ: надъ могилкой вождя избиваются древляне, какъ рабы, приносимые ему въ жертву и назначенные на служеніе его посмертному существованію; замѣчательна и та частная черта, которая предшествуетъ избіенію, она прямо взята изъ погребальнаго обряда: Ольга приказываетъ своимъ отрокамъ *пить на древлянъ, за смерть или на смерть имъ*¹⁾, соотвѣтственно тому, какъ при погребеніи живые пьютъ прощальную чашу за мертвого и выливаютъ ее въ могилу (вспомнимъ прощальную чашу дѣвушки у Ибнъ-Фодлана и Попѣла у Кадлубка, др. показанія см. ниже). Очевидно, что мечь Ольги не была простымъ наказаніемъ, но религіозно-обрядовымъ дѣйствіемъ (сербск. *осветой*): она приносила погребальную жертву душѣ своего мужа. Такой фактъ, съ одной стороны, подтверждаетъ замѣченную нами связь погребальныхъ обычаевъ съ жертвенными и обычаями казни, съ другой — даетъ нѣкоторыя указанія и на самые погребальные обряды: *погребеніе въ ладѣ, сожженіе, питье чашки въ честь мертвца или возліанія ему* — вотъ, кажется, бытовые черты, которыя можно освободить изъ-подъ оболочки поэтического народнаго преданія. Но и кромѣ этого, оно и прямо указываетъ на другія стороны дѣйствительности: Аскольда у Дира и Олега — *погребаютъ*, древляне также *погребаютъ* Игоря, потому можно заключать, что въ 10 вѣкѣ у полянъ и древлянъ было обыкновеніе погребенія въ собственномъ смыслѣ, что и совпадаетъ съ разсказомъ Ибнъ-Досты. Случайно или по обычаю Аскольдъ и Диръ

1) *Пить на кого*, — пить за чье-нибудь здоровье, въ «Повѣсти» подъ 1064 г. — *срече Котопанъ: княже! хочю на тя пити....»*

были погребены *на юръ* — этого не видно; но *макъ*, по народному преданію, былъ погребенъ и Олегъ, и надъ Игоревымъ гробомъ (т. е. могилой) Ольга насыпаетъ высокой холмъ, конечно—въ честь или воспоминаніе о немъ. Плачь Ольги на гробъ мужа должно понимать въ обрядовомъ значеніи, какъ обычное причтаніе; въ такомъ смыслѣ слово *макатися* на или по холмъ употребляются въ «Повѣсти» постоянно. За насыпью могилы слѣдовала *тризна*; въ чемъ состояла она—въ преданіи не говорится, но можно думать, что обрядовая попойка составляла только заключительный актъ ея; такъ слѣдуетъ изъ чтенія: ...,повелѣ тризну творити. *Посемъ сѣдоша Деревляне пити*... Пропускъ, впрочемъ, не невозвратимый: онъ восполнится для насъ другими показаніями старины и свидѣтельствами языка.

Подъ 6477 (969) въ «Повѣсти» занесено извѣстіе о кончинѣ Ольги:

„...Умре Ольга, и плакася на ней сынъ ея и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, песоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи презвутерь, сей похорони блаженную Ольгу».

Это безцвѣтное показаніе оживляется другимъ, близкимъ къ нему по содержанію: оно находится въ Прологѣ XV в. подъ 11-мъ іюли:

«Призва (Ольга) сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею равно погрестися, а могилы не суги, ни тризнь творити, ни бдына дѣяти»¹⁾.

При отсутствіи предварительной историко-критической разработки русскихъ «Прологовъ», нельзя, покаместъ, правильно су-

1) Приведено Востоковымъ въ его Словарѣ церковно-славянскаго языка т. I-а. sub voce. Еще въ 1828 г. г. Погодинъ привелъ подобное мѣсто въ своихъ примѣчаніяхъ къ критикѣ Арцыбашева на Исторію Государства Россійскаго: «въ рукописныхъ макарьевскихъ большихъ Минеехъ, или въ какомъ-то Прологѣ, не помню (!), читалъ я о в. к. Ольгѣ: ея заповѣдала ему со землею равно погрестися, а могилы не сугати, ни тризнь трити ни бды не дѣяти»; см. Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. 12, № 23—24, стр. 255. Очевидно, что изъ того же самаго даятника, только въ дурно передаваномъ видѣ.

дѣть и о цѣнности ихъ показаній; изъ доселѣ извѣстнаго можно видѣть только, что этотъ родъ сборниковъ представляетъ иногда такіа данныя, которые не встрѣчаются въ другихъ источникахъ¹⁾. Таково и настоящее свидѣтельство: оно, очевидно, идетъ не изъ лѣтописи, но изъ какого-то иного источника, можетъ-быть, общаго для обоихъ. Частныя черты позволяютъ предполагать источникъ древній, когда память о языческомъ погребеніи была еще свѣжа. Насыпаніе *сысокой моимы* и *мурина* выступаютъ здѣсь, какъ отличительныя особенности языческаго погребальнаго обряда; но какое значеніе имѣтъ *бдыны* и какъ слѣдуетъ понимать выраженіе «ни бдына дѣяти»? Такъ какъ рѣчь идетъ о языческомъ погребеніи, то Востоковъ и понялъ слово въ смыслѣ надгробнаго памятника, хотя съ сомнѣніемъ, выраженнымъ знакомъ вопроса; съ такимъ же значеніемъ и сомнѣніемъ перенесъ его въ свой Словарь (р. 49) и Миклошичъ: ни тотъ, ни другой не встрѣтили иныхъ случаевъ употребленія слова. Едва ли слѣдуетъ давать термину общее значеніе надгробнаго памятника, потому что подобные памятники слишкомъ обыкновенны въ христіанскомъ мірѣ и ничѣмъ не могли оскорблять христіанскаго чувства Ольги; здѣсь разумѣется исключительно языческій памятникъ, и такимъ, по всѣмъ соображеніямъ, должно признать особую *надстройку надъ моимю*. На нее, прежде другого, указываетъ этимологія слова; краткій *Ъ* органически замѣняетъ звукъ *У*, *ынъ* (соб. *инъ*) суффиксъ въ образованіи именъ, стало быть корень = *буд*, и онъ даетъ происхожденіе именамъ (какъ нарицательнымъ, такъ и множеству собственнымъ) и глаголамъ, обозначающимъ постройку (см. Lindc. Słow. sub voce *buda*); въ смыслѣ погребальной постройки мы встрѣчаемъ это слово въ Ипатьевскомъ спискѣ, подъ 1175 г.: «вложамы и любо си въ *буды*, любо си въ гробъ», и въ современномъ русскомъ областномъ—*буда* не только постройка вообще, но и *склепъ для покой-*

1) Таковъ напр. Прологъ XIII в., описанный г. Бодякинъ въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древ. 1846 (годъ 1-й), № 2, стр. 5—23.

миковъ (Даль. Толк. Сл. sub voce); далѣе, мы видѣли (стр. 101—2), что Козьма Пражскій упоминаетъ о *дхжмагъ* (scelae) на рас-
путьяхъ для *успокоенія душъ усопшихъ*, Ибизъ-Фопланъ также
говоритъ о какомъ-то деревянномъ *сооруженіи* на могилѣ со-
жженного русскаго (см. выше), въ «Сказаніи о началѣ Мо-
сковы», хотя и не древеснъ по формѣ, но сохранившемъ мно-
гія черты древности, неизвѣстный князь Данилъ, убѣгая отъ
кучковичей «по прилучаю наиде въ дѣбри *струбени* магъ стоящъ,
подъ нимъ же погребени бысть ту нѣкоторый мертвый человекъ,
князь же *вмъ въ струбени* той, *закрмъ въ немъ*¹⁾»; наконецъ,
языческое обыкновеніе ставить постройку надъ могилою продол-
жается и до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ русскаго
земля (Нижегородск., Костр., Калуж., Земля войска донскаго),
такая постройка называется *юлубени* и дѣлается срубомъ съ
крышею, будкой или домикомъ²⁾; какъ несогласный съ христіан-
скими порядками, такой обычай теперь прекращенъ.

Такимъ образомъ, Проложное свидѣтельство, оправдываясь
и объясняясь другими источниками, доноситъ къ намъ любопыт-
ный фактъ славянской погребальной старины. О цѣли этихъ над-
могильныхъ построекъ, можно догадываться изъ словъ Козьмы
Пражскаго: они служили для *отдохновенія душъ* (ob animaanim
raivationem), прилетавшихъ навѣстить свое прежнее жилище и
утомленныхъ долгимъ путемъ.

Возвращаемся къ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Гораздо важнѣе, чѣмъ предыдущія, тѣ данныя, которыя вно-
сены въ сборникъ особой вставкой, въ началѣ; между прочими

1) Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1851 г. кн. 11-я сѣкъ, стр. 26.

2) Даль. Толковый Словарь в. рос. яз. sub voce юлубени. Карамзинъ (Ис. Г. Р. т. II, примѣч. 269) говоритъ, что Ярополкъ († 1139) былъ схороненъ въ юлубни у церкви св. Андрея; намъ неизвѣстно, откуда взялъ исторіографъ свое показаніе; но въ Лѣтописи вмѣсто юлубни стоитъ *юробини*, см. подъ го-
домъ 1145. Откуда самое названіе юлубени — рѣшать не беремся; но оно за-
мѣчательнымъ образомъ совпадаетъ по значенію съ классическимъ colum-
baria.

правами и обычаями языческихъ русскихъ племенъ отмѣчаются и обычай погребальныя:

«И Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху.... Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу (= краду) велику, и възложашуть и на кладу мертвеца, сожыжаху, а по семь, собравше кости, вложашу въ судину (= ссудъ) малу и поставяху на столпѣ (= на столѣ) на путехъ еже творять Вятичи и нынѣ: Си же творяху обычая (и) Кривичи, прочіи поганіи...» (П. С. Р. Л. I, стр. 6).

Къ какому времени слѣдуетъ отнести это этнографическое описаніе?

Кажется, оно не могло принадлежать къ составу первоначальныхъ лѣтописей: въ немъ нѣтъ ни историческихъ или мѣстныхъ преданій, ни собственныхъ событій, ни хронологическихъ помѣтъ, составляющихъ основу краткихъ первоначальныхъ лѣтописей; не думаемъ, чтобы можно было относить его и ко времени сложенія самой «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: въ этомъ убѣждаетъ насъ приписка, очевидно принадлежащая составителю «Повѣсти»: «еже творять Вятичи и нынѣ»; она была бы неумѣстна, еслибы ея мѣсто принадлежало составителю или было записано имъ лично со словъ людей бывалыхъ¹⁾. Этнографическое описаніе правотъ и обычаевъ русскихъ племенъ, несомнѣнно, представляетъ емлемый рассказъ, вставленный въ повѣсть съ юморою уже оригинала: неизвѣстно, списанъ ли этотъ рассказъ дословно или переданъ въ пересказѣ, (на что кажется намекаетъ постоянное употребленіе прошедшаго времени), но, во всякомъ случаѣ, по содержанию онъ старше самой «Повѣсти» и приблизительно можетъ быть помѣченъ временемъ X—XI вѣка. Неизвѣстенъ также ближайшій источникъ его: какого рода человѣку обязанъ онъ своимъ происхожденіемъ, всего ближе будетъ предположить оче-

1) Также и въ предумышлѣнномъ исчисленіи племенъ русскихъ читаемъ: «Дубы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Великая... суть гради ихъ и до сего днѣ».

вида рассказываемаго, м.-б. какого бывалаго купца и притомъ русскаго по происхожденію¹⁾.

Въ разсказѣ ничего не говорится о погребальныхъ обычаяхъ поливъ и древлянъ: быть-можетъ, это зависѣло отъ случайности: рассказчикъ не имѣлъ случая видѣть и наблюдать ихъ такъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ свадебные обычая, но, можетъ-быть, была тому и иная причина: такіе обычая въ X—IX вѣкѣ могли быть близки къ христіанскому обыкновенію *погребенія*, по крайней мѣрѣ—если бы древляне въ XII вѣкѣ держались инаго *«могилскаго короля»*, то составитель «Поѣсти», съ своей стороны, не преминулъ бы указать на то какою-нибудь прибавкою, въ родѣ прибавки о вятичахъ; тѣмъ болѣе, что нравы древлянъ онъ рисуетъ самыми мрачными красками. Соображеніе находятъ поддержку и въ приведенныхъ выше народныхъ преданіяхъ. Радимичи, сѣверяне, кривичи и «прочіе поганіи»—въ X-XI вѣкѣ, вятичи же еще и въ XII—имѣли погребальный обычай *сожженія*: сначала надъ мертвецомъ справлялась *тризна*, потомъ собирали костеръ (*кладу, краду*), предавали тѣло сожженію, затѣмъ собирали кости въ небольшой сосудъ и поставляли его «на столѣ» на *пунехъ*. Загадочнымъ представляется послѣднее извѣстіе. Если понимать его въ современномъ обыкновенномъ смыслѣ, то придется допустить странность: прахъ усопшихъ собирали затѣмъ, чтобы не *сохранить* ея, ибо выставленный на столбѣ, хотя и въ сосудѣ, онъ подвергался всѣмъ случайностямъ непогоды и быстрому уничтоженію... Очевидно, что выраженіе слѣдуетъ понимать иначе. Грамматическая правильность и ясность текста дѣлаютъ неспущнымъ предположеніе объ искаженіи или порчѣ, потому остается думать, что слово *столѣ*, *столѣ* здѣсь имѣетъ иное, отличное отъ обыкновеннаго, знаменованіе; ни русскіе, ни древнеславянскіе памятники, гдѣ оно обозначаетъ *στήλη* и *πύργος*,

1) Русское происхожденіе этнографа ясно не только изъ невольно вѣрнѣе наблюдений, но и изъ народныхъ терминовъ для обозначенія ихъ: чужеземецъ употребилъ бы выраженія описательныя.

не даютъ настоящаго смысла; его указываетъ санскритъ: отъ корня *stūr* = *soasegare, erigere*, образуется существит. *stūra* = *sutulus*, возвышеніе изъ земли и камней, высокая могила; этому слову, по органически правильному переходу звуковъ, отъѣчаетъ польское *stura* (Ш=И первонач. У), которое первоначально должно было обозначать *могилу*, но уцѣлѣло уже въ переносномъ значеніи *погребальной урна, поминокъ*¹⁾. Въ силу того же органическаго перехода звуковъ слово явилось въ церковно-славянскомъ языкѣ въ формѣ *стмиз* (правильнѣе: *стмизъ*, ибо *и* = *ы* переходить въ *ъ*, а же въ *з*), въ русскомъ — *столпъ, столбъ*. Итакъ, не въ древнемъ ли значеніи землянаго возвышенія, холма, насыпной могилы слѣдуетъ понять *столмы* «*Повѣствъ*», по крайней мѣрѣ ихъ трудно понять иначе, особенно когда вспомнимъ прямое показаніе Ибнъ-Досты, что славяне, по сожженіи мертвеца, собирали пепелъ съ пожараща, складывали его въ сосудъ и ставили послѣдній *на холмъ*. Погребальная урна съ костями и пепломъ, конечно, ставилась не *на поверхности* могилы, но въ срединѣ ея; объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ, доселѣ бывшія, археологическія раскопки. Помѣщеніе могильныхъ холмовъ на видномъ мѣстѣ *путей*²⁾ вполне соотвѣтствуетъ ихъ назначенію: съ одной стороны они свидѣтели памяти покойника (сравни выше) съ другой — пограничные стражи родной земли, села или волости, оберегаемыхъ прахомъ почившихъ предковъ; ибо жилищамъ боговъ *терминомъ* приличнѣе всего стоять на межѣ путей. Мы видѣли, что Козма Пражскій отводитъ для языческихъ чешскихъ *сиснъ* мѣста *путей и раздоромъ* (*in diviis et in triviis*); въ средневѣковыхъ

1) *Stura* на нашъ взглядъ есть не иное что, какъ прилагательное притяжательное, равносильное сл. *стурова*. Того же происхожденія и польское слово *stūr* = *столбъ* и могильный памятникъ, но тождественное въ началѣ со словомъ *стур-а*, оно пошло въ языкъ совсѣмъ иной дорогой.

2) Водимыя (путь = *placet*) или обыкновенныя сухопутныя дороги — это все равно. О погребальномъ значеніи *перекрестковъ* мы будемъ имѣть случай говорить во 2-й части изслѣдованія.

поморянскихъ грамотахъ славянскія могилы восточно называются, какъ пограничные знаки или марки, до которыхъ идетъ владѣнiе известной волости¹⁾, въ чешскомъ (отчасти и въ южнорусскомъ въ Галиціи) языкѣ сл. *hraniče* имѣеть значеніе и *межи*, *термина* и *моимы*, *погребальную костра* (Jungmann. Slow. sub. voce); литовск. *karas* — погребальный холмъ, *karšius* — граничный холмъ, славянск. *кума*, *куница*; можно было бы поставить сюда и русское *сонка*, если бы не существовало сомнѣній на счетъ перехода славян. *С* въ *Ж*; по одному, не лишнему вѣролiтiя, известiю, въ старину у насъ на *распутьяхъ* стояли *столбы*, *чураки* (чурь-пенать, предокъ), и мимо ихъ никто не проходилъ безъ какой нибудь жертвы²⁾.

Возвратимся еще разъ къ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Разсказывая подъ 10015 г. о смерти Владимира, лѣтописецъ передаетъ слѣдующее:

«Умре же на Берестовѣмъ, и потанша ѿ, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю клѣтми проиавше помость, обертѣвши въ коверъ, и ужи съвѣснша на землю; възложше и на сани, везше поставиша и въ святѣй Богородици».

Лѣтописецъ склоненъ объяснить этотъ поступокъ желанiемъ скрыть отъ Святополка смерть Владимира, но не странно ли, что вслѣдъ за тѣмъ, тѣло умершаго князя выставляютъ въ церкви, къ нему приходятъ «люди безъ числа», и похороны совершаются гласно и торжественно: объясненіе, очевидно, не идетъ къ происшествiю. Мы имѣемъ основанiя видѣть здѣсь особый погребальный обычай, по которому усопшаго выносили не дверью, но разнимали помость и въ отверстіе спускали тѣло. Такой обычай сохранился и доселѣ у племенъ нѣмецкихъ³⁾ и славянскихъ.

1) Мѣста эти собраны у Липша, Friderico Franciscum. L. 1837, p. 11—15.

2) Журн. Мин. Народн. Просвѣщенiя, 1851 г. № 10, отд. IV, стр. 7.

3) Simrock. Handbuch der deutschen Mythologie. Bonn. 1864, p. 597. Zeitschrift für Deutsche Mythologie (Göt. 1858), t. IV, p. 260.

Какъ бы ни объясняли точный смыслъ ¹⁾ словъ *гѣтониса*, несомнѣннымъ останется, что тѣло Владимира было вынесено не *чрезъ дверь*, а *чрезъ проломъ*. Подъ вліяніемъ христіанства языческой обычай сталъ глухимъ суевѣріемъ, и въ такомъ видѣ встрѣчается въ началѣ XVII вѣка: по одному современному извѣстію—тѣло Бориса Годунова, оглашеннаго *чародѣемъ*, было извергнуто изъ могилы (въ Архангельскомъ соборѣ), чрезъ нарочно сдѣланный въ стѣнѣ *проломъ* †; въ современномъ быту, когда умирающій долго томится, то, чтобы помочь душѣ его выйти изъ тѣла, считаютъ нужнымъ *приподнять* въ потолокъ *матницу* (отсюда и народн. примѣта—*матница* трещать, кто-нибудь *умретъ*); колдуны, по народнымъ разсказамъ, всегда долго томится въ предсмертныхъ мукахъ; для облегченія кончины ихъ также приподнимаютъ *потолочку матницу*, и тѣло такихъ людей выносятъ не въ дверь, а вытаскиваютъ вонъ изъ *окна*; при повальной болѣзни мертвецовъ иногда выносятъ *не дверью, а чрезъ окно* ²⁾; у мазуровъ, когда у кого умираютъ дѣти и хотятъ прекратить это, то тѣла ихъ выносятъ не въ дверь, а спускаютъ *чрезъ окно* ³⁾. Эти ослабѣлыя остатки древности даютъ намъ нѣкоторое право предполагать въ *гѣтонисномъ* извѣстіи о смерти Владимира не какую-нибудь случайную черту, но особый погребальный обычай языческой старины. Смыслъ его теменъ: быть-можетъ, его создала мысль, что мертвецъ, отошедшій изъ царства жизни, не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, который служитъ для прихода и ухода живыхъ, смерть не должна знать семейнаго порога и двери, открывающейся лишь для родныхъ и друзей.

Свидѣтельства особой для насъ важности сохранились въ

1) Весьма вѣрное объясненіе дѣлаетъ здѣсь пом. Борисовъ: тѣло князя, по его вѣнчанію, было спущено съ верхнихъ въ нижнія сѣни чрезъ проломанный помостъ. Владимірск. губери. вѣдомости, 1862, № 8.

† Московскій Телеграфъ 1833 г., ч. 3-я, стр. 10—11. Воронежскій литер. Сборникъ. I (В. 1861), стр. 817.

2) Борисовъ. Влад. Губер. Вѣдом. 1862, № 8.

3) Төррен. Aberglauben aus Marurien. Danz. 1867. p. 112.

«Житію» князя Константина Муромскаго. Хотя оно и составлено не ранѣе XVI вѣка (т. е. во время или по канонизаціи Константина), но содержитъ въ себѣ такія любопытныя и важныя черты погребальной древности, что мы, не сомнѣваясь, должны поставить его въ число первостепенныхъ нашихъ источниковъ. Вотъ его показаніе по тексту ркп. Сергіевой Лавры (№ 54), слѣченному съ румянцевскою (№ 364)¹⁾. Когда Константинъ Муромскій похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, то

«свѣтрніи людіе, видяще сія, дваяхуса, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву (рум. князю Михаилу), взнакъ на востокѣ (р. во знакъ на востокъ лядемъ), а могилы верхъ холмомъ не сыпаху, но равно съ землею, ни тризнища, ни дыши (? рум. дымы ?) не дѣяху, ни битвы, ни пожскроснія (рум. кожи кровнія) не творяшеса, ни лядедранія, ни плача безмѣрнаго, и о томъ безумніи ругахуса...»

Далѣе, рассказавъ объ обращеніи мурома въ христіанство, сочинитель Житія восклицаетъ:

«Гдѣ рѣкамъ и езеромъ трѣбы кладущевъ? гдѣ кладезямъ кланяющеса, очныя ради немощи умывающеса и сребреницы въ ня поверзающевъ? Гдѣ кони закалающевъ по мертвыхъ и ременная плегенія древолазная съ ними въ землю покоповающевъ (р. погребаящивъ) и битвы и кроснія (р. лнць), или натрекапія (р. натрескапія) и драпія творящевъ? Гдѣ свѣтрнія и бѣсованія и горшая согрѣшенія восклицаящивъ? Они бо вси посрамишаса, ницы на земли лежать, и пребыша мертвыи.»

Чтобы дать надлежащую цѣну и значеніе этимъ показа-

1) Этотъ отрывокъ изъ текста ркп. Сергіевой Лавры напечатанъ въ Библиографическихъ разсужденіяхъ вок. В. М. Ундольскаго. М. 1846 г. стр. 69—79 (отъ изд. Москвитинна 1846 № 11—12 стр. 194—195), хотя такъ, по недосмотру, онъ отнесенъ къ житіямъ Петра и Февроніи Муромскихъ; румянц. текстъ Житія (редакція позднѣйшей, видоизмѣненной) напеч. въ Палладинскаго старинной русской литературы, издад. г. Костомаровымъ т. I, Спб., 1860, стр. 229—233.

нѣмъ, необходимо предварительно остановиться на самомъ памятникѣ. *Житіе*, какъ мы сказали, составлено во ранѣе 2-й половины XVI вѣка (моги святого открыты въ 1552 г.); время жизни Константина Муромскаго, если принять тожество его съ Ярославомъ Святославовичемъ, сыномъ Святослава Черниговскаго ¹⁾, опредѣляется годомъ его кончины 1129. Спрашивается: на основаніи какихъ данныхъ составлено было *Житіе*, какими источниками пользовался неизвестный біографъ, жившій четыре слишкомъ столѣтія спустя?

Пр. Макарій (Ист. р. ц. II, стр. 275) полагаетъ, что составитель *Житія* писалъ на основаніи устныхъ преданій, сохранявшихся въ Муромѣ, или и краткихъ записокъ, что весь приступъ и нѣкоторыя мѣста въ заключеніи буквально взяты изъ *Житія* Владимірова, составленнаго Яковомъ Мнихомъ; другія мѣста, хотя не съ такою буквальною — изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и изъ Похвалы митр. Иларіона Св. Владиміру (ср. пр. Филарета Обзоръ рус. дух. лит. 1, пар. 133). Если, такимъ образомъ, біографъ имѣлъ предъ собою два различные источника, то изъ какого шло вышеприведенное любопытное извѣстіе о погребальныхъ обычаяхъ: изъ устнаго-ли народнаго преданія, или какого иного письменнаго памятника? Позволяемъ себѣ заключать, что изъ послѣдняго; народная память едва ли сохранила бы такія дробныя, нагія черты языческой бытовой древности; онѣ лишены того, что всегда охраняетъ преданіе отъ сокрушительнаго забвенія, именно — обаятельнаго поэтическаго колорита фантазій, онѣ слишкомъ будничны, слишкомъ противоположны чувству христіанна, чтобы, отвергнутыя жизнью, могли удержаться въ его памяти въ теченіе четырехъ съ половиною вѣковъ; потому, кажется, онѣ должны быть записаны лишь по горячему слѣду своего существованія, взяты прямо изъ житейскаго обихода; а въ такомъ случаѣ — внесены въ *Житіе* изъ гораздо старшаго

1) Пр. Филарета. Истор. русск. церкви, т. I (изд. 4-е) ч. 1862, стр. 23—4).
Макарій. Исторія русской церкви, Спб. 1857, т. II, стр. 19—20.

литературнаго источника. Полагаю, что такимъ источникомъ въ данномъ случаѣ не могли быть краткія записки объ обращеніи муромы въ христіанство, существованіе которыхъ допускаетъ пр. Макарій, потому что извѣстія *Житія о поребалмъ и друнъхъ языческихъ обрядахъ относятся не къ чудской муромѣ, но къ русскому (славянскому) населенію: составитель Житія имѣлъ задачей представить искорененіе язычества въ муромѣ; далекій отъ изображаемой эпохи, онъ понималъ чудское язычество лишь въ отвлеченномъ (не этнографическомъ) смыслѣ, какъ язычество вообще и, встрѣтивъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ описаніе русскихъ языческихъ суевѣрій и обычаевъ, — не задумался воспользоваться ими для оживленія своего разсказа; такимъ образомъ черты языческаго быта русскихъ славянъ были перенесены имъ на язычество чудской муромы. Въ этомъ мнѣніи насъ утверждаетъ не одно только согласіе фактовъ *Житія* съ извѣстными фактами русской языческой древности, но и ясныя, несомнительныя указанія самаго памятника и нѣкоторыя иныя соображенія: какъ иначе объяснить напр. слѣдующія заключительныя слова *Житія*: «идѣ же убо въ Муромстей области пройдеши, нигдѣ не услышаши проклятыхъ многобожныхъ именъ, ни Перуна, ни Ждагода (= Дажьбога), ни Мокоши, ни же мованімъ требы творяху»? Далѣе, отвлеченнымъ, анти-этнографическимъ взглядомъ біографа на муромское язычество объясняется и его извѣстіе о томъ, что въ Муромѣ отцы приносили въ жертву дѣтей и поклонялись Мухаммеду («тѣмъ же престаша отцы дѣтей закалати на жертву бѣсомъ и сквернаго Моамеа пророкомъ называть», и въ др. мѣстахъ), покрайней мѣрѣ—это болѣе вѣроятно, чѣмъ предположеніе о распространеніи мухамеданства въ Муромѣ отъ волжскихъ Болгаръ¹⁾.*

Наконецъ, наше мнѣніе подтверждается бுவальнымъ сходствомъ одного мѣста въ «*Житіи*» съ приведеннымъ выше

1) Памяти старин. рус. литер. т. I, стр. 338.—Фазларетъ. Русскіе святые. Мѣ. изд., Чер. 1863, стр. 161.

проложныя свидѣтельствомъ объ Ольгѣ: нельзя думать, что писатель «Житія» К. М. пользовался *только* имъ (тогда—откуда такія вѣрныя подробности въ описаніи погребальныхъ обычаевъ!); но или онъ пользовался имъ *между* прочимъ, или и Житіе и Прологъ черпали свои показанія изъ одного, древнѣйшаго источника; во всякомъ случаѣ, сходство этихъ мѣстъ въ памятникахъ даетъ полное право относить извѣстія «Житія» къ языческимъ русскимъ славянамъ.

Если все это справедливо, то «Житіе Константина Муромскаго» представить намъ весьма древнее, можетъ-быть, современное введенію христіанства, свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ русскихъ славянъ.

Послѣ этого необходимаго отступленія, обращаемся къ содержанию источника.

Символическое христіанское погребеніе на востокъ лицомъ (прообразованіе будущаго воскресенія) противопоставляется языческому, но въ чемъ именно заключалась противоположность—этого не видно, можно полагать только, что эта черта христіанскаго погребальнаго обыкновенія не наблюдалась у русскихъ язычниковъ; *смѣстивъ съ усопшимъ въ могилу поманились еременныя плетения древолазная*, т. е. *лѣстницами*, вслѣдствіе, какъ увидимъ далѣе, вѣрованія, что душа усопшаго должна взбираться на высокую гору = рай, мѣсто пребыванія душъ; слѣды этого вѣрованія и обычая мы встрѣтимъ и въ современныхъ суевѣрныхъ обыкновеніяхъ славянъ; *на могилахъ убивали коня*, конечно въ томъ убѣжденіи, что конь необходимъ покойнику въ загробной жизни; хотя свидѣтельство и не даетъ прямого указанія, но вѣроятно, что убитый конь погребался вмѣстѣ съ тѣломъ усопшаго; *могила насыпалась холмомъ высоко надъ урономъ земли; по потребенію—совершалась тризна*, состоявшая изъ воинскихъ *упражненій, битвъ*, при чемъ, конечно, была и попойка (текстъ и. б. не случайно радѣляетъ *тризнице и битвѣ*); печаль по мертвомъ выражалась не только *плачемъ безмѣрнымъ*, но и *лицедраченіемъ и кожей краснѣемъ* (ср. выше извѣстіе Юрнана, Ибаль-

Досты и Кадлубка); что касается до слова *дымы*, *дыми*, то нѣтъ сомнѣнія, что это испорченное *бдымъ* Проложнаго извѣстія. Мы объяснили его выше (стр. 119—20).

Обозрѣніе русскихъ источниковъ мы пополнимъ разсмотрѣніемъ погребальныхъ терминновъ, въ нихъ встрѣчающихся.

Клада. Творяху *кладу* велику... Во многихъ вариантахъ къ этому мѣсту читается *кравду*: можно подумать, что это простое, обычное замѣненіе плавныхъ звуковъ *р* и *л*; но можно и полагать, что здѣсь общепонятный терминъ *клада* (trabs, *kladъ*, колода, чешск. *klada*; отъ корня *klad* = *tegere*, *sterneg*) замѣнилъ собою болѣе древнее и непонятное *кравда*; послѣднее въ церковно-славянскомъ употребляется не только для обозначенія костра, печи¹⁾; но и *юрящую асертвеннаю алтаря* = *βερός*²⁾; въ этомъ значеніи оно точь въ точь отвѣчаетъ санскр. *çra'dda* = священная жертва въ честь мертвыхъ, и если дѣйствительно въ текстѣ русскаго извѣстія стояло слово *кравда*, то подъ нимъ можно разумѣть не простой костеръ, но именно *погребальный*, воздвигнутый и сожигаемый въ честь мертваго.

Могила. Повелѣ съезти могилу велику.. Слово исключительно славянскаго происхожденія и распространено почти во всѣхъ нарѣчіяхъ (въ церковно-славянскомъ, н.-болгарскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ—*могила*, въ сербскомъ и хорутанскомъ—*gomiła*³⁾), у бывшихъ полабскихъ славянъ—*migola* (по Генцингу), *mogela*, *migula* (по поморянскимъ актамъ), вездѣ въ смыслѣ землянаго холма и преимущественно—холма *погребальнаго*. Относительно происхожденія и кореннаго значенія слова

1) Востоковъ. Словарь церковно-славянскаго языка. т. I, sub *тосе*.

2) Miklosich. Lexicon palaeoslovenicum, 1863, p. 307, Горскій и Невоструевъ. Описание рукописей Синод. библіотеки, т. III, (1859), стр. 301, 395.

3) Мы полагаемъ, что *могила* должно считать метатезисомъ слова *моилад*, ибо странно думать, что для обозначенія такого необходимаго предмета славянскій языкъ долженъ былъ заимствовать слова изъ языка чуждаго народа (*симилю*). Еще страннѣе полагать, что славянское слово заимствовано изъ арабскаго *manhal* (Muschlinski. Zródłostownik, 1858, p. 87; Köppen. Über Tamal in Russland. Sph. 1836, p. 2).

исследователи останавливаются на корнѣ *mo*, индо-евр. *mal* въ значеніи стесненія; этотъ корень имѣеть однако и другое значеніе, которое намъ кажется въ данномъ случаѣ должно быть предпочтено первому, именно: *colere, venerari*¹⁾. Въ такомъ мнѣніи насъ утверждаетъ другое слово того же происхожденія: *мошны*, *мошцы* = останки, кости мертваго²⁾, которыя у языческихъ славянъ, какъ видно изъ перевода X-го Слова Григорія Богослова, имѣли священное значеніе; *мошала* (предп. перв. форма *tag-ula*) это не только холмъ, но *почитаемая* хранительница *сѣльскихъ* — *мощей*: коренное значеніе наименованія вполне соответствуетъ взгляду язычника славянина на его блаженныхъ родителей — предковъ.

Тризна. Корень слова темень, можно предполагать *tri* (*tag*), въ значеніи побѣждать, превосходить (въ борьбѣ). Въ запасѣ словъ родственныхъ языковъ до сихъ поръ не указано этимологически отвѣчающаго³⁾ термина, такъ что его можно признать исключительно славянскимъ. Въ древнихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка *три(м)зна*, о, ъ (*тризма*) употребляется въ смыслѣ битвы, состязательнаго поприща = *αἰών, certamen, στάδιον*; *тризники* = *locus certaminis, σκάμμα*; *тризносами* = *rugare* и *подвизаться*; *тризниками* = *ἀδλητής, pugator*⁴⁾; съ такимъ же значеніемъ слово занесено и въ наши старинныя азбуковники, «такъ въ Тлъкованіи неудобъ познаваемомъ речемъ»

1) Pott. Etymologische Forschungen, 1-е изд. (Н. 1833). т. I, стр. 262—3; Dieffenbach. Lexicon comparativum linguarum Indo-germanicar. Fr. am M. 1861 t. II, 19—22, 68. Здѣсь изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ тщательное извлеченъ запасъ словъ, происшедшихъ отъ корня *tag*; сравни еще *ibidem*, pag. 2 sq.

2) Словари Востокова и Миклошича *sub voce*, Собраніе государ. грам. и договоровъ, т. IV (М. 1826), стр. 293, столб. 1-й.

3) Развѣ позволено будетъ сдѣлать обличеніе съ готскимъ *Trigemlōtz* и родственными нѣмецкими, указанными у Диембафа: *Lexicon compar. II*, p. 679.

4) Востоковъ. Слов. пер. Слав. языка II. 462, 6; Miklosich. *Lexicon palaeoslov.* 1865 p. p. 1001—2. Горскій и Новоструевъ. Описание риз. синагог. библиот. т. III. (М. 1858), стр. 81, 83, 115, 199, 261, 341, 399.

тризна объясняется: страдальство, подвигъ; въ Словарѣ Павлы Берывнды: «*тризникъ*—ширмѣръ, або тотъ, що на игриску есть, *тризнице* — мѣсте, гдѣ бывають поединки, або ширмѣрства, або боюванья, выгѣчки, або куглярства»¹⁾; слово имѣетъ довольно широкое распространение и въ другихъ славянскихъ нарѣчьяхъ: въ чешскихъ глоссахъ къ С.-Галленскому Словарию (*Mater Verborum*) сл. *тризна* поставлено въ объясненіе слѣд. латинскаго текста: *inferiae, placatio inferorum vel obsequiae, vel infernalium deorum sacrificia mortuorum sepulturae debitaе*, и въ другомъ мѣстѣ при словахъ: *inferiae sacrificia quae diis manibus inferebant*²⁾; стаю быть въ значеніи *погребальномъ*; *tryzen, tryzneni, tryzniti*, въ старомъ чешскомъ = бѣда, мученіе, мучить, бить, гоить, *tryznowati* = насмѣхаться; въ словацкомъ *trúzniti* = вести рѣчь, бесѣду, *truzníisia* = веселиться (см. Jungm. Slownik. IV, 664); въ русскомъ—тризна осталась въ значеніи погребальныхъ поминокъ, въ бѣлорус. *тризнитися* = грезиться. Разсматривая отмѣченные слова, кажется не трудно угадать древнее значеніе *тризны*: это—обрядовая военная игра, *бой и*, въ примѣненіи къ усопшимъ—помины по нихъ военною *игрою*, битвой; такой смыслъ совпадаетъ вполне съ свидѣтельствомъ источниковъ: Юржаца (м. б. Ибнъ-Фозлана и Козьмы Пражскаго), житія Константина Муромскаго и еще одной русской статьи, содержащей въ себѣ церковныя правила: здѣсь налагается епитимія, если кто «по мертвецю драся»³⁾; веселымъ характеромъ поминокъ объясняется значеніе чешскаго *tryznowati* и словацк. *truzníisia*, даже слово уже получаетъ отвлеченный смыслъ бѣды, мученія и, по связи мертвыхъ съ привидѣніями — значеніе грезы.

Въ заключеніе нашего обзорѣнія древнѣйшихъ свидѣтельствъ

1) Калайдовичъ. Иоаннъ Екзархъ Болгарскій. М. 1824 г. стр. 196; Воевоковъ. Описаніе ркн. Румянцов. Музея. Спб. 1842, стр. 267; Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. т. II, (Спб. 1849) кн. V, стр. 106.

2) Schaffarik—Palacky. Die Aeltesten Denkmäler d. böhm. Sprache. Pr. 1840, p. 229.

3) Описаніе рукописей Синодальной библіотеки, т. III, (М. 1859), стр. 282.

о погребальной старинѣ языческихъ славянъ, считаемъ не лишнимъ объяснить причины, почему въ него не вошли извѣстія важной привилегіи 1249, данной Яковомъ, папскимъ легатомъ и намѣстникомъ въ Польшѣ, Пруссіи и Помераніи¹⁾. Сколь ни важны и интересны эти свѣдѣнія²⁾, но мы не видимъ возможности относить ихъ къ поморянамъ, или вѣрнѣе къ поморскимъ славянамъ, какъ дѣлаетъ А. В. Мацѣвскій³⁾: архидіаконъ Яковъ имѣеть въ виду не славянъ, но исключительно пруссовъ — неопитовъ, обитавшихъ въ Помезаніи, Вармін и Натангін, онъ называетъ ихъ только *сосѣдами поляковъ* (et saecularia iudicia Polonorum vicinorum suorum), говоритъ, что эти Neophyti idolum consueverunt pro deo colere cui nomen *Киршо*, приводитъ и прусскія имена ихъ жрецовъ Tillusones (=Tulissones) et Linguschones (=Ligaschones). Всѣ эти обстоятельства, не допуская сомнѣній на счетъ прусской народности новокрещенныхъ *привилегіи*, даютъ намъ полное право устранить ее изъ нашего обозрѣнія.

Въ произведеніяхъ писателей и историческихъ документахъ 15—17 вв. кое-гдѣ мы встрѣчаемся и съ нѣкоторыми чертами языческой погребальной старины славянъ; христіанскія понятія и обряды давно получили въ жизни перевѣсъ надъ языческими, давно овладѣли и народной погребальной практикой; но старая

1) Она внесена въ Хронику Петра Дюсбурга, ed. Hartknoch. M. D. C. LXXIX, p. 467—8, а также и у Дрегера: Codex diplomaticus oder Urkunden, so die Pommerisch-Rugianischen t. I. Stettin. 1748. p. 296 sq.

2) Для сравнительной цѣли представляемъ здѣсь выдержки важнѣйшаго: porro Neophyti... promiserunt, quod ipsi et haeredes eorum in mortali comburendis et subterranda cum equis sive hominibus, vel cum armis, seu vestibus, vel quibuscunque aliis rebus pretiosis, vel etiam in aliis quibuscunque ritus gentilium de caetero non servabunt, sed mortuos suos juxta morem christianorum in coemeteriis sepelliant et non extra... далее разсказывается объ обрядахъ жрецовъ на похоронахъ и какъ они: erectis in coelum luminibus exclamantes mendaciter asserunt, se videre praesentem defunctum per medium coeli volantem in equo armis fulgentibus decoratum usum (nisum?) in manu ferentem et cum comitatu magno in aliud aesculum procedentem....

3) Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XIV в. рус. перев. М. 1846, p. 55; сравни И. И. Срезневскаго: Святыхъ и обряды яз. бог. др. славянъ. X. 1846. стр. 14—15.

вѣковая жизнь не вся ушла въ могилу: она оставила за собою; правда—поблекшіе, но все же видныя слѣды: множество мелкихъ суевѣрныхъ обрядовъ и обыкновений, иногда и до сей поры бытующихъ въ жизни простолюдина; занесенныя въ памятники письменности, эти черты дороги и важны для насъ; но случайность ихъ, ихъ одиночное, забытое положеніе среди жизни, пересозданной христіанствомъ, сипмаетъ съ изслѣдователя обязанность разсматривать извѣстія источниковъ съ тою исчерпывающею подробностью, какой требовали источники перваго порядка, древнѣйшіе; потому, принявъ всѣ болѣе важныя указанія позднѣйшихъ свидѣтельствъ въ заключительную часть нашего труда, здѣсь мы остановимся только на нѣкоторыхъ, требующихъ, по той или иной причинѣ, предварительнаго осмотра, таковы извѣстія: *Длугоша, Маршалка Турія, Гайка, Столаваго Собора, Иоанна Менцеія, Клоновича и Гваньино.*

Длугошъ († 1480) рассказываетъ о погребеніи крѣпостнаго Крака слѣдующее:

«ad cuius (т. е. Крака) exequias honestandas primum Polonorum proceres, ceterumque vulgus promiscuum accurrit, et *juxta morem illius temporis*, cadaver suum in monte Lassotino, qui cracoviensi urbi confrontatus est, justo honore et conploratione *sepelivit*»; далѣе: «bustum autem ejus, quo esset durable et perpetuum et nulla illius edax posset abolere abliterareque apud posteros, vetustas, sabulo monti, in quo conditus est, arte et ingenio superjecto, duo filii ejus a patre, dum adhuc viveret, speciali mandato edocti, ad tantam producerunt altitudinem, ut collis ipse omnibus vicinis sit editior et sublimior humano cacumine, elaboratoque opere et tanti viri *sarcophagum* arte excisum Polonorum pro traducenda uominis sui ad posteros memoria et tribucnda illi immortalitate etiam in hoc tempus favorem ostendet; quae etiam sepulchri editioris forma» etc, etc...

Далѣе онъ рассказываетъ о Вандѣ, какъ послѣ побѣды надъ Ритгаромъ, она задумала принести себя въ жертву богамъ и для этого

«proceribus convocatis Polonorum, victimis prius caesis; et sacrificio more patrio, rite peracto, in quo et gratiae de praestitis donis exolvebantur et imponebatur precatio ut sibi partes meliores concederentur apud inferas sedes, de ponte in amnem Vislam saliens undis fluvii praefati Vislae se donavit. Quibus praefocata mortem subit ac super fluvium Dlubnia (Dlabina) uno a Cracovia militari (miliari?) in campo *sepulta* est, res apud posteros plus admirationis habitura, quam fidei; sepulchro quoque idem honos qui paterno servatus. Terrena enim mole collis in altum erectus, *bustum* suum illic in hac diem testatus, a quo et loco *nomen* est *Mogila* inditum»¹⁾.

Оригинальное объяснение Длугошевыхъ рассказовъ предложилъ Галлусъ: отставая положение о существованіи: у славянъ обычай сожигать тѣла усопшихъ, онъ обращаетъ и слова Длугоша въ подкрѣпленіе любимой мысли и видитъ въ нихъ слѣды этого обычая: выраженіе *bustum* означаетъ, по его мнѣнію, мѣсто, гдѣ сожжены были тѣла усопшихъ, костеръ сожженныхъ и воздвигнутую на этомъ мѣстѣ гробницу; по описанію Длугоша, говорить онъ, оба царскія тѣла были сожжены, кости и пепель собраны въ сосуды, и послѣдніе, по обычаю древнихъ народовъ, погребены на мѣстѣ сожженія, а сверху насыпана исполниская могила²⁾. При всемъ безотносительномъ вѣроятіи такого объясненія, оно невѣрно относительно Длугоша: историкъ-риторъ 15-го вѣка, Длугошъ изукрасилъ рассказъ своихъ источниковъ (Кадлубка † 1223 и Богухвала † 1267) романтическими подробностями: у Кадлубка ничего не говорится о погребеніи Кракуса и Ванды³⁾, Богухвалъ передаетъ лишь *народное преданіе* о смерти

1) *Historiae Polonicae libri XII*, ed. Haysen. L. 1711, 8°, l. 1. p. 53, 57.

2) *Beiträge zur Geschichte und Alterthumskunde der Niederlausitz. Abg. von Gallus und Neumann*, II. lief. Lab. 1838, p. 6.

3) Басня о томъ, что Ванда принесла себя въ жертву богамъ, бросившись въ рѣку, по замѣчанію Бѣльскаго, выросла изъ душно понятыхъ словъ Кадлубка: *edile immortalibus Wanda pro suis victimis*—и очень позднего происхожденія (см. *Wstpr. kr. do dziejów Polaki*. Lw. 1850, 290). Не зная доводоу Бѣльскаго, мы позволяемъ себѣ считать это мнѣніе недоказаннымъ, несом-

Ванды *въ евангеліи* и о насыпѣ надъ ея прахомъ могилы (Mogila Slaga tumba)—и это едва ли не *единственная, сколько-нибудь значительная, черта извѣстій Богухвала и Длугоша*. Говоря коегдѣ (какъ напр. въ извѣстіи о смерти Лешка 1-го), что народныя правители бывали погребаемы *по обычаямъ того времени*, Длугошъ былъ далекъ и отъ знанія, въ чемъ состояли эти обычаи и вообще отъ пониманія смысла языческаго погребенія; это видно изъ басни, пущенной въ ходъ едва ли не имъ первымъ, что разсѣяныя по полямъ урны *вырастаютъ* сами изъ земли и суть произведенія природы¹⁾. Что касается слова *bustum*, то, какъ мы видѣли, уже Козьма Пражскій употребляетъ его просто для обозначенія погребенія; тѣмъ болѣе въ такомъ значеніи долженъ былъ употребить его Длугошъ, писавшій два вѣка спустя—варварской, вывѣтрившейся латынью: его *bustum* значитъ просто гробница, могила, могильный холмъ или памятникъ, къ которому только и могутъ идти слова *durabile et perpetuum*.

вѣдѣльницъ представляется намъ и его утвержденіе, что всѣ народныя преданія гораздо болѣе письменныхъ извѣстій и опираются на неопознанный смыслъ ихъ и ихъ ложное толкованіе (na niezrozumieniu i balamutnem przekreśleniu rosznika rymickiego). Это можно сказать только о нѣкоторыхъ, действительно позднѣйшихъ преданіяхъ, другія же несомненно старше письменныхъ извѣстій, такими въ мионической исторіи Польши слѣдуетъ признать преданія — о Кракѣ и борьбѣ его съ змѣей и о Вандѣ: они основаны на чисто народныхъ мионическихъ представленіяхъ, какъ это основательно, по нашему убѣжденію, раскрыто Сан-Мартомъ (А. Шульцемъ) въ его небольшомъ трудѣ: «Die Polnische Königsage (aus d. Neuen Jahrb. für deutsche Sprache und Alterthumsk. Bd. VIII besonders abgedruckt). Ber. 1848, p. 20—37, хотя объясненія С.-Марта намъ не кажутся во всемъ согласными съ началами современной науки сравнительной минологіи. То же должно сказать и о статьѣ Гутшинда: «Kritik der Polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadlubek», на которую мы указывали выше: вѣрно опредѣлены черты народныхъ преданій и польскія лѣтописцы, онъ не всегда вѣрно объясняетъ ихъ происхожденіе и значеніе. Сказаніе о Вандѣ онъ также признаетъ (p. 309) ученымъ изобрѣтеніемъ хрониста, который захотѣлъ дать Вандазанъ повелительницу Ванду и душно понявъ слово Кадлубка *victimet*, — заставлялъ ее утопиться въ Вислѣ. Доказательство не совсѣмъ убѣдительно, ибо остается необъясненнымъ, почему Ванда именно утопилась въ рѣкѣ, и послѣдняя получила она имя свое *namniel*!

1) *Histor. Pol. Ib. lib. I, p. 45*; басня эта повторилась потомъ многими хронистами и кваал-археологами даже въ началѣ прошлаго столѣтія.

Вообще говоря, извѣстія Длугоша для насъ малоцѣнны; они свидѣтельствуютъ лишь, что въ 15 вѣкѣ еще было сознаніе о томъ, что прахъ народныхъ героев хоронили на горѣ, или же надъ нимъ насыпали высокую могилу; память объ этомъ поддерживалась, какъ видно, народнымъ преданіемъ, имъ же поддерживается она и до сей поры¹⁾.

Останавливаясь съ подробностью на извѣстіяхъ Длугоша, мы имѣли въ виду не столько разъясненіе занимающаго насъ вопроса, сколько устраненіе произвольнаго, но на первый взглядъ вѣроятнаго, толкованія ихъ.

Въ концѣ XV вѣка въ Мекленбургѣ пробудилась любовь къ историческимъ и археологическимъ занятіямъ, они находили поддержку даже въ правительственныхъ лицахъ; между людьми, посвящавшими свой трудъ этимъ наукамъ, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ Николаю Маршалку Турію (1470—1525, *Marzchalk, Marzcalcus Thurius*, т. е. родомъ изъ Тюрингіи), ученому и государственному человѣку Мекленбургскаго герцогства. Классически образованный, знатокъ и любитель греческаго языка и литературы, онъ захотѣлъ пополнить пробѣлы древнѣйшей исторіи Мекленбурга помощью греческой; въ этомъ духѣ и направленіи и было написано имъ по-латыни и по-нѣмецки нѣсколько сочиненій, изображавшихъ жизнь древнихъ обитателей Мекленбурга²⁾. Для того, кто въ этихъ трудахъ сумѣетъ отличить личныя мнѣнія и гипотезы закупленного классической ученостью хрониста отъ положительныхъ извѣстій, сообщаемыхъ имъ, какъ очевидцемъ-наблюдателемъ, произведенія Маршалка представляютъ истинную драгоценность и имѣютъ всю цѣну историческаго документа; между прочимъ, въ нихъ находимъ мы и богатый запасъ фактовъ о бытѣ славянскаго населенія Меклен-

1) См. объ этомъ соч. Ланковского: «O tradycjach narodowych». Кр. 1861, р. 34—51.

2) О жизни и трудахъ Маршалка см. *Jahrbücher des Vereins für Mecklenburg. Geschichte und Alterthumskunde*. т. IV, (St. 1839) р. 92—162, ст. Лмша.

бурга, ихъ нравахъ, обычаяхъ, еще живыхъ, не окончательно уступившихъ вліянію германскаго начала; представляетъ адѣсь то, что собственно относится къ погребальнымъ обычаямъ и обрядамъ¹⁾.

Въ *Annales Herulorum*²⁾ ad an. 1521:

«Genus sepulturae Herulorum minime vulgare. Tumulus e lapidibus in colle plerumque congestis, saxo maximo superimposito. Procerum ut *arbitror* sepulturae genus fuit. Nam multi, qui in aliquo tamen fuere numero in urnis siti sunt, cum insignibus. Gabaliones (обитатели Jabelhaide, земли между Судой и Перницомъ) mortuos adhuc canto et choreis prosequuntur, pocula tumultuatis superfundunt (въ вѣмецк. текстѣ: benetzen mit Getranck die Güther der Verstorbenen) (I p. 198);

въ *Vitae Obetritarum*:

«genus sepulturae Obetritis ad instar antiquitatis ex lapidibus in colle congestis et terra, mole ingenti super imposita... Procerum hoc sepulturae genus quondam, quod et peculiare Cimbris: nam ceteri, qui in aliquo fuere habiti numero, in urnis siti sunt; quae multis ante nos seculis obrutae, sub Te, princeps illustris (Гейрихъ Мзролюбивый) plurimae anno superiore erutae antiquitatis miraculum exhibent uno omnium tuorum dignissimo, sub quo reviviscant majores sui» (II, p. 1512), наконецъ, въ *Руссованной Хроникѣ*:

«Der Obetriten Begräbnis schlecht
auf Bergen darumb gantz gerecht
gelegt Steine gross im Ring;
dass was uff die Zeit ein herlich Ding.

1) Сочиненіи Маршала изданы Вестфаленонъ въ «*Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbricarum*. L. 1734—40, 2 ч, 8°, на томы и страницы этого изданія мы ссылаемся въ текстѣ.

2) Подъ Герулами Маршалъ разумѣтъ славянъ балтійскихъ, бодрачей (Herull — говорить онъ постоянно — qui et Obetriti. cf. 1-я глава соч. *Vitae Obetritarum*), сѣдлая общераспространенному псевдо-историческому понятію, которое ставило геруловъ въ этнологическую связь то съ славянами, то съ латвоя.

Im Mitten da wurden die Herren begraben,
 oder ander herrlich und mächtige Knaben.
 Der ist das Land noch allenhalben voll,
 dabey man sie erkennen soll;
 Ein Theil haben auch verbrennen lassen
 gelegt in Krüge recht an die Strassen....
 Wann ehr der Frauen verstorbt der Mann
 ihr besten Braut-kleider thut sie an,
 so hilft sie ihn zu Erden tragen,
 ist wohlgeziert, ich will das sagen.
 Die Nacht auch weil die Leich noch stet,
 man trauret nicht fast es ist ihr söt,
 Sie trincken und murmeln die ganze Nacht,
 nach Schytischer Weise als hergebracht...
 Den Gabelheiten wird ihr Leben führ,
 die sind allein, der Sprach nach, Wenden,
 die verstreuet zu manchen Enden;
 Dieselbige haben Gewohnhet alt;
 Wenn jemand ward vom Tode kalt,
 sie folgen ihn mit Gesange zu graben;
 zuletzt muss er einen Ehrentrunk haben,
 den giessen sie ihm wol in die Gruben... (1,574)

Въ XV—XVI вѣкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Меклен-
 бурга¹⁾ еще сохранялись и славянскій языкъ и славянскіе обы-
 чаи; они, по свидѣтельству того же Маршалка, отличались отъ
 нѣмецкихъ и назывались особымъ именемъ *славянскихъ* («*Wen-
 discher sitt ist ihm bekannt, jetzo ist er Sclavasco genannt*. Chr.
 gyth. I, p. 574); Маршалкъ, стало быть, рассказывалъ о нихъ
 въ качествѣ очевидца; но при всемъ томъ, нельзя дать однако-

1) См. любопытную статью Боля: «Meklenburgs deutsche Colonisation im
 12—13 Jahrhundert», пом. въ Jahrbücher und Jahrb. d. Vereins für meklenb. Ge-
 schichte etc. т. XIII, (Schw. 1848), стр. 69—70.

вой цѣны его показаніямъ: въ нихъ говорятъ какъ бы два разные человѣка: одинъ—ученый археологъ XVI в., другой—внимательный и *достовѣрный*¹⁾ наблюдатель нравовъ своего времени; отличивъ эти двѣ стороны, мы увидимъ, что какъ очевидецъ-наблюдатель Маршалкъ говоритъ объ обычаяхъ славянскаго населенія Мекленбурга и Гавельгейды и какъ археологъ—описываетъ онъ собственно способы погребенія и могилы бодричей; ничто въ первомъ не указываетъ ученаго систематика, напротивъ, подъ вліяніемъ археологической системы сложились его показанія второго рода. Этимъ опредѣляется и сравнительная цѣнность извѣстій Маршалка.

Славянское населеніе Мекленбурга въ XV—XVI в. еще держалось слѣдующихъ погребальныхъ обыкновеній: пока тѣло усопшаго не погребено, ночью въ домъ его идетъ попойка въ честь его, никто не предается печали, цѣлую ночь пьютъ и вѣдуть бесѣду (такъ понимаемъ мы *smigteln*), жена умершаго одѣвалась въ подвѣшное платье и провожала его до могилы; жители Гавельгейды, также славяне по языку, торжественно, съ пѣснями и плясками, несли мертвеца къ мѣсту погребенія, тамъ воздавали они ему послѣднюю честь: предлагали чашу напитка, которую и проливали въ могилу, орошая нищество, вещи, какими снабжали усопшаго.

Таковы обычай, о которыхъ говоритъ *очевидецъ* Маршалкъ; они такъ естественны и согласны съ языческими понятіями, что не требуютъ долгой повѣрки и объясненій.

Мы замѣчали уже, что не всегда погребальные обычай имѣютъ грустный, траурный характеръ, что они не исключаютъ своего рода религіознаго веселія, и въ этомъ то смыслѣ, думаемъ, слѣдуетъ объяснять сказанія Маршалка о веселой попойкѣ и веселыхъ провахъ усопшаго; не противорѣчатъ славянскому язы-

---

1) «Я ничего не написалъ, говоритъ Маршалкъ, чего самъ не видѣлъ, или не почерпнулъ изъ источниковъ самыхъ достовѣрныхъ (*«nisi quorum testis fuerim oculatus et praeterea quae et monumentis fidissimis transcripserim»*).

ческому быту и понятіямъ и другія черты: провожая покойнаго мужа въ подвѣнчномъ платьѣ, жена совершаетъ торжественный, священный обрядъ прощанья, она какъ бы вспоминаетъ первый день своего брака и въ той одеждѣ, въ которой начала она свою новую, семейную жизнь, въ той хочетъ и окончить ее; символическое уподобленіе смерти—браку, какъ увидимъ впоследствии, принадлежитъ къ обычайшимъ сближеніямъ народнаго ума и чувства. Почетная чаша, воздвигаемая въ могилу, эта послѣдняя честь покойнику — совершенно въ духѣ языческихъ понятій (и позднѣе, до сихъ поръ: угостить виномъ, поднести чашу значитъ *оказать почести*) и подтверждается старинными извѣстіями «*Poetyści еременныхъ лѣтъ*» и Ибигъ-Фоглана, а равно и современными обычаями.

Иной характеръ имѣютъ извѣстія Маршалка о способахъ погребенія древнихъ бодричей (оботритовъ): это уже не *сендательство*, но ученое мнѣніе археолога. Маршалкъ различаетъ два рода погребенія бодричей: одинъ состоялъ въ томъ, что надъ прахомъ усопшаго воздвигали изъ земли и камней огромный холмъ, его окружали правильными рядами торчащихъ камней, а на верху могилы полагали огромный камень — таковы были, по его предположенію, могилы знатнѣйшихъ; останки болѣе мелкихъ людей — сожигали и собирали пепелъ въ урны и вмѣстѣ съ вещами (*cum insigniibus*) ставили при дорогахъ. Источникъ этихъ извѣстій — очевидецъ: Маршалкъ излагалъ древнюю исторію Мекленбурга; онъ зналъ, что древними обитателями мѣстности были славяне, онъ засталъ еще значительные остатки славянскаго населенія, ихъ языкъ, ихъ особые обычай, онъ видѣлъ старинныя могилы, которыя и прежде и въ его время назывались *sepulchra antiquorum* или *Sclavorum; Wendengraber, Wendenkirchhöfe*¹⁾; онъ видѣлъ и предметы, добытые изъ этихъ могилъ: горшки, наполненные пепломъ, костями и вещами изъ житейскаго обихода — и вотъ

1) См. Lisch. Friderico-franciscum L. 1837. p. 11—15.

на какихъ основаніяхъ сложилось его *mnimie* о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ бодричей! Отсюда, изъ этихъ памятниковъ, достойныхъ полной вѣры (*ex monumentis fidissimis*) онъ списалъ свои показанія и вывелъ цѣлую археологическую систему (на это указываетъ и выраженіе «*ut arbitror*»); но если древнія могилы и представляютъ «*monumenta fidissima*», то не для науки XV—XVI вв., и даже не для нашего времени, а для будущаго, которое сумѣетъ вскрыть до сихъ поръ еще неразоблаченную тайну ихъ происхожденія.

По всему этому, принимая съ полнымъ довѣріемъ показанія *очевидца-наблюдателя* Маршалка о современныхъ ему языческихъ погребальныхъ обыкновеніяхъ славянскаго населенія Мекленбурга, мы должны оставить въ сторонѣ археологическую систему автора, хотя и любопытна она, и изумительна по своему согласію съ древнѣйшими источниками и въ особенности со свѣдѣтельствами русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Не смотря на доказанную (Палацкимъ¹⁾ историческую вѣра-дежность и даже недобросовѣстность *Гайка* (†1553), никто, однако, не скажетъ, чтобы его «Хроника», во всѣхъ своихъ подробностяхъ, была плодомъ личной, прихотливой фантазій или выдумкой, ни на чемъ неоснованной: въ пресловутомъ произведеніи, прежде столь уважаемомъ и нынѣ столь пренебрегаемомъ, нельзя не видѣть своей доли правды, хотя и поглощенной вольными и невольными искаженіями; ибо облакая народныя преданія въ вымышленную историческую одежду, Гайкъ, еслибы даже и желалъ того, не могъ вконецъ сгубить внутренней истины ихъ, потому—мы не колеблемся привести изъ его *живой Хроникѣ* слѣдующія, не лишеныя истины, черты народныхъ погребальныхъ обыкновеній²⁾: когда умеръ баснословный Крокъ, его погребали съ богатыми дарами,

1) *Wardigung der alten böhmischer Geschichtschreiber*. Pr. 1830, p. 278—292, и *Časopis Českého Muzea*, 1864, I, p. 11—16. sq.

2) Приводимъ по изданію *editionis principis* 1541 года.

«a kamen weliky na hrob geho wwaliwase, oheň na niem vdie-
lali, a tu odiew geho bohuom obietugijce *palili* (f. V).

При извѣстїи о смерти Любуша, Премысла

«kázal Služebnicem gegim, tielo gegij w draby odiew oblecy,
a w truhlu wložití, piet Grossuw zlatte mince do Miessce vsuo-
ného wložiw, dal Služebnicem aby do gegij lewe ruky miessetz
ten wložili, rzka: toto ona ma dnes Bohu neznamemu obietowati
Dati gi rozkázal take dwa grosse mince stříbne do ruky prawe-
geden Wuodcy, a druhy Plawcy, aby bez messkanij dala» ...
(f. XV).

тѣло Премысла опрятывали

«wedle na ten čas gijch ocužege, pieti a třmi grossy opatřiw-
sše do truhly w krasnem odiewu gey wložili... (f. XXI).

По смерти княжны Грубы,

«bez přestaniij oheň na hrobie gegim *palili*, a mnohe wiescy
po nij pozústale take y swe do toho oheň *mesyce palili*, naupo-
sleze pak *kamenijm přes hlavu mesyce* odessly (f. XXVII);

на гробѣ князя Муаты

«oheň weliky až do dne třetijho hořal» (f. XXXVI);

на гробѣ Воена князя — то же:

«Osm dnij pořad oheň byl palen, a tu mnohá obiet byla zan
Bohuom neznámum činiena» (f. XXXXIII);

то же самое находимъ и при разсказахъ о смерти Неклава
(f. LV) и Гостивята (LX).

Далѣе, передавая по-чешски извѣстїе Козьмы Пражскаго о
мѣрахъ Брѣтислава противъ языческихъ обычаевъ (см. выше,
стр. 100—1), Гайкъ не довольствуется простой передачей и по-
полняетъ его новыми чертами:

«Mnozy pak po lesyech a popolich s rozličnými Kauzly, a zlým
duchuom dary, mrtwe swe pohřebowali: ginij stanky pohanským
obyčegem na Rozcestij činili, prawijce ze by se tu dusse před-
kuow, aneb přátel gijch z tiel vychazegice zastawowati mieli, a
ned žeby bohowe pekelnij, časem tu swu rozkoss mijwali (это пе-
редача и объясненїе словъ Козьмы Пражскаго: *scenas, quas fa-*

ciebant in diviis et in triviis quasi ob animarum pausationem). Pty Smrti pak ten obyčeg mužij y ženy zachowowali: tu kdež tielo mrtwe dtyw nez pohřebeno bylo s Marami stálo, puol pecna chleba na zemi položili, a yakž to tielo mrtwe wzdylij, tak dluhau Swijci včiniyce, pod Marami gjj na ten Chleb, oswijcenu položili. To Plutowi Bohu pekelnemu obietugijce. A když tielo bylo k hroby neseno w larwy, gjjmž rikaly sskrabosky, pripravijce se tancowali, a diwnie wzhuoru skakali (Kos. Pr. induti faciem larvis bachando exercebant). A když se od pohřbu nawracowali, kamenij neb dťiwij y tráwu neb listij na zemi zbiragijce, na zpatek přez hlavu metali, a ne ohledali se (fol. CXXXXVII, обор.)».

Разсматривая внимательно эти извѣстія, случая ихъ съ показаніями другихъ свидѣтельствъ, невольно убѣждаешься, что они не вымышлены, по крайней мѣрѣ—не вымышлены важнѣйшія черты ихъ; тогда — откуда идутъ они, откуда могли быть взяты хронистомъ 16-го вѣка? Когда онъ говорить о жертвахъ pekelnemu bohu Plutowi и вообще о *божествахъ некла*, то мы можемъ еще предполагать вліяніе школьной классической мѣлологіи; но во всемъ другомъ такого вліянія не замѣтно; остается думать, что Гайкъ или пользовался какими-нибудь древними показаніями ¹⁾, или, что вѣроятнѣе, перенесъ современные ему суевѣрные обычаи и права на времена отдаленной древности и по настоящему заключалъ о давнопрошедшемъ; такой пріемъ замѣчается у многихъ хронистовъ, напр. у Кадаубка (см. стр. 105 прим.). Изъ томъ, и въ другомъ случаѣ показанія Гайка сохраняють для насъ свою цѣну.

Баснословныхъ князей и княженъ Гайка *хоронили*, но на

1) Что Гайкъ заботился о собраніи историческихъ источниковъ и народныхъ преданій, это видно изъ письма его къ бургграфу Крайовградскаго округа (оно напечатано у Палацкаго: *Wärdigung d. b. Gesch.* p. 276), въ Хроникѣ онъ не разъ ссылается на многіе письменные источники, нѣтъ совершенно неизвѣстныя (Palacky, loco cit. p. 292) — и какъ знать, на сколько живы эти ссылки, нѣтъ ли какого основанія для вышеприведенныхъ извѣстій въ которыхъ-нибудь изъ этихъ источниковъ.

могилѣ въ террасахъ костера, на которомъ сожигали и мумифицированное покойника, точно такъ, какъ въ эпоху полнаго язычества съ умершимъ сожигалась и его собственность. При разборѣ извѣстій Оттона Бамбергскаго (стр. 94—5) мы имѣли случай замѣтить, что обычай сожженія тѣла на кострѣ, смѣнившись погребениемъ, оставилъ за собой видимый слѣдъ въ суевѣрномъ обыкновении собирать хворостъ, сучья на могилѣ усопшаго, что иногда такой костеръ сожмался, какъ жертва усопшему. Не то ли мы встрѣчаемъ у Гайка? Въ XVI вѣкѣ такой суевѣрный обычай еще могъ быть вполне возможенъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства одновременнаго съ Чешской Хроникой русскаго памятника и нѣкоторыя обыкновения народнаго быта. Въ 26-мъ вопросѣ 41-й главы *Столава* говорится, что «въ великій четвертокъ порану солому паламъ и кличотъ мертвыхъ»; въ Курской губерніи и теперь — подъ Рождество и подъ Крещенье *асутъ* навозъ среди двора, чтобы родители на томъ *сольмъ созрѣвались* ¹⁾; на гробахъ самоубійцъ, неизвѣстныхъ богатырей иногда *сожмается костеръ* (см. стр. 95); у мазуровъ — солома, на которой несутъ мертвеца, *сожмается* на границѣ деревни или же на *моимъ* ²⁾; то же соблюдается и у венгерскихъ словаковъ и иногда въ то самое время, когда погребаютъ тѣло ³⁾. Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно для мысли, что Гайкъ перенесъ суевѣрный обычай своей современности на древность и по немъ разрисовалъ погребальныя жертвы своимъ князьямъ и княжнамъ, потому изъ его словъ можно не столько *видѣть* древній погребальный обычай, сколько *заключать* или догадываться о немъ.

Такой же характеръ имѣютъ и тѣ извѣстія, которыми онъ пополнилъ рассказъ Козьмы Пражскаго: обычай ставить надгробныя постройки на распутияхъ для отдыха душъ (см. стр.

1) Даль. Толковый Словарь в. р. я. sub voce Кутія.

2) Törrens. Aberglauben aus Masuren. Danz. 1867, p. 110.

3) Szaplóvics. Gemälde von Ungern. Pest. 1829, t. II, p. 306.

101 — 2) еще существовалъ въ XVI вѣкѣ, иначе Гайкъ едва ли могъ бы предложить столь вѣрное и подробное объясненіе двусмысленнаго выраженія своего источника; хлѣбъ полагался при мертвомъ на землѣ—для покорма души, возженная свѣча—символь души покойника (см. ниже), обычай давать *перевозимыя* дѣлами *Воды* и *Плащ* до сихъ поръ наблюдается въ быту простыхъ поселянъ; верженіе камней, сучьевъ, травы и листьевъ на могилу сходится съ многими народными обыкновениями и съ свидѣтельствомъ Оттона (стр. 93 и слѣд.); обстоятельство, что камни и сучья бросали чрезъ голову, что, возвращаясь съ похоронъ, не оглядывались можно объяснить желаніемъ положить границу между царствомъ жизни и смерти (сравни обычный сказочный мотивъ бросанія чрезъ голову платка и гребешка, которые превращаются въ рѣку или густой лѣсъ и *отдѣляютъ* злую вражью силу отъ убѣгающихъ), отъ смерти нужно уходить безъ оглядки ¹⁾).

Въ Стоглавѣ (1551 г.), кромѣ указаннаго выше, находится еще одно любопытное и важное для насъ показаніе:

«Въ троицкую субботу по селомъ и погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ (умершихъ) съ великимъ кричаніемъ, и егда начнутъ играть скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ доломъ бити и пѣсни сотопнискіе пѣти...» (глава 41, вопр. 23).

Замѣчательно соотвѣтствіе этого свидѣтельства со словами Козьмы Пражскаго: «et jocos profanos, quos super mortuos suosinanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant... dux bonus exterminavit». Въ Стоглавѣ рѣчь идетъ о поминкахъ, и какъ въ старину тризна отличалась смѣсью печали съ разгуломъ и веселостью (у Йорнанда: *contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant*), такъ и

1) По народнымъ суевѣріямъ не слѣдуетъ оглядываться, когда кого преслѣдуетъ нечистая сила.

здѣсь воли и причитанія смѣшались играми и пляской на гробахъ. Явленіе — очень обыкновенное въ языческой древности и средніе вѣка; оно объясняется тѣми воззрѣніями, какія имѣли язычники объ отношеніяхъ живыхъ къ мертвымъ и о посмертномъ существованіи.

Въ 1551 году польскій священникъ въ Лыкѣ, Іоаннъ Менецій или, какъ обыкновенно называютъ его, Мелетій издалъ свою эпистола къ Георгію Сабину подъ заглавіемъ: «de sacrificiis et ydolatria veterum Borussiae, Livonum, aliarumque vicinarum gentium»¹⁾; въ ней мы находимъ нѣкоторыя, весьма важныя, свѣдѣнія и по нашему предмету. Хотя Менецій въ предисловіи и говоритъ, что онъ намѣренъ представить религіозные обычаи различныхъ народовъ, но въ самомъ изложеніи онъ не вездѣ указываетъ, какіе обычаи принадлежатъ собственно Литвѣ въ Судавин (въ бывшемъ Судвинскомъ округѣ) и какіе относятся къ сосѣднему русскому населенію²⁾; впрочемъ, не трудно провести черту различія: Менецій приводитъ народныя названія обычаевъ (напр. рус. *ажинки*, *обжинки*), а иногда и цѣлыя выдержки изъ народныхъ обычныхъ причтаній, поговорокъ, народныя выраженія и т. д.; основываясь на этомъ, мы полагаемъ, что слѣдующее его описаніе погребальныхъ обычаевъ относится именно къ славянскому, русскому племени:

«In funeribus hic servatur ritus à rusticanis. Defunctorum cadavera vestibis et calceis induuntur, et erecta locantur super sellam, cui assidentes illorum propinqui, perpotant ac belluantur.

1) Эпистола была издана много разъ, мы пользовались двумя изданіями: однимъ (нашъ основныи текстъ), помѣщеннымъ въ *Scriptores regum Livonicarum*, т. II, L. et R. 1848, р. 889—892, и другимъ (прибавки въ нашемъ текстѣ, заключенныя въ скобки), Эльзавировскимъ, въ *Repubblica Moscoviae et urbes ed. Vorkhorn-Jerrens*, Lips. Bat. 1830, in 32°, р. 164—177. Зная, что эпистола Іоанна Менеція была впоследствии переведена и дополнена его сыномъ Геронимомъ, мы полагаемъ, что прибавки во 2-мъ изданіи принадлежатъ именно послѣднему. cf. *Scr. R. Lw.* II р. XV.

2) О русскомъ населеніи этой части Пруссіи см. ст. Надеждина: «Объ этнографическомъ наученіи народности русской», *Записки русскаго географическаго Общ-ва*, т. I II, Сиб. 1849, стр. 151—2.

Epota cerevisia fit lamentatio funebris, quae in lingua Rutenica sic sonat: Ha lele y procs ty (mene) umarl? (y sa ty nie miel srto yesty albo pity? Y procs ty umarl?) Azaty nie miel krasnoye lony (mlodrice? Y procs ty umarl?), id est, Hei mihi: quare mortuus es? Num tibi deerat esca aut potus? (quare ergo mortuus es? Hei, Hei mihi: an non habuisti formosam conjugem? Quare ergo mortuus es? etc.). Hoc modo lamentantes enumerant ordine omnia externa illius bona, cujus mortem deplorant: nempe, uxorem, liberos, oves, boves, equos, anseres, gallinas etc.. Ad quae singula respondentes, occinunt hanc Naeniam: cur ergo mortuus es, qui haec habebas?

«Post lamentationem dantur cadaveri munuscula, nempe mulieri fila cum acu: viro linteolum idque ejus colo implicatur. Cum ad sepultura effertur cadaver, plerique in equis funus prosequuntur, et currum obequitant quo cadaver vehitur: eductisque gladiis verberant auras, vociferantes, *gey geyle, begoyte peckelle*, id est: aufigite vos daemones (in infernum). Qui funus mortuo faciunt, nummos projiciunt in sepulchrum, tanquam viatico mortuum prosequentes. Collocant quoque panem, et lagenam cerevisiae plenam ad caput cadaveris in sepulchrum illati, ne anima vel sitiatur vel esuriat. Uxor mane et vesperi, oriente et occidente sole super extincti conjugis sepulchrum sedens, vel jacens lamentatur diebus *triginta*. Cognati vero ineunt convivia die tertio, sexto, nono, et quadagesimo a funere. Ad quae convivia animam defuncti invitant precantes ante januam. In his convivijs quibus mortuo parentant, tacite assident mensae tanquam muti: nec utuntur cultris. Ad mensam vero ministrant duae mulieres, quae hospitibus cibum apponunt, nullo etiam cultello utentes. Singuli de unoquoque ferculo aliquid sub mensam jaciunt, quo animam pasci credunt, ei que (eisque) potum effundunt. Si quod forte deciderit de mensa in terram, id non tollunt, sed desertis (ut ipsi loquuntur) animis (animabus?) relinquunt manducandum, quae nullos habent vel cognatos vel amicos viventes, à quibus excipiantur convivio. Peracto prandio sacrificulus surgit de mensa,

ac scopis domum purgat; animasque mortuorum cum pulvere ejicit, tanquam pulices: atque his precatur verbis, ut e domo recedant: «*jely, pily, dusrice, im usen, im usen*», hoc est, edistis ac bibistis animae dilectae, ite foras, ite foras. Post haec incipiunt convivae inter se colloqui et certare poculis... Mulieres viris praebibunt et viri vicissim mulieribus, zeque mutuo osculantur¹⁾.

Едва ли необходимо доказывать, что черты погребальной древности, переданныя Менеціемъ, относятся именно къ западно-русскому населенію: въ этомъ убѣждаютъ насъ и случайно оброненныя черты языка, славянской (бѣлорусскій) характеръ которыхъ ярко свѣтитъ изъ-подъ латинской одежды, и соотвѣтствіе рассказанныхъ обычаевъ съ обычаями, бытующими до сихъ поръ среди престога русскаго народа; насъ останавливаетъ только одно обстоятельство, именно — странность выраженія: «*gey geyte, begoyte peckelle*»; въ такомъ видѣ оно не можетъ признано русскимъ; но ошибется и тотъ, кто приметъ его за литовское: несоотвѣтствіе этого выраженія съ литовскимъ языкомъ замѣтилъ еще Л. Юдевичъ (природный литвявъ); допуская ошибку и порчу текста, онъ предлагаетъ поправить его по-литовски, такъ: «*ginkiet, bickiet Pikole*»; онъ основывается главнымъ образомъ на томъ, что у латвы до сихъ поръ существуетъ подобный обычай²⁾; но съ такимъ же правомъ можно думать, что Менецій невѣрно передалъ русское выраженіе: «*пей, зеть-те* (проч), *блжайте пекельми*». При объясненіи самаго обычая позволительно допустить два вѣроятія: или это обычай — языческій, и тогда въ немъ можно видѣть остатокъ воинской трезны, или происхожденіе его слѣдуетъ приписать уже христіанскимъ воззрѣніямъ, гдѣ, какъ извѣстно³⁾, было широко распространено представленіе о стремленіи злыхъ демоновъ овладѣть душою усоншаго и о борьбѣ ихъ по этому поводу

1) Scriptorum Rer. Lw. II, p. 391—2, col. Egr. p. 174—177.

2) Litwa pod względem starożytnych zabytków. Wilno 1846. p. 268.

3) Revue archéologique 1845 г. P. т. II, стр. 229. et passim, ст. А. Морн.

съ Ангелами. И въ томъ и въ другомъ случаѣ я не вижу причины усвовать этотъ обычай исключительно литовцамъ.

Обратимся къ разсказу Менеція: онъ важнѣе прежде прочаго тѣмъ, что представляетъ едва ли не древнѣйшее русское похоронное причтаніе, потому — по подробностямъ какъ самаго погребенія, такъ и поминокъ. Покойника, одѣтаго и обутаго, сажли на коня, какъ бы отправляя его въ *далекій путь*, родственники сажались, какъ бываетъ на прощанья — и пили, потомъ начинались обычные причтанія; окончивъ ихъ, дарилъ мертваго: женщину, вѣчную работницу-пряжу — иглой съ ниткой (о значеніи этого символа мы распространимся далѣе), мужчину — платкомъ, который вязали ему на шею; трупъ сопровождали въ могилу на коняхъ, съ обнаженными мечами, прогоняя вражью силу, которая, вѣроятно, по ихъ понятіямъ, стремилась овладѣть душою усопшаго. Совершители погребальнаго обряда бросали въ гробъ жертведу деньги (перевозныя) на дорогу, ставили туда въ головахъ покойника хлѣбъ и кувшинъ, полный вина, чтобы душа могла утолить свой голодъ и жажду, и *тридцать* дней потомъ, утромъ и вечеромъ, при восходѣ и закатѣ солнца, жена ходила на могилу оплакивать усопшаго... Замѣчательно здѣсь это число дней — 30, назначенныхъ для траура: если не ошибаемся, здѣсь представляется *важное* свидѣтельство о существованіи у славянъ религіозно-юридическаго обыкновенія *тридцатидневнаго* траура, до истеченія котораго никакая власть не имѣетъ силы надъ домомъ и семьей покойника: заимодавецъ не имѣетъ права изыска съ оспротѣлаго должника, этотъ послѣдній не можетъ вступить въ права наследованія, однимъ словомъ — семья, постигнутой горемъ, представляется полное право покоя и тишины вдали отъ всѣхъ заботъ и обязанностей общественной жизни. Такой обычай былъ распространенъ и освященъ законодательствомъ у многихъ народовъ, преимущественно же у племенъ иѣмецкихъ ¹⁾; но относительно

1) См. объ этомъ изслѣдованіе Гомейера: «*Der dreissigste*» (aus *Abh. d. Ver. Anad.* 1864), В. 1864. р. 42.

славянъ, сколько знаемъ, это одно изъ рѣдкихъ указаній, намекающихъ о его быломъ существованіи ¹⁾.

Поминки совершались въ 3, 6, 9 и 40 день по погребеніи, на нихъ приглашали душу покойнаго, стоя предъ дверью; вкушали пищу молча и совсѣмъ не употребляя *ножей* (черта, значеніе которой — темно; быть-можетъ, она стоитъ въ связи съ погребальнымъ значеніемъ молота (позднѣе — сѣкиры), или благочестіе людское опасалось, чтобы какъ-нибудь не ранить душу, незримо витавшую въ воздухѣ возлѣ покорма). Двѣ женщины служатъ обряду; нѣкоторые изъ участниковъ трапезы бросали отъ каждаго кушанья частицу подъ столъ, гдѣ, по ихъ понятіямъ, пасутся души; туда же проливали и напитокъ. Чтѣ случайно было обронено на землю, того не подымали, но оставляли *душамъ сиротамъ* (*deserti-блуднымъ*), не имѣющимъ ни друзей, ни знакомыхъ, которые могли бы предложить имъ угощеніе. По окончаніи трапезы, глава обряда (конечно = старшина, владыка дома) выметалъ жилище вѣшникомъ и провожалъ душъ, и тогда только начинался между празднующими разговоръ: удовлетворивъ въ тишинѣ потребностямъ благочестиваго чувства, они весело проводили остатокъ праздника: женщины перепевали мужчинъ, обратно — мужчины женщинъ и взаимно обнимали другъ друга...

Черты сѣдой, глубокой древности доносятся къ намъ въ рассказѣ Менеція: кажется, будто входимъ съ нимъ въ самую глубь язычества, еще не тронутаго сіяюу христіанства, будто присутствуешь среди древней семьи, совершающей обычный обрядъ погребенія и религиозную поминку или страву по своимъ *родителямъ*! Степень достовѣрности рассказа Менеція опредѣляется достаточно уже тѣмъ, что многія изъ его извѣстій и доселѣ живутъ въ простомъ народѣ, въ ослабѣломъ, поблекшемъ видѣ; а потому, когда онъ говоритъ въ заключеніи: «*haec, quae de vi-*

1) Сравни также подобное извѣстіе Коллинеа: «*Nymfisches costume des Poesins*» рус. перев. П. Кирѣевскаго. М. 1846, стр. 8 (га. IV).

perstiosis ritibus, et caeremonijs illarum gentium narraui partim ipse vidi, partim ab hominibus fide dignis audivi — мы должны дать полную вѣру его словамъ, должны думать, что тѣ, которые сообщали ему свѣдѣнія, были действительно «homines fide digni»¹⁾).

Въ ряду письменныхъ источниковъ нашего предмета мы поставимъ и «Рохсоланю», поэму Клоповича (†1604)²⁾. Она написана латинскими гексаметрами и заключаетъ въ себѣ описаніе Червонной Руси XVI вѣка, произведеній ея природы, занятій жителей, городовъ и обычаевъ простого народа. Отстранивъ напыщенныя фразы классической учености, мы найдемъ здѣсь превосходную и вѣрную картину нравственного и физическаго состоянія Червонной Руси XVI вѣка³⁾. О погребальныхъ обычаяхъ Клоповичъ говоритъ въ самомъ концѣ поэмы:

«Cum volat ex animi postremus anhelitus ore,
 Vitalis linquit frigida membra calor.
 Mox anus ingeminat doctas mercede querelas,
 Nonque suum deflet foemina jussa virum.
 Venales lachrymas invitis torquet ocellis,
 Et querulos luctus anxia fingit anus.
 Conductis pretio resonat singultibus aether,
 Ex oculis emptæ progrediuntur aquæ.
 Et lamentatrix, lugubria carmina miscens,
 Exprimit iu fletu talia verba suo.

1) Разказъ Менелія цѣлкомъ повторилъ потомъ Лазичъ или Лазичкиѣ въ известномъ своемъ сочиненіи: «De diis Samagarum, caerogorumque Sarmatarum et falsorum christianorum ed. Graesser. Ваз. р. 57—8. (какъ приложеніе къ изданію Михалона Јетана: «de moribus Tartarorum» etc. ѿ.).

2) Roxolania Sebastiani Sulmucensis Aegeri (т. е. Клоповича) изд. въ Краковѣ въ 1684 г. Мы пользовались новымъ изданіемъ Малиновскаго, помѣщ. въ IV т. Przelkadów poeów Polsko-Lacinskiх. Варш. 1852 г. Помѣщенный въ томъ же изданіи переводъ Сырокомли (т. II)—не можетъ называться вѣрнымъ подлиннику.

3) Пользуемся случаемъ обратить вниманіе нашихъ этнографовъ на это отаичное описаніе: оно заслуживало бы не перевода, но изложенія по-русски.

Neu moreris conjux, moreris fidissime conjux,
 Ibis in aeternas non rediture domos.
 Cui viduata domus parebit? cui mea proles?
 Quis pinquea agros te moriente colet?
 Quis pecudes pascet? quis promet stipite mella?
 Quis calathos plectet caseolisque meis?
 Miror cur moriâre amens, quasi plurima desint,
 Non te viventem pressit acerba fames.....»

Причитаніе дится долго: Клоновичъ заставляетъ пикальщицу перечислить всѣ предметы домашняго хозяйства и довольства, но не просто, какъ у Менеція, а въ живописной картинѣ по образцу Буколикъ Виргилія; вѣрнымъ дѣйствительности остается только предметъ, но не изложенеіе его. Затѣмъ друзья покойнаго просятъ пона, чтобы отпѣлъ его или далъ ему на тотъ свѣтъ письмо, которое и излагается у поэта въ юмористическомъ видѣ.

«Praeterea exanimi dat vile numisma sacerdos,
 Ut melius longum perficiatur iter.
 Ut possit stygium Russus persolvere nulum:
 Tranet ut ad superos Elisiumque nemus.
 Quinetiam mos est, morientum pascere Manes,
 Portari tepidos ad monumenta cibos.
 Creduntur volucres vesci nidoribus umbrae,
 Ridiculaque fide, carne putantur ali.
 Scilicet oblitus modo se petiisse, Rutenum,
 Ut cassas animas Petrus in astra vehat.
 His tamen in terris convivium sera sepultis,
 Vivere quos coeli retur in arce, parant¹⁾»

Черты погребальныхъ языческихъ суевѣрій Червоной Руси XVI в. у Клоновича немногочисленны: наемъ плакальщицы, обязанныхъ причитать по покойникѣ, перевозная монета, кото-

1) Loco citato, pag. 202—3.

В рую самъ священникъ давалъ ему въ руки, наконецъ—покорить мертвымъ, поставляемый на могилѣ.

Только во уваженіе славныхъ именъ Добровскаго и Я. Гримма ¹⁾ упомянемъ мы и объ Александрѣ Гваньино (1538—1614), который въ своемъ «Описаніи европейской Сарматіи» посвятилъ нѣсколько строкъ и погребальнымъ обычаямъ славянъ:

«Sepulturae eorum—говорить онъ—erant in silvis et agris, tumulosque aggestis lapidibus vestientes eminenter muniebant, quod genus in Russiae (подр. изд. Prussiae) regionibus passim adhuc visuntur: nonnulli quoque more romano cadavera cremare, cineresque collectos in urnas recondere solebant ²⁾».

Въ собственномъ смыслѣ показаніе Гваньино не можетъ быть названо свидѣтельствомъ: подобно Маршалку онъ снялъ его съ видимости: встрѣчая на славянской территоріи, по полямъ и лѣсамъ, видныя могилы, одѣтыя камнями, итальянскій историкъ заключалъ, что это могилы древнихъ славянъ и отсюда опредѣлилъ самый способъ древняго славянскаго погребенія; что же касается до свѣдѣнія объ обычаяхъ сожженія, то, конечно, онъ получилъ его изъ старѣйшаго источника литературнаго, хотя мы и не можемъ указать его ³⁾.

Этимъ оканчиваемъ мы обзоръ письменныхъ источниковъ предмета.

Пробѣгая мыслію рядъ приведенныхъ свидѣтельствъ, нельзя не замѣтить какаго-то чуждаго, безучастнаго ихъ характера: иноземца поражаетъ только наружная странность старыхъ порядковъ, христіанинъ останавливается на нихъ случайно, какъ-бы брезгуя наружнымъ нечестіемъ ихъ; оттого ихъ извѣстія

1) Оба ученыя (Добровскій въ извѣст. ст. Über Begräbnisart d. Slaven I. с. р. 334, Гриммъ въ Über das Verbrennen der Leichen. Klein. Schr. II, р. 269) даютъ словамъ Гваньино весьма важное значеніе въ рѣшеніи вопроса о погребеніи славянъ.

2) *Historia. Scriptores regum Polonorum. t. I. р. 25.*

3) Герберштейнъ, правдой источникъ Гваньино—ничего не говоритъ о сожженіи.

рисуютъ общія и притомъ вѣшнія черты явленій, наружную сторону древняго быта, но не внутренній смыслъ его, который руководилъ обычнымъ отданіемъ долга усопшимъ и благочестивымъ ихъ чествованіемъ; тѣмъ даѣе, однако, жизнь отходитъ отъ эпохи язычества, тѣмъ болѣе послѣднее возбуждаетъ вниманія: въ свидѣтельствахъ 16 — 17 вѣковъ язычествомъ овладѣваетъ уже наука, которая стоитъ выше празднаго любопытства и совершенно чужда узкихъ предубѣждений противъ мнимаго нечестія «поганскихъ порововъ»; такому просвѣщенному отношенію къ предмету мы обязаны сохраненіемъ многихъ подробностей старой жизни, о которыхъ не говорятъ ни одинъ предшествующій свидѣтель.

МОГИЛЫ.

При изслѣдованіи источниковъ *погребальной* древности естественно остановиться и на *могилахъ*.

Старыя могилы—одна изъ самыхъ прочныхъ надеждъ науки доисторической древности: гдѣ скупыя письменныя свидѣтельства даютъ лишь неясныя показанія, гдѣ вѣрный свидѣтель жизни человѣка, его *слово*, подвергаясь крушеніямъ времени, оставляетъ изслѣдователя въ неразрѣшимомъ недоумѣніи на счетъ житейскаго явленія, въ немъ затасаннаго, — тамъ ученый можетъ ждать помощи со стороны погребальныхъ памятниковъ, схоронившихъ въ себѣ не только уснувшія силы опочившихъ поколѣній, но и неподкупныхъ свидѣтелей ихъ матеріальнаго быта, ихъ нравственныхъ понятій и вѣрованій. Жизнь, кажется, на вѣки исчезнувшая, не отмѣтившая себя ни единой чертой въ лѣтописяхъ исторіи, выходитъ на свѣтъ изъ темныхъ могилъ ради великихъ и поучительныхъ уроковъ живущему потомству.

Жизнь есть синонимъ потребностей, наслажденій и нуждъ. Воодушевляясь вѣрою въ будущую жизнь, чувство язычника считало долгомъ удовлетворять требованіямъ жизни и за дверями гроба: такъ, не одними молитвами и добрыми пожеланіями провожало живущее поколѣніе своего покойника, но и священ-

нымъ обрядомъ, необходимымъ для перехода въ вѣчность, и вещественнымъ выраженіемъ своихъ чувствованій, вещественнымъ достаткомъ, въ которомъ, по понятіямъ древности, усопшіи могъ нуждаться, вообще — всѣмъ, на что въ жизни дольней была обращена его симпатія, что любилъ, чѣмъ обладалъ, надъ чѣмъ трудился онъ. Оттого могилы хранятъ въ себѣ драгоценные матеріалы для всей науки древности: онѣ могутъ неопровержимымъ фактомъ свидѣтельствовать о бытѣ, характерѣ народа, степени матеріальнаго благосостоянія, умственнаго и художественнаго развитія его, самостоятельности его культуры или зависимости отъ другихъ, болѣе образованныхъ племенъ, о военныхъ и мирныхъ связяхъ народа и т. д. Выступая въ большинствѣ случаевъ съ характеромъ самостоятельнаго свидѣтельства, могилы представляютъ и надежный повѣрочный и объяснительный терминъ того, что извѣстно изъ другихъ свидѣтельствъ и что требуетъ ближайшаго объясненія или подтвержденія.

Такое важное значеніе могилъ, завѣщанныхъ языческой стариной, понятно и оцѣнено уже болѣе столѣтія: могильный сонъ отшедшихъ поколѣній нарушенъ, жилища ихъ потревожены; но не съ корыстною цѣлью матеріальной поживы, а съ благороднымъ стремленіемъ разъяснить прошедшія судьбы человѣчества, оживить духомъ жизни мертвенную персть, надъ которою пронесли цѣлые вѣка вѣковъ. Нельзя сказать, что вообще такія стремленія были безуспѣшны: многое въ жизни древней и средневѣковой Европы уже освѣтилось ихъ свѣточемъ; но въ отношеніи могилъ намъ близки, славянскихъ — результатъ изслѣдованій еще далеко не соотвѣтствуетъ ни законному ожиданію, ни труду, на нихъ затраченному, и, кажется, что воспользоваться плодомъ ихъ — суждено грядущимъ поколѣніямъ.

Здѣсь стоитъ остановиться на причинахъ такого явленія: онѣ сами собою объяснятъ намъ степень значенія могилъ, какъ современнаго источника науки славянской древности.

Недаромъ называютъ могилы — загадочными, молчаливыми

свидѣтелями былой жизни человѣка: болѣе чѣмъ всякій иной историческій источникъ онѣ даютъ просторъ смѣлой мечтѣ и преждевременному гаданію изслѣдователя: историческая наука предполагаетъ строгія *эммологическія опредѣленія*, она условливается хотя приблизительною *хронологіей*, имѣеть дѣло лишь съ *извѣстными* народами въ извѣстныя эпохи ихъ жизни; оттого каждый памятникъ древности только тогда получаетъ цѣну и значеніе достовѣрнаго историческаго источника, когда представляетъ ясныя этнографическія и временныя признаки своего происхожденія, по крайней мѣрѣ только при этихъ условіяхъ имъ можно воспользоваться успѣшно и въ гадлежащей мѣрѣ.

Примѣняя эти необходимыя требованія и условія историческаго источника къ могиламъ, нельзя не видѣть, что онѣ лишь въ рѣдкихъ, можно сказать исключительныхъ, случаяхъ отвѣчаютъ имъ. Сама по себѣ взятая, могила представляетъ смутный историческій источникъ: она не носитъ на себѣ никакихъ, съ перваго взгляда ясныхъ, *этиологическихъ* и временныхъ помѣтъ. Правда, случается, что могильная монета указываетъ на относительную *немолодость* могилы, но, во-первыхъ, такіе случаи — рѣдки, даже исключительны; во-вторыхъ, этотъ признакъ не разрѣшаетъ другаго, еще болѣе важнаго вопроса — о *народности* могилъ: въ могилахъ великаго воднаго пути, «изъ Варягъ въ Греки» нерѣдко встрѣчаются и арабскія диргеми, и монеты Византійской имперіи, и англо-саксовъ, но позволительно ли отсюда заключать, что эти могилы принадлежатъ грекамъ или англо-саксамъ? Въ такомъ случаѣ пришлось бы и среднюю Россію и балтійское поморье заселить обитателями мусульманскаго Востока!

Еще менѣе, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, имѣютъ для насъ значенія письменные памятники, встрѣчающіеся въ могилахъ сѣверной и средней Европы, надписи на погребальныхъ урнахъ, горшкахъ и вѣщахъ: ихъ очень немного вообще, но и изъ многаго — большинство еще не прочтено ¹⁾, или и прочтено, но

1) Такъ — не разобраны до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, надписи на погребальныхъ горшкахъ, открытыхъ у Радебурга, о которыхъ см. извѣстіе

такимъ способомъ, который можетъ дать очень невыгодное понятие объ успѣхахъ рунической эпиграфики и во всякомъ случаѣ не будетъ одобренъ осторожной наукой¹⁾. Само собою, что мы разумеѣмъ здѣсь преимущественно руническую эпиграфику славянскихъ памятниковъ или, вѣрнѣе, признаваемыхъ за таковые: какъ ни странно кажется, но до сихъ поръ нельзя указать ни одной вещи съ опредѣленно-славянскою руническою надписью; что онѣ существуютъ—это не должно подлежать сомнѣнью, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнью существованіе рунъ въ славянской древности²⁾; но что объясненія ихъ изслѣдователями не имѣютъ еще прочныхъ основаній и не выдерживаютъ даже легкой критики—это также фактъ несомнительный и безспорный. Такимъ образомъ, относительно могилъ народовъ средней Европы, ни монеты, ни памятники эпиграфики не даютъ еще никакихъ положительныхъ основаній для опредѣленія времени ихъ происхожденія и ихъ народности. Съ этой стороны—могилы какъ были, такъ и остаются загадочнымъ свидѣтелемъ старины. Другіе пути къ рѣшенію вопроса открылись при дальнѣйшемъ развитіи науки: поддерживаемая естественнаиѣмъ, археологія успѣла утвердить нѣкоторые пункты въ опредѣленіи относительной древности могильныхъ памятниковъ, раздѣливъ ихъ приблизительно

Прейсера въ *Krize' Deutsche Alterthümer*, В. II, р. 6, pag. 1—52, также и его Nachtrag къ этой статьѣ въ журн. Розенкранца: *Neue Zeitschrift für die Geschichte der germanischen Völker*. В. I, р. 3, (1832) pag. 77—82, но разобрали руны на урнѣ, открытой у Данцига и подробно описанной Фёретманомъ въ *Neue Preuss. Provinzialblätter*, 1831, В. XII, р. 411 и слѣд.

1) Разумѣемъ здѣсь не только такіа попытки, какъ сочиненія Волапскаго (*Briefe über slavische Alterthümer*. Gm. 1816, 2 тома), Коллара (*Storitalia Slavjanska*. W. 1853), Чертова (О языкѣ Иславговъ во Временн. Общ. Ист. и др. к. 23, 25); но и труды Лелевеля (*Czesc balwochw. Slawian*, P. 1857) и въ особенности страннаа объясненія Л. Гизебрехта въ *Baltische Studien*, St. 2. XII (1846), р. 1, pag. 1—27 и t. XI, р. 2, pag. 30—42. См. критику славянскоа руническоа эпиграфики въ ст. Цыбульскаго: *Obecný stan nauki o runach Słowianskich* (Poczniki towarz. przyjac. nauk poznansk. t. I, (1860) стр. 406—430. *Rački, Pismo slovjensko*. Z. 1861. р. 26—30.

2) Ср. Обстоятельное изслѣдованіе Гауша: *Zur slavischen Runen-Frage*. W. 1855, pag. 61—65, также соч. Рачекаго: *Pismo slovjensko*. Zagr. 1861, р. 1—61.

на три большія эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную; по такое разграниченіе, оставаясь вѣрнымъ въ общемъ смыслѣ и предлагая важные результаты для общаго развитія европейской цивилизаціи—оказывается не въ мѣру широкимъ, когда дѣло идетъ о различныхъ дробныхъ народностяхъ и эпохахъ: и славяне, и литва, и племена нѣмецкія, и кельты—могли совместно и современно пользоваться каменной ¹⁾ (?), бронзовой или желѣзной культурой, потому общая могильная хронологія по тремъ эпохамъ и не приводитъ ни къ какимъ частнымъ этнографическимъ заключеніямъ; она можетъ указать только относительную древность памятника, но не народность его. Болѣе примѣняемости имѣеть обычай (не скажемъ—ученый приемъ) опредѣлять этнографическія помѣты могилъ по общему характеру памятниковъ, въ нихъ заключающихся: изслѣдователи приводятъ въ связь показанія письменныхъ источниковъ съ фактами могилъ, и отсюда дѣлають свои заключенія о народности памятниковъ; но какъ ни удачно—счастливы могутъ быть подобныя заключенія, и они не устраняють многихъ ошибокъ и вообще не имѣють силы непреклоннаго историческаго вывода: уже одинъ несомнѣнный фактъ, что въ дохристіанскую эпоху Европы, оружія, предметы житейской необходимости и роскоши распространялись путемъ торговыхъ сношеній и стало быть—одни и тѣ же могли существовать у различныхъ народовъ ²⁾, значительно обезсиливаетъ этотъ способъ доказательствъ; сверхъ того, онъ вообще слишкомъ стоитъ въ зависимости отъ обилія источниковъ, отъ ясности этнографическихъ понятій свидѣтелей и лѣтописцевъ: извѣстія

1) Въ послѣднее время, противъ системы (Томсона, Варса, Линча и Денбелла) нрѣтъ вѣковъ европейской доисторической жизни были сдѣланы довольно сильныя возраженія со стороны Ф. Мауера и Линденшнитца, но, устраняя многія частныя ошибки въ системѣ, они едва ли сильны поколебать общую сторону ея.

2) Мысль о распространеніи ископаемыхъ орудій путемъ торговли принадлежитъ Линденшнитцу: въ подтвержденіе ея со стороны русскихъ историковъ можно указать на свидѣтельство Ибнъ-Фозлана, что жены русскихъ купцовъ очень любятъ паѣтныя привозныя бусы, см. назв. «Прложіеніа».

о бытованіи какого-нибудь обычая, объ употребленіи какого-нибудь украшенія или орудія у племенъ нѣмецкихъ или кельтскихъ — исключаетъ ли присутствіе подобнаго обычая, употребленіе подобныхъ предметовъ и орудій въ бытѣ славянъ, только потому, что объ этомъ нѣтъ определенныхъ свидѣтельствъ; свидѣтельства — случайны, они могли и утратиться и вовсе не существовать, или вполнѣ доказывається фактъ жизни одного народа, но никакъ не отвергается существованіе его у другого ¹⁾. Ко всему этому, нѣтъ ничего труднѣе, какъ по темнымъ, часто противорѣчивымъ показаніямъ путешественниковъ, географовъ и историковъ-чужеземцевъ опредѣлять этнологическіе признаки мелкихъ народцевъ, которые роями кишѣли, въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ сѣверной, средней и юго-восточной Европѣ и имена которыхъ дошли къ намъ иногда въ такомъ вѣспорченномъ видѣ, что почти не предвидится средствъ къ ихъ возстановленію... Не трудно было бы дать этнографическія помѣты могиламъ страны, которая испоконъ вѣка была населена цѣльною этнологическою особью, не подверженной ни значительной помѣси расъ, ни перерожденію, ни тревогамъ кочевой, непосѣдной жизни, и враждебному насильничеству; но гдѣ найти эту, для науки блаженную, землю? Легко также напр. отмѣтить могилы классическихъ народовъ: грековъ и римлянъ, потому

1) Известный знатокъ кельтскаго міра Шрейберъ, въ классической своей монографіи о кельтахъ (*Die celtischen Streitkenten*. F. 1842, p. 74 sq.), считалъ это орудіе непосредственнымъ и исключительнымъ произведеніемъ кельтской культуры, потому что *суть свидѣтели, вопреки о ея употребленіи у кельтовъ*, но не кельт. археологъ лишь съ большою убѣдительною доказалъ, что орудіе было въ употребленіи и у племенъ нѣмецкихъ (Тацитова *Germania*), см. его *Friderico Franciscum*, Text, L. 1837, p. 36 sq; раскопки въ другихъ странахъ Европы, Азии и даже Африки обнаружили фактъ широкаго распространенія кельта, а при этомъ, конечно, мысль объ исключительно кельтскомъ его происхожденіи падаетъ сама собою, несмотря на документальныя доказательства его употребленія у кельтовъ и полное отсутствіе такихъ доказательствъ относительно другихъ племенъ. Далѣе, свидѣтельству Тацита о погребальномъ обычаѣ германцевъ можно подыскать множество отвѣчающихъ могильныхъ памятниковъ изъ различныхъ мѣстностей, куда никогда не заходила и нога нѣмецкая.

что намъ извѣстны ископныя формы жизни ихъ, всё мелочи ихъ быта, ярко бросающіяся въ глаза даже на чужой землѣ и среди чуждой обстановки; они не только носятъ на себѣ опредѣленный типъ, но и доказываютъ свое происхожденіе и время его — совокупностью признаковъ, отмѣченныхъ нами выше: монетами, надписями, произведеніями искусства...; но для народовъ средней Европы: кельтовъ, гѣмцевъ, славянъ — кто можетъ указать постоянное, ископное мѣсто ихъ жительства, страну, которую они заняли безъ предшественниковъ, гдѣ продолжали жить въ мирѣ, безъ помѣси съ чужеродцами, и которую оставили потомъ безъ чуждыхъ имъ наслѣдниковъ? Въ земляхъ гѣмецкихъ встрѣчаются повсюду несомнѣнные слѣды и памятники пребыванія кельтовъ, славянъ и другихъ народовъ, въ земляхъ, занятыхъ нынѣ славянскими племенами — несомнѣнные слѣды и памятники различныхъ чуждыхъ народностей. Какъ младшій побѣгъ индоевропейской семьи, славяне шли уже по готовой, торной дорогѣ, многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизацій предшественниковъ, народовъ иногда безъ имени, безъ роду и племени...; гнѣтъ, кажется, мѣста, гдѣ славяне заняли бы еще дѣвственную, неистощенную стадами кочевниковъ и плугомъ пахарей землю, гдѣ они явились бы первыми древнѣйшими насельниками...

Принимая въ соображеніе эти обстоятельства историческаго водворенія славянъ въ Европѣ, зная, что и послѣдующія судьбы ихъ благопріятствовали не столько сосредоточенію ихъ народности, сколько раздробленію и смѣшенію ея съ чужеродными племенами, можно ли надѣяться отыскать могилы славянскихъ праотцовъ при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ; думаемъ, что вообще — едва ли; по крайней мѣрѣ нельзя полагаться и безусловно довѣрять заключеніямъ, выведеннымъ отсюда, такъ какъ на земляхъ, населенныхъ съ давнихъ временъ славянами, существуетъ много могильныхъ памятниковъ и чуждыхъ народностей, а наука до сихъ поръ не имѣетъ средствъ ясно отличать признаки народности въ вещественныхъ

памятникахъ языческой эпохи. Кромѣ этого историко-этнографическаго затрудненія, въ вопросѣ нашъ занимающемъ присоединяется еще другое, зависящее отъ самаго предмета: какъ племена родственными, пошедшія отъ одного корня, и вѣмцы, и литва, и славяне употребляли, какъ говорить намъ письменныя и бытовыя свидѣтельства, весьма сходные обычаи погребальной почести, такъ что и съ этой стороны не представляется, пока, возможнымъ положить различіе между племенными могилами; различіе, конечно, было—и, должно полагать, не маловажное; но оно ускользаетъ отъ наблюденія, даже самаго проникательнаго: письменныя и бытовыя свидѣтельства не даютъ намъ рѣзкихъ чертъ этого различія, а безъ нихъ—самыя различія въ могилахъ, способѣ ихъ устройства и содержанія—ни на шагъ не поднимаютъ вопроса о могильной этнографіи.

Въ подтвержденіе сказаннаго, взглянемъ на судьбу вопроса объ отличительныхъ признакахъ славянскихъ могилъ.

Попытки опредѣлять народность могилъ, разбросанныхъ по Европѣ, встрѣчаются еще въ 17—18 вѣкахъ; онѣ прошли даромъ, потому что были основаны не на строгомъ изслѣдованіи памятниковъ, но на случайномъ знакомствѣ съ ними и досужемъ примѣненіи школьной учености къ ихъ объясненію. Вслѣдъ за тѣмъ, съ легкой руки извѣстнаго Добнера ¹⁾, думали разрѣшить вопросъ тѣмъ, что славянамъ усваивали исключительный обычай погребенія въ землѣ, вѣмцамъ же—обычай сожженія; долгіе споры ученыхъ ²⁾ по этому предмету привели къ одному полез-

1) Въ одномъ изъ примѣчаній къ латинскому переводу Хроникъ Галла (Annales Bohemor. II, pag. 49. 51) Добнеръ утверждалъ, что славяне только хоронили тѣла усопшихъ, но не сожигали ихъ. Мнѣніе встрѣтило тогда же обстоятельное опроверженіе Доброоскаго, въ статьѣ, на которую мы ссылались уже много разъ: Über die Begräbnissart der alten Slaven, etc., вь Abhand. d. böhm. Ges. d. Wiss. 1776 г. Въ противоположность Добнеру, замѣчавшій Антонъ впадалъ въ другую крайность, полагая, что славяне только сожигали тѣла усопшихъ, см. его Erste Linien e. Versuches über d. alten Slaven Ursprung, Sitten, etc. I. 1783, p. 136.

2) Споръ снова былъ поднятъ статью Борбса: Sind die Urnen-Begräbnisse im östl. Deutschl. slavischen oder deutschen Ursprungs, nom. вь Deutsche

ному результату: изслѣдователи убѣдились, что оба обычая были одинаково распространены, какъ у племенъ нѣмецкихъ, такъ и славянъ, что нужно искать другого, болѣе прочаго, критерія для рѣшенія вопроса о народности могилъ; трудами ученыхъ Обществъ (мекленбургскаго, померанскаго, тюринго-саксонскаго и др.) собрался между тѣмъ значительный запасъ археологическаго матеріала, и вскорѣ была отыскана мѣрка для опредѣленія не только древности, но и народности могилъ: она основывалась на *совокупности историко-этнографическихъ признаковъ*, т. е. на соответствіи памятниковъ съ свидѣтельствами исторіи: такъ возникла система Лиша, получившая наибольшее распространеніе въ наукѣ. Онъ опредѣлилъ отличительныя признаки могилъ дохристіанскаго Мекленбурга и поэтому коснулся и могилъ славянскихъ. Въ Мекленбургѣ, по его словамъ, различается три рода могилъ: 1) *могилы множныя* (Hünnegräber), принадлежащія неизвѣстной, старой европейской народности; 2) *кегельныя могилы* (Kegelgräber), обзаванныя своимъ происхожденіемъ германцамъ и 3) *Вендскія кладбища* (Wendekirchhöfe); послѣднія усвоены славянамъ какъ вслѣдствіе названія, такъ и потому, что онѣ принадлежатъ позднему языческому населенію страны, каковымъ, по исторіи, являются славяне. Вендскія могилы не имѣютъ опредѣленной формы: это общія возвышенія, иногда незамѣтныя и далеко тянушіяся по долинамъ и на отлогостяхъ; въ нихъ съ краю, между камней, находятся не глубоко зарытыя урны въ неслѣдственномъ количествѣ, въ урнахъ — разнаго рода орудія, кости и пепель; *погребенія нѣтъ и слѣдовъ, нѣтъ и выжженныхъ мѣстъ (жаровницъ); всѣ орудія и вещи Вендскихъ кладбищъ новѣе, чѣмъ въ кегельныхъ, въ послѣднихъ*

Alterthümer, т. I (II. 1824) p. 59 sq. Воробъ былъ мнѣніа, что славяне только погребали тѣла, противъ такого утвержденія писали: Гейнцельманъ (ibidem т. III, 1828 г. p. 25 — 35), Гаазусъ (Beitr. z. Gesch. und Alterthumskunde d. Nieder-Lausitz. 1838, L. t. II, p. 1 — 31), Нейманъ (ibidem, т. I, 1835, p. 6 — 14 и въ особой статьѣ въ *Архивъ Ледебуръ* 1834, т. XV, послѣдней изъ нихъ не могли воспользоваться) и другіе.

преимущественно встрѣчаютъ бронзу и золото, въ первыхъ — желѣзо и серебро и вообще — видимые слѣды христіанской культуры. Географически — Вендскія могилы простираются именно до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходили славяне на западѣ и сѣверѣ¹⁾. Такова, въ главныхъ чертахъ, теорія славянскихъ могилъ Мекленбурга, высказанная Лисшемъ, болѣе чѣмъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея непогрѣшительности; онъ ставилъ себѣ въ особую заслугу *рыцкое отдѣленіе* древностей германскихъ отъ славянскихъ, и хотя говорилъ, что его характеристикой нельзя покончить изученія славянскихъ могилъ, но на самомъ дѣлѣ ни на чергу не уклонился отъ нея въ теченіе 32-хъ лѣтъ и только поддерживалъ ее ежегодными раскопками вендскихъ могилъ²⁾, нисколько не сомнѣваясь въ славянскомъ ихъ происхожденіи. Теорія Лисша получила чуть ли не общее признаніе; возраженія, какія сдѣлалъ ей .І. Гизебрехтъ, прошли непри-

1) Лисшъ изложилъ свою систему первоначально въ небольшой книжкѣ: *Auendungen über d. altgermanischen und slavischen Grabalterthümer Meklenburga*. R. 1837, стр. 18 — 24 (вторымъ, пополнившимся изданіемъ статья напечатана въ *Jahresbericht des Vereins f. mekl. Gesch. und Alterthumsk.*, Schw. 1837, p. 141 — 5), потомъ въ большой изданіи *Friderico Franciscum Text.* Leip. 1837, p. 81 и слѣд. Здѣсь мы не можемъ не вспомнить о другомъ археологѣ и его системѣ: за годъ до обнародованія системы Лисша, Данейль напечаталъ общій отчетъ (*General-Bericht*) о своихъ многолѣтнихъ раскопкахъ въ окрестностяхъ Зальцвельда въ Альтмаркѣ (помѣщ. въ *Neue Mittheilungen aus d. Gebiete histor. antiquar. Forschungen* hrg. v. Förstemann, t. II, Halle 1836, p. 314 — 384), классификація и характеристика могилъ у него сходна съ Лисшевой, но къ славянамъ онъ былъ милостивѣе и предположительно усвоилъ имъ кромѣ *вендскихъ* кладбищъ и особый родъ (2-ой) *волинскихъ* могилъ; когда вышло сочиненіе Лисша, Данейль постарался приписать свою систему съ мекленбургскою: 2-й классъ *волинскихъ* могилъ (кегельныхъ) онъ по сличности приписалъ *германцамъ*, по *внутренности* же — *славянамъ*, и для этого принималъ, что остатки первыхъ иѣмецкихъ обитателей Марка, при вторженіи славянъ, приняли цивилизацію и нравы послѣднихъ и поэтому, сохраняя для своихъ могилъ прежую германскую *внѣшность*, не могли сохранить германской *внутренности* (*Erster Jahresbericht d. altmärkisch. Vereins f. Geschichte etc.* Neub. 1838, p. 41). Кажется, нѣтъ нужды говорить объ искусственности такого предположенія и о неоспорительности подобныхъ этнографическихъ опредѣленій!

2) Въ своемъ изданіи: *Jahrbücher und Jahresbericht d. Vereins für Meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde* съ 1836 года по настоящій.

знаными, можетъ-быть, по странности нѣкоторыхъ понятій по-
 мѣраускаго археолога ¹⁾, по неудачности его собственныхъ по-
 пытокъ въ опредѣленіи славянскихъ памятниковъ; но успѣхи
 науки взяли свое, и нынѣ теорія Лиша держится только на доб-
 ромъ довѣрїи къ авторитету археолога: съ какой стороны ни
 взглянемъ, мы найдемъ ее въ противорѣчїи съ свѣдѣтельствами
 древности. Прежде всего естественно думать, что если вѣндскїя
 кладбища дѣйствительно славянскаго происхожденїя, то они
 должны непременно находиться и въ земляхъ, издревле населен-
 ныхъ славянами, но ихъ тамъ вовсе нѣтъ, и напротивъ — они,
 вопреки показанію Лиша, распространены въ тѣхъ мѣстахъ,
 гдѣ никогда, сколько извѣстно, не жило ни одно славянское
 племя: въ Скандинавіи, Шлезвигѣ, Вестфалии и западномъ Тю-
 рингенѣ ²⁾. Шатки также и заключенїя Лиша, выведенныя изъ
 признаковъ древности, ибо во 1-хъ) никто до сихъ поръ не ука-
 залъ достовѣрнаго соответствїя историческихъ эпохъ съ эпохами
 монументальной палеонтологїи, во 2-хъ) славяне жили въ Мек-
 ленбургѣ *гораздо прежде* вторичнаго появленїя нѣмцевъ (сак-
 совъ), и если позволительно заключать о народности памятниковъ
 по степени ихъ древности, то вѣндскїя могилы съ гораздо боль-
 шимъ правомъ могутъ быть приписаны *доисторическимъ* саксамъ,
 чѣмъ *языческимъ* славянамъ. Остается одно имя *вѣндскихъ* клад-
 бищъ, *Wendenkirchhöffe*; но гдѣ доказательства, что это наиме-
 нованїе *точно* обозначаетъ предметъ? Названїе идетъ отъ нѣм-
 цевъ (духовенства), а при ихъ нерасположенїи къ славянамъ —
 мудрено ли, что всякую *языческую* могилу они называли *вѣндскою*,
 что имя *вѣндъ* и *язычникъ* были синонимы; дѣйствительно, въ

1) Baltische Studien, hrag. v. Gesellsch. f. Pommersche Gesch. und. Alter-
 thumskunde. Stettin, t. V, pars 2 (1838), p. 46—49; t. VII, pars 2 (1840) p. 111; t.
 XIII, pars 2 (1847) p. 39; t. XI, pars 2, p. 99 sq. Гизебрехтъ всего неже не
 можетъ имѣть права на имя мочию археолога, но труды его столько же богаты
 матеріалами, сколько и фантастическими объясненїями его.

2) Какъ указано Гизебрехтомъ (l. cit.) и Вейнгольдомъ въ 24 Bericht
 der Schl. Holst. Lauen. Gesellsch. d. vater. Alterthümer. Kiel. 1864, ст. Die Ein-
 theilung der Heidengräber, p. 19.

поморянскихъ грамотахъ XII—XIV вѣка одиѣ и тѣ же могилы называются: «*verulchra paganorum, antiquorum, verulchrum gigantis* и *verulchra Slavorum*»¹⁾. Не ясно ли, что такія названія не могутъ имѣть никакого ученаго значенія; не ясно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и вся теорія Ливша должна быть отвергнута наукой, дорожащей не столько объемомъ, сколько *достоверностью* своего матеріала? Чѣмъ болѣе археологическія разысканія подвигались впередъ, тѣмъ болѣе усложнялся вопросъ о народности могилъ и затруднялось его рѣшеніе: открывались напр. на одной мѣстности съ двумя преемственными, но этнографически различными, населеніями — множество разныхъ видовъ могильныхъ памятниковъ²⁾, и свидѣтельства исторіи оказывались бессильны опредѣлить ту или другую ихъ народность; потому осторожные ученые довольствовались приблизительными догадками, другіе же предлагали и рѣшенія, но только затѣмъ, чтобы видѣть скорое наденіе собственнаго зданія; такъ не оправдалось мнѣніе чешскаго археолога Калины, который приписывалъ славянамъ всѣ доисторическія могилы не только чешской территоріи, но и Силезіи, Лужиць, Мейсена, Саксоніи, Тюрингена, земель полабскихъ, Бранденбурга и Помераніи³⁾; остались безъ дальнѣйшаго подтвержденія и многія частныя попытки (напр. Альберти⁴⁾) опредѣлить характеръ славянскихъ могилъ известной мѣстности . . . Относительно многихъ славянскихъ земель не существуетъ даже матеріальной подготовки къ рѣшенію вопроса: чтó, напр., знаемъ мы о могилахъ южныхъ славянъ (болгарь, сербовъ, хорутанъ), славянъ, обитавшихъ и

1) *Lisch. Friderico Franciscum. Text. 11—15.*

2) Для примѣра укажемъ на островъ Рюгенъ, гдѣ Гагеновъ отыскалъ 8 видовъ могилъ и еще съ подраздѣленіями, см. *2-ter Jahresbericht der Gesellsch. für Pommerische Gesch. und Alterthumskunde. St. 1828 p. 28—29, ibidem, 3-er Bericht, 1829. p. 91—5.*

3) *Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Alterthümer. P. 1836, p. 311—249.*

4) Относительно могилъ, вскрытыхъ въ Фойхтландѣ у Рамиса и Верибурга, см. *Variscia. Mittheilungen des Voigtl. Alterthumsforsch. Vereins, pars II, Gera, 1830, p. 93—123, особенно 100—109.*

обитающихъ на Карпатѣ, этомъ гнѣздѣ славянскаго племени; что, кромѣ случайныхъ разысканій, можетъ представить и русская археологическая наука †?

Сопоставивъ такое младенческое состояніе могильной археологіи съ трудностью общаго вопроса объ отличительно-славянскихъ признакахъ этихъ свидѣтелей старины, мы не увидимъ возможности создать въ настоящее время правильную, отвѣчающую требованіямъ науки, историко-этнографическую систему славянскихъ могилъ: есть рѣшенія, но они — непрочны, есть догадки, но достоинство ихъ не выше простаго вѣроятія, которыми наука не можетъ довольствоваться.

Обратимся ли мы къ самому народу, спросимъ ли его стародавнія преданія о памятникахъ, которыми полны его поля и лѣса, захотимъ ли по такимъ указаніямъ заключать о народности поколѣній, почившихъ въ этихъ могильныхъ жилищахъ, — мы еще менѣе можемъ прийти къ какимъ-нибудь положительнымъ заключеніямъ: здѣсь отовсюду насъ окружить не *дѣйствительная*, но *поэтическая* исторія, не земныя событія, но мифы, низведенные съ неба на землю: вмѣсто обыкновенной жизни мы встрѣтимъ подвиги героевъ, вмѣсто простыхъ людей — силу неземную: враждебныхъ чудовищъ и богатырей, или же и лица историческія, но не въ исторической, а въ мифически-поэтической обстановкѣ. Такія преданія имѣютъ свой высокій интересъ и свое важное значеніе для науки, но для историко-этнографическихъ заключеній они бесполезны, какъ бесполезна фантазія въ дѣлѣ строгой науки.

Вотъ все, что на этотъ разъ мы имѣемъ сказать о *могилахъ*, какъ о *современномъ* источникѣ науки славянской древности, и въ

---

† Для могилъ южныхъ славянъ найдутся лишь немногія замѣтки въ «Археологической Хроникѣ Австрійской Имперіи», печатаемой ежегодно (прежде Зейдлемъ, потомъ Кеннеромъ) съ 1840 года въ Archiv für Kunde Oesterreich. Geschichtsquellen, но здѣсь вниманіе болѣе обращено на осми (и притомъ на классическія), чѣмъ на могили.

особенности той части ея, которая служить предметомъ нашего изслѣдованія.

Кажется, довольно основаній, чтобы, пока, или вовсе отказаться отъ употребленія этого источника, или же допустить его свидѣтельства въ качествѣ *не самостоятельную*, но *основательную* матеріала, какъ подтвержденіе того, что передано источниками несомнительными. Мы рѣшаемся избрать послѣднее: оно представляется намъ болѣе сообразнымъ съ требованіями науки, потому что можетъ уяснить нѣкоторые темные вопросы ея, не отяготивъ самаго содержанія ничѣмъ недостовернымъ. Въ соображеніе мы принимаемъ лишь тѣ могильные факты, которые имѣютъ вѣроятіе быть славянскими, т. е. отвѣчаютъ требованіямъ исторіи, топографіи и культурѣ языческихъ славянъ. Пособіи мы обозначаемъ каждое въ своемъ мѣстѣ; здѣсь только назовемъ почтенный трудъ Вейнгольда: «О языческомъ погребеніи въ Германіи»¹⁾, который имѣетъ для насъ особенно важное значеніе: Вейнгольдъ свелъ въ одно всё сдѣланныя до 1858 года раскопки въ Германіи; огромная масса наблюденій даетъ его заключеніямъ наибольшую степень вѣроятія, и когда онъ нѣкоторыя могилы называетъ *славянскими*, то такое опредѣленіе всегда основано на отличіи ихъ отъ совокупности другихъ могилъ, наблюденныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ славяне не жили; впрочемъ, съ осторожностью истиннаго ученаго, Вейнгольдъ не позволяетъ себѣ рѣшительныхъ приговоровъ, оставляя ихъ будущему времени. На нѣмецкой почвѣ Вейнгольдъ отмѣтилъ болѣе сорока видовъ разныхъ могилъ и разныхъ способовъ погребенія; со временемъ, конечно, откроется ихъ еще болѣе; но такой фактъ невозможно наводить на мысль, что племена одного и того же происхожденія, можетъ-быть одно и то же племя, имѣли различныя способы погребенія; дальнѣйшее, надѣмся, оправдастъ

1) Die Heidalische Todtenbestattung in Deutschland. Wien. 1859 г. 2 части (отдѣльный оттискъ изъ Sitzungsberichte d. Wien. Akademie, т. XXIX и XXX).

эту мысль, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдатель и сдержанность тѣхъ, кто не рѣшается давать этнографическія помѣты могиламъ, основываясь только на различіяхъ внѣшней формы памятниковъ и замѣченныхъ въ нихъ погребальныхъ обычаевъ.

Дославянское время.

Сколь ни было бы несовершенно наше понятіе о единомъ индо-европейскомъ или арійскомъ народѣ, изъ котораго, съ теченіемъ времени, вышли и образовались отдѣльныя племена, мы должны принять *такую гипотезу* за несомнѣнный историческій фактъ: она незамѣнима никакою другою и вполне удовлетворяетъ требованіямъ науки.

Въ виду разительнаго родства языка, нравовъ, обычаевъ и воззрѣній славянъ съ подобными явленіями племенъ индійскихъ, зендскихъ, греконталійскихъ, кельтскихъ, германскихъ, славянскихъ и литовскихъ — можно думать, что было время, когда эти народности не существовали въ отдѣльныхъ видахъ, но составляли одно цѣлое племя, эмбрионъ дальнѣйшихъ развѣтвленій, что прежде чѣмъ выдѣлиться изъ этого общаго племенного потока и стать народомъ съ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ именемъ — должны были существовать общіе, основные элементы нравственной жизни, семейныхъ и общественныхъ отношеній, обычаевъ и воззрѣній на человѣка и окружающую природу. Такое общее нравственное достояніе забираетъ съ собою каждый народъ, образуясь современемъ самобытною единицею, и на немъ, при вліяніи измѣняющихся историческихъ и природныхъ условій, онъ выводитъ уже свое *особное* зданіе, свою *родовую народность*, въ отличіе отъ прежней *племенной* и новой народности другихъ братьевъ-народовъ. При этомъ процессѣ, изъ стараго наследія иное гибнетъ, другое видоизмѣняется сообразно новымъ порядкамъ вещей; но общія основанія, выработанныя вѣковою племенною жизнью, остаются видны даже у народовъ, испытавшихъ коренные перевороты и потрясенія.

Оттого, изслѣдуя обычаи *славянской народности*, необходимо начать съ ихъ праотцевъ, тѣмъ болѣе необходимо, что, въ силу неорганической жизни обычаевъ, они, полные смысла и значенія у предковъ, выражаются у потомковъ въ дѣйствія темной и непонятной причины.

Мы возьмемъ лишь самыя общія черты вѣроваій и обычаевъ, именно только такія, которыя встрѣчаются у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ, или же занесены въ почтенный памятникъ глубочайшей древности — нѣсни Веды; послѣднія хотя и не принадлежатъ въ строгомъ смыслѣ обще-арійской старинѣ, но содержатъ данныя, прямо идущія изъ эпохи племеннаго единства: ихъ особныя родовыя черты незначительны, и стоитъ только отнять нѣкоторыя народныя имена боговъ и предметовъ, чтобы стать среди древнѣйшей арійской эпохи.

Древнѣйшія мѣстныя представленія арійцевъ были природнаго, чувственнаго характера: въ явленіяхъ небесной сферы первобытное племя видѣло дѣйствія и борьбу живыхъ существъ, образы которыхъ его воображеніе опредѣляло по ближайшей аналогіи съ дѣйствительностью: сначала — это зооморфическія существа, потомъ челоѣкообразныя, но въ обоихъ случаяхъ они — не иное что, какъ невольное олицетвореніе видимыхъ фактовъ воздушной природы, а ихъ дѣла и отношенія — движеніе и борьба элементовъ этой природы.

Природа является въ вѣчномъ движеніи, жизнь ея — рядъ постоянныхъ превращеній и измѣненій, потому на душу челоѣка она должна была дѣйствовать измѣнчиво и разнообразно: одно и то же явленіе производило различныя впечатлѣнія, явленія разныя отражались одинакимъ впечатлѣніемъ, и фантазія, подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, рождала образы текучіе, измѣнчивыя, живописующіе одинъ предметъ разными и разные предметы — одинаковыми представленіями. Такое отсутствіе опредѣленнаго постоянства въ первобытныхъ представленіяхъ должно быть напередъ замѣчено: имъ объясняется одинъ фактъ, имѣющій для насъ особую важность, именно — возможность одновременнаго

меннаго существованія различныхъ обычаевъ въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ жизни; ибо обычай, какъ мы замѣчали (стр. 28), есть только житейское, практическое примѣненіе извѣстныхъ воззрѣній и представлений; разнообразіе послѣднихъ выражается и разнообразіемъ обычаевъ, и какъ разные представленія объ одномъ и томъ же предметѣ не исключали другъ друга, такъ и разные, иногда противорѣчивые, обычая мирно уживались между собою, не смущая ничьего благочестиваго чувства; стремленіе регулировать обычая по одной мѣркѣ и происходящая отсюда исключительность или истерпимость — есть плодъ дальнѣйшей жизни, когда водворяется догматическая система и разнообразіе жизни стѣсняется внѣшнюю мѣрою. Въ жизни арийскаго племени мы не можемъ предположить существованія такой системы, да и впоследствии она стоитъ какъ-то въ сторонѣ отъ народнаго быта, управляетъ чѣмъ случится, блюдетъ болѣе за наружнымъ порядкомъ, потому что не имѣетъ силы овладѣть внутреннимъ. Имѣя въ виду это обстоятельство, мы не станемъ отъ погребальныхъ обычаевъ требовать догматической послѣдовательности, и примемъ ихъ разнообразныя несогласія, какъ естественное выраженіе разнообразія жизненныхъ представлений и вѣрованій народа, неумѣющаго приводить ихъ къ одному логическому знаменателю.

Судя по языку, народнымъ повѣрьямъ индо-европейскихъ племенъ и ведійскимъ гимнамъ, первобытные арийцы боготворили свѣтлое небо, которое они отличали отъ воздуха ¹⁾: *твердое небо* (= юра) лежало за воздушнымъ пространствомъ и было жилищемъ свѣта и живительнаго дождя; между землею и небомъ лежитъ пространство воздушное, гдѣ дѣйствуютъ, въ борьбѣ небесныя существа; оно одушевлено вѣчнымъ *дыханіемъ*, имъ же одушевлена и вся живая природа и человѣкъ.

1) Индо-европейскія представленія неба собраны у Маннгардта: *Germanische Mythen*, Ber. 1858, p. 392 sq. 456 sq., и у Левиасьева: *Поэтич. воззрѣнія славянъ*. М. 1860, т. 1. стр. 114 и слѣд.; для воззрѣній эпохи ведійской см. ст. Рота: *Die höchsten Götter der arischen Völker*, пом. въ *Zeitschr. d. morgenländ. Gesellsch.* т. VI (1852), pag. 67 sq.

Жизнь, по понятіямъ аріицевъ, выражалась *дыханіемъ* = *вѣтромъ* и *огнемъ* = теплотой, и наоборотъ, съ понятіемъ смерти они соединяли представленія *объ отсутствіи движенія* и дѣтельности, *о мракѣ, холодѣ* ¹⁾: человекъ живетъ пока *вѣтеръ* волнуется грудь его, пока онъ согрѣвается внутреннимъ *огнемъ*, пока его очи глядятъ: безъ этого — онъ *недвижимый холодный трупъ*.

На такомъ естественномъ понятіи основалось множество разнообразныхъ представленій *о душѣ* и *посмертномъ ея существованіи*.

Дѣятвенному чувству народовъ противна безотрадная мысль о совершенномъ уничтоженіи по смерти; они не могутъ представить себѣ, что жизненная сила, огонь, вѣтеръ, одушевлявшіе и согрѣвавшіе человека, гибнуть и разрушаются вмѣстѣ съ омертвѣлою плотью; юному уму представляется, что они только *отлетаютъ* въ ту область, гдѣ вѣчно царствуетъ видимое, но непонятное для него, движеніе, гдѣ, по возрѣтіямъ первобытныхъ людей, носятся и борются небесные звѣри, гдѣ виденъ небесный огонь, гдѣ пасутся небесныя стада, гдѣ витаютъ небесныя птицы, гдѣ плывутъ небесныя ладьи и горятъ небесныя цвѣты... Поставивъ *душу* человека въ связь съ воображаемыми существами и предметами воздушной сферы, младенческая фантазія опредѣлила и самые ея образы по признакамъ этихъ существъ и предметовъ.

Почти у всѣхъ индо-саропейскихъ племенъ слова: *душа* и *вѣтеръ* образовались отъ одного лингвистическаго корня ²⁾, что

1) Сообразно этому и термины, обозначающіе въ языкахъ индо-саропейскихъ народовъ понятіе о смерти, произошли отъ корня *miri* (усиленн. *mirā*), выражающаго впечатлѣніе мрака, холода, пустыни, унынія: санскр. *mirā*, *mirijē*, греч. *μῆρις*, лат. *miri*, слав. *мръти*, авст. *mirti*. Лексиконъ словъ этого корня подробно обследованъ: у Pictet. *Les Origines Indo-Européennes*, II, 488 sq.; Pott'a. *Etymolog. Forsch.* 1-го изд. ч. I, 1833 г. р. 230—1, и Curtius'a. *Grundzüge der griech. Etymologie*. L. 1866 p. 297—8.

2) Санскр. *anīla* = вѣтеръ, греч. *ἀνεμος*, лат. *animus*, — а; санскр. *ātman*, лат. *spiritus* и *spiritus*; *gānam* и *geist*.

и указываетъ на внутреннее родство своихъ представлений: *душа* — *легкое дыханіе*, она — *огонь*, который нисходитъ на землю съ воздушнаго пространства въ формахъ *змѣи* = молніи или метеора = *звѣзды* ¹⁾ и воплощается въ челоѣка; *душа* — *воздушная птица*, *бабочка* или иное легкое *крылатое* существо; она — небольшое *огненное животное*, какими фантазія первобытнаго челоѣка населяла воздушную сферу; по связи представлений воющаго *вѣтра* и лающей *собаки*, *душу* представляли и въ образѣ *последней*, и вообще матеріальный образъ *души* соединился въ понятіяхъ челоѣка-младенца со всѣми разнообразными представленіями явленій воздушной природы, живущихъ — для него — тѣмъ же началомъ жизни: движенія и огня, которыми живетъ и челоѣкъ и окружающая его природа; нѣсколько позднѣе образуются антропоморфическія представленія *души*, какъ *дѣтей-малютокъ*, сидящихъ на небесныхъ деревьяхъ (облакахъ), бѣлыхъ, облачныхъ дѣвѣ, заключенныхъ въ небесныхъ *торахъ* . . . . итд. ²⁾.

Освобожденная смертью отъ оковъ плоти, душа, по арійскимъ понятіямъ, возвращалась туда, откуда нисходила для земнаго воплощенія, т. е. въ *воздушное море*; здѣсь постоянное мѣсто дѣйствія души; но *жилище* ихъ лежитъ надъ облаками, на небѣ, на *твердой стѣклой торѣ* или *островѣ* среди океана. По

1) На этомъ воззрѣніи основанъ цѣлый рядъ индо-европейскихъ представлений о птицахъ, приносящихъ на землю *огонь* и *души*; повѣрья эти превосходно изслѣдованы Кунемъ въ его классической книгѣ: *Die Herabkunft des Feuers*.. В. 1850, особ. стр. 107 и слѣд. Представленіе души, какъ *звѣзды* (падающей) до сихъ поръ живетъ въ суевѣрїяхъ простого народа, объ этомъ см. Mannhardt. Germanische Mythen. В. 1858, стр. 310, 474 729. Связь *жилища съ огнемъ* (свѣтомъ) породило символическое представленіе души, какъ горящаго *свѣчилика*, *факела*, свѣчи: гаснущій свѣчиликъ — образъ отходящей жизни, улетающей души, послѣ которой остается *смерть-мракъ*.

2) Намѣчая лишь общіе образы, въ какихъ представлялись души усопшихъ, указываемъ здѣсь тѣ труды, въ которыхъ можно найти объясненіе и изложеніе подробностей: Grimm. Deutsch. Mythologie (1854), pag. 788 — 793; Mannhardt. Germanische Mythen, p. 269, 298, 308, 80, 300, 456 et passim; Grohmann. Apollo Smintheus. Pr. 1862, p. 20—2, 47; Kuhn. Zeitsch. für vergleich. Sprachforsch. IV (1855), 101 sq. и др.

смерти душа *отправлялась* въ путь къ свѣтлому обиталищу, путь этотъ дологъ и труденъ: она должна перейти *великій потокъ* (облачную область) по *тропинкѣ думъ* (по Ригъ Ведѣ = тропинка боговъ = млечный путь или радуга), или *перенять* его, дорогу стерегутъ злыя, лающія *собаки* (вѣтры), она должна ихъ утишить, должна она также заплатить и кормицку, который перевозитъ души на *островъ*; по другимъ представленіямъ душа переносилась облакомъ = коровой чрезъ небесныя воды, почему и самая дорога кое-гдѣ называется *тропинкой короюм* (въ нѣм. *kauprat* = *kuhrpfad*)¹⁾.

Понятіе о посмертномъ жиизнѣ и о существованіи душъ колеблется между представленіемъ *блаженства*, обилія, радости, веселости и наслажденія и понятіемъ муки и *печали*: въ раздумьяхъ о смерти, юное племя не могло представить страну ея — радостною, въ помыслахъ о судьбѣ отшедшихъ праотцовъ, съ которыми живые связаны столь крѣпкими любовными узами, оно не могло вообразить ее — печальною: его родственное чувство ласкала мысль о блаженствѣ предковъ; добро — требовало награды, зло — наказанія; отсюда *двойственное* представленіе о посмертномъ существованіи человѣка, оно должно было существовать еще въ арійскую эпоху, хотя, конечно, въ нетвердыхъ и неустановившихся образахъ.

Мѣсто дѣйствія душъ — сфера воздушная, гдѣ происходитъ грозовая (огненная) борьба элементовъ природы: не сдерживаемыя тѣсными границами плоти, души вихремъ носятся по обширной небесной сферѣ, цѣлымъ полчищемъ кипѣтъ онѣ здѣсь, помогая божеству въ его дѣлїяхъ, направленныхъ ко благу людей; въ ихъ бурномъ, воздушномъ полетѣ раздаются тѣсни (= свистъ бури) и громовые звуки, иногда онѣ сходятъ на

1) Pietet. Les Aryas primitifs... (G. 1863) II. p. 520—4; Kuhn. Zeitschrift für vergleichende Sprachforsch. II (1853), p. 316 sq. Justi. Über die Urzeit der Indogermanen (Histor. Taschenbuch v. Raumer, 1862, p. 326—330), представленіе *острововъ* среди воздушнаго океана, *стеклянной юрмы* (раи), *лосна* душъ, *небеснаго торчища* — встрѣчаются въ повѣрьяхъ всѣхъ индо-европейскихъ племенъ.

землю, посѣщаютъ своихъ потомковъ и принимаютъ отъ нихъ благочестивыя приношенія.

Соединивъ представленія о воздушной природѣ и ея вліяніяхъ съ понятіемъ посмертнаго существованія душъ, народная мысль, естественно, должна была выразить это въ дѣйствіи, т. е. въ житейскихъ, погребальныхъ порядкахъ. Погребальный обрядъ, прежде всего, имѣлъ цѣль практическую: на покоемъ живыхъ лежала нравственная; обязанность облегчить роковую судьбу близкихъ мертвыхъ, помочь имъ переходу въ вѣчность и обезпечить ихъ жизнь въ обители блаженства, этому высокому долгу народы удовлетворяютъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, сообразныхъ съ ихъ понятіями о посмертномъ существованіи души, объ отношеніяхъ міра усопшихъ въ міру живыхъ, живыхъ къ усопшимъ и смерти вообще.

Прежде чѣмъ войти въ изложеніе арійскихъ погребальныхъ обычаевъ, представимъ нѣкоторыя соображенія о различныхъ способахъ погребальной почести.

Есть одно, нелишенное наивной прелести, апокрифическое сказаніе, занесенное, между прочимъ, и въ наши старыя книги, о томъ, какъ прародители погребли своего сына, перваго мертвеца на землѣ. Долгое время Адамъ и Ева не знали, что дѣлать съ убитымъ Авелемъ: «и плакастася по Авелю лѣтъ 30, и не съгни тѣло его, и не умѣста его погresti; и повелѣніемъ божьимъ птенца два прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго, и погребе и. Видѣвша же се Адамъ и Ева, ископаста яму и вложиста Авеля и погребоста съ плачемъ». Случайному наблюденію надъ правомъ животныхъ обязанъ обычай погребенія своимъ происхожденіемъ! Какъ ни наивенъ разсказъ, но онъ поразительно вѣрно изображаетъ первобытное состояніе человѣчества: многіе обычаи произошли изъ наблюденій надъ явленіями и законами природы; но такіа наблюденія дѣлаются медленно, и до времени, пока не накопилось значительнаго запаса ихъ, пока память и умъ человѣка не ослизли и не упорядочили ихъ, не могло быть и прочныхъ житейскихъ обы-

часть: поколѣнія жили внѣ обычая, повинуваясь случайнымъ влеченіямъ и побужденіямъ! Долго или кратковременно, но въ исторіи человечества долженъ былъ существовать такой періодъ; онъ, однако, останется навсегда закрытъ и для самой отважной мысли: черты нравственной жизни его лишены всякаго постоянства: онѣ случайны, измѣнчивы и неуловимы для ума; оттого — нельзя сказать, что дѣлали съ своими умершими племена, находившіяся на первой ступени развитія; выходя же изъ этой недоуваемой области въ жизнь, подчиненную обычаю и стало быть — общественную, мы находимъ два главныхъ способа погребальной почести: собственное *погребеніе* и *сожженіе*. Нельзя сомнѣваться, что древнѣйшимъ изъ нихъ должно признать *погребеніе*: сожженіе предполагаетъ если не развитое релігіозное чувствованіе огня, то по крайней мѣрѣ — изобрѣтеніе и полное владѣніе имъ; а человечество, нѣтъ сомнѣнія, прожило долгій періодъ, пока овладѣло этимъ великимъ орудіемъ развитія и узнало его важное значеніе. *Погребеніе* древнѣе сожженія, но откуда вышелъ этотъ обычай, какъ мысль человѣческая пришла къ нему, что дало ей поводъ хоронить мертвецовъ въ землѣ? Объ этомъ можно только догадываться. Если в высоко развитыя племена никогда не могутъ примириться съ мыслью о совершенномъ уничтоженіи по смерти, то тѣмъ болѣе невозможна такая мысль у племенъ юныхъ, только начинающихъ свое жизненное поприще: ихъ умъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на задачу смерти, не можетъ даже указать ближайшихъ причинъ ея, ихъ чувство не допускаетъ мысли, что съ смертью оканчиваются всѣ отношенія умершаго къ живымъ и порываются всѣ взаимныя связи ихъ; во опытъ скоро убѣждаетъ ихъ, что мертвецъ — другое существо, чѣмъ живущій: онъ измѣнился и ведетъ другой образъ жизни, ему необходимо и *другое* жилище, покойное, недоступное мірской суетѣ и волненіямъ. Такъ, естественно, безъ особой хитрой мысли, могъ возникнуть первоначальный способъ похоронъ въ землѣ; но по мѣрѣ того, какъ слагались и опредѣлялись понятія о смерти и загробномъ суще-

ствованіи души, выходили и новые погребальныя обычаи, и самый обычай погребенія въ землѣ осмыслился болѣе глубокимъ значеніемъ.

Неразгаданною останется для насъ причина возникновенія тѣхъ способовъ погребальной почести, какіе употреблялись въ язычествѣ, если мы станемъ искать ее въ отиѣченныхъ нами понятіяхъ и представленіяхъ о душѣ и посмертномъ ея существованіи: послѣднія породили множество частныхъ погребальныхъ порядковъ, но главные вышли изъ другого источника.

Что въ видимой природѣ представляло для человѣка-младенца разительный образъ жизни и смерти, что раждалось, жило и умираю предъ его глазами, что согрѣвало міръ живительной теплотой, одушевляло его дѣятельностью и трудомъ, весельемъ и радостью—во время своей жизни, что, умирая, погружало природу въ мертвенность, мракъ и холодъ; однимъ словомъ—что въ природѣ могло для первобытнаго человѣка дать первообразы практическихъ порядковъ жизни и смерти.

Это—великое свѣтло дня, «лучезарный владыка и отецъ древнихъ людей!

Множество формъ языка и поэзіи, множество древнихъ мѣзовъ свидѣтельствуютъ, что въ ежедневномъ движеніи солнца человѣкъ видѣлъ дѣлую жизнь живаго существа, подобіе своей собственной: оно *родилось*, быстро становилось *юношей*, затѣмъ—*мужемъ*, исполненнымъ силъ, постепенно *старѣю* и наконецъ—*умирало* ¹⁾). Переводя такія возрѣнія въ собственную жизнь, человѣкъ-младенецъ выразилъ ихъ рядомъ подражацій тѣмъ явленіямъ и картинамъ природы, которыми сопровождалось жизненное теченіе свѣтла и которые могли быть выражены небогатымъ запасомъ средствъ его. Представимъ теперь явленіе сол-

---

1) Нѣкоторые солнечныя иномъ объяснены М. Мюллеромъ въ его статьѣ Comparative Mythology см. его Chips from a German Workshop, I, 1867, II, p. 89—98, тамъ же превосходно опредѣлено великое значеніе солнца въ нравственной жизни первобытныхъ племенъ.

вечнаго заката или смерти солнца, вообразить природу, среди которой совершалось это величественное, поражающее зрѣлище, и мы будемъ имѣть первообразы, съ которыхъ юныя племена сняли обыкновенія погребать своихъ мертвецовъ: у племень приморскихъ *солнце*, окончивъ жизненный путь свой—*спускало и погружалось въ море*; у жителей равнинъ и горъ—оно *сожигалось и уходило въ землю или за горы*; то мѣсто на далескомъ западѣ, гдѣ скрылось оно, представлялось человѣку обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда прежде отошли его отцы, гдѣ они наслаждаются новою жизнью. . . . ; и вотъ, онъ хочетъ помочь своимъ близкимъ усопшимъ *переселиться въ это жилище и избирать тѣ-же пути и способы, какъ и великое небесное существо: онъ отправляетъ ихъ въ страну блаженства на лоды, которую иногда зажимаетъ и пускаетъ въ открытое море, онъ сожигаетъ ихъ и опускаетъ прахъ ихъ въ землю или въ земляную яру.*

Такъ, по нашему мнѣнiю, возникли важнѣйшiе способы погребальной языческой почести: *отправленiе мертвеца на лоды въ открытое море, сожженiе и похороны праха* 1).

Осматривая погребальные обычаи, какiе остались народамъ въ послѣдiе отъ эпохи общей нераздѣльной жизни, стараясь разгадать значенiе чистныхъ порядковъ въ нихъ, нельзя не прийти къ мысли, что они вышли не изъ одного источника: одинъ—опредѣлялись взглядомъ человѣка на мертвеца, какъ на живущаго, хотя живущаго вноу жизнью, другiе вышли изъ подражанiя природному явленiю смерти и похоронъ солнца, третьи образовались изъ представлений о воздушномъ образѣ души и ея посмертномъ существованiи. Была, конечно, нѣкоторая историче-

---

1) Въ подтвержденiе нашего мнѣнiя мы укажемъ еще на мифъ о концѣ мiра чрезъ мировой пожаръ, послѣ котораго очищенная земля обновляется, зеленѣетъ и начинаетъ цвѣтущее утро своей жизни: мивологи справедливо объясняютъ это представленiе, какъ снимокъ съ образа ежедневной гибели свѣтла въ пожарѣ.

ская *последовательность* въ появленіи обычаевъ, но жизнь пользовалась ими въ неразобранномъ видѣ: она не смущалась противорѣчіями, когда отовсюду была окружена разнообразіемъ колеблющихся, измѣнчивыхъ впечатлѣній, взглядовъ и представлений; потому все, что можно сказать относительно историческаго движенія погребальныхъ обычаевъ, это фактъ старшинства погребенія мертвецовъ въ землѣ.

Въ X книгѣ Ригъ-Веды находится погребальная пѣсня, которой, судя по формѣ и содержанію, не коснулась позднѣйшая брахманская передѣлка. Въ гимнѣ нѣтъ слѣдовъ обычая сожженія: говорится только о *погребеніи*. Мы изложимъ здѣсь его содержаніе, такъ какъ, устранивъ черты исключительно ведійской эпохи, его можно принять за отголосокъ древне-арійскаго обычая похоронъ въ землѣ ¹⁾.

Скончался семьянинъ, его тѣло стоитъ у *сырмой* могилы около сидятъ вдова умершаго, кругомъ—родственники и друзья. Жрецъ, совершивъ заклинаніе смерти, да удалится она своею дорогой и не оскорбляетъ живыхъ, *полагаетъ камень* между трупомъ и кругомъ живыхъ, какъ видимый знакъ границы царства жизни и смерти, котораго не смѣетъ преступить послѣдняя; потомъ произносится молитва, чтобы младшій членъ семьи не умеръ прежде старшаго, но подобно естественной смѣнѣ дней и временъ года, естественнымъ образомъ, да слѣдуетъ одинъ за другимъ. За тѣмъ слѣдовала жертва: замужнія подруги вдовы бросали жиръ въ священное пламя; по приглашенію жреца вдова выступала изъ царства смерти и вступала снова въ кругъ живыхъ, жрецъ бралъ изъ рукъ умершаго лукъ въ знакъ того, что сила и мужество не уходятъ въ могилу за усопшимъ, а продолжаютъ жить въ потомкахъ; по окончаніи этихъ религіозныхъ обрядовъ,

1) Гимнъ ничего не говоритъ объ обычаяхъ, онъ представляетъ только пѣсни, которыми они сопровождалась. Ротъ, изслѣдовавшій этотъ гимнъ въ *Zeitschrift der deutschen morgenländisch. Gesellsch.* VIII, 1854, p. 467—475, долженъ былъ реставрировать обычай; срав. также статью Штенцлера въ *Abhandlungen f. Kunde d. Morgenlandes*, I. 1865, t. IV, 1, стр. 158—160.

разрѣшивъ брачныя узы, связывавшія мертваго съ женой, тѣло бережно опускалось въ могилу съ причитаніемъ къ землѣ, да откроетъ она пространныя свои объятія, какъ мать, да приметъ этого новаго сына съ любовью и дружескимъ привѣтомъ и да будетъ ему *хорошимъ жилищемъ*. На тѣло полагали плиту и надъ нею воздвигали курганъ, но такъ, чтобы земля не стѣснила мертвеца, и весь погребальный обрядъ заключался мольбой, да найдеть тѣло усюкосеніе здѣсь въ могилѣ, а тамъ, въ царствѣ блаженныхъ—да приготовить владыка смерти (*Йма*) небесное мѣсто отшедшей душѣ.

Ведійскій гимнъ не представляетъ никакихъ частныхъ особенностей погребального обряда: не видно напр. тѣхъ предметовъ, которые полагались мертвецу въ могилу, и вообще онъ имѣетъ уже религиозно-жреческій характеръ; тѣмъ не менѣе онъ служитъ яснымъ доказательствомъ, что похороны въ землѣ въ арійскую эпоху предшествовали другимъ способамъ погребенія. Замѣчательны въ гимнѣ обозначеніе *могилы*—*grīṃtajo grīhas*—*земляной домъ* и забота, чтобы земля не стѣснила мертвеца; это указываетъ на вѣрованіе, что покойникъ продолжалъ жизнь въ могилѣ. Такое вѣрованіе дѣйствительно существовало въ глубокой древности: душу не отдѣляли отъ тѣла и, предавая погребенію мертвеца, думали, что онъ живетъ, имѣетъ нужды и потребности, которымъ и удовлетворяли тѣмъ, что въ могилу полагали одежду, обувь, домашнія орудія, яства и напитки, коней и другихъ животныхъ, слугъ и женъ: народное чувство страшилось нарушить собственность усопшаго, оно не допускало, чтобы рабъ пережилъ своего господина; впрочемъ, въ арійскую эпоху—слуги и жена не шли въ могилу за господиномъ: кажется, что такой обычай возникъ позднѣе, когда усложнились житейскія отношенія и воюскія столкновенія опредѣляли съ одной стороны—понятіе рабства, съ другой—пассивное, служебное значеніе женщины ¹⁾.

1) Варварскій обычай сожженія женъ—явленіе относительно позднѣйшее: это доказываетъ и вышеприведенный ведійскій гимнъ и существова-

Когда образовались представлѣнія о душѣ, какъ легкой, окрыленномъ существѣ, оставляющемъ тѣло и витающемъ въ воздушной облачной сферѣ, погребеніе въ землѣ, основанное на понятіи о нераздѣльности души отъ тѣла, должно было бы исчезнуть, но оно не исчезло, и какъ въ арійскую эпоху, такъ и цѣлыя тысячелѣтія потомъ — продолжало свое существованіе, приравъ въ себя новыя черты и, въ свою очередь, передавъ свои особенности погребальному обычаю сожженія. Погребали усопшаго, снабжали его земнымъ достаткомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ думали, что душа оставляетъ тѣло и только иногда прилетаетъ къ нему, въ его жилище. Кажется, однако, что не по одному преданію чрезъ всю языческую жизнь, уцѣлѣлъ обычай похоронъ въ землѣ: онъ могъ поддерживаться воззрѣніями о похоронахъ солнца (заходѣ его въ землю), о томъ, что души на облакахъ уходятъ подъ землю (т. е. скрываются на краю горизонта въ землю); наконецъ, когда древнія мифическія представлѣнія подверглись локализации и были низведены съ неба на землю — прежнее мѣстопробываніе душъ въ *воздушныхъ торахъ* также перенеслось на землю, родилось представлѣніе о *подземномъ жилищѣ тиней*, а надъ остатками усопшихъ (сожженныхъ или несожженныхъ) насыпали *высокія земныя туры*.

Можно полагать, что въ жизни арійскихъ племенъ ииѣтъ мѣсто и обычай отправления мертвеца на ладѣ въ море, по крайней мѣрѣ засвидѣтельствованное существованіе этого обычая у

племя арійскаго слова *vidhāt*, слог. *vidhā*, которое при арійскомъ единженствѣ не могло бы существовать, еслибы жена предавалась смерти вмѣстѣ съ мужемъ. Указать жену до значенія предмета собственности могла только война; кажется, что въ связи съ этимъ возникло и многоженство, ибо война нуждалась въ услугахъ многихъ рукъ, работъ или рабынь, которыя и оставались его женами. Не останавливаясь здѣсь на ииѣніи Макса Мюллера (*Chips from a German Workshop*, II, p. 34—35), который полагаетъ, что меносожженіе возникло отъ ложнаго пониманія брахманами одного стиха изъ Ригъ-Веды. Такого случая не было относительно другихъ падо-европейскихъ племенъ — и однако же, обычай сожженія женъ у нихъ существовалъ и иногда во всей своей суровой силѣ.

однихъ индо-европейскихъ племенъ и множество слѣдовъ его у другихъ даютъ нѣкоторое право предполагать его древнее, до-народное существованіе ¹⁾). Смыслъ обычая—мы уяснили выше, но здѣсь замѣтимъ, что въ жизни онъ поддерживался мифическими представленіями *неба* (воздушнаго пространства), какъ *морями* и *облаковъ*, какъ *кораблей*, плывущихъ по (воздушному) морю: мертвецовъ хоронили или сжигали въ лодкѣ, на которой они переплывали воздушное пространство и достигали вѣчнаго жилища.

Несомнѣнно, что въ арійскую эпоху существовалъ обычай сожженія тѣлъ: въ языкахъ индо-европейскихъ племенъ не мало существуетъ терминовъ для обозначенія погребенія, костра, могилы, погребальной урны, которые своимъ конкретнымъ смысломъ указываютъ на сожженіе мертвыхъ ²⁾; но гораздо болѣе слѣдовъ былаго обычая сохранилось въ свидѣтельствахъ старины и суевѣрныхъ обыкновеніяхъ. Сожженіе усопшихъ тѣмъ легче могло войти въ жизнь и стать обычаемъ, что народъ соединялъ съ понятіемъ огня смыслъ священнаго элемента, посредника между небомъ и землею (санск. *dāta* = посланникъ — постоянный эпитетъ огня); а душу представлялъ, какъ воплощеніе небснаго огня. Послѣ сожженія оставался лишь легкіе слѣды пребыванія человека на землѣ, онъ какъ бы весь переносился въ другой міръ, потому индусы ведійской эпохи звали къ огню, чтобы онъ не жегъ мертвеца, не *разрушалъ* его кожи и членовъ, а *перенесъ* бы его въ жилище отцовъ ³⁾. Далѣе, самый образъ жизни молодого племени не мало способствовалъ такому обычаю: оно,

1) О существованіи этого обычая у племенъ итальскихъ подробно говоритъ Вейнгольдъ, *Altindisches Leben*, Ver. 1856, стр. 483 и слѣд. У славянъ мы найдемъ также слѣды обычая.

2) Они исчислены Пиктетомъ. *Les Origines Indo-Européennes*, II, p. 506—514 и примечаніе въ его статьѣ *Über das Verbrennen der Leichen*. l. c. passim.

3) Pictet. *Les Origines etc...* II, p. 530; Max Müller. *Die Todtenbestattung bei d. Brahmanen*, прилож. къ *Zeitsch. d. d. Morgenl. Gesellsch.* IX, 1855, p. XIV—XV

быть-можетъ, начинало уже свое великое кочевое движеніе, ослѣдность уступала мѣсто роковымъ стремленіямъ на западъ; а при непосѣдной жизни умѣстнѣе было сожженіе, чѣмъ погребеніе въ собственномъ смыслѣ. Погребальный обычай сожженія, снятый съ природнаго явленія огненной смерти солнца и подкрѣпленный вѣрованіями о воздушныхъ огненныхъ образахъ душъ, пребывавшихъ въ надземной *прозрачной сферѣ*, также распространенъ не въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, но обставленъ частностями старшаго погребального порядка и такимъ образомъ очутился среди противорѣчій: съ покойникомъ *сожигалась* и его собственность, хотя немного нужно было наблюденія, что послѣ такого обряда мертвецъ уже не воспользуется ею; остатки сожженныхъ предметовъ полагались вмѣстѣ съ прахомъ въ могилу, мертвецу приносились покормы, хотя душа отрѣшилась огнемъ отъ плоти и не нуждалась въ матерьяльныхъ потребностяхъ. Однимъ словомъ—въ этой области народнаго благочестія, куда ни взглянемъ мы, насъ отовсюду окружаютъ противорѣчія младенческой жизни.

Много важныхъ подробностей погребальныхъ обычаевъ заключаютъ въ себѣ брахманскіе ритуалы (сутры); вовсе не думая относить къ арійской эпохѣ всего, о чемъ говорятъ они, мы представляемъ по нимъ важнѣйшія черты погребенія индусовъ съ цѣлью объяснительною, какъ пособіе, которое можетъ нанести на значеніе заглушенныхъ обычаевъ славянскаго язычества.

Обрядъ сожженія тѣла совершался не на открытомъ мѣстѣ, а въ нарочно приготовленной, вырытой могилѣ (—остатокъ болѣе древняго похороннаго обычая), которую предварительно освящали съ нѣкотораго рода религіозными обрядами, имѣвшими цѣлью прогнаніе злыхъ духовъ: ее окропляли водой съ священной *стѣм* (м. б. символъ молніи), три раза обходили костеръ слѣва направо. Трупъ мертвеца къ приготовленному костру привозили *корозы*, а позади также вели *черную корозу*, которую и убивали на могилѣ: какъ символъ *облака-тучи*, она должна была принести душу усопшаго въ горнюю обитель. Въ руки

мертвеца влагалась часть мяса, чтобы на пути онъ могъ утишить страшныхъ собакъ, сторожившихъ дорогу; когда не было мяса—въ руки давали хлѣбъ съ тою же цѣлью. Усопшаго окружали мясомъ и покрывали сверху свѣжею снятою кожею коровы (туча); если онъ былъ воинъ или охотникъ, въ его руки влагали лукъ, родственникъ или слуга бралъ оружіе обратно, натягивалъ стрѣлу и обходилъ кругомъ костра, потомъ онъ ломалъ лукъ и бросалъ обломки на костеръ. На костеръ полагали также различную утварь, которую употреблялъ при жизни усопшій: она должна была служить ему и въ будущей жизни. Костеръ зажигали и раздавалась торжественная погребальная пѣснь, да войдетъ усопшій въ свѣтлый покой блаженныхъ. Живые расстаются съ покойникомъ, проходя мимо мѣста сожженія такъ, чтобы оно оставалось на лѣвой сторонѣ (на западѣ, мѣстѣ захода солнца). Уходя, не должно оглядываться, потому что каждый изъ присутствующихъ подвергался извѣстнымъ очищеніямъ. Собраніе костей усопшаго совершалось нѣсколько времени спустя по сожженіи, ихъ очищали отъ золы, в прахъ хорошили въ могилу, недоступную водѣ; исполнители обряда уходили, не оглядываясь, и снова подвергались очищеніямъ. По истеченіи нѣкотораго времени снова совершалось очищеніе, которымъ окончительно устранялась власть смерти въ домѣ покойника; его кропили водою и на очагѣ зажигали огонь, возлѣ него разстилали кожу быка, и на нее вступали нѣкоторые родственники покойнаго, жрецъ окружалъ огонь съ четырехъ сторонъ кусками дерева и клалъ камень на землю, на сѣверъ отъ очага. За этимъ дѣйствіемъ слѣдовала жертва усопшему. Ведійскіе индусы приносили усопшему жертву каждый новый мѣсяцъ, по истеченіи же годового срока онъ пріобщался къ сонму блаженныхъ предковъ и уже вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ поминальной трапезѣ потомковъ; только ежегодно въ день его смерти ему приносилась особая жертва. Общія поминки усопшихъ совершались у жертвеннаго очага, къ нимъ приглашались всѣ предки: божественный напитокъ, покорнъ и пѣсни приносились къ нимъ огнемъ; когда онъ

пожирать жертву, никто не сомнѣвался въ присутствіи отцовъ покровителей; живые вкушали молча, не нарушая суетнымъ шумомъ сонна душъ, чтобы они могли насладиться пищею. Такія обыкновенія основывались на твердой мысли, что души усопшихъ иногда оставляютъ небесное жилище и, чувствуя потребность въ пищѣ, влекомые желаніемъ навѣстить дорогую землю и милыхъ сиротъ своихъ, прилетаютъ въ прежнія жилища и кормятся благочестивой поминкой живыхъ.

Усопшіе становились богами-покровителями потомковъ: въ ведахъ они носятъ имя *Отцовъ*, *Pitris*; божества, властвующія надъ царствомъ смерти (*Яма* и *Ями*), были первые смертные, первые люди, пришедшіе въ страну вѣчности; во множествѣ повѣрій индо-европейскихъ племенъ до сихъ поръ еще ярко свѣтитъ эта древняя апопоеза мертвыхъ: ее создало достоинство нравственной природы человѣка, которая не можетъ обойтись безъ любви, благодарности и признательности за прежніе подвиги предковъ и за тѣ вѣчныя заботы о потомкахъ, какія придавало имъ наивное вѣрованіе древняго человѣчества.

Мы отиѣтали главныя черты арійскихъ воззрѣній на существо души и ея посмертную жизнь, указали предположительно и погребальныя обычаи эпохи, первоначальную причину ихъ и тѣ подробности, съ какими встрѣчаются они въ исторически древнѣйшее время. Предъ нами проходитъ цѣлая вереница образовъ и порядковъ, колеблющихся, подъ часъ полныхъ внутренняго противорѣчія: они вполне отвѣчали нравственной природѣ юнаго человѣчества, живой, увлекаемой разнообразіемъ впечатлѣній, богатой воображеніемъ и бѣдной опытомъ и разсудкомъ; но послѣдующее время, время опыта и сознательныхъ отношеній къ жизни — постаралось ли оно упорядочить и примирить несогласія въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ, воспринятыхъ по наслѣдству отъ праотцовъ, установило ли однообразіе, постоянство и послѣдовательность погребальныхъ порядковъ? Нисколько! Дальнѣйшее движеніе жизни, вліяніе исторіи измѣнили только немногія частности старыхъ воззрѣній и обычаевъ, они осложнили ихъ по-

выми прибавками и тѣмъ еще болѣе усилили хаосъ противорѣчій: вся разница между младенческимъ и старѣющимъ язычествомъ заключалась въ томъ, что первое породило разнообразіе представленій и несовѣстныхъ обычаевъ по естественному закону жизни, второе держалось ихъ по безотчетному, суевѣрному чувству уваженія къ непонятной старинѣ; первое могло напр. одновременно и сожигать и хоронить покойниковъ въ силу того, что оба способа погребенія согласовались съ его понятіями о смерти и загробной странѣ отцовъ; второе—могло дѣлать то же по причинѣ совершенно противоположной, потому что оно не понимало ни того, ни другого погребальнаго обычая, а пользовалось ими по вѣковому преданію.

Славянскіе порядки.

Съ эпохи общей, нераздѣльной жизни племенъ до времени, когда образовалась особая *славянская* народность, прошло, быть-можетъ, не одно тысячелѣтіе; но что пережило человѣчество въ данный періодъ времени, то останется на долго еще предметомъ однихъ гаданій.

Мы минусемъ эту, недоступную для знанія, область и войдемъ въ эпоху, когда славяне начали настоящую исторію и стали извѣстны, какъ отдѣльный народъ съ отдѣльнымъ именемъ, какъ совокупная единица ближайшихъ родственниковъ, имѣющихъ «обычай свой и законъ отецъ своихъ и преданья».

Сравнивая славянскія возрѣнія на существо души и образы посмертнаго ея существованія съ тѣмъ, что отмѣчено нами въ первое время общеплеменной, арийской жизни, мы не увидимъ ни коренныхъ различій, ни слѣдовъ замѣтнаго поступательнаго движенія: только немногія частныя черты представленій указываютъ, что измѣняющая сила времени и жизненныхъ условій не оставалась праздною, что кое-гдѣ работала и мысль человѣка, по-

полюя или отвергая старыя, испоконъ вѣка шедшія воззрѣнія и порядки, но общимъ основаніемъ все же служила праотеческая старина, переходившая по наслѣдству чрезъ тысячи поколѣній.

Мы коснемся славянскихъ понятій и представленій о душѣ, смерти и загробномъ мірѣ только въ той мѣрѣ, въ какой это можетъ служить для уясненія явленій жизни дѣйствительной, погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ ¹⁾.

И для язычника-славянина понятія жизни и смерти опредѣлялись видимою природою въ ея ежедневныхъ и годовыхъ измѣненіяхъ: утро и вечеръ, весна и зима, свѣтъ и мракъ, теплота (огонь) и холодъ — вотъ обычные образы для представленія жизни и смерти человѣка: они и по сю пору бытуютъ и въ языкѣ и во многочисленныхъ повѣрьяхъ. Какъ природа начинается ежедневную жизнь свою утромъ и оканчиваетъ вечеромъ, отдѣляясь сумрачнымъ покоемъ, какъ она съ весною расцвѣтаетъ для жизни и постепенно, съ приближеніемъ зимы, теряетъ силы и погружается въ сонъ и холодъ, такъ и жизнь человѣка, по славянскимъ понятіямъ, имѣетъ свое утро и свой вечеръ и ночь, свою красную весну и свою черную зиму: при рожденіи возжигается свѣтильникъ жизни, со смертію оупъ погасаетъ, и человѣкъ отходитъ въ область черной ночи, засыпаетъ въ ней ²⁾: Крадедворская рукопись опредѣляетъ жизненный путь съ весны по мораму, т. е. съ рожденія по смерти (Zab. a Sl.), «*siž ze z ním zvečeriva*» говорятъ чехи объ умирающемъ; жизнь — бодрство-

1) Славянскія языческія представленія о душѣ уже неоднократно были предметомъ ученыхъ изслѣдованій гг. Бузлаева (О вліяніи христіанства на славянск. яз. стр. 61 и сл., Очерки народ. поэзіи I, стр. 188 слѣд.), Леонаскава (Архивъ истор. юрид. свѣдѣній о Россіи т. III, отд. 6, стр. 3—26 и въ 3 (неизд.) томѣ Поэтическихъ воззрѣній славянъ гл. XXIV) и I. Иречка (Сбор. Českého Muzea 1863, стр. 1 sq.); отсылая читателя за частностями къ этимъ почтеннымъ трудамъ, мы ограничиваемся изложеніемъ важнѣйшаго и только пополняемъ въ нихъ недосказанное.

2) См. выше пѣсню Честниръ и Влаславъ. Представленіе жизни семиминикомъ или просто свѣчой распространено у всѣхъ народовъ, оно давало поводъ ко многимъ суевѣрнымъ гаданіямъ и прибитамъ.

ваніе, свѣтъ и огонь, смерть — мракъ, холодъ и покой, старость — темнота — синонимы, славянскаго языка и постоянные образы народной поэзіи ¹⁾; но какъ природа, умирая, не уничтожается, но только облекается холоднымъ мракомъ и покоемъ, такъ и человекъ не гибнетъ ²⁾, но только отходитъ на покой, засыпаетъ сномъ ³⁾.

Безсмертіе для природы создано наблюденіемъ, безсмертіе для людей рождено чувствомъ человека, и если въ нравственной жизни и религіи славянъ должно признать существованіе опредѣленныхъ понятій, то однимъ изъ важнѣйшихъ должно было быть понятіе о будущей жизни или *безсмертіи души*: никакая другая мысль не была такою народно-психологическою необходимостью, какъ мысль безсмертія: тогда какъ одни религіозные понятія стояли на высотѣ чисто-нравственныхъ идей, доступныхъ и сознаваемыхъ немногими, а потому лишенныхъ силы общенародной необходимости и лишь случайно входившихъ въ дѣйствительность, — другія же держались въ жизни по преданію, въ образахъ безотчетнаго вѣрованія, часто заглушаго или готоваго заглухнуть, понятія о загробной жизни, вытекаая изъ неизбежнаго, постоянно дѣятельнаго закона смерти и чувства любви къ близкимъ усопшимъ, никогда не терли живаго значенія, должны были сохраняться и поддерживаться непрерывно. Мы

1) Для обозначенія перехода въ вѣчность всѣ славянскія нарѣчія употребляютъ терминъ, произведеніе отъ индо-европейскаго корня *mr̥*, *mag*, ослабленнаго иногда приставками, какъ: *sr-mr̥*, *ou-mr̥*. Первоначальное иеремное представленіе нами указано выше, оно видно и изъ запаса другихъ родственныхъ славянскихъ словъ: *mr̥-luti*, *mr̥-knuti* и т. д. Связь понятій смерти съ голодомъ и мракомъ довольно обстоятельно изслѣдована г. Потебней въ его сочин. О вѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. X. 1860, стр. 86, 83 и слѣд.

2) Идея конечнаго уничтоженія, кажется, была чужда языческому міру: славянскія слова *ubъamъ*, *ubъumъ* = *почивать*, судя по другимъ терминамъ одного происхожденія: *ubъamъ*, *ubъumъ*, обозначали только упадокъ, склоненіе (солица и) жизни человека: равнымъ образомъ то же значеніе имѣетъ глаголъ *ubъamъ*, *ubъumъ*.

3) Отсюда имена покойника, усопшія = мертвецъ.

не хотимъ сказать, что каждое отдѣльное представленіе, каждый обычай, относившійся къ области понятія безсмертія и загробнаго существованія, всегда имѣлъ ясный и опредѣленный смыслъ для язычника - славянина, имѣть — традиціонная безотчетность господствовала и здѣсь, какъ въ представленіяхъ, такъ и въ обрядахъ; но въ основаніи ихъ лежало твердое, почти догматическое понятіе о безсмертіи, и когда послы кн. Игоря скрѣпили свой мирный договоръ съ греками религіозно-юридическою клятвою, что нарушители его «да будутъ раби въ сѣ вѣкъ и въ будущій», они говорили совершенно въ духѣ славянскаго язычества; когда вонны Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона, не надѣясь на спасеніе, предавали сами себя смерти, они вѣрили, что чрезъ это избѣгнуть позорной повинности быть рабами своихъ побѣдителей на томъ свѣтѣ [*ἐκ τῶν σωματικῶν διακρίσει τῶν ψυχῶν ἐν ἄδου τοῖς ἀδύνατοις ὑπερτίειν*]; когда, напротивъ, Титмаръ приписываетъ славянамъ (балтійскимъ) понятіе, что съ временною смертію оканчивается все бытіе человека, онъ говоритъ, какъ христіанинъ, искавшій въ язычествѣ христіанскаго догмата воскресенія мертвыхъ.

Ни въ какую эпоху славянскаго язычества мы не можемъ предположить присутствія мысли о совершенномъ уничтоженіи за гробомъ, иначе пришлось бы не только отвергнуть всѣ показанія древности, но и отказать славянскому племени въ существенныхъ человѣческихъ потребностяхъ, въ обычныхъ путяхъ нравственнаго развитія.

Во всемъ организмѣ славянской рѣчи, въ ея мелкихъ развитленіяхъ присутствуетъ слово *душа* съ существительнымъ, конкретнымъ смысломъ предмета *материальнаго, отдѣльнаго отъ тѣла*. Слово идетъ отъ древне-арійскаго корня *dm* —¹⁾

1) Глаголы дѣла дѣла идутъ отъ другого, хотя по значенію родственнаго, корня *dam*. Подробное перечисленіе родственныхъ индо-европейскихъ словъ читатель найдетъ у Дю-Ройе: *Lexicon Comparat.* II, 617—618, а лингвистическій разборъ у Пота: *Wurzel-Wörterbuch d. Ind. g. Spr.* II (1867), p. 1072 sq.

agitare: посредствомъ образовательнаго суффикса *я* происходить *дуза*, въ женской (предполагаемой) формѣ—*духъа* и отсюда, съ перемѣной гортанной въ шипящую, — *душа* = слово въ слово *движущая* (ся?), *летящая*; въ древне-славянскомъ языкѣ слово имѣетъ конкретный смыслъ *дыханія, жизненнаго отвѣта*—*квоу*, *halitus* и отвлеченное *ψυχή*; во всѣхъ прочихъ нарѣчійхъ слово удержало матеріальный смыслъ преимущественно въ тѣхъ выраженіяхъ, которыми живописуется кончина жизни: *человѣкъ испускаетъ духъ, выпускаетъ, отдастъ душу, душа выходитъ, улетаетъ, выскакиваетъ изъ тѣла, положитъ душу, души шурри-дйи, души па жазуки, па рудки тѣли, душу брать съ бѣлыхъ грудей, душа въ него вступила* (—оживъ см. П. С. рус. Л. I, 111), *у меня душа не на мьсть*¹⁾ и т. д.; въ Краледворской рукописи молотъ *Забоя выбилъ* (*wugazi*) душу у *Людека* и занесъ ее на пять ступней въ войско, въ другомъ изъ стихотвореній ея: *душу юноши также выбиваетъ изъ тѣла молотъ врага* (*Jelen*). Такія выраженія были бы невозможны, еслибы съ понятіемъ души не соединялся матеріальный образъ, и простой народъ до сихъ поръ воображаетъ душу, какъ существо, которое можетъ гдѣ-нибудь сѣсть или стать, за что-нибудь ухватиться, которое можетъ имѣть нужду въ пищѣ и питьѣ²⁾.

Образы, въ какихъ славяне-язычники представляли себѣ душу усопшаго—тѣ же, какіе мы указали въ арійской старинѣ: *душа*—*дыханіе, «дымецъ малъ», отвѣтъ* и согласно съ этимъ—*леткое, крылатое существо*: въ сербской народной поэзіи постоянный эпитетъ души—*леткая, лака душа* (въ пѣсняхъ: «то изустя, лаку душу пусти»); по сербскимъ повѣрьямъ есть люди, изъ которыхъ во время сна выходитъ духъ—*отдоюня*³⁾ и летаетъ по горамъ, ломая деревья и метая камни; въ Краледворской ру-

1) См. Словари Востокова, Юнгмана, Линде и Дали *sub voce*.

2) Пречекъ въ *Savaria Musea kt. Serb.* 1863, р. 4—5.

3) В. С. Караджичъ. *Живот и обичаји народа српскога*. В. 1867, стр. 215 *ад. Рјечник а. ч.*

копсы (см. выше) души убитых летаютъ по деревьямъ, душа Власлава также вылетѣла на дерево; въ чешской Александрѣ души навшихъ въ битвѣ летѣли густо, какъ распущенное стадо; въ произведеніяхъ славянской народной поэзіи и преданіяхъ—представленія летящихъ душъ очень обыкновенны †. При такомъ возрѣніи естественно представить душу иницию, мотылькомъ или бабочкою: по сербскимъ повѣрьямъ душа овицы вылетаетъ изъ нея и становится лепиромъ (мотылькомъ) или курицей²⁾; въ Ярославской губерніи душечкой называется денная бабочка; по болгарскимъ повѣрьямъ—душа, по выходѣ изъ тѣла, летитъ въ видѣ бабочки или иницики и садится на ближайшее дерево³⁾. Душа человѣка—существо небольшое и, подобно птицѣ—женскаго рода: всѣ славянскія нарѣчія преимущественно любятъ называть ее уменьшительными именами: душики, душицы, душмчки, она невѣдима для глазъ смертнаго, ее видятъ только птицы и звѣри (Крал. ркп.), какъ существа ей сродственные по природѣ. Слѣдуя древнимъ, проточескимъ возрѣніямъ, и славянскія повѣрья представляютъ душу усопшаго въ видѣ огня или огненнаго существа (—молвіи): по русскому преданію—если женщина сильно будетъ убиваться по умершемъ, то онъ станетъ летать къ ней въ видѣ огненной змѣи; бѣлоруссы называютъ блуждающіе огоньки одноименными малютками; представленіе душъ въ видѣ блуждающихъ огней распространено въ повѣрьяхъ лужичанъ, чеховъ и русскихъ⁴⁾; еще обычае у славянъ представленіе души въ

† Иречекъ въ Саворія, I, с. 6.

2) В. С. Караджид. Жизнь etc., 211.

3) Сообщено Л. Каравеловичемъ.

4) Ст. Аристова въ Духъ Христіанна, 1861—2, Дек. стр. 269. Аванасьева: Поэтич. возрѣніа славянъ на природу, т. III, гл. XXIV; Лужичане называютъ блуждающія души—*błudniki*, *błudne swięteki*. Haupt-Smolek Průzicki vesak. I. II. L. 1843, p. 268. Раймачъ въ Lausitzische Monatschrift 1797, II, p. 747; мат. Кралеука (Staročecke pověsti etc. P. 1851, III, p. 26 not.) называетъ блуждающимъ образомъ суевѣрный взглядъ чеховъ на существо душъ: каждый

образѣ *звѣзды*—*небесной свѣчи*: звѣзда падаетъ—человѣкъ умираетъ на землѣ, *свѣча* чья-нибудь *поисла*» (—кто-нибудь умеръ) говорятъ приморскіе сербы, когда звѣзда катится по небу и гаснетъ ¹⁾. Это повѣрье было когда-то общераспространеннымъ въ славянскомъ язычествѣ и связывалось съ вѣрованіемъ въ дѣвъ судьбы, *Роженницъ* или *Судичекъ*, назначающихъ человѣку его долю.

Многочисленные повѣрья указываютъ, что славянинъ-язычникъ поставялъ свои представленія о душѣ въ ближайшую связь и съ растительною природою: деревьями и цвѣтами, въ которые переходили или превращались души умершихъ и живыхъ людей: народная славянская поэзія и донынѣ полна образами такихъ превращеній въ звѣрей, птицъ и растенія ²⁾; но это—не метем-

---

человѣкъ, говорятъ, вѣтеть на небѣ свою опредѣленную *звѣзду*, и когда придетъ конецъ ея (*чеберъ*), она слетаетъ на землю, а человѣкъ умираетъ и отправляется въ горнюю область. Его жизнь подобна *юрящей свѣчи*: на землѣ гаснетъ, а на небѣ зажигается, душа должна оставить тѣло на землѣ и отлетѣть на небеса въ образѣ *пчелки* или *юлубки*; потому, говорятъ, по заходѣ солнца, когда стихнетъ церковный звонъ, на кладбищахъ летаютъ огненные души, какъ голуби: онѣ разлучаются съ живыми. Говорятъ также, что блудящіе огоньки (*avětulka, bludičku*) суть души усопшихъ некрещенныхъ дѣтей: они должны вынести здѣсь покаяніе, прежде чѣмъ взойдутъ на небо. Cf. Grimm. Deutsch. Myth. (1834), p. 869. Представленіе души въ образѣ *пчелки* (=огненной) см. у Grohmann'a *Apollo Smintheus*. Pr. 1862, p. 20—2. *Ejusdem*, *Sagenbuch aus Böhmen*, P. 1863, p. 232, cf. выше (у Кадзубка).

1) Arkiv za povjestnicu jugoslaven. Z. 1863 t. VII, p. 274. Grohmann. Aberglauben aus Böhmen etc... P. 1864, p. 31. Шпановъ. Очерки народного міросозерцанія. М. М. Пар. Просв. 1863 г. № 7, стр. 20 sq. По болгарскому повѣрью звѣзда рождается и умираетъ вѣтеть съ человѣкомъ, чтобы убить человѣка; вѣщицы обнимаютъ его звѣзду, снимаютъ ее на землю и гасятъ въ колодцѣ. Сооб. Л. Каравеловъ.

2) Факты объ этомъ изъ чешскихъ пѣсенъ собраны у Иречка, *Slovoriz čes. M.* 1863, 8—10, изъ малорусскихъ—у г. Костомарова въ его соч. Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. X. 1843, стр. 42—69 и Славянская мифологія. Кіевъ, 1847, стр. 64—70; Справ. Сушиль: *Metavaké národní písně*. 1860, p. 99, 116, 149, 137, 394, *Метамискіи*: Южно-русскія пѣсни, стр. 266—7, 290 sq. et passim, Младшиновичи: *Бугарски народни пѣсни*. Б. 1861, стр. 140; Valjavec: *Narodne pripoviedke*. 1858, стр. 15—16, сербскія повѣрья у Вука Стефановича: *Живот и обичаје etc...* p. 224 и въ пѣсняхъ и сказкахъ Пришвинѣтко... № 32.

психозъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, а зародыши его, которые остановились на первомъ возрастѣ и не сложились въ систему. Основаніемъ для мысли о переходѣ душъ въ міръ животныхъ и растений послужило столько же младенческое наблюдение надъ жизнью природы, умомъ и инстинктомъ животныхъ, сколько вѣрованіе, что оставляя тѣло, душа человѣка переселялась въ горнюю воздушную область, гдѣ и облакалась въ фантастическіе образы небесныхъ звѣрей, птицъ и растений.

Наконецъ отмѣтимъ и антропоморфическія представленія души: они столь же обычны въ славянскомъ язычествѣ, какъ представленія стихійныя, зооморфическія: полагая душу небольшоимъ существомъ, естественно представить ее въ образѣ небольшого ребенка или карлика, таковы напр. малорусскія *мамки*, лужицкіе *людки*, чешскіе — *шетки* (*šetek* cf. *Mater Verborum*), кашубскіе — *кроснята* и т. д.; о нихъ мы еще будемъ имѣть поводъ говорить впоследствии ¹⁾.

По понятіямъ славянъ душа пребывала во время жизни человѣка въ его *грудѣ* или *горлѣ*, выходила же устами, отсюда въ древне-славянскомъ языкѣ горло иногда называется *душиникъ* ²⁾, а въ русскомъ — именемъ *души* кое гдѣ обозначается ямочка на шеѣ, надъ грудною костью, гдѣ именно, по мнѣнію народа, живетъ душа (Даль. Т. Сл. в. ч.); въ Краледворской рукописи мы находимъ нѣсколько мѣстъ, доказывающихъ это воззрѣніе: «*wujde duša* (Власлава) *z řwucej huby, wuletě na drwo . . . , uderi* (врагъ) *těžnym mlatem w prsy . . . wyrazi z junose duša, dušicu, sie wuletě pěknym táhlym hrdlem, z hrdla krásnума rтoma* (Jelen); въ Словѣ о Полку Игоревѣ о Ярославѣ говорится, что онъ «изрони жемчужную душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожже-

1) Въ дополненіе ко всему этому укажемъ, что народныя понятія связываютъ существо души съ тѣломъ (за тѣломъ слѣдуетъ тѣнь—душа, человѣкъ безъ тѣни—не имѣетъ и души) и лѣномъ, въ которомъ заключенъ зародышъ жизни. Последнее встрѣчается преимущественно въ сказкахъ.

2) Miklosich. *Lexicon palaeoslov. sub voce*, Описание рик. Синод. библ. т. III (М. 1859), стр. 460.

релье; въ связи съ этимъ понятіемъ образовались и вышеприведенныя выраженія: «смиѣть душу на языкѣ или на губахъ».

Представляя душу въ стихійныхъ образахъ вѣтра, огня и звѣзды, въ звѣриныхъ формахъ крылатой птицы, летучаго насекомага или небеснаго животнаго, славянинъ-язычникъ не отступилъ отъ праотеческихъ воззрѣній и въ своихъ понятіяхъ о мѣстѣ дѣйствія и пребыванія душъ, разлучившихся съ тѣломъ: онѣ отлетали въ сферу надземную, воздушную; но прежде чѣмъ войти въ подробности этого предмета, необходимо коснуться понятій о смерти и переходѣ въ вѣчность.

Несмотря на твердость вѣры въ загробное существованіе, славянинъ соединялъ съ понятіемъ Смерти тяжелыя, нерадостныя представленія: въ его народной поэзіи Смерть никогда не является въ свѣтломъ, успокоительномъ образѣ; напротивъ—она представляеть постыдный и единственный трагическій мотивъ ея; такимъ характеромъ запечатлѣны напр. обычныя поэтическія уподобленія Смерти—брачному обряду, смертнаго одра—брачному ложу, новоселья могилы—новому супружескому хозяйству¹⁾: ихъ создало не одно вѣтшнее сходство понятій, но и глубокое скорбное чувство внутренней противоположности. Въ жизни практической Смерть знаменуется губительнымъ вліяніемъ: до чего коснулась рука ея, то несетъ за собою слѣды гибели и потому требуетъ уничтоженія или очищенія. Такая мысль о разрушительномъ, тлетворномъ вліяніи Смерти создала много готѣрій; она отразилась, какъ увидимъ, и въ погребальныхъ обыкновеніяхъ.

Смерть, а равно и болѣзнь, по понятіямъ славянъ, насылались невѣдомою силою или божествомъ, «од бога од старого кривника»²⁾; сообразно этому взгляду Смерть и болѣзнь олицет-

1) См. напр. Метавискиѣ. Южно-русскія пѣсни, Киевъ 1854, стр. 19, 424, 448; В. С. Караджичъ. С. Н. Пѣсню 1, № 660, II, № 9.

2) Почему болѣзнь носить слѣдующія наименованія: *боже рука*—первый ударъ, *боже рана*—моръ, *повѣтріе*; *божей бичъ* или *божья мочъ*—падучка, *божие—оспа*. Bernhardi. Bausteine z. Slav. Mythol. в. Jordan's Slavische Jahrbücher. 1842, № 5, стр. 342. Когда кто подвергся удару, лужичане говорятъ: «его коснулась *божья рука*».

ворались въ страшныхъ образахъ демоническихъ старухъ (Морена, Мара, Мораја, Куга, Смертница и т. д.), которыми предвѣщаютъ кончину человѣка, или же сами поражаютъ его смертнымъ ударомъ: какъ ни сильна была вѣра въ будущую жизнь, она не устраняла трепета предъ ея тайной, и если въ славянскихъ нарѣчіяхъ существуетъ много ласкательныхъ наименований Смерти ¹⁾, то они выражаютъ не естественное чувство любви къ этой страшной гостьѣ, а желаніе наружнымъ привѣтомъ спускать ея расположеніе и отвратить грозящіе удары. Вообще, кончина человѣка представлялась живому чувству азычника—борьбой или битвой между Жизнью и Смертью; послѣдняя какъ бы съ боя отымаешь дорогой даръ земнаго бытія, котораго никто не уступаетъ безирекословно; отсюда вышло олицетвореніе Смерти грознымъ воинственнымъ существомъ, оно является внезапно и пресѣкаетъ нить жизни ²⁾.

Смерть полагаетъ предѣлъ земной жизни человѣка, она разрѣшаетъ, развязываетъ узелъ или нить существованія, и кажется, что слова: *кончина*, *судъ* и *судьба*, употребляющіяся въ языкѣ для обозначенія смерти, имѣли въ старину именно такое, а не иное знаменованіе: конъ (позд. чинъ) = *отрѣзанный* предѣлъ, *кончина*—отрѣзанная нить жизни, *судъ же и судьба*—*развязка, разрѣшеніе, раслѣпленіе*; позднѣе эти термины получаютъ уже болѣе отвлеченный смыслъ ³⁾.

1) Русскія: *смертница*, *смертушка*; чешско-моравскія: *mila smrti*, *mila smrtnicko*, *mila stámeno*, *skanbo*.

2) Въ сербскомъ яз. предсмертная агонія живописуется *борьбой съ душою*. Цѣсно, II, р. 118, ver. 260, р. 188, ver. 63—4. Олицетворенія Смерти въ образѣ старца или косара—верѣдки въ славянскихъ сказкахъ и преданіяхъ.

3) Польск. *koniec*, *konanie*—умирать, чеш. рус. слов. *кончина*—смерть и предѣлъ какой-нибудь земли, новгор. *конецъ*. Судъ пришелъ на него—смерть пришла (П. С. р. Л. I. 63); Судъ божій (=смерть) не минути, на Судъ привести—въ Сл. о П. Игоревѣ; не къ Суду пришло—не къ смерти (Рыб. пѣсни, III, 27, 31). Первоначальное этимологическое значеніе слова *судъ* явствуетъ изъ родственныхъ иѣмецкихъ: готск. *Sindro*, дрв. в.-н. *Sintari*, нѣмѣш. *sondern*, древне-сѣвер. *Syndra*=divisare, discerere, отдѣлять, развязывать, разрѣшать (узлы?); значеніе же слова *кон* ясно и изъ славянскаго запаса: по-чинъ, о-чинять, кончатый—и т. д. Корень будетъ *Кан*—колотъ, рѣзаетъ, прекращать существованіе.

Со смертію душа отправляется въ иную, далекую область, потому переходъ въ вѣчность, какъ въ старину, такъ и нынѣ, обозначается описательнымъ выраженіемъ *далекаго пути*: въ этомъ смыслѣ говорилъ Владимиръ Мономахъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ «на далечи пути» (Лавр. 100); по малорус. поговоркѣ: Смерть—неминующая *дорога*, рус. област. (арх.) *смеранствовати* значить *хворати*, *удорожити* = довести кого-нибудь побоями до смерти, въ сербскомъ причитаніи къ мертвому обращаются съ вопросомъ: не леш господаре, на томъ тамо *путу далекоме* оклепо се никадъ не долази»; словницы также причитають надъ умершимъ отцомъ: «на *dalek mi ti put ode s kog te neću dopogledati*, въ чешскомъ: «на *daleku cestu se strojiti*» = умирать, *душа на пути* = человекъ умираетъ¹⁾. Смерть уносила усопшихъ въ страну отцовъ: въ пѣснѣ о Забоѣ два раза упоминается объ *отшествіи* къ *отцамъ* въ смыслѣ смерти («*Otčik zaide k otcemъ*» в. 26; «*i trideset ich otide k otcemъ*» в. 188); равносильное этому выраженіе встрѣчаемъ и въ «Повѣсти врем. л.»: *приблизжитися* или *приложитися* ко *отцемъ* и *дѣдомъ* (Лав. 93, 185), и въ нынѣшнемъ чешскомъ: «*k velikemu hejmi se pŕi-dražitĭ*».

Для обозначенія человека, постигнутаго судьбою, умершаго, славянскія нарѣчія преимущественно употребляютъ термины, произведенные отъ корня *mrĭ* (zap. *mrĭta*—*mortuus*): *мрътваз*, — *ѡца*, *мрътвы*, слов. *mertew*, серб. *mrtaв*, чеш. *mrtv*, — *в с*, — *ола*, *mrcha*, пол. *martwy* и т. д., что этимологически значить недвижный, окоченый, холодный²⁾; *далѣ*, — *покойникъ*, *усопшій*, значеніе которыхъ пояснено нами выше; *мръуз*, — *іе* собственно убитый, отъ корня *trup ferire, occidere*; въ нв. болгарскомъ слово до сихъ поръ бытуеть въ древнемъ знаменованіи погнб-

1) В. С. Караджичъ. Ковчезахъ за историју, језик и обичаје Срба. В. 1849, р. 108, Arhiv za povjestnicu jugoslav. II, 2, стр. 363. Celakovsky. Madroslovi naroda slovanskeho. P. 1852, p. 586.

2) Срав. въ Киевск. лѣтописи (II. С. р. II, стр. 181) *сузавша Игоря въ руку и уиръташа шющо его*.

шаго исключительно насильственной смертью, въ другихъ же нарѣчіяхъ — со значеніемъ вообще мертваго; смерть, стерво — въ высшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ униженномъ смыслѣ дохлаго животнаго, въ древне-славянскомъ для обозначенія трупа — *cadaver*; вѣроятно въ древности терминъ относился и къ человѣку, какъ показываетъ русское *стербнуть* — терпнуть, замирать и родственное др. вер.-нѣм. *sterban, sterben*; но первоначальный смыслъ его темень; въ польскомъ употребляется еще слово *zwłoki* (свѣзъкы), равносильное русскому *останки*, какъ будто бы внѣшняя одежда, оставленная отлетѣвшей душой¹⁾. Замѣчательно то *нравственное* наименованіе, которое даетъ русскій народъ своимъ покойникамъ: онъ называетъ ихъ *родителями* безъ различія возраста, какъ бы въ той мысли, что всякій умершій становится предкомъ-покровителемъ своей семьи или рода-племени. О значеніи слова *могилы* мы имѣли поводъ говорить выше.

Понятіе о матеріальномъ существѣ души человѣка условливаетъ необходимость другаго понятія, о загробномъ ея существованіи, и у славянъ-язычниковъ оно выражалось съ тѣмъ разнообразіемъ и съ тѣми же противорѣчіями, какъ и у ихъ арійскихъ праотцовъ: вѣря, что покойникъ *продолжаетъ жизнь* въ гробѣ, они тѣмъ не менѣе — отдѣляли существованіе души отъ тѣла и назначали особую область для ея пребыванія и дѣйствія.

Слѣды древней вѣры въ матеріальную жизнь мертвецовъ ясно видны изъ многихъ произведеній славянской народной поэзіи: отвѣчая на призывы родственнаго чувства или необходимости, усопшіе часто прерываютъ свой могильный сонъ и выходятъ изъ жилищъ, или подають свой голосъ, чтобы попросить живыхъ о какой-либо услугѣ и дать имъ наставленіе; особенно трогательны въ такомъ положеніи образы матери, оставившей свроть, и разлученныхъ любовниковъ: народное чувство иногда

1) Терминъ *насе* — объясняется ниже.

любить возвращать ихъ къ прежнимъ минутамъ земнаго бытія, земныхъ привязанностей и сладкихъ заботъ; на такомъ вѣрованіи основанъ обычай вызыванія душъ усопшихъ, который мы замѣтили у Козьмы Пражскаго. Могила— жилище усопшаго ¹⁾, но мрачное и безрадостное: сырая земля и камень валегли на сердце, руки и ноги замерли, глаза сомкнулись — вотъ образы, какими обыкновенно рисуетъ мертвецъ свою жизнь въ отвѣтъ на земные призывы, онъ не можетъ подняться и принять участіе въ горѣ или радостяхъ своихъ близкихъ. Еще яснѣе раскроется намъ вѣрованіе въ посмертную жизнь усопшихъ при разсмотрѣніи обыкновенной, сопровождавшихъ ихъ погребеніе и поминки.

Рядомъ съ этимъ, первобытнымъ и грубымъ, представленіемъ было и другое, по которому душа, существо воздушное, вѣтеръ, птица или огонь, оставляетъ тѣло и отлетаетъ въ воздушную область: выше мы имѣли уже поводъ отмѣтить чешское выраженіе: *души на зеленомъ луку пасутъ* (или пасутся?) *мѣтушкоузъ*, и объяснили его въ смыслѣ грозовой воздушной сферы, гдѣ пребываютъ души усопшихъ; другія чешскія выраженія, обозначающія кончину, указываютъ на то же самое представленіе: душа «съ дикими тусями (множественное обозначеніе плывущаго облака) свѣтъ стережетъ», она «съ *Мелюзинной* (литературное замѣненіе древней *облачной бѣлой дѣвы* или *облака*) *солъ лижетъ*» ²⁾. Когда Краледворская рукопись говоритъ о *черной ночи*, въ которую Морана усыпила (или прогнала) Власлава, то здѣсь можно разумѣть не простое, описательное обозначеніе смерти, а донесенный языкомъ отголосокъ древняго мифическаго представленія о покрытой облаками, туманной странѣ

1) Отчего гробъ и называется *домомъ*, *домовищемъ*, *домовиномъ*; итти *домой* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русской земли значить умереть, см. Буславъ: письмо къ пр. Соловьеву, приложенное при первомъ изданіи 2-го т. *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, стр. 20.

2) Grohmann. *Aberglauben aus Böhmen*. P. 1864, p. 234; Nauš. *Dějiny lidu českého Slovanův*, P. 1860, p. 4.

усопших; равнымъ образомъ эпическій мотивъ души, которая *порхаетъ по деревьямъ*—въ древности могъ имѣть болѣе широкій смыслъ пребыванія души въ сферѣ воздушной, на небесныхъ *деревьяхъ* (облакахъ); народные повѣрья, подъ вліяніемъ локализациі, представляютъ новорожденныхъ младенцовъ сидящими на деревьяхъ ¹⁾, на вѣтвяхъ играютъ и Мавки-Русалки, которыя первоначально были облачными олицетвореніями душъ усопшихъ, впоследствии же получили значеніе *рѣчными* и *лесными* существъ. Понимая облака, какъ небесныя *юры*, фантазія помѣшала въ нихъ и души усопшихъ: по преданіямъ многихъ славянскихъ племенъ—Мавки, Вилы, Людки, Кроснята, эти поэтическія олицетворенія душъ, живутъ въ горахъ или въ горныхъ пещерахъ, въ горы же уходятъ и богатыри русскіе при своей гибели ²⁾; въ моравской пѣснѣ о судномъ днѣ—испуганныя души усопшихъ садятся на *юры*, прося ихъ *ослажить* сердечко въ нихъ ³⁾. Вообще, въ поэтическихъ преданіяхъ славянскаго язычества, какъ и въ преданіяхъ другихъ родственныхъ племенъ, почти нѣтъ такихъ образовъ, которые, олицетворяя явленія воздушной природы, не связывались бы, прямо или косвенно, съ представленіями душъ усопшихъ и не принимали бы въ себя ихъ особенностей; населивъ воздушную сферу душами, язычникъ заставлялъ ихъ раздѣлять судьбу природы: онѣ воплощаются въ ея образы и дѣйствуютъ, какъ элементарные духи огня, вѣтра, тучъ и т. д.

Но какъ разнообразіе природной жизни отражалось въ умѣ и фантазіи человѣка-младенца измѣнчивымъ разнообразіемъ пред-

1) Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи о новорожденныхъ младенцахъ говорятъ, что они найдены сидящими на *деревьяхъ*. Ср. Иречекъ въ *Саворіѣ*. I. с. р. 4—5. Индо-европейское происхожденіе этого представленія прекрасно объяснено Куномъ въ его соч. *Herabkunft des Feuers*. В. 1859, р. 70, 235 и смъ же: *Sagen, Gebräuche etc. aus Westfalen*. I, 1859, р. 240—1.

2) L. Stiernienski. *Podania, Legendy*. P. 1845, р. 123—4; Wahylewič въ *Саворіѣ* ісак. М. 189, р. 59; Arkiv za pov. Jugoslav. I (1861), р. 90 sq.; Гильфердингъ въ *Этнографическомъ Сборникѣ*. V (1862), 149.

3) Sušil. *Moravske národní písně*. 1858, р. 42.

ставленій, такъ и судьба міра усопшихъ и мѣсто ихъ пребыванія не имѣли въ его понятіяхъ строго опредѣленнаго, установившагося характера. Страна усопшихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ носитъ названія: *рая*, *наом* и *яекла*.

Этимологія слова *рая* указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень *гај*, отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употребляется въ Ведахъ ¹⁾, и преданія славянскаго язычества подтверждаютъ это знаменованіе. *Рай*, *Ирій*, *Вырій* †, по преданіямъ чеховъ и хорутанъ, былъ жилищемъ Солнца = Хорса, Кърта ††; оно лежитъ за моремъ (воздушнымъ) или среди моря на твердомъ островѣ (рус. Буяніѣ); сюда отходитъ Солнце, окончивъ свое дневное шествіе, здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтеть вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы и улетаютъ птицы, здѣсь хранятся сімена, приносимыя на землю, здѣсь же обитаютъ души предковъ и души людей, еще не рожденныхъ. По нѣкоторымъ преданіямъ это блаженное жилище душъ находится на высокой *стеклянной* или *железной* горѣ (образъ свѣтлаго облака или голубого небеснаго свода) и представляется зеленымъ лугомъ или цвѣтущимъ садомъ, полнымъ блаженства и обилія ²⁾.

1) Обстоятельное изслѣдованіе о значеніи этого индигического корня можно найти въ статьѣ М. Maller'a въ *Zeitschrift für vergl. Sprachforsch.* t. XII (1862) pag. 27—30.

† *Ирій* и *Вырій* только нѣмъ индигистическія формы слова *рая*, прямо происшедшія отъ того же корня, только въ иной формѣ *arj*. Салскр. *soarum* рай, небо не безъ основанія можно относить сюда же: *arj*—прекрасно-свѣтлое небо.

†† Ст. г. Срезневскаго: Объ обожаніи солнца у др. славянъ. Ж. М. Нар. Просв. 1846 № 7, стр. 80.

2) Срав. выше, стр. 77. Срезневскій. I. с. р. 43; Аомакаевъ. Времен. Общ. ист. и древн. к. 9 (1851), стр. 11 слѣд.; Шейковскій. Бытъ Подольскъ. К. 1860, II, 24. Срав. также новгородское преданіе о земномъ раѣ на высокой горѣ, окруженномъ свѣтомъ *самосіяннымъ* и исполненнымъ ликованія, въ Сое. Временникѣ, I, М. 1820, стр. 330 (посл. арх. Василія къ Федору).

То же представление соединялось, вѣроятно, и съ понятіемъ *наем*: въ старинныхъ памятникахъ славянской письменности (древне-славянскихъ, русскихъ и чешскихъ) это слово нерѣдко употребляется для обозначенія страны усопшихъ, *наем*, *наемь* = мертвецъ, пришлецъ съ того свѣта, *унаемити* = умертвить ¹⁾; древній корень слова до сихъ поръ остается гадателемъ ²⁾, но, кажется, онъ долженъ былъ обозначать представление воздушнаго моря: на это указываетъ лингвистическое сходство *наем* съ родств. *nāva*, *vno*, *navis* = корабль и съ корнемъ *пар*, откуда лат. *Ner-tānu-s* и *nimb-u-s* = облако. Облачное пребываніе усопшихъ видно и изъ того, что въ чешскомъ *Велесова* (бога тучепокровителя) страна помѣщается *за моремъ* ³⁾; народные пословицы говорятъ о покойникахъ, что они находятся по той *сторонѣ рѣки или моря* (мр. по темъ боцѣ); въ малорус. пѣснѣ дѣвушка проситъ Ангела понести «до батенька (умершаго) по морю» и принести отъ него вѣсти ⁴⁾. Потому—нельзя сомнѣваться, что мѣсто-пребываніемъ душъ усопшихъ, по народнымъ понятіямъ, была сфера воздушная, солнечная и облачная страны. При полной жизни и веселіи природы и жизнь предковъ представлялась уму славянина-язычника—радостною, но когда мрачныя тучи облегли небо, онъ приходилъ къ мысли о мукахъ, которыя терпятъ

1) Востоковъ и Miklosich—Словари н.-сл. яз. *sub voce naem*; Jungmann: *Slowak sub. v. naem, naemiti*; Далъ. Тлж. Сл. п. сл. *naem*. Въ н. болгар. *naem* = пѣща, въ которую обращаются умершіе дѣти.

2) Такимъ корнемъ во всякомъ случаѣ нельзя признать *nae* или др. *naem* *vesage*, cf. *vāks*, какъ принимаютъ первые европейскіе лингвисты (Боннъ, Поттъ, Кунъ, Курциусъ и др.), ибо тогда будетъ необыкновеннымъ переходъ *и-с* въ гот. и в. слав. *и*; нѣтъ причинъ также считать славянское слово заимствованнымъ отъ готск. (Miklosich. *Fremdwörter in d. Slavisch. Spr.* p. 41). Превосходную лингвистическую критику всѣхъ доселѣ бывшихъ мнѣній представилъ Гаттава въ статьѣ «*Růvod gotského naem a slovaakého naem* въ журн. *Krok*, 1864, pag. 166—172, 211—214. Авторъ производитъ слово отъ корня *na*, что и совершенно вѣрно относительно славянской области, но въ арійскомъ значеніи этого корня не согласуется съ понятіемъ слав.-готск. *naem*.

3) Jungmann. *Slowak*. V, p. 57.

4) Сементовскій. О праздникахъ у Малоросіянъ, въ Мандрѣ, 1848, т. XI, к. 21-ая, стр. 63.

души и отсюда, кажется, возникло понятіе о сумрачной странѣ (черной ночи) усоншихъ и о пеклѣ.

Лишениымъ основанія, кажется, должно признать мнѣніе тѣхъ славянствовъ¹⁾, которые приписываютъ слову *некло* — чужеземное, нѣмецкое † происхождение: противъ этого говорятъ и индо-европейская древность корня и широкое распространеніе термина почти у всѣхъ славянскихъ племенъ ††. Слѣдую лингвистическимъ указаніямъ, позволительно думать, что слово *некло* въ далекой языческой старинѣ не имѣло того исключительнаго смысла мѣста загробной муки, съ какимъ оно является въ преданіяхъ и суевѣріяхъ: корень *рак* (сан. раѣ.) обозначалъ просто дѣйствіе небесной теплоты, солнечныхъ лучей, небснаго огня. *Пекло* = область горящая, гдѣ дѣйствуетъ небесная теплота и огонь; нетвердыя понятія древнихъ язычниковъ могли помѣщать души усоншихъ въ пеклѣ безъ всякой мысли о мукахъ, могли они соединять съ некломъ и представленіе о мученіяхъ, такъ какъ самая природа, при борьбѣ своихъ элементовъ, терпѣла грозовыя, огненные муки. Съ развитіемъ въ народѣ нравственныхъ понятій, съ опредѣленіемъ началъ правды, добра и зла — послѣднее представленіе о пеклѣ необходимо должно было взять перевѣсъ: безразличный образъ страны усоншихъ уже не удовлетворялъ мысли человѣка; страна блаженства, рай не могъ быть открытымъ для злыхъ, преступниковъ и враговъ, они шли въ *некло*, гдѣ претерпѣвали мученія въ возмездіе за свои земныя дѣла; такъ мало по малу устанавливалось понятіе о пеклѣ, какъ огненной странѣ мученій. Этому поспособствовали два обстоя-

1) Кошутара (въ *Glagolita Clozianus*. W. 1836, p. IX, XXIII) и Миклошича (*Die Fremdwörter in den Slavischen*. Spr. W. 1867, p. 49).

† Противъ нѣмецкаго происхожденія слова возражаетъ Я. Гриммъ въ своей рецензій Кошутаровой Глаголиты: *Götting. gelehrte Anzeigen* 1836, № 34—5, p. 331.

†† Обстоятельный лингвистическій разборъ слова и его распространеніе по славянскимъ нарѣчіямъ читатель найдетъ въ книгѣ г. Бодиснаго: *О времени происхожденія славянскихъ писемъ*. М. 1865, стр. 238—242.

тельства: локалізація воздушныхъ представлений и вліяніе христіанскихъ понятій о вѣчной загробной мукѣ грѣшниковъ.

Когда мысль человѣка низвела пекло съ неба подъ землю, страшный характеръ его долженъ былъ усилиться еще болѣе мрачными красками: страна подземная лишена дневного свѣта, этого источника радостей и веселія, она назначена не для жизни и наслажденій, а для вѣчнаго, бездѣлительнаго страданія; именно въ такомъ образѣ, утвержденномъ въ свою очередь и христіанскими понятіями, является пекло въ славянскихъ народныхъ суевѣріяхъ и преданіяхъ: это подземная страна, гдѣ злые духи мучаютъ души злыхъ людей, погруженныхъ въ кипящую смолу (которая въ древне-славянскихъ памятникахъ и обозначается словомъ пекло, пѣклъ пѣколь) или въ неугасаемый огонь ¹⁾.

Локалізаціей представлений о воздушной странѣ отцовъ можно объяснить тѣ, распространенныя въ славянскомъ мірѣ, повѣрія, по которымъ души усопшихъ или мнѣстескія ихъ олицетворенія: Вилы, Мавки, Русалки — живутъ въ рѣкахъ и горахъ ²⁾.

Устранивъ изъ запаса языческихъ преданій черты позднѣйшаго и христіанскаго вліянія, мы не найдемъ оснований полагать строгія границы между различными областями загробнаго міра, не найдемъ и опредѣленнаго, постояннаго мѣста для нихъ: рай, нава и пекло, кажется, обозначали въ старѣйшемъ язычествѣ одинъ и тотъ же предметъ, или вѣрнѣе — различные образы, въ какихъ надземная, облачная страна усопшихъ представлялась живой фантазіи язычника-славянина; опредѣляемые послѣднею, образы эти не имѣли твердости религіознаго догмата: разнообразіе и измѣнчивость ихъ необходимо зависели отъ разнообразія

- 1) Срезневскій въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1847, № 2, стр. 191—2. ст. О вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души.

2) О рѣчныхъ нимфахъ у славянъ говоритъ еще Пропцій (552), серб. хорут. смы и болгарск. самосили — живутъ то въ морѣ, то на облакахъ, то въ рѣкахъ, то въ горахъ (вѣла смъ юры).

явленій небесной сферы и отъ непостоянства юной мысли, которая не могла овладѣть и привести въ стройный порядокъ увлекавшаго ее богатства вѣдшихъ впечатлѣній¹⁾).

При такой нетвердости понятій о загробномъ мірѣ, языческіе славяне не могли имѣть и опредѣленной мысли о возмездіи²⁾; правда—чувство родственной любви и уваженіе предъ добромъ населяли рай сонмомъ блаженныхъ, отвращеніе къ злу и пороку—усвоивало муки людямъ злымъ и брагамъ; но и добродѣтельные той страны могли терпѣть нужды и горести, и злые, и рабы могли быть въ раю, хотя какъ слуга, назначенная на служеніе блаженнымъ отцамъ. Вообще, понятіе языческихъ славянъ о жизни въ загробномъ мірѣ было отраженіемъ земного быта и его условій: какъ здѣсь одни были свободны отъ тягостей и заботъ, другіе были рабами, такъ и въ жизни посмертной; въ періодъ юности народовъ понятіе добра опредѣляется отношеніями родственными или племенными и не выходитъ за черту ихъ; потому и въ томъ мірѣ, по понятіямъ языческихъ славянъ, враги и чужіе были рабами или вовсе исключались изъ блаженной жизни: народная мысль еще не доросла до признанія достоинства въ человѣкѣ, если онъ не принадлежалъ къ своему

1) Здѣсь мы позволимъ себѣ коснуться нѣкихъ уважаемаго нами чешскаго археолога Гапуша: въ своихъ трудахъ по славянской мнѣологии онъ неоднократно выражаетъ мысль объ опредѣленности мѣста рая, который будто бы помѣщается на свѣтломъ, невидимомъ небѣ, за облаками, за стеклянною горою (Bajesi. kalend. 8—10, Sitzungsb. d. böhmisch. Gesellsch. 1868, II, p. 29, Děva, p. 24). Точно, рай помѣщался въ этой солнечной странѣ; но помѣщался онъ и на облакахъ—горахъ, на островѣ среди воздушнаго моря; иначе—чѣмъ объяснить, что русская дѣвушка (у Ибнъ-Фозлана, стр. 66—7) гадить въ колодезь и видитъ въ немъ зеленѣющій рай.

2) Нѣсколько отличное отъ нашего мнѣніе было высказано I. Иречкомъ Studia v oboři Mythologie české въ Сазор. Муз. kraj. česk. 1863, p. 15—17): онъ принимаетъ, что въ всеъ, но языческихъ понятіямъ славянъ, или души добрыхъ людей, злые же и несправедливыя отправлялись въ царство черной ночи; относительно времени похвѣтѣнаго—различіе, быть-можетъ, и справедливо, но для времени древняго—едва ли; ибо нѣтъ никакихъ доказательствъ, что сама ночь не была странною черной ночи: и то и другое обозначали просто областями мѣста пребыванія усопшихъ.

роду-племени, подвигъ не цѣнился въ врагѣ или рабѣ: какъ врагъ—онъ велъ злую жизнь и терпѣлъ муки за гробомъ, какъ рабъ—онъ оставался рабомъ. Языческіе славяне были совершенно чужды понятія о загробной наградѣ за земныя горести и страданія: язычникъ уносилъ съ собою въ могилу твердую вѣру о продолженіи матеріальной жизни, именно той, которую онъ оставлялъ на землѣ; а какъ нужды были всегда удѣломъ чело-вѣчества, то и загробная жизнь представлялась не свободною и не въ равной степени несвободною отъ нихъ; ибо одни имѣли достатокъ и слугъ, другіе ихъ не имѣли: это сырыя души; наконецъ, третьи сами несли рабскую повинность. Нуждамъ усопшихъ помогало благочестивое чувство живыхъ, оно начинало свою благотворительность у постели больного и продолжало ее до той поры, пока, по вѣчному закону природы, и само потребо-вало посмертной услуги.

Страна отцовъ отдѣлена отъ міра живыхъ воздушнымъ моремъ; чтобы достигнуть новаго жилища, душа или должна идти по мосту, небесной дорогѣ, подъ которой славянскія повѣрья понимаютъ то радугу, то млечный путь ¹⁾, или переплыть по морю на ладѣ; отмѣченный нами арійскій образъ небеснаго перевозчика встрѣчается и въ многочисленныхъ преданіяхъ славянскихъ племенъ. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ древности, у славянъ существовало представленіе о проводникѣ душъ, который сопровождаетъ ихъ на этомъ трудномъ пути и водворяетъ на мѣстѣ. Такимъ, кажется, былъ *Nid* или *Nia*, о которомъ упоминаетъ Длугошъ и котораго Гайкъ называетъ *Водной* ²⁾.

1) Болгаре называютъ этотъ путь словомъ *сланикъ мостъ* (волокистый), но негдѣ проходятъ души. См. Младеновича. Булгарск. нар. нѣсм. Загр. 1861, стр. 50; у хорутанъ радуга носитъ названіе *моста* или *мостика*, этихъ же именемъ обозначается корова и вообще скотъ, что приводитъ насъ къ арійскому представленію о *шреникѣ корою* (стр. 178); въ областномъ русскомъ млечный путь носитъ названіе мышиныхъ *шренокъ* (т. е. дороги души).

2) Текетъ Длугоша «Platonem cognominabant *Nia*, quem inferorum et animalium, dum corpore liaquant, servatorem et custodem epinabantur, postulant se adeo post mortem in meliores inferni sedes deducia. ed. Нрузеа, L. 1711. p. 37

Переходя къ изложенію погребальныхъ обычаевъ, приведемъ къ общему итогу все доселѣ сказанное. Вѣря въ безсмертіе души, языческіе славяне имѣли разнообразныя и между собой несогласныя представленія о душѣ и посмертномъ ея существованіи: какъ огонь или существо стихійное, она улетала по смерти человѣка въ сферу надземную, гдѣ пребывала въ раю, навѣ, на облакахъ-горахъ, на островѣ, или носилась въ грозовыхъ, пламенныхъ тучахъ и вертепахъ неба; какъ существо нераздѣльное отъ тѣла, она жила въ могилѣ съ мертвецомъ и жила тою же жизнью, чтѣ и прежде, съ тѣми же потребностями, только лишена дѣятельности, радостей и свѣта земнаго существованія. Разнообразіе и несогласіе такихъ понятій и представленій, естественно, должно было отразиться и въ погребальныхъ обычаяхъ, цѣль которыхъ была доставить покойнику средства счастливаго существованія, облегчить ему переходъ въ новое жилище и водвореніе въ немъ, словомъ—удовлетворить его загробныя потребности.

Старѣйшіе источники славянской древности не вводятъ насъ въ подробности языческихъ обычаевъ, которые имѣли мѣсто при кончинѣ человѣка, но что такіе обычаи существовали и были разнообразны—это доказываютъ современные суевѣрія, изъ которыхъ многія отзываются глубокою стариной; находя соотвѣтствіе въ обычаяхъ другихъ родственныхъ племенъ, эти факты

Въ лингвистическомъ отношеніи имя *Нил* или *Нила* не представляетъ препятствій къ сближенію съ *Наса*, отъ слав. корня *Ну* (н—у). Не сюда ли относится и славянской *Насамъ*, о которомъ однажды упоминается въ Суврасской рукописи, Мюнш. 1. palaeosl. ed. Miklosich, 1851, p. 266: *em nasame*, чинъ дръзавъ отъвѣштати хощеши насамъ носенъца, т. е. Смертью (забѣтати адъсь, что Миллошичь почину-то не носеть этого слова въ своей *Lexicon ling. palaeoslov.*); не къ этому ли лицу слѣдуетъ отнести и извѣстіе Массуди о богѣ Сатурнѣ (?) у славянъ; самый атрибутъ его—нососъ или палка въ рукахъ, сближаетъ его съ Радамантомъ—проводникомъ. *Charmou. Relation de Massoudi*, Мем. de l'Ac. t. VI, p. 320, или 24 ст. ст. Подать, похъ аланіемъ христіанскихъ идей, проводниками и веревочниками душъ становятся ангелы или апостолы. Св. Миладимовичи: Булг. нар. п. стр. 49—50; В. С. Карджинъ, Цѣсне I, стр. 184—5.

славянскаго быта не могут быть не древни и случайны. Остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ.

Погребальный обрядъ въ областномъ (кур.) русскомъ носитъ характеристическое названіе *Прагосжа*: онъ понимается, какъ законная правда, какъ отправленіе долга въ отношеніи къ усопшимъ.

Первой заботой живыхъ въ отношеніи къ умирающему была забота облегчить смертную борьбу или разставаніе души съ тѣломъ, закрыть глаза ему или, какъ говорятъ малоруссы, доглядѣть смерти покойника; для этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Руси снимаютъ потолокъ надъ мертвецомъ или матицу, у болгаръ — снимаютъ все, что виситъ на потолкѣ, сметаютъ пыль, паутину, какъ бы съ той мыслью, что, имѣя предъ собою открытое пространство, душа легче выйдетъ изъ тѣла¹⁾); у словаковъ около Дармотъ трудно умирающаго окуриваютъ травой²⁾, вѣря, что душа улетитъ вмѣстѣ съ дымомъ, такъ какъ по природѣ своей она родственна съ этимъ явленіемъ. Почти у всѣхъ славянскихъ племенъ бытуеетъ обычай облегчать предсмертную борьбу положеніемъ умирающаго на полъ, на землю или на солому: на постелѣ онъ не легко разстается съ душой, иногда вовсе умереть не можетъ³⁾); трудно понять, какая мысль создала этотъ обычай, но распространеніе и строгое наблюденіе его говорятъ

1) Вѣстникъ Европы, 1850 г., № 14—15 ст. Мухавскаго, стр. 276; Востокъ. лнт. Сборникъ, В., 1861. 817; Духъ Христіан. 1861—2, Дел. стр. 268; свидѣніе о болгарскомъ обыкновеніи сообщено Л. Каравеловичемъ; срвд. стр. 125 и Grimm's D. Myth. 1070, 1133, Gesch. d. Deutsch. Sp. (2-ое изд.) p. 83.

2) *Časopis česk. Muš.* 1859 г. p. IV, pag. 507, ст. *Božena Hymcová*; въ связи съ этимъ находится магурское гаданіе: если, при приобщеніи большого въ церкви, дымъ отъ погашенной свѣчи свѣдѣтъ дѣрму, то большой упретъ. *Törrens. Aberglauben aus Masuren.* D. 1867, p. 105.

3) Обычай распространенъ почти у всѣхъ славянскихъ племенъ (русскихъ, сербовъ, словинцовъ, словаковъ, магуровъ), см. Авдѣева. Записки о стар. русск. бытѣ. Спб. 1842, с. 122, *Arkiv za povjestn. jugoslav.* II, 2, p. 861; *Časopisica. Croatan und Wenden.* Pres. 1829, p. 121; *čjudoem—Gemälde v. Ungern.* P. 1829, II, 307. Волепа Нѣшеова въ *Časop. česk. Muš.* 1859, p. 507. Герчанскій въ *Provinzialblätter (lausitz.)* I, L. 1782, p. 250—2. Haupt a Smoljfer, *Prószaleki I. Serak.* II, 251.

о его значительности: въ объясненіе его можно указать только на иные обычаи, гдѣ солома имѣетъ обрядовое, важное значеніе и даже носить поминальное названіе *дмудузъ*¹⁾; у мазуровъ покойника кладутъ подъ окно на скамью, на которой также бываетъ разостлана солома²⁾.

Какъ скоро человѣкъ скончался, немедленно отворяли окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водою, чтобы душа могла омыться и улѣтъ †; славянскія преданія вообще связываютъ существо души съ элементомъ воды (первоначально—воздушной); у угорскихъ словинцовъ, по извѣстію Чапловича, когда больной кончался, ему лили на лицо воду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руса обмываютъ умирающаго еще заживо и даже думаютъ, что дѣлать это послѣ кончины — грѣшно; то же обыкновеніе наблюдается и у сербовъ въ Краинѣ³⁾. Впрочемъ, душа не удаляется отъ тѣла до исполненія погребальнаго обряда и даже возвращается въ домъ по его совершеніи, почему въ Галичинѣ около Збруча на окно ставятъ кружку съ водою и хлѣбъ для покорма души; сюда же, вѣроятно, относится и обычай, замѣченный Гайкомъ (стр. 143), полагать на землѣ при умершемъ полъ печенаго хлѣба; у мазуровъ для отдохновенія души ставятъ въ домѣ стулъ и вѣшаютъ на дверяхъ платокъ⁴⁾, послѣднее встрѣчается и у чеховъ. Породивъ душу съ омыемъ, народная мысль

1) Потемкин, О нѣмц. значеніи нѣкотор. обряд. М. 1863, р. 73.

2) Тёррен, Aberglauben. р. 106. Важное обрядовое значеніе соломѣ въ глубокой древности отмѣчено Куномъ въ его: Sagen, Gebräuche aus Westfalen. L. 1859 II, р. 109—110.

† Обычай—общераспространенный у всѣхъ славянскихъ племенъ, Grohmann, Aberglauben aus Böhmen, P. 1864. р. 193. Галько, Народныи звичаи надъ Збручемъ, J. 1862. II, стр. 36. Кулишъ, Записки о южной Руса, Спб. 1857, II, р. 284. Душъ Христиана I. с. р. стр. 269; Этногр. Сборникъ, Спб. 1862, V, 80—1. Горчанскій — Provinzialblätter I, р. 262 Haupt a Smoljer. Právníci, II, р. 251. Воѣ. Нѣмцова. Сазор. ѣс. М. I. с. р. 507.

3) Чапловича. Croaten und Wenden in Ungern. P. 1829. р. 120. Воронежск. литерат. Сборн. В. 1861, стр. 317. Милашевић. Живот Срба селанка. В. 1867, стр. 124—5. Arhiv za povjest. jugoslav. VII, 180.

4) Тёррен, Aberglauben, р. 111; Grohmann, Aberglauben, р. 193.

выразила это и въ обычаѣ поставять при усопшемъ семцу: обычай также указанъ еще Гайкомъ (ib.); у чеховъ онъ продолжается донинѣ, а равно и у галичанъ, въ другихъ мѣстахъ влагаютъ возженную свѣчу въ руки умершему¹⁾.

Съ кончиной кого-нибудь въ домѣ прекращается работа, чтобы не нарушить покоя усопшаго †: потребности живыхъ уступаютъ мѣсто исполненію долга къ усопшему: одни заботятся о томъ, чтобы омытъ его и снарядить въ далекій путь, другіе идутъ возвѣстить событіе смерти тому округу, которому принадлежалъ покойникъ, и исполняютъ то, чего онъ самъ не успѣлъ или не могъ исполнить; только для предотвращения губительнаго вліянія смерти исполняются и нѣкоторые обряды *мосторонніе*, посвященные земнымъ цѣлямъ и потребностямъ живущихъ.

У лужичанъ въ концѣ прошлаго вѣка, а у западныхъ лужичанъ и донинѣ—смерть оповѣщалась посредствомъ черной мажи; ее брали у судьи, и она обходила деревню отъ сосѣда къ сосѣду, пока не возвращалась снова къ судьѣ, потому вмѣсто словъ «кто-нибудь умеръ» говорили: *szornu kij dze wokol*²⁾. Возвѣщеніе смерти во всеобщее вѣдѣніе соблюдается и теперь въ нѣкоторыхъ юго-славянскихъ земляхъ (Болгаръ, Бокъ Которской) и у мазуровъ: всѣ, даже совершенно чужіе и незнакомые люди, приглашаются отдать послѣднюю почесть усопшему³⁾... Покойникъ, владѣлецъ дома и движимой собственности, по понятіямъ языческихъ славянъ, могъ увлечь съ собою могилу и все ему

1) Навиѣ, Déva; p. Ф. Галько, Народн. звичаи, II, стр. 28; Милнѣвичъ, Живот Срба, p. 125; Снегиревъ, Русскіе прост. праздн. М. 1837, I, стр. 174.

† Почти повсемѣстно: у мазуровъ (Торрен, 106), сербовъ и хорватовъ (Милнѣвичъ, p. 122; Arkiv II, 2, 264; III, 288), лужичанъ (Горчаченскій, II, 71, Haupt a Smoljer, II, 251), чеховъ (Grohmana, 168), русскихъ (Шейковскій, II, 20; Духъ Христіан. 1861—2, ч. IV, p. 269).

2) Горчаченскій въ Provinzialblätter, 1762, II, p. 71. Haupt a Smoljer. Prónicki II, p. 251.

3) Voué. La Turquie, II, 508. Княжескій. Приб. въ Жур. М. Нар. Пр. 1846, III, стр. 81. Торрен, Aberglauben aus Masuren, p. 108.

принадлежавшее; чехи вѣрятъ, что и послѣ погребенія онъ трижды возвращается къ своему дому и обходитъ его, сторожить, чтобы не приключилось какого несчастья оставленнымъ роднымъ¹⁾, на этомъ основаніи у мазуровъ новый хозяинъ дома, какъ скоро скончается старый, идетъ къ дому, хозяйскимъ строеніямъ, деревьямъ, домашнимъ животнымъ и возвѣщаетъ смерть прежняго господина и вступленіе во власть новаго—слѣдующими словами: «прежній господинъ умеръ—я теперь новый владѣлецъ вашъ»; то же исполняется у лужичанъ съ пчелами и домашнимъ скотомъ †.

Опрятываніе покойника имѣло цѣлью удовлетворить его загробныя потребности, которыя, по понятіямъ языческой старины, ни въ чемъ не отличались отъ потребностей земной жизни: вѣра, что мертвецъ продолжаетъ жизнь, люди снабжали его всѣмъ необходимымъ какъ для того, чтобы онъ могъ безпрепятственно и нетрудно совершить далекій путь и достигнуть страны отцовъ, такъ и для довольства существованія, чтобы онъ не почувствовалъ пужды и лишеній и имѣлъ все, что приобрѣлъ своимъ трудомъ и чѣмъ владѣлъ въ земной жизни: ему давали его собственность, особенно предметы имъ любимые или тѣ, на которыхъ сосредоточивалась его дѣятельность; чувство живыхъ иногда даже старалось удовлетворить и такимъ потребностямъ покойника, какихъ онъ не испыталъ прѣ жизни или не удовлетворилъ ихъ, на этомъ основывался обычай посмертной женитьбы, замѣченный Массуди у славянъ 10-го вѣка (см. стр. 58 стр. и ниже).

Какъ въ славянской древности совершалось опрятываніе мертвеца, можно судить и по краткому извѣстію Ибнъ-Фоциана и по многимъ народнымъ обычаямъ. По смерти русскаго купца, тѣло его вынесли изъ дому, опустили въ особую могилу съ

1) Grohmann, Aberglauben aus Böhmen, p. 193.

† Törren, Aberglauben aus Masuren, p. 106, Haupt a Smolzer. Pränickl, II, p. 251.

крышею и занялись приготовлениями къ погребенію, шитьемъ платья и заботой о будущей женѣ покойника; всѣмъ этимъ распоряжалась особая старуха, главное лицо погребальнаго обряда (стр. 64—5). Мы замѣчали уже (стр. 74) соответствіе между извѣстіемъ Ибнъ-Фоцлана и рассказомъ Юрнанда о погребеніи Аттилы, тѣло котораго также было вынесено изъ дому и поставлено на погѣ подъ шатромъ; но можно ли здѣсь видѣть обычный фактъ славянской языческой жизни—сказать не рѣшаемся по совершенному отсутствію другихъ однородныхъ показаній; правда, Менещій (в. стр. 146) говоритъ, что русскіе поселяне Литвы имѣли обыкновеніе садить покойника, одѣтаго и обутаго, на сѣдло (на коня?), но это могло быть исполняемо и въ домѣ; въ народныхъ же обычаяхъ не встрѣчается рѣшительно никакихъ слѣдовъ предварительнаго выноса мертвеца въ поле: онъ лежитъ нѣкоторое время въ жилищѣ и отсюда прямо выносится на мѣсто погребенія. Если въ сообщеніи Ибнъ-Фоцлана позволительно видѣть обычай, то онъ можетъ быть объясненъ стремленіемъ поскорѣе удалить изъ среды живыхъ человека, который овладѣла смерть. Очень много разнообразныхъ обычаевъ опрятыванія сохранилось въ современномъ бытѣ славянскихъ племенъ. Это дѣло кое-гдѣ и нынѣ состоитъ въ вѣдѣніи особой старухи; ее-то, кажется, Ибнъ-Фоцланъ называетъ *амелом* (или богиней?) *Смерти*, а лужичане — *осеною тма* (см. стран. 75), она омываетъ усопшаго, одѣваетъ его въ лучшую одежду и у словеницовъ сторожитъ его цѣлую ночь (*žena pri lučici*)¹⁾. Болгары, можетъ-быть не безъ причины, омывають покойника винограднымъ виномъ, потомъ одѣвають его въ *смычалное* платье и осыпаютъ цвѣтами; послѣднее наблюдается у сербовъ, словаковъ и русскихъ²⁾ и, кажется, не по одному только жеза-

1) Slavische Blätter, 1865, p. 8, pag. 377, Arkiv za povjest. VII, p. 315.

2) Княжескій, Обычай Болгаръ, Жур. Мин. Нар. Пр. 1846 (Приб.) к. III, стр. 81. А. Венѣ, La Turquie d'Europe. P. 1842, II, p. 508—4; В. С. Караджий, Montenegro, L. 184, p. 98; Rohrer, Die Illyrische Provinzen. W. 1812, p. 170.

нію украсить покойника, но и по особому повятію о связи растительной природы съ его душою (см. ниже). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца одѣвають въ особое *смертное платье*, саванъ или верхнюю длинную рубаху, которая у куявскихъ поляковъ и кашебовъ¹⁾ носитъ характеристическое названіе *gdo*, указывающее на древній языческой обычай *труносожженія*; у южныхъ славянъ этотъ смертный покровъ надѣвають поздѣе, когда мертвеца опускають въ могилу †. Для далекаго пути у чеховъ даютъ мертвецу сапоги на дорогу, которые онъ долженъ износить, пока достигнетъ жилища отцовъ ††. Со всевозможною заботливостію, часто мелочною, снаряжаютъ простолюдины славяне своего покойника; особенно наблюдается, чтобы онъ былъ снабженъ *платкомъ* и *монетою*: первый повязываютъ на шею (такъ о литовской Руси передаетъ Менещій, см. в. стр. 147) или за поясомъ, вторую влагаютъ въ руку мертвеца или завязываютъ въ тотъ же платокъ²⁾. Простолюдины по своему объясняютъ эти обычай: они говорятъ, что платокъ (=полотенце) нуженъ покойнику, чтобы отереть лицо, запыленное долгимъ путемъ; а монета затѣмъ, чтобы купить мѣсто на томъ свѣтѣ, или

1) Труды Курск. стат. комит. К. I, 1863, стр. 500. Осс. Kolberg, Lud. Jego zwuskafe, sroob' dusia etc. t. III, Waгaz. 1867, p. 248; Записки геогр. Общ. Спб. 1867, стр. 589; Сборникъ кашебскихъ словъ *Цейномъ* въ Матер. для сравнит. Словаря и Грамм. т. V, Спб. 1861, р. стр. 272. Обычай одѣвать мертвеца въ саванъ и. б. возникъ изъ навязнаго подражанія бѣлому савану воздушной сферы, тучъ, которыми покрывались души усопшихъ. Ср. Mañnhardt, Germanische Mythen. В. 1858, p. 634. Замѣчательно, что обычай одѣвать въ саванъ уплывающаго доселѣ при смертной казни; это подтверждаетъ замѣченную нами связь погребенія съ юридически-жертвенною казнью. См. выше стр. 31, слѣд.

† Boué, La Turquie etc. II, 504. Ljublić. Običaji kod Morlakah. Z. 1846, p. 111.

†† *Sazopis českého Músea*, ст. Housky, 1856, III, p. 63.

2) Törren, Aberglauben aus Masuren, 108; Воженъ Némsova: *Sazopis česk. Músa* 1859, p. 607; Houska *ibid.* 63; Golębiowski. *Lud. Polski*, W. 1830, p. 256; Шейковский. Быть Подолья II, К. 1860, стр. 33; Кавелинъ, Собраніе сочиненій. М. 1859, т. IV, стр. 212; Этногр. Сбор. т. I, 1853, стр. 51; Горчанскій, *Lausitz. Provinz. blätter*. 1782, II, p. 71. Arkiv za povjest. jugoa. II, 2, 362. Въ Малороссіи обычай давать платокъ мертвецу—повсемѣстнъ.

какъ плата ему за оставляемую собственность; но еще Гайкъ (стр. 142), Меленій (ib.) и Клёновичъ (стр. 152), руководясь классическими указаіями, правильно поняли послѣдній стародавній обычай: это плата проводнику (Wuodcy) и перевозчику небесному (Plawcy), который переправляетъ душу, чрезъ великій потокъ или воздушное море; что же касается платка или полотенца, которое даютъ покойнику, то можно полагать, что и его назначеніе было не иное; въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, какъ не *молотомъ*, могъ заплатить покойникъ небесному перевозчику въ ту эпоху славянской жизни, когда еще не существовало монеты, какъ представителя цѣнности? На Руси подлясской въ руки умершаго кладутъ кусокъ *молотна*¹⁾, оно кое-гдѣ у бѣдныхъ поселанъ и нынѣ служитъ своего рода мѣноюю монетою; вспомнимъ далѣе, что платокъ — употребляется, какъ обычный подарокъ — плата въ другихъ торжественныхъ случаяхъ жизни, при крестинахъ и свадьбѣ, и мы будемъ имѣть нѣкоторое право думать, что погребальный платокъ, полотенце или холстъ имѣли первоначально назначеніе служить платою, возмездіемъ за трудъ небеснаго коричаго. Обычай перевозной платы наблюдается почти у всѣхъ славянскихъ племенъ: его, кажется, замѣтилъ и Ибнъ Достъ у русскихъ язычниковъ 9—10 вѣка²⁾; но у нѣкоторыхъ онъ выродился въ странное обыкновеніе закрывать деньгами глаза усопшаго, у другихъ монета бросается въ гробъ или могилу при самомъ погребеніи; говорить о древнемъ мнѣическомъ происхожденіи обычая — не предстоить надобности (см. в. стр. 173).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у славянъ простомудны не обрѣзываютъ ногтей мертвецу, или же собираютъ ихъ и кладутъ вмѣстѣ съ нимъ³⁾; народъ довольно вѣрно толкуеть обычай: ногти

1) Wójcicki. Zarysu domowe, t. III, W. 1842, p. 333; Gołębiowski. I. s. p. 256.

2) Въ текстѣ Ибнъ-Досты (стр. 55) двусмысленность: неодушевленные предметы цѣнности могутъ и прямо обозначать деньги.

3) Шейковский. Бытъ Подолянъ, II, 24—6; Кузвнъ. Зап. о Южной Руси, т. II, стр. 283; Духъ Христіан. 1861—2, Ден. к. IV, стр. 170. Новгород.

нужны покойнику для того, чтобы съ помощью ихъ онъ легче могъ взобраться на крутую стеклянную или желѣзную гору, на которой стоитъ рай

По свидѣтельству Менеція (стр. 147) женщины-покойницѣ давалась въ руки ила съ иижкой, потому что этотъ предметъ былъ всеневнымъ занятіемъ ея жизни; въ среднесѣвковой юридической символикѣ прялка и кудель — обычный символъ хозяйки (Grimm, Rechtsalterth. 163, 171); такое же значеніе имѣетъ здѣсь игла, хотя не въ смыслѣ символа, а въ дѣйствительномъ значеніи предмета, необходимаго для посмертнаго занятія женщины; замѣтимъ, что иглы и прялки не рѣдко встрѣчаются въ могилахъ славянской территоріи¹⁾.

Смерть есть синонимъ горя и лишеній. Выраженіе скорби при смерти близкаго лица естественно вытекаетъ изъ чувства любви и нравственной привязанности и, конечно, существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ человекъ вошелъ въ семейныя и общественныя формы быта и узналъ нравственныя отношенія; потому выраженія печали: плачи, причитанія или нареканія по мертвымъ идутъ съ глубокой, незапамятной старины; они не только существуютъ сами по себѣ, но и признаны человекомъ за необходимость, введены имъ въ кругъ обычаевъ и освящены значеніемъ нерушимаго закона. *Желти, плачи и стѣнованія*²⁾ по мертвымъ были прямою обязанностью его родныхъ и близкихъ: до сихъ поръ простолюдины у славянъ особенно уважаютъ и почитаютъ ту женщину, которая умѣетъ хорошо причитать по усопшемъ³⁾; но эти естественныя выраженія чувства, въ силу общаго закона жизни обы-

Сбор. Пов., т. V., 1866, стр. 52; Врем. Общ. Ист. и Древ. к. VIII М. 1850, стр. 26; Миллиевскій. Живот. Срба. 107. Срем. Mannhardt: Germanische mythen. 1868, p. 336—7, 629 sq.

1) См. напр. Berichte d. Pommerisch. Gesellsch. für Alterthumskunde, IV, p. 84—8.

2) Желтижи=плакать по мертвецѣ, желти=плачь. См. Опис. рик. снп. библіот. т. IV (1862) стр. 598, 66.

3) Arkiv za povjesta. Jugoslaveaku, VII, p. 279.

чаевъ (стр. 14—15), уже въ языческую старину во многомъ расходились съ дѣйствительностью и выражали не настоящую жизнь народа, но окаменѣлыя, остановившіеся факты его далекаго прошедшаго. Съ такимъ характеромъ они кое-гдѣ сохраняются и донынѣ.

Когда Ибизъ-Доста говоритъ о женахъ славянъ IX—X в., что онѣ надрѣзываютъ ножами свои руки и лица при смерти кого-нибудь изъ членовъ семейства (стр. 54), когда о томъ же погребальномъ *лицедраміи* и *кожискресніи* упоминаетъ и Житіе Константина Муромскаго и Кадлубекъ (стр. 126, 104), то нѣтъ сомнѣнія, что это грубое, приличное лишь дикому состоянію чловѣка, выраженіе печали виѣшнимъ терзаніемъ, не было естественною необходимостью жизни, но исполнилось отъ времени незапамятнаго по требованію стародавняго обычая; тѣмъ менѣе оно соответствуетъ жизни въ настоящее время и, однако, соблюдается еще у черногорцевъ и другихъ сербовъ — дамагинцевъ¹⁾. Плачи и причитанія по мертвымъ начинаются съ его кончины и вдутъ черезъ все время погребальнаго обряда, повторяются и потомъ при обычныхъ поминкахъ. Причитаетъ, обыкновенно, жена по мужѣ, дочь по отцѣ и матери, мать и сестра по сынѣ и братѣ. Для исторіи погребальныхъ причитаній весьма любопытно постановленіе Муранскихъ статей 1685 г. на языкѣ словацкомъ, здѣсь въ XVII статьѣ предписывается: *«prohanské nad mrtvým tělem mařikani, davikani, kvileni, rukoma lamani, které buva s vyučovaním kde jakých skutků a učinků mrtvého srojeno, ma se přeč zanechatí»*²⁾. Сила народнаго обычая была такъ велика и обязательна, что и сирота не оставался безъ нареканія: у словаковъ, когда умереть какой молодой чловѣкъ — сирота, надъ нимъ причитаетъ чужая дѣвушка, надъ

1) В. С. Караджичъ. Montenegro, Str. 1837, p. 101; Boué. La Turquie d'Europe, P. 1840, II, p. 505; Liubič. Običaji kod Morlakah. Z. 1846, p. 111; Медаковичъ. Живот. и обичаи Черногорца. Н. С. 1860, 64.

2) Војена Němcová въ Časopisъ Česk. Musea, 1859, pag. 508—9.

пожилымъ — женщина, по собственному ли вызову или по порученію¹⁾; у нѣкоторыхъ славянскихъ племень сохранился древній обычай нанимать плакальщицъ. Клёновичъ говоритъ объ этомъ обычаѣ въ Червонной Руси XVI в. (стр. 151); словинцы нанимають многихъ плакальщицъ, то же еще недавно дѣлалось въ Сербіи, Герцеговинѣ и Черногоріи²⁾. Понятенъ этотъ обычай при смерти сироты, лишенаго рода-племени, по какой смыслъ могъ имѣть онъ въ примѣненіи къ мертвому, у котораго были близкіе родные? Кажется, что его создало одно народное вѣрованіе, идущее изъ глубокой старины и распространенное и у славянъ и у многихъ индоевропейскихъ племень: *мертвыхъ не слѣдуетъ оплакивать*; слезы родныхъ не даютъ имъ покоя въ могилѣ, они тревожатъ ихъ призывами къ землѣ и земной жизни, призывами, которыми не можетъ отвѣтить покойникъ, замершій и засыпанный тяжелою перстью; слезы родныхъ жгутъ ихъ, онѣ орошаютъ одежду мертвецовъ и дѣлають ее невыносимою³⁾; вообще при- нуждаютъ ихъ къ земнымъ страданіямъ и мученіямъ; потому при кончинѣ челоуѣка у словаковъ родные не плачуть, чтобы не замочить умирающаго, а чехи считаютъ необходимымъ послѣ плача по усопшемъ сожигать на огнѣ масло во облегченіе души

1) Ibidem. p. 508. Желая выразить великое сиротство челоуѣка, словани говорятъ: «Nemá ho kto varickate».

2) Szaplowics. Gemälde v. Ungern, II, P. 1829, p. 306; E. Jand. Croaten und Wenden. P. 1820, 124—5; Liubić, Običaji kod Morlakah, 111; Arkiv za povjest. Jugoslav. II, 2, 420. В. С. Караджий. Живот и обичаји нар. српск. 154. E. Jand. Montenegro, p. 100.

3) Индоевропейское происхождение обычая указано А. Кунонъ въ Wolf's Zeitschrift für d. Myth. p. I, 1853, p. 63—4; cf. Rochholz. Deutscher Glaube, I. B. 1867, p. 207—8. Grohmann. Aberglauben aus Böhmen. P. 1864 p. 192. Кунонъ. Записки о Южной Руси, II, 43, Sazorja Ceskeho Mus. 1856, III, p. 63. Имѣеть ли вѣрованіе мистическое основаніе? Такъ кажется, судя по фактамъ, собраннымъ Кунонъ: слезы, быть-можетъ, здѣсь метафоры дождя, которыми обливается душа, витающая въ надземной сферѣ и терпящая страданія, по такому значенію вѣрованія затѣялось еще въ глубокую старину, и оно получило житейскій смыслъ и примѣненіе.

его¹⁾. Но обычай требовалъ плача, и вотъ вѣрованіе припрядается къ обычаю тѣмъ, что усопшаго оплакиваетъ чуждая ему женщина, слезы которой не возмущаютъ его могильнаго покоя. Не смотря на то, что мертвящая сила обычая заковала естественное выраженіе родственнаго чувства въ постоянныя формы, она не могла совершенно осилить ихъ высокой внутренней правды и искренности и низвести ее на степень формальнаго обыкновенія: въ погребальныхъ плачахъ и *наречаніяхъ* славянскихъ племенъ мы встрѣчаемъ множество художественныхъ, поэтическихъ образовъ, поразительныхъ по теплотѣ и искренности чувства скорби. Причитанія, записанныя у Менеція и Клѣновича (стр. 147, 151—27), хотя и древнѣйшія, мало даютъ понятія о внутренней красотѣ погребальной поэзіи славянъ; ее нужно искать у мажурсовъ и сербовъ, у первыхъ — для образца нѣжнѣйшаго чувства, у вторыхъ — какъ номинальную лѣтопись дѣлъ храбраго воина, заботливаго отца семейства и нѣжнаго брата²⁾.

Воротимся къ теченію погребальнаго обряда.

Опрятавъ мертвеца, его клали на лаву, или усаживали на особомъ мѣстѣ: Менеція (стр. 146—7) говоритъ, что русскіе Литвы сажали его на сѣдло, выражая тѣмъ или обычное его занятіе его жизни, или символическое надѣленіе покойника кошемъ, на которомъ онъ долженъ совершить *далекій пумъ*; у мажуровъ тѣло мертвеца не полагаютъ на семейный столъ, боясь, что чрезъ это изъ семьи кто-нибудь умретъ³⁾. Затѣмъ присут-

1) Сапор. *beskeho Muz.* 1859, 507, *ibidem.* 1856, III, 63. Жгучія, горючія слезы постоянный элементъ славянской народной поэзіи.

2) См. Метлинскія. Народныя южно-русскія пѣсни. К. 1854, 292—3. Сербскіе наречанія и мужальныя собраны В. С. Караджичемъ: *Живот. и Обичаи* и. срп. 154—59. Они имѣютъ старинный эпическій характеръ, напоминающій похоронную пѣсню воиновъ Аттилы: прославляются дѣла и добродѣтели покойника, иногда разсказывается вся его жизнь. Ср. *Arhiv za povjestinu jugoslav.* II, 2, 362.

3) Төррен. *Aberglauben aus Masuron*, 107. Въ Мажоросціи и у Пичуковъ мертвеца обыкновенно кладутъ на лавѣ подъ окномъ. *Zienkiewicz. O Uroczyskach zwyczajach ludu piskiego.* Warszawa. 1853, p. 83.

ствующіе, родные и близкіе покойника начинаютъ обрядъ прощанія. Къ нему готовится хлѣбъ и вино, люди пьютъ чашу на добрую дороу усопшему. Совершался ли въ языческой славянской старинѣ такой обрядъ еще при жизни покойника — сказать трудно: слѣдуя указаніямъ источниковъ (стр. 106), позволительно полагать, что такое явленіе, не будучи твердымъ, необходимымъ обычаемъ, не представляло и никакого отступленія отъ житейскихъ заведенныхъ порядковъ: важно было не время совершенія обряда, но самый обрядъ.

Темно происхожденіе обычая пить чашу на здоровье, счастье и благополучіе¹⁾, но оставшіеся слѣды его даютъ право предполагать древній, религіозный его источникъ, по крайней мѣрѣ въ жизни это обыкновеніе является при особыхъ, торжественныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, ему придается смыслъ важный и необходимый²⁾, который едва ли могъ вырости изъ будничнаго житейскаго явленія. По своимъ взглядамъ на покойника языческая старина могла и должна была желать ему благополучія и счастья: ему предстояла трудная дорога къ новому жилищу и цѣлая бесконечная жизнь въ будущемъ, жизнь не свободная отъ нуждъ и горя, такихъ же, какія онъ имѣлъ и на землѣ; потому питье чаша было необходимымъ условіемъ языческаго погребальнаго обряда. Ибнъ Фоцианъ говоритъ (стр. 65), что у русскихъ язычниковъ одна часть имущества назначалась именно на покунку напитка; преданія, записанныя у Кадлубка и въ Повѣ-

1) Выкажемъ наше предположеніе: не стоитъ ли этотъ обычай въ связи съ первобытнымъ возрѣніемъ на благотворную, плодотворную силу дождя, этого божественнаго напитка, низведеннаго съ неба на землю, гдѣ его заимаетъ древлія Сова или Медъ; понятіе о плодотворности, здоровьѣ и силѣ этого питья могло вызвать обыкновеніе пить на здоровье. Въ былинахъ и сказкахъ богатырь, напившись воды-дождя, получаетъ громадную силу; простоявшаго до сихъ поръ приписываютъ дождю здоровую, молодильную и цѣлительную силу и потому унимаются и часто пьютъ дождевую воду.

2) Hanič. Vaješlovny kalendář slovanský. P. 1860 p. 57—8. Прекрасное исследование объ этомъ обычаѣ у племенъ иѣнецкихъ см. въ книгѣ Zingerle: *Johannissegen und Gertrudenmilch*. W. 1862.

сти временныхъ лѣтъ (стр. 106, 116—17), также свидѣтельствуютъ объ этомъ обычѣ языческой древности; Месяцѣй (стр. 147) передаетъ, что у русскихъ поселенъ Ляты 16-го в. пѣтьемъ собственно открывался погребальный обрядъ; по извѣстію Маршалка (стр. 188) у мекленбургскихъ славянъ XV—XVI в. въ домѣ умершаго, до выноса тѣла, собирались люди и цѣлую ночь проводили въ пѣтьѣ и бесѣдѣ (о покойникѣ); въ современномъ бытѣ поселенъ, почти у всѣхъ славянскихъ племенъ, вино, пѣтье чаши составляетъ предметъ первой необходимости: у южныхъ славянъ пьютъ всѣ собравшіеся въ домѣ покойника, то же наблюдается у словаковъ, поляковъ и русскихъ¹⁾; у мазуровъ обрядъ совершается не просто, но съ нѣкоторою древнею торжественностію, чередуясь съ погребальными пѣснями²⁾. Таковую же важную роль имѣеть въ погребальныхъ обычаяхъ и хлѣбъ: мы видѣли (стр. 207), что онъ поставлялся при мертвомъ; у Пинчуковъ, когда мертвеца снять съ лавы, на которой онъ лежалъ, ее посыпаютъ жимомъ и кладутъ хлѣбъ, гдѣ лежали плечи покойнаго; около него по обѣ стороны садятся женщина и дѣвушка, иногда всѣ садятся вокругъ хлѣба и, при выносѣ тѣла, подскакиваютъ и причитаютъ, да будетъ мертвецу такъ хорошо на томъ свѣтѣ, какъ онъ добръ былъ для людей на землѣ³⁾. Обычай осыпать жилище и особенномѣсто, гдѣ лежалъ мертвецъ, зерновымъ хлѣбомъ — существуетъ у простолюдиновъ Червоной и Малой Руси †; онъ имѣеть, конечно, очистительное значеніе: жизнь (жито) возвращала силу тому, что осквернилось прикосновеніемъ смерти.

Такимъ образомъ прощаются съ усопшимъ, желая ему счастливаго пути.

1) Boné. La Turquie d'Europe, II, 505; Вѣсела Нѣмцова въ Сазор. ѡбщ. Мн. 1859, р. 507; Kolberg. Lud, jego zwyczaj. W. III, 1867, р. 242.

2) Tôppen. Aberglauben aus Masuren, 103—4.

3) Zienkiewicz. O Uroczyskach i zwyczajach ludu Piskiego. W. 1858, р. 33.

† Вѣст. Европы, 1890 г. № 15, стр. 275; Кавелинъ. Собр. сочиненій, т. IV, стр. 218; Воронеж. Бесѣда 1861, стр. 221.

Источники славянской древности ничего не говорят о томъ, сколь долго тѣло покойника стояло въ домѣ и оставалось непогребеннымъ; это зависѣло отъ обстоятельствъ: хоронили, какъ скоро исполнено было все, что необходимо для погребенія, т. е. когда усопшій былъ прилично снаряженъ и простился съ родными и друзьями, такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ показанія Ибизъ-Фодлана.

У большинства славянскихъ племенъ тѣло мертвеца въ настоящее время полагается въ гробъ; но кажется, что обыкновеніе это не было непремѣннымъ обычаемъ славянскаго язычества; на это указываетъ и переносное значеніе слова ¹⁾ и то, что у нѣкоторыхъ племенъ, напр. болгаръ, тѣло опускается прямо въ землю ²⁾; равнымъ образомъ нѣтъ гробовъ и въ Черногоріи, но простыя доски, которыми обставляется тѣло покойника ³⁾. Такъ точно было и на Руси уже по принятіи христіанства: тѣло обертывалось въ лубъ, отчего гробъ вообще назывался *корстой* †. Покойникъ, который сожигался, не имѣлъ нужды въ гробѣ, не имѣлъ въ томъ особой нужды и *потребаемы*: его, какъ свидѣтельствуя Ибизъ-Доста (стр. 55), Массуди и множество могилъ ††, прямо могли полагать въ могильную комнату. Тѣмъ не менѣе у языческихъ славянъ были, кажется, въ употребленіи и особаго рода гробы въ видѣ пустыхъ, выдолбленныхъ *колоды*,

1) *Гробъ*—собственно *свршное* нѣсто (готск. *grabas*, лат. *grabas*), могильная комната, потомъ переносно—лицико, въ которой хоронятъ мертвеца. Въ первомъ значеніи слово часто встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ (П. С. р. т. I, 185, 187) и въ нѣмѣцкомъ малорусскомъ; Гриниъ (*Göttin. gelehr. Anz.* 1836, p. 336) считаетъ это слово заимствованнымъ славянами отъ *нѣщестъ*; даже не принявъ этого нѣщія, должно принять, что значеніе слова, какъ погребальнаго лица, не древнее.

2) Княжескій. Прибамъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1848, III, стр. 84.

3) В. С. Караджий. *Montenegro. L.* 1837, p. 99.

† Мощи Пиниты переса. были найдены въ берестѣ (Милот. Мисел. Май, 1294).

†† *Kalina v. Jäthenstein. Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber etc.* P. 1836, p. 123; Дерат. гаа. *Inland* (ст. Брадта) 1850, № 46; Weinhold. *Die heidnische Todtenbestattung*, 1859, pag. 10, 49—8.

въ которыхъ притали мертвеца; въ древнемъ и нынѣшнемъ областномъ русскомъ гробѣ часто носитъ названіе колоды †; такіе колоды Калина находилъ въ языческихъ могилахъ чешской территоріи *†, да и самый обычай былъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка замѣченъ Чапловичемъ у словинцовъ около Пожега: срубляли дуплистое дерево, отесывали его, и мертвое тѣло втискивали въ средину его¹⁾; раскольники Черниговской губ. донынѣ дѣлають гробы непременно изъ цѣльной колоды²⁾.

Вынось мертвеца изъ дому у славянъ совершался также не безъ особыхъ знаменательныхъ дѣйствій; такъ, можно полагать, что кое-гдѣ, подъ влияніемъ мысли, что смерть не должна знать входа въ жилище живыхъ, мертвеца выносили чрезъ разобранный помостъ или въ окно (стр. 124—5). Прощаніе покойника съ домою у угорской Руси въ Верховинѣ выражается тѣмъ, что гробомъ стучатъ объ уголь избы или о порогъ воротъ, у сербовъ въ Сеосскомъ округѣ три раза выносятъ и вносятъ тѣло изъ воротъ и дверей, у чеховъ стряхиваютъ носилками надъ порогомъ или дѣлають имъ крестъ на пемъ³⁾. Чтò значили первоначально эти темныя дѣйствія — рѣшить трудно, такъ помутнились обычаи, переживъ многія тысячелѣтія; но изъ нихъ ясно какое-то соотношеніе мертвеца съ семейнымъ порогомъ, подъ

† Между такими колодами положено было тѣло убитаго князя Глѣба (Смѣльстр. спис. листъ 93—4), тѣло Якова Боровницкаго, по словамъ его жителя въ Малютинскихъ Минахъ (окт. стр. 127), пылаю Мстою въ колодѣ безъ верху (сооб. И. С. Некрасовымъ): въ областномъ русскомъ гробѣ часто называется колодою. см. Далъ. Толк. Словарь в. р. из. sub voce.

*† Kalina v. Jäthenstein. Böhmens Opferplätze... p. 123; Giesobrecht въ Baltische Studien, St. 1847, XII, II, p. 68 sq.; Weinh. Heidnische Todtenbestattung, p. 24, и въ 24 Bericht d. Schlesw. Holstein. Lanen. Gesellsch. Kiel. 1864, p. 10.

1) Szaplóvia. Slavonia und z. theil Croatiaen. I, P. 1819, p. 185.

2) Демонтовичъ. Чернигов. губери. Вѣд. 1865, 589.

3) Biedermann. Die Ungarischen Ruthenen. Inna. 1862, I, 80; Arkiv za povjestnicu jugoslavenaku VIII, (1865) p. 216; Casop. čea. Museum, 1856, III, p. 68; Grohmann. Aberglauben aus Böhmen, p. 169; Гальке. Народнымъ званіямъ. I. 1862, II, стр. 38; Golebiowski. Lud polski, W. 1890, p. 256.

которымъ, по понятіямъ древности, обитали стражи семьи и родного крова, домашніе пенаты, души прежнихъ отшедшихъ отцовъ. Нѣсколько лѣтъ представляется слѣдующее, родственное съ предыдущими, суевѣрное обыкновеніе мазуровъ: вынося тѣло, на порогѣ кладутъ *сѣкиру*, также на дорогѣ, гдѣ оканчивается владѣніе покойника, кладутъ два *топора* крестообразно и проносятъ чрезъ нихъ тѣло †; у лужичанъ *сѣкира* кладется на гробъ покойника ††. Въ Воронежской губерніи (Острогомж. уѣзда) по выносу мертвеца кладутъ подъ порогъ какую-нибудь желѣзную вещь, чаще всего *топоръ*, и потомъ всѣ выходятъ на нѣкоторое время изъ хаты¹⁾. Это обыкновеніе можетъ быть объяснено очистительнымъ значеніемъ молота — топора (молніи); по для того, чтобы понять значеніе предыдущихъ обыкновеній, считаемъ не лишнимъ сопоставить съ ними одинъ фактъ жизни древне-сѣверныхъ народовъ.

Въ Эддѣ (Gylfaginning) Торъ освящаетъ костеръ Бальдура — своимъ *молотомъ*, въ пѣснѣ Атарваеды о погребальномъ обрядѣ употребляется слѣдующая формула при зажженіи погребального костра: «съ молотомъ молніи (= vajra) отправляю я Агни, пожирателя тѣлъ, въ міръ *отцовъ*²⁾; далѣе, *молотомъ* въ индо-европейскихъ преданіяхъ освящается бракъ³⁾ и право владѣнія, граница межа †††. Молотъ (сканд. mjöllnir) — обычный символъ молніи, небеснаго огня; а такъ какъ земной огонь, по понятіямъ древности, былъ только воплощеніемъ небеснаго, слетѣвшаго на землю ††††, то значеніе молота или *сѣкиры* при погребеніи стано-

† Торрен. Aberglauben aus Masara, p. 109.

†† Горчаковский въ Provinzialblätter (lausitzische). L. 1782, I, p. 249.

1) Воронежская Бесѣда на 1861 г. Соб., стр. 221.

2) См. ст. Maunhardt'a въ Zeitschrift für deutsche Mythologie, Göttingen, 1859, p. 295—8.

3) Почему и насъ кузнецы куютъ свадьбы.

††† Grimm. Deutsche Mythologie, p. 164. *cf.* Kleinere Schriften II, p. 55—6, статья Deutsche Grenzalterthümer.

†††† Какъ прекрасно объяснено Кунемъ въ его книгѣ: Die Herabkunft des Feuers. В. 1859.

вится ясно: онъ символизировалъ молнію; погребальный костеръ возжигался земнымъ огнемъ, молотъ же служилъ, какъ знакъ небеснаго происхожденія этой очистительной стихіи; сверхъ этого, какъ мы видѣли (стр. 190), самая душа въ образѣ молніи могла отлетать въ царство усопшихъ. Не безъ значенія и та черта погребальнаго обычая, что молотъ или сѣкира полагалась на порогахъ и на границѣ кладбища усопшаго: проходя чрезъ нихъ, онъ какъ бы передавалъ свою собственность другому владельцу †.

Мертвеца, имѣющаго отъ роду болѣе 20 лѣтъ, у сербовъ обжигаютъ смертною свѣчою по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ тѣла, гдѣ растутъ волосы; потомъ, предъ самымъ выносомъ тѣла, чрезъ ту же свѣчу выжигаютъ гробъ порошкомъ, сѣрой и паклей¹⁾ — это суевѣрные, ослабѣлыя остатки некогда былого обычая: полагать въ могилу полусожженное или обожженное тѣло²⁾ и выжигать мѣсто погребенія покойника³⁾.

Въ день выноса тѣла изъ дому у лужичанъ присутствующіе угощаются пивомъ и даже поминальнымъ обѣдомъ, у сербовъ, словаковъ и чеховъ иногда въ головы мертвеца кладутъ кусокъ хлѣба, который и раздѣляется потомъ между тѣми, кто былъ на погребеніи ††; сербы за мертвецомъ несутъ два новыхъ кувшина, въ одномъ вода, въ другомъ — вино съ масломъ, у

† Къ этой области вѣрованія относится и слѣдующій обычай при оскуриваніи скота въ Ворон. губерніи: зажгши костеръ, обходятъ его, и смерибъ крестьянинъ съ топоромъ выходитъ впередъ и бросаетъ его чрезъ скотъ на костеръ. Воронежскій литературный сборникъ. В. 1861, стр. 383.

1) Милашевичъ. Живот. Срба Салака. В. 1867, р. 125.

2) Обычай подтверждается многими могилами. См. Weinheld. Todtenbestattung, p. 96; Giesebrecht въ Baltische Studien. St. 1847, XIII, II, 77, 59, 81, 80; 3 Bericht d. Pommer. Gesellschaft f. Alirth. St. 1828 101—2; Brandt, съ въ газетѣ Inland, 1850, № 46.

3) Н. Е. Tyszkiewicza. Rzut oka na źródła Archéologii, p. 6; Sacken. Leitfaden z. Alterthumsk. W. 1865, p. 67. (о чешскихъ могилахъ) Giesebrecht l. c.

†† Герчанскія. Provinzialblätter 1782, I, p. 250; Сазорія českého Muzea, 1859, 507.

последняго привѣшивается калачъ пшеничнаго хлѣба; во время отиѣванія это все стоитъ у головы покойника, а затѣмъ полагается въ гробъ и погребается въ землѣ †.

При самомъ выносі мертвеца изъ дому у мазуровъ выпускаютъ изъ хлѣвовъ весь домашній скотъ, чтобы онъ могъ проститься съ хозяиномъ ††; вслѣдъ за погребальнымъ ходомъ у русскихъ за Днѣстромъ наблюдался слѣдующій обычай: жена покойника хватала новый горшокъ и разбивала его о-земь, потомъ, по слѣду процессіи посыпала дорогу овсомъ *†; последнее, конечно, имѣетъ значеніе очищенія дороги, по которой прошла смерть; но что значить битие горшка: было ли это символическимъ выраженіемъ мысли, что домашняя собственность не переживаетъ своего хозяина, или что усопшій разорвалъ свою связь съ хозяйствомъ¹⁾, вытекало ли это дѣйствіе изъ какой другой мысли — рѣшить не беремся по недостатку основаній; во всякомъ случаѣ обычай не можетъ назваться новымъ и незначительнымъ.

Слѣдуя указаніямъ русскихъ лѣтописей можно думать, что къ мѣсту погребенія покойника вывозили на *самлѣ*²⁾, отсюда и древне-русское выраженіе на *самлѣ сидѣть* = приближаться къ могилѣ, стоять у дверей гроба³⁾; но подъ этимъ словомъ едва ли можно понимать сани въ теперешнемъ значеніи: это былъ, какъ полагаютъ Успенскій †††, родъ особой повозки, покойной и небольшой, на ней ѣздили и лѣтомъ ††††, ее же съ мертвецомъ иногда

† Милицевид. Живот Срба, р. 125.

†† Төррен. Aberglauben aus Masuren, р. 109.

*† Saerwinski. Okolica za-dniestrska, I.w. 1811, р. 260.

1) Такой смыслъ имѣтъ напр. символично-юридическій обычай раздѣливанія поля судей (Grimm. Rechtsalterthümer, р. 136—7); битие горшковъ въ свадебныхъ обычаяхъ, кромѣ символическаго смысла потери дѣвства, могло имѣть и значеніе разрыва съ прежней дѣвичьей жизнью.

2) II. Собр. рус. лѣтоп. I, 66, 70, 78, 86, II, 4, 290.

3) Въ Поученіи Мономаха: она далече пути да на самлѣ сѣдла. Пб. I, 100.

††† Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, X. 1818 (2-ое изд.) стр. 140, нот.

†††† Полн. Собр. русскихъ лѣт. II, подъ 1194, ѣздили на саняхъ и раньше, ib. подъ 1276.

поставляли въ церкви †. Усопшаго вывозили или выносили до могилы; боясь мертвящаго вліянія смерти, галичане не употребляютъ для этого кобылъ: онѣ будутъ неплодны, а везуть волами или конями *†; у хорватовъ есть обычай употреблять на этотъ случай не своихъ, но чужихъ коней, сосѣднихъ; ибо покойникъ можетъ взять съ собою въ могилу свою собственность **†. Если умершій былъ воинъ, за его тѣломъ вели его коня *†*, вели, конечно, за нимъ и коровъ и другихъ животныхъ, назначенныхъ для его посмертнаго служенія (см. стр. 182, 66); Маршалкъ и Менецій сохранили намъ любопытнѣйшія черты погребальныхъ проводовъ покойника (стр. 138, 147): мекленбургскіе славяне у Гавельгейды провожали его съ пѣснями и пляской (choreis); жена слѣдовала за тѣломъ мужа, наряженная въ свое лучшей *moderne* платье, какъ будто бы дѣйствительно совершался не печальный обрядъ, но веселая свадьба; намъ не покажется странною эта веселость, если вспомнимъ, что языческая древность имѣла инья, совершенно отличныя отъ нынѣшнихъ, воззрѣнія на усопшаго: онъ былъ только переселенцемъ, здѣсь праздновалось это событіе; былъ онъ человѣкъ женатый — за нимъ слѣдовала жена, холостаго же — женили по смерти; такъ что веселыя проводы славянъ мекленбургскихъ могутъ быть приняты за отголосокъ древней посмертной свадьбы. Мы возвратимся къ ней немедленно. Менецій рисуетъ совершенно иную картину: провожатые озабочены мыслью, что душа покойника можетъ подпасть власти злыхъ духовъ, что ее увлекутъ они въ пекло, и она не успѣетъ насладиться счастьемъ послѣдней почести, не будетъ оя свидѣтельницею; потому грознымъ полчищемъ, на ко-

† Ibidem I, подъ 1074; II подъ 1288.

*† Галько. Нар. звичай въ околицѣхъ подъ Збруччю. Л. 1862, стр. 38.

**† Arkiv za povjatalica jugoslavenska. VII, 196, p. 215.

† Объ этомъ есть темный намекъ въ Киевской лѣтописи подъ 1171 г., о Кн. Андрѣѣ Володимировичѣ; Николай Криштофъ Радзивилъ замѣчаетъ, чтобъ за его гробомъ не вели коней. См. Maciejowski. Polaka pod wzgledem obyczajów. W. 1842, t. IV, 54, cf. pag. 52.

нять и съ обнаженными мечами, ѣдутъ проводники русскаго покойника 16-го вѣка, оберегая душу его отъ враждебныхъ насилій. Таковъ, какъ кажется, смыслъ извѣстій Маршалка и Менеця.

Похоронный обрядъ совершался, кажется, до захода солнечнаго. Гайкъ рассказываетъ, что когда умерла княжна Груба, князь, слѣдуя тогдашнему обычаю¹⁾, не позволилъ ее похоронить по заходу солнца (XVII f. ed. princ.); существованіе такого обычая подтверждается в нѣкоторыхъ русскихъ свидѣтельствах²⁾: вопросъ Кирика (12-го вѣка) къ еп. Нифонту объ этомъ предметѣ, вызываетъ со стороны послѣдняго христіанское объясненіе³⁾, но нѣтъ причинъ полагать, что в самый источникъ понятія былъ христіанскій, ибо на это нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній; для язычника же обычай имѣлъ опредѣленный смыслъ: въ пути солнечномъ онъ видѣлъ подобіе своей собственной жизни, солнце служило для него указателемъ дороги въ страну отцовъ (стр. 176); похороненный послѣ заката солнечнаго, онъ оставался во мракѣ безъ путеводаителя и легко могъ заблудиться; сверхъ этого, жизнь древняго человѣка опредѣлялась жизнью солнца: съ восходомъ его начиналась дѣятельность и оканчивалась съ заходомъ, народныя суевѣрія до сихъ поръ считаютъ всякое дѣло по заходѣ солнца несвоевременнымъ, безуспѣшнымъ и даже опаснымъ; тѣмъ болѣе несвоевремененъ былъ тогда важный обрядъ погребенія. Эта мысль, пройдя чрезъ множество вѣковъ, удержалась кое-гдѣ и доселѣ въ народныхъ понятіяхъ: подолжане не хоронятъ усопшихъ по закатѣ, сербохорваты предъ опущеніемъ тѣла въ могилу открываютъ гробъ, чтобы его омыло яркое солнце⁴⁾.

1) Т. е. по суевѣрному обычаю 16-го вѣка. См. стр. 144 наш. изслѣдованія.

2) Карамзинъ. Истор. Государ. Россійск. т. II, примѣч. 228. Памятники Россійской Слоесности XII в. М. 1821 стр. 184.

3) ... «То бо послѣднее видятъ солнце до общаго воскресенія».

4) Шейковскій. Бытъ Подолжья, II, стр. 80, Arkiv za povjestalca Jugoslavenski II, 2, 363. Какъ на исключеніе, можно указать на погребеніе Свято-

Душа мертвеца, по понятіямъ славянскаго язычества, слѣдовала за тѣломъ: Краледворская рукопись изображаетъ душу Власлава порхающею по дереву до поры, пока не сожгутъ тѣло (стр. 108); по вѣрованію болгаръ — душа въ образѣ птички или бабочки летитъ за тѣломъ до могилы и садится на ближайшее дерево, ожидая погребенія; по совершеніи его, она отправляется съ своимъ проводникомъ (ангеломъ) въ далекій путь¹⁾; мазуры также думаютъ, что до погребенія душа находится вблизи тѣла и даже бываетъ видима; за гробомъ она слѣдуетъ, сидя на верхней его части, и улетаетъ по окончаніи обряда; на основаніи такого вѣрованія провожающіе мертвеца бросаютъ на встрѣчный перекрестокъ или границу пучекъ соломы, чтобы душа могла отдохнуть²⁾.

Отсюда становится яснымъ важное значеніе погребальнаго обряда у языческихъ славянъ: онъ былъ необходимъ, чтобы душа могла оставить землю и успокоиться, иначе она будетъ безпріютно блуждать и мстить людямъ за неисполненіе ихъ долга (см. стр. 34)³⁾.

Пока совершается погребальный обрядъ, двери дома покойника остаются открыты, но никто не смѣетъ войти въ нихъ съ дурною цѣлію⁴⁾; совершаются очищенія отъ присутствія смерти; постель, на которой лежалъ покойникъ, у русскихъ поселянъ (Орл. губ.) выносятся на три дня къ пѣтухамъ для опѣванія⁵⁾; у хорватовъ же — въ поле; солома, служившая для смертнаго

славовыхъ воевъ у Доростола: оно происходило ночью при полномъ свѣтѣ луны (см. стр. 79), но это обстоятельство достаточно объясняется исключительно военнымъ положеніемъ дружины: днемъ обрядъ могъ быть нарушенъ нападеніемъ непріятелей.

1) Сообщено Л. Каравеловичъ. Забѣтнѣтъ, что и у кашебовъ существуетъ повѣрье, что душа до погребенія не покидаетъ тѣла и сидитъ на думовой трубѣ въ образѣ птички. Maunhardt. Roggenwolf... D. 1866, p. 70.

2) Тёррен. Aberglauben aus Masuren, p. 108—9.

3) Обстоятельное разсужденіе о блудныхъ душахъ можно найти въ ст. J. Пречка Studia v. oboru Mythologie české, Сазав. česk. Муз. 1863, p. 5—7.

4) Тёррен. I. с. 109.

5) Кавелинъ. Собраніе сочиненій. М. 1859, т. IV, 218, стр.

одра, сожигается въ полѣ †, избу посыпаютъ житою; словомъ, стараются уничтожить всѣ слѣды губительной смерти.

Проводивъ мертвеца до могилы, остановимся на нѣкоторыхъ историческихъ соображеніяхъ о предыдущемъ.

Весь ходъ погребальнаго обряда съ кончины до похоронъ представленъ нами на основаніи позднѣйшихъ свидѣтельствъ и суевѣрныхъ обычаевъ, бытующихъ у простого народа: древніе источники даютъ слишкомъ мало указаній на эту вводную часть обряда языческой славянской старины; по и обычан не многимъ вознаграждаютъ насъ: доведенные силою непрерывнаго преданія до нашего времени, они почти не удержали ясныхъ историческихъ помѣтъ, съ которыми когда-то присутствовали въ жизни: мы замѣчаемъ въ нихъ черты древнихъ понятій и вѣрованій, видимъ исконное, постоянное смѣшеніе двухъ противоположныхъ воззрѣній на посмертное существованіе (земное и воздушное); но мы не можемъ подмѣтить историческаго движенія жизни въ обычаяхъ и опредѣлить степень древности послѣднихъ; а — нѣтъ сомнѣнія — эти измѣненія существовали, какъ существовали во время язычества и мѣстные различія въ погребальномъ обрядѣ у особняхъ славянскихъ племенъ, различія, которыхъ мы также не можемъ услѣдить въ наличномъ содержаніи науки. Эпоха жизни оскѣдой, земледѣльческой, послѣдняя по времени, такъ сказать, покрывала здѣсь всю предшествовавшую исторію, все разнообразіе бытовыхъ условій: образъ непосѣднаго странника — кочевника, зѣролова или пастуха стадъ скрывается совершенно; мы не знаемъ, что дѣлали славяне, проходя эти формы быта (если только они проходили ихъ!), съ своими усопшими, какъ они *опрямывали* ихъ и сваряжали въ *далекій нутъ*; но изъ доселѣ осмотрѣнныхъ обычаевъ намъ ясенъ образъ земледѣльца, привязаннаго къ родному крову, знающаго цѣну оскѣдой, прочной жизни и чтущаго *дѣла*, какъ предметъ священный, хранящій живыхъ отъ губительнаго вліянія смерти.

† Arkiv za povjestaku Jugoslav. II, 2, p. 361. То же у поляковъ Кузавъ, Kolberg. Lud. Jego awyskaje. etc. W. 1867, p. 248.

Пойдемъ далѣе. Гдѣ воздавали языческіе славяне погребальную почеть своимъ мертвецамъ, въ какихъ мѣстахъ хоронили они останки усопшихъ, руководились ли они въ этомъ случаѣ какою опредѣленною мыслью, или это было дѣломъ случайности, личной воли и личныхъ соображеній? Судя по всемъ, доступнымъ намъ, источникамъ древности, должно полагать, что и здѣсь дѣйствовалъ обычай, а слѣдовательно и опредѣленное, непроизвольное начало.

Изъ глубочайшей древности доносятся къ намъ глухіе отголоски, позволяющіе мечтать, что усопшихъ предковъ когда-то хоронили въ самомъ жилищѣ, подъ семейнымъ порогомъ, помостомъ или въ переднемъ углу избы: тамъ кое-гдѣ и теперь хоронятъ *некрещенныхъ* младенцевъ (стр. 34), тамъ — по повѣрью — живутъ домашніе пенаты-покровители, которыми становились души предковъ; примѣръ прочихъ народовъ какъ будто дать поддержку этой догадкѣ¹⁾; ничего противоположнаго, несогласнаго съ понятіями и порядками языческой жизни не имѣетъ она и сама по себѣ, ибо мощи родителей составляли домашнюю почитаемую святыню, на которой основывалось благосостояніе дома. Тѣмъ не менше, мы не рѣшаемся высказаться утвердительно и, за недостаткомъ болѣе ясныхъ указаній, оставляемъ вопросъ до будущихъ открытій и новыхъ соображеній.

Держась положительныхъ свидѣтельствъ, мы находимъ, что балтійскіе славяне и чехи въ эпоху язычества хоронили своихъ мертвецовъ *по лѣсамъ и по полямъ* («in silvis et in campis», v. p. 98, 101); по лѣсамъ — въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста²⁾, по полямъ же, кажется — не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія земледѣльца. Этимъ понятіемъ

1) Faustel de Coulanges указываетъ въ своей книгѣ (*La Cité antique*, P. 1866 г. p. 82.) на свидѣтельство Сервія, который говоритъ, что обычай хоронить мертвыхъ въ самомъ домѣ идетъ изъ временъ глубокой старины.

2) См. ст. Bernhardt въ *Jordan's Jahrbücher für slavische Literatur* 1844, № 1, pag. 21—6.

можно объяснить и замѣченный «Повѣстью врем. лѣтъ» русскій языческій обычай ставить прахъ покойниковъ на музьяхъ (стр. 121, 123), ибо пути были межою поземельной собственности, а пограничными стражами ея стояли могилы, хранившія священныя прахъ предковъ. Потому, кажется, что въ славянской языческой старинѣ не было опредѣленнаго обычая хоронить мертвецовъ на общемъ кладбищѣ: кладбища были семейныя или родовыя, общія же предназначались для людей безземельныхъ, не имѣющихъ ни роду, ни племени; такъ позволительно заключать и изъ того, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ не существуетъ древняго термина для обозначенія общей усыпальницы¹⁾; археологическія раскопки съ своей стороны предлагаютъ этому подтвержденіе: могилы славянскихъ земель стоятъ или *одиночно или группами* (семейными), кладбища встрѣчаются рѣдко²⁾, и существованіе ихъ достаточно объясняется высказаннымъ выше соображеніемъ. Мѣстомъ покоя усопшихъ языческіе славяне иногда избирали горы (см. в. стр. 99, 118, 138); могло быть, что и обычай образовался не безъ соучастія мысли о пребываніи душъ усопшихъ въ горахъ (= небесныхъ облакахъ), что древнее мифическое представленіе отсвѣдѣло въ житейское обыкновеніе; но возможно также, что оно опредѣлялось желаніемъ помѣстить прахъ знаменитаго покойника на видномъ, памятномъ мѣстѣ, чтобы онъ служилъ въ вѣчное назиданіе всѣмъ мимоидущимъ (см. стр. 100).

«Рабу не оказываютъ погребальной почести, бѣднаго человека погребаютъ просто, но когда умереть какой-нибудь знатный,

1) Слово *буи*, *буици* употребляется въ русскихъ грамотахъ для обозначенія кладбища, но значеніе это — переносное: *буици*, *буиць* — собственно мѣсто, поросшее высокой травой, притомъ этотъ терминъ обозначаетъ уже христіанское кладбище.

2) Kalina v. Jäthenstein, Böhmens heid. Orferplätze p. 11, 33, 155; Brandt въ газ. Inland. 1850, № 46. Указанное нами замечаніе повсемѣстно и не требуетъ доказательствъ: каждое обстоятельное описаніе раскопки можетъ представить изъ; что же касается до Вавельскихъ кладбищъ, то о нихъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ по причинамъ, объясненнымъ на стр. 161—2.

его хоронят торжественно, вмѣстѣ съ имуществомъ, слугами и женой. Вотъ общій, предварительный выводъ, какой можно сдѣлать о характерѣ погребальнаго обряда языческой славянской старины; потому, чтобы понять частные порядки обряда, мы необходимо должны остановиться на нѣкоторыхъ историческихъ соображеніяхъ объ условіяхъ общественной жизни и общественныхъ понятій у славянъ въ до-христіанскую эпоху.

Императоръ Маврикій говоритъ о томъ, что славяне имѣли мягкія формы рабства¹⁾; другіе, болѣе поздніе, свидѣтели указываютъ на торговлю рабами и на жестокое обращеніе ихъ съ плѣнными²⁾... Для объясненія этого мнимаго противорѣчія нѣтъ нужды, думаемъ, прибѣгать къ предположенію о чужеземномъ вліяніи³⁾, которое будто бы внесло въ свободолюбивую жизнь славянъ чуждое имъ начало рабскихъ отношеній: вопросъ разрѣшится проще и естественнѣе, когда мы приведемъ на память различія быта и его условій у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Мирные земледѣльцы не имѣютъ суроваго рабства: взявшись за мечъ по случаю, ради собственной обороны, они также случайно добываютъ рабовъ и дѣлаютъ ихъ пособниками своей жизни: рабъ становится у нихъ работникомъ и какъ бы принадлежитъ семьѣ; не то бываетъ у племенъ воинскихъ: здѣсь рабъ служитъ предметомъ добычи и обогащенія, онъ цѣнится, какъ вещь и, внѣ вещной цѣны своей, не имѣетъ никакого значенія. Эти двѣ формы фактическаго † рабства существовали и у славянъ: одни, преданные земледѣльческимъ занятіямъ, не имѣли, какъ кажется, и жестокаго рабства; другіе, воины или воинственные торговцы, привыкнувъ къ суровой жизни, и съ рабами обходились сурово,

1) У Шафарика. Starohita. 2 vyd. 1868, II, p. 694.

2) Напр. Гельмольдъ, Chronik. Slavor. II, cap. XIII.

3) Макушевъ: Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ. Спб. 1861, p. 148.

† Говорить фактически, ибо юридическое, закономъ установленное, рабство является пооднѣ и подводитъ подъ одну уровень прежнія бытовые различія формъ рабства. -

признавая въ нихъ предметъ выгоднаго сбыта или вѣчнаго, низкаго слугу. Выражалось ли это различіе чѣмъ-нибудь въ погребальныхъ обыкновеніяхъ — источники не указываютъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что у языческихъ славянъ рабы не получали той погребальной почести, какую оказывали человѣку свободному: Ибнъ-Фоцланъ говоритъ (стр. 64), что русскіе, въ случаѣ естественной смерти раба, вовсе не заботились о немъ и оставляли его на произволъ судьбы; явленіе было совершенно въ порядкѣ древняго быта; погребальный обрядъ имѣлъ цѣлью обезпечить будущее существованіе покойника, — что же могло вызвать такую заботу о рабѣ-иноплеменикѣ, который при своей жизни цѣнился только, какъ рабочее орудіе или предметъ торговли! Могла вызвать такую заботу мысль о необходимости погребальнаго обряда для *человѣка* вообще, но юныя племена не доросли до этой мысли: для нихъ не существовало нравственныхъ обязанностей внѣ семейства и рода-племени, они не признавали въ рабѣ *человѣка*! Рабы включались въ погребальный обрядъ, но не столько, на сколько входили въ него и всѣ прочіе предметы домашняго хозяйства; они предавались смерти и погребались вмѣстѣ съ свободнымъ покойникомъ для того, чтобы и въ загробной жизни служить его нуждамъ и потребностямъ; такъ Ибнъ-Фоцланъ передаетъ, что у русскихъ съ умершимъ сожигались обыкновенно отроки или рабыни; Массуди говоритъ то же о сербахъ и болгарахъ дунайскихъ (стр. 58—9); Левъ Діакомъ — о волхъ Святослава, умертвившихъ плѣнниковъ надъ тѣлами своихъ собратьевъ (стр. 79—80). Въ виду этихъ фактовъ намъ становится понятенъ *отважный* страхъ русскихъ воиновъ, чтобы не попасть живыми въ руки непріятеля (стр. 83—8): они предпочитали временную смерть вѣчному рабскому существованію, ибо ставъ плѣнниками и рабами, они думали, что останутся ими «въ съ вѣкъ и въ будущій». Обычай погребать заживо отроковъ и дѣтушекъ съ ихъ господиномъ у Ибнъ-Фоцлана является уже въ ослабленной, смягченной формѣ: у нихъ предварительно спрашиваютъ на то согласія; но въ бо-

лѣе отдаленную и болѣе грубую старину, конечно, обходились безъ этого и не требовали добровольнаго согласія, какъ не требовали его отъ своихъ плѣнниковъ и вонны Святослава. Замѣтимъ къ этому, что и Массудъ ничѣмъ не намекаетъ на свободу выбора между жизнью и смертью!

Но не одни рабы шли въ могилу за господиномъ: шла туда и порабощенная жена за владыкою мужемъ. Мы сказали *порабощенная*, потому что не можемъ иначе объяснить этого варварскаго обычая, какъ крайнимъ общественнымъ порабощеніемъ женщины, которое отозвалось в ея порабощеніемъ умственнымъ. Импер. Маврикій (стр. 42) и св. Бонифацій (стр. 46) объясняютъ это обыкновеніе преданностью къ мужу, чистотою нравовъ народныхъ и сознаніемъ безпомощнаго состоянія вдовы по смерти мужа; такая безграничная преданность жены едва ли могла существовать у народа, живущаго въ формахъ полигаміи; равнымъ образомъ сознаніе безпомощности положенія вдовы едва ли, своею единственною силою, могло довести женщину до самопожертвованія; здѣсь очевидно дѣйствовала мысль болѣе сильная и рѣшительная: женщина думала, что она создана только для мужа, какъ созданъ рабъ для господина; она вѣрила, что только чрезъ мужа, т. е. вмѣстѣ съ нимъ, она можетъ войти въ рай и блаженствовать; потому, по словамъ Массуды, такъ пламенно желала послѣдовать за мужемъ въ могилу... Чтобы дойти до такого понятія, чтобы увѣрить себя въ собственномъ ничтожествѣ и рабскомъ назначеніи, необходимо пережить дѣлье вѣка самой тяжелой и унижительной жизни, необходимо чувствовать полную и постоянную зависимость отъ мужа..... И кажется, что обративъ это чувство въ необходимую привычку или обычную мысль, женщина могла только не въ мирной жизни земледѣльца-поселянина, гдѣ и по смерти мужа она находила мѣсто, какъ мать своихъ дѣтей, посреди долгой и непрерывной воинской жизни, гдѣ она присутствовала только въ качествѣ рабыни и предмета физической необходимости. Умиралъ мужъ, должна была умереть и жена, и не потому только, что существованіе ея ока-

звѣдалось совершенно лишнимъ, но и потому, что оно было необходимо для умершаго мужа: владѣлецъ бралъ съ собою собственность ради удовлетворенія своихъ потребностей. Мы не хотимъ этимъ сказать, что тѣ вѣка славянской жизни, отъ которыхъ дошли къ намъ свидѣтельства о самопожертвованіи женщинъ, имѣли именно такой суровый характеръ: жизненное явленіе совершалось тогда уже не по необходимости, а по обычаю, и доказательствомъ тому служитъ обстоятельство, что женамъ предоставлено было право добровольнаго выбора между жизнью и смертью; но безъ предшествующихъ вѣковъ полнаго господства войны и грубой силы, не могъ возникнуть и самый обычай. Впрочемъ, и во время историческое положеніе вдовы не было отрадно: въ мужѣ она являлась защитника и сама, не привыкнувъ къ самостоятельности въ дѣйствіяхъ, не могла справиться съ тревогами жизни, въ которой обычный законъ все обезпечивалъ мужчинамъ и, кажется, ничего не обезпечивалъ женщинамъ. Обычай славянскихъ женщинъ умирать на гробѣ мужа засвидѣтельствованъ древними и несомнѣнными источниками; его замѣтили: въ VI в. Маврикій у славянъ византійской Имперіи, въ VIII—Бонифаций — у славянъ балтійскихъ, въ IX—Х Ибизъ-Доста — у славянъ (карпатскихъ?) и русскихъ, въ X—Массуди и Ибизъ-Фоцланъ — у славянъ русскихъ, сербовъ и болгаръ дунайскихъ, въ X—XI Левъ Діаконъ — у русскихъ воиновъ, наконецъ — въ XI в. его указалъ Титмаръ — у славянъ польскихъ. Такимъ образомъ, почти у всѣхъ славянскихъ племенъ существовалъ этотъ суровый обычай; и теперь, кажется, память о немъ, какъ неясный сонъ, виднѣется въ народныхъ понятіяхъ и въ произведеніяхъ славянской народной поэзіи. Болгаре думаютъ, что мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ и по смерти, потому женщины рѣдко выходятъ во второй разъ замужъ, а равно и дѣвушка рѣдко выходитъ за вдовца: она останется одинокою на томъ свѣтѣ, потому что мужа отыметъ первая жена¹⁾; то же думаютъ

1) Сообщено Л. Каравеловымъ.

и сербы; въ моравскихъ народныхъ пѣсняхъ мертвецъ, мужья или жениха, поднимаются въ могилу и уводятъ съ собою своихъ женъ и невѣсть¹⁾, наконецъ — русская былина прямо говоритъ, что богатырь Потокъ по смерти былъ скороненъ съ живою женою (стр. 57).

По извѣстію Массудя (стр. 58), если у славянъ (словѣнъ?) и русскихъ кто умираетъ холостъ, его женили по смерти; основываясь на этомъ показаніи, можно догадываться, что русскіе купцы въ Булгаріи, обычай которыхъ описалъ Ибнъ-Фонданъ, выдавали замужъ дѣвушку за своего покойника. Съ этой точки зрѣнія мы и позволили себѣ (стр. 76—78) объяснить нѣкоторыя частности обряда. Какъ отголосокъ этого обычая должно, кажется, признать слѣдующія обыкновенія: въ Малороссіи умершую дѣвушку наряжаютъ, какъ подъ вѣнецъ, и къ погребальному обряду присоединяютъ свадебные; то же дѣлаютъ и при смерти парубка; у подолянъ есть убѣжденіе, что умирающіе безъ *дружины* нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ; потому похороны парубка носятъ названіе свадьбы — *весмля* и совершаются съ свадебной обстановкой: употребляются квітки, вѣнки и платки. Умершей дѣвушкѣ прикалываютъ два вѣнка и даютъ платки несущимъ хоругви; для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, и такимъ *молодымъ* бываетъ какой-нибудь парубокъ: ему перевязываютъ руку *свадебнымъ платкомъ*, и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу до *жаны* (могины). Съ той поры семья умершей считаетъ его зятемъ, а прочіе вдовцомъ²⁾. У сербовъ, когда умираетъ юноша — *монакъ*, какая-нибудь дѣвушка одѣвается, какъ къ вѣнцу, беретъ два вѣнка и несетъ ихъ за гробомъ, ее провожаютъ два брачные деверя; при опущеніи мертвеца въ могилу, одинъ вѣнокъ бросаютъ на покойника, другой передаютъ

1) Миличевъ: Живот Срба селана, В. 1867, р. 127; Savič. Moravské národ. písně. В. 1860, р. 791, 111, 188.

2) Шейковскій. Бытъ Подолянъ, II, стр. 23, 23; Свидницкій въ Осеней 1861 г. № 11, стр. 52—3.

дѣвухѣ, которая носить его въ некоторое время, хотя она никогда не думала выйти замужъ за усопшаго¹⁾); наконецъ, самое уподобленіе смерти браку, столь обычное въ народной поэзіи, какъ бы указываетъ, что старина не находила страннымъ такое содѣяніе двухъ разнородныхъ житейскихъ событій: для нѣкоторыхъ смерть была дѣйствительно бракомъ!

Погребались ли также живыи и *дѣти* съ родителями — изъ источниковъ не видно: умерщвленіе грудныхъ младенцевъ надъ тѣлами воиновъ Святослава могло быть вызвано не обычаемъ, но силою обстоятельствъ, положеніемъ военной дружины, гдѣ грудные сироты были вполне неумѣстны (стр. 85).

Частности похороннаго славянскаго обряда зависѣли отъ состоянія и образа жизни покойника: богатый и знатный и хоронился богато, бѣдный же — просто, съ удовлетвореніемъ только первыхъ потребностей (стр. 64) загробной жизни; воинъ погребался съ воинскою обстановкой, земледѣлецъ, можно предполагать, съ земледѣльческою. Однимъ словомъ, загробный міръ, жизнь въ немъ и ея условія — въ понятіяхъ язычниковъ были тѣ же, что и на землѣ: формы для понятія жизни вообще опредѣлялись окружающею дѣйствительностью, и жизнь загробная не представлялась и не могла представляться иначе, какъ въ формахъ, подобныхъ земному существованію и земнымъ житейскимъ порядкамъ.

Переходимъ къ погребальному обряду.

Неизвѣстно съ точностію, когда у славянъ совершалась погребальная *тризна*: предъ началомъ обряда, или по окончаніи его; держась письменныхъ свидѣтельствъ (стр. 41, 118), должно принять первое. Тризна отличалась отъ поминковъ, она была торжественнымъ прощаніемъ съ покойникомъ и имѣла видъ воинскаго ристанія, игры или битвы. О такомъ воинственномъ характерѣ обычая свидѣлствуютъ многіе источники древности

1) Милашевичъ. Жизнь Срба селяка, р. 127.

(стр. 181—2). Трizza могла родиться и вырасти не иначе, какъ среди воинскаго быта: только воину прилично отдавать прощальную честь усопшему-собрату — воинскою игрою или битвой; племена мирныя не знаютъ тризны и обходятся вмѣсто нея мирнымъ поминкамъ; потому, кажется, не всё славяне имѣли этотъ обычай, какъ не всё были воинами; исторически засвидѣтельствовано существованіе его у русскихъ (стр. 74, 118, 126), чеховъ (стр. 181—2) и, если дать значеніе показанію Юрианда (стр. 41), у славянъ южныхъ. Въ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, сопровождалась ли трizza какими-нибудь военными пѣснями, на подобіе гимна, который пѣли воины Аттилы въ честь своего почившаго вождя; предположеніе наше, что подъ названіемъ «смилыхъ словъ» Краледворской рукописи можно разумѣть тризненное причтаніе (стр. 113—14), есть догадка совершенно личная. Съ теченіемъ времени обычай тризны слабѣлъ, такъ что въ современныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ почти не сохранилось его отголосковъ¹⁾: онъ уступилъ мѣсто *смерем* или поминкамъ, которыя совершались въ заключеніе погребальнаго обряда²⁾.

Трудно, почти невозможно рѣшить, былъ ли у древнихъ славянъ, съ той поры, какъ они выдѣлились изъ племеннаго единства и стали особымъ народомъ, былъ ли у нихъ обычай погребать своихъ мертвецовъ, отправляя ихъ на ладѣ въ открытое море: есть, правда, слѣды существованія у Славянъ тѣхъ же понятій, которыя условили этотъ обычай³⁾; есть какъ будто бы отголоски обычая въ томъ, что мертвеца хоронятъ въ ладѣ

1) Если не признавать за такой отголосокъ одну южно-русскую игру при погребеніи (бить лубка), о которой см. у Шейковского. Бытъ Подолякъ, II, стр. 28.

2) Кажется, она была и у поляковъ, по крайней мѣрѣ еще въ XVI в. князь Николай Радзивилъ завѣщалъ, чтобы на его погребеніи не лопали копій. *Ms. ciełowski. Polska*, IV, p. 54.

3) Нѣкоторыя изъ нихъ отгичены нами въ ст.: Для сравнительной науки древности. М. 1865, (оттискъ изъ 1-го т. Трудовъ Московск. Археол. Общ.), стр. 37—8; сравни выше стр. 200.

(стр. 64 слѣд.), что самое слово *наше* этимологически указывает на лодку и море (стр. 199); но первое можетъ быть только воспоминаніи древней, до-славянской эпохи жизни, послѣднее же еще не даетъ права заключать о житейскомъ, практическомъ обычаѣ; ибо мертвеца могли снабжать лодкою, назначая ее не для дѣйствительнаго, но для воздушнаго моря, которое ему предстояло переплыть, чтобы достигнуть страны отцовъ (см. стр. 172 — 3). Прямые источники нигдѣ не говорятъ о такомъ обычаѣ, да и самое исторически извѣстное положеніе славянъ, въ большинствѣ удаленныхъ отъ моря, не могло поддерживать его †; оттого, все, что мы можемъ сказать о существованіи у древнихъ славянъ обычая погребальной почести чрезъ отправленіе снаряженнаго мертвеца въ море, будетъ имѣть значеніе одной вѣроятности: такъ могло быть, потому что причины къ противному могли отсутствовать въ болѣе отдаленное время¹⁾.

Несомнѣнные свидѣтельства древности указываютъ на два способа погребальной славянской почести: *погребеніе* въ собственномъ смыслѣ, т. е. похороны въ землѣ безъ сожженія, и *сожженіе* съ погребеніемъ праха. Естественно представляется вопросъ о причинѣ розни этихъ обычаевъ. Одни изслѣдователи объясняли явленіе историческимъ движеніемъ быта и обычаевъ: сожженіе усвоили старѣйшимъ кочевникамъ, погребеніе — болѣе позднимъ племенамъ, земледѣльческимъ²⁾; другіе угадывали причину въ религиозныхъ или нумициальныхъ отношеніяхъ: полагали, что племена, сожигающія мертвыхъ, составляли какъ

† Ibidem, стр. 85, слѣд.

1) Пользуется случаемъ, чтобы въ небольшомъ часу напомнить объ этомъ обычаѣ присоединить одно народное преданіе изъ Милютинскихъ Мисей (октябрь, стр. 1277): тѣло Якова Боровицкаго влило Метого на лодкѣ, которая влила на себя околоту (=гробъ) безъ верха кровли, и та горѣла. Сообщ. Н. С. Некрасовыхъ.

2) Это извѣстіе принадлежитъ Я. Гриниу: *Kleinere Schriften*, II, стр. 217—18.

бы одну религіозную секту, погребаящія же — другую¹⁾; что богатые люди предавались сожженію, бѣдные — погребенію... Недостаточность подобныхъ предположеній видна даже изъ простаго перечня свидѣтельствъ.

Въ VIII вѣкѣ св. Бонифаціи отмѣтилъ у славянъ балтійскихъ погребальный обычай сожженія (стр. 46).

Въ IX—X в. Ибнъ-Доста говоритъ о сожженіи у славянъ (карпатскихъ или польскихъ?) и погребеніи *изъ земли* — у русскихъ (стр. 54—5).

Въ X в. Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ обычай сожженія у русскихъ въ Булгарѣ; сожигали богатую кутна и съ нимъ его рабыню, но Ибнъ-Фоцлану передали, что обычай сожженія распространяется и на бѣдняка (стр. 64 слѣд.).

Въ томъ же вѣкѣ Массуди говоритъ, что русь, славяно (словѣни) и сербы — сожигали своихъ покойниковъ, а болгаре дунайскіе и сожигали ихъ и предавали погребенію (стр. 58—9).

Въ томъ же вѣкѣ, по извѣстію Льва Діакона, воины Святослава сожгли своихъ павшихъ соратниковъ (стр. 79—80).

Въ царствованіе Мечислава († 992), какъ видно изъ словъ Титмара, въ Польшѣ существовалъ погребальный обычай сожженія (стр. 89).

1) Делезелъ въ *Nomenclature du Moyen Age*, t. III, P. 1835, p. 80 выражается слѣдующимъ образомъ о предметѣ: «Il parait que les plaines de la Vistule nourrissaient les habitans partagés en deux rites qui divisaient—dit—on—la Scandinavie. Les Léchites, les Mazoviens, les Poloniens, les Lentschitzaniens, les Pomeraniens, et les autres habitans des côtes de la Baltique, les Lutices, les Prusiens — brûlaient leurs morts. Dans toute cete étendue de pays, on retrouve d'immenses cimetières remplis d'urnes où des cendres humaines furent déposées et on y voit très rarement de simples ensevelissemens de corps de ces siècles reculés. Dans la Croatie on enterrait et on élevait très souvent des tertres moghila, des monticules, qui résistaient au dégat du temps, et on en voit çà et là dans les pays de Sandomir, de Cracovie, de la Haute Silésie. Сравни также 106—8 стр. того же сочиненія. Мнѣніе, ни на чемъ не основанное, ибо ни однокъ источникъ древности не указываетъ на существованіе религіозныхъ сектъ въ славянскомъ язычествѣ. Столь же мало имѣетъ основаній и попытка Гизебрехта (*Baltische Studien*, St. 1844, X, 2, p. 109—115) опредѣлить религіозные культы въ своеобразъ языческаго погребенія.

Въ X—IX, по извѣстію «Повѣсти временныхъ лѣтъ», радимичи, сѣверяне и кривичи сожигали усопшихъ, поляне же и древяне — хоронили ихъ въ землѣ (стр. 121, 117—118).

Въ XII, по извѣстію составителя «Повѣсти» — обычай сожженія еще бытовалъ у вятичей (ib.).

Въ XIII вѣкѣ, Кракедворская рукопись замѣтила въ языческой чешской старинѣ два погребальныхъ обычая: сожженіе и погребеніе въ землѣ (стр. 112—113).

Изъ этой регесты обычаявъ по несомнѣваемъ свидѣтельствамъ древности — видно, что въ позднѣйшую эпоху язычества, не только у различныхъ славянскихъ племенъ, но и у одного и того же племени и у различныхъ вѣтвей его — одновременно употребляются разные погребальные обычая, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ исторической преемственности; равнымъ образомъ нѣтъ слѣдовъ и того, что такая разница зависѣла отъ разности религіозныхъ понятій племенъ или матеріальнаго достатка покойниковъ; напротивъ, религіозныя понятія кривичей, сѣверянъ едва ли въ чемъ отличались отъ понятій древянъ, а между тѣмъ эти племена имѣютъ различные обычая погребенія; богатство же или бѣдность усопшихъ опредѣляли не самый обрядъ, но его внѣшнюю обстановку: бѣднякъ такъ же сожигался, какъ богатый, послѣдній былъ также погребаемъ въ землѣ, какъ и первый. Тѣмъ не менѣе причина различія должна была существовать, и ее можно предугадывать. Выше (стр. 180—1) мы имѣли поводъ замѣтить, что еще въ эпоху глубокой древности возникъ и распространился обычай сожженія тѣлъ; но что онъ не исключилъ совершенно старѣйшаго обычая погребенія въ землѣ, а бытовалъ совмѣстно съ нимъ. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, что иначе было и въ послѣдующее время: если бы сожженіе окончательно вытѣснило похороны въ землѣ, то христіанство застало бы первый обычай повсемѣстнымъ, а этого не было; наоборотъ — если бы погребеніе въ землѣ переслѣдило обычай сожженія, то христіанство не могло бы застать сожженія, по крайней мѣрѣ оно застало бы его въ слабомъ образѣ частнаго явленія, а

не въ той оцѣ, съ какою обычай этотъ имѣлъ мѣсто въ жизни народовъ средневѣковой дохристіанской Европы... Остается полагать, что какъ погребеніе въ землѣ, такъ и сожженіе бытовали совмѣстно и одновременно съ древнѣйшей эпохи до самой поры распространенія христіанства. Причина, почему одни употребляли одинъ, другіе — другой обычай, заключалась, какъ кажется, въ семейной традиціи; семьи или роды были хранителями стародавнихъ обыкновеній: тѣ, которыхъ предки, и. б. за нѣсколько тысячъ лѣтъ, сожигали своихъ покойниковъ, тѣ и удерживали этотъ обычай непрерывно; другіе, въ силу той же привязанности къ семейной старинѣ, удержали обычай погребенія. Вѣроятность такого предположенія усиливается, когда мы припомнимъ, что у славянскихъ племенъ, за вычетомъ балтійскихъ, вѣрованія не успѣли сложиться въ религіозную систему, которая обыкновенно подводитъ все подъ единый уровень: славянское язычество, кажется, не знало религіозной нетерпимости, потому что не знало догматической, обязательной религіи; имѣя разнообразныя воззрѣнія на міръ, оно могло пользоваться и различными другъ съ другомъ несогласными, обычаями, которые никого не смущали и ни въ комъ не вызывали осужденія. Что такой фактъ дѣйствительно существовалъ, на это есть прямыя доказательства: при раскопкахъ нерѣдко встрѣчаютъ разные обычан въ одной и той же могилѣ, возлѣ сожженную лежатъ иногда останки погребенную, иногда сожигаются только нѣкоторыя части тѣла; другія — хоронятся безъ сожженія ¹⁾. По всему этому можно, думаемъ, позволить себѣ догадку, что различіе двухъ способовъ погребенія въ славянской языческой древности было различіемъ не вѣрованій или исторической жизни, а различіемъ преданія, хранившагося со времени незапамятной древности въ отдѣльныхъ семьяхъ и родахъ: со-

1) См. Прилѣч. на стр. 56; а также III Bericht d. Pomn. Gesellsch. f. Alterthumsk. St., 1828, p. 101-2; Ibid. VII, 1836, p. 21-2; Baltische Studien, XII, 2, 1846, p. 144 sq. Ibid. XIII, 2, p. 77, sq.

юзъ семей различнаго преданья чрезъ жендѣбу можетъ служить объясненіемъ, почему одна и та же могила иногда принимала какъ сожженные, такъ и несожженные останки усопшихъ.

Традиціонная жизнь обычаевъ необходимо дѣластъ ихъ употребленіе безотчетнымъ: еще погребеніе въ землѣ, по своему простому, съ перваго взгляда понятному, назначенію и смыслу, должно было и употребляться сознательно; но обычай сожженія едва ли находилъ свое достаточное объясненіе въ повѣтіяхъ тѣхъ, кто имъ пользовался; по крайней мѣрѣ — сознательное его пониманіе не выразилось ни въ обычаяхъ, ни въ письменныхъ свидѣтельствахъ древности: объясненіе, какое давалъ ему русскій купецъ, разговаривавшій съ Ибизъ-Фюцланомъ (стр. 68), ничего не выражаетъ положительнаго: это общія фраза о важности обычая — не болѣе.

Покойнику погребасному приготовляли посмертное жилище или домъ: вырывали въ землѣ могилу на подобіе просторной комнаты и полагали туда мертвеца (стр. 55, 59, 62). Такой могильный домъ изображаетъ намъ древнее русское стихотвореніе:

«А и тутъ стала могилу копать,
 Выкопали могилу глубокую и великую,
 Глубиною, шириною по двадцати сажень...
 И тутъ Потокъ Михаилу Ивановичь
 Съ конемъ и збруею ратною
 Опустился въ тосѣжъ могилу глубокую,
 И заворочали потолокомъ дубовымъ
 И засыпали песками желтымъ.. 1)»

Намъ неизвѣстенъ способъ устройства могилы, но можно предполагать, что онъ завѣдѣлъ отъ состоянія покойниковъ: бѣдные прямо опускались въ землю, для болѣе богатыхъ усыпаль-

1) Др. Р. Стихотворенія Карпинъ Данилова. М. 1818, стр. 222—3.

нища отстраивалась деревомъ или камнемъ¹⁾. Такого рода могилы действительно находятся на прострaвствѣ, занятои славянскими племенемъ²⁾. Усопшаго полагали или просто, или въ особомъ помѣщеніи, въ выдолбленной колодѣ или ладѣ. О послѣдней говоритъ Ибнъ-Фоцланъ (стр. 64 слѣд.), хотя въ примѣненіи къ покойникамъ *сооснаемымъ*; имѣя, однако, въ виду указаніе «Поѣбсти временъ лѣтъ» (стр. 116—17), позволительно думать, что ладью иногда давали и *погребаемымъ*; мысль язычниковъ не стѣснялась непослѣдовательностью: и погребаемый въ землѣ могъ, по ихъ понятіямъ, воспользоваться ладьею для отплытія въ страну отцовъ, лежащую за моремъ (стр. 72).

Кажется, что славянская языческая древность не наблюдала опредѣленнаго способа положенія тѣла въ могилѣ: изъ Житія Константина Муромскаго видно (стр. 126), что для русскихъ язычниковъ казалось *страннымъ* христіанское символическое положеніе *взнакъ на востокъ лицемъ*; могилы также не представляютъ опредѣленнаго положенія тѣлъ³⁾, такъ что едва ли при этомъ руководились какимъ-нибудь особымъ побужденіемъ или мыслью.

Усопшій, котораго сожигали, не нуждался въ вырытой могилѣ: ему, какъ видно изъ Ибнъ-Фоцлана (стр. 65 сл.), строили иное жилище: ладью подымали на столбы или костеръ, на нее ставили смертное ложе, убрали его, раскидывали надъ нимъ

1) У болгаръ покойника кладутъ право въ могилу, которую выкапываютъ на сажень въ глубину и на сажень въ длину, поперекъ кладутъ три толстыя бревна, а на нихъ—широкія доски, такъ что могила получаетъ видъ комнаты. См. Княжескій. Праб. изъ Ж. М. Н. Пр. 1846, к. III, стр. 84.

2) Упомянемъ о каменныхъ могилахъ, какъ негдѣ извѣстныхъ: Dubeis de Montrépeux. Des Tumulus de la Russie, въ *Annuaire des Voyages*, P. 1846, p. 46 sq; Lippoman. *Zastanowienie się nad mogiłami*. Ber. 1852, p. 12 not; Zegota Pauli Starożytn. Galicyjsk. L. 1839, p. 27. Г. К. Тышкевича. О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси, В. 1865, стр. 19, 47, 104; Wessel, *Grundzüge d. böhml. Alterthumsk.* 1845, p. 82.

3) См. Замѣчанія объ этомъ у гр. Тышкевича: о Курганахъ, стр. 108-4. Adler. *Die Gräbner im Orlagan*. S. 1837, p. 19; Sell. *Gesch. d. Pommer*. Ber. 1819 I, p. 21.

шатеръ и на ложе полагали сварженнаго покойника. Людей бѣдныхъ просто сожигали въ ладѣ или на кострахъ. Такъ было у русскихъ язычниковъ. Слѣдовали ли другія славянскія племена (болгаре, сербы, чехи, поляки и балтійскіе славяне), сожгавшія своихъ мертвецовъ, тѣмъ же порядкомъ—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, если и были различія, то различія случайныя, несущественныя.

Полагая, что усопшій и за гробомъ продолжаетъ ту же жизнь, языческая славянская старина равно надѣляла какъ погребаемыхъ, такъ и сожигаемыхъ всѣмъ необходимымъ для будущаго существованія: жены, прислуга (рабы), домашнія животныя, одежда, украшенія и оружіе, домашняя утварь, яства и питье, и вообще всѣ предметы житейской необходимости, житейскихъ занятій и симпатій покойника—полагались ему въ могилу. Воишь погребался съ оружіемъ и конемъ (стр. 66, 126)¹⁾, земледѣлецъ—съ животными и орудіями его мирнаго быта, женщина—съ украшеніями. Предметы назначались для прямаго удовлетворенія нуждъ усопшаго и для того, чтобы облегчить ему переходъ въ вѣчность: Житіе Константина Муромскаго упоминаетъ, что въ могилу закапывали *ременныя плетенія* древолазныя (стр. 126): это лѣстницы, по которымъ душа будетъ взбираться на высокую гору-рай; слѣды обычая доселѣ видны при поминкахъ. Покойнику давали и *молоты*, можетъ быть не съ практической цѣлью, а по связи этого символа молніи съ представленіемъ души и ея посмертнаго мѣстопребыванія²⁾. Вѣроятно также, что и нѣкото-

1) См. извѣстіе о запѣч. раскопкѣ въ Кіевской губерніи, Русскій Изнав. 1866, № 260, сЛ. Kruse. D. Alterthümer, H. 1828, III, p. 28. Извѣстно, что Андрей Боголюбскій велѣлъ нагородить своего коня, эмалю коновѣства его. II. С. р. а. I, 140; II, 47.

2) Молоты нерѣдко находятъ въ предполагаемыхъ славянскихъ могилахъ, они иногда даже изображаются на погребальныхъ урнахъ въ видѣ креста. См. Giesebrecht. Baltische Studien, St. 1845, XI, 2, 43-6; Woesl. Archäologische Parallelen, II, 55—9; Kalina v. Jäthenstein. Böhmens Opferplätze, p. 186; Woesl. Grundzüge d. böh. Alterth. P. 1845, p. 6; III Jahresbericht d. thüring. sächsisch. Alterth. Vereins. St. 1823, p. 19. Языческій обычай полагать молоты

рыя животныя імѣли символическое назначеніе, какъ олицетворенія явленій воздушной природы (собаки, быки = тучи, вѣтухи = огненные блески ¹⁾), см. стр. 33, 75, 85): съ ними вѣстѣ, или чрезъ нихъ, душа переносилась въ горнюю область. Конечно, славяне IX—X в. были далеки отъ пониманія причины и смысла обычая, они слѣдовали ему бессознательно, или толковали его по своимъ практическимъ соображеніямъ; но, имѣя предъ собою боге древній и ясный образъ обычая (стр. 182), едва ли можно отрицать въ его происхожденіи участіе мнеческаго мировоззрѣнія.

Показанія свидѣтелей, имп. Маврикія, св. Бонифація, Льва Діакона, Ибнъ-Досты, Ибнъ-Фодлана, Массуди, Повѣсти временныхъ лѣтъ и позднѣйшихъ, о томъ, что славяне надѣялись покойниковъ имуществомъ, находятъ полное оправданіе въ другихъ источникахъ древности. Чѣмъ болѣе какаѣ-нибудь мѣстность земли, занятой нынѣ славянами, удалена отъ притока новизны, тѣмъ свѣжѣе сохраняется старый обычай. Археологическія раскопки съ своей стороны свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ и широкомъ его распространеніи: могила безъ житейскихъ предметовъ — рѣдкость и исключительный случай въ археологическомъ мірѣ: она указываетъ на полную бѣдность и круглое сиротство усопшаго. Нѣкоторыя могилы предлагаютъ даже ясное подтвержденіе обычая одновременнаго погребенія жены съ мужемъ ²⁾.

въ могилу выродился въ христіанское обыкновеніе втыкать кресты на могилѣ, такъ что, по свидѣтельству Горчянскаго, у лужичанъ конца прошлаго вѣка иногда вся могила бывала устлана малевскими торчачими крестиками. Provinzialblätter, 1782, I, 251. Вышнее сходство креста съ орудіемъ бога Громованика даю, конечно, поводъ къ объясненію.

1) О погребальномъ значеніи вѣтухонъ, какъ символовъ небснаго огня, мы разсуждали при разборѣ извѣстій Льва Діакона, адѣсь дополнимъ наши извѣстія указаніемъ на сербскій обычай: въ Краинѣ, когда усопшій еще стоитъ въ доми, иногда въ гробъ кладутъ курицу, потомъ закрываютъ ее вѣстѣ съ мертвецомъ крышею и такъ погребаютъ. Миланевичъ. Живот. Срба, 121, 127; ср. Москв. Вѣдомости, 1861, № 196, стр. 1530.

2) Гр. К. Тышкевича. О курганахъ, В. 1865, стр. 108-9; Alberti въ постр. Varietät. Gr. 1830, II, p. 116, 117.

Предъ самымъ началомъ погребальнаго обряда, сколько можно заключать по современнымъ суевѣрнымъ обычаямъ, присутствующіе еще разъ прошались съ покойникомъ, выливали на него въ могилу чашу напитка (у мекленбургскихъ славянъ, см. стр. 138—9¹⁾), бросали туда же перевозную деньгу, если этого не было исполнено прежде²⁾; у болгаръ, галичанъ и поляковъ внутренность могилы посыпаютъ зернами хлѣба †, который служилъ, вѣроятно, тоже предметомъ хозяйства усопшаго, или выражалъ символически мысль о его загробной жизни. Затѣмъ, жена и близкіе просили усопшаго привѣтствовать на томъ свѣтѣ родню и пріятелей ††,—и гробъ засыпался землей, а костеръ зажигался однимъ изъ родственниковъ усопшаго (стр. 68). Есть нѣкоторые намеки (стр. 32), что славяне, подобно племенамъ нѣмецкимъ, употребляли для священной погребальной *кравы* или костра (стр. 129—30) особый родъ дерева, колючій терновникъ, какъ растеніе, въ которое, по мифическимъ представленіямъ, воплотился небесный огонь и которое служить земнымъ его представителямъ; но эти намеки, чтобы получить силу факта, нуждаются еще въ новыхъ подтвержденіяхъ.

Изъ Ибнъ-Фоадана видно, что обрядъ сожженія происходилъ при громѣ палицъ въ щиты; при громѣ небесномъ, по народнымъ повѣртіямъ, отворялись небеса = рай; подражая небесному явленію, главное вѣрованіе думало отворить двери рая для новаго пришельца, точно такъ, какъ оно и теперь думаетъ, что душа человека убитаго громомъ будетъ счастливая и войдетъ въ

1) У южныхъ славянъ предъ тѣмъ, какъ закрыть могилу, грудь мертвеца орошаютъ крестообразно виномъ и масломъ, а также присутствующимъ раздается хлѣбъ, соль и подносится три рюмки вина. Воуѣ. La Turquie, II, 304. 3.

2) Сообщ. Л. Каравеловичъ; Grobmann. Aberglauben aus Böhmen, 190.

†) Rohrer. Die Illyrische Provinzen. W. 1812, — объ ускокахъ. Lereg. Fomh. Provinzialblätter, Tr. 1821. III, p. 425—у кашебовъ; Ворон. лит. Сборн. В. 1861, 317; Ворон. Бесѣда, 1861., 218, Шейковскій, Быть подолитъ, II. 33; Малакъ, 1843, III, 72; Аонимасевъ. Поэт. воззрѣн. славянъ, М. 1866, I, стр. 577.

†† Ljubić. Običaji kod Morlakah. Zad. 1846, p. 111; Милушевскій. Живот, p. 125.

рай¹⁾, что случайный громъ при погребеніи обозначаетъ отвореніе небесныхъ воротъ для принятія души²⁾.

Надъ домомъ усопшаго погребенную насыпали холмъ (стр. 99, 126), который долженъ былъ увѣковѣчить его память; оставшіе же сожженнаго на другой день собирались въ сосудъ и ставились на холмѣ. Такъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Доста относительно славянъ и повѣсть временныхъ лѣтъ — относительно нѣкоторыхъ русскихъ племенъ (стр. 54, 121); Ибнъ-Фоцланъ не упоминаетъ объ этомъ: по его словамъ, вслѣдъ за сожженіемъ, на жаровницѣ былъ насыпанъ круглый холмъ, который и скрытъ подъ собою усопшаго. Свидѣтельства взаимно пополняютъ другъ друга: принявъ во вниманіе безчисленные факты могилъ, гдѣ встрѣчаются погребальные сосуды съ костями сожженныхъ³⁾, должно признать полную истину показанія Ибнъ-Досты и русской «Повѣсти» †, съ другой стороны нельзя не признать справедливости и извѣстія Ибнъ-Фоцлана о насыпаніи холма ††, ибо оно вполне подтверждается археологическими раскопками. Ставить сосуды съ прахомъ сожженнаго на поверхности холма или столба не соответствовало цѣли обряда, который заботился о сохраненіи дорогихъ останковъ.

Есть основанія думать, что языческіе славяне на могильномъ холмѣ ставили родъ памятника усопшему, небольшую деревянную постройку въ видѣ домика или шатра (стр. 119-120), для

1) Въ Малороссіи, cf. Шейковскій. Выгъ Под. II, 42; Grohmann. Aberglauben aus Böhmen, 36.

2) Grohmann. Aberglauben Ibid. 37; Сазорія Сѣвк. Муз. 1855, p. 56.

3) Фактъ не требуетъ документальной ссылки по своей общезнаменитости.

† Сюда относится и темный намѣкъ Мартина Галла, см. стр. 97-8.

†† Какъ насыпался холмъ можно судить по теперешнему ослабѣвшему обычаю в народныхъ преданіяхъ: каждый считалъ обязанностью привести свою долю участія въ дѣлѣ, каждый бросалъ землю или камень на могилу (и теперь считается добрымъ дѣломъ — бросить горсть земли въ могилу усопшаго); совокупнымъ трудомъ выросталъ могильный холмъ. См. Преданія о такихъ могилахъ у Dubois de Montpéroux. Des Tombeaux de la Russie, Annuaire des Voyages 1845, p. 193; Чтенія Об. Ис. и Др. 1848, № 6, стр. 87 сѣбен (преданіе Дѣвичь-гора).

того, чтобы утомленная душа, когда прилетитъ навѣстить тѣло — могла успокоиться и отдохнуть и чтобы живые могли здѣсь осѣтовать своего покойника. У русскихъ такая постройка носила названіе *буды* или *будына*, въ древне-славянскомъ языкѣ она, кажется, называлась *жалю*, *жалемъ* и *жюлицемъ*, *жюлм-цемъ* (отъ корня *гир* = покрывать, санскр. *гора* = навѣсь), которыми передается греческое *μυρτίου*¹⁾. Слѣды такихъ надмогильныхъ востроекъ уцѣлѣли доселѣ въ погребальной практикѣ русскаго простонародья (стр. 120)²⁾.

Мы замѣчали выше, что обыкновеннымъ мѣстомъ погребенія славяне выбирали лѣса (стр. 227); въ понятіяхъ язычниковъ можно замѣтить какую-то особую связь мысли о загробной жизни съ царствомъ растительной природы; эта связь видна еще и теперь: какъ въ внутренность могилы или гробъ, такъ и поверхность ея украшаютъ зеленью, дерномъ, цвѣтами, сажаютъ деревья въ головахъ покойника, вѣря, что когда ростеть оно, ему будетъ легче лежать; въ малорусскомъ языкѣ — выраженіе: *посадимъ камину* равносильно выраженію: *похоронимъ кою-нибудь*³⁾.

Такое понятіе создалось, конечно, еще въ эпоху древней дружной жизни съ природою, во время навивнаго вѣрованія въ пере-

1) См. Словаря Цер. Сл. из. Востокова и Миклошича sub voce. Въ русскомъ *жалъ* и *жальникъ* (Даль, I 468) = могила, могилки, буйвище, кладбище, убогій домъ, гдѣ складываютъ тѣла. Слово встрѣчаетъ себѣ подобныхъ во всѣхъ славянскихъ варіантахъ. Значеніе его, кажется, производное отъ *жолми* = *мергос*, *lugos*: слѣдовательно *жаліе*, *жалъ* = мѣсто для плачей по мертвому. *Жюлице* по этимологическому значенію — покрытая постройка. Замѣтити здѣсь, что сближеніе этого слова съ терминомъ *жупель* = сѣра или горючее вещество — не можетъ быть признано; ибо основывается на случайномъ созвучіи: *жупель* — слово чужое, лат. *sulfur*.

2) Бѣлоруссы Черниговской губерніи до сихъ поръ на могилахъ ставятъ срубъ вмѣсто могильныхъ насыпей. Домонтовичъ. Черниговская губернія, Сиб. 1865, стр. 538.

3) Метлинскій. Южно-русскія пѣсни, К. 1854, 94-5, 267, 462; Шейковскій. Быть подалить, II, 8-9; Czerwiński. Okolica za-Dniestraka, L. 1811, p. 262, Книжескій. Приб. къ Жур. М. Н. П. 1846, к. III, 84; въ могилахъ также замѣчается этотъ обычай. См. Giesebrecht въ Baltische Studien, St. 1847, XIII, 2, стр. 84-88, статьи: Die Pflanzstoffe in der Todtenbestattung, особенно 86-7 стр.

селеніе души человѣка въ міръ растений: погребенная въ землѣ, душа, подобно мертвому зерну, воскресала и выходила изъ могилы живымъ, зеленыющимъ растеніемъ.

Немедленно за погребальнымъ обрядомъ слѣдовала строгая (стр. 89—40), поминальный обрядовый пиръ и попойка; она совершалась на могилѣ или по близости ея, такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ словъ Повѣсти временныхъ лѣтъ (стр. 118) и изъ темнаго намёка Краледворской рукописи (стр. 113); нѣкій обрядъ имѣеть мѣсто въ домѣ усопшаго; но болгаре до сихъ поръ справляютъ его возлѣ могилы, а также и у пинчуковъ нѣкоторые изъ дому возвращаются на могилы и тамъ доканчиваютъ задушную трапезу ¹⁾. Содержаніе обряда отчасти видно изъ современныхъ суевѣрныхъ поминокъ; въ него входили поминаніе усопшаго именемъ и ядой, жертвы ему ²⁾ и нѣкоторые другіе обряды ³⁾, о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Гайкъ передалъ намъ суевѣрный обычай своего времени (стр. 142, 4) — сожигать костеръ на могилѣ усопшихъ. Подтверждаемый свидѣтельствомъ Оттона Бамбергскаго и народными преданіями (94 — 5), обычай этотъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ ослабѣлый слѣдъ древняго сожженія тѣл. Столь же древній отголосокъ виденъ и въ чешскомъ обычаѣ уходить съ мѣста смерти, не оглядываясь (стр. 148, 5, ср. стр. 182), и бросать назадъ къ могилѣ сучья и камни: этимъ символически полагалась непереходная граница между царствомъ жизни и

1) Книжескій, въ Жур. М. Н. Пр. Праб. 1846, III, 61; Zienkiewicz. O Uroczyskach ludu piask. W. 1853, p. 82.

2) Что жертвы приносились усопшему, это видно изъ современныхъ суевѣрныхъ обычаевъ: у сербовъ хорватовъ при погребеніи людей богато богатыхъ закалываютъ какой-нибудь скотъ, чтобы онъ не переводился. Последнее, конечно, есть теперешнее объясненіе. Arkiv za povjestalca jugoslaviana. II, II, 362.

3) Упомянемъ здѣсь объ одномъ: при стражѣ на могилѣ, кажется, такія разбивали посуду или горшки, см. выше стр. 221; по крайней мѣрѣ археологическіе факты даютъ тому несомнѣнное доказательство. См. Kalina v. Jäthenstein. Böhmens Opferplätze, p. 20, 75—76; Weinhold. Heidnische Totenbestattung, p. 52. Wagner. Tempel und Pyramiden. L. 1828, p. 22, 27.

смерти; и нынѣ кое-гдѣ у лужичанъ возвращающіеся съ погребенія непременно выбираютъ путь черезъ воду и зямлю на этотъ конецъ даже разрубиваютъ ледъ ¹⁾: рѣка разделяетъ ихъ съ смертью, послѣдняя не можетъ перейти этой межи и остается на томъ берегу.

Древній погребальный обычай не вдругъ смѣнился новымъ, христіанскимъ, и не вдругъ забылся: не только въ темномъ суевѣрномъ быту простолюдиновъ ²⁾, онъ виденъ и въ исторіи, и въ области народной поэзіи; такъ псковской князь Всеволодъ—Гаврилъ былъ похороненъ, какъ прилично воину: «бранное оружіе его, мечъ и щитъ поставлено бысть на гробѣ его на хвалу и на утверженіе граду Пскову»³⁾; такъ, по народной легендѣ, былъ погребенъ и знаменитый смоленскій воинъ Меркурій: на гробѣ его устроили щитъ и коньѣ †. Въ сербскомъ, по преимуществу воинскомъ, эпосѣ встрѣчаются тѣ же отголоски: когда Марко Кралевичъ увидѣлъ приближеніе смерти, онъ вынулъ саблю и отсѣкъ голову своему вѣрному сподвижнику, коню Шарцу; честно схоронилъ онъ его, на четверо разбилъ острую саблю, изломалъ боевое копье, забросилъ въ море свой тяжелый буздованъ, разостлалъ одежду подъ деревомъ на травѣ, сѣлъ и уснулъ на вѣки; другая пѣсня изображаетъ похороны воеводы Кавцы: саблями отесали ему гробъ и схоронили его, въ головахъ воткнули копье, посадили на него сокола, за копье привязали коня, на могилѣ положили оружіе ††.

По возвращеніи домой участники погребальнаго обряда подвергались очищеніямъ отъ слѣдовъ общенія съ смертью. Письменные источники ничего не говорятъ объ этой сторонѣ народ-

1) Naupf. Sagenbuch der Lausitz. L. 1862, II, 243.

2) Еще въ 1643 году одинъ поселянинъ словакъ Dago Havia схоронилъ жену свою безъ священника подъ деревомъ; спрошенный правительствомъ, онъ оправдывался, что его отцы такъ дѣлали и что онъ не могъ этого не сдѣлать. Вольева Нѣмова, Сад. ѣзак. Муз. 1859, р. 309.

3) Карамзинъ. Ист. Государ. Россійск. т. II, Прилѣч. 266.

† Буславъ. Очерки народной поэзіи. Сиб. 1860, II, 184 — 5.

†† В. С. Караджичъ. С. П. Цесне, II, стр. 441 — 2, 489.

наго быта; но за то она сохранилась въ обычаяхъ съ чертами несомнѣнно древними. Главными очистительными элементами являются огонь и вода: въ южно-славянскихъ земляхъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горящими угольями, на нихъ льютъ воду и ею умываются; или, омывъ руки, берутъ съ очага уголь и бросаютъ черезъ голову ¹⁾; на Руси — берутся руками за печь или заглядываютъ въ нее ²⁾. Предметы и животные, служившіе при погребальномъ обрядѣ, также подвергаются своего рода очищеніямъ: у сербовъ заступъ и лопата, которыми копали яму, погребальные дроги и кони, везшіе мертвеца, не вносятся и не вводятся въ дворъ (съ ними вмѣстѣ можетъ войти въ семейный кругъ и губительное начало смерти!), ихъ оставляютъ за оградой 3 дня, а коней пускаютъ на вольную пашню ³⁾.

За очищеніемъ слѣдовали поминки, въ которыхъ непременно входятъ питье чаши вина въ память покойника и поминальный пиръ, иногда состоящій изъ особыхъ жертвенныхъ яствъ †. Обычай и доселѣ наблюдается у всѣхъ славянскихъ племенъ безъ различія сословій.

Подобно прочимъ народамъ, и славяне въ язычествѣ чтили усопшихъ: они вѣдѣли въ нихъ боговъ — покровителей, домашнихъ пенатовъ, которые блюли за благосостояніемъ семьи, родного крова и семейной собственности. Слѣды такой вѣры до сихъ поръ еще ясны во многочисленныхъ преданіяхъ и повѣр-

1) Rohrer. Die Illyrische Provinzen, W. 1812, p. 172. Arkiv za povjesta. jugoslav. VII, 216; Jliiè. Slavonaki običaji, Z. 1846, 214 — 16.

2) Духъ христіанства, 1861 — 2. Дек. 363; Кавелинъ. Собраніе сочин. т. IV, 218; Труды Курск. стат. комитета, I, К. 1863, стр. 502. Объ очистительномъ значеніи очага и печи основательно разсуждаетъ г. Леонасьевъ въ соч. Поэтическое возрѣвіе славянъ, II, стр. 29. слѣд. Тотъ же обычай съ пчелъ есть у лужицанъ. Haupt Sagenbuch der Lausitz, 187.

3) Arkiv za povjesta. jugoslovenaku III, 216.

† Болгаре для погребальнаго пира обвариваютъ кашницу, жарятъ барана или теленка и готовятъ вино; у мазуровъ употребляется оливо, смѣшанное съ медомъ, каша съ медомъ; у сербовъ хорватовъ — особый хлѣбъ и каша изъ кукурузы. См. Книжескій, Ж. М. Н. Пр. Приб. 1846, III, 81. Төррен. Aberglauben, 114; Arkiv za povjesta. II, 2, 364; ibid. VII, 216. Bouâ. La Turquie, II, 506; Liubiè. Običaji kod Morlakah, 112, Wóyciecki. Zarzysu domowe, III, 240.

яхъ славянскихъ племень. *Чуръ, Домовой, Вилы, Русалки*, цѣлая толпа предковъ-пенатовъ подъ именемъ *людковъ, краснякъ, шетковъ*—въ старицу стояли въ гораздо болѣе любовномъ и близкомъ общеніи съ семьей, чѣмъ нынѣ: они были предметомъ благочестиваго чествованія, имъ приносились жертвы и покормы. Не распространяясь объ этомъ предметѣ, достаточно обследованномъ г. Лоанасевымъ ¹⁾, укажемъ на факты болѣе къ намъ близкіе. Изъ славянскихъ прибавленій къ переводу X-го слова Григорія Богослова видно, какъ высоко чтли славяне своихъ покойниковъ: ихъ останки были святыней, мощами (см. стр. 130), на которой производилась присяга ²⁾; къ могилѣ, хранившей мощи покойниковъ, прибѣгали въ тяжелыхъ обстоятельствахъ и затруднительныхъ случаяхъ жизни, отъ нихъ ждали помощи, совѣта и благословенія, ихъ вызывали изъ могилъ молитвами и причтаніями (стр. 101, 103) ³⁾. Самыя названія усопшихъ — *дѣды, родители* выражаетъ болѣе чѣмъ простое наименованіе: ихъ именами обозначаются народные праздники, подобно тому, какъ памятью святыхъ помѣчаются дни года †. Такая вѣра необходимо вызывала обрядовое чествованіе, и въ жизни славянъ оно выражалось разнообразно: то въ благочестивой трапезѣ, которую готовили *дѣдамъ и родителямъ*, то въ веселыхъ играхъ, которыми праздновалось ихъ нисхожденіе на землю, то въ другихъ, не менѣе существенныхъ, услугахъ.

Славяне вѣрили, что и разлучившись съ тѣломъ, когда послѣднее уже погребено, душа нѣкоторое время не можетъ отстать

1) Поэтическія воззрѣнія славянъ. II, 74 слѣд.

2) Исслѣдованія о древнихъ памятникахъ старославянской литературы. Сиб., 1866, стр. 148.

3) Метанискій Южнорусскій вѣсн. № 277. Снегиревъ. Русскіе протонародн. праздники. М. 1837, I, 208. Сахаровъ. Сказанія рус. народа, II, 82; Valjavec. Narod. pripravjedke, V. 1858, p. 44.

† Одинъ чешскій пенитенціалъ 12-го в., между прочимъ, запрещаетъ вѣснѣ на ночь бѣсовскихъ вѣснъ о мертвыхъ. Panuá. Schriftum d. böhm. slov. Vláštne P. 1867, p. 82. Это были молитвы усопшимъ — богамъ-пенатамъ, о нихъ, кажется, упоминаетъ и Кракшвор. рин. словани: *coctik k nim hlazat chodivase*.

отъ роднаго жилища и по ночамъ прилетаетъ въ него: для нея на окошкѣ постлаютъ бѣлое полотенце, кладутъ хлѣбъ, соль и ставятъ воду ¹⁾. Угощенія усопшихъ покормомъ и поминки по нихъ совершались сначала на 3, 6, 9 и 40 ²⁾ день по погребеніи, (147) потомъ періодически: въ день смерти усопшаго—частнымъ его поминки и весною—поминки общія всѣхъ *родимельей*.

О древне-славянскихъ поминкахъ усопшаго упоминаетъ еще въ VII в. Теофилактъ (стр. 44), представляя ихъ праздникомъ, на которомъ шла заупокойная попойка; Ибнъ-Доста говоритъ о нихъ опредѣленіе: родные усопшаго собираются на могилѣ его и совершаютъ погребальную *страву* (стр. 54); еще подробнѣе извѣстіе Мецея (147—8): на поминальный пиръ приглашаютъ покойника, стоя предъ дверью; молча садятся за столъ и ѣдятъ не употребляя *ножей*, покормъ бросаютъ подъ столъ для души; а случайно оброненное оставляется для душъ-сиротъ; потомъ провожаютъ незримыхъ гостей ³⁾, и идетъ веселая попойка. Въ народномъ суевѣрномъ быту славянъ обрядъ совершается почти тѣмъ же порядкомъ: но кое-гдѣ всплываютъ черты еще болѣе глубокой древности. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ обычай пичуковъ: накрывъ столъ бѣлой скатертью, посредникъ его зажигаютъ водку, бросаютъ соль на горящія угли и прислушиваются къ треску. Поминальныя яства состоятъ изъ бобовъ, гороха, сваренныхъ въ медовой сытѣ. Для родителей-дѣдовъ раскладываютъ хлѣбы; иногда на видномъ мѣстѣ вѣшаютъ саблю или ожегъ, если поминаемый былъ воинъ; затѣмъ отворяютъ окна и двери. Старшій въ семьѣ обходитъ домъ, глядитъ на недалекия могилы и призываетъ родителей на пиръ; возвратившись—всѣ стоятъ въ тишинѣ, прислушиваясь какъ бы къ бесѣдѣ

1) См. выше стр. 207 и Цебриковъ. Смоленск. губерніа. Спб. 1862, стр. 268.

2) У южнѣхъ славянъ на 5 и 8 день, потомъ на 40, по истеченіи года или по полугодіи, по истеченіи 2-хъ лѣтъ. Boné. La Turquie, II, 606.

3) Въ Воронежской губерніи существуетъ особый обрядъ *прощенія души* о немъ см. Воронежскій листокъ 1864, № 21.

душъ; потомъ садятся; вкушаютъ сначала поминальныхъ яствъ, и каждый три первыхъ ложки отливаетъ для души съ каждаго кушанья; при питьѣ чаши, подносятъ ее ко рту и прежде часть отливаютъ на полотенце для родителей-дѣдовъ; часть ѣды полагаютъ за окномъ (вѣроятнo для душъ-сиротъ). По окончаніи обряда — часть, отдѣленную для душъ, отдаютъ дѣтямъ, чтобы имъ не вредил *буря, молніи и грозы*, другую — даютъ домашнему скоту, третью кормятъ птицъ или бросаютъ въ рѣки и озера. Поминки оканчиваются на могилахъ. Въ старину при этомъ у пичуковъ существовалъ обычай завязывать глаза какой-нибудь дѣвушкѣ: ее сажали на пшѣ, вкопанномъ въ присбу около печи, и прорицательница угадывала прибывающихъ душъ и рассказывала о судьбѣ и жизни ихъ ¹⁾.

Въ годовичные поминки у бѣлоруссовъ и пичуковъ совершается еще особый обрядъ *прикладина*: на могилѣ усопшаго кладутъ во весь ростъ его дубовую колоду или дѣлаютъ ему надгробникъ, срубъ, *бдыня* ²⁾; иногда это исполняютъ немедленно по погребеніи и вмѣсто колоды полагаютъ камень или плиту на могилу; послѣднее, можетъ, быть — стоитъ въ связи съ обычаемъ полагать между или предѣлъ между жизнью и смертью ³⁾.

Въ сербскомъ языкѣ поминки носятъ названіе *дамя*, т. е. обѣтъ (чешск.), жертва мертвымъ †. Праздникъ усопшихъ въ славянской древности совершался *осною*, когда природа пробуждается отъ зимняго усыпленія и души родителей, раздѣлявшія судьбу ея, получаютъ доступъ на землю. Ихъ встрѣчаютъ обычные транспы и жертвы: на мѣстахъ погребенія ихъ снова собираются потомки, обливаютъ виномъ или медомъ могилы (у Бѣ-

1) Zienkiewicz. O urzędach i zwyczajach ludu Polakiego. W. 1853, p. 31-2.

2) Zienkiewicz. l. cit. Воляск. губ. Вѣд. 1859, № 17, стр. 69.

3) Н. Е. Тушкiewicz. Rzut oka na króla Archeologii krajowej. W. 1942, p. 8.

† Некоторые сближаютъ его съ готскимъ *dantha, dauthus* — мертвый, смерть; но послѣднее происходитъ отъ корня *dan, sankr. dan. См. Beaufey. Orient and Occident, II, p. 761.*

лоруссовъ и Хорутанъ †), иногда закалываютъ на нихъ барашка, пѣтуха или другое животное (у хорутанъ и карпатскихъ горцевъ)¹⁾, возжигаютъ свѣчи, угли²⁾ или костры соломы (Стоглавъ; см. стр. 144) и затѣмъ—приглашаютъ милыми словами *дядовъ* на пиръ. Окончивъ заупокойную трапезу, они провожаютъ ихъ обычнымъ порядкомъ³⁾. На Руси праздникъ усопшихъ носить названіе Радуницы (ведійс. *gadh* = жертвоприношеніе, отъ корня *gād* = давать ††, готовить) т. е. *объима*, сербск. *данни*, и Навьскаго Великаго дня.

Весеннія поминки усопшихъ были столько же грустными, сколько и веселымъ празднествомъ: мысль о смерти родныхъ требовала плачей; вѣра, что усопшіе низошли на землю и принимаютъ участіе въ жизни близкихъ, вызывала радостное чувство, и оно выражалось игрой, обрядовой пляской съ москолудствомъ и веселыми пѣснями. О такомъ характерѣ празднества ясно говорить Стоглавъ и Козьма Пражскій (стр. 145, 101). Игры въ честь предковъ совершались, такъ сказать, въ ихъ присутствіи, на распутіяхъ, потому что самыя жилища ихъ, хранители семейныхъ полей, стояли на межахъ (стр. 102, 128), возлѣ которыхъ шли пути и встрѣчались раздорожья. Прошло много вѣковъ: жилища старыхъ боговъ-терминовъ стали чуждыми чувству человѣку, заглохли и часто сравнивались съ землею; но привыкнувъ праздновать память отцовъ на мѣстахъ путей, простолюдины и

1) Срезневскій. Святлища и обряды изъ богослуж. древ. славянъ. X. 1848, стр. 88.

2) У болгаръ. См. Записки Одесск. Общ. Ист. в Др. т. IV, 1860, стр. 464. Скальковскій. Болгарскія колоніи. Од. 1848, 142. Болгаре окропляютъ могилы виномъ или водою. Поливаніе и посыланіе могилы совершается и на поминкахъ при обычныхъ причитаніяхъ матери или сестры на могилѣ: этихъ душа облегчается. Ср. Миладиновичи. Булгар. нар. пѣсни, З. 1861, пѣсни 100. Свѣчи на могилахъ во время поминковъ возжигаются и у южныхъ славянъ. *Вост. La Turquie II*, 506 — 7.

3) Сѣверный Архивъ 1822, № 24, стр. 467—9; Нр. Tuzykiewicz. *Opisanie powiatu Boguszwskiego*. W. 1843, p. 380; Gałębowski. *Łud Polski*, W. 1890, 257.

† Сварловича. *Slavonia and Croatia* P. 1419, I, 184; Сахарова. *Славянскія рус. народа*, II, 82 ст. праздники; Миладинович. *Живот*. Срба, 63.

†† Дювернуа. *Объ историч. наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи*. М. 1867, стр. 63.

до сихъ поръ съ понятіемъ перекрестковъ соединяетъ много су-
вѣрныхъ преданій.

Мѣста покая усопшихъ въ славянской древности, кажется,
не навсегда закрывались: новые члены присоединялись къ вели-
кому союзу отцовъ, и могилы раскрывали «свои объятія», чтобы
принять ихъ останки. Въ одной сокровищницѣ славянинъ-языч-
никъ часто хоронилъ нѣсколько поколѣній ¹⁾, и тѣмъ большее
значеніе придавалъ онъ ей, тѣмъ выше считъ этотъ храмъ, гдѣ
собраны покровители его жизни, стражи и защитники его соб-
ственности и родовыхъ интересовъ.

Этимъ окапчивася мы обзоріе погребальныхъ обычаевъ
языческихъ славянъ.

---

1) Существованіе семейныхъ могилъ въ славянской древности находитъ
подтвержденіе и въ народныхъ обычаяхъ и въ археологическихъ фактахъ: у
славяноновъ наблюдается, чтобы всѣ члены фамили или семья лежали въ од-
номъ мѣстѣ, и часто похороненный уступаетъ свое мѣсто новоумершему: Ча-
пловичъ самъ видѣлъ, какъ сынъ, хоронившій мать — заставлялъ вырыть
кости отца, прежде скороненнаго, онѣ были собраны въ одно мѣсто, обмыты
краснымъ виномъ, сынъ перецѣловалъ ихъ по порядку, связалъ въ чистый, бѣ-
лый платокъ и положилъ на крышку гроба своей матери, потомъ могилу за-
сыпали землею. Szarlovics. Slavonicis, P. 1819, I, стр. 184; у болгаръ—если
кто изъ семьи уретъ, то разрываютъ могилу родного предшественника, со-
бираютъ останки его, обмываютъ краснымъ виномъ и, положивъ въ мѣшокъ,
хоронятъ съ новымъ мертвецомъ. Если въ теченіе трехъ лѣтъ—никто не ум-
ретъ; а могилу нужно вскрыть, то отыскиваютъ какого-нибудь, хоть и чужого,
жертвенца и хоронятъ. Это отголосокъ старой вѣры, что могила требуетъ жертвы.
Княжескій. Прѣб. къ Ж. М. Нар. II. 1846, III, 83. Въ археологич. отношеніи
см. Wagner. Tempel und Pyramiden, L. 1828, p. 22.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей.

Обозначимъ сначала, слѣдуя хронологическому порядку, имена арабскихъ свидѣтелей и тѣ сочиненія ихъ, гдѣ говорится о земляхъ и племенахъ славянскихъ; ограничиваемся только *древнѣйшими*, до XI-го вѣка и притомъ такими, которые представляютъ извѣстія самостоятельныя ¹⁾, незамыслованныя изъ сочиненій предшественниковъ, таковы:

Аль-Фергани (пис. около 844) составилъ *начала Астрономіи*, въ которыхъ онъ обозрѣваетъ важнѣйшія земли и города 7-ми климатовъ ²⁾.

Ибнъ-Кхордадъ-Бегъ († 912), написавшій «Книгу дорогъ и странъ» ³⁾.

1) Говоримъ *описательные*, съ точки зрѣнія современной науки: быть — можетъ, иногда, что въ арабскихъ писателяхъ теперь кажется намъ оригинальными, было лишь копіей неизвѣстнаго или неоткрытаго доселѣ оригинала, быть — можетъ, впоследствии оно и окажется *ложнымъ*. Примеры въ этомъ отношеніи — не рѣдки.

2) Латинскій переводъ мѣста, относящагося къ славянамъ, перепечатанъ у г. Гедесона. «Отрывки изъ Исследованій о Варяжскомъ вопросе». Спб. 1862, р. 82—3, при чемъ г. Гедесонъ, слѣдуя Френу, полагаетъ, что Аль-Фергани черпалъ свои показанія изъ греческихъ источниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Аль-Фергани былъ знакомъ съ греческой географіей, но заимствовалъ ли онъ изъ нея свои показанія — это вопросъ, и пока не разъяснится онъ, свидѣтельства его сохраняются для насъ цѣну принятаго показанія.

3) Отрывки о славянахъ изданы у Рано: Géogr. d'Aboulféda. t. I. Intr. p. LVIII — LIX, и съ объясненіями въ статьѣ И. И. Срезневскаго: «Слѣды давняго знакомства русскихъ съ южной Азіей въ Віет. Геогр. Общ. 1864, № 1, стр. 49—68; мы пользовались новымъ французскимъ переводомъ (изъ съ подлин.) Barbier de Meynard'a: Le livre des routes et des provinces, texte arabe, publié, traduit et annoté. Par. 1865. (отд. оттискъ изъ Journal asiatique 1865, № 9).

Массуди († 956) написал пространное историко-географическое сочинение «Лѣтописи времени» или «Историческія Лѣтописи», изъ него доселѣ извѣстны только небольшіе отрывки; изъ этого большого труда авторъ сдѣлалъ сокращеніе, озаглавивъ его именемъ «Золотые Луга»¹⁾.

Ибизъ-Фодланъ, посланникъ Калифа Муктедера къ болгарамъ волжскимъ (путешеств. съ 921 г.), отрывокъ изъ его путешествія, именно о Руси, внесенъ въ географическій Словарь Якута²⁾.

Эль-Истахри (1/2 X вѣка) написалъ «Книгу Земель»; хотя онъ, какъ кажется, и пользовался Ибизъ-Фодланомъ и Массуди, но представляетъ свидѣнія, до сихъ поръ незамѣченныя у этихъ писателей³⁾.

1) До 1860 г. полагали, что «Лѣтописи времени» Массуди — утрачено, такъ думалъ Рено (*Obogr. d'Ab.* 1, p. LXVI) и др., но въ 1849 кѣнецкій ориент. Кремеръ открылъ, если полагаться на точность его извѣстія, экземпляръ этого сочиненія въ Халебѣ (Алеппо) въ библиотекѣ одного изъ тамъ-шнихъ подрезаторъ (училецъ); Кремеръ напечаталъ объ этомъ краткое извѣщеніе въ *Sitzungsberichte d. k. Akademie der Wissenschaften zu Wien. philosoph. — hist. classe.* 1850, Heft IV и V p., гдѣ представилъ любознательныя, хотя, въ сома-дѣлю, очень краткія, выписки касательно славянъ и борджанъ. Сравни также впечатаніе Рѣдигера объ открытіи Кремера въ *Zeitschr. d. deutsch. Morgenl. Gesellsch.* t. V p. 429: Рѣдигеръ полагаетъ, что Кремеромъ открыты только 1-ый томъ «Лѣтописей Времени». Выдержки о славянахъ изъ «Золотыхъ Лугъ» Массуди изданы Оссономъ: *Les peuples du Caucase* P. 1828 p. 85 sq. потомъ Шарриу: *Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves* въ *Mém. de l'Acad. de Spb.* 1834 г. t. VI, p. 397—408 (или 1—112 от. от.). Теперь, на иждивеніи парижскаго азіатскаго Общества, выходитъ полное изданіе текста съ французск. переводомъ Barbier de Meynard'a и Ravet de Courteill'a: *Maçoudi, Les Prairies d'Or*, P. 1861—1865, всего вышло до сихъ поръ 4 тома. Мы указываемъ главы и текстъ по этому послѣднему, какъ болѣе доступному, отиѣчал, однако, и разнорѣчія въ другихъ переводахъ.

2) Текстъ съ кѣнецкимъ переводомъ и обстоятельными комментаріями изданъ Френонъ: *Ibn Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen Alterer Zeit.* Spb. 1823; потомъ у Оссома: *Les peuples du Caucase*, P. 1828, p. 85 sq. и Расмуссена: *De Orientis Commercio cum Russia. etc.* H. 1825 p. 32 — 45.

3) Полный кѣнецкій переводъ съ комментаріями сдѣлалъ Мюрдтманъ: *Das Buch der Länder von Schech Ebu Ishak el Farst el Ixtachri.* Hamb. 1845, г. 4°.

Ибнъ-Хаукаль составилъ сочиненіе (около 976 г.) «Книгу дорогъ и земель». Главнымъ источникомъ его былъ трудъ Истахри, но нѣкоторыя показанія его имѣютъ для насъ и самостоятельное значеніе ¹⁾.

Мы не остановимся на извѣстіяхъ Ахмедъ-Эль-Катэба (пис. въ 889 — 891 г.), потому что они уже получили вѣрную оцѣнку въ трудѣ г. Гедесона ²⁾.

Хотя и Шармуа и былъ того мнѣнія, что арабы IX — X-го вѣка владѣли точными историко-этнологическими и географическими свѣдѣніями, какъ ни одинъ изъ современныхъ народовъ ³⁾, но въ сущности эта точность не шла далѣе простаго и случайнаго знакомства съ предметами. Арабы не были людьми науки въ строгомъ смыслѣ этого слова, подобно современнымъ путешественникамъ, которые посѣщаютъ отдаленныя страны и народы съ цѣлью изслѣдовать ихъ нравы и обычаи; они не имѣли и не могли имѣть никакихъ точныхъ приемовъ историко-этнографическаго изслѣдованія и наблюденія; но, по своему времени хорошо образованные и начитанные, они въ своихъ странствіяхъ и сношеніяхъ съ невѣдомыми народами, многое видѣли собственными глазами, еще болѣе слышали отъ людей бывалыхъ или туземцевъ, къ которымъ любознательно обращались за объясненіями; свѣдѣнія, доверчиво собранныя между дѣломъ, они приводили въ систему, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы дать имъ характеръ, соответствующій мусульманской историко-географической наукѣ того времени, привести ихъ въ связь съ тѣмъ, что

1) Извлечения изъ него представлены у Оссона. *Les peupl. du Cauc.* глава V; Френа (о Руссахъ), *passim*; Шармуа (о Зланыкахъ), *Relation, etc.* p. 523—4 или 27—8 отд. отд. Сравни Reinand. *Géogr. d'Aboulféda*, I, p. LXXXIV. Замѣтимъ здѣсь, что между древнѣйшими источниками арабскими мы не поставили Ибнъ-Досты, потому что нагъ, пока, неизвѣстны его показанія, кромѣ отрывковъ о погребальныхъ обычаяхъ.

2) Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ. Сиб. 1862, стр. 90—93.

3) Charmoy. *Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie*, Spb. 1834, p. 8.

было замѣчено прежде ихъ, и что они могли читать въ разныхъ сочиненіяхъ; но такое стремленіе къ систематизаціи, замѣчаемое у большинства арабскихъ географическихъ писателей, не развило въ нихъ критическаго такта, и вся арабская географическая наука стоитъ еще на переходѣ отъ древняго баснословнаго взгляда къ точной наукѣ нашего времени: рядомъ съ положительными открытіями и историко-этнографическими фактами она заключаетъ въ себѣ еще цѣлую массу полумифическихъ воззрѣній и понятій, географическихъ и этнографическихъ неточностей, непримиренныхъ противорѣчій; оттого — при разборѣ арабскихъ извѣстій необходимо полагать различіе не только между прямымъ свидѣтельствомъ опыта и темнымъ слухомъ или литературнымъ заимствованіемъ; но и между сообщаемымъ фактомъ и его объясненіемъ, откуда послѣднее ни шло бы, между наблюденіемъ и системою, подъ которую подводится оно. Только взвѣсивая по возможности всѣ эти обстоятельства, можно приблизительно уяснить себѣ противорѣчія арабскихъ источниковъ, можно понять, почему напр. у однихъ турки относятся къ племени славянъ и считаются самыми красивыми, многочисленными и сильными изъ нихъ, у другихъ — земля славянъ граничитъ съ Китаемъ, руссы причисляются то къ славянамъ, то къ туркамъ, то наоборотъ — славяне составляютъ часть руссовъ или состоятъ изъ турецкихъ племенъ и т. д.

Не принимая на себя подобнаго труда, мы ограничимся разсмотрѣніемъ арабскихъ извѣстій о руссахъ и славянахъ.

Что подъ именемъ Сакалибовъ, Саклабовъ, С(в)склабовъ — арабскіе источники разуміютъ славянскія племена — это не можетъ подлежать сомнѣнію¹⁾: въ этомъ убѣждаетъ не только тожество имени съ греческими и латинскими названіями Σκλαβῆνες, Σκλαβαι, Sclavi, Slavi, но и арабская топографія славянскихъ

1) Попытка Гаммера (Sur les Origines gueses, Spb. 1825 p. 59—60) связать Геродотовыхъ саковъ съ сакалибанами арабовъ — не получила признанія: она ублажала между собою слышокъ отдаленнаго эпохи. Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи имени *славянъ* не можетъ еще назваться рѣшеннымъ.

земель и многія подробности быта, нравовъ и обычаевъ Саклябовъ, находящія полное подтвержденіе въ современныхъ свидѣтельствахъ—своихъ и чужихъ—о славянахъ. Всѣ доселѣ извѣстные арабскіе источники говорятъ объ этомъ съ опредѣленностью, которая не допускаетъ сомнѣній ¹⁾.

Арабы знаютъ имя славянъ не въ его кародной, но въ византійской или латинской формѣ Саклябы, Саклябы; но отсюда неосновательно будетъ заключать, что всѣ свѣдѣнія арабовъ о славянахъ идутъ изъ византійскаго источника: греческая форма имени получила общее ученое распространеніе, она была усвоена и арабскими географами, точно такъ напр., какъ имя было усвоено имя озера Мэотійскаго, моря Евксинскаго и пр.: арабы могли быть лично въ земляхъ славянъ и въ то же время обозначать ихъ по византійской географической терминологіи, ибо имъ знакомы были сочиненія греческихъ географовъ и историковъ.

Аль-Фергани опредѣляетъ пространство сѣвдаго климата съ востока на западъ, отъ сѣверной страны Ягоговъ (Jagogûm) чрезъ землю турковъ, сѣверные берега Каспійскаго моря, Евксинское море и озеро Мэотійское, потомъ чрезъ страны Борджанин и Славонин и до самаго моря Гесперійскаго (Атлантическій океанъ); остальная населенная полоса земли, лежащая

---

1) Френъ замѣтилъ (р. LX), что Якутъ сличивается болгаръ волжскихъ съ славянами, на основаніи этого пок. Семковскій (въ ст. «Скандинавскія саги» Собр. соч. т. V, стр. 468) полагалъ, что арабы на Руси называли славянами однихъ болгаръ волжскихъ, но не слѣдуетъ забывать: а) общей неточности этнографическихъ понятій и терминологіи арабовъ, б) что это сличеніе есть исключительный случай, стоящій въ видномъ противорѣчій съ показаніями другихъ арабовъ, потому и возводитъ его къ общему правилу арабской этнографіи не позволяюи условия строгой науки; да и кромѣ того, неизвѣстными остается, кому принадлежитъ эта этнографическая ошибка: Ибнъ-Фозлану ли, или Якуту: въ послѣднемъ, жившемъ въ 13 вѣкѣ, она понятнѣе; ибо болгарское царство ждало тогда послѣдней минуты своего существованія. Если трудно иногда бываетъ пользоваться извѣстными арабскими писателями, то вовсе не потому, что подъ именемъ славянъ они часто (?) разумѣютъ Болгаръ (Гедесонъ. О Варяжскомъ вопросѣ. стр. 37), а по общей запутанности ихъ географическихъ и этнографическихъ понятій, но легковѣрному характеру ихъ показаній.

выше этих климатовъ, по словамъ Аль-Фергани, также начинается на востокѣ, идетъ черезъ страны тагаргаровъ, турновъ, татаръ и алановъ, потомъ черезъ *Борджанію* и *Славонію* и оканчивается у моря Гесперійскаго ¹⁾. *Славонія* Аль-Фергани лежатъ на западъ отъ Чернаго моря, на одной линіи за *Борджаніей*, а послѣдняя на линіи къ западу за Константинополемъ ²⁾. Что же это за страна *Борджанія*? На этомъ вопросѣ считаемъ умѣстнымъ здѣсь остановиться, чтобы не возвращаться къ нему впоследствии: онъ имѣетъ особую важность для изслѣдователя славянской древности. *Борджанія* — страна борджанъ. Имя этого народа нерѣдко упоминается арабскими писателями, и кажется не можетъ быть сомнѣнія, что подъ *борджанами* они разумѣли *болгаръ дунайскихъ*, *Борджанія* — это Мизія: въ первый разъ, сколько извѣстно, упомянулъ о ней Аль-Фергани, за нимъ *борджанъ* называетъ арабъ Эль-Гарамъ (пис. 845—46), текстъ котораго сохранился въ выпискѣ у Ибнъ-Кхордадъ-Бега; изъ Аль-Фергани ясно только, что *Борджанія* лежала къ западу отъ Константинополя; Эль-Гарамъ говоритъ, что византійская имперія раздѣляется на четырнадцать провинцій, вторая изъ нихъ *Фракія* (*Dogakya, Tagakia*), граничитъ на западѣ *со страню борджанъ*, съ Македоніей — на югѣ и съ Хозарскимъ моремъ (Черное) на сѣверѣ; *третья* провинція, Македонія граничитъ на югѣ съ Сирійскимъ моремъ, на западѣ съ страню *славянъ*, на

1) «Septimum denique clima ob oriente itidem sc. boreali Jagógum regione exortum protenditur per Turcarum terras, borealia Caspii maris littora, tum per mare Euxinum et paludem Maeotidem, porro per regiones Burgianae atque Slavoniae. Terminatur item mari Hesperio».

«Reliquum vero habitati tractus, quod quidem cognovimus ultra haec clima proferri, initium quoque capit ab oriente scil. Jagógum regno. Dehinc Tagárgarum, Turcarum, Tatarorum et Alanorum regna secat. Diende per Burgianam et Slavoniam tendit, tandemque a mari Hesperia finem habet. Fergani Elem. astr. Amst. 1669 Cap. IX p. 38—39 apud Гёдеоновъ: Отрыски о Варяжск. вопр. p. 63—3.

2) «Clima sextum quoque ab Oriente per Jagóges porrigitur, tum der Cházaroo et medium mare Caspium transit, usque Romanorum dittonem et secat Characáam, Amasiam, Heracléam, Chalcedonem Constantinopolim, tractus Burgianae, et tandem finitur ad mare Hesperianae. ibid.

сѣверъ съ страной борджанъ¹⁾). Соображая эти топографическія указанія, нельзя не видѣть, что Борджанія какъ разъ совпадаетъ съ страной болгаръ дунайскихъ, Славонія же или земля славянъ— съ страной юго-западныхъ, адриатическихъ славянъ; подтверждается это и показаніемъ Массуды: «борджане, говоритъ онъ, идутъ отъ колѣна Юнана сына Яестова, ихъ область велика и обширна, они дѣлаютъ нападенія на грековъ и сасановъ, газаровъ и турковъ, но всею сильнѣе на грековъ. Отъ Константинополя въ землю борджанъ 15 дней пути, а самая ихъ страна простирается на 20 дней ѣзды — въ длину и 30 — въ ширину. Область борджанъ окружена колючимъ плетнемъ (dornigen Zaune), въ которомъ находятся отверстія на подобіе оконъ изъ дерева. Деревья не огорожены подобнымъ плетнемъ. Борджане—маги (язычники) и не имѣютъ священнаго закона (книги); ихъ кони, употребляемые на войнѣ, всегда вольно пасутся на лугахъ и никто не ѣздитъ на нихъ въ не военное время; если поймутъ человѣка, который сядетъ на военную лошадь въ мирное время — его предають смерти. Когда они выходятъ на войну, то строятся въ ряды. Стрѣлки (лукари) образуютъ передовую часть, а за ними находятся женщины и дѣти. Борджане не имѣютъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ монетъ, всѣ ихъ покупки и свадьбы платятся коровами и овцами. Когда между ними и греками существуетъ миръ, то борджане привозятъ грекамъ въ Константинополь дѣвѣицъ и

1) Barbier de Meynard. Le livre des routes d' Ibn-Khordad-beh. P. 1666, p. 224—5. Cf. Reinaud. Géographie d'Aboul-féda. t. 2, p. 283 not. На тожество борджанъ и болгаръ дунайскихъ первый указалъ Оссома: Les peuples du Caucase p. 260—2, въ пользу этой мысли онъ привелъ и нѣмнѣ свидетельства, почерпнутыя изъ болѣе позднихъ арабскихъ и персидскихъ источниковъ. Эту догадку Оссома раздѣляютъ и другіе ученые: Дефренри: Fragments de géographes et d' historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. P. 1849. (отт. изъ Journal asiatique 1849 № 10), p. 203—4 nota, Рено: Géographie d'Aboulféda. t. II, p. 331 not., Геденковъ: О Варяжск. вопросѣ, p. 83 et. not; Шармуа: Relation de Mas'oudi, p. 386 (или 90 отт.) not. 169—видитъ здѣсь бургундовъ, бургунковъ (Burgiones, Burgundiones), обитавшихъ въ прибалтійскихъ странахъ, но такое мнѣніе основано лишь на одномъ вышнемъ созвучіи именъ и противорѣчитъ яснымъ топографическимъ указаніямъ арабовъ.

отроковъ¹⁾ изъ рода славявъ.... Далѣе, между ними существуетъ обычай, ежели рабъ какъ-нибудь ошався или провинился, и его господинъ хочетъ его бить, то рабъ падаетъ предъ нимъ на землю—безъ всякаго съ чьей-либо стороны принужденія, и господинъ бьетъ его сколько душѣ угодно. Ежели же рабъ встанетъ прежде позволенія, онъ теряетъ жизнь. Еще существуетъ между ними обыкновение: при наследованіи надѣлять женщинъ богаче, чѣмъ мужчинъ²⁾. Такимъ близкимъ къ грекамъ народомъ, ведущимъ съ ними, а также съ славянами и хозарями постоянную войну, берущимъ рабовъ на славянахъ, могли быть только *болгаре дунайскіе*³⁾. И въ приведенномъ извѣстіи ничто не противорѣчитъ ихъ полу-славянскому, полу-азіатскому характеру. Причина, почему названіе Болгаріи, болгаръ выродилось въ Борджанію, борджанъ, можно полагать съ Дефремири, часто лингвистическая: у арабскихъ писателей не рѣдко употребляются имена *Borghar, Borghal* вм. *Bulgar, Bolghar*; такое наименованіе представляло удобнѣйшій поводъ къ дальнѣйшей порчѣ собственнаго имени, и изъ *Borghar*—явилось *Bordjan*. Конечно, такую ошибку

1) Мѣсто испорченное въ нѣмецкомъ переводѣ Кремера: *Ist Frieden zwischen ihnen und den Griechen, so führen die Nordischen Mädchen und Knaben aus dem Geschlechte der Slawen oder der (7) Griechen nach Constantinopel. Аль-Бекри, передающій тоже о борджанахъ въ сокращеніи—говоритъ такъ: «Когда греки заключаютъ съ ними миръ (борджанана), они платятъ имъ дань молодыми дѣвицами и отроками, которыхъ они берутъ на славянахъ. Defrémergy. Fragments etc. p. 24 — 5. Пельза при этомъ не исполнилъ словъ Святослава о Болгаріи: «яко есть середѣ въ земли ноеѣ: яко ту всѣ благая сходятся... изъ Руси скоро и воскъ, мѣль и чалды».*

2) Изъ незаданнаго сочиненія Массуди «Лѣтописи времени» в. Кремеръ: *Bericht über meine wissenschaftl. Thätigkeit in Haleb, въ Sitzungsberichte der philosoph.-hist. Classe d. wien. Akad. 1850, p. 210 — 211.* Мы нарочно приведемъ слово—за вычетомъ извѣстій о погребальныхъ обычаяхъ борджанъ, это, въ высшей степени замѣчательное мѣсто Массуди о болгаряхъ: въ археологическомъ отношеніи оно — истинная драгоценность, тѣмъ болѣе, что несомнѣнно принадлежитъ очелюду. Замѣтимъ также, что это извѣстіе въ сокращеніи вошло въ сочиненіе Аль-Бекри († 1094) «Пути и Области», извлеченіи изъ котораго представлялъ Дефремири.

3) Рене, *Géog. d' As. II, 813* подъ замѣчку, что вѣроятно, или борджанъ раздавалось также аварамъ и сербамъ.

языка (parua lingua) сдѣлала какой-нибудь одинъ писатель, но съ той поры она могла войти въ общее употребленіе тѣмъ легче, что арабы всегда пользовались трудами своихъ предшественниковъ.

Итакъ, *Бордоскія* и *Славонія* (Sclavonia) Аль-Фергана — будутъ страны южно-западныхъ славянъ.

Ибнъ-Кхордадъ-бегъ помѣщаетъ землю славянъ на западѣ, въ Европѣ, на ряду съ Андалузійей, землею грековъ и франковъ. Изъ Германіи¹⁾, по его словамъ, можно идти чрезъ землю славянъ — въ городъ Хозаръ и къ Каспійскому морю, изъ земли славянъ вывозятся рыбы чрезъ Западное море (? Maghreb), лежащее за страной славянъ до города Bouyah и не посѣщаемое никакими кораблями и торговыми суднами; мало этого — Ибнъ-Хордадъ-бегъ знаетъ и *руссовъ*, принадлежащихъ къ племени славянъ: «они, говоритъ онъ, ходятъ въ самыя отдаленныя страны отъ земан славянъ, спускаются съ товарами по рѣкѣ славянъ (Волгѣ) въ Каспійское море»²⁾. Торгуютъ русскіе и съ греками, императоръ которыхъ взимаетъ десятину съ ихъ товаровъ, и на Средиземномъ морѣ, гдѣ они продаютъ бобровые и лисья шкуры, а также и сабли (érees). Определеннымъ представляется намъ только послѣднее показаніе, принадлежность *руссовъ* къ племени славянъ; что же касается до земан славянъ, то можно думать, что подъ ней Ибнъ-Кхордадъ-бегъ разумѣлъ земли, лежащія на сѣверо-западѣ отъ Чернаго моря и преимущественно землю русскую; иначе, зачѣмъ было называть *Волгу* — рѣкою славянъ, зачѣмъ было говорить, что *русскіе* купцы ходятъ въ отдаленнѣйшія страны отъ земан славянъ³⁾!

1) У Барбье де Мейнара, р. 265, нѣтъ Германіи стоитъ Армения, что нѣтъ весьма затруднительный географическій смыслъ, если не вовсе не нѣтъ никакого смысла; Рене, Géograph. d'Ab. I, LIX, предполагаетъ ошибку писца и ставитъ Германію: ошибка была тѣмъ возможна, что завѣдалъ отъ одной черточкой.

2) Le livre des routes. ed. Barbier de Meynard's p. 212, 214, 264—5. Cf. Reinaud. Géograph. d'Aboulféda. t. I p. LIX.

3) Вопросъ — откуда идетъ нѣтъ нашего путешественника о генерической принадлежности руссовъ къ славянскому племени: самъ ли онъ вывелъ это

Массуди знаетъ о славянахъ гораздо болѣе: онъ знакомъ съ ними не по однимъ слухамъ: территория ихъ, по его извѣстію—касается необитаемаго ¹⁾ сѣвера, граничитъ съ востокомъ и отсюда распространяется на западъ; славяне раздѣлены на многія племена и ведутъ войну съ греками, франками, ломбардами (лонгобардами?) и другими варварскими народами ²⁾; *Массуди* знаетъ и отдѣльныя племена южныхъ и западныхъ славянъ, онъ приводитъ собственныя имена ихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя ясны съ перваго взгляда, какъ лужане, кышане, сербы, хорваты, моравы, дулѣбы; другія ждутъ еще объясненія †, онъ передаетъ любопытныя, и во многихъ случаяхъ подтверждающіяся другими источниками, свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ славянъ, однимъ словомъ, онъ коротко знаетъ славянъ, какъ очевидецъ, или — по крайней мѣрѣ, какъ челоуѣкъ, черпавшій свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, изъ рассказовъ правдивыхъ очевидцевъ ³⁾. *Славян-*

вѣрное этнографическое заключеніе, или какое изъ русскихъ племенъ — подобно новгородцамъ—носило племенное имя славянъ; вопросъ этотъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, насъ не касается, хотя мы и не можемъ не замѣтить, что эти руссы—славяне, по всему вѣроятію, были отъ одного изъ сѣверно-русскихъ племенъ, воспринимавшихъ племенное названіе словенъ, сравни объ этомъ прекрасныя замѣчанія г. Геденова въ III главѣ (стр. 31—43) его сочиненія о Варяжскомъ вопросѣ.

1) Этотъ необитаемый сѣверъ, по замѣчанію Рено, Géogr. d'Abouif. I, ССХСІV, начинался для *Массуди* въ недалекомъ разстояніи на сѣверъ отъ Чернаго и Каспійскаго морей.

2) Barbier de Meunard. Maçoudi гл. XXIV. Шарнуа. Relation etc. гл. XXXII, стр. 16 и сл. от. Kremer I. c. p. 208 — 9.

† Объясненіемъ этихъ именъ, прои́мъ Оссона: Les peuples du Caucase p. 220 sq. въ особенности занимался Шарнуа, Relation p. 360 (или 84) et sq. и Делевалъ.—Géographie du Moyen Age, Br. 1832, t. III—IV p. 47—52.

3) Былъ ли *Массуди* въ странахъ славянъ — достоверно сказать нельзя; извѣстно только, что въ этой части своего труда онъ пользовался какими-то (письменными?) источниками, см. начало XXXIV главы (Шарнуа XXXII, p. 812 или 16): «Les Slaves descendent de Mar, fils de Japhet... telle est du moins l'opinion la plus généralement soutenue par les hommes qui ont appliqué leur intelligence à l'étude de cette question.» Къ извѣстиямъ, почерпнутымъ изъ такого слуха, должно отнести главу (XLVI) о баснословныхъ славянскихъ хранилахъ. Что *Массуди* былъ въ землѣ хозаръ, на это существуютъ указанія въ его «Золотыхъ зугахъ» cf. Frâha, Iba Fozilan's Berichte p. X, и Рено, Géogr. t. I, p. ССХСVІ.

ская земля Массуди — это почти вся огромная территория, занятая славянскими племенами 10 в.; онъ перечисляетъ племена западныхъ и южныхъ, восточныя же собираетъ въ одно общее, коллективное, племенное имя Русь. «Руссы, говоритъ онъ, геогрическое названіе для огромнаго числа племенъ, самое многочисленное изъ нихъ называетъ лудане (Loudaaneh, el-Loza'ane, по Френу = ладожане, по Лелевелю = лучане изъ лущка, на Стырь) т. е. русскіе лужане, лютичи (cf. Šafařík, Stároč. 2 vyd. t. 2, p. 150—1.); осѣдлое жилище руссовъ Массуди помещаетъ на побережьѣ русскаго (Чернаго) моря, и всю землю на сѣверъ отъ Чернаго моря и западъ отъ странъ хозарь и болгарь онъ разсматриваетъ, какъ землю руссовъ¹⁾.

Предположить даже, что имя руссовъ пришло къ восточнымъ славянскимъ племенамъ съ (скандинавскаго) Сѣвера, нельзя не видѣть, что Массуди все же подъ ними понималъ не скандинавскихъ выходцовъ, а русское племя славянь; вообще, въ извѣстіяхъ Массуди мы не встрѣтимъ ни одной черты, обличающей норманское происхожденіе руссовъ: норманны не могли быть огромнымъ осѣдымъ народомъ, состоящимъ изъ безчисленнаго множества племенъ; морскіе разбои руссовъ на Каспійскомъ морѣ также не говорятъ ничего въ пользу ихъ норманскаго происхожденія; напротивъ, народъ осѣдлый на морскомъ побережьѣ, могущій выставить около 50 тысячъ воиновъ—необходимо указываетъ на коренныхъ туземцевъ, которые сами хорошо должны были быть знакомы съ тревогами морскаго набѣдничества²⁾; Пираты—маджусъ, дѣлавшіе набѣгъ на Испанію въ 912 г., которыхъ Массуди принимаетъ за руссовъ—объясняются странностью географическихъ понятій араба: онъ допускалъ соединеніе Чернаго и Мэотійскихъ морей съ Балтійскимъ посредствомъ канала,

1) Cf. Reinaud. Géogr. d'Aboulf. 1, p. CCXCV et seq.

2) Объ осѣдлыхъ поселеніяхъ Руси на Черномъ морѣ много прекрасныхъ замѣчательныхъ высказано г. Геденовыми: «Отрывки о Варяж. восшествіи г. V, p. 52.

и такъ какъ за страной руссовъ, по его понятіямъ, была уже необитаемая пустыня, то естественно, что, слыша о набѣгѣ на Испанію варваровъ съ Сѣвера чрезъ Океанъ, онъ долженъ былъ прійти къ мысли, что это—руссы, переправившіеся чрезъ воображаемый каналъ изъ Чернаго моря въ Балтійское¹⁾; ко всему этому мы можемъ прибавить еще, что рассказывая о *руссахъ* въ Хозаринъ, Массуди всегда ставитъ ихъ въ ближайшую связь съ *славянами*: *руссы* и *славяне*—его обыкновенное выраженіе, они *вмѣстѣ* обитаютъ въ одномъ концѣ Итіля, имѣютъ *одинакую* религію и обычаи, управляются *однимъ* судьей, находятся *вмѣстѣ* на службѣ у хозарскаго владыки.

О хозарскихъ славянахъ позволительно думать, что они—не тѣ (юго-западные) племена, обычаи и зданія которыхъ Массуди описалъ въ XXXIV и XLVI главахъ, что эти славяне—тѣ же русскія сѣверныя племена, въ отличіе отъ южныхъ (руссовъ) именовавшіяся племеннымъ именемъ *словенъ*²⁾; такое заключеніе естественнѣе, чѣмъ мысль, что на службѣ у хозарскаго владыки были славяне, приходившіе съ юго-запада.

Итакъ, если ничто не говоритъ въ пользу *норманскаго* происхожденія массудіевой Руси, если ничто не противорѣчитъ въ ней происхожденію *славянскому*, если многое прямо указываетъ на послѣднее, то мы имѣемъ полное право заключать, что *саклабы* Массуди были преимущественно племенемъ юго-западныхъ славянъ, *Русь* же его, несомнѣнно—племя славянъ восточныхъ, русскіе славяне X-го вѣка.

Ибнъ-Фолянъ упоминаетъ о *славянахъ* опредѣлительно только

1) Reinaud. Géographie d'Aboulfeda t. 1. Intr. p. CCXCVIII—IX. При чемъ онъ прибавляетъ: «si quelques savants se sont autorisés de ce passage pour dire que dans l'opinion de Masoudi les Russes étaient les Normands, ils ont commis une grave erreur». Въ франц. переводѣ Barbier de Meynard'a, t. 1. p. 264—5, вмѣсто Океана, по которому приплывають пираты (маджусъ) въ Испанію—стоитъ Средиземное море, хотя потомъ, далѣе говорится объ Океанѣ!

2) Гедевонъ. Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ, глава III: «Словене и Русь».

одинъ разъ ¹⁾, что они повинуются хозарскому Хакаку и состоять въ его власти (Frähn, De Chazaris Spb. 1822, p. 18, стр. 038), о Руси же — онъ говоритъ подробно. Ибнъ-Фодланъ далеко отъ какихъ бы то ни было ученыхъ, этнологическихъ и географическихъ замѣчаній, онъ просто передаетъ то, что онъ видѣлъ и что успѣлъ свѣдать отъ постороннихъ лицъ, болгаръ и русскихъ; его извѣстiя нужно разбирать совершенно иначе, чѣмъ извѣстiя предшествующихъ арабовъ; критика ихъ можетъ быть только этнографическая, бытовая. Съ этой стороны на Ибнъ-Фодлана обратилъ вниманiе до сихъ поръ одинъ только пок. акад. Круизъ, черновой комментарий котораго изданъ по его смерти А. А. Куникомъ ²⁾. Кругъ смотритъ на Ибнъ-Фодлановыхъ руссовъ, какъ на племя скандинавское, и съ этой точки зрѣнiя ищетъ въ скандинавскихъ источникахъ подтвержденiя извѣстiямъ Ибнъ-Фодлана; мы становимся на совершенно иную точку зрѣнiя: для Круга — Ибнъ-Фодлановы руссы — напередъ рѣшенное скандинавское племя, онъ идетъ отъ несомнѣнной, по его мнѣнiю, истины о скандинавскомъ происхожденiи Руси, онъ приводитъ только объяснительныя статьи къ ней, не доказываетъ, а объясняетъ ее; мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ эту *инициату* и ищемъ затерянный племенной корень Ибнъ-Фодлановыхъ руссовъ; готовой мысли о скандинавствѣ Руси мы противопоставляемъ вопросъ объ этнологiи руссовъ Ибнъ-Фодлана. Зная уже, что Ибнъ-Кхордадъ-бегъ и Массуди подъ именемъ *руссовъ* разумѣютъ племена восточныхъ славянъ или славянъ русскихъ, естественно и здѣсь, прежде всего, остановиться именно на нихъ.

1) На основанiи сказаннаго въ примѣч. на стр. 06-ой мы не можемъ отнести къ славянамъ того, что Ибнъ-Фодланъ говоритъ о придворныхъ и некоторыхъ частныхъ обычаяхъ болгаръ — въ извѣстiи, занесенномъ въ географiю Казвини (у Шарнуа Relation etc. p. 340—1 или 44—5 ст. ст.)

2) Комментарiй Френа — сюда нейдетъ: онъ почти весь состоитъ изъ эмнологической критики текста, и только кое гдѣ касается самаго содержанiя. Объясненiя Круга напечатаны въ его Forschungen in der Alteren Geschichte Islands. II, Spb. 1848 p. 485—535.

Итакъ, не должно ли въ Руси Ибнъ-Фоцлана видѣть русскихъ славянъ?

Чтобы отвергнуть или доказать эту мысль, мы пройдемъ извѣстія Ибнъ-Фоцлана, подвергнемъ ихъ послѣдней повѣркѣ какъ норманскими, такъ и славянскими источниками, обращая при этомъ особое вниманіе на комментарий Круга; если явный перевѣсъ останется на сторонѣ скандинавскаго характера Ибнъ-Ф. Руси, то вопросъ, поставленный нами, упадетъ самъ собою; въ случаѣ же равновѣсія, онъ останется въ силѣ и потребуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Замѣтимъ, что объясненія Круга имѣютъ отрывочный, необработанный характеръ: иногда—это объясненія, прямо идущія къ дѣлу, иногда это просто личное мнѣніе изслѣдователя, хотя и подкрѣпленное доказательствами, но доказательствами, относящимися не къ извѣстіямъ Ибнъ-Фоцлана, а къ личнымъ же мнѣніямъ комментатора. Само собою разумѣется, что мы опустимъ всѣ личные мнѣнія ученаго и остановимся только на его прямыхъ объясненіяхъ словъ Ибнъ-Фоцлана.

Мы уже имѣли поводъ говорить (стр. 69—70) о характерѣ извѣстій Ибнъ-Фоцлана, при чемъ замѣтили, что къ нимъ нельзя относиться безъ критики: они не чужды вольныхъ и невольныхъ преувеличеній, происшедшихъ какъ отъ руководителей, которымъ онъ довѣрялся, такъ и отъ личнаго взгляда писателя, его стремленія поразсказать своимъ читателямъ необычныя дѣла, какія ему пришлось увидѣть. Здѣсь мы найдемъ полное подтвержденіе нашего взгляда. Обозначимъ предварительно всю сравнительную выгоду норманскаго комментатора предъ славянскимъ: послѣдній владѣетъ лишь немногими свидѣтельствами о языческой Руси, первый же имѣетъ множество памятниковъ норманскаго язычества; самый характеръ ихъ, скупой относительно Руси, слишкомъ щедръ для нормановъ: мы видимъ ихъ среди мелочей домашняго быта, въ живой обстановкѣ нравовъ, одежды, вооруженія и украшеній; все это ближе подходитъ къ характеру извѣстій Ибнъ-Фоцлана, чѣмъ отрывочныя и глухія извѣстія о русскомъ язычествѣ; потому, гдѣ русскій комментаторъ долженъ

довольствоваться приблизительными указаниями и вѣроятностью, гдѣ онъ можетъ заключать только о томъ, что известное явленіе не пропорционально языческому русскому быту и его порядкамъ, тамъ послѣдователь норманскаго происхожденія Руси въ состояніи бываетъ представить аналогіи прямыя, имѣющія на первый взглядъ всю силу убѣдительности; но позволительно ли на нихъ основывать этнологическія рѣшенія — это вопросъ, на который можно отвѣчать отрицательно и потому, что норманы и славяне — были племена одного происхожденія, что они и до настоящаго времени имѣютъ много общаго въ нравахъ и обычаяхъ, общаго не въ смыслѣ заимствованія, а въ смыслѣ нравственнаго наслѣдія, вынесеннаго изъ общей колыбели; эти черты независимаго родства въ X вѣкѣ были, конечно, еще ближе и тождественнѣе; да и самая степень гражданственности нормановъ X-го вѣка не стояла въ рѣзкомъ противорѣчій съ степенью культуры русскихъ славянъ; иначе не будетъ понятенъ самый первый фактъ русской исторіи, призваніе чужихъ (скандинавскихъ?) правителей, если только должно принимать это призваніе за *дѣйствительный историческій фактъ*, а самыхъ князей — за *дѣйствительныхъ нормановъ*.

Изъ всего этого видно, какія, почти непреоборимыя, трудности встрѣчаютъ изслѣдователя въ точномъ опредѣленіи этнологіи Ибнъ-Фоцлановыхъ руссовъ. Переходимъ къ его извѣстіямъ и замѣтимъ напередъ, что рѣчь идетъ не о простомъ народѣ, но о зажиточныхъ купцахъ, пріѣзжавшихъ торговать въ Булгаръ.

«Я видѣлъ руссовъ (Русь), какъ они пришли съ своими товарами и расположились на рѣкѣ Итилѣ.»

Кругъ (стр. 507) приводитъ изъ сѣверныхъ источниковъ достаточное количество свидѣтельствъ о распространенной торговлѣ древнихъ скандинавовъ съ другими странами (между прочимъ и съ Русью); остается неяснымъ, какихъ скандинавовъ видѣлъ Кругъ въ русскихъ купцахъ Ибнъ-Фоцлана: потомковъ ли прішедшихъ когда-то съ 3-мя братьями князьями и уже осѣдлыхъ на Руси, или просто купцовъ, выѣхавшихъ временно изъ сѣвер-

наго отечества для торговли съ Русью и востокомъ? Это вопросъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вовсе не маловажный. Между тѣмъ, не мало можно также указать и свидѣтельство о торговыхъ сношеніяхъ собственно русскихъ племенъ съ булгарами и хозарами: для 9-го вѣка мы имѣемъ ясное, положительное извѣстіе Ибнъ-Кхордадъ-бега, который, какъ мы видѣли, не допускаетъ сомнѣній на счетъ народности русскихъ купцовъ, прямо выводя ихъ изъ племени славянъ (см. выше, стр. IX—X) свидѣтельство Мас-суди, какъ ни рѣшительно и важно оно, мы опускаемъ, слѣдуя правилу, что спорное — не объясняется спорнымъ; Эль Истахри прямо говоритъ, что болгарскіе купцы ходили до Кутабы (Кульбе=Кіева); стало быть русскіе въ 10 в. стояли въ торговыхъ сношеніяхъ съ булгарами, и нѣтъ сомнѣнія, что эти сношенія были взаимныя: третья вѣтвь *русскихъ племенъ*, по Эль-Истахри—Утане, мѣсто пребыванія князя ихъ — Арба, (по др. Эрза), но сюда не приходитъ никто изъ купцовъ (булгарскихъ и арабскихъ), а между тѣмъ самъ Истахри говоритъ, что изъ Арбы *вывозили черныя соболей и олово*, вывозятъ, конечно, русскіе купцы—въ Булгарію и въ Хозарію, два средоточія восточной торговли того времени. Ясно, что эти мѣста посѣщались русскими (изъ племени славянъ) купцами. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» знаетъ путь изъ Руси по Волгѣ въ Болгары и Хвалиссы (Лавр. сп. стр. 3), нѣтъ сомнѣнія, что этотъ путь былъ исключительно торговый; Татищевъ въ своей Исторіи ¹⁾ сберегъ одно древнее извѣстіе, относящееся ко времени Владимира, о привилегіяхъ, данныхъ кіевскимъ княземъ болгарскимъ купцамъ, «дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали и русскіе купцы со печатями отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія»; не малымъ доказательствомъ *собственно русскихъ* торговыхъ сношеній съ булгарами и хозарами служить и топографія восточныхъ кладовъ. «Кіевъ, по словамъ пок. Савельева, велъ непосредственно торговлю съ Булгаромъ и Итилемъ.. Ближайшій путь въ Булгаръ

1) Исторія Россійская... кн. 2-я, М. 1773, стр. 88—89, подъ 1006 годомъ.

лежить отсюда по Деснѣ и волокомъ въ Оку. Этотъ то путь и разумѣли арабскіе писатели, (Истахри, Ибнъ-Хаукаль) говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ мордовскую землю ¹⁾. Это подтверждается и вкладами съ арабскими монетами VIII, IX и X в., вырытыми въ Тульской губерніи. Но этотъ путь былъ по видимому не самый употребительный, по крайней мѣрѣ со времени руссовъ (Савельевъ считалъ руссовъ вообще и арабскихъ руссовъ—несомнѣнными норманами.. см. стр. CLXXIX его Мухаммед. Нумизм. и его Ахметъ аль-Катебъ Ж. М. Н. Пр. 1838 г. № 6). Они обыкновенно спускались изъ Кіева по Днѣпру, такъ какъ описываетъ Константинъ Порфирородный, и вступали въ Черное море, обогнувъ Таврической полуостровъ, гдѣ были уже значительные торговые города..., изъ Азовскаго моря они подымались въ Донъ, и отсюда уже волокомъ втягивались въ Волгу, которая открывала имъ свободный путь и въ Италію и въ Булгарь ²⁾. Эти ясныя свидѣтельства дѣлаютъ позволительнымъ въ купцахъ Ибнъ-Фоцлана—подозрѣвать и русскихъ (изъ племени славянъ). Можно ли съ такимъ же правомъ въ нихъ видѣть скандинавовъ? Естественно, что этотъ вопросъ приводитъ насъ снова къ обстоятельству, оставленному Кругомъ въ тѣни, именно—какихъ скандинавовъ: туземныхъ или временно пришедшихъ? Кажется, что на счетъ послѣднихъ не можетъ быть и рѣчи: нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы они назывались Русью, равнымъ образомъ и нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы они вели непосредственно торговлю съ булгарами: скандинавскіе источники: знаютъ 3 торговыхъ пути: *западный* (Vesturvegr) — въ Европу западную, *восточный* (Austurvegr) чрезъ нынѣшнюю Россію въ Царь-градъ, т. е. лѣтописный путь изъ Варягъ въ Греки и *сѣверный* (Nortvegr), огибавшій скандинавскій полуостровъ и чрезъ

1) Замѣтить, что въ некоторыхъ спискахъ сочиненія Эль-Истахри—идеть нѣтъ и поминъ объ Эрѣ или Мордовской землѣ. Объ этомъ см. ниже.

2) П. Савельевъ. Мухаммедовская Нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. Сиб. 1847. р. СXLIII—IV, р. LXIII—IV.

Нордъ-капъ приводившій въ Біармію; о торговлѣ скандинавовъ по этимъ путямъ свидѣлствуютъ многіе памятники (Савельевъ, Мухом. Нунизм. CLXXX—II); но о прямыхъ сношеніяхъ скандинавовъ съ булгарами — мы до сихъ поръ не встрѣтили никакихъ указаній. Зная торговую предприимчивость скандинавовъ, можно, конечно, предполагать, что они приходили и въ Булгарь, изъ Біарміи или изъ Кіевской Руси по вышеуказанному пути; но безъ прямыхъ доказательствъ это предположеніе и останется лишь вѣроятностью¹⁾. Савельевъ указываетъ на клады съ арабскими монетами, мѣстонахожденіе которыхъ прямо подтверждаетъ существованіе русской туземной торговли съ булгарами и хозарами: въ самомъ дѣлѣ, не временные же, заѣзжіе гостинные люди хоронили въ русской землѣ эти сокровища; потому слѣдуетъ допустить, что это скандинавская Русь осѣдлая, дѣти или внуки тѣхъ, которые пришли съ 3-мя князьями; но допустивъ эту мысль, не исчезнетъ ли причина, по которой соединяютъ имя Руси исключительно съ норманами: въ 922 году, когда, по всему вѣроятію, Ибнъ-Фроланъ имѣлъ случай увидѣть Русь въ Булгарѣ, этимъ именемъ, даже съ точки зрѣнія норманской теоріи, могли назваться и племена славянскаго происхожденія. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самые защитники норманской Руси ограничиваютъ значеніе норманскаго элемента преимущественно сферой политической жизни.

Итакъ, съ одной стороны мы видимъ несомнѣнные факты торговыхъ сношеній русскихъ славянъ съ булгарами, съ другой — предположенія о торговлѣ нормановъ съ тѣмъ же народомъ, и къ тому — имя *Руси* безъ норманскаго знаменованія.

«Никогда я не видѣлъ людей болѣе рослаго тѣлосложенія:

---

1) Къ тому же, по самой теоріи норманскаго происхожденія имени Русь — арабы преимущественно называли викингамъ жителей Скандинавіи, а русскимъ — нормановъ, господствовавшихъ въ Россіи. Савельевъ, Мухом. Нунизм. стр. CLXXIX.

они высоки, какъ пальмы, имѣютъ русые (рыжіе) волосы и цвѣтъ лица румяный»¹⁾.

Въ комментаріи къ этому мѣсту Кругъ (стр. 509) приводитъ мѣста изъ Иорнанда и другихъ свидѣтелей-лѣтописцевъ о высокомъ ростѣ нормановъ; но сколько ни нашлось бы подобныхъ указаній, они едва ли могутъ имѣть значеніе отличительнаго этнографическаго признака: о славянахъ русскихъ никакъ нельзя сказать, чтобы они были небольшого роста²⁾; русы (рыжіи?) цвѣтъ волосъ и румяное лицо подали Расмуссену поводъ замѣтить: «*id minime in Sclavos (plebem Russicam), sed egregie in Scandinavos, Varegos quadrat*»³⁾. Напрасно! Еще Прокопій (Lib. III, с. 24) замѣчалъ, что славяне имѣютъ цвѣтъ лица не *соосмыслъ* бѣлый и волосы *рыжеватые*; дагѣе — *русые* волосы (русые кудри) — постоянный идеалъ физической красоты русской народной поэзіи, такъ сказать типъ русскаго лица.

«Они не носятъ ни камзоловъ, ни кафтановъ. У нихъ мужчина носить грубую одежду, которую онъ набрасываетъ на одно плечо, такъ что одна рука его остается свободна» †.

Ибнъ-Фоцланъ гадитъ съ точки зрѣнія арабской одежды, въ которой постоянно употреблялись и кафтанъ и полукафтанье; дѣйствительно, ни въ памятникахъ письменности, ни въ памятникахъ древне-русской миниатюрной живописи такая одежда не представляется намъ обыкновенною, но что она существовала, въ этомъ убѣждаютъ насъ слова того же Ибнъ-Фоцлана, который рассказываетъ дагѣе, какъ русскіе одѣли своего покойника

1) Слѣдуетъ въ этомъ мѣстѣ опредѣленному переводу Оссеа: *ils ont les cheveux blancs et le teint vermeil* (р. 90), Френъ (р. 5) передаетъ: *fleischfarben und roth*; Расмуссенъ (р. 32) *russel rufique* (sc. *blonds*). Смыслъ, впрочемъ, одинаковъ.

2) Сравненіе съ пальмою — восточная риторическая фигура. Френъ. р. 72.

3) *De Orientis Commercio cum Russia et Scandinavia medio aere*. Hav. 1825 р. 32.

† У Расмуссена (р. 32): *aeque tunicis Orientis aeque chaftanis se cingunt* (i. e. *more Orientis hand vestiuntur*); *sed viri pallio se induunt*; Оссеа (р. 90): *al vestes, al tunicas*.

въ куртку и каштанъ изъ золотой парчи. Обыкновенною древне-русскою одеждою представляется *корзно*, *мятъль*—плащъ, она набрасывалась на лѣвое плечо и застегивалась запонкою на правомъ, такъ что правая рука оставалась *совершенно свободною*¹⁾.

«Каждый носить при себѣ топоръ (сѣкиру), ножъ и мечъ. Они всегда ходятъ съ этимъ оружіемъ. Ихъ мечи широки, волнообразно отточены и европейской (французской) работы. На одной сторонѣ ихъ отъ острей до рукоятки изображены деревья, фигуры и другое, тому подобное»²⁾.

«Кругъ въ комментаріи (р. 510—11) документально показываетъ, что у скандинавовъ была въ употребленіи *сѣкира*, но здѣсь же приводитъ въ нѣкоторыя мѣста русскихъ лѣтописей, свидѣтельствующія, что тоже оружіе было военнымъ оружіемъ и русскихъ племенъ, напр.: I новг. стр. 281: *секирою* и *ножемъ*, с. 360: съ *топорцемъ*, с. 361: *топоръ*; 332: *ножъ*. Какому народу ни принадлежало бы изобрѣтеніе обоюдоостраго *меча*, но въ IX—X вѣкахъ это оружіе является *обычнымъ* у русскихъ славянъ: имъ они такъ отличались отъ южныхъ тюркскихъ кочевниковъ, употреблявшихъ *сабли*, что даже создавалась особая сказка, какъ бы въ прославленіе *меченосныхъ* полявъ предъ *сабелными* хозарами³⁾; самый терминъ, послѣ основательныхъ разъясненій

1) См. Изображенія такой одежды въ соч. г. Срезневскаго: Древнія изображенія Св. княз. Бориса и Глѣба. Спб. 1868, рисунки съ фресокъ церкви новгородскихъ, см. на стр. 28 и сл. разсужденіе о самой одеждѣ. Замѣтить, что схожая одежда была у скандинавовъ: *möltul*, она была *безъ рукавовъ*, какъ теперешій плащъ. Cf. Weishold. *Altnordisches L. eben*. В. 1856, р. 167—8.

2) Последнее представляется въ текстѣ въ испорченномъ видѣ. Оссеиъ Юс. с., свѣдѣя Сильвестру де Саен, думаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *тангуроетъ* (!!) русскихъ; Раскуссеиъ (р. 83, not): *seq. hand latelligo. Auctor loquitar de ornamentis vaginalium gladioum*. Я перевелъ по Франу. I. с. р. 77—8.

3) Хозары заставляють полявъ платить имъ дань, они «сдумавше» даютъ оны дань *мечъ*; хозары принесли мечи и показали своему князю «Рѣша же старци Козарстѣи: вѣдобра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіе одиною стороною, рекше *саблями*, а сихъ оружіе обоюдо остро, рекше *мечъ*; си шутъ знати дань на насъ и на нѣхъ странахъ. Се же сбмьстѣя все... Поим. Соб. рус. лѣт. I, стр. 7.

г. Срезневскаго¹⁾, не может считаться заимствованнымъ отъ нормановъ. Широкіе, волнообразные мечи западной (Французской—с-франджве?) работы, по указаніямъ Круга, въ Скандинавіи считались *рѣдкостью* и высоко цѣнились; дѣйствительно—въ сѣверныхъ могилахъ, представившихъ огромное количество мечей, *волнообразные* попадаются въ небольшомъ количествѣ²⁾; видно—это оружіе не было обыкновеннымъ оружіемъ народа, а только нѣкоторыхъ, знатныхъ и богатыхъ; могилъ его имѣть и русскіе богатые купцы, чрезъ землю которыхъ шелъ торговый путь изъ «Варягъ въ Греки». Извѣстіе о фигурахъ, изображенныхъ на мечахъ, сколько знаемъ, не встрѣчаетъ подтвержденія ни въ скандинавскихъ, ни въ русскихъ источникахъ, и если правильно чтеніе и объясненіе Френа, мы приобретаемъ здѣсь новый археологическій фактъ X-го в., къ кому бы ни относился онъ: къ норманамъ или русскимъ славянамъ.

Женщины носятъ на груди небольшую коробочку изъ жѣлѣза, мѣди, серебра или золота, смотря по состоянію и обстоятельствамъ своего мужа; къ коробочкѣ прикрѣплено кольцо, на которомъ виситъ ножъ также на груди. На шеѣ женщины носятъ золотыя и серебряныя цѣпи; именно, если мужъ имѣетъ состояніе въ десять тысячъ диргемъ, онъ заказываетъ женѣ своей цѣпь, если въ — двадцать, то она получаетъ двѣ цѣпи, и такъ жена его получаетъ по цѣпи по мѣрѣ того, какъ состояніе его увеличивается десятками тысячами диргемъ, потому часто русская женщина носитъ на шеѣ цѣлое множество цѣпей. Самое роскошное украшеніе женщины — бусы зеленого стекла³⁾, подобныя тѣмъ,

1) Мысли объ исторіи русскаго языка Спб. 1850, стр. 145—6.

2) Если принять за нору таланагъ меча того, который находится въ дрезденскомъ собраніи (изображенъ у *Lerfowskięgo*, Bron zloziska, Кр. 1867, tab. III, № 22) и представляетъ т.к. наз. мечъ пламенный, то въ сѣверныхъ могилахъ не отыщется ничего подобнаго; волнообразная линія сѣверныхъ бронзовыхъ мечей не рѣдка (см. Atlas de l'Archéologie du Nord, Cop. 1857, tab. II—III), въ желѣзныхъ же вовсе не существуетъ: они имѣютъ всегда прямое (см. Ворсе, Сѣверныя Древности, Спб. 1861, стр. 72, 119. 168—9).

3) По другому списку: зеленыя бусы или кораллы изъ глинъ.

какія находятся на кораблях¹⁾. Они слишкомъ гоняются за ними, платятъ за каждую бусину по диргеми и составляютъ изъ нихъ ожерелье своимъ женамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что коробочка, о которой говоритъ И. Ф. была женскимъ украшеніемъ: Расмуссенъ замѣчаетъ при этомъ (р. 33, not.): «*harum capsularum multae: aureae, deauratae, argenteae, argentatae et aeneae in Muscis nostris servantur*»; онѣ разной формы: овалныя, круглыя, съ отверстіями и при нихъ когда то (одинъ) висѣло кольцо. Положимъ, что дѣйствительно такія коробочки были въ употребленіи у норманскихъ женщинъ, спрашивается — однѣ ли онѣ ихъ носили, и исключаетъ ли это такія же украшенія женъ богатыхъ русскихъ купцовъ? При отсутствіи положительныхъ свидѣній, какъ, откуда и какими путями распространялись по Европѣ металлическія украшенія, нельзя сказать ничего достовѣрнаго объ этихъ предметахъ роскоши: были ли они туземнаго, европейскаго производства или привозились извнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и ограничивать ихъ употребленіе Скандинавіей: подобныя украшенія были распространены по Европѣ и находятся не рѣдко въ земляхъ славянъ: такъ въ одной, по мнѣнію Воцеля чешской, могилѣ²⁾, принадлежавшей уже къ желѣзному вѣку культуры и потому съ вѣроятностью усвоиваемой славянамъ, найдены были двѣ бляхи, которыя первоначально составляли одну коробочку, она украшена выбитымъ изображеніемъ четвероногаго животнаго, внизу имѣла четыре отверстія, и въ среднихъ изъ нихъ еще уцѣлѣли остатки серебряной проволоки, на нихъ, конечно, висѣлъ какой то предметъ, б. м. ножъ, черенокъ котораго най-

1) Расмуссенъ упоминаетъ это мѣсто такъ: *haud omnes promiscue unioes (бусы) voluit, sed quales e Persia per mare Caspium exportatos Arabs noster in navibus per Volgam navigantibus ipse vidit.* р. 34 и. Френъ р. 90 not. тоже держался вначалѣ этого мнѣнія, но потомъ, подкрѣпленный Сильвестромъ де Саси — онъ полагалъ, что здѣсь разумѣются восточные корабли, украшенные (на задней части) бусами, которыя по мнѣнію моряковъ, предохраняють отъ бури.

2) Въ деревнѣ Желемки (Schelenken).

денъ въ могилѣ пониже ладунки. Воцель, подробно описавшій находку ¹⁾, не находитъ для нея другаго объясненія, какъ взвѣстіе о грудной ладункѣ русскихъ женщинъ Ибнъ-Фодлана. Сюда мы не задумываемся поставить и чудско-русскіе сусмуи, о которыхъ упоминаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» въ преданіи о мести Ольги, какъ древліане сидѣли «въ великихъ сусмутахъ гордлщеса». Слово удѣлѣло донынѣ въ сѣвѣровосточной половѣ Россіи для обозначенія груднаго металлическаго украшенія, бляхи, снизу которой спускаются цѣпи; нѣкоторые древніе сусмуи были найдены въ персикой и другихъ мѣстностяхъ Руси, они, судя по изображеніямъ ²⁾, совершенно подходятъ къ ладункѣ Ибнъ-Фодлановыхъ женщинъ..... Не была ли богатая и обильная металлами Біармія главной производительницей ихъ, не отсюда ли эти украшенія шли и къ русскимъ славянамъ и къ Скандинавамъ? Цѣпи, которыя носили женщины на шеѣ, также не могутъ служить доказательствомъ норманскаго происхожденія *русскихъ* Ибнъ-Фодлана: Кругъ приводитъ только мѣсто изъ Инглинга-Саги, гдѣ одной женщинѣ даютъ, какъ Morgen-gabe — три помѣстья и одну золотую цѣпь; въ могилахъ славянскихъ земель цѣпи находятъ не рѣдко: онѣ были найдены въ той же чешской могилѣ и въ нѣкоторыхъ русскихъ ³⁾; кромѣ того, кажется, что Ибнъ-Фодланъ цѣпями могъ назвать и *витыя шейныя трины* (Оссонъ передаетъ это мѣсто арабскаго путешественника словомъ *collier*), которыя были довольно распространеннымъ украшеніемъ и у насъ и на западѣ Европы. *Зеленыя бусы*, по свидѣтельству Фина Магнусева и Расмуссена (р. 34, *not.*), очень цѣнились въ Скандинавіи, онѣ могли высоко цѣниться и на Русь, какъ товаръ чужеземный,

1) *Archäologische Parallelen* (aus d. Sitzungsber. d. wien. Akademie 1863 т. XI), I, 1864, p. 38—46, особ. 41—2.

2) См. Ешевскій. Замѣтка о Персикихъ древностяхъ, въ Персикомъ Сборникѣ, т. I, М. 1859, рисунки № 1, 23; превосходный сусмуи изъ серебра найдены въ Лихвѣнскомъ уѣздѣ (Калужск. губ.), снимокъ и описаніе его во *Временникѣ* Общ. истор. и древностей, кн. V-ая, сѣнь стр. 37.

3) *Wosel, Archäol. Parall.* I, p. 40. Ешевскій, I. с. гр. К. Тышковичъ. О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси. В. 1865, стр. 40—2.

привозимый съ Востока на корабляхъ. Такія бусы были находимы гр. К. П. Тышкевичемъ въ могилахъ западной Руси ¹⁾, встрѣтились онѣ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ известномъ Перепетовомъ курганѣ Кіевской губерніи ²⁾.

Извѣстіе Ибнъ-Фоадана, что русскіе кунцы платили арабскою монетою, должно объяснить тѣмъ, что она была единственнымъ представителемъ монетной цѣнности на Руси того времени.

«Русь—самый нечистоплотный народъ, какой только созданъ Богомъ: они не очищаются по совершеніи естественныхъ нуждъ, не моются послѣ оскверненія иочнаго (R. post pollutionem v. coitum), точно дикіе ослы. Они приходятъ изъ своей страны, становятся на якорь свои корабли въ Итилѣ, большой рѣкѣ, и на берегу ея строятъ большіе деревянные дома (бараки). Въ такомъ помѣщеніи живетъ ихъ десять, двадцать, болѣе или менѣе, человекъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою лавку для отдохновенія (постель), на которой сидятъ онѣ и его красавицы-рабыни, назначенныя къ продажѣ; иногда какой нибудь изъ нихъ забавляется съ рабынею, а товарищъ смотритъ; иногда и многіе изъ нихъ находятся въ такомъ положеніи предъ глазами другихъ. Случается, что какой нибудь купецъ, желая купить рабыню, входитъ къ нимъ въ домъ и застаётъ ее въ сладострастныхъ объятіяхъ господина, который не прекращаетъ этого занятія, пока неудовлетворитъ своей похоти. Каждый день постоянно моютъ они лицо и голову самую грязною водою, какую только можно найти, именно: каждое утро приходитъ служанка, приносятъ большую лохань съ водою и ставятъ ее предъ своимъ господиномъ. Онъ моетъ въ ней руки и лицо, также волосы, чешетъ ихъ гребнемъ въ лохань, потомъ сморкается, плюетъ въ нее и не выплевываетъ нечистоты вонъ, а въ ту же воду ³⁾. Когда онъ окончитъ, что слѣдуетъ, служанка переноситъ тотъ же самый

1) О Курганахъ въ Литвѣ и западной Руси. стр. 30 sq. 36—7.

2) Древности издав. Кіевск. врсн. Комиссіей, К. 1846, таб. IX. N 1—2.

3) Оссе онъ переводитъ послѣднюю фразу: «il a'y touche, il y crache, enfin il jette toutes ses ordures dans cette eau». p. 92.

сосудъ къ его сосѣду, и онъ дѣлаетъ тоже. Такъ, поочередно, отъ одного къ другому, обноситъ она лохань, и каждый туда сморкается, плюетъ, моетъ лицо и волосы. Какъ скоро изъ корабли стали на якорь на стоянку, каждый изъ нихъ идетъ въ городъ, имѣя при себѣ хлѣбъ, мясо, лукъ, (чеснокъ), молоко и крѣпкій напитокъ (медъ), отправляется къ высокопоставленному чурбану, который имѣетъ точно человѣчье лицо и окруженъ небольшими изваяніями, за которыми поставлены снова высокіе колья (частвоколь). Онъ подходитъ къ большому деревянному изображенію, бросается предъ нимъ на землю и говоритъ: «владыка мой, я пришелъ издалека, привезъ столько-то рабынь съ собою, столько-то соболонныхъ шкуръ», и пересчитавъ такимъ образомъ всѣ свои привезенные товары, онъ продолжаетъ: «тебѣ привнесъ я этотъ подарокъ», потомъ кладетъ принесенное предъ деревяннымъ идоломъ и говоритъ: «я прошу тебя, пошли мнѣ купца, богатаго чистыми золотыми и серебряными деньгами, который купилъ бы у меня все это и не перечилъ никакому моему требованію». Сказавъ это, онъ уходитъ прочь. Если его торговля идетъ плохо, и его пребываніе тамъ слишкомъ затягивается, онъ приходитъ снова, приносить второй и потомъ третій подарокъ. И если послѣ того, онъ все таки не достигаетъ того, чего желалъ, онъ приносить одному изъ небольшихъ идоловъ подарокъ и проситъ его о помощи, говорилъ: «это нашего бога — жены и дочери», и такъ переходитъ онъ отъ одного идола къ другому, прося ихъ о заступничествѣ и въ благоговѣніи преклоняясь предъ ними. Часто случается, что его торговля потомъ идетъ хорошо, и онъ продаетъ весь свой товаръ, онъ говоритъ: «мой Владыка исполнилъ мое желаніе, теперь мой долгъ его возблагодарить», затѣмъ, онъ убиваетъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, раздаетъ одну часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ большому идолу и стоящимъ вокругъ него малымъ, вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на колья, вбитые въ землѣ позади небольшихъ идоловъ. Ночью приходятъ собаки и пожираютъ мясо, тогда онъ говоритъ: «мой Владыка благосклоненъ ко мнѣ, онъ принялъ (сожралъ) мою жертву».

Съ нѣкоторымъ изумленіемъ останавливается Я. Гриммъ¹⁾ на чертѣ нечистоплотности и сладострастія русскихъ купцовъ, онъ находитъ эти качества совершенно несогласными съ порядками древне-сѣвернаго и вообще древне-нѣмецкаго быта; дѣйствительно, не только древне-сѣверному быту, но и быту всякаго народа противорѣчатъ эти извѣстія; ибо трудно подумать, чтобы какой-нибудь человѣкъ сталъ умываться помои другого, имѣя подъ рукою чистую воду (въ Волгѣ)! Ибнъ-Фоцланъ не досматрѣлъ и преувеличилъ видѣнное; преувеличеніе естественно вытекало изъ пресловутой чистоплотности арабовъ, получившей значеніе религіознаго предписанія; не находя у русскихъ тѣхъ постоянныхъ омовеній и очищеній, которыя соблюдаются правдоверными мусульманами, путешественникъ съ отвращеніемъ взглянулъ на простое, и до сихъ поръ вездѣ на Руси употребительное, обыкновеніе умываться изъ одной посуды, перемѣняя лишь воду, ему показалось, что каждый моется помои другого... Могло такое преувеличеніе произойти и отъ неточнаго разсказа руководителя: Ибнъ-Фоцланъ слышалъ, что русскіе купцы воутру умываются поочередно изъ *одной* локши, и его воображеніе дорисовало остальное, когда онъ взялся за пшчю трость, чтобы передать своимъ чистоплотнымъ соотечественникамъ видѣнное. Также должно сказать и о сладострастіи русскихъ: частный случай могъ дать поводъ къ картинѣ, краски же для нея представила арабская противоположность. Отстранивъ преувеличенное, мы въ этой части разсказа получимъ правильное наблюденіе, что русскіе купцы въ Булгарѣ имѣли свои домашнія обыкновенія, содержали себя по *своему*, т. е. не по арабски, и пользовались тѣми правами, какія предлагало рабство, для удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей. Очевидно, такое извѣстіе не имѣетъ рѣшительно никакой этнографической цѣны: въ равной мѣрѣ оно идетъ и къ славянамъ, и къ скандинавамъ, и ко всякому другому народу.

---

1) Kleineere Schriften, II p. 204.

Торговля требуетъ внимательнаго осмотра. Прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда приходила торгующая Русь. Изъ словъ Ибнъ-Фоцлана видно, что она приходила въ Булгарь изъ своей земли путемъ рѣчнымъ и оттуда привозила свои товары: его купцы — исключительно купцы по роду занятій, они исключительно ради торговли приходятъ въ Булгарь изъ своей страны и привозятъ оттуда все свой товаръ, они просятъ своихъ боговъ только объ успешной распродажѣ товара и ни о чемъ болѣе...; ни одна черта не указываетъ въ нихъ воиновъ — разбойниковъ, которые, случайно захвативъ добычу, продавали ее въ Булгарѣ, они ведутъ постоянную торговлю, потому имѣютъ опредѣленное мѣстопробываніе въ Булгарѣ (сравни выше, свидѣт. Массуд, стр. 012), опредѣленное мѣсто святилища; случайные удалыцы не стали бы заводить его. И какимъ путемъ пришли бы норманы изъ своего отечества въ Булгарь? Городъ лежалъ вѣднѣ знакомаго имъ сѣвернаго и восточнаго путей, они могли проникнуть сюда или изъ Біармія, или изъ Кіева чрезъ Черное и Азовское моря, Дономъ и волокомъ въ Волгу; но послѣднее крайне невѣроятно, а Біармія сама предлагала выгодный торговый рынокъ; допустить средній путь, чрезъ Ладожское, Онежское и Бѣлоозеро Шексною въ Волгу, мы не можемъ по совершенному отсутствію всякихъ указаній. Въ такомъ положеніи, какъ были русскіе купцы Ибнъ-Фоцлана могли быть только или природные русскіе славяне или норманы переселенцы, избравшіе русскую землю своимъ вторымъ отечествомъ; и соображая все обстоятельства разсказа Ибнъ-Фоцлана, нельзя не прийти къ мысли, что это были — первые т. е. русскіе славяне. Въ этомъ убѣждаетъ насъ какое то постоянство торговыхъ связей купцовъ съ Булгаромъ, ясно чувствуемое изъ разсказа Ибнъ-Фоцлана: торговля соболями предполагаетъ развитіе туземной промышленности¹⁾, которую трудно допустить для недавнихъ колонистовъ,

1) «Бобры, соболя и горностан, говоритъ пок. Савельевъ, вывозились изъ земли Веси или нынѣшней Вологодской губерніи, соболя ловились въ странѣ Эры (губери. Нижегородской и Сибирской); лучшія чернобурая лисицы, пре-

пришедших притомъ съ военно административными дѣлами; торговля рабынями у русскихъ славянъ находятъ подтвержденіе въ словахъ Святослава, что изъ Руси идетъ воскъ, медъ, и чедло (Пов. вр. лѣтъ, подъ 6477 годомъ).

Ошибаются тѣ изслѣдователи, которые думаютъ, что язычество русскихъ Славянъ не доросло до обычая придавать видную форму образамъ боговъ, что истуканы, поставленные въ Киевѣ Владиміромъ, были произведеніемъ его личныхъ соображеній, его желанія установить общественное богослуженіе: намъ извѣстно, что кумиры — *dii manufacti* по выраженію Титмара, стояли и въ другихъ мѣстностяхъ русской земли, что испроверженіе ихъ сопровождалось плачемъ народа о своихъ богахъ; обычай придавать видную форму божествамъ существуетъ и у племенъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, потому нѣтъ причия не относить извѣстія Ибизъ-Фоцлана къ русскимъ славянамъ; нѣтъ причия и *родственный союзъ* русскихъ боговъ Араба объяснить скандинавскими повліянiami¹⁾: слѣды затерянной, можетъ быть петвердой, генеалогіи боговъ видны и въ скудныхъ извѣстіяхъ о славяно-русскомъ язычествѣ. Жертвы богамъ рогатымъ скотомъ достаточно подтверждаются свидѣтельствомъ Прокопія²⁾.

«Если они (русскіе) поймаютъ вора или разбойника, то приводятъ его къ высокому толстому дереву, затягиваютъ прочную

дававшая по 100 динаровъ носила названіе буртаскихъ по имени страны Буртасовъ, гдѣ онѣ добывались (Саратовская и Пензенская губерніи); выдры водились въ сѣверныхъ рѣкахъ, въ земляхъ Булгара, Руси и Киева и привозились въ Булгаръ Русами. Мухаммеданская Пунизиатика въ отношеніи русской исторіи. Спб. 1847. стр. ССIV — V. Неужели въ странѣ, столь обильной пушными товарами, торговлю производили не свои промышленники — кушцы, а чужіе люди, неужели и самый товаръ шелъ не изъ ближайшей Руси, а изъ далекой Скандинавіи!?

1) Какъ это дѣлаетъ Раемуссенъ, видящій въ женахъ и дочеряхъ божества скандинавскихъ Фриггу, Герту (?), Склад, Гуааду, Ринду и Гриду. *De Orientis Commercio*. p. 86 in notis.

2) Καὶ θυσιὰν αὐτῷ (т. е. богу-громовержцу) βόας τε καὶ ἰεράτα ἐκνευε. *De bello Goth.* L. III, cap. 14.

веревку вокругъ его шеи, привязываютъ ее къ дереву и оставляютъ его висѣть, пока онъ, разложившись отъ вѣтра и дождя, не распадется въ куски».

Способъ казни, весьма обычный на Руси: лѣтопись (подъ 1071 годомъ) рассказываетъ, что такъ повѣшены были волхвы на Бѣлозерѣ, въ 1489 г. такая казнь была совершена надъ двумя преступниками¹⁾, позднѣе — законодательство усваиваетъ этотъ народный обычай.

«Они предаются пьянству самымъ нечеловѣчнымъ образомъ и пьютъ день и ночь на пролетъ. Часто случается, что кто нибудь изъ нихъ умираетъ со стаканомъ въ рукѣ».

Въ своемъ комментарий Кругъ приводитъ много свидѣтельствъ о чрезмѣрномъ употребленіи скандинавами крѣпкихъ напитковъ. Едва ли не болѣе свидѣтельствъ въ этомъ родѣ можетъ представить и русская старина. Почти съ самаго введенія христіанства церковная проповѣдь протестовала противъ этого порока и притомъ иногда прямо называла его «поганскимъ норовомъ»; въ русской народной поэзіи — ширь и пьянство принадлежатъ къ самымъ основнымъ, обыкновеннымъ мотивамъ: съ этого идетъ починъ всякому дѣлу, отсюда иногда выходятъ послѣдствія, наполняющія все содержаніе былинны. Довольно указать на Васюку Буслаева съ его разгульными товарищами, чтобы видѣть, что купеческая Русь въ Булгарѣ не представляла исключенія изъ общаго правила. и что по этому только ее нельзя ставить въ рѣшительное родство съ скандинавами²⁾.

«У князей русскихъ существуетъ обыкновеніе, что вмѣстѣ съ княземъ, въ княжеской палатѣ (или на княжемъ дворѣ) живутъ четыреста храбрѣйшихъ и надежнѣйшихъ людей изъ его свиты, которые готовы умереть съ нимъ, или пожертвовать за него жизнью; каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвушку, которая ему при-

1) Карамзинъ. Ист. Г. Р. т. VI прил. 312.

2) По извѣстности предмета считаемъ излишнимъ приводить документальныя ссылки: кто знаетъ слова Феодосія Печерскаго, тотъ не потребуетъ дальнѣйшихъ подтвержденій извѣстиямъ арабскаго путешественника.

служиваетъ, носить ему голову, приготовляетъ їду и пищу, но при этомъ онъ имѣетъ еще и другую, которая служить ему наложницей. Эти четыреста сидятъ у (вишу) княжяго стола, большаго и украшеннаго драгоценными камнями. За столъ съ собою онъ садитъ сорокъ дѣвокъ, назначенныхъ для его постели. Иногда онъ забавляется съ одной какой изъ нихъ въ присутствіи упомянутыхъ знатныхъ мужей своей свиты. Своего сѣдалища (дивана) онъ никогда не покидаетъ; когда же онъ захочетъ удовлетворить естественной нуждѣ, онъ употребляетъ для этого особую посуду; если онъ хочетъ выѣхать, ему подводятъ коня къ самому сѣдалищу, откуда онъ на него и садится, захочетъ онъ сойти съ коня, то подъѣзжаетъ къ своему престолу такъ близко, что съ коня прямо садится на него.

Онъ имѣетъ своего намѣстника, который предводительствуетъ его войсками, сражается съ врагами и заступаетъ его мѣсто въ отношеніи къ подданнымъ.

Въ своемъ разсужденіи о «Варяжскомъ вопросѣ» (стр. 107) г. Гедеоновъ¹⁾ останавливается на этомъ странномъ извѣстіи Ибнъ-Фюадана, говоря, что оно, по всей вѣроятности, относится не къ Олегу, и Игорю, а къ предшествующимъ турецкимъ (т. е. хозарскимъ) династіямъ. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о существованіи Хозарскаго Каганата въ Кіевѣ, вопроса если и не рѣшеннаго достаточно, то, по крайней мѣрѣ, основательно поставленнаго г. Гедеоновымъ, мы замѣтимъ, что мысль его находить не малую поддержку въ извѣстіяхъ арабовъ о хозарскомъ Хаганѣ, его образѣ жизни и правленіи²⁾: отличался по подробностямъ отъ вышесприведеннаго, эти извѣстія не разнятся

1) Сочиненіе г. Гедеонова, безспорно, замѣчательнѣйшее явленіе русской исторической литературы послѣднихъ годовъ; только ослабленію нашей любви къ занятіямъ этого рода должно приписать, что до сихъ поръ оно вызвало лишь краткія, но значительныя замѣтки г. Куника и пространныя, но незначительныя разсужденія г. Погодина. Сочиненіе заслуживало бы большаго вниманія и уваженія.

2) Ohasov. Les peuples du Caucase... p. 34 sq. Григорьевъ. Объ образѣ правленія у Хазаровъ Ж. Мѡв. II. Nr. 1834, стр. 3—8 отд. оттиска.

отъ него въ общемъ характеръ восточнаго деспотизма; тѣмъ не менше — княжеская дружина, воевода, существованіе многихъ наложницъ, образъ пирующаго князя — черты, не противорѣчающія русской жизни X-го вѣка; но способъ его жизни — несомнѣнно восточный, столькоже мало идущій къ русскому, какъ и къ скандинавскому быту. Допустимъ ли мы дѣйствительное присутствіе восточнаго начала въ бытѣ русскихъ династовъ (до Олега), припишемъ ли Ибнъ-Фоцлану преувеличеніе или этнографическое смѣшеніе русскихъ съ хозарами, во всякомъ случаѣ мы не найдемъ въ его извѣстіи поддержки для мысли о норманскомъ происхожденіи русскихъ купцовъ въ Булгарѣ.

Всѣ прочія показанія Ибнъ-Фоцлана касаются погребальныхъ русскихъ обычаевъ и уже подробно разсмотрѣны нами; здѣсь мы пополнимъ результатъ нашего осмотра авторитетнымъ мнѣніемъ Якова Гримма, который находитъ, что сожженіе въ кораблѣ или ладѣ не можетъ быть исключительно выводимо изъ Скандинавіи, потому что оно представлялось само собою, какъ бы необходимою для чужеземцевъ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Булгарѣ¹⁾, принесеніе же въ жертву животныхъ — есть общераспространенный обычай, встрѣчающійся и у литвы; поэтому Гриммъ не находитъ причины относить къ скандинавскимъ варягамъ тѣ обычаи, какіе Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ въ Булгарѣ. «Естественнѣе всего принять», говоритъ нѣмецкій ученый, «что какъ у славянъ, такъ и у нѣмцевъ издревле былъ общій, различійся лишь въ частностяхъ, обычай сжигать мертвецовъ; мы бы убѣдились въ этомъ вполне, еслибы наши писатели счумѣли представить обычай съ тою наглядностью, съ какою Геродотъ изобразилъ скипскіе, Проконій — герульскіе, Вульфстанъ — обычай Эстовъ (Пруссовъ), а Ибнъ-Фоцланъ — русскіе» (?)²⁾.

1) Мы позволили себѣ объяснить этотъ фактъ, какъ обычай и указали на его основаніе см. стр. 72 нашего изслѣдованія.

2) Kleinere Schriften, t. II, p. 293—4.

Земля славянъ извѣстна в другому арабскому путешестввеннику половины X-го вѣка — *Эль-Истахри*¹⁾, но, кажется, главнымъ источникомъ его свѣдѣній объ ней былъ Массуди: Истахри знаетъ только, что славяне живутъ въ сосѣдствѣ съ русскими и болгарами? (какими?), земля ихъ граничитъ съ римлянами (греками) и землями Ислама. Ширину земли онъ опредѣляетъ, проводя линію отъ крайняго сѣвера до крайняго юга, т. е. отъ береговъ Океана до земли Яджусъ и Маджусъ (Гогъ и Магогъ) вдоль *Славоніи*, чрезъ землю Булгаръ и *славянъ*. Говоря о торговлѣ въ Хорасанѣ, Истахри замѣчаетъ, что изъ земли *славянъ*, хозаръ и прилежащихъ странъ привозится много рабовъ и превосходныя кожи²⁾.

О Руси Истахри знаетъ гораздо болѣе: по немъ — она живетъ въ нынѣшней южной Россіи, сосѣдя съ землями хозаръ и булгаръ, между болгарами и славянами, такъ что землю русскихъ (изъ ихъ земли) предъ входомъ въ Булгары протекаетъ Атель (Волга), которая потомъ вливается въ Каспійское море³⁾.

«Русскіе раздѣляются на три вѣтви: первая живетъ по близости къ Булгарамъ, князь ея живетъ въ городѣ Кутабѣ (Куябѣ = Кіевѣ), который болѣе, чѣмъ Булгаръ; вторая вѣтьвъ называется *славянами* (Словѣне), третья *Утани*, ихъ князь живетъ въ Арбѣ. Купцы ходятъ лишь до Кутабы, въ Арбу же не приходитъ никто изъ нихъ, потому что жители убиваютъ каждаго иноземца и бросаютъ его въ воду. Потому никто ничего не знаетъ о ихъ дѣлахъ, и ни съ кѣмъ они не состоятъ ни въ ка-

1) Нѣкоторые ученые несправедливо усматривали сочиненіе Истахри — Ибнъ Хауказу: еще Фрелъ (I. F, 266 sq.), за нимъ Шарнуа (Rel. 301 или 6), Мордтманъ (Buch der Länder, p. XII sq.) и Рено (Géogr d'Ab. F. I, LXXXV) указали и исправили эту ошибку. Мы пользовались указаннымъ выше изданіемъ Мордтмана: Buch der Länder. 1843. Къ великому изумленію своему читатель не найдетъ на картѣ, приложенной къ этому изданію, ни *Славоніи*, ни *славянъ*: а между тѣмъ карта составлена такимъ знаменитымъ картографомъ, какъ Кипертъ!

2) У Шарнуа (Relation, p. 323 или 26 от. от.) нѣтъ извѣстія о рабахъ, зато, есть ниско: отъ Карскаго можно видѣть ковры изъ земли Славянъ и Хозаръ.

3) Mordtmann, Buch der Länder, p. 1, 4, 103, 129.

кихъ сношеніяхъ... Изъ Арбы вывозятъ черныхъ соболей и олово. Русскіе носятъ короткія платья. Арба лежитъ между землею хозаръ и великими болгарами (визійскими), которые сосѣдятъ съ римлянами (т. е. съ греками), на сѣверѣ ихъ (т. е. римлянъ). Эти болгары такъ многочисленны и сильны, что налагаютъ на сосѣднихъ грековъ дань. Внутренніе болгары — Христиане¹⁾.

Истахри хотя и заимствовалъ многое изъ Ибнъ-Фодлана и Массуди, но приведенныхъ мѣстъ не встрѣчается въ извѣстныхъ ихъ сочиненіяхъ; потому можно думать, что онъ самъ зналъ описываемые народы и мѣстности; или, по крайней мѣрѣ, получилъ свѣдѣнія о нихъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ въ земляхъ прикаспійскихъ²⁾. Много темнаго, спутаннаго находимъ мы въ извѣстіяхъ Истахри: странно напр. его заключеніе, что Китай граничитъ съ славянами, невѣстно, что за городъ Арба или Арза³⁾, и гдѣ былъ онъ; но главное передано вѣрно: Истахри не знаетъ при-

1) Nordtmana. l. c. p. 106. Касательно Утанъ мы слѣдовали чтенію Мердтмана; Френъ (l. c. 162 sq.) читаетъ Арсаме или Ерсаме, Оссонъ (l. c. p. 84) Ertsayens; Абулеода въ передачѣ этого мѣста Истахри пишетъ: вторая вѣтъ — Alsalauye, третья — Alautsanye. (Géogr. d'Ab. F. II. p. 405); если чтеніе Френа вѣрно, то это будетъ народъ чудскаго происхожденія и арабы причислили его къ русскимъ племенамъ по причинѣ, достаточно объясненной пок. Савальемъ (Мухаммед. Нунизмат. стр. СХХI), не быть можетъ — чтеніе Утане правильно, потому что это имя встрѣчается, какъ названіе одного изъ славянскихъ племенъ см. Safarik. Slov. Staroř., 2 vyd. p. 646. Для нашей цѣли — дѣло въ сущности не важнѣе, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Что же касается до преувеличеннаго извѣстія о нечеловѣчій дикости этого племени, то оно придумано торговымъ ревностію Бугаръ, которымъ было не выгодно, чтобы арабы вступили въ непосредственныя сношенія съ этимъ племенемъ, и для того они пугали ихъ ложными сказками. Последнее мѣсто Истахри о болгарахъ — Рено (l. c. II, p. 306) читаетъ не такъ, а именно: «Русскіе изъ Арбы простираются до древнихъ греческихъ провинцій и находятся на сѣверѣ ихъ, они такъ многочисленны и такова ихъ сила, что они наложили дань на Бугаръ, прилежащихъ къ Римлянамъ».

2) Reinaud. Géogr. d'Aboul-Feda, I, p. LXXXIII.

3) Рено (l. c. II, p. 306) предполагаетъ, что это Биарія-Перія, древніе писатели упоминаютъ объ Арбѣ, Арбѣ, Рабѣ въ землѣ нынѣшнихъ юго-западныхъ славянъ, Safarik. Abkunft der Slaven, Of. 1828, p. 159—160.

шлой дружины Руси, но осѣдлыхъ туземцевъ средней и южной полосы восточной Европы, онъ ставитъ ихъ въ связь съ славянами (н. б. Словѣнами сѣверной части Руси), говоритъ о дѣйствительномъ, многочисленномъ славяно-русскомъ народѣ и вѣтвяхъ его, а не о дружинѣ норманскихъ пришельцевъ, которая на русской землѣ могла имѣть лишь политически-административныя, но не этнографическія подраздѣленія.

Ибнъ-Хаукаль заимствовалъ большую часть своихъ извѣстій изъ Истахри; но не все. О славянахъ, сколько могу судить по доступнымъ мнѣ источникамъ, онъ не упоминаетъ вовсе, но нѣсколько разъ говоритъ о нападеніяхъ Руси на Булгарь и однажды, кажется, на болгарь дунайскихъ¹⁾; о торговлѣ Руси съ хозарами и булгарами, которымъ они продаютъ шкуры выдръ²⁾.

«Русь — по его словамъ — многочисленное и сильное племя, потому что когда-то они наложили дань на Римлянъ; съ одной стороны они торгуютъ съ Римлянами, съ другой — перевозятъ свои товары (мѣха) въ Булгарь и оттуда спускаютъ въ Персію; ихъ корабли ходятъ до Хорасана, они носятъ короткія платья, и одинъ изъ нихъ брѣютъ бороду, другіе отпускаютъ ее и заплетаютъ точно, какъ мы (Арабы) заплетасмъ гриву у лошадей... Изъ Руси Хозары получаютъ медъ и мѣха»³⁾.

Извѣстное мѣсто Истахри о трехъ племенахъ Руси *Ибнъ-Хаукаль* повторилъ съ добавленіемъ, что

«*Арсан* (*Arsaja*, по *Ирвену* — *Ersanja*) приходятъ водою (въ Булгарь или къ Хозарамъ?) и производятъ торговлю, они ничего не говорятъ о своихъ дѣлахъ и товарахъ (?), никому не позволяютъ сопровождать себя и приходятъ въ ихъ страну. Изъ Арбы (*Arsa*, *Ersa*) вывозятъ мѣха черныхъ соболей, черныхъ лисицъ и олово» †.

Ибнъ-Хаукаль, какъ извѣстно, лично былъ въ Булгарѣ на

1) *Frähn. Iba Fozlan* p. 66.

2) *ibidem*, p. 66. 147.

3) *ibidem* p. 71. *Ohsson. Les peuples du Caucase.* p. 89—90.

† *Frähn l. c.* p. 268.

Волгѣ; потому, несмотря на запутанность его извѣстій, на несамостоятельный характеръ большинства изъ нихъ, все-таки для насъ можетъ имѣть нѣкоторую цѣну то, что онъ принимаетъ Русь за народъ туземный, обитателей южной Россіи, и ничего не знаетъ о ихъ сѣверномъ происхожденіи.

Послѣдующіе арабскіе писатели не входятъ въ наше разсмотрѣніе: свидѣтели XI, XII и послѣд. вѣковъ едва ли должны быть приводимы въ доказательство норманскаго или славянскаго происхожденія Руси IX—X-го вѣковъ; замѣтимъ только, что значительнѣйшій изъ нихъ — Мукадези (†1052) также не даетъ никакого права видѣть въ Руси нормановъ, ибо устранивъ мнимый островъ Вабію¹⁾, въ его извѣстіяхъ не останется ни одной черты исключительно норманской.

Осмотрѣвъ бѣгло свидѣтельства древнѣйшихъ арабскихъ путешественниковъ о славянахъ и Руси, нельзя не прійти къ убѣжденію, что ихъ Саклабы — несомнѣнное племя славянъ, по преимуществу западныхъ; Русь же — племя славянъ восточныхъ.

Нѣтъ ни одного факта, ни одного даже намека, который изобличилъ бы чуждое, скандинавское — происхожденіе послѣднихъ...

Остается только самое наименованіе Руси, но можно и должно ли соединять съ нимъ скандинавское происхожденіе, когда подъ рукою нѣтъ никакого доказательства въ существованіи особаго скандинавскаго племени *Руси*. Мы не касаемся здѣсь неразрѣшеннаго понынѣ вопроса о происхожденіи этого наименованія, а дѣлаемъ лишь простое заключеніе по извѣстному. Арабы постоянно называютъ племя Русь и указываютъ на южныя ихъ жилища, съ первыхъ страницъ летописи мы встрѣчаемъ Русь въ коллективномомъ смыслѣ *русско-славянскихъ племенъ*, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мы не находимъ этой Руси, ни одна черта въ бытѣ и характерѣ арабской Руси не обличаетъ исключительно

1) Frähn. I. с. р. 3, 47, sq. отождествляетъ его съ Даніей, но Вабія есть не иное что, какъ дурное чтеніе имени прилагательнаго въ смыслѣ сырой, болотистой земли.

скандинавскаго ея происхожденія, ни одна черта, за вычетомъ преувеличеній, не противна быту и характеру славянъ — русскихъ; напротивъ, многое прямо подходитъ только къ нимъ и только ими объясняется... Къ кому же какъ не къ русскимъ славянамъ должно отнести извѣстія арабовъ? Къ такому выводу, неминуемо прійдетъ всякій, для кого вопросъ о происхожденіи имени Русь имѣетъ значеніе дѣйствительно нерѣшеннаго вопроса.

Но станемъ на другую точку зрѣнія: примемъ распространенное историческое *этноаніе* о скандинавскомъ происхожденіи этого загадочнаго имени, убѣдимся, что Русь, русская земля стала такъ называться лишь съ прибытіемъ трехъ норманскихъ братьевъ съ дружиною, — дастъ ли это намъ право утверждать, что арабская Русь была дѣйствительно Русь норманская, пришла, не славянская? Выше мы замѣтили, что во время, когда Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ обычай и образъ жизни русскихъ купцовъ — этимъ именемъ могли называться уже и русско-славянскія племена, и они должны были такъ называться потому, что нигдѣ нѣтъ никакого слѣда, чтобы въ то время именемъ Руси обозначалась исключительно шведская Русь; имя становится общимъ, земскимъ, имъ необходимо должны были назваться славянскіе купцы, пріѣзжавшіе въ чужую страну: это было какъ бы залогомъ ихъ безопасности, порукой неприкосновенности ихъ и ихъ имущества; для Булгаръ они были *только русскіе*, сами для себя они могли быть и полянами, и сѣверянами, и кривичами. И не покажется ли страннымъ, что едва лишь приходитъ чуждая *военная* дружина, едва успѣваетъ взять подъ свой надзоръ неустроенныя массы туземцевъ, какъ изъ среды ея выдвигается уже мирное торговое сословіе, цѣли котораго совершенно иные. О пріѣзжей скандинавской Руси изъ отечества — и думать нечего; иначе, кромѣ прочаго, прійдется допустить немыслимую этнографическую странность: туземной скандинавской Руси не знаютъ ни свои, ни сосѣди, (иначе она заявила бы себя въ памятникахъ, въ особенности въ такой богатой литературѣ,

какъ сѣверная): ее въ маломъ количествѣ знаютъ только болгары да арабы.

Съ двухъ противоположныхъ концовъ мы приходимъ къ одному и тому же результату.

Русь арабскихъ писателей была *славянскою Русью*.

ДОПОЛНЕНИЕ.

Къ стр. 31—32. У болгаръ — мертвеца, подозрѣваемого въ *самнирствѣ*, обливаютъ кипяткомъ винограднаго вина и прокалываютъ *терновыми* или *слозовыми* кольями (см. Княжескій, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1846, № 12, стр. 207).

Къ стр. 38—40. Этимологически с—*трава*, *трудоуи* можетъ быть произведено отъ корня *larg* = кормить и насыщаться; vid. Fick. Wörterbuch der Indogermanischen Grundsprache, Göt. 1868, pag. 76.

Къ стр. 127. Обычай выносить мертвеца не дверью, а чрезъ проломъ въ стѣнѣ или съ-подъ порога — былъ въ употребленіи у племенъ нѣмецкихъ; v. Grimm. Rechtsalterthümer, p. 726—28; Weinhold. Altnordisches Leben, p. 476; невольно возникаетъ вопросъ: не стоитъ ли этотъ обычай въ связи съ славянскимъ прощаніемъ покойника (стр. 229), не есть ли онъ глухой остатокъ предполагаемаго нами (стр. 231) древняго обычая хоронить мертвецовъ подъ порогами?

Къ стр. 199. Темная сторона древне-славянскои вѣры въ материальную жизнь мертвеца въ могилѣ наша свое выраженіе въ повѣрьяхъ о *самнирахъ* или *умирахъ*. Происхожденіе этого представленія до сихъ поръ надлежащимъ образомъ не уяснено; но несомнѣнно, что вампиры не принадлежать, какъ полагали прежде, къ исключительно славянскимъ повѣрьямъ (cf. Mannhardt въ Zeitschrift f. DMyth. IV, p. 259): они встрѣчаются и у другихъ родственныхъ племенъ и, съ вѣроятностью, могутъ

быть возведены къ эпохѣ племеннаго единства. Быть можетъ происхожденіе этихъ образовъ зависѣло отъ исторической причины: отъ противорѣчія или борьбы двухъ погребальныхъ обычаевъ: сожженія и погребенія. Предположеніе это, впрочемъ, вѣроятно не противорѣчитъ тому, что сказано нами на стр. 242—3; ибо если и была какая борьба между понятіями *погребавшихъ* и *сожигающихъ*, она могла быть только въ началѣ, при первомъ распространеніи обычая сожженія: въ исторически известное время оба обычая мирно уживаются другъ возлѣ друга.

Къ стр. 250. У Черногорцевъ на могильныхъ крестахъ помѣщаются изображенія кукушекъ, столько числомъ, сколько у умершаго осталось ближайшихъ родныхъ, въ особенности сестёръ. Кукушка — символическій образъ тоскующей родной женщины весьма распространенъ въ славянскихъ повѣрьяхъ и народной поэзіи; v. В. С. Караджичъ: Montenegro, p. 99—100.

Къ стр. 271. Текстъ мѣста Ибнъ-Фозлана о славянахъ въ латинскомъ переводѣ Френа: «Slavi et quicumque iis conterminant, sub ejus imperio (sc. regis Chasarorum) serviliter sunt eique obedientes parent». Frähn. De Chasaris. P. 1822, p. 18.

Къ стр. 275—276. А. А. Куникъ замѣтилъ намъ, что Austrvegr, Vestrvegr, Norvegr — вовсе не значать юми, но страны или земли.

КНИГА
О ДРЕВНОСТЯХЪ И ИСТОРИИ

ПОМОРОСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ВЪ XII ВѢКѢ.

СКАЗАНІЯ

ОБЪ

ОТТОНЪ ВАМБЕРГСКОМЪ

ВЪ ОТНОШЕНІИ

СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТИ.

Предлагаемая обработка «Жизнеописаний» Оттона бамбергскаго столь существенно и, может быть, для себя невыгодно—отличается от других однородных исследований своим направлением и задачей, что мы считаем необходимым предослать ей несколько вводных, объяснительных словъ.

Ближайшею целью нашей было дать новое издание этихъ важныхъ источниковъ славянской исторіи и древности, наданіе—повышенное со вниманіемъ къ требованіямъ славянской науки и приспособленное къ ея нуждамъ.

Такою задачею мы думали разрѣшить прежде всего — полную передачу матерьяла, относящагося къ славянскому быту и исторіи; затѣмъ — критическимъ разборомъ и обзорѣмъ его.

Какихъ приемовъ держались мы при выборѣ и извлеченіи матерьяла — читатель усмотритъ ниже; въ отношеніи же критической части труда — считаемъ должнымъ оказать слѣдующее.

Два приема, совмѣстные и равно необходимые, предстоятъ т. наз. нижней критикѣ при оцѣнкѣ и разборѣ извѣстій древнихъ памятниковъ. Она, во первыхъ — изъ нихъ самихъ устанавливаетъ общіе критеріи или правила, на основаніи которыхъ опредѣляется степень достовѣрности и внутренняго достоинства сообщаемыхъ фактовъ; во вторыхъ — подвергается разбору и осмотру каждое отдѣльное показаніе посредствомъ сопоставленія съ другими однородными и близкими извѣстіями всѣхъ найденныхъ источниковъ.

Настоящій трудъ нашъ ограничивается исполненіемъ только первой части этой критической задачи; удовлетворить требованіямъ послѣдней — мы надѣемся въ особыхъ, отдѣльныхъ исследованияхъ, начало которыхъ появляется въ свѣтъ одновременно съ этими сочиненіемъ.

«Жизнеописанія» Оттона принадлежать къ такому роду историческихъ произведеній, богатое содержаніе которыхъ само по себѣ позволяетъ въ — которые общіе выводы и заключенія о предметѣ; потому мы собираемъ въ заключительной главѣ всѣ достовѣрныя извѣстія нашихъ памятниковъ въ видѣ систематическаго обзорѣя внутренняго быта и историческихъ от-

пошевіѣ страны. При разборѣ послѣднихъ нельзя было обойтись безъ того, чтобы, не коснувшись и вспомогательныхъ средствъ, предлагаемыхъ въ некоторыхъ другихъ источникахъ.

Такимъ образомъ, наше изложеніе идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ и содержитъ:

- а) вступную историческую записку о личности и дѣятельности Оттона бамбергскаго;
- б) критическій обзоръ его «Жизнеописаній», т. е. общую историко-литературную оцѣнку ихъ, какъ источниковъ славянской исторіи и древности;
- в) колкое и связанное изложеніе славянскаго матеріала памятниковъ;
- г) критическое распределеніе всѣхъ дотогѣ осмотрѣнныхъ извѣстій, имѣющее цѣлью опредѣлить степень достовѣрности и установить правила оцѣнки ихъ, слѣдуя которымъ историкъ или изслѣдователь древности, каждый по своимъ вѣдямъ и задачамъ, могутъ употребить ихъ въ дѣло;
- д) сводъ достовѣрнаго, явнаго и скрытаго — матеріала, какъ общій выводъ изъ всего предидущаго. Это — сжатое обзорнѣе матеріальнаго и нравственнаго быта, образа жизни и историческихъ обстоятельствъ славянскаго Поморья, насколько они открываются изъ «Жизнеописаній» Оттона. Вместе съ тѣмъ, эта глава есть систематическій предметный указатель къ славянской ихъ части; наконецъ —
- е) «Приложенія», гдѣ найденъ мѣсто извлеченія изъ некоторыхъ памятниковъ, объясняющія предшествующее изложеніе.

Небольшой трудъ нашъ чуждъ всякихъ притязаній на какія-нибудь законченныя изслѣдованія предмета: его задача — облегчить подобную работу посредствомъ подбора, приведенія въ порядокъ и перваго критическаго объясненія матеріала двухъ замѣчательныхъ памятниковъ славянской исторіи и древности.

Этому, а не наоумъ — мѣрю имъ и вросниъ вашего читателя [если таковой найдется!] мѣрить предлагаемое изслѣдованіе.

Рязь 1874, 2 Апрѣля нов. ст.

А. К.

Историческая поминка.

(105... — 1139)

Въ исторіи послѣднихъ времени нѣмецкой Имперіи мы встрѣчаемъ одно имя, которое съ равнымъ почтеніемъ называютъ лѣтописи политической жизни, лѣтописи церкви, образованности и искусства. Какъ бы въ противовѣсъ бурнымъ стремленіямъ и раздорамъ вѣка, своеобразная личность одиноко идетъ впередъ дорогою мира и плодотворной примиряющей любви; на этомъ скромномъ пути она оставляетъ прочные, хотя и не одинаково видные, слѣды своей неутомимой человѣческой энергіи, и потому справедливо вызываетъ признательность современниковъ и потомства.

Мы говоримъ объ Оттонѣ I, епископѣ бамбергскомъ.

Оттонъ принадлежалъ къ тѣмъ замѣчательнымъ личностямъ цѣльной природы, которые, отдаваясь извѣстной идѣ, умѣютъ и найти средства къ ея выполнению, и достигнуть желаемого. Онъ обладалъ преимущественно практическими талантами въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: съ умомъ образованнымъ, яснымъ и прояснительнымъ онъ соединялъ характеръ твердый, дѣятельный и находчивый, но въ то же время — ровный, спокойный, чуждый крайностей и проникнутый гуманизмомъ, способный соглашать противорѣчія и вносить миръ среди вражды и разлада. Хотя душа и чувство его не были закрыты для увлеченія, но вообще онъ строго держался твердой почвы дѣйствительности; самые идеалы его, безспорно чистые и возвышенные, не перехо-

шли за черту выполняемаго, вездѣ онъ умѣлъ соблюсти мѣру и стремился только къ возможному, осуществимому благу. Вотъ почему его дѣятельность приносила такіе обильные плоды, и онъ такъ рѣдко испытывалъ горечь неуспѣха или обманутой надежды.

На дорогу жизненнаго опыта Оттонъ вышелъ довольно рано: нужда заставила его, еще юношу, отказаться отъ изученія «высшихъ наукъ» того времени и побудила искать дѣятельности. Провѣдавъ, что въ Польшѣ нуждаются въ ученыхъ, онъ переселился туда и сталъ наставникомъ мужской школы. На первое время новое положеніе было тѣмъ хорошо, что, обезпечивъ существованіе Оттона, дало ему средства восполнить пробѣлы своего образованія; вскорѣ, однако, миролюбивый характеръ, умъ, ученость и достоинство жизни его приобрѣли общее уваженіе и открыли ему болѣе широкую дѣятельность. Положеніе наставника юношества ставило его въ прямые, непосредственныя отношенія ко многимъ знатымъ и вліятельнымъ лицамъ государства; узнавъ его способности, они нерѣдко прибѣгали къ его совѣту и поручали ему дѣловые переговоры. Такъ сталъ онъ извѣстенъ и самому князю Владиславу Герману, который принялъ его ко двору и сдѣлалъ своимъ капелланомъ. Къ сожалѣнію, біографы не входятъ въ подробности этого періода жизни Оттона; можно, однако, думать, что и тогда уже его вліяніе на общественныя дѣла было довольно значительно: такъ извѣстно, что, стремясь тѣснѣе связать Польшу съ Германскою Имперіей, онъ подалъ Владиславу Герману мысль вступить въ бракъ со вдовствующею сестрою Императора Гейнриха IV, Юдитою; и самъ, въ качествѣ польскаго посланника, съ достоинствомъ и успѣхомъ выполнилъ это предпріятіе; извѣстно также, что и дальнѣйшія сношенія Польши съ Имперіей происходили при его прямомъ участіи и посредничествѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ узналъ его Гейнрихъ IV; онъ полюбилъ молодого, способнаго капеллана и, желая доставить ему дѣятельность, болѣе достойную его талантовъ, перезвалъ къ себѣ. Съ этого времени Оттонъ принимаетъ участіе въ судьбахъ нѣмецкой Имперіи. Съ императоромъ особенно

сближало его одинаковое направление религіознаго чувства. Если вѣрять біографу, Оттонъ скоро возвысился до званія канцлера Имперіи и хранителя печати, и его заботѣ поручена была постройка знаменитаго собора въ Шпейерѣ. Счастливое окончаніе этого труднаго, но славнаго дѣла доставило ему епископскую кафедру. Въ 1102 г. скончался Рунертъ, епископъ бамбергскій, и Гейрихъ, оставивъ безъ уваженія искательство многихъ знатныхъ людей, назначилъ ему въ преемники Оттона и утвердилъ его «кольцомъ и посохомъ».

Бамбергская епископія была средоточіемъ церковной и политической дѣятельности того времени; Оттонъ, т.к. обр., становился однимъ изъ главныхъ лицъ въ Имперіи. Положеніе его было трудное и по обширности обязанностей, и по историческимъ обстоятельствамъ: споръ папы и императора объ инвеститурѣ епископовъ посредствомъ кольца и посоха находился въ самомъ разгарѣ. Требовались необыкновенныя дарованія, чтобы найтись и удержаться съ достоинствомъ среди борьбы и выйти изъ нея съ добрымъ именемъ, требовалось много самоотверженія, чтобы въ такое страстное время—не отдаться личнымъ интересамъ и не пренебречь ради ихъ служеніемъ общему благу. Съ большинствомъ духовныхъ того времени Оттонъ вполне раздѣлялъ начала, поставленныя знаменитымъ Гильдебрандомъ: императорская инвеститура епископовъ представлялась ему нарушеніемъ святости, и авторитетъ папы стоялъ въ его мнѣніи гораздо выше авторитета императора; но въ то же время онъ не могъ забыть, чѣмъ былъ обязанъ послѣднему, и потому стоялъ всторонѣ отъ борьбы и входилъ въ нее только тогда, когда видѣлась хотя малѣйшая возможность соглашенія интересовъ церкви и государства и только затѣмъ, чтобы согласить эти интересы и внести миръ среди враждующихъ сторонъ. Политика мира вполне отвѣчала естественнымъ наклоностямъ Оттоновой природы, и если—какъ нерѣдко бываетъ при столкновеніи двухъ интересовъ, она не всегда сохраняла Оттона отъ подозрѣній и упрековъ въ двусмысленныхъ поступкахъ, то все же удержала за нимъ высокое

положеніе и тѣмъ дала средства выполнить тѣ, направленные къ благу человечества, задачи и предпріятія, которыми особенно славно имя Оттона. Не останавливаясь на важныхъ трудахъ его по возстановленію бамбергской епископіи, трудахъ, которые снискали полную признательность исторіи, укажемъ только на образовательную и художественную его дѣятельность: ученые занятія находили въ немъ дружественнаго покровителя, двухъ извѣстныхъ историковъ времени (Еккегарда и Вольфрама) онъ сдѣлалъ настоятелями своихъ монастырей, и ихъ усиліями здѣсь принялись и утвердились науки; въ особенности же старался онъ распространить образованіе среди народа на родномъ ему языкѣ, и самъ былъ отличнымъ народнымъ проповѣдникомъ. Съ именемъ Оттона исторія искусства соединяетъ нѣкоторые знаменитые памятники благороднаго романскаго стиля: соборы (напр. шпейерскій и бамбергскій), церкви и монастыри, которые не только воздвигнуты на его средства, но и можно сказать при его личномъ художественномъ участіи, какъ знатока и любителя архитектуры и искусства вообще. Біографы его подробно рассказываютъ о его любви къ изящнымъ постройкамъ, любви, источникомъ которой было столько же религіозное воодушевленіе, сколько и образованный вкусъ, и развитое чувство художника.

Оттонъ стоялъ уже на склонѣ своей жизни, когда новая сильная и смѣлая идея овладѣла его душою: онъ рѣшился идти къ отдаленному народу Сѣвера, чтобы вывести его изъ мрака язычества на свѣтъ божественной истины. Оттона не утратили опасности труднаго предпріятія, съ самоотверженіемъ и свѣжестью юноши онъ взялся за него, твердою настойчивостью, умомъ и любовью побѣждалъ препятствія — и полный успѣхъ увѣнчалъ его славный подвигъ.

Епископъ Оттонъ былъ преемникомъ Оттона Великаго въ дѣлѣ миссіи Востока; но не мечомъ заставилъ онъ Поморянъ принять Христіанство, а проповѣдью и, можетъ быть еще болѣе — дѣлами любви и добра. Дѣло епископа было прочтѣе, чѣмъ дѣло могучаго оружіемъ императора. Равнымъ образомъ, Оттонъ

Бамбергскій былъ и сознавалъ себя преемникомъ св. Адалберта и сродныхъ съ нимъ по направленію духа иноковъ — пустынниковъ, но онъ началъ и исполнилъ свое дѣло не въ томъ смыслѣ, какъ понимали его эти подвижники, стремившіеся только къ вѣнцу мученичества: онъ дорожилъ успѣхомъ, о которомъ они мало заботились, онъ дружественно отнесся къ народу, котораго желалъ обратить, они же казалось отступились и отвратились отъ порочнаго свѣта» (Giesebrecht, *Gesch. d. deut. Kaiserzeit*, III. 1869. p. 1000).

Жизнѣ Оттона, какъ историческіе источники.

Жизнь еп. Оттона, обильная и вѣщими происшествіями и многими подвигами правственнаго величія, по его смерти († 1139), недолго оставалась предметомъ однихъ устныхъ признательныхъ воспоминаній: еще были въ живыхъ его товарищи, прямые свидѣтели и участники трудовъ его, какъ появились три отдѣльныхъ описанія его жизни, произведенія священника Эбона, схоластика Герборда и неизвѣстнаго инокъ прифлингенскаго монастыря.

Важныя вообще, какъ источники исторіи среднихъ вѣковъ, «Жизнеописанія» Оттона бамбергскаго и въ ряду источниковъ исторіи и древности балтійскихъ славянъ занимаютъ не только видное, но можно сказать — первенствующее мѣсто. Тогда какъ всѣ анналисты, неисключая даже Титмара и Саксона Грамматика, издаиска собираютъ ходячіе слухи о славянахъ, или знакомятся съ славянскимъ бытомъ такъ сказать вѣщимъ образомъ, во время войны и оффиціальныхъ отношеній, спутники Оттона, отъ которыхъ идутъ свѣдѣнія его жизнеописателей, имѣютъ возможность наблюдать жизнь славянъ въ свободныхъ, естественныхъ ея проявленіяхъ и при обстоятельствахъ, которыя прямо вводятъ ихъ въ среду народнаго быта и его порядковъ. Правда, наблюденія эти не чужды случайнаго характера и нѣкоторой монашеской брюзгливости: высшая цѣль миссіонеровъ часто заключала ихъ этнографическую любознательность, но при всемъ

томъ—они сумѣли подмѣтить въ жизни славянъ многія важныя черты и передать ихъ правдиво и отчетливо.

Важность сообщаемыхъ «Жизнеописаніями» Оттона свѣдѣній давно замѣчена и оцѣнена наукою, но лишь съ недавняго времени историческая критика располагаетъ этими памятниками въ настоящемъ, чистомъ видѣ ихъ. Когда стали приводить въ извѣстность источники средневѣковой исторіи, открыли и нѣсколько жизнеописаній Оттона; но то были не первичныя, современныя изображаемымъ событіямъ, произведешія, а болѣе позднія компіляціи и передѣлки ихъ. Самыя замѣчательныя и важныя изъ нихъ принадлежали аббату Андрею Лангу (писалъ въ концѣ XV ст.) и тн. наз. Анониму. Заключая въ себѣ повѣсти несомнѣнной достовѣрности и древности, Сборники Андрея и Анонима надолго удовлетворяли историческую пылкость ученыхъ, и компіляція или передѣлка долго шла за непосредственный источникъ. Предпріятіе Перца (*Monumenta Germaniae historica*) возбудило новыя поиски въ этомъ отношеніи, но они не привели къ успешному результату. Первоначальныя «Жизнеописанія» не отыскались. Тогда, съ пособіемъ уже извѣстнаго, обратились къ рѣшенію вопроса о составѣ *Сборныхъ*. Разсмотрѣвъ, со вниманіемъ къ самымъ мельчайшимъ подробностямъ, текстъ андреевскихъ Сборниковъ и сличивъ съ ними передѣлку Анонима, Клемпинъ пришелъ къ заключенію, что *Андрей буквально списалъ два произведенія Эбона и Герборда, современниковъ Оттона. Весь географическій трудъ компілятора заключался въ томъ, что онъ смѣшалъ отдѣльныя части двухъ древнѣйшихъ источниковъ, вставилъ особое сочиненіе ученика Герборда и прибавилъ ко всему этому свои вступительныя посвященія* 1). Разысканіе Клемпина не ограничилось однимъ общимъ заключеніемъ: онъ отмѣтилъ и указалъ и несомнѣнные признаки, по которымъ можно было опредѣлить, что собственно принадлежало Эбону и что написано Гер-

1) Klemplin: «Biographien des Bischof Otto und deren Verfasser» въ *Baltische Studien*, Bd. IX, 1 Heft, Stett. 1842, pag. 9—83.

бордомъ. Такъ открылись средства возстановить утраченные тексты древѣйшихъ памятниковъ ¹⁾. Этотъ трудъ и былъ предпринятъ для собранія Перца—Р. Кэпке. Онъ провѣрилъ заключенія Клемпина по многимъ рукописямъ сборныхъ «Жизнеописаній», устранилъ дополненія компиляторовъ и, приведя въ естественный историческій порядокъ отрывки, напечаталъ свою реставрацію памятниковъ въ XII томѣ «Monumenta Germaniae historica» ²⁾. Вскорѣ затѣмъ счастливый случай помогъ Гизебрехту младшему (Вильгельму) отыскать и отдѣльный текстъ Гербордова Діалога. Открытіе оправдало вполнѣ заключенія Клемпина и реставрацію Кэпке: послѣдняя, и то только въ «Діалогѣ», отступала отъ настоящаго текста главнымъ образомъ во внѣшнемъ расположеніи матеріала; во всемъ же существенномъ, исторически важномъ — они сходились буквально. Но вмѣстѣ съ тѣмъ открытый памятникъ предлагалъ нѣсколько новыхъ историческихъ данныхъ, опущенныхъ Андреемъ и потому—не вошедшихъ и въ реставрацію Кэпке. Важность этихъ данныхъ побудила послѣдняго предпринять новое изданіе Гербордова произведенія ³⁾. Въ то же время и Ф. Яффѣ издалъ въ свѣтъ и свою рецензію текста обоихъ памятниковъ, не отступающую впрочемъ ни въ чемъ существенномъ отъ рецензій Кэпке ⁴⁾.

Такъ, можно сказать, только теперь наука получила возможность правильно воспользоваться двумя столь важными источниками славянской древности!

Разсмотримъ отдѣльно каждое «Жизнеописаніе» съ точки зрѣнія источника славянской древности и исторіи.

1. Эбонъ. О личности Эбона извѣстно немного: онъ былъ монахъ и священникъ въ монастырѣ св. Михаила въ Бамбергѣ

1) Ibidem, pag. 28—31, 62.

2) Scriptorum, tomus XII, H. 1856, pag. 746—823.

3) Monumenta Germaniae historica, Scrip. t. XX и отдѣльно, in usum scholarum: Herbordi Dialogus de Vita Ottonis, Haav. 1868.

4) Въ V т. его изданія: Bibliotheca rerum Germanicarum. 1869. В. р. 590—841, и отдѣльно: Ebonis Vita Ottonis, В. 1868 и Herbordi Dialogus de Ottone episcopo bambergeni, Ber. 1869.

и здѣсь, около 1151—2 г., предпринялъ описать, въ назиданіе потомству, дѣлія Оттона. Трудъ свой Эбонъ раздѣлялъ на три книги: въ первой онъ изложилъ событія жизни, церковной и политической дѣятельности Оттона до времени его поморской миссіи, во второй — онъ сначала рассказываетъ о прежнихъ неудачныхъ попыткахъ христіанской проповѣди въ славянскомъ Поморьѣ, о томъ, какъ у Оттона явилась мысль и созрѣла рѣшимость снова предпринять это трудное дѣло, затѣмъ — подробно передаетъ весь *ходъ первой* путешествія; въ *третьей* книгѣ заключается повѣсть о *второмъ* путешествіи бамбергскаго епископа къ Поморьянамъ, кратко указываются черты послѣдней монастырской дѣятельности Оттона и обстоятельства его кончины. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ біографіи¹⁾, Эбонъ засталъ Оттона еще въ живыхъ, видѣлъ и зналъ его лично, но этотъ личный источникъ свѣдѣній біографа — не богатъ и не разнообразенъ: или Эбонъ не былъ очевидцемъ блестящаго періода дѣятельности Оттона, или же онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ событій, только все, принадлежащія его личному опыту и наблюденію, свѣдѣнія ограничиваются немногими замѣтками о мелкихъ домашнихъ происшествіяхъ жизни Оттона, напротивъ все важное — почеркнуто изъ постороннихъ источниковъ. Опредѣлить ихъ — не трудно. Оставляя въ сторонѣ *первую* книгу, какъ чуждую нашему предмету, во *второй* мы замѣчаемъ три различныхъ источника: рассказъ о прошлой миссіонерской дѣятельности въ странѣ поморяниъ, о поводахъ, побудившихъ Оттона къ путешествію и приготовленію къ нему (с. 1, 2 и полов. 3-ей) — принадлежитъ священнику Удаальрику²⁾; все описаніе перваго путешествія идетъ, по всей вѣроятности, отъ самихъ спутниковъ Оттона; наконецъ, 12-я глава книги заключаетъ въ себѣ отдѣльное посланіе Оттона къ папѣ Каликсту II. Вся третья книга, за вычетомъ 6. м.

1) Онъ указанъ Клеппинишъ: Die Biographien des B. Otto, I. cit. p. 117—121, и Кэпке: Monum. Germ. histor., t. XII, Scr. p. 741—2.

2) «Illius apostolatus que fuerit occasio, scire volentibus aperiam, sicut ex ore serui Dei Vdairici. auditis. L. II, c. I. cfr. prael.

незначительнаго заключенія (сар. 24—26), списана съ показаніи того же Удалярка ¹⁾. Такъ какъ историческая цѣнность произведенія Эбона стоитъ въ прямой зависимости отъ степени достовѣрности его источниковъ, то мы обязаны внимательно осмотрѣть послѣдніе. Удаляркъ, священникъ основанной Оттономъ церкви св. Эгидія, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своимъ епископомъ, былъ ему «familiarissimus» (III, 18); когда Оттонъ задумалъ идти къ поморянамъ, онъ прежде прочихъ избралъ себѣ въ товарищи Удалярка и его перваго призвалъ для обсужденія предпріятія (II, 3). Внезапная болѣзнь помѣшала ему, однако, принять непосредственное участіе въ первомъ путешествіи Оттона, зато во *второмъ*—онъ является прямымъ сподвижникомъ поморянскаго апостола и раздѣляетъ всѣ труды его. Такимъ образомъ, показанія Удалярка, какъ лица близкаго къ Оттону и непосредственнаго очевидца всего происходившаго и встрѣчавшагося во время второго его путешествія, не могутъ не внушать довѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ наблюдатель хорошо образованный и правдиваго характера ²⁾. Извѣстія Удалярка, сколько можно судить по пересказу ихъ у Эбона, сосредоточивались главнымъ образомъ на личности Оттона, дѣлахъ его и событіяхъ, непосредственно къ нему относившихся, Отдавшись интересамъ своего патрона, Удаляркъ какъ будто сдерживаетъ свои побочныя воспоминанія, онъ рѣдко вдается въ нихъ и еще рѣже медлитъ на ихъ подробностяхъ, онъ замѣчаетъ и указываетъ только необыкновенное и потому такъ часто мнуетъ важное, хотя и обыкновенное. Отсюда—нѣкоторая нагота или сжатость разсказа его, переходящая иногда въ темноту. Вообще, *жизнеописатель* въ Удаляркѣ значительно перевѣшиваетъ *наблюдателя*—*путешественника*, но при всемъ томъ по-

1) «de secundo eius (sc. Ottonis) apostolatu in Pomerania, sicut fidelis cooperator ipsius Vdalricus presbyter Scti Egidii mihi innotuit, scripto tradere curavit. III, 1.

2) Свидѣнія объ Удаляркѣ собраны у Клеммина I. с. р. 126—137; cf. Jaffé: Ebonis Vita Ottonis, В. 1869, Proem, p. 4.

казанія его имѣютъ для насъ очень важное значеніе: они отличены чертами такой внутренней правды, которая исключаетъ всякую мысль о нарочномъ искаженіи или подкраскѣ существовавшего; что передаетъ онъ, то было дѣйствительно примымъ плодомъ его опыта; образованность даетъ ему правильную мѣру оцѣнки явленій и порядковъ чуждаго быта, и если иногда онъ слишкомъ доверяетъ слуху, или позволяетъ себѣ личныя объясненія, то дѣлаетъ это совѣстливо и тѣмъ даетъ средства отличить дѣйствительные факты отъ случайныхъ толкованій ихъ или нетвердаго слуха. Не то слѣдуетъ сказать объ отдѣлѣ Эбонова труда, въ которомъ излагаются ходъ и обстоятельства *перваго* путешествія Оттона. Отъ кого бы жизнеописатель ни получалъ эти свѣдѣнія: списалъ ли онъ ихъ съ разсказа одного какого-нибудь спутника Оттона, собралъ ли изъ разныхъ источниковъ ¹⁾, во всякомъ случаѣ, этотъ свидѣтель — былъ темнымъ свидѣтелемъ, эти источники — были источники мутные. Кромѣ ошибокъ и неточностей въ передачѣ происшествій, разсказъ носитъ на себѣ такіе признаки поблекшаго, ослабѣлаго воспоминанія, которые прямо указываютъ, что свидѣтель не принадлежалъ къ числу точныхъ, образованныхъ наблюдателей: кругъ его умственныхъ интересовъ — узокъ, онъ не дорожитъ дѣйствительностью в ея подробностяхъ, онъ ищетъ только чудесъ и любитъ разсказывать о нихъ съ особенною обстоятельностью, такъ что, устранивъ изъ этой части біографіи чудесное, историкъ получитъ сухой, безсвязный и очень неточный разсказъ о первомъ путешествіи Оттона. Есть, правда, и здѣсь кое-какія черты, которыми долженъ воспользоваться изслѣдователь славянской древности, есть цѣлый

---

1) Кромѣ Сефрида, о которомъ говорится ниже, въ первомъ путешествіи приняли участіе: Верингеръ, священникъ изъ Эренбаха (Ебо: II, 3), Германъ «*barbare locutionis sciolorum sensuque et ingenio satis acutus*» (Еб. II, 19), священникъ Гвальтанъ (Herb. II, 24), всерикъ Синомъ (ib. II, 26), переводчикъ Адельбертъ (Ебо: II, 3), три польскихъ священника и сотскій Павликій (ib. II, 9). Какъ видно изъ разсказа у Оттона были еще и другіе спутники, но они не названы.

случайный рассказ (с. 18), важный для него по своимъ подробностямъ, но первый должны быть предварительно проверены по другимъ источникамъ, послѣдній же — единственное мѣсто во всей второй книгѣ, гдѣ обнаруживается голосъ прямого дѣйствителя. Что касается до письменнаго акта или посланія Оттона, внесеннаго Эбономъ въ XII-тую главу книги, то подлинность его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но содержаніе — требуетъ критики. Оттонъ даетъ папѣ отчетъ о результатахъ своей миссіи и представляетъ перечень своихъ наставленій поморянамъ и лютичамъ, между прочимъ — онъ запрещаетъ имъ и исполненіе нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ. Можно подумать, что такіа запрещенія указываютъ на факты славянскаго язычества, ибо запрещать всего ближе то, что практически существуетъ въ самой жизни; но это мнѣніе — будетъ поспѣшно. Дѣйствительно, въ актѣ есть нѣсколько прямыхъ указаній на славянскіе языческіе обычаи, но есть и общія запрещенія, цѣлкомъ взятыя изъ апостольскихъ и церковныхъ постановленій¹⁾ и только примененныя или *обращенныя* къ славянамъ въ силу общаго среднимъ вѣкамъ понятія о томъ, что явленія язычества — вездѣ одни и тѣже, т. е. вездѣ исходятъ отъ духа злобы. Возвратимся къ Эбону. Естественно — представляется вопросъ, какъ воспользовался біографъ своими источниками: передалъ ли онъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ получалъ, или измѣнилъ ихъ сообразно какому-нибудь своимъ особеннымъ взглядамъ и видамъ. Этотъ вопросъ разрѣшается только приблизительно. Эбонъ былъ человѣкъ до извѣстной степени образованный: онъ хорошо знаетъ священное писаніе, знакомъ также и съ классическими писателями, но общій уровень его воззрѣній на міръ и исторію не возвышается надъ монастырскими понятіями того времени, его интересы — интересы анахорета, его умъ наклоненъ къ сверхъестественнымъ

1) Срав. слѣдующее изъ епископа Оттона: «interdixit ne quid immundum comedant, non mortificium, non suffocatum, neque ydolotritum, neque sanguinem animalium», съ текстомъ «Aetorum» XV, 20 et c. 23.

объясненіямъ, его поэтическая фантазія легко отдается чудесному и предпочитаетъ его мелкой дѣйствительности; но въ тоже время Эбонъ — человекъ правдивый, любящій истину и далекій отъ всякаго умышленнаго обмана, хотя бы это былъ даже «*graus rîa*». Потому если позволительно, и даже должно — думать, что подъ его благочестивымъ перомъ нѣкоторыя извѣстія источниковъ могли сократиться, ослабѣть въ своихъ краскахъ и принять чуждое имъ освѣщеніе, то положительно слѣдуетъ отвергнуть мысль о какомъ-нибудь намеренномъ съ его стороны искаженіи этихъ извѣстій. Природа Эбона была слишкомъ проста для такого поступка.

2. Гербордъ. Если Эбонъ при описаніи жизни Оттона еще могъ располагать нѣкоторымъ запасомъ личнаго наблюденія и опыта, то Гербордъ въ этомъ дѣлѣ былъ уже вполне предоставленъ руководству стороннихъ свидѣтелей: онъ былъ чужестранецъ и вступилъ въ монастырь св. Михаила шесть лѣтъ спустя по смерти Оттона¹⁾. Какія причины побудили его взяться за трудъ новаго жизнеописанія Оттона, объ этомъ онъ не говорить, но можно полагать, что произведеніе Эбона не удовлетворяло его: онъ нашелъ непосредственнаго свидѣтеля и участника первой миссіи, который рассказывалъ ему о ходѣ событій несравненно обстоятельнѣе Эбонова источника; онъ недоволенъ былъ и простыми монашескими воззрѣніями Эбона и его литературными приѣмами, и потому, кажется, рѣшился представить новое изображеніе подвиговъ лица, составлявшаго предметъ религіознаго почтенія и гордости бамбергскаго духовенства. Своему про-

1) ...ego advena sum apud nos et peregrinus; ante annos tantum bisenosetet, unum Dei et vestra misericordia in consortium vestre fraternitatis adoptatus... Ipsum (sc. Ottonem) autem in carne non vidi; eo quod ante hoc tredecennium introitus mei ad nos sex ille annos iam habebat in tumulo», lib. I, Prooem. Этими показаніями опредѣляется время написанія Діалога: Оттонъ скончался въ 1159 г., Гербордъ вступилъ въ монастырь шесть лѣтъ спустя, слѣд. — въ 1165, тринадцать лѣтъ спустя онъ началъ писать Діалогъ, слѣдов. въ 1168 г., но онъ окончилъ его позднѣе, чрезъ годъ; ибо въ 1111 кн. гл. 5 онъ упоминаетъ объ Удальрихѣ, какъ о покойникѣ, а послѣдній скончался 23 Марта 1159. Jaffé: Ebonis Vita etc. p. 4, Prooem.

изведенію Герборда далъ форму Діалога между Тимономъ, пріоромъ монастыря св. Михаила, и Сефридомъ, пресвитеромъ — но нахомъ той же обители; первый рассказываетъ о домашнихъ событіяхъ, второй — о путешествіи и дѣятельности Оттона у поморянъ, а также и обо всемъ, сюда относящемся. Подобно произведенію Эбона и Гербордова Діалогъ раздѣленъ на три книги: во второй также излагаются событія перваго путешествія Оттона, *из третьей*, до XXXII главы, идетъ рассказъ о второмъ путешествіи, первая книга содержитъ обзоръ церковной, монастырской и политической дѣятельности бамбергскаго епископа въ разные періоды его жизни; наконецъ, заключительныя главы третьей книги, страннымъ образомъ, посвящены описанію рожденія, воспитанія и жизни Оттона до вступленія его на епископскую кафедру. Источники Гербордова Діалога указаны имъ самимъ: прежде другихъ — это Тимоъ и Сефридъ, оба лица дѣйствительныя. Конечно, нельзя думать, что они передавали событія и вели бесѣду тѣми самыми словами, какія имъ усвоены у Герборда; этого нельзя допустить уже и потому, что значительная доля рассказа о второмъ путешествіи, какъ увидимъ, заимствована изъ письменнаго, сторонняго источника, но нельзя также отвергать, что Тимоъ и Сефридъ избраны въ дѣйствующія лица Діалога не случайно, а по своему непосредственному участию въ предметѣ рѣчи, потому именно, что біографъ былъ имъ одолженъ важнѣйшими свѣдѣніями. Это естественное предположеніе вполнѣ оправдывается и со стороны личности Тимона и Сефрида, и со стороны самаго Гербордова рассказа. Тимоъ былъ воспитанникъ Оттона ¹⁾ и пять лѣтъ находился у него въ услуженіи, съ тѣхъ поръ до самой своей смерти († 1162) онъ не оставлялъ монастыря и, всегда будучи близокъ къ епископу, долженъ былъ быть хорошо знакомъ и съ его монастырской дѣятельностью и съ обыкновеніями его частной жизни. Согласно съ этимъ и всѣ

1) «Iste est, quem aiunt ipsius (sc. Ottonis) milivum fuisse quinquennem; habuit dominus super eum oculos bonos, eo quod illustri esset parentela et ab ipsius curabulis ad monasterium translatus». *Herb. I. Proem.*

разсказы Тимона въ Діалогѣ касаются или монастырской и домашней стороны жизни Оттона, или вообще его характера. Иное находимъ мы у Сефрида: какъ человекъ, прожившій пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ съ епископомъ ¹⁾, онъ также хорошо зналъ обстоятельства его частной дѣятельности и жизни, но для него дороже были другія воспоминанія ²⁾. Когда Оттонъ снаряжался въ первое путешествіе къ поморянамъ, онъ просилъ Удальрика избрать ему вѣрнаго и способнаго къ дѣлу слугу. Тотъ указалъ на Сефрида клерика, который съ высокими умственными качествами соединялъ важное по тому времени искусство писать ³⁾. Оттонъ одобрилъ этотъ выборъ: и хотя Удальрикъ принужденъ былъ за болѣзнию остаться дома, но Сефридъ отправился съ Оттономъ и раздѣлялъ всѣ труды, опасности и утѣхи труднаго предпріятія ⁴⁾. Воспоминанія Сефрида объ этомъ первомъ путешествіи составляютъ содержаніе второй книги Гербордова Діалога: здѣсь на каждомъ шагѣ видѣнъ образованный очевидецъ событій, обстоятельный наблюдатель и вѣрный свидѣтель. Нѣкоторыя

1) ... «quid te (sc. Sefr.) illius (Ottonis) operam morumque lateret, qui annos ferme quindecim nunquam ab eius contubernio abstulisti». *Herb. I. Prooem.*

2) ... «que hoc spatio gessit, tu, ut *cooperator omnium*, oculis presentibus aspiciebas; que uero ante adoptionem tui—presulatu in ipso uel etiam ante presulatum—gesserit, tam ipsius, quam aliorum haut dubio relatu conperta retines uniuersa». *Ib.*

3) «Est inquit (Vdalricus) adolescens officio clericus nomine Sefridus, ingenio acutus, strenuus et fidelis; qui etiam cartis in itinere, cum necesse est, scribendis promptus et impiger erit. Hunc, meo iudicio, idoneum huic peregrinationi, tuo pater dilectioni offero. Quod plus Otto gratanter suscipiens: «recte, ait, indicasti. Hic deinceps precipuum inter familiares meos, te suggerente, locum obtinebit». Ebo II, c. 8. Есть основаніе думать, что Сефридъ до вступленія своего въ монастырь воспитывался при дворѣ Гейнриха IV; въ этомъ смыслѣ, кажется, слѣдуетъ понимать слова Герборда: «ille (sc. Sefridus), quid in peregrinis et barbaris nationibus egerit episcopus, quia horum conscius est magis, et quomodo apud principem in curia degerit, uel qua oportunitate in curiam uenerit et inde ad pontificatus dignitatem homo curialis et in curia conuultus, aptius explanabit». *I. Prooem. Сравни Клем pin, I. c. p. 184 sq.*

4) «Sefridum tamen, bone iadolis adolescentem, pro amore pii nutritoris Vdalrici in comitatu suo admittens, intime dilectionis uisceribus et tunc et deinceps eum fouere non desit». Ebo, II, 8.

происшествія переданы такъ живо и съ такими правдивыми подробностями, что кажется, будто бы Сефридъ записывалъ ихъ по горячему слѣду: образованная любознательность его не довольствуется вѣншиимъ наблюденіемъ явленій диковинныхъ, бросающихся въ глаза, она умѣетъ отыскать и замѣтить и простыя, но важныя черты; умѣетъ схватить самую сущность ихъ. Понятно, какъ дороги для насъ должны быть его показанія! Можно полагать, что Сефридъ принималъ участіе и во второмъ Оттоновомъ путешествіи, но въ описаніи происшествій его Гербордъ принялъ въ главные руководители другого свидѣтеля: онъ заимствовалъ изъ книги Эбона важнѣйшія показанія Удальрика, о которыхъ было говорено выше. Не желая, б. м., подвергнуться упреку въ заимствованіи, а иногда и въ слѣдствіе недостаточнаго знакомства съ предметомъ, Гербордъ не рѣдко передаетъ въ неточномъ видѣ извѣстія своего источника, но взамѣнъ того онъ рассказываетъ о нѣкоторыхъ происшествіяхъ независимо и обстоятельнѣе Эбона и нерѣдко пополняетъ его новыми данными, которыя, быть можетъ, идутъ отъ Сефрида и отличаются свойственною ему правдивостью ¹⁾. Отсюда видно, что хотя III книга Діалога и не имѣетъ той высокой цѣны, какъ II-ая, но все же заключаетъ въ себѣ такія извѣстія, которымъ никакъ нельзя отказать въ важности. Гербордъ былъ далеко образованнѣе Эбона: съ обширною начитанностію въ классикахъ онъ соединялъ богословскую ученость, кромѣ того, обладалъ критическимъ умомъ, который не удовлетворяется простымъ фактомъ, но ищетъ причинъ его. Какъ историкъ, онъ стоитъ гораздо выше Эбона, и нѣтъ причинъ думать, чтобы онъ много стоялъ ниже своего предшественника въ желаніи точно передать извѣстія источниковъ и въ стремленіи къ правдивости. Правда, какъ мы замѣчали, онъ искажаетъ нѣкоторыя извѣстія Удальрика, но, кажется, не съ

---

1) Отличія въ рассказѣ Герборта отъ Эбона, а также и самостоятельными дополненія перваго указаны будутъ ниже; въ изданіи Коэке — на поляхъ, у *Эбона* же — въ выноскахъ отмѣчено все, что Гербордъ заимствовалъ у Эбона.

намѣреніемъ исказитъ самый фактъ, а по особой, въ средніе вѣка пертѣдой, причинѣ: какъ образованный литераторъ, онъ стремится сообщить своему разсказу изящную литературную форму: простыя показанія своихъ источниковъ онъ распространяетъ въ картины, оживляетъ ихъ драматическими положеніями дѣствующихъ лицъ и психологическимъ анализомъ поступковъ и побужденій ихъ. Словомъ, онъ хочетъ предложить не только назидательное, но и занимательное чтеніе. Этимъ стремленіемъ къ изящной литературной формѣ должно, по нашему мнѣнію, объяснить и тѣ длинныя ораторскія рѣчи, которыми Гербордъ нередко влагаетъ въ уста дѣствующихъ лицъ: здѣсь виденъ только ложный историческій пріемъ, а не намѣренное искаженіе дѣйствительности. Понятно, что при такомъ способѣ передачи извѣстій источниковъ, при отсутствіи личнаго знакомства автора съ дѣломъ, историческія ошибки и оступы были неизбежны; и въ у. Герборда—довольно¹⁾, но отъ ошибокъ до умышленнаго искаженія фактовъ еще далеко, а тѣмъ болѣе такихъ фактовъ, которые принадлежатъ совершенно чуждому міру и не возбуждаютъ никакого желанія нарушить ихъ истину. Не замѣчая, чтобы Гербордъ завѣдомо и съ намѣреніемъ искажалъ показанія своихъ источниковъ, мы не имѣемъ права отказать ему въ довѣрїи, но не можемъ, въ то же время, и положиться на него безусловно: критика здѣсь необходима, она должна быть разборчива, но не имѣетъ нужды быть подозрительной.

Изъ нашего разсмотрѣнія произведеній Эбона и Герборда открывается, что они другъ друга взаимно пополняютъ. Обстоятельства перваго путешествія Оттона переданы у Герборда подробно и со всею обстоятельностью очевидца и внимательнаго наблюдателя, у Эбона же разсказъ о нихъ неточенъ, наблюде-

1) Нѣкоторыя изъ нихъ указаны *Яфе* въ его изданіи, pag. 10 sq; но намъ кажется, что поск. талантливый историкъ слишкомъ несправедливъ къ Герборду, причисляя его трудъ къ отдѣлу *ложныхъ источниковъ* p. 15; гораздо вѣрнѣе и безпристрастнѣе оцѣнилъ его Кэпке: p. XIII отд. изд. в 740 въ *Monum Germ. hist. t. XII* и Клеппинъ: *Die Biographien etc., 1. cit., p. 121 sq.*

нія поверхностны и, за немногими исключеніями, очень кратки; наоборотъ—второе путешествіе, его происшествія и обстоятельства изложены у Эбона съ основательностью непосредственнаго свидѣтеля, у Герборда же они въ главномъ пересказываются со словъ послѣдняго и притомъ не всегда точно. Большаго вниманія заслуживаютъ *допоменія* къ нимъ Герборда, идущія быть можетъ, отъ Сефрида. Итакъ, во всемъ, что касается *первой миссіи* — предпочтеніе должно быть отдано Герборду, касательно же *второй* — Эбону; тѣмъ не менѣе не могутъ быть оставлены безъ вниманія и извѣстія Эбона о первомъ путешествіи и оригинальныя прибавленія Герборда ко второму: при всей краткости и кажущейся незначительности ихъ, они, какъ свидѣтельства очевидцевъ, хотя бы глухія и неотчетливыя, не только представляютъ важное объяснительное пособие, но, по отчетливой критической провѣркѣ ихъ другими извѣстіями, получаютъ и самостоятельное значеніе.

3. *Прифлингенскій монахъ*. Вслѣдъ за Гербордовымъ Диалогомъ появилось вскорѣ и *третье* жизнеописаніе Оттона, судя по всемъ признакамъ — составленное какимъ нибудь монахомъ прифлингенскаго монастыря ¹⁾. Произведеніе это имѣетъ незначительную историческую цѣнность: большую часть своихъ извѣстій авторъ заимствовалъ изъ Эбона и Герборда, то буквально списывая ихъ свидѣтельства, то передавая ихъ въ сокращеніи ²⁾. Въ описаніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ онъ, однако, отступаетъ отъ этихъ источниковъ и, кромѣ того, иногда приводитъ такіе факты, которые вовсе неизвѣстны ни Эбону, ни Герборду. По собственнымъ словамъ прифлингенскаго біографа —

1) Klempla: Die Biographien, etc. I. c. p. 208 sq. Произведеніе написано между 1160 и 1163 гг., оно впервые напечатано по редакціи Эндлихера въ *Vierter Jahresbericht der Gesellschaft für pommerische Geschichte und Alterthumskunde*. Stet. 1830, p. 122—172, потомъ повторено Кэнке въ *Monumenta Germaniae historica*, Ser. XII, H. 1856, pag. 888—903.

2) Klempla: Die Biographien, etc. loc. cit. p. 212 sq; Көрке: *Monum. XII*, p. 744, not. 70—2.

онъ получилъ эти свѣдѣнія отъ извѣстныхъ духовныхъ лицъ ¹⁾, но кто были они—остается неизвѣстнымъ. Всего ближе думать, что они не были изъ числа *настолицкихъ свидѣтелей*, а принадлежали къ постороннимъ почитателямъ Оттона, которыхъ въ то время было не мало, особенно въ бамбергской епархіи. Имъ извѣстно было о дѣлахъ и подвигахъ поморянскаго апостола очень многое; даже болѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности, потому что *младшимъ источникомъ изъ свѣдѣній служило устное сказаніе*. Разказы о чудесныхъ приключеніяхъ бамбергскихъ миссіонеровъ въ отдаленной странѣ язычниковъ распространялись быстро въ средѣ монаховъ и духовенства; переходя изъ устъ въ уста, они, естественно, не могли сохранить своего первоначальнаго вида и облекались поэзіей; мало того—рождались новыя легенды, далекія и отъ дѣйствительности, и даже отъ правдоподобія. Такъ сложился цѣлый рядъ монастырско-поэтическихъ сказаній объ Оттонѣ ²⁾; и эти то устные легенды послужили источникомъ всѣхъ оригинальныхъ извѣстій прифлингенскаго біографа, покрайней мѣрѣ—они имѣютъ рѣшительно сказочный, поэтическій, но никакъ не историческій характеръ. Что касается до разногласій біографа съ Эбономъ и Гербордомъ, то имъ нельзя придавать особенно важнаго значенія: они объясняются отсутствіемъ историческаго смысла и основательнаго знакомства съ предметомъ; чувство уваженія къ исторической истинѣ и стремленіе слѣдовать ей—совершенно незнакомы прифлингенскому монаху: онъ знаетъ только требованія разказа и имъ однимъ хочетъ удовлетворить, передавая особенно видное, извѣстное и поучительное изъ жизни Оттона; потому его перо свободно распоряжается сторонними показаніями и легко отдаетъ предпочтеніе какому нибудь глухому легендарному разказу предъ ясными свѣдѣтельствами письменныхъ источниковъ.

1) ... *ene quis aestimet fabulosa, quae scribimus, ea tantum, quae vel ipsi pro certo cognovimus, vel quae a notis religiosisque personis nobis comperta narramus. Prol.*

2) Klemplin: Die Biographien, etc. I. c. p. 238—9.

По всему этому — произведеніе при-Флингенскаго монаха не имѣетъ для насъ значенія источника въ собственномъ смыслѣ: самостоятельная часть его основывается на слишкомъ зыбкой почвѣ устныхъ преданій и лишена исторической достовѣрности. Но и устная молва можетъ заключать въ себѣ извѣстную долю истины, особенно, когда она идетъ вслѣдъ за самими событіями; отвергнуть вполне ее нельзя; потому изслѣдователь, кажется, въ правѣ допустить показанія при-Флингенской біографіи въ качествѣ второстепеннаго, дополнительнаго пособія; во всякомъ случаѣ — онъ обязанъ отмѣтить особенно важныя правдоподобныя черты столь древняго памятника, хотя бы и приходилось оставить истину ихъ под сомнѣніемъ.

Переходя къ извлеченію славянскаго матерьяла изъ этихъ трехъ или вѣрнѣе — двухъ важныхъ историческихъ памятниковъ, считаемъ необходимымъ напередъ точно опредѣлить вышніе приемы такой работы.

Славянская часть «Жизнеописаній» Оттона передается нами вполне, въ *свободномъ изложеніи*: русскій текстъ представляетъ связанное историческое обзорнѣе поморскаго путешествія и проповѣди бамбергской миссіи, а помѣщаемыя въ выноски обширныя извлеченія изъ латинскихъ подлинниковъ заключаютъ въ себѣ всё, хотя чѣмъ нибудь замѣчательныя, факты славянскаго быта и древностей: это — полное, упорядоченное собраніе матерьяла. Хотя главною цѣлью нашей были сводъ и передача фактовъ, но и здѣсь мы по возможности старались удовлетворить требованіямъ критики, и потому устранили изъ изложенія всё очевидныя галіографическія преувеличенія, всё раскрасы и литературныя распространенія, принадлежащія не исторической дѣятельности, а личнымъ воззрѣніямъ и литературнымъ приемамъ біографовъ; когда же среди этой, вообще исторически непригодной, реторики монашескаго піэтизма и псевдоклассическаго авторства — не нарочно мелькаетъ хоть малѣйшій намекъ на славянскую жизнь и ея порядки, онъ отмѣчается какъ въ пересказѣ, такъ и въ латинскихъ извлеченіяхъ. Если тексты біографовъ

сильно отклоняются другъ отъ друга, мы сводимъ ихъ въ русскомъ изложеніи, или слѣдуемъ одному, болѣе обстоятельному и достовѣрному, а въ выноскахъ сопоставляемъ оба подлинника цѣликомъ; если же отличія въ текстахъ незначительны по объему, но могутъ имѣть для насъ какой-нибудь интересъ или значеніе, избираемъ одинъ главный текстъ и въ скобкахъ приводимъ всѣ существенныя отклоненія другого. Событія и обстоятельства, которыя не заключаютъ въ себѣ прямой для насъ важности и не относятся къ области славянскаго быта, передаются сокращенно только въ русскомъ пересказѣ. Относительно послѣдняго считаемъ долгомъ замѣтить, что, несмотря на всѣ усилія наши удержаться въ границахъ точнаго историческаго изложенія, самая задача труда полагала иногда непобѣдимыя къ тому затрудненія: стремясь къ строгой исторической достовѣрности, слѣдовало устранить многія частныя черты источниковъ, сомнительныя или недостовѣрныя въ примѣненіи къ извѣстнымъ событіямъ, но полныя внутренней, бытовой правды и драгоценныя для археолога. Не отвергнувъ произвольно многого важнаго, мы не могли поэтому — изложить исторію поморской дьячельности Оттона и довольствуемся передачей событій и обстоятельствъ ея на основаніи прямыхъ источниковъ. Только тамъ, гдѣ видѣлась возможность ненарушить бытовой правды фактовъ, требованія исторической критики имѣли для насъ всю обязательную силу свою.

Нѣкоторыя разнорѣчивыя показанія источниковъ имѣли нужду въ объясненіяхъ, и такъ какъ внесеніе послѣднихъ въ русскій пересказъ нарушило бы связную послѣдовательность его, то мы отвели имъ мѣсто въ выноскахъ.

До миссии.

Призваніе языческихъ народовъ въ христіанское общество, распространеніе между ними истинной религіи и христіанскихъ обычаевъ — составляло духовную и политическую потребность времени. Среди заботъ о водвореніи общественной безопасности

и мирной жизни, среди тяжелыхъ думъ о предстоящей кончинѣ міра и дня Страшнаго Судилища — идея христіанской миссии получила дѣятельное, воодушевляющее значеніе: въ исполненіи ея войны и политики видѣли свой прямой долгъ и вѣрное средство укротить «вешество» язычниковъ, а благочестивые люди — вѣрили найти исполненіе заповѣди Спасителя (Ев. Марка XIII, 10) и искупленіе грѣховъ.

На сѣверѣ Европы миссія прибрѣтала тѣмъ большее значеніе, что подъ ея покровомъ шло исполненіе политическихъ расчетовъ и предпріятій: религіозныя дѣла т. е. свз. освящали практическія стремленія. Вотъ почему, въ эту новую обѣтованную землю стремились не только скромные подвижники съ знаменемъ мира и любви, но и дѣлыя полчища крестоносцаго воинства, огнемъ и мечемъ распространявшаго *духовную* свободу и политическое порабощеніе. Войны саксовъ, Дании и Польши съ балтійскими язычниками имѣютъ столько же политическій, сколько и крестовый характеръ: онѣ предпринимаются подъ знаменемъ христіанства и въ первое условіе пощады и мира ставятъ побѣжденнымъ *трибутъ* и *принятіе новой религіи*. Правда, нерѣдко христіанская идея совершенно заслонялась корыстными побужденіями и становилась однимъ лишь благовиднымъ оффиціальнымъ предлогомъ: но для лучшихъ людей эпохи она всегда сохраняла живое значеніе нравственнаго долга и вызывала къ дѣятельности, достойной добраго признанія исторіи.

Къ числу такихъ людей принадлежали князь польскій Болеславъ III, Кривоустый (1102—1139) и епископъ бамбергскій Оттонъ I.

Правленіе Болеслава было рядомъ продолжительныхъ и жестокихъ войнъ и съ вѣшними врагами, и съ внутренними нарушителями государственнаго порядка. Съ одной стороны на Польшу нападали чехи, моравяне, угры; съ другой — дикій и жестокій народъ русскихъ, которые, заручившись помощью половцевъ, пруссовъ и поморянъ — очень долго сопротивлялись польскому оружію, но послѣ многихъ понесенныхъ пораженій — принуждены

были, вѣстѣ съ своимъ княземъ (Святополкомъ), просить мира. Миръ былъ скрѣпленъ бракомъ Болеслава съ дочерью русскаго князя (Сбыслагоу?); но — не на долго: чрезъ нѣсколько лѣтъ умерла русская княгиня, оставивъ Болеславу одного только сына (Владислава); а за этимъ возобновились вскорѣ и непріязненные отношенія между тестемъ и зятемъ ¹⁾.

Въ совѣтѣ Болеслава сидѣлъ воевода Петръ (Власть), человѣкъ очень остраго ума, сильный и храбрый. Видя большія затрудненія укротить русскихъ оружіемъ, онъ совѣтовалъ употребить хитрость и предложилъ свои услуги на такое дѣло. Взявъ тридцать сильныхъ воиновъ, онъ перебѣжалъ къ русскому князю (Володарю галичскому), притворился — будто бы недоволенъ Болеславомъ и умѣлъ приобрести расположеніе князя, который сблизился съ нимъ и часто поручалъ ему исполненіе дѣлъ. Однажды русскій князь былъ на охотѣ и, увлекшись, отдался отъ своихъ; его окружали только Петръ съ своими польскими товарищами. Воспользовавшись такимъ удобнымъ случаемъ, Петръ захватилъ силою русскаго князя и представилъ Болеславу, который вскорѣ взялъ за его освобожденіе такую огромную сумму денегъ къ такія богатства, что обезсѣленная и доведенная до нищеты Русь — смирилась и уже болѣе не тревожила поляковъ войнами. Въ условіяхъ мирнаго договора, который былъ заключенъ Болеславомъ съ русскимъ княземъ и лучшими людьми земли,

---

1) «Erant, cum quibus diuissim diuersis temporibus certamen (Boleslaus) habebat, e parte una Polonie: Bohemi, Morani, Vugari; ex alia: Rutheni, gens crudelitas et aspera; qui, Flauorum, Fruscorum et Pomeranorum freti auxiliis, acrius diutiusque illi resisterunt. Sed frustra; quia, tandem superati ab eo et contriti, post multas clades pacem ab eo postulare cum rege suo decreuerunt. *Herb.* II, 3. «Rex et omnes principes Ruthenorum, sine amicitia et pace ducis non se quietos fore perpendentes, iam inueniende mutue pacis et gratie: illius prudentie ac fidei committendam presumpserunt. Ille uero — hanc honestissimam raturam statuende atque firmande pacis — filiam ipsius regis petiuit et accepit uxorem... Colebant ergo se mutuis beneficiis socer et gener... Verum ea perfunctoria et breuis erat tranquillitas. Nam post annos paucos Ruthenissa uxor Boleslai moritur, unum tantum ei filium reliquens; unde quasi rupto vinculo, quo tota inter generum et socerum constabat amicitia, dudum consopita bella paulatim recrudescunt». *Herb.* II, 4.

стояло обязательство неподавать помощи поморянамъ [Herb. II, 3—4] ¹⁾). Это племя «языческое, ненавистное и необузданное» дѣлало безпрерывно набѣги на польскія земли. Стремясь доставить миръ государству и обезопасить его предѣлы, Болеславъ рѣшился или совершенно искоренить безпокойное племя, или мечень привести его къ истинѣ христіанства и покою. Достигнуть этого было не легко: поморяне имѣли на окраинахъ своей земли многіе, природой и искусствомъ укрѣпленные, города и крѣпости; при грозившей опасности они сносили сюда свое имущество и были готовы къ вооруженному отпору. Не смотря, однако, на сильное сопротивление — поморскіе походы Болеслава были удачны и вели за собою, какъ выражается Саксонъ Грамматикъ (р. 629) «бремя невыносимаго опустошенія». Въ особенности славны были взятія городовъ Штетина и Наклы. Штетина, не-

---

1) «Bolezianus, feritate gentis permotus, cum suis consilium habuit, quorum modo rediitua mala hec propulsare potuisset. Habebat autem Petrum quandam milicie ductorem, virum acris ingenii et fortem robore, de quo dubium, utrum in armis an in consiliis maior fuerit, qui erat prefectus a duce super viros bellatores. Hic ascitus consilio: «si suis tantum—inquit—Rutheni viribus dimicarent, illos a nobis conterere difficile non esset. Sed habent Flauos, habent Pruscos; habent etiam Pomeranos, gentem ydolatram inuisam ac nimis indomitam. Quos omnes simul in arma prouocare quam durum sit, inexperti nos sumus; quamuis ante de his triumphos habuerimus. Quocirca meo animo consilium incidit: Ruthenos arte melius superari. Et ne quis impossibile hoc estimet, ecce uadam ad illos, et incruentam nobis de tirano uictoriam reportabo»... Assumptisque uiris quasi triginta robustissimis, ficta necessitate Petrus ad regem transfugit Ruthenorum; eumque, arte sermonis circumuentum quod male de duce sentiret, estimare fecit... cum die quadam fictus transfuga ipsiusque socii cum rege in saltu uemorum uenandi gratia uagarentur, rex, nichil mali suspicatus, occasione ferarum longius a menibus abcesserat, elongatisque aliis, Petrus cum suis circa illum remanserat. Qua fretus oportunitate, capto rege, incruentam, umi pollicitus erat, de Ruthenis uictoriam domino suo duci reportauit. Mirumque dicta, effera gens illa hoc facto ita edomita est, ut nunquam postea uiuente duce nec quidem de bello cogitarent. Nam pro ereptione sui tyrannus, quicquid maiorum suorum studio ac solertia in thesauris collectum habere poterat, dare coactus est, aurum argentum et queque preciosa in uasis et uestibus et uariis opum speciebus quadrigis et camelis in Poloniam apportantibus; ita ut Ruthenia tota insolita paupertate contabesceret. Deinde, ubi federa mansure pacis iureiurando tam rex quam optimates Ruthenorum solidauerant, etiam hoc polliceri fide firmissima rogati sunt, ne Pomeranis ultra forent auxilio». Herb. II, 4.

трополия всего Поморья, со всѣхъ сторонъ окруженная водою и болотами — казалась непреступною; Болеславъ въ зимнее время 1121 г., не безъ опасности, провелъ свои войска по льду и безпрепятственно занялъ городъ. Укрѣпленную и сильную Наклу онъ взялъ приступомъ и предалъ огню, а окрестныя мѣстности такъ опустошилъ огнемъ и мечемъ, что, три года спустя, туземцы показывали спутникамъ Оттона въ разныхъ мѣстахъ — развалины, пожарница и груды труновъ, какъ будто поражение случилось недавно. Рассказывали, что Болеславъ предалъ смерти 18 тыс. воиновъ, а 8 тыс. съ женами и дѣтьми увелъ плѣнными въ свою землю и расселилъ по граничнымъ городамъ и крѣпостямъ, поручивъ имъ защиту государства противъ внѣшнихъ враговъ и наказавъ обратиться въ христіанство ¹⁾.

---

1) *Pomeraniam insultibus crebris concutere, vastare ac populari cepit (sc. Boleslaus). Et quia paganismo tenebantur, dux eos aut penitus elidere aut ferro ad fidem christianismi conatus est impellere. At illi suis fisis viribus, eo quod ciuitates et castra natura et arte firma in introita terre haberent quam plurima, se inexpugnabiles fore arbitrati sunt; omnemque substantiam suam in uribus collocantes, armorum presidia preparare moliantur. Sed... ingenium et [Deus]... ulres contra eos Boleslao ministravit, ita ut multis et magnis frequenter cladibus eos afficeret. Nam et ciuitatem Stetinensem, que stagno et aquis undique cincta, omni hosti inaccessibilis putabatur, que etiam totius Pomeranias metropolis fuit, hiemali tempore strictam per glaciem non sine periculo exercitum ducens, inopinata clade percussit. Naclam quoque ciuitatem munitam et fortem ualde fregit et succedit, et omnem in circuitu regionem eius igni et ferro vastauit adeo, ut ruinas et adustiones et acruos cadauerum interfectorum incole nobis (т. е. спутникамъ Оттона) per diuersa loca monstrarent post annos tres acsi de strage recenti. Tam grauisime autem in illarum ciuitatem expugnatione subacti sunt, ut, quos neci et captiuitati dux superesse passus est, cum suo principe christianos se atque tributarios fore, quod iurare licuit, pro laevo ingenti ducerent. Ferunt autem, quod, decem et octo milibus uirorum pugnantium nece traditis, octo milla cum uxoribus et paruulis ad terram suam captiuos abduxerit. Et in periculosis marchiarum locis, in uribus et castris eos collocans, quo terre sue presidio forent et cum hostibus suis, gentibus scilicet externis, bella gereret indixit; hoc addito, ut, abdicatis ydolis, christiane se religioni per omnia conformarent», Herb. II, 5. О частыхъ походахъ Болеслава противъ Поморья подробно передаетъ Мартинъ Галль во II и III книгъ своєї Chronicon Polonoium. Рассказъ Герборда не имѣетъ характера строгаго хронологическаго повѣствованія: это — простое припоминаніе отношеній Болеслава къ Поморью для объясненія послѣдующаго, cf. Fabricius: Studien zur Geschichte der wendischen Ostseeländer, II, H. B.*

«Поморское грубое варварство» (*studa barbaries*) должно было покориться: жители и князь (Вартиславъ). обязались платить дань и принять христианство. Тщетно, однако, Болеславъ искалъ между епископами своей земли—дѣятелей для предстоящей миссии: нѣтъ, кажется, слишкомъ памятливы были прежніе печальные опыты подобныхъ предпріятій, чтобы отважиться на новый, потому они отказывались подъ разными предлогами и извиненіями (Herb. II, 5). Въ началѣ 1122 года ко двору Болеслава неожиданно пришелъ епископъ Беригардъ, испанецъ по происхожденію, и объявлялъ князю о своемъ намѣреніи проповѣдывать Евангеліе въ языческой странѣ поморянъ. Болеславъ былъ радъ этому, но, кажется, не считалъ Беригарда способнымъ выполнить трудную задачу и предвидѣлъ неуспѣхъ; онъ не скрывалъ опасности предпріятія: «народъ поморскій, говорилъ онъ, имѣетъ дикіе, звѣрскіе нравы и скорѣе готовъ претерпѣть смерть, чѣмъ подчиниться игу христианства»¹⁾. Беригарда, однако, не устрасли опасности: его душа горѣла желаніемъ или обратить невѣрныхъ, или украситься вѣщью мученика ради Христа; онъ просилъ только дать ему проводника и переводчика и, получивъ ихъ, какъ истинный послѣдователь Спасителя, необутыми ногами и въ одеждѣ бѣдняка, вышелъ на предстоявшую ему дѣятельность. Успѣхъ не отвѣчалъ его ожиданіямъ. Граждане города Вольна, куда прибылъ онъ и гдѣ проповѣдывалъ умѣя судить только по вѣщности, *острѣтили ея по одеждѣ* и спросили: кто онъ и отъ кого посланъ? Когда Беригардъ назвалъ себя слугою истиннаго Бога, создателя неба и земли, посланнымъ отъ него для того, чтобы обратить ихъ отъ заблужденія язычества на путь истины, волинцы

1859, p. 15—19. Цѣль нашего труда позволила намъ ограничиться только переработкою Гербордова разсказа. Касательно города Наклы, мы не можемъ быть сомнѣнія, что это имя сѣдуетъ читать: Nacla, Nakiel [у Мартина Галла], а не Radam, какъ читалъ сначала Кэпке и Клемпницъ, ср. предисловіе послѣдняго къ сочиненію Kratz'a: Die Städte der Prov. Pommern, Ber. 1865, p. XXIV sq., cf. 1—2 in notis.

1) «Tantum gentis illius esse ferocitatem, ut magis necem inferra, quam iugum fidei subire parata sit». Ebo: II, 1.

пришли въ негодованіе: ихъ простой смыслъ не могъ соединить идеи высшаго божества, полнаго славы и богатства—съ видомъ крайней бѣдности, въ которой явился его посланникъ; они приняли Беригарда за обманщика, пришедшаго ради матеріальной поживы и требовали, чтобы онъ удалялся ¹⁾. Напрасно Беригардъ предлагалъ доказать свое божественное призваніе посредствомъ чуда, прося зажечь какое-нибудь жилище и бросить самого его въ огонь, онъ утверждалъ, что выйдетъ оттуда здоровъ и невредимъ; жрецы и старѣйшины, по совѣщаніи, рѣшили, что это человѣкъ безумный и безнадежный: «тѣснимый нуждою, говоряли они, онъ не дорожитъ жизнью и, предлагая намъ зажечь какой-нибудь домъ, желаетъ отмстить свою неудачу: пожаръ необходимо распространится, и весь городъ погибнетъ. Намъ не слѣдуетъ слушать безумца, но не годится также и предать его смерти: онъ — бѣдный странникъ, а убійство странниковъ, это дознано опытомъ соотѣдей, навлекаетъ бѣдствія; лучше, безъ обиды, посадивъ въ ладью — устранимъ его изъ нашихъ предѣловъ» ²⁾. Пока шло совѣщаніе, Беригардъ, стгорая любовью

1) Ille [sc. Bernhardus] despecto habitu et nudis pedibus urbem Iulia ingreditur ibique constanter fidei katholice semina spargere cepit. Cives autem ex ipso eum habitu despicientes, utpote qui non nisi secundum faciem iudicare sciebant—quis esset vel a quo missus, inquirunt. At ille seruum se ueri Dei, factoris celli et terre, profitetur et ab eo se missum, ut illos ab errore ydolatrie ad uiam ueritatis reducat. Illi uero indignati: «Quomodo — inquit, credere possumus, te nuncium summi Dei esse, cum ille gloriosus sit et omnibus diuiciis plenus, tu uero despiciabilis et tante paupertatis, ut nec calciamenta habere possis. Non recipiemus te nec audiemus. Summus enim Deus nunquam tam abiectum nobis legatum dirigeret; sed si re uera conuersationem nostram desiderat per idoneum et dignum sue potestati ministrum nos uisitat. Tu uero, si uite tue consultum esse uolueris, quantocius ad locum, unde digressus es, reuertere; nec ad iniuriam summi Dei missum eius te profitearis. Quia pro sola tue mendicitatis inopia releuanda huc migrasti». Ebo: II, 1.

2) «Sacerdotes et seniores plebis, multam inter se conquisitionem habentes siebant: iste [sc. Bernhardus] insanus et desperatus est; nimia cogente inopia, mortem appetit, morti se ultro iugerit. Sed et argumentosa nos circumueniens nequicia, repulsionis sue a nobis uindictam exigit, ut sine nostro non moriatur excidio; quia scilicet, una domo succensa, totius urbis interitum subsequi necesse est. Non enim expedit nobis, peregrinum nudipedem interficere. Quia et fratres nostri Pru-

мученичества; схватилъ сѣкиру и началъ рубить священный, удивительной величины столбъ ¹⁾. Волинцы не снесли подобнаго оскорбленія, они бросились на проповѣдника и избили его до полусмерти; но лишь только пришелъ онъ въ себя, какъ снова принялся проповѣдывать: тогда жрецы силою увлекли его изъ средины толпы, посадили вѣстѣ съ капелланомъ и переводчикомъ въ ладью и отправили въ море, запретивъ съ угрозою приближаться къ предѣламъ ихъ земли. Бернгардъ возвратился къ Болеславу и со слезами рассказалъ свою печальную исторію; для него ясна была причина неудачи: «не зная духовныхъ потребностей, волинцы судятъ по внѣшнему виду — говорили онъ; они отвергли меня ради нищеты моей, но если среди ихъ явятся проповѣдникъ, исполненный внѣшняго блеска и богатства—они обратятся къ христіанству» ²⁾. Слова Бернгарда — не прошли даромъ: Болеславъ ими скоро воспользовался. Отдохнувъ нѣсколько дней у польскаго князя, Бернгардъ отправился въ Бамбергъ и пришелъ туда во время государственнаго съѣзда, въ ноябрѣ 1122 года. Ученость Бернгарда, его строгія добродѣтели приобрѣли въ Бамбергѣ общее уваженіе, они сблизили съ нимъ и епископа Оттона, который часто спрашивалъ о его проповѣди въ Поморьѣ и о тамошнемъ народѣ. Бернгардъ замѣтилъ необыкновенный интересъ Оттона къ дѣлу христіанской

---

zenses ante annos aliquos Adelbertum quendam, similia huius predicantem occiderunt, et ex eo omnis pressura et calamitas apprehendit eos totaque substantia eorum ad nichilum redacta est... Ebo, II, 1. Упомянутое объ *Wolfrich* мы устранили изъ изложенія: оно, конечно, прибрало на этотъ случай ученыхъ повѣствователей.

1) «Bernhardus amore martiris flagrans, correpta secure columpnam mire magnitudinis, Iulio Cesari a quo urbs Iulia nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est». Ebo, ibidem. Сказаніе о Юліѣ Цезарѣ въ отношеніи Волины и священнаго столба очевидно—ученая *этимологическая* сказка.

2) «Animales inquit [Bernhardus] sunt et spiritualium penitus ignari donorum, ideoque hominem non nisi exteriori habitu metiuntur. Me quidem pro paupertatis mee tenuitate abiecerunt, sed si potens quisdam predicator, cuius gloriam et diuicias reuerentur, ad eos accesserit, spero illos iugum Christi spontanee subituros». Ebo II, 1.

миссии и, желая видѣть въ немъ болѣе счастливаго преемника, изложилъ причины своей неудачи и совѣтовалъ итти къ «сварварамъ» венначе, какъ въ блестящей обстановкѣ, съ помощниками, съ богатымъ запасомъ матерьяльныхъ средствъ. «Еще—предупреждалъ онъ, берегись требовать отъ язычниковъ чего-нибудь изъ имущества ихъ, а добровольно приносимое вознаграждай большими дарами, чтобы они поняли, что ты пришелъ къ нимъ не ради стяжанія, но единственно по любви къ Богу и для проповѣди Евангелія» ¹⁾. Разказы Бернгарда поселили въ Оттонѣ желаніе итти на подвигъ христіанскаго просвѣщенія язычниковъ (Ево, II, 1). Это желаніе выросло въ твердую рѣшимость, когда Болеславъ Кривоустый, все занятый заботою обращенія поморянъ, прямо обратился къ нему, какъ къ старому знакомцу и другу своей юности, вызывая его на это трудное, но славное предпріятіе. Въ письмѣ, которое Болеславъ писалъ по этому поводу къ Оттону, онъ излагалъ свои трехлѣтнія тщетныя успія найти проповѣдника для поморянъ, просилъ Оттона принять на себя этотъ подвигъ и обѣщала съ своей стороны всевозможныя пособія и людьми, и другими средствами (Herb. II, 6) ²⁾.

1) «Ego quidem [sc. Bernhardus] tanta paupertatis abiectione opus euangelii aggressus sum, ut nec calciamentis uti uoluisssem. Sed gens illa, nimie dedita insipientie ueritatisque penitus ignara, cernens tenuitatis mee et habitus despectionem, non pro amore Christi sed pro sola inopie necessitate me illo migrasse credidit; ideoque uerbum salutis ex ore meo audire contempnas, repulit. Vnde necesse est, ut, si, tu pater amande [sc. Otto], lucrum aliquot in brutis barbarorum pectoribus agere uolueris, assumpta cooperarorum et obsequentium nobili frequentia sed et uictus ac uestitus copioso apparatu, illuc tendas. Cauendum est etiam, ne quicquam de bonis eorum appetas. Sed, si oblatum quid fuerit ab eis, maiora quam acceperis restituas; ut per hoc intelligant, te non turpis lucri gratia, sed solo Dei amore opus euangelii subiasse». Ebo, II, 2.

2) «Quia in diebus iuuentutis tue [sc. Ottonis] apud patrem meum [sc. Wladislauum Hermannum] decentissima te honestate conuersatum memini ... si tue non displicet dignitati, ueteres tecum renouare animo addeat amicitias tuoque consilio simul et auxilio uti ad Dei gloriam promouendam ... Nosti enim, ut arbitror, quomodo Pomeranorum cruda barbaries, non mea quidem sed Dei uirtute humiliata, societati ecclesie per baptismi lauacrum se admitti petiuit. Sed ecce per triennium labore, quod nullum episcoporum uel sacerdotum idoneorum michiue coaffinium ad hoc opus inducere queo. Vade, quia tua sanctitas ad omne opus bonum prompta

Первая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ.

Въ приглашеніи Болеслава Оттонъ увидѣлъ голосъ провидѣнія, призывающій его на подвигъ. Онъ посоветовался съ клиромъ и отправилъ къ папѣ Каликсту II посланника, испрашивая апостольскаго разрѣшенія и благословенія на трудное дѣло. Отвертъ папы былъ благопріятенъ, и Оттонъ сталъ готовиться въ путь (Herb. II, 7). Ему нужны были надежные помощники; прежде прочихъ онъ остановился на любимцѣ своемъ, священникѣ Удалярнкѣ. Призванный къ совѣту, Удалярнкъ немедленно рѣшился слѣдовать за своимъ патрономъ. Кромѣ священника Вернера и переводчика Адельберта ¹⁾, избранныхъ самимъ Оттономъ, положено было взять и клерика Сефрада, на котораго указалъ Удалярнкъ, какъ на юношу расторопнаго, усерднаго и къ тому же искуснаго писца (Ево: II, 3). Помня печальный опытъ и наставленія Беригарда, слыша, что въ богатомъ Поморьѣ почти вовсе нѣтъ нищихъ и бѣдняки вообще презираются, Оттонъ позаботился явиться туда въ обиліи и внѣшнемъ блескѣ: онъ взялъ съ собою не только богатый запасъ вещей, необходимыхъ при богослуженіи, но и много одеждъ, драгоценныхъ тканей и иныхъ подарковъ, назначенныхъ для знатныхъ и богатыхъ той страны (Herb. II, 7 Ево: II, 3) ²⁾.

---

et indefessa predicatur, rogamus, pater amantissime, non te pigeat, nostro comitante seruelo, pro Dei gloria tueque beatitudinis incremento id laboris assumere. Sed et ego . . . impensas omnes et socios itineris et lingue interpretes et coadiutores presbiteros, et quaeunque necessaria fuerint, prebeo; tu tantum uenire dignare». Herb. II, 6.

1) «Adelbertum quoque, lingue barbarice scilicet, interpretem habere possumus». Ebo, II, 3.

2) [Otto] «quia terram Pomeranorum fama ferente opulentam audierat et egenos atque mendicos penitus non habere sed uehementer aspernari, et iam dudum quosdam seruos Dei predicatores egenos ac censa tenues propter inopiam contempnasse, quasi non pro salute hominum sed pro sua necessitate releuanda officio Insisterent predicandi; studioso procurauit... etc., Herb. II, 7. Vestes quoque et pannos preciosos atque donaria, nobilibus ac diuitibus apta, euangelista simplex et prudens in uiam portauit euangelii: ne forte indigentia causa psanis aide-

Изготовившись и устроивъ домашніа дѣла, Оттонъ хотѣлъ отправиться, но неожиданная болѣзнь Удальрика удержала его на нѣкоторое время: ему тяжело было разстаться съ мыслью имѣть товарищемъ человека столь близкаго, онъ рѣшился повременить. Такъ прошло три дня; болѣзнь, однако, не прекращалась, и, дорожа временемъ, Оттонъ оставилъ Удальрика и выступилъ въ путь въ началѣ мая 1124 г. Надежда, что Удальрикъ скоро оправится и присоединится къ миссіи, еще разъ заставила Оттона остановиться на нѣкоторое время въ монастырѣ Михельфельдъ, но, получивъ извѣстіе, что больному не легче, онъ простился съ провожавшими его и послѣдовалъ далѣе. Освятивъ на пути нѣкоторыя храмы, Оттонъ, чрезъ чешскій гѣсъ, пришелъ въ Чехи; здѣсь, въ монастырѣ Кладрубы, его ожидали посланники чешскаго князя Владислава и сопровождали въ Прагу, гдѣ онъ былъ встрѣченъ епископомъ Мегингардомъ съ особымъ почетомъ (Ево, II, 3). Въ Прагѣ Оттонъ не медля: чрезъ Садскую онъ скоро прибылъ въ замокъ Милетинъ, гдѣ въ то время находился самъ князь, принявшій его съ великолѣпіемъ. Богато одаренный Владиславомъ, знаменитый миссіонеръ, въ сопровожденіи чешскихъ, а потомъ польскихъ — пословъ, мирно продолжалъ свой путь чрезъ Варту, Нѣмчъ, Вратиславу, Калишъ и Познаиъ (Herb., II, 8). Онъ часто останавливался и уклонялся съ прямой дороги въ сторону для проповѣди Евангелія. Вездѣ его встрѣчали съ торжественнымъ вниманіемъ и почетомъ (Ево, II, 3; Herb. II, 8). Въ Гитзднѣ, куда наконецъ прибыла миссіа, самъ Болеславъ, вмѣстѣ съ знатными людьми земли своей, вышелъ къ ней на встрѣчу за городъ необутыми ногами — и торжественно проводилъ Оттона въ главный храмъ. Въ Гитзднѣ

---

retur evangelizare, sed novelle plantationi sua potius conferre quam illius appetere... Herb, II, 7. «Interim — говорилъ Оттонъ Удальрику, accepta a me pecunia, vestes et necessaria queque tibi comparo. Quia ad suggestionem Bernardi non cum tranquillitate sed habundancia tam vestium quam utricularum Pomeranos adire nos oportet; ne, cum paupertatis angustias in nobis deprehenderint, non zelo iustitie sed pro inopie relevanda necessitate illo nos migrasse caullentur et... a finibus suis nos ciciant... Ebo, II, 3.

миссія оставалась цѣлую недѣлю: нужно было собраться и устроиться къ предстоящему труднѣйшему путешествію. Болеславъ заботился доставить Оттону все необходимое: онъ снабдилъ его людьми для службъ, которые однаково хорошо знали нѣмецкій и славянскій языки, далъ много подводъ, на которыхъ везли продовольствіе и вещи, наградилъ въ обиліи и деньгами своей страны. Въ помощники къ Оттону князь назначилъ трехъ священниковъ и военнаго сотника Павликія, человека дѣятельнаго и умѣйшаго толково говорить съ народомъ (Herb. II, 9) ¹⁾. Простившись съ Болеславомъ, Оттонъ и спутники его двинулись далѣе и пришли къ крайнему предѣлу польской земли, къ пограничной крѣпости Уздѣ. Отсюда Павликій отправилъ пословъ къ поморскому князю Вартиславу, чтобы предувѣдомить его о прибытіи Оттона. Вартиславъ былъ въ то время въ Старьградѣ; получивъ извѣстіе, онъ немедленно выступилъ на встрѣчу миссія (Ево, II; 4) ²⁾.

«Земля поморская, какъ ясно изъ ея наименованія, лежитъ около моря. Если взглянуть на ея положеніе въ цѣломъ, какъ относительно заводей и морскихъ заливовъ, такъ и сухой почвы,

1) «Dedit [dux Boleslaus] domino meo [sc. Ottoni] de gente illa tam Scilicet quam Teutonice lingue gaaros satellites ad diversa eius ministeria, ne quid incommoditatis per lingue ignorantiam in gente externa pateretur. Quid dicam? Carrus et quadrigas ordine longo, victualia et omnes sarcinas nostras portantes; monetam quoque illius terre liberalitate contulit ingenuam, Herb. II, 9. Эбоуръ передаетъ, что Оттонъ оставался у Болеслава «per tres ebdomadas in domo Iacobi, prepositi maioris ecclesie», рассказываетъ еще, что по выходѣ миссія изъ Гидзана, ее обокрали въ ближайшей деревнѣ, Ево II, 4. Мы основались на разсказѣ Сефрида, какъ очевидно.

2) «Cumque ad castrum quoddam, quod Vzda nominatum est quod est in confinio utriusque terre, cum suis venisset, comes Paulus [centurio Paulicianus et Герборда], ductor eius, premisit nuncios ad Wortislaum Pomeranie ducem; qui Ottonem, fama apud eos celeberrima vulgatum, facies suos evangelizandi gratia adire insinuarent... Quo mandato dux Wortislaus accepto, in castro Zitarigroda nunciato ei occurrit... Ево II, 4. Здѣсь у Эбона—путаница: Вартиславъ не могъ встрѣтить Оттона въ Старьградѣ, который лежалъ на сѣверѣ Поморья. Сефридъ у Герборда ничего не говоритъ объ этомъ, потому вѣрнѣе думать, что въ Старьградѣ князь получилъ извѣстіе о прибытіи Оттона и вышелъ оттуда къ нему на встрѣчу. Сефридовъ дальнѣйшій разсказъ возводитъ эту догадку въ достовѣрность.

она представить какъ бы треугольникъ, т. е. три стороны, которыя, подобно линіямъ, концами сходятся и образуютъ три угла, такъ однако, что одинъ уголъ болѣе двухъ другихъ, онъ и простирается до страны Лютичей къ Саксоніи и на сѣверъ къ морю, постепенно загибался. Такимъ образомъ Поморье имѣетъ за собою на морѣ Дانیю и небольшой, но многолюдный островъ Руяну; надъ собою, т. е. направо отъ сѣвера—землю половцевъ (!? славянъ?), пруссовъ и Русь; предъ собою же, т. е. на югъ небольшимъ концомъ достигаетъ границъ Угріи и Моравіи; наконецъ, на обширномъ пространствѣ граничитъ съ Польшею до предѣловъ земли Лютичей и Саксоніи. Народъ этотъ (поморскій), искусный въ войнѣ на сушѣ и морѣ, привыкшій жить разбоемъ и грабежомъ, былъ всегда необузданъ въ природной своей дикости и совѣмъ чуждъ христіанскаго богопочтенія и религіи. Сама же земля даетъ жителямъ въ изобиліи рыбу и дикихъ звѣрей и очень богата всякаго рода хлѣбомъ, овощами и сѣменами. Итъ страны обильнѣ медомъ и плодоноснѣ пастбищами и лугами. Вина у жителей итъ, да они и не стремятся добыть его; но ихъ меды и пиво, тщательно приготовленные, превосходятъ даже и фалерскія вина» (Herb. II, 1)¹⁾.

1) «Hæc terra hec. [sc Pomerania]; si totam eius positionem tam in stagis et refusionibus marinis, quam in locis campestribus considerare uelimus, quasi figura triangula. Quia tribus lateribus, quasi tribus lineis per capita sibi coherentibus, tres angulos habere deprehenditur; ita tamen, ut unus angulus duobus reliquis sit extensor, qui oceanum usque ad Leuticiam et prope Saxoniam uersus aquilonem ad fluctus oceanum paulatim recurvatus dimittitur. Itaque Pomerania post se in oceano Dacliam habet et Rugiam, insulam parvam sed populosam; super se autem, id est ad dexteram septentrionis, Flauiam—[Slauiam, нбо Flauia — земля Половцевъ адъ се и уѣста; впрочемъ б. и. Гербордъ дѣйствительно думалъ о половцахъ: онъ знаетъ (cf. Herb. II, 3, 4) о войнахъ поляковъ съ Русью и поляками, потому и предполагаетъ, что страна послѣднихъ находится возлѣ Польши и граничитъ съ Поморьемъ] habet et Pruscliam; ante se uero, id est uersus aridam, parua extremitate se attingentes fines respicit Ungarie ac Morauie, dein Poloniam spacioua contiguitate usque ad confinia Leuticie et Saxonie se habet attingendo extendentem. Gens ista, terra marique bellare perita, spoliis et rapta uiuere consuevit, naturali quadam feritate semper erat inuadomita et a cultu et fide christiana penitus aliena. Terra uero ipsa piscium et ferarum copiosam inuicem prebet habundanciam; omniugenamque frumentorum et leguminum siue seminum

Возвратился къ нашимъ путешественникамъ.

За Уздой, по другую сторону рѣки Нотеци, тянулся огромный, мрачный лѣсъ, лежавшій границею между Польшей и Поморьемъ. Черезъ него шла дорога Оттона и его товарищей. Они находились среди дѣвственной природы, гдѣ дотогѣ почти не бывала нога человѣка; только Болеславъ въ прежніе годы проходилъ съ войскомъ по этому мѣсту и обозначилъ свою дорогу застѣками и знаками на деревьяхъ. По этимъ знакамъ пробирались и миссія, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, опасности и всякіе страхи: ихъ подводы грязли въ болотахъ, огромныя змѣи и дикіе звѣри угрожали нападеніемъ, птицы — тревожили ихъ крикомъ. Черезъ шесть дней труднаго пути проповѣдники достигли берега рѣки, которая составляла собственную границу Поморья. Здѣсь ожидалъ ихъ Вартиславъ, пришедшій съ пятью стами воиновъ и остановившійся лагеремъ на другомъ берегу; онъ перешелъ съ немногими рѣку и привѣтствовалъ приходъ Оттона. Вартиславъ былъ христіаниномъ, но изъ страха предъ язычниками скрывалъ свою религію ¹⁾. Въ то время, когда епископъ,

fertilissima est. Nulla mellis feracior, nulla pascuis et graminæ fecundior. Viam autem nec habent, nec querunt; sed melleis poculis et cerevisia curatissime confecta, uina superant Falernica. Herb. II, 1. Мы сочли удобнымъ привести Гербордову характеристику Поморья именно при изложеніи вступленія Оттона въ эту землю. Географическія опредѣленія, кажется, плодъ ученикъ соображеній самого Герборда и не отличаются ни ясностью, ни особой изысканностью; но указанія на бытъ и хозяйство поморянъ идутъ несомнѣнно отъ Сефрида и заслуживаютъ большаго вниманія. Лингвистическое толкованіе имени Поморья, будто бы отъ *romo-luxta, circa et moris* — mare, Pomerania, quasi Pomerizania; e. iuxta uel circa mare sita, заставляетъ думать, что Гербордъ самъ былъ правъ, но не умѣлъ вѣрно передать ее.

1) «a duce Polonie dimissi, per Vrdam castrum in extremis Polonie finibus transiunt, nemus horrendum et uastum, quod Pomeraniam Poloniamque diuidit, intrauimus... Nemus hoc nulli ante mortalium peruium erat; nisi quod superioribus annis dux atrocissimi causa, priusquam subegisset totam Pomeraniam, secutis signatque arboribus uiam sibi exercituique suo exciderat. Que signa tenentes uix diebus sex emenso nemore ad ripam fluminis, qui limes Pomeranie est, conuadimus. Dux uero Pomeranorum aduentus nostri prescius, cum, quiagentis uiris occurrens, ex alla parte aque castra metatus est. Mox que anno transmisso cum paucis, episcopum salutatur atque salutatur ab illo. Herb. II, 10, 11.

князь и Павликій, отойдя въ сторону, вели разговоръ чрезъ переводчика, спутники Оттона остались съ людьми князя и испытывали сильный страхъ, видя себя въ первый разъ лицомъ къ лицу съ «варварскимъ, дикимъ народомъ». Замѣтивъ смущеніе пришельцевъ, поморскіе воины вздумали позабавиться надъ ними и начали пугать ихъ ложными страхами: вынувъ острые ножи, они угрожали заколотъ ихъ, дѣлали видъ, что хотятъ зарыть ихъ въ землю и пронзить ихъ головы, выдумывали и другіе роды мученій, сопровождаая все это шумнымъ крикомъ¹⁾. Несчастные не знали образа мыслей и намѣреній поморскаго князя, они стояли окруженные «дикими лицами варваровъ», одни среди нисходившей ночной темноты, въ виду только что оставленнаго страшнаго лѣса; они думали, что приходитъ конецъ ихъ, что имъ предстоитъ немедленные мученія и смерть, и поручали себя Богу исповѣдью, молитвами и пѣніемъ. Но свободно вздохнули они, когда князь ободрилъ ихъ своимъ дружескимъ словомъ; и вскорѣ сами, вмѣстѣ съ «варварами», смѣялись надъ своимъ страхомъ. Оказалось, что воины Вартислава тайнѣ были христіанами; это ободрило миссіонеровъ, и они скоро начали «поучать тѣхъ, на которыхъ прежде и взглянуть не могли со страха». Оттонъ, не медля, началъ дѣйствовать, онъ поднесъ князю въ даръ посохъ изъ слоновой кости. Князь былъ доволенъ, благодарилъ Оттона, потомъ, обратясь къ своимъ воинамъ, сказалъ: «какого отца послалъ намъ Богъ и какой отецескій подарокъ, для меня онъ пріятнѣе теперь, чѣмъ во всякое другое время». На другой день князь назначилъ изъ своихъ людей проводниковъ-слугъ для Оттона и приказалъ, чтобы по

1) «Episcopo autem et duce cum interprete et Paulicio secorsum in colloquio demorantibus, ceteri qui cum duce venerant homines barbari, quia clericos aliquantum trepidare videbant, fecto eos terrore amplius vexabant... cultros acutissimos educentes, viuos nos excoriare aut transigere, ac humi nos defodere neque ad verticem, coronasque nostras eisdem scultri punctare ac secare minati sunt». Herb. II, 11. Этимъ представляеть дѣло серьезнымъ, онъ говоритъ: «barbari instinctu inimici et satellitum eius, videlicet sacerdotum suorum, crudeli impetu super famulos Christi irruentes, mortem eis minari ceperunt». II, 4, и защитѣ князя приписываетъ спасеніе миссіонеровъ. Что Гербордъ вѣрно смотритъ на характеръ происшествія, это видно изъ всего послѣдующаго.

всѣмъ тѣмъ мѣстамъ Поморья, которыя составляли княжью собственность, епископъ пользовался даровымъ гостеприимствомъ. Миссія, перейдя рѣку, вступила въ Поморье и, слѣдуя за проводниками, направилась къ крѣпости Пырицѣ, Вартиславъ же отошелъ по своимъ дѣламъ (Herb. II, 10, 11, 12) ¹⁾.

По дорогѣ путешественники встрѣтили нѣсколько небольшихъ, войной разоренныхъ, деревень и немногихъ жителей, которые только что собрались послѣ погрома и расточенія. Спрошенные—желаютъ ли принять христіанство, они поверглись къ ногамъ епископа и просили научить ихъ вѣрѣ и крестить. Такъ окрещено было тридцать человекъ, и положено счастливое начало великому дѣлу (Herb. II, 13) ²⁾.

Миссіонеры приблизились къ княжьей крѣпости Пырицѣ еще за-свѣтло, и глазамъ ихъ представилось необыкновенное зрѣлище: былъ день языческаго праздника (около 4 июня), къ нему изъ всей области собралось болѣе четырехъ тысячъ народа; все сборище шумно предавалось играмъ и пѣнію. Оттонъ остановился: странники сочли неблагоразумнымъ и неосторожнымъ появляться теперь среди народа, разгоряченнаго питьемъ и разгу-

1) «Facto mane, dux de uiris qui secum uenerant duces et ministro reliquit episcopo; mandans, in tota Pomerania per canota loca possessionis sue liberalia ei preberi hospitia. Nos uero, transito fluuio, terram Pomeranorum... intramus et, conductoribus nostris uiam demonstrantibus, iter ad castrum Pirissam direximus». Herb. II, 12.

2) «In ipso autem itinere uiculis paucos bellica pridem uastatione dirutos et rarus incolas, qui super se post dispersionem recollerant, inuenimus; qui, de fide christiana conuenti et an credere uellent interrogati; humiliter pedibus aduoluntur episcopi, catholicari se atque baptizari postulantes... Herb. II. 13. Въ передачѣ пути Оттона до Пырицы и происшествій его—источнику Эбова изкиданы памятъ: онъ очевидно смѣшиваетъ прежній путь миссіи черезъ гѣбу съ путемъ ея до Пырицы, бывшимъ послѣ свиданія Оттона съ Вартиславомъ: «et legatos suos pro Ottoni [dux] assignauit, qui per desertum magnum [?] quod imminabat, continuato septem dierum spacio [?] eum transduxerunt... II, 4. Наме онъ говоритъ: «altera die ad uillam proximam diuertit, ibique plures Domino cooperante secunde natiuitatis sacramento iniciuit. Tercia die ad Piriscum... uenit». Такимъ образомъ оказывается, что, разставшись съ Вартиславомъ, они на третій день пришли въ Пырицу и въ то же время семь дней странствовали по пустынѣ. Смѣшаніе именъ!

ломъ ¹⁾), они провели ночь безъ сна, неотваживаясь затеплить огонь и разговаривая въ полъ-голоса. Утромъ епископъ отправилъ Павликія и посланниковъ Вартислава въ крѣпость. Отъ имени князей они привѣтствовали старѣйшинъ; объявили, что прибылъ епископъ, присланный ими для проповѣди народу христіанской религіи и убѣждали достойно принять его и почтительно слушать его наставленій. Такова была воля князей. Кромѣ того, говорили они, епископъ — человекъ почтенный: онъ богатъ, ничего не требуетъ и ни въ чемъ не нуждается, сюда пришелъ ради вашего спасенія, а не за прибылью ²⁾). Посланники просили ихъ вспомнить послѣдній бѣдствіи и свои обѣщанія и не противиться болѣе христіанству, законамъ котораго покоряется весь міръ. Старѣйшины пришли въ затрудненіе: нерѣшительно и подъ разными предлогами они желали выиграть время, чтобы найтись среди обстоятельствъ; говорили, что такое важное дѣло нуждается въ спокойномъ, зрѣломъ обсужденіи; но Павликій съ послами, подозрѣвая хитрость, требовали немедленнаго рѣшенія, грозили, что иначе они огорчатъ пришедшаго епископа и тѣмъ разгнѣваютъ самихъ князей. Узнавъ, что Оттонъ находится вблизи, старѣйшины не отказывались долѣе, они держали совѣтъ сначала между собою, потомъ съ Павликіемъ и послами — и рѣшили принять епископа; затѣмъ они вышли съ ними къ народу, который, противъ обыкновенія, еще былъ въ сборѣ и не расходился по деревнямъ, и ясною, привѣтливою рѣчью изложили предъ нимъ обстоятельства дѣла. Скоро и легко склонился весь народъ на

1) «ad castrum duces Pirissam undecima hora diei propinquantes, ecce illic hominum ad quatuor millia ex omni prouincia confluxisse, ut eramus eminus, aspeximus. Erat enim nescio quis festus dies paganorum; quem Iusu luxu cantuque gens uesana celebrans, uociferatione alta nos reddidit attonitos. Non igitur ut illi uel cautum nobis uisum est, illa nocte in turbam, potu leticiaque feruentem, nos tam insolitos hospites aduenire... Herb. II, 14.

2) Mane episcopus Paulicium et nuncios Bratizlai ducis ad castrum mittit. Ac illi, salutatis maioribus ex nomine ducum (т. е. князя польскаго и Вартислава), ab eis missum nunciant episcopum. . addentes: uirum esse honorabilem, domi diuitem et nunc quoque in aliena terra suis opibus sufficientem; nichil illum petere nullius egere; pro illorum salute aduenisse non questus gratia... Herb. II, 14.

предложеніе своихъ старшинъ; провѣдавъ же о присутствіи Оттона, поднявъ страшный крикъ и просилъ скорѣе призвать его, желая видѣть и слышать его прежде, чѣмъ разойдется сходка и каждый возвратится домой. Вмѣстѣ съ Павликіемъ и послани— къ Оттону отправились нѣкоторые обитатели крѣпости (*castellani*) и привѣтствовали его отъ имени знатныхъ людей и всего народа, они почтительно приглашали его къ себѣ, говоря, что никто не оскорбитъ его, и всѣ искренно готовы повиноваться ему ¹⁾). Епископъ двинулся къ крѣпости. Когда жители издали увидѣли длинный рядъ подводъ, множество лошадей и людей, они пришли въ смятеніе и начали подозрѣвать воинское нападѣніе, но, узнавъ истину, успокоились и быстро, «подобно потоку» — устремились на встрѣчу; они окружили пришельцевъ, съ любопытствомъ разглядывали ихъ и ихъ вещи и такъ провожали до самаго мѣста пристанища. Предъ входомъ въ крѣпость было пространное мѣсто, на немъ разбила свои шатры миссія, и «сварвары» дружественно и мирно во всемъ помогали ей ²⁾). Оттонъ немедленно приступилъ къ дѣлу: онъ облекся въ церковныя одежды, по просьбѣ Павлікія и старѣйшинъ взошелъ на высокое мѣсто и оттуда чрезъ переводчика началъ говорить къ народу, онъ благодарилъ его за дружескій приемъ, указалъ на причину своего прихода и убѣждалъ принять христіанство. Все собираше

1) ... «ubi eam sententiam tam bonam tamque salubrem diligenti retractatione probauerant—primo quidem apud se in conclavi, deinde uero cum legatis et Paulicio ad plenum uigorem laxiori consilio firmauerant—cum eisdem ad populum egressi, qui, sicut ad festum confluerat, contra morem indispersus... in loco manebat nec in rus discesserat, luculenti sermonis dulcedine, multo beniuolentis capti eos de hoc uerbo allocuti sunt. Sed quid multa? Mirum dictu quam subito, quam facili consensu omnis illa multitudo populi, auditis primatum uerbis, in eandem sese conuenientiam inclinauerit. Et quia dici audiunt, episcopum in proximo esse, facto ingenti clamore, ut aduocetur, rogant, quo illum uidere queant et audire, antequam soluto cetu singuli in loca sua discedant. Redeuntibus Paulicio et legatis abiernat quidam de castellanis cum eis ad episcopum, qui ad se illum inuitarent, salutatum ex parte nobilium plebisque uniuersae... Herb. II, 14.

2) «Fuit ante introitum castrî arca spaciosa, quam occupantes, fiximus tentoria in eodem loco, ipsa barbaris mansueto ac familiariter nos adiuantibus et in omnibus se nobis oportunos exhibentibus... Herb. II, 14.

«грубаго» народа, какъ одинъ человекъ — согласилось послѣдовать новому учению. Цѣлую недѣлю поучали Оттонъ и его приближенные народъ истинамъ религіи, правдамъ и обычаямъ христіанской жизни; затѣмъ онъ назначилъ трехдневный постъ и приступилъ къ крещенію. Мальчики, женщины и мужчины, каждый по въ — крещенъ былъ отдѣльно и притомъ — съ устраненіемъ всего, что могло показаться страннымъ народу, или оскорбить его природное чувство стыда. Достоинство образа дѣйствій и обращенія Оттона, его внѣшняя и внутренняя чистота и приличіе вызывала похвалы у язычниковъ ¹⁾. Такъ крестилось въ Пырицѣ около семи тысячъ народа ²⁾. Съ крещеніемъ не окончилось дѣло проповѣдниковъ: они пребыли въ тѣхъ мѣстахъ около двадцати дней, посвящая все время проповѣди и поученію народа истинамъ вѣры, церковнымъ постановленіямъ и христіанскимъ обычаямъ; они учили его, между прочимъ, и христіанской годовщинѣ, раздѣленію года на мѣсяцы и мѣсяцевъ на недѣли ³⁾. Же-

1) *Episcopus, monente Paulicio et primatibus, de loco editiori populum cupientem ore alloquitur interpretis... Hec et his similia... populo rudi simpliciter evangelizante pontifice, omnis illa multitudo quasi unus homo, fidei sancte concordantes, illius doctrine se comisserunt.* Herb. II, 16. *Ipse in omni actione sua, quod et pagani dignum laude uidebatur, quandam... cuiusdam saugularis munditie atque elegantis et urbane discipline prerogatiuam habebat...* Herb. II, 16.

2) «*Erat autem numerus conuersorum ibi [sc. in Pirissa] ad fidem quasi septem milia.*» Herb. II, 17. Должно думать, что въ это число входили главнымъ образомъ жители окрестныхъ мѣстъ: какъ относительно языческихъ празднествъ Пырица была средоточіемъ, куда сходились поселеніе ближнихъ деревень, такъ могла она быть и относительно христіанскаго крещенія. *Приблизившій монахъ* (II, 4) ставитъ число крестившихся только въ 500 человекъ; но полагаться на это показаніе нельзя, въ виду яснаго свидѣтельства очевидца — Сефрида.

3) «*Mansimus in eodem loco quasi diebus uiginti... Instruentes de festiuitatibus... de distributione mensium et institutione totius anni secundum christianorum...*» Herb. II, 17. О дѣйствіяхъ Оттона въ Пырицѣ Эбонъ передаетъ очень кратко: *stercia die ad Piriscum castrum primum Pomeranie uenit, ubi, cines ad fidem exhortans, quatuordecim (?) diebus aedit; eis nimirum abnuentibus et seruum Dei ad alia migrare loca facientibus seque nouam hanc legem sine primatum et malorum suorum consilio aggredi non posse testantibus. Tandem pio Ottone assiduis pro saluacione eorum precibus incubante... assenserunt, etc...* Ево II, 5. Вотъ и все! Въ виду такой необходимости разсказа, показаніе Эбона о *четырнадцатидневномъ пребываніи* Оттона въ Пырицѣ должно быть принято во вниманіе.

для еще болѣе упрочить свое дѣло, Оттонъ построилъ часовню, освятилъ алтарь и снабдилъ эту первую, скромную церковь всѣмъ необходимымъ для богослуженія. Язычники приняли все это съ благодарною радостью—и оставили свои старыя суевѣрія и языческіе обычаи (Herb. II, 14—17).

Время, однако, было отправиться далѣе: впереди предстояла еще богатая жатва. Оттонъ созвалъ новообращенныхъ и еще разъ объяснилъ имъ таинства вѣры и связанныя съ ними условія христіанской жизни, онъ запрещалъ имъ языческое идолослуженіе и обычаи: «будучи язычниками вы не знали таинства брака, говорилъ онъ, не соблюдали вѣрности одному супружескому ложу, но, по желанію, имѣли много женъ. Теперь же, если кто изъ васъ до крещенія имѣлъ нѣсколько женъ, тотъ пусть изберегъ изъ нихъ одну себѣ по праву, другихъ же отпустить. Слышу я также, что женщины предають смерти поворожденныхъ дѣвочекъ. Сколь ужасно это—нельзя выразить словами: даже дикіе звѣри не поступаютъ такъ съ дѣтенышами своими! Вы должны оставить это убійство: родится ли ребенокъ мужскаго или женскаго пола—вскормите рожденіе ваше съ одинаковою заботливостью»¹⁾. (Herb. II, 18).

Простившись съ духовными дѣтьми своими, Оттонъ и его спутники, подъ руководствомъ пословъ, прибыли (24 іюня) въ княжескій городъ Кампну. Здѣсь находилась княгиня, законная жена князя, она была склонна къ христіанству и со всѣмъ до-

---

1) «Vos, qui usque ad haec tempora non christiani sed pagani fuistis, sacramentum conjugii non habuistis; quia fidem uni thoro non seruastis, sed, qui uoluistis plures habuistis uxores. Quod deinceps uobis non licet... Si quis ergo in uobis est, qui plures habuerat uxores ante baptismum, nunc unam de illis, que sibi magis placet, eligat, dimissisque aliis, hanc solum habeat ritu christiano. Et partus, inquit [Otto]—femineos, audio, quia uos, o mulieres, necare consueuistis. Quod quantum abhominatiois habeat, exprimi sermone non potest... Parricidium hoc non fiat ammodo in uobis. Sive sit masculus, sive femina, diligenter eustrite partus uestros... Herb.: II, 18. Эбоуз усволяетъ этотъ страшный обычай Камницамъ: «Illic [i. e. Camine] requisitum est a mulieribus, quod infantes necassent—nam crudelitate pagana puellas necare, et mares seruare solebant... Ebo... II, 8.

момъ своимъ почтительно приняла проповѣдниковъ. Еще до прибытія Оттона, когда онъ трудился въ Пырицѣ, она тайно послала туда развѣдать обо всемъ происходившемъ и, узнавъ объ успѣхахъ христіанства, старалась расположить къ принятію его сначала своихъ приближенныхъ, а потомъ и другихъ, кого могла ¹⁾). Поэтому ли, или по другой причинѣ — миссія не встрѣтила противодѣйствія въ Каминѣ: народъ согласился принять новое ученіе. Болѣе сорока дней посвящены были поученію, проповѣди и крещенію: ежедневно толпою приходилъ и уходилъ народъ того мѣста и изъ окрестной области; труда было много, но и жатва обильна ²⁾). Среди такихъ занятій Оттона въ Каминѣ пришелъ князь поморской земли Цариславъ съ своею дружиною, онъ явился предъ епископомъ, что дѣла правленія столь долго задержали приходъ его и отдавалъ теперь себя и своихъ въ полную услугу миссіи; онъ также дружески приветствовалъ поцѣлуемъ и пожатіемъ руки каждого изъ сотрудниковъ Оттона и вообще — былъ радъ имѣть такихъ гостей у себя въ домѣ. Такъ какъ дальнѣйшій путь проповѣдниковъ лежалъ по водному сообщенію отъ города къ городу, то князь приказалъ управителямъ своихъ деревень принять лошадей и вьючный скотъ ихъ и помѣстить на лучшія пастбища земли; когда потомъ животныя возвращены были владѣльцамъ, послѣдніе нашли ихъ до того откормленными, что каждый съ трудомъ могъ узнать ему принадлежавшее ³⁾.

1) *legatis nos deducenibus, ad ciuitatem ducis Caminam deuenimus. Erat autem illie ducissa, uxor uidelicet ducis legitima. Et, licet inter paganos, christiane tamen religionis memor, de nostro aduentu letissima efficitur et cum omni domo sua deuotissime suscepit.* Herb.: II, 19. Эбонъ называетъ Каминъ *castrum magnum* *ubi sedes duci est.* Ebo: II, 5.

2) *«Quadragesima diebus in eodem loco [sc. Camine] manentes... uidebamur in tam copiosa messe pauci messores. Nam et ipsius loci atque circumiacentis prouincie populus cateruatum accedebat cotidie ac recedebat.* Herb. II, 20. Въ другомъ мѣстѣ Гербордъ (II, 24) опредѣляетъ время пребыванія Оттона въ Каминѣ числомъ около 60 дней, Эбонъ же — числомъ четырнадцати недѣль; послѣднее — очевидная ошибка.

3) *«Dum ea Camine gerebantur... ecce cum suo comitatu dux terre Vratizlaus... superuenit... «Non, queso ait irascaris, quod post primam illam et momentaneam salutationem tam diu fui te non uidens; sed causa fuere iuexcusabiles rei publice*

Немедленно приступилъ Оттонъ къ крещенію княжеской дружины; тѣ-же изъ нея, которые были уже христіанами, но, по сожитію съ язычниками, не могли удержаться въ предѣлахъ христіанской жизни — а къ числу такихъ принадлежалъ и самъ князь — очистились покаяніемъ и были снова приняты въ лоно церкви. Сознавая несовмѣстность обычая многоженства или наложничества съ христіанскою чистотою жизни, князь торжественно, при епископѣ и народѣ, отрекся отъ двадцати четырехъ наложницъ, которыхъ, по языческому обычаю, онъ имѣлъ кромѣ своей законной жены. Примѣру князя послѣдовали и многіе другіе, жившіе доселѣ также во многоженствѣ ¹⁾. Въ Каминѣ Оттонъ построилъ и освятилъ храмъ, одарилъ его всѣмъ необходимымъ для богослуженія и назначилъ сюда одного изъ своихъ священниковъ, а князь даровалъ новой церкви владѣнія и содержаніе священнику ²⁾; народъ не только изъ города, но и изъ деревень собирался ежедневно въ храмъ, благочестиво соблюдая воскресный день и другіе праздники.

Въ это время случилось происшествіе, которое не могло не казаться нашимъ проповѣдникамъ — знаменательнымъ и чудеснымъ. Неподалеку отъ города, въ одной деревнѣ жила богатая и знатная вдова, окруженная многочисленною семьєю и дѣтельно

*administraciones. Nunc autem ecce assum parere ac seruire tue paternitati, proxi-
ala. Etenim nos ipsi et omnia nostra tui sumus; utere sicut uis... «Quia uero
deleceps nauigio de ciuitate ad ciuitatum eundum fuit, omnes equos et iumenta
nostra uillicos suos ad optima loca terre pastus gratia deducere iussit;... quos,
certe ita recepimus alteratos, ut pre crassitudine uix cuique suos nosceretur»:
Herb., II, 21.*

1) «Milites, qui cum duce uenerant, cathexizati statim et baptizati sunt... Dux
etiam: «Scio, inquit, christiane sanctitati esse contrarium, plures uxores uel con-
cubinas haberes. Simulque, tactis sanctorum reliquiis sicut christianis iurare mos
est, coram episcopo, populo aspiciente, uiginti quator concubinas, quas rita gen-
tili sue legitime uxori superduxerat, publice abiurauit. Quod uidentes, alii com-
plures eiusdem enormitatis presumptores, abiurata et ipsi coniugium pluralitate,
uni thoro exemplo ducis fidem se seruaturus polliciti sunt... Herb. II, 21—22.

2) «Extracta illic basilica et sanctificato altari et sanctuario collatisque illuc
per duces prediis ac dote in sustentationem sacerdotis, pater liberalissimus.
libros contulit, etc... Herb. II, 22.

правившая домою своимъ. Мужъ ея при жизни имѣлъ свою собственную стражу въ тридцать лошадей со всадниками, а это казалось въ той странѣ чѣмъ-то очень значительнымъ: силу и могущество знатныхъ или воеводъ тамъ опредѣляли количествомъ и числомъ лошадей, говоря: «силенъ, могутъ или богатъ тотъ или иной: онъ можетъ держать столько, или столько-то коней»; узнавъ число лошадей — всякій разумѣлъ число воиновъ; ибо каждый воинъ имѣлъ только по одному коню; а кони земли той были велики и сильны; каждый воинъ сражался безъ щитопоса, носилъ плащъ и щитъ и довольно ловко и бодро выполнялъ свои военныя обязанности. Только князья и воеводы имѣли одного, много двухъ слугъ. Вдова столь знатнаго человѣка съ презрѣніемъ относилась къ христіанству; она говорила, что поклоняется отечественнымъ богамъ и ни за что не уклонится въ новую суету отъ старыхъ преданій отцовъ своихъ. Случилось такъ, что въ одинъ воскресный день, во время жатвы, народъ собирался въ церковь; вдова же не пустила слугъ своихъ и приказала имъ идти на жатву: «глядите, говорила она, какія сокровища и богатства даровали намъ наши боги, ихъ щедротами обильны мы всякимъ добромъ, славою и всѣмъ другимъ; потому — отказывать въ почитаніи имъ — преступленіе не маловажное. Хозяйка сама отправилась со слугами на поле: она хотѣла дать имъ личный примѣръ и разсѣять ихъ ложный страхъ нарушенія христіанскаго праздника; но — такъ разсказывала молва — лишь только рука ея взялась за серпъ, какъ вдова внезапно поражена была неожиданнымъ ударомъ. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась, объясненная въ христіанскомъ смыслѣ, оказала свое дѣйствіе: слуги умершей немедленно пришли въ церковь и просили крещенія, вѣрующіе еще болѣе укрѣпились въ вѣрѣ, остатокъ невѣрующихъ воспягался къ ней (Herb. II, 18—23) ¹⁾.

1) «Cum haec omnia rite peracta essent et non solum de ciuitate uerum etiam de rure populus ad ecclesiam omni die conueniret, et diem dominicum aliasque solempnitates deuote obseruarent, uidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminaensi diues ac nobilis ualde, christiana religione contempta, patrios deos se

Получивъ отъ князя пословъ и проводниковъ, именно знатныхъ гражданъ Домислава съ сыномъ, Оттонъ, въ началѣ августа, отправился по озерамъ и морскимъ заливамъ къ городу Волину. Городъ этотъ былъ великъ и крѣпокъ, а жители его жестоки и варварскаго нрава. Когда проповѣдники уже приближались къ городу, проводники ихъ начали медлить и тихо, съ боязнию, переговариваться между собою. Оттонъ замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ. Они отвѣчали, что боятся за него и его приближенныхъ. «Волиныцы, говорили они, всегда отличались жестокимъ и необузданнымъ нравомъ; лучше будетъ, если тебѣ угодно, переждать на берегу до наступленія ночи; войдя же теперь открыто въ городъ — мы возбудимъ противъ насъ толпу народа». Совѣтъ представлялся благоразумнымъ: по нѣкоторымъ городамъ князь имѣлъ свое особое жилище и дворъ съ строеніями; и былъ такой законъ: кто, преслѣдуемый врагомъ, скроется въ это при-

colere nullaque occasione vanitatis a parentum suorum veteri traditione declinare se velle dicebat. Erat autem multam habens familiam et non parva auctoritatis matrona, strenuus regens domum suam; et, quod in illa terra magnam videbatur, maritus eius, dum viveret, in usum satellitici sui triginta equos cum assessoribus suis habere consueverat. Fortitudo enim et potentia nobilitum et capitaneorum secundum copiam vel numerum estimari solet caballorum. «Fortis inquit et potens est ac dives ille; tot vel tot potest habere caballos; sique audito numero caballorum, numerus militum intelligitur. Nullus enim militum preter unum caballum illic habere consuevit; sunt autem magni et fortes equi terre illius. Et unus quisque militum sine scutifero militat, manticam per se gestans et clipeum, agiliter satis et strenuus sic militie sue officium exequens. Solum autem principes et capitanei uno tantum, vel si multum est duobus clientibus—contenti sunt. Factum est ergo in una die dominica tempore messis, populo undique ad ecclesiam properante, prefata matrona nec ipsa veniebat, nec suos venire permittebat, sed magis turbulenta: «Ite, inquit, metite michi agros meos. Videtisne, quanta bona et quantas divitias nobis dederint dii nostri ipsorumque largitate opibus et gloria omnibusque rebus habundantes sumus. Quare ab eorum cultura discedere, non levis iniuria est. Ite igitur, sicut dixi, ad metendas segetes nostras; et ut minus timetis, parate michi vehiculum; ecce ego vobiscum ipsa in campos messura descendam. Cumque in agrum venisset: «Quod me, inquit, facere videritis, omnes similiter faciatis. Moxque rebrachiatis manibus, succinctaque ueste, falcem dextera corripuit, stantes vero calamos sinistra tenens, secare nisa est». etc. Herb. II, 23. То-же происшествіе передаетъ и Эбоиъ: II, 6; оно здѣсь не только украшено, тѣмъ въ разсказѣ Герборда, но лишено за то и тѣхъ важныхъ бытовыхъ подробностей, которыя находятся въ послѣднемъ.

станеше, тотъ пользуется правомъ неприкосновеннаго убѣжища, остается тамъ невредимъ и безопасенъ. Проникнувъ подъ покровомъ ночи въ княжье мѣсто и будучи въ безопасности, проповѣдники, по мнѣнію проводниковъ, могли болѣе успѣть въ своемъ дѣлѣ, постепенно входя въ сближеніе съ гражданами и сообщая имъ цѣль своего прихода. Совѣтъ былъ принятъ, и ночью миссія перешла въ жилище князя ¹⁾. На утро пришельцевъ увидѣли жители; они приходили и уходили, снова являлись, разглядывали странниковъ, спрашивали—откуда они, зачѣмъ пришли, и другъ другу сообщали о происшедшемъ. Скоро бѣшенство овладѣло толпою: вооруженная топорами, мечами и другимъ оружіемъ, она безъ всякаго уваженія къ мѣсту, ворвалась на княжій дворъ и прямо угрожала проповѣдникамъ смертью, если они немедленно не оставятъ своего убѣжища и самого города. На княжемъ дворѣ стояло очень прочное зданіе, сложенное изъ огромныхъ бревенъ

1) «Acceptis a duce legatis et conductoribus de ipso loco ciuibus, Domizlao, uidelicet et filio eius, uiris honoratis, per lacus refusiones marinas Iulliam uocatum nauigio. Est autem ciuitas hec magna et fortis; hominesque illius loci crudeles erant et barbari. Cum autem propinquassemus ciuitati, conductores nostri herere pauere atque inter se musitare ceperunt. Quod intelligens episcopus: «Quid est, quod ad inuicem confertis?» At illi: «Timemus — inquit, pater, tibi ac tuis: populus iste durus semper et indomitus fuit. Si ergo placet tibi, applicemus et moram in littore usque ad crepusculum noctis faciamus; ne forte ciuitatem manifeste ingrediendo tumultum populi super nos suscitemus». In singulis autem ciuitatibus dux palacium habebat et curtin cum edibus, ad quam si quis confugisset, lex talis erat, ut quolibet hoste persequente, securus ibi consisteret et illesus. Dixerunt ergo: «Si per noctem ad ducis tecta intramus, freti securitate, paulatim ciues conueniendi negotiumque nostrum illis pedetentim insinuando, melius fortasse proficiemus». Placuit consilium; et cum dies abscessisset, tecti umbra noctis, curtin et moenia ducis inuasimus, illis ignorantibus». Herb. II, 24. У Эбона — разсказъ гораздо раньше: «Progressus itaque apostolus Pomeranorum uenit ad urbem magnam Iulla, ubi Odora fluuius preterfluens lacum uaste longitudinis ac latitudinis facit illicque mare influit. Ciues autem loci illius crudeles erant et impij... Mos autem est regionis illius, ut princeps terre in singulis castris propriam sedem et mansionem habeat, in quam quicumque fugerit, tutum ab inimicis aylum possidet. Illic pius Otto ingressus orationibus et lacrimis pro conuersione gentis Pomeranice instabat». Ebo II, 7. У Промисленскаго Горпака: «Mos iste antiquitus a gentibus seruabatur, ut quamdiu quis libere in domo principis habitaret, nisi primum consulto principe, de gravi crimine coargutus, nihil at quoquam molestiae sustineret... II, 5.

и досокъ и называвшесся *смуном* или *миралемъ*; сюда путники спесли съ корабля и скрыли все важное: бумаги епископа, свои пожитки, священныя вещи, деньги и другія драгоценности; сюда, въ страхѣ предъ раздраженнымъ народомъ, скрылся теперь епископъ и прочіе клерики: Сефридъ же, страдавшій сильною лжхорадкою, лежалъ въ другомъ домѣ; услышавъ шумъ и нестоймыя крики, онъ собрался съ силами, сталъ на ноги и съ ворога увидѣлъ дворъ, полный народа, вооруженнаго копьями и другими оружіемъ. Толпа шумѣла и криками вызывала ихъ выйти. Проповѣдники медлили, какъ бы надѣясь, что волненіе утихнетъ, но оно расло и наконецъ перешло въ яростное нападеніе: толпа бросилась на «ступу» и начала рубить и рушить кровлю и стѣны ¹⁾. Странники пришли въ ужасъ, и только епископъ мужественно радовался предстоявшему во Христѣ мученичеству. Когда Павликій и послы увидѣли, что оставаться тамъ становилось болѣе и болѣе опаснымъ, они бросились къ народу, крича и знаками требуя молчанія. Толпа нѣсколько утихла, и послы говорили, что если они не хотятъ уважить княжяго мѣста, пусть, по крайней мѣрѣ, позволяютъ имъ мирно уйти изъ города; за что и откуда такое

---

1) «In crastinum uero... [maligni homines].. insano furore correpti, magno tumultu, securibus et gladiis aliisque telis armati, sine ulla reuerentia in ipsam ducis curtiem irrumpentes, mortem nobis sine ulla retractatione, nisi quantocius de curia et de ipsa ciuitate fegeremus comminabantur». Herb. II, 24. У Эбона: «urbani, audito seruatorum Dei aduentu, sequenti die primo diluculo super eos armata manu irruerunt et fastibus ac lapidibus impetentes expellere nitentur, dicentes: in unum eos ducis mansionem irrepisse, quasi illic pacem habituri essent; cum subuersiores patrie ac legum antiquarum extranei ab hac pacis condicione deorum suorum edicto conserentur.. Ebo: II, 7. «Erat autem in ipsa curti edificium quoddam fortissimum, trabibus et tabulis ingentibus compactum, quod *stapam* uel *pirale* uocant, in quod scrinia et cliteilas et capellam episcopi et pecuniam et queque preciosa de nauis portaueramus; quia et propter impetum furentis populi cum episcopo clerici omnes illuc confugerant. Ego autem eo tempore magna febre tenebar, in alia domo iacens et egrotans; ultra uires tamen, audito strepitu et clamore bachantium, de stratu erectus, ad ostium domus constiti. Et ecce omnia plena hominum, tela et arma portantium. Vociferabantur autem et clamabant, exire nos compellentes. Sed moram nobis facientibus, quasi a furore illi essent cessaturi, magis eorum exarsit insania, factoque impetu *stapam* aggrediuntur et dissipant, tecto primum, dein parietibus disiectis et excisis». Herb. II, 24.

ожесточеніе противъ нихъ? «Мы пришли предать смерти, отвѣчалъ народъ, лжеваго епископа и другихъ христіанъ, которые оскорбляютъ нашихъ боговъ; но ежели вы хотите спасти его — вотъ дорога, идите и уведите его поскорѣе изъ города». Улицы Вольна были болотисты и грязны, по нимъ проходили мосты и, вездѣ положены были доски отъ грязи. Павликій взялъ епископа за руку и повелъ впередъ, скромно убѣждая слѣдовать, какъ можно скорѣе. Такъ, не безъ затрудненія, прошли проповѣдники чрезъ толпу отъ княжяго двора до помоста, но здѣсь одинъ изъ варваровъ, человекъ сильный, метнувъ издали огромнымъ копьемъ, стараясь поразить мимошедшаго епископа въ голову. Оттонъ отклонился, и копье угодило ему въ плечо; когда же варваръ повторилъ свой ударъ, а другой также издали бросилъ въ него копьемъ, епископъ упалъ съ помоста въ грязь на руки проводниковъ своихъ, Павликія и свящ. Гильтана ¹⁾. Мужественный Павликій не оставилъ Оттона: несмотря на грозныя копы, онъ сошелъ съ помоста по колѣни въ грязь и поднялъ поверженнаго епископа, принимая на себя многіе удары. Другіе священники и клерики, защищавшіе своего патрона, также подверглись многимъ ударамъ палками и копьями. Съ великимъ трудомъ пришельцы оправданы и, достигнувъ снова помоста, продолжали свой путь изъ города, горожане оставили ихъ, усмирённые болѣе разумными. Перейдя чрезъ озеро (Дивенское), Оттонъ и его спутники разобрали за собою мостъ, чтобы помѣшать новому нападенію, и отдохнули на полѣ между овнами и житницами ²⁾. За

1) «Platee ciuitatis palustres erant et lutose et pontes extracti et tabule ardique posite propter lutum. At autem per medium turbe nos omnes non imperturbatis passibus extra curtim usque ad pontes deuenimus, ecce quidam de turba uir barbarus et fortis, librata quam gestabat ingenti phalanga, uasto ictu caput ferire nisus est transeuntis episcopi. Sed ille, auertens caput, humero ictum suscepit; eodemque geminante commissum et alio eminens in eum faciente contum, inter manus Paullicii ac Hiltani sacerdotis, ducentium illum, a ponte in lutum proferantur Otto uostera... Herib. II, 24. Эбонъ представляетъ происшествіе иначе: по его словамъ Оттонъ получилъ ударъ отъ человека, который возвращался изъ атеу съ дровами и на пути встрѣтилъ епископа. Ebo. II, 8.

2) «multo discrimine ponte arrepto, rursus ire et abire cepimus extra ciuitatem, illique [i. e. Iulianenses] a prudentioribus sedati, cessauerunt a nobis. Abeam-

озеромъ, которое окружало городъ, проповѣдники оставались цѣ-
 лые семь дней; они все ожидали, что, можетъ быть, горожане оду-
 маются и перемѣнятъ на лучшее свои мысля. Въ продолженіе этого
 времени нѣкоторые изъ нихъ часто ходили въ городъ, а также и
 «лучшіе люди» Волина приходили къ Оттону, взвѣсивъ въ быв-
 шемъ безпокойствѣ и складывая всю вину на глупыхъ и низкихъ
 людей изъ народа. Епископъ бесѣдовалъ съ ними о христіанской
 религіи, напомнилъ имъ имя и могущество князя польскаго, гово-
 рилъ, сколь худо можетъ быть имъ, когда онъ узнаеть объ оскор-
 бленіи, нанесенномъ его миссіонерамъ, указывалъ на обращеніе
 въ христіанство, какъ на средство отклонить грозу. «Лучшіе люди»
 приняли совѣтъ и, возвратясь въ городъ, обстоятельно обсуждали
 дѣло; наконецъ рѣшили: поступить такъ, какъ поступать ште-
 тинцы; вбо огромный и знаменитый городъ Штетина считался
 матерью всѣхъ городовъ поморской земли, и Волину, говорили,
 невѣстно принять новую религію прежде, чѣмъ она будетъ при-
 знана авторитетомъ Штетинны (Herb. II, 24—25) ¹⁾.

*tes ergo trans lacum, disiecto ponte a tergo nostro, ne iterum impetum super nos
 facerent, in campo inter areas et loca horreorum decumbendo respiranimosa...*
 Herb. II, 24.

1) «Mansimus ergo per dies quindecim trans stagnum, quod clugebat civita-
 tem; expectantes, si forte meliori animo fierent. Interea vero et nostri ad illos
 sepe ibant et redibant, similiter autem et eorum primates veniebant ad nos excu-
 sare se, stultis hominibus et vilioribus de plebe culpam illius tumultus imponentes.
 Habuit ergo cum eis verbum de fide christianismi, quasi per ambages hortans eos
 et suadens. Preferebat etiam nomen et potentiam ducis Polonici; et quomodo ad
 illius iniuriam spectet illata nobis contumelia, quidve mali contra eos inde oriri
 queat, nisi forte illorum intercedat conversio insinuaui. At illi consilium se ac-
 cepturos dicebant. Regressive ad suos, omnia hec tractabant; diligenter ac re-
 tractabant; tandemque in unius sententie formam concesserunt, videlicet: super
 hoc verbo se facturos, quicquid facerent Stetineses. Hanc enim civitatem antiquis-
 simam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum matremque civitatum; et
 satis iniustum fore se aliquam nove religionis observantiam admittere, que illius
 auctoritate prius roborata non fuisset». Herb. II, 25. По Эбону Оттонъ оставался
 волина всего 7 дней; проиъ того Эбонъ иначе передать окончаніе перегово-
 ровъ Оттона съ знатными людьми Волина, по его словамъ: «illi [i. e. Illi-
 nenses] pravo sacerdotum suorum consilio seducti, nullatenus sane doctrine pro-
 conem recipere volebant, quin immo de finibus suis cum ignominia eum pertur-
 bantes ad Stetineses ire compulerunt». Ebo: II, 7. Вліаніе жрецовъ на ризненіе

Въ числѣ гражданъ Волина былъ нѣкто Недамиръ, человекъ богатый и значительный; тайный христианинъ — онъ вмѣстѣ съ сыномъ часто посѣждалъ Оттона и оказывалъ ему всякое вниманіе и защиту. Когда епископъ, узнавъ о рѣшеніи волинцевъ, хотѣлъ немедленно отправиться въ Штетину, Недамиръ не только предложилъ къ его услугамъ — три ладьи съ припасами, но и самъ съ сыномъ взялся быть проводникомъ его. Штетина, какъ замѣчено выше, была главнымъ городомъ всѣхъ городовъ поморской земли, въ ней заключалось три высокихъ холма, былъ также и особый княжій дворъ.

Подъ руководствомъ Недамира и его сына проповѣди: кн при- были въ городъ ночью; Оттонъ помѣстился въ жилищѣ князя, а Недамиръ, опасаясь возбудить противъ себя неудовольствіе штетинцевъ, въ тишинѣ отплылъ домой (Ebo: II, 8—9; Herb.: II, 26)¹⁾.

волинцевъ было бы само по себѣ вѣроятно, если бы не принадлежало къ числу личныхъ предположеній биографа, которыми онъ любитъ объяснять всякое противодѣйствіе язычничковъ введенію и распространенію христианства. Приамуренскій биографъ извращаетъ весь ходъ происшествій и прибавляетъ слѣдующее существенное, но сомнительное извѣстіе: *«usque ad id temporis Iulinensibus venerabiliter reservata Iulii Caesaris lancea colebatur, quam ita rubigo consumserat, ut ipsa ferri materies nullis iam usibus esset profutura. Quam tamen episcopus, ut tanto eos errore absolueret, quinquaginta talentis argenti noluit comparare... Paganı uero ut impit et infideles uehementer abauer, lanceam diuinioris esse naturae, nihil ei transitorium uel caducum posse conferri, ac perinde nullo unquam a se pretio extorquendam, in qua praesidium sui, patriae munimentum et insigne uictoriae esse constabat... II, 6.*

1) «Erat Nedamirus diuiciis et potencia inter suos opinatissimus, antea quidem in Saxonıa baptizatus et occulte christianus. Hic omnem pio Ottoni exhibebat humanitatem et defensionem; et abeuntem magna deuotionis reuerentia persecutus, tres naues non modicas uictualium copia oneratas hilariter prebuit ac ducatum ei ad urbem Stetinensem usque in arcem ducis officiose satis exhibuit... Ebo: II, 8. [Urbs Stetinensis] eque principatum omnium Pomeraniae ciuitatum obtinens, tres [въ другомъ санскѣ quatuor] montes suo ambitu inclusos habet... Ebo: II, 9. «Nedamero duce ac filio eius Stetinam nauigauimus; sed illi, Stetinienses offendere ueriti, si nos adduxisse uiderentur, priusquam ab eis uideri possent, nobis ualefacientes, in locum suum reuersi sunt. Nos uero per crepusculum noctis, applicantes ciuitati, egressi naues, curtim ducis intrauimus... Herb. II, 26. Приамуренскій биографъ прибавляетъ о Штетинѣ слѣдующее: [Stetiniensium adiit episcopus ciuitatem] eque a radicibus montis in altum porrecta, trifariam diuisis munitionibus natura et arte firmatis, totius prouinciae metropolis habebatur... II, 7.

Почтру Павликій и послы отиравились къ старшинамъ и объявляи ннъ, что отъ князей прибыль епископъ для проповѣди Евангелія, совѣтовали и побуждали принять его. Старшины отвѣчали отказомъ: они не желали оставлять законы отцовъ своихъ и были довольны религіей, какую имѣли. «У христіанъ, говорили они, есть воровы и разбойники, ннъ отсѣкають ноги, выкалываютъ глаза; всевозможныя преступленія и наказанія совершаетъ христіанинъ надъ христіаниномъ; пусть мнуетъ насъ такая религія¹⁾. На этомъ отвѣтѣ стали и прочіе. Проповѣдники провели тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, но почти ничего не достигли. Озабоченные долгимъ и бесполезнымъ пребываніемъ въ Штетинѣ, послы пришли къ мысли спросить князя польскаго, что велеть онъ: тамъ ли оставаться или идти назадъ, что думатьъ онъ объ упорствѣ Волина и Штетины? Граждане не безъ боязни узнали о намѣреніи пришельцевъ, но все же просили отправить пословъ, говоря, что съ ними пойдуть и ихъ люди: если князь даруетъ имъ прочный миръ и облегченіе дани, если послы утвердятъ это обоюднымъ письменнымъ условіемъ, то они охотно согласятся принять христіанскіе законы²⁾. Послы съ Павликіемъ отиравились. Оттонъ между тѣмъ все заботился о своемъ дѣлѣ: онъ устроилъ дважды въ недѣлю, въ торговые дни, когда народъ сходился сюда изъ всей волости, церковные ходы съ крестомъ по рынку и при этомъ проповѣдывалъ. Сельскій народъ — въ своей простотѣ, привлеченный новизной дѣла, оставлялъ свои занятія и охотно слушалъ епископа, хотя и не рѣшался увѣровать; въ опредѣленные дни онъ сходился на рынокъ болѣе ради этого зрѣлища, а не для

1) «Mane facta, Pauliclus et legati primates adeunt... At illi: «Nichil inquit nobis et vobis. Patrias leges non dimitemus; contenti sumus religione, quam habemus. Apud christianos, alunt, fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, priantur oculis, et omnia genera scelerum et penarum christianus exercet in christianum; abiat a nobis religio talis...» Herb. II, 26.

2) «Quod consilium ubi ciuibus conpertum fuit, timebant quidem; tamen rogabant, ut mitterentur legati, suos cum illis hac ratione profecturos dicentes, ut, si apud ducem [Boleslaum] perpetuae pacis stabilitatem obtinere tributumque albulare, queant, his ibi coram suis et nostris legatis ex scripto firmatis, christianis se legibus sponte inclinarent». Herb. II, 26.

торга. (Herb. II, 26) ¹⁾). Счастливое обстоятельство помогло Оттону. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ Штетина былъ Домиславъ, человекъ высокаго ума, богатый и знатнаго происхожденія, онъ пользовался такимъ почетомъ, что даже самъ князь Поморья Вартиславъ ничего не предпринималъ безъ его совѣта и согласія. Воля Домислава направляла какъ общественныя, такъ и частныя предпріятія, и не только большая часть Штетина была полна его родными и ближними, но и въ окрестныхъ мѣстностяхъ родственныя связи его были столь обширны, что едва-ли кто могъ противиться ему. Оттонъ видѣлъ, что если ему удастся обратиться къ христіанству Домислава и его родственниковъ, — весь народъ послѣдуетъ ихъ примѣру; но человекъ этотъ былъ твердаго характера и сверхъ того — находился въ отлучкѣ (Ево: II, 9). Домиславъ имѣлъ двухъ юныхъ сыновей, которые часто посѣщали епископа и съ любопытствомъ спрашивали о христіанствѣ; Оттонъ замѣтилъ и воспользовался этимъ: своимъ пріятельнымъ обхожденіемъ, своими разказами онъ такъ привлекъ юношей, что они объявили желаніе креститься (Herb. II, 27). Мать ихъ, женщина уважаемая и значительная въ городѣ, узнала объ этомъ тогда, когда они были уже христіанами; она послѣдила къ епископу и вмѣсто горькихъ упрековъ, благославила дѣло его: она была христіанка, въ юности ее разбойнически похитили изъ христіанской страны и, какъ женщину благороднаго происхожденія и красивую, отдали въ жены богатому и знатному язычнику Домиславу. Примѣръ подѣйствовалъ: скоро епископъ крестилъ не только домочадцевъ Домислава, но и родныхъ и сосѣдей, мужей, женщинъ и дѣтей. Своимъ духовнымъ первенцамъ Оттонъ подарилъ богатую одежду, которая велѣлъ тогда же вышить золо-

1) «Abuentibus ergo cum Paulicio nostris et eorum legatis, nos interim bis in ebdomada, in diebus scilicet mercati, per medium fori, podulo ex omni provincia conveniente, sacerdotalibus induti crucem portamus. Plebs autem, que de raro fuit, et simplicitate sua et rerum novitate capta, negociis suis postposita, predicationem libentissime accepit, quamvis credere non auderet... et magis propter verbum quam propter formam rusticole confuebat. Herb. II, 26.

томъ, золотые пояса и красивую обувь (Herb. II, 28) ¹⁾. Это обстоятельство имѣло важныя послѣдствія; дѣти показывали подарки своимъ сверстникамъ, хвалили Оттона и тѣмъ привлекли къ христіанству много другихъ. Недовѣріе гражданъ къ епископу начало исчезать; многіе изъ нихъ, видя, какъ онъ выкупалъ плѣнныхъ, истлѣвавшихъ въ цѣпяхъ и на паляхъ, принимали его даже за видимое божество. Домиславъ скоро узналъ объ обращеніи жены и дѣтей: оскорбленный, б. м., тѣмъ, что все произошло безъ его вѣдома и согласія, онъ даже заболѣлъ и угрожалъ Оттону изгнаніемъ; когда же, возвратившись, увидѣлъ, сколь много сосѣдей и согражданъ обратился къ христіанству, самъ послѣдовалъ за ними (Herb. II, 29; Ево: II, 9) ²⁾: Въ ту пору возвра-

1) «Domizianus quidam, corpore et animo ac diuiciarum copia sed et generis nobilitate inter Stetinenses eminentissimus, tanto ab omnibus honore et reuerentia, colebatur, ut nec ipse dux Pomeranie Wortizlaus sine consilio et assensu eius quicquam agere presumeret; sed ad illius nutum uniuersa tam. publica, quam priuata disponebatur negocia. Nam et pars maxima urbis Stettinensis.. propinquis et affinalibus Domiziali repleta erat; sed et in aliis circumiacentibus regionibus tantam propinquorum turbam habebat, ut non facile quisquam ei resistere posset. Sciens itaque pius Otto... quia si hunc fidei christiano cum propinquis suis subiceret, omnis plebs exemplo eius attraheretur, toto conamine rincocerotam hunc ad arandum in agro Domini loro predicationis alligare contendit. Ebo: II, 9.

«Mater puerorum, nam pater domi aberat, matrona magno honestitatis et potentie in ciuitate illa... (увишша къ епископу и) protestata est, in diebus adolescentie sue de terra christianorum per rapinam ablata fuit et, cum esset ingenua et speciosa gentili homini marito suo, diuiti ac propotenti uiro copulata est. (Episcopus).. eadem (sc. matrona) petente atque eum fiducia iam euangelizante, omnes eius domesticos aqua tinxit regenerationis. Deinde etiam omnes conuincinos et familiaris, uiros ac feminas eum parullis suis, eadem fidei societate paulatim inuoluit. Pueros quoque ipsos... duabus camisis de subtili panno uestiuit; et eandem camisias aurifrigio in ora capicli et satura humerali atque brachiali ornari eis fecit. Duosque cingulos aureos tradens et calciamenta picturata.. in domum matris remisit. Herb. II, 28.

2) «Ipsa [Ottonis] gratuita redemptis captiuorum, in cippi et compedibus pretrefactorum, multos ciues nostros fecerat autumare.... Coniux prefate matrone et pater primitiuorum in uia, domi absens, ubi audiuit, quod uxor et filii totaque domus eius, prolecto paganismo, ritu uiueret christiano, mori uoluit pro dolore. Sed uxor prouida cognatos eius et amicos, qui malagma si consolationis apponerent obuiam direxit egrotos... Itaque reuersus ille, cum non solum domesticos suos uerum et alios uicinos et conuincinos suos ueterem hominam exutos in nouitate uite conspiceret ambulantes, ad conformandum se illis facile inclinatus est: Herb. II, 28.

тылись Павликій съ посланниками, они принесли съ собою письменный договоръ и посланіе Болеслава къ поморскому народу вообще и Штетинцамъ въ особенности. Князь общалъ прочный миръ и долгую дружбу, если они примутъ христіанство, въ противномъ случаѣ грозилъ гибелью, пожаромъ и вѣчною враждою; онъ укорялъ ихъ за недостойное обращеніе съ Оттономъ и говорилъ, что только уступая его и посланниковъ совѣту и просьбамъ, ради скорѣйшаго принятія христіанства, онъ рѣшился слѣдующимъ образомъ облегчить тяжесть служебной повинности и tribута: «всѣ поморская земля должна ежегодно платить польскому князю, кто бы онъ ни былъ, только триста марокъ серебра ходячаго вѣса. Въ случаѣ, если князю предстантъ война, поморяне помогаютъ ему такъ: девять домовладыкъ достаточно снаряжаютъ въ походъ десятого оружіемъ и деньгами и во время его отсутствія вѣрно пекутся о домѣ его. Соблюдая все это и слѣдуя христіанству — заключалъ князь, поморяне будутъ имѣть наше рукобитье на прочный миръ и радость вѣчной жизни, и во всѣхъ обстоятельствахъ защиту поляковъ, какъ друзей и союзниковъ. Собразось вѣче, и предъ народомъ и старшинами прочтено было посланіе Болеслава, всѣ радовались конечно гораздо болѣе — «чѣмъ въ то время, когда были покорены при Наклѣ; оставя всякое противорѣчіе, всѣ рѣшились принять христіанство» (Herb. II, 30).

«Quo [т. е. обращеніе въ христіанство жемъ и дѣтѣм] audito, Dominianus primo quidem graviter indignatus, quod sine voluntate et assensu eius hec acta essent... persecutionis crudellissime auctor factus est; ita ut minis et terroribus ac conciliis Ottonem aggressus, cum ignominia de sinibus illis eliminare temptasset», Ebo, II, 9.

1) «Dum ea gerantur in ciuitate, Paulcius et legati tam illorum, quam nostri a duce Polonie veniunt, pacti mandata et scripta tyranni secundum hec verba reportantes: allelalaus... dux Poloniorum et hostis omnium paganorum, genti Pomeranee et populo Stetinensi, promissae fidei sacramenta seruanti, pacem firmam et longas amicitias; non seruanti uero, cedem et incendia et eternas inimicitias. Si occasiones quererem aduersus uos, iusta esse poterat indignatio mea; quod, quasi fidei uestrae transgressores, uos retrorsum abire conspicio; et quod dominum et patrem meum (Ottonem episcopum... uestro saluti a Deo uero et nostro ministerio destinatum, sicut oportuit, non suscepistis neque hactenus secundum Dei timorem

Въ городѣ Штетинѣ находились четыре зданія, называемыя *контингами*. Одна изъ нихъ, главнѣйшая, была построена съ удивительной отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи по стѣнамъ ея находились рѣзвы выдающіяся изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленные столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышать и живутъ; но что рѣдко встрѣчается — краски наружныхъ изображеній отличались особою прочностью: ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ; таково было искусство живописцевъ! Въ это зданіе, по старому обычаю предковъ, приносились закономъ опредѣленная десятина награбленныхъ богатствъ, оружія враговъ и всякой добычи, пріобрѣтенной въ морскихъ или сухопутныхъ бояхъ; здѣсь сберегались золотыя и серебряныя сосуды и чаши, которые въ праздничные дни выносились какъ будто изъ святилища; и знатные, и сильные люди гадали, пировали и пили изъ нихъ. Въ честь и украшеніе боговъ въ главной контигѣ сохранялись также огромные рога туровъ, украшенные позолотой и драгоцѣнными каменными и пригодные для питья, рога приспособленные къ музыкѣ, клинжалы, ножи и всякая драгоцѣнная утварь, рѣдкая и прекрасная на видъ. Три

Illius doctrinae obedistis... Horum [Оттона и посланниковъ поморскихъ] consilio ac petitioni acquiescere dignum iudicans, servitutis ac tributi pondus, ut iugam Christi eo alacriores suscipiatis, hoc modo releuare decreui: tota terra Pomeranorum duci Polonie, quicumque sit ille, trecentas tantum argenti marcas publici ponderis annis singulis persoluerit. Si bellum ingruerit ei, hoc modo eum iuuabunt: nouem patres familias decimum in expeditionem armis et impensis habunde procurabunt; et eiusdem familie interim domi fideliter providebunt. Ista seruantes et fidei christiane consentientes, nostram pacem porrectione manus et eterne uite gaudium consequimini et in omnibus oportunitatibus nostris presidia semper et auxilia Polonensium tamquam socii et amici experiemini». Igitur habita coactione, ubi coram populo et principibus uerba hec recitata sunt — multo, quam dum apud Naclam armis subacti essent letiores — pacti sacramenta deuote suscipientes, remota omni controuersia, euangelicis traditionibus se submiserunt. Н. в. II, 80. Вопросъ, ииъль-ли Гербордъ подъ руками епископъ съ подлинной грамоты Болеслава, или передалъ ео словъ Сеорнда только ея содержаніе, скорѣе рѣшается въ пользу перваго предположенія: по памяти довольно трудно пересказать такъ, какъ излагается грамота у Герборда. Отдѣльный списокъ грамоты доселѣ не извѣстенъ.

другія контины неѣе уважалась и неѣе были украшены: внутри ихъ кругомъ разставлены были скамьи и столы, потому что тутъ происходили совѣщанія и сходки граждапъ: въ опредѣленные дни и часы они собирались сюда затѣмъ, чтобы пить, играть или разсуждать о своихъ дѣлахъ (Herb. II, 32) ¹⁾.

Немедленно по прочтеніи посланія Болеслава, Оттонъ съ деревлянинаго возвышенія обратился къ народу съ проповѣдью: онъ убѣждалъ поспѣшить пріятіемъ христіанской религіи, отказаться отъ глухихъ и нѣмыхъ истукановъ, разрушить святилища, уничтожить изображенія, нетерпимыя истиннымъ Богомъ. Народъ, однако, все еще страшился боговъ своихъ, обитавшихъ въ храмахъ и идолахъ; необходимъ былъ разительный, убѣждающій примѣръ ихъ безспія, чтобы подвигнуть его къ уничтоженію прежней святили. Видя это, Оттонъ самъ рѣшился положить начало спасительному дѣлу: вооружившись топорами и крючьями, онъ и его приближенные стали разорять контины и храмы. Граждане стояли и ждали, что сдѣлають боги въ свою защиту; не замѣчая

---

1) «Erant autem in ciuitate Stetinensi cōtine quatuor. Sed una ex his, que principalis erat, mirabili culta et artificio constructa fuit, interius et exterius sculpturas habens, de parietibus prominentes: imagines hominum et uoluerum et bestiarum, tam proprio suis habitudinibus expressas, ut spirare putares ac uiuere. Quodque rarum dixerim, colores imaginum extrinsecarum nulla tempestate niuium uel imbrum fuscari uel dilui poterant; id agente industria pictorum. In hanc edem ex prisca patrum consuetudine captas opes et arma hostium, et quicquid ex preda nauali uel etiam terrestri pugna questum erat, sub lege decimationis congeriebant. Crateres etiam aureos uel argenteos, in quibus augurari epulari et potare mobiles solebant ac potentes, in diebus sollempnitatum quasi de sanctuario proferendos, ibi collocauerant. Cornua etiam grandia taurorum agrestium deaurata et gemmis intexta, potibus apta, et cornua castibus apta; mucrones et cultros; multamque suppellectilem preciosam, raram et uisui pulchram, in ornatum et honorem decorum suorum ibi conseruabant... «Tres alie cōtine minus uenerationis habebant, minusque ornate fuerant. Sed illa tantum intus in circuta extracta erant et mense; quia ibi conciliabula et conuencus suos habere soliti erant; nam siue potare siue ludere siue seria sua tractare uellent, in eadem edes certis diebus conueniebant et horis». *Herb.*: II, 32. «In ea siquidem ciuitate domus duae, quas ab eo, quod inclusa decorum simulacra continebant continas dixeris priores, ingenti cura uel arte constructae haud grandi ab inuicem intervallo distabant, in quibus ab stulto paganorum populo deus Triglou colebatur». *Prief.* II, 11.

никакого противодѣйствія, они наконецъ усумнились въ ихъ могущество и бросились разрушать и грабить свои святилища, унося строительный матеріалъ ихъ на домашнее употребленіе. Такъ очень скоро разрушены были всѣ четыре континны (Herb. II, 30—31) ¹⁾. Народъ опредѣлилъ отдать проповѣдникамъ всѣ сокровища, хранившіяся въ главной континѣ, но Оттонъ отстранилъ предложеніе и велѣлъ раздѣлить ихъ между собою. Въ Штетинѣ стоялъ идолъ съ тремя головами на одномъ тѣлѣ и назывался Триглавомъ; уничтоживъ туловище, епископъ взялъ и унесъ съ собою три смежныя головы, какъ бы въ знакъ побѣды; впоследствии онъ переслалъ ихъ въ Римъ, представляя папѣ и всей церкви видимый памятникъ трудовъ своихъ. Былъ также въ Штетинѣ огромный густолиственный дубъ, подъ нимъ протекалъ пріятный источникъ; простой народъ почиталъ дерево священнымъ и оказывалъ ему большое чествованіе; полагая, что здѣсь обитаетъ какое-то божество. Когда епископъ хотѣлъ срубить дубъ, народъ просилъ оставить его, обѣщая впредь не соединять съ этимъ мѣстомъ и деревомъ никакого религіознаго поклоненія, а пользоваться ими ради простого удовольствія. (Herb. II, 32) ²⁾. Въ числѣ важныхъ предметовъ язычества Штетинянъ,

1) «Episcopus, arrepto tempore, pulpitem concedens: «Nunc, ait, ad nostri sermonis officium ventum est.... primo ipsa deceptoribus diis uestris, surdis et mutis scipitibus, et lamundis spiritibus, qui in eis sunt.. quantocius renunciate; fana diruite, simulacra conterite... Sed scio quia nondum satis confiditis; acie, quod timetis demones inhabitatores fanorum et sculpitulum uestrorum; et idcirco non audetis ea comminuire. Sed pace uestra ait, ut ego ipse cum fratribus meis sacerdotibus et clericis simulacra et continas illas aggrediar; et si nos illecos permanere uideritis, nos omnes nobiscum in securi et ascia excisis ianuis et parietibus, delcitate illas et incendite». Herb. II, 30. «Episcopus et sacerdotes armati securibus et sarpia cōtinuas aggrediuntur et fana, comminuantes et excidentes omnia, scandentes tecta et conuellentes. Stabant autem clues aspicientes, quid dii facerent miserimi, utramnam tecta sua defenderent necne. At ubi destructoribus nichil mali euenire uident... facto impetu diruunt et comminuant omnia; ipsamque lignorum materiam later se diripientes ad domos suas in usum foci coquendis panibus et cibus comportabant. Et.. omnes illi contine numero quatuor mira celeritate confracti sunt ac direpti». Herb.: II, 31.

2) «Erat ibi simulacrum triceps, quod in uno corpore tria capita habens Triglaus uocabatur; quod [episcopus] accipiens, ipsa capitella sibi coherentia, corpore

на которые Оттоиъ обратилъ вниманіе, былъ огромный вороной конь, очень тучный и быстрый, онъ считался столь священнымъ, что никто не осмѣливался сѣсть на него; круглый годъ онъ стоялъ безъ всякаго употребленія, смотрѣлъ же за нимъ внимательно одинъ изъ четырехъ храмовыхъ жрецовъ. Когда граждане на-мѣревались отправиться въ походъ противъ врага, или за добычею, то вѣли обычай предузнавать исходъ предпріятія посредствомъ этого коня слѣдующимъ образомъ: полагали девять копій на землю на разстояніи локтя одно отъ другого, затѣмъ, осѣдлавъ и взнуздавъ коня, жрецъ-смотритель его бралъ его подъ уздцы и провождалъ три или четыре раза взадъ и впередъ чрезъ простертыя коня. Если конь свободно проходилъ, не задѣвая ногою копій или не разбрасывая ихъ, то предвѣщалась удача, и народъ шелъ съ увѣренностью на предпріятіе; въ противномъ случаѣ спокойно оставался дома. Оттоиъ, не безъ сильнаго сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ, устранилъ этотъ родъ гаданія, а равно и метаніе деревянныхъ жребіевъ, посредствомъ которыхъ производились предвѣщанія объ удачѣ морскихъ битвъ или грабежа; во отвращеніе соблазна онъ велѣлъ продать вѣщаго коня въ чужую землю, увѣряя при этомъ, что онъ болѣе годится для упряжи, чѣмъ для предвѣщаній. Епископъ убѣждалъ народъ уважать христіанъ, какъ братьевъ, не убивать, не продавать и не мучить ихъ въ плѣну, не тревожить и не грабить границъ ихъ, но дружески относиться къ нимъ; женщинамъ же онъ запрещалъ жестокой обычай умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ, ибо такъ до того времени было въ обычай, если кака я женщина рождала много дѣвочекъ, то, ни по что вѣщая убійство, нѣкоторыхъ

---

complanato, secum inde quasi pro trophæo asportavit et postea Romam pro argu-
tamento conversionis illorum transmisit... Erat preterea ibi quereus ingens et fron-
dosa; fons subter eam amenissimus, quam plebs simplex, numinis alicuius inhabi-
tatione sacram estimans magna ueneratione colebat. Hanc etiam episcopus cum
post destructas continas incidere uellet, rogatus est a populo ne faceret. Promit-
tebant enim, nunquam se ulterius sub nomine religionis nec arborem illam colli-
turos nec locum; sub solius umbre atque amenitatis gratia... saluare illam potius,
quam saluari ab illa se uelles. *Herb.*: 11, 82.

изъ нихъ удавливали за тѣмъ, чтобы удобнѣе присматривать и заботиться о другихъ (Herb. II, 33) 1).

Очистивъ городъ отъ язычества и устранивъ обычаи многоженства, епископъ объяснялъ народу по деревнямъ и площадямъ узлицъ истины и догматы христіанства, и новая религія вездѣ принималась безпрекословно: въ огромномъ городѣ, гдѣ считалось девятьсотъ отцовъ семейства безъ женъ, дѣтей и прочей толпы— не нашлось ни одного, кто, послѣ общаго согласія, воспротивился

---

1) «Habebant (Stetinenses) caballum mire magnitudinis et pinguem, nigri coloris et acrem valde. Iste toto anni tempore uscabat, tanteque fuit sanctitatis, ut nullum dignaretur sensorum habuitque unum de quatuor sacerdotibus templorum custodem diligentissimum. Quando ergo itinere terrestri contra hostes aut predarum ire cogitabant, euentum rei hoc modo per illum solebant prediscere: Haste nouem disponebantur humo, spacio unius cubite ad inuicem disiuncte. Stratto ergo caballo atque frenato, sacerdos, ad quem illius pertinebat custodia, tentum freno per iacentes hastas in transversum ducebat ter atque reducebat. Quodsi pedibus inoffensis hastisque indisturbatis equus transibat, signum habuere prosperitatis et securi pergebant; sin autem, quiescebant. Hoc ergo genus sortium aliasque ligneas calculationes, in quibus annualis pugne uel prede considerabant auguria, quamuis multum retinentibus aliquibus, Dei tandem auxillio positus abrasit; ipsamque profani uaticinii caballum, ne simplicibus esset offensiois laqueus, in aliam terram uendi precepit; asserens hunc magis quadrigis quam prophocis idoneum. Cumque omnes superstitiones et enormitates suas episcopo docente abiecerent, monuit: ut omnes christianos, fratres suos reputantes, nec uenderent nec interficerent neque captiuando torquerent, nec terminos eorum turbarent, nec predas ex eis tollerent; sed fraterno ac socialiter se cum omnibus gereret eademque ab illis mutuo sperarent. Et quod omni immanitate crudelius erat femineos partus onerare, ne ultra fieret, mulieres collaudare monebat. Nam usque ad hec tempora si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius prouiderent, aliquas ex eis ingulabant, pro nichilo ducentes parricidium». *Herbor.* II, 33. Приимренекіи монахъ, еходилъ въ главный съ Гербордонъ, прибавилъ некоторыя дополненія, заслуживающія быть отмѣченными: «Et equum formae praestantis, qui dei Triglei dicebatur, eius alere conueuerunt. Nam et sella eius auro et argento, prout dominum deceret, ornata in altera continarum ab ydolorum pontifice seruabatur qua nimiram equus diuinus instructus loco et tempore constituto procederet, cum ad captanda auguria uario errore delusus gentilis ille populus conueniret. Erat uero auguriorum huiusmodi consuetudo. Hastis pluribus sparsim positis equum Trigleoi per eas transire fecerunt. Qui cum nullam earum de ambulando contigeret, ualens uidebatur augurium, ut equis sedentes pergerent ad praedandum. At si quam earum suo contigisse incessu, interdictam sibi diuinitus equitandi facultatem arbitrautes, ad sortes se illico contulerunt, quatenus ex earum consideratione cognoscerent, utrum nauigando, an potius ambulando praedatum ire deberent». *Prief.* II, 11.

бы истинѣ Евангелія; недоволенъ былъ только жрецъ — блюститель взвѣстнаго священнаго копя, всячески старавшійся противодѣйствовать Оттону; но онъ скорѣ умеръ, и смерть его, къ пользѣ дѣла, объяснили наказаніемъ божьимъ (Herb. II, 34)¹⁾. Обрядъ крещенія горожанъ и приходившаго деревенскаго народа исполнялся установленнымъ порядкомъ; затѣмъ Оттонъ построилъ и освятилъ двѣ церкви, одна (во имя св. Адальберта) стояла среди торговаго мѣста, на холмѣ Триглава; другая (во имя св. Петра) — на площади предъ входомъ въ городъ. Епископъ снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ для служенія и оставилъ одного изъ спутниковъ своихъ — священникомъ (Herb. II, 36; III, 14, 16; Ebo: III, 1)²⁾.

Между тѣмъ Волинцы узнали объ успѣхѣ Оттоновой проповѣди въ Штеттинѣ: они тайно посылали сюда осторожныхъ и разумныхъ развѣдчиковъ, которые наблюдали за дѣйствіями проповѣдниковъ. Не найдя въ нихъ никакого обмана и хитрости и видя общее обращеніе Штеттинянъ въ христіанство, посланные возвратились въ Волинь, передали обо всемъ своимъ согражданамъ и превозносили превосходства новой религіи (Herb. II, 37). Возбужденные этимъ Волинцы отправили къ Оттону почетныхъ пословъ и призывали его къ себѣ, говоря: «мы не смѣли нарушить закона отцовъ и предковъ нашихъ безъ согласія большаго числа людей, которые находятся въ метрополиі нашей Штеттинѣ, но

1) «*Emundata ciuitate ab immunitate scelerum et spurciliarum, abdicata etiam coniugum pluralitate, sunt cathedrae per nicos et capita platearum... In tam ingenti ciuitate, que nongentos patres familias absque paruulis et mulieribus et reliqua multitudine numeratos habebat, non est inuenta persona, que post generalem consensum ab euangellii ueritate se retrahere uideretur; nisi tantum solus ille sacerdos, qui prefati caballi habebat curam.* Herb.: II, 34.

2) «*Curebant [sc. ciues] de ipsa ciuitate et de omni circum pouincia felices anime, ad regales nuptias ingredi festinantes.* Herb.: II, 36. Въ этомъ мѣстѣ Гербордъ говоритъ только о постройкѣ одной церкви: «*extructa basilica dilli, genti artificio in medio foro Stetinaensi...* [Otto] sacerdotem inuestire curauit; но въ описаніи втораго путешествія упоминаетъ и о другой: «*fuit basilica ante introitum ciuitatis [Stetine] in area spaciosa, quam ipse [sc. Otto] in priori perfectione dedicauerat,* III, 14, conf. ib. 16. Эбоиъ III, 1, прямо говоритъ о постройкѣ двухъ церквей. См. ниже стр. 372, па. 1.

послѣ того, какъ твой Богъ покорилъ чрезъ тебя нашихъ старѣйшинъ, мы, оставя всякое противорѣчiе, готовы слушать твои наставленiя и принять ученiя спасенiя» (Ево: II, 11) ¹⁾. Оттонъ и самъ не забылъ прежняго рѣшенiя Волинцевъ: по обращенiи Штетины онъ хотѣлъ немедленно посѣтить къ нимъ; но его просили прежде посѣтить двѣ крѣпости, Градецъ и Любинъ, которыя находились недалеко отъ Штетины и принадлежали къ ея погосту ²⁾. Окрестивъ жителей этихъ крѣпостей, освятивъ алтарь и назначивъ священника, Оттонъ со спутниками спустился Одрою въ море и прибыли по благопрiятному вѣтру къ Вольту. На этотъ разъ Волинцы дружелюбно приняли проповѣдниковъ: не только городъ, но и вся область приняла христіанство, и таково было множество приходившаго народа, мужей, женъ и дѣтей, что въ два мѣсяца неустаннаго труда Оттонъ съ сотрудниками едва успѣли исполнить таинство крещенiя (Herb.: II, 37) ³⁾.

1) «Julinenses... cum audissent Stetinenses fidem recepisse... legatos honorabiles ad reuocandum uirum Dei miserunt... «Nos — inquit, pater honorande, antiquam patrum et malorum nostrorum legem sine consensu primatum, quos in hac Stetinensi nostra metropoli reueremus, lafringere non presumpimus. Sed postquam Deus tuus principos nostros sibi per te subegit, nos quoque, omni remota contradictione, monitis tuis obtemperare et doctrinam salutis excipere parati sumus». Ebo: II, 11.

2) «Episcopus, tenorem pacti, quo ab eis (sc. Julinensibus) recesserat, mente habens, cogitabat quidem statim post conuersionem Stetine ad eos properare; sed rogatus est duo prius inuisero castella, Gradiciam uidelicet et Lubinum; que in confinio posita ad pagum pertinebant Stetinensium». Herb.: II, 37.

3) «Tota ciuitas [Iulia] et prouincia cum populo suo apposita est ad Dominum; tantaque fuit multitudo uirorum et mulierum et utriusque sexus puerorum, ut in spacio duorum mensium, quamuis sine cessatione instarem operi, uix omnes tingere possemus»; Herb. II, 37. Эбоиъ передаетъ даже число крещенныхъ: «Computatus est autem numerus baptizatorum illo tempore uiginti duo milia et centum quinquaginta sex homines... Ebo II, 11. Приолингенскiй монахъ говоритъ, что Волинцы: «continam unam, inter alia sacra deificam illam Iulii Caesaris quam colebant lanceam continentem in manum episcopi tradiderunt. Далѣе слѣдуетъ чудо, которое заслуживаетъ быть приведено, потому что въ основѣ его лежитъ знанiе мѣстныхъ обстоятельствъ: «ubi ea continua sita erat fluius redundans paludem fecerat, et iam undique circumfluentibus aquis, una tantum in parte per eam ponte porrecto sanum illud adiri poterat. Quod ubi in potestatem episcopi, conuersa ad Dominum gentilitate, concessit, ita subito arefactus est locus, ut omnes qui aderant mirarentur... II, 16.

Дѣло не обошлось, однако, безъ противодействія со стороны главныхъ хранителей язычества, жрецовъ: не имѣя силы вести открытую борьбу, они тайно старались возбудить ненависть противъ епископа и погубить его. По разореніи языческихъ святилищъ и уничтоженіи идоловъ, жрецы скрыли золотое изображеніе особенно чтимаго ими Триглава, унесли его изъ области и отдали на храненіе какой-то вдовѣ, проживавшей въ небольшой деревнѣ, гдѣ почти невозможно было открыть его. Вдова берегла и ступала, какъ зѣлицу ока: она, обернувъ покрываломъ, спрятала его въ дуплистомъ шнѣ огромнаго дерева, такъ что нельзя было даже и видѣть его. Въ шнѣ оставалось только небольшое отверстіе, куда впадалась жертва, и въ домъ вдовы приходили для совершенія языческихъ обрядовъ. Оттонъ провѣдалъ объ этомъ и, боясь, чтобы идолъ не привлекъ снова къ язычеству грубаго и неокрѣпшаго въ вѣрѣ народа, обдумывалъ способъ, какимъ можно было бы добыть святилище язычниковъ. Онъ видѣлъ, что прямымъ путемъ этого нельзя достигнуть: жрецы, узнавъ о его намѣреніи, постараются укрыть идола въ болѣе скрытое мѣсто, потому онъ рѣшился тайно отправить ко вдовѣ одного изъ своихъ спутниковъ — Германа, человѣка разумнаго и знавшаго языкъ туземцевъ. Посланникъ долженъ былъ идти переодѣтый въ народную одежду, какъ будто для принесенія жертвы Триглаву. Германъ купилъ себѣ шапку и плащъ, какіе носили туземцы, и не безъ затрудненій и опасностей отыскалъ извѣстную вдову; онъ увѣрилъ ее, что спасся отъ морскаго крушенія помощью призваннаго Триглава и хочетъ теперь принести ему благодарственную жертву. Женщина указала пришлецу зданіе, гдѣ стоялъ пень, въ которомъ скрывался идолъ и научила его, куда должно было вложить жертву. Германъ поспѣшно вошелъ въ зданіе, бросилъ въ отверстіе шнѣ драхму серебра, чтобы по звуку металла могли думать, что онъ приноситъ жертву и быстро вытащилъ назадъ брошенные деньги. Онъ внимательно разсматривалъ предметы, думая какъ бы исполнить данное порученіе: идолъ Триглава такъ тщательно и плотно былъ прикрѣпленъ къ дереву, что не было

возможности не только отдѣлать, но даже и двинуть его; но на стѣнѣ висѣло сѣдо Триглава, очень ветхое и негодное ни къ какому употребленію. Германъ оторвалъ его отъ стѣны и ночью унесъ съ собою къ епископу, какъ доказательство своихъ усилій овладѣть истуканомъ Триглава ¹⁾. Оттонъ отказался отъ даль-

1) «Soli pontifices ydolorum uie Domini resistebant et multas seruo Dei tentantes insidias, occulte eum perimere nitebantur. Sed multitudine plebis cottidie ad fidem conuolante, eum nullus sacrilegia et profanis sacerdotibus ad eum pateret accessus, confusi ... longius extra regionem illam secesserunt ... Cum uero delubra et effigies ydolorum a pio Ottone destruerentur, profani sacerdotes aurem imaginem Trigelawi, qui principaliter ab eis colebatur, furati, extra prouinciam abduxerunt et cuidam uidue, apud uillam modicam degenti, ubi nec spes ulla requirendi esset, ad custodiendum tradiderunt. Que mercede ad hoc conducta, quasi pupillam oculi sui includens profanum illud custodiebat simulacrum; ita ut, trunco ualidissime arboris cauato, illic imaginem Trigelawi pallio obductam includeret et nec uidendi ne dicam tangendi illud cuiquam copia esset. Solummodo foramen modicum, ubi sacrificium inferretur, in trunco pabebat; nec quisquam domum illam nisi profanos sacrificiorum ritus agendi causa intrabat. Quod audiens, inclitissimus Pomeranorum apostolus multifaria intencione satagebat, quoquo modo illac attingere; premetuens, quod et accidit, post abscesum suum rudibus adhuc et aecedum in fide confirmatis plebibus simulacrum illud in ruina futurum. Sed prudenter animaduertens, utpote uir omni sagacitate peditus: quia, si publicam illo profecionem indiceret, sacerdotes, audito eius aduentu, imaginem Trigelawi rursus ad remotiora occultando abducerent, sapienti usus consilio, quendam ex comitibus suis Hermannum nomine, barbaram locutionis sciolum sensuque et ingenio satis acutum, latenter ad uiduam illam destinare curauit. Cui etiam precepit, ut, assumpto habitu barbarico, ad sacrificandum Trigelawo se pergere fingeret. Hermannus itaque, pilleoolum barbaricum et clamidem mercatus, post multa ardue uie pericula uiduam illam tandem conueniens, assererat: se, nuper de procelloso maris gurgite per inuocationem dei sui Trigelawi erutum ideoque debitum ei pro saluatione sua sacrificium litare desiderantem ductu eius illo mirabili ordine per ignotos uie tractus deuenisse. At illa: «Si ab eo, inquit, missus es, ecce edes, in qua deus noster robore cauato inclusus detinetur. Ipsum quidem uidere et tangere non poteris; sed ante truncum procidens, omni foramen modicum, ubi quod uouisti sacrificium inferas, attende. Quod dum imponeris, reuerenter clauso ostio, egredere. Et si ulte tue consultum esse uolueris, caue, ne cuiquam hunc patefacias sermonem». Qui alacer edem illam ingressus, dragmam argenti in foramen iactauit, ut sonita metalli sacrificasse putaretur. Sed concitus, quod iecerat, retraxit; et pro honore contumelliam Trigelawo, id est sputaculum ingens pro sacrificio, obtulit. Deinde curiosus attendens, si forte negocii, pro quo missus erat, exequendi facultas ulla suppeteret, animaduertit imaginem Trigelawi tanta cautella et firmitate trunco impressam, ut nullo pacto eripi aut saltem loco moueri posset... Et circumferens oculos uidit sellam Trigelawi comminus parieti affixam; erat autem nimis

нѣйшихъ попытокъ: онъ опасался, что туземцы объяснятъ его стремленія жаждой золота: потому удовольствовался тѣмъ, что, собравъ знатныхъ и старѣйшихъ, взявъ съ нихъ клятву оставить почитаніе Триглава, сокрушить истуканъ, а все золото употребить на выкупъ плѣнныхъ (Ево: II, 13) ¹⁾. Когда Оттонъ еще былъ въ Волинѣ, возвратились въ городъ многіе изъ Волищевъ, ходившіе по торговымъ дѣламъ за море: они также не оказали противодѣйствія христіанству, и были немедленно крещены. Въ Волинѣ епископъ построилъ двѣ церкви: одна—въ честь св. Адальберта и Вячеслава, особенно уважаемыхъ туземцами, стояла въ самомъ городѣ, на мѣстѣ, гдѣ прежде происходило языческое богослуженіе; другая—въ честь св. Петра за городомъ на обширномъ и пріятномъ полѣ (Ево: II, 15) ²⁾. Такъ — какъ Волинь былъ средоточіемъ Поморья и жители его отличались энергіей и упорствомъ, то князь Вартиславъ и правители земли опредѣлили быть въ немъ главному мѣстопребыванію епископа: они надѣялись, что постоянное присутствіе наставника смягчитъ нравы грубаго народа и удержитъ его отъ возврата къ языческой жизни (Herb. II, 37) ³⁾.

antiquitatis et nullo iam pene usui apta. Statimque exiliens cum gaudio, infaustum manus parieti detrahit et abscondit. Primoque noctis conticinio egressus, omni festinatione dominum suum sociosque reuulsit; cuncta quo egerat replicat, sellam etiam Trigelawi in testimonium fidei sue representat. Ebo II, 13.

1) «Apostolus Pomeranorum, habito cum suis consilio, sibi quidem et suis ab hac requisicione desistendum censuit, ne non tam zelo iusticie quam auri cupiditate hoc agere uideretur. Collectis tamen et adunatis principibus ac natu maioribus, iusiurandum ab eis exegit: ut cultura Trigelawi penitus abdicaretur et, contracta imagine, aurum omne in redemptionem captiuorum erogaretur». Ebo: II, 13.

2) «Plurimi Inlunensium pro negociatione sua trans mare abierant: qui audita ciuium suorum conuersione... et ad metropolim suam reuersi... a presbiteris baptizati, ciuibus suis... adunantur. Apostolus Pomeranorum duas illic ecclesias constituit: unam in ciuitate Iulin sub honore set. Adelberti et Winexlai, qui magne apud barbaros opiniois erant, in loco ubi profani demoniorum ritus agi solebant... alteram extra ciuitatem in campo mire latitudinis et amenitatis in ueneratione apostolorum principis edificauit, illique sedem episcopalem statuuit. Ebo: II, 15.

3) «Quia ciuitas hec in medietate sita est Pomeranie circasque Inlunenses fortes et dure ceruelcis, tam dux Vratizlaus quam principes terre sedem episcopatus illic constituendum fore censuerunt; scilicet ut gens aspera ex iugi doctoris presentis mansuesceret, nec ad pristinos rediret errores. Herb.: II, 37.

Изъ Волина, чрезъ Камину, миссія прибыла въ Клодно. Жители города только-что возвратились съ морскихъ острововъ, куда бѣжали, скрываясь отъ польскаго погрома. Проповѣдники не встрѣтили здѣсь никакого противорѣчія своему дѣлу, они свободно водрузили знамя креста, приводили въ истинную вѣру и поучали народъ. Такъ какъ мѣстность была пріятна и лѣсиста и предлагала обильный матерьялъ для построекъ, то они основали обширную церковь благороднаго стиля въ честь св. креста и слѣшили дагѣе къ богатой, впереди ожидавшей ихъ жатвѣ. Перейдя рѣку (Регу), протекавшую возлѣ Клодны, они нашли на какой-то обширный и пространный городъ, опустошенный мечомъ и огнемъ и лежавшій въ развалинахъ. Повсюду видны были слѣды пожара и кучи наваленныхъ труповъ. Жалкій остатокъ жителей рассказывалъ, что они—слуги тѣхъ, которые были здѣсь убиты или плѣнены польскимъ княземъ, имъ удалось спастись бѣгствомъ отъ гибели, и они возвратились теперь на родное пепелище. Они не успѣли еще порядочно устроиться и жили между развалинами стѣнъ, защитивъ ихъ сверху кровлею изъ вѣтвей и хвороста. Оттонъ предложилъ имъ утѣшеніе и окрестилъ ихъ. Въ то-же время онъ привелъ къ христіанству и многихъ жителей, приходившихъ сюда изъ окрестныхъ селъ (Herb. II, 38; Ebo II, 18) ¹⁾.

1) «*Monentes a Iulina, Clodonam uenimus; nichilque difficultatis aut contradictionis illic inuenientes, sancte crucis tropheum ibi exorimus. Et quia locus uerosus erat et amenus et ligna ad edificandum suppetebant, in honore sancte crucis iugentem ecclesiam de nobili artificio fundauimus.* Herb. II, 38. «*Primum castellum Gamin, exia Dodincensem locum [очевидная описка въ ркн. мн. Clodincensem]... adit; ubi multos Pomeranorum, de insulis maris reuersos, ubi timore Polizial ducis occultati erant, baptizauit.* Ebo II, 18. «*Transito flumine, quod Clodonam preterlabitur, ciuitatem quandam inuenimus, magnam quidem ambitu et spaciosam, sed raras iuoclas. Nam ferro et incendio se uastatam, aduasionum signis et cadauerum aceruis spectantibus indicabat. Ipsi autem incolae tenues, illorum se fuisse clientulos, qui a duce Polonie illic interfecti erant et captiuati, asserabant, et a facie gladii saluatos se fuga presidio. Fecerant autem ex ramis et uirgulis circa ruinas parietum tuguria et umbracula, quibus tegebantur, quousque tecta meliora instaurarent. Nos pater optimus uerbis consolans et stipe releuans, benignissime instruxit et baptizauit. Multi etiam de uiculis circumpositis rusticole*

Отсюда проповѣдники пришли къ Колобрегѣ, лежавшей на берегу моря. Городъ былъ почти пустъ, потому что жители—по обычаю купцовъ — отправились торговать въ море, на острова. Остававшіеся дома говорили, что они не могутъ рѣшиться на что-нибудь новое безъ прочихъ согражданъ и потому нѣкоторое время отказывались принять христіанство, но потомъ уступили настойчивымъ увѣщаніямъ Оттона... Окрестивъ ихъ, основавъ алтарь и жертвенникъ и устроивъ все необходимое для возникавшей церкви, Оттонъ съ сотрудниками перешли въ Бѣлградъ, отстоявшій на одинъ день пути отъ Колобреги. Въ Бѣлградѣ они имѣли тотъ же успѣхъ.

Изъ всего Поморья—миссія оставалось теперь посѣтить еще четыре города: Узедомъ, Волегощъ, Гостыковъ и Дымнъ съ принадлежащими къ нимъ погостами, селами и островами; но на это уже не доставало времени: стояла глубокая зима, да и дѣла бамбергской епархіи требовали немедленнаго возвращенія Оттона (Herb. II, 39; Ebo, II, 18, 16, 17)¹⁾; потому онъ рѣшился въ Бѣлградѣ положить предѣлъ своей дѣятельности и отправиться въ обратный путь по прежней дорогѣ... Онъ снова навѣстилъ мѣста, въ которыхъ трудился, и снова имѣлъ случай въ Клюднѣ, Волынѣ и Штетинѣ приобрести для христіанства многихъ. Это были—торговые люди: во время перваго крещенія они, по своимъ дѣламъ, находились въ чужихъ земляхъ и возвратились до-

---

Illic confluentes fidei percipere sacramenta. Herb. II, 38. «Nec occupatio predicatori veritatis moram redeundi fecit, cumque in Dodinensi loco aliquamdiu detinuit». Ebo, II, 18.

1) «In ad Colobregam pervenimus, que super litus maris sita est. Sed quia ciues illius pene omnes institorum more ad exteras insulas negociandi causa nauigauerant, illi, qui domi reperti sunt, absentibus suis conciuibus nichil se noui aggressuros dicebant; atque sub tali occasione aliquamdiu resisterunt euangelio. Tandem exhortationibus crebris ab episcopo superati sunt... [Otto] diei unius itinere distantem à Colobréga Belgrádam petens, simili operum effectu illic letificatus est... Quod ubi factum erat, visum est ei bonum esse—omissis quatuor que supererat ciuitatibus cum pagis viculis et insulis suis, Vznamia uidelicet Hologosto, Cozgougia et Timina; quia tempus eum reuocabat; hiemps quippe erat — id quod plantauerat, interim irrigare». Herb. II, 39.

мой уже по отходѣ Оттона. Крещеніе ихъ и утверженіе въ вѣрѣ народа, на этомъ разѣ дружественно и радостно встрѣтившаго проповѣдниковъ, нѣсколько задержало Оттона. Видя общее расположение и любовь къ себѣ поморцевъ, онъ даже, если вѣрять Герборду, хотѣлъ навсегда остаться у нихъ, но былъ удержанъ отъ этого своими сотрудниками. Въ началѣ февраля 1125 ивсція вышла изъ предѣловъ Поморья въ Польшу, потрудившись въ немъ тк. обр. около восьми мѣсяцевъ ¹⁾.

Въ Гизидиѣ ихъ встрѣтилъ съ великимъ почетомъ и благодарностью князь Болеславъ и, одаривъ всѣхъ богато, приказалъ проводить до предѣловъ Чехіи. Оттонъ видимо торопился посѣтить въ Бамбергъ къ празднику Пасхи, потому, предоставивъ устройство новой поморской епископш — заботливости и попеченіямъ Болеслава, быстро прошелъ Чехію и 24 марта 1125 былъ встрѣченъ въ Михельфельдѣ своимъ народомъ и церковнымъ причтомъ. Въ Бамбергъ онъ торжественно вступилъ въ самый день свѣтлаго Воскресенья (29 марта); народъ, духовенство и монахи окрестныхъ монастырей приняли его со слезами радости, какъ будто воскресшаго изъ мертвыхъ, и торжественный гимнъ «*Aduenisti desiderabilis*» привѣтствовалъ приходъ новаго апостола Поморской земли (Ево: II, 18; Herb.: II, 42).

Общее впечатлѣніе, вынесенное проповѣдниками изъ долгаго странствія по славянскому Поморью не было мрачнымъ: они видѣли страну, богато одаренную природой и людей, правда — грубыхъ, но отличавшихся и многими добрыми качествами. Собирая

---

1) «*Discretus pontifex apud Belgradam terminum ponens euangelii, omnia loca et ciuitates superius nominatas... denno periustrauit, cogniturus quomodo se haberent sata... Atque... quam plurimos inuenit baptizandos, qui generali baptizmo prius interesse non poterant; eo quod in exteris partibus peregrinati negocia sua exercerent. Quorum perfecto Clódone, Iuline, Statine maxima erat copia... Nullam ciuitatem aut locum plantationis sue relinquere uoluit [sc. Otto], quam non semel aut sepius ante exitum a terra confortationis et consolationis causa reuideret; et tanto amore sue plantationis flagrabat episcopus, quod uoluntatem plenariam apud eos [sc. Pomoranos] remanendi haberet; sed a clericis suis diuulsus est.* Herb. II, 40.

въ одно цѣлое свои воспоминаія, Сефридъ такъ отзывается о Поморьѣ: «страна невѣроятно обильна рыбою, добываемою какъ изъ моря, такъ изъ рѣкъ, озеръ и прудовъ; на одинъ денаръ можно купить цѣлый возъ свѣжихъ, вкусныхъ и жирныхъ сельдей; въ такомъ же изобиліи водится и дичь: олени, дикіе быки и кони, медвѣди, кабаны, свиньи и всякіе другіе звѣри. Здѣсь добывается въ излишестіи масло отъ коровъ, молоко отъ овецъ, жиръ отъ барановъ, и козловъ и медъ; обильно родится пшеница, конопля и макъ и всякаго рода овощи, и еслибы въ странѣ произрастали виноградная лоза, маслина и фиговое дерево, ее можно бы назвать обѣтованною землею по богатству плодоносныхъ деревьевъ. Между жителями господствуетъ такая честность и общительность, что они не знаютъ, что такое кража и обманъ и не запираютъ своихъ ящичковъ и сундуковъ; мы не видѣли тамъ ни замковъ, ни ключей, и сами они удивлялись, когда увидѣли запертými наши вьюки и сундуки. Платье свое, деньги и все дорогое они сохраняютъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его. Чтò особенно вызываетъ удивленіе — ихъ столъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ, но каждый отецъ семейства имѣетъ отдѣльный домъ, опрятный и честный, назначенный только для удовольствія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами: принимаются одни, немедленно ставятся другіе; нѣтъ ни мышей, ни кошекъ, но чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія потребителей; и въ какое время кто ни захотѣлъ бы поѣсть, будутъ ли то чужіе — гости или домочадцы, ихъ вѣдутъ ко столу, гдѣ стоитъ все готово» (Herb.: II, 41) ¹⁾.

---

1) «Piscium illic tam ex mari, quam et aquis et lacubus et stagnis habundantia est incredibilia. Carratamque pro denario recentis acciperes allecia; de cuius sapore vel crassitudine, gulositatis arguerer, si dicerem, quod sentio. Ferinae: cequorum bubalorum et equulorum agrestium, ursorum aprorum porcorum omniumque ferarum copia redundat omnis prouincia. Butirum de armento et lac de ouibus cum adipe agnorum et arietum, cum habundantia mellis et tritici cum canaao et parauere et cuncti generis legumine. Atque ai uitem et oleam et ficam haberet,

Было, однако, много и темныхъ сторонъ въ жизни и нравахъ поморскаго народа. На нѣкоторыя изъ нихъ указываетъ Оттонъ въ оффиціальномъ отчетѣ о своей дѣятельности, представленномъ папѣ Каликсту II. Ознакомившись со страной поморскихъ язычниковъ и нѣкоторыми городами земли лютичей при проповѣди христіанства, епископъ нашелъ необходимымъ воспретить туземцамъ слѣдующее: предавать смерти новорожденныхъ дочерей — какое беззаконіе было сильно между ними распространено, — имѣть многихъ женъ, хоронить мертвыхъ христіанъ между язычниками въ лѣсахъ и на поляхъ, полагать сучья на могилы ихъ и исполнять всякіе языческіе обычаи, строить идольскія капища, прибѣгать къ вѣдуньямъ, производить гаданія (Ево: II, 12) ¹⁾.

terram esse putares repromissionis propter lignorum abundantiam fructiferorum. . . Taata vero est fides et societas inter eos, ut, furtorum et fraudum peccatus inexpertis, cistas aut scrinia sorata non habeant. Nam soram uel clauem ibi non uidimus; sed et ipsi admodum admirati sunt, quod elitellas nostras et scrinia sorata uiderunt. Vestes suas, pecuniam et omnia preciosa sua in cuppis et dolis suis simpliciter cooperitis recondunt, fraudem nullam metuentes utpote inexpertis. Et quod mirum dicta, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferuntur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioei uacantem. Illic mensa cum omnibus, quo bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur, sed illis absumptis alia subrogantur. Non sorox, non sorilegus (? soricilegus) admittitur, sed de mappa mundissima forcula teguntur, comesuros expectantia. Quacunq; igitur hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniant intronissi ad mensam». Herb.: II, 41.

1) «Anno dominice incarnationis millesimo centesimo uicesimo quarto, indictione secunda, Calixto papa secundo Romane sedi presidente, Otto Dei gratia Babenbergensis ecclesie octauus episcopus. . . partes Pomeranorum paganorum cum quibusdam ciuitatibus terre Liuticie aggressus est, ut eos ab errore gentilitatis reuocaret. . . Hoc etiam districta redargutione prohibuit: ne filias suas necarent, nam hoc nefas maxime inter eos uigebat. . . et unus quisque contentus ait una uxore, ac sepeliant mortuos cbristianos inter paganos in siluis aut in campis; ne fustes ad sepulchra eorum ponant; omnem ritum et prauitatem paganam abiciant; domos ydolorum non construunt; phitonissas non adeant, sortilegi non sint». Ebo: II, 12. Что это посланіе дѣйствительно идетъ отъ Оттона — свидѣтельствуеъ Эккегардъ: Mon, Germ. VI, 263, см. у Леоэ: Ebonis—Vita Ottonis, p. 58, in nota. Въ тексѣ этого посланія въ Хроникѣ Эккегарда прибавлены въ концѣ и самыя имена городовъ, посѣщенныхъ Оттономъ: Nomina ciuitatum: Piris, Stetia, Vullis, Gamen, Colbrech, Belgrado, Lubin, Gresch». Pertz, Monum. XII, p. 651. in not.

Вторая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ.

Съ обращеніемъ Волина и Штеттины, двухъ важнѣйшихъ городовъ славянскаго поморья — въ христіанство, язычество, казалось, было подорвано въ самомъ корнѣ; но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Вѣковыя убѣжденія, вѣрованія и привычки народа не могли сразу исчезнуть: они только до поры — времени посто- ронились и скоро потянули несоитовъ на прежнее.

Неизвѣстно, что происходило въ Поморьѣ по уходѣ Оттона, только не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ получилъ извѣстіе, что Волинъ и Штеттина снова возвратились къ обычаямъ язычества.

Разсказывали, что это случилось такимъ образомъ.

Городъ Волинъ, въ которомъ стояла огромная колонна съ воткнутымъ коньемъ, посвященнымъ, будто бы, Юлію Цезарю, имѣлъ обычай праздновать въ началѣ лѣта торжество какого-то божества; на этотъ праздникъ для игръ и плясокъ сходилось мно- жество народа. Когда волинцы обращались въ христіанство, тогда, по приказу Оттона, преданы были огню большіе и малые идолы, стоявшіе на открытомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей тайно унесли и скрыли нѣсколько небольшихъ, украшенныхъ зо- лотомъ и серебромъ изваяній. Пришло время названнаго язы- ческаго праздника, сошелся съ обычнымъ усердіемъ изъ всей области народъ и предавался различнымъ играмъ и пиршеству, когда передъ него вынесли сохраненныя изображенія его преж- нихъ боговъ. Этого было достаточно, чтобы разгоряченный ве- селіемъ народъ снова возвратился къ старому языческому обряду служенія имъ. Но среди игръ и плясокъ по языческому обычаю—

въ городѣ вдругъ произошелъ пожаръ и распространился съ такою быстротою и силою, что жители не только не могли спасти что-либо изъ своего имущества, но и сами едва избѣжали смерти. Когда огонь стихъ, они возвратились въ опустошенный городъ и увидѣли среди пожарища церковь св. Адальберта, которую Оттонъ, за недостаткомъ камня, выстроилъ изъ досокъ; она полузгорѣла, но трапеза, крытая тростникомъ и внизу опоясанная полотномъ — осталась невредима. Народъ принялъ это за чудо и снова, отказавшись отъ идоловъ, обратился въ христіанство ¹⁾. Хотя исходъ дѣла не могъ ни радовать Оттона, но самое происшествіе показывало, какъ еще нетверды въ вѣрѣ были вельмицы.

Доносились вѣсти и о шаткости христіанства въ Штетинѣ. Штетина, огромный городъ, большій, чѣмъ Вольтъ, заключалъ въ себѣ три холма; высшій изъ нихъ находился въ среднѣ и

---

1) «Ottono post primum gentis Pomeranice apostolatam ad sedem propriam feliciter reuerso, due ex nobilissimis ciuitatibus, id est Iulia et Statia . . . ad pristinas ydolatrie sordes rediere, has uidelicet occasione. Iulia, a Iulio Cesare condita et nominata, in qua etiam lancea ipsius columpne mire magnitudinis ob memoriam eius infixata seruabatur, cuiusdam ydoli celebritatem in inicio estatis maximo concursu et tripudio agere solebat. Cumque . . . per pontificem ydola maiora et minora, que in propatulo erant, ignibus conflagrari cepissent, quidam stultorum modicas ydolorum statues, auro et argento decoratas, clam furati penes se absconderant nescientes quale per hoc urbis sue operarentur excidium. Nam ad predictam ydoli celebritatem comprouincialibus solito seruore concurrentibus ludosque et commensationes multiformi apparatu exhibentibus, ipsi dudum absconditas simulacrorum effigies populo inani leticia resolute presentates, eos ad antiquum paganizandum ritum impulerunt. Statimque per hoc diuine correptiones plagam incurrerunt. Siquidem ludis et saltationibus paganico more omni populo occupato, subito ignis Dei cecidit e coelo super apostatricem ciuitatem; tantaque uiolencia tota urbs conflagrari cepit, ut nemo quippiam de rebus suis eripere ualeret sed animas tantum suas saluare cupientes, fuga pernici sentiens incendium uix euaderent. Tandem uero urbe sua ignis atrocitate deleta, reuersi inuenerunt ecclesiam a Adalberti per Ottonem illuc in meditullio propter raritatem lapidum firmo lignorum tabulatu constructam, ex media parte flammarum uaporibus absumptam. Sed mirum in modum sanctuarium, quod uillori scemate id est harundineto contextum fuerat, subter habens pannum lineum oppansum propter uermiculos ab altari arceados, omnino ab ignibus intactum remanserat. Quo ingenti uiso miraculo, tota plebs . . . ablaratis penitus ydolis urbeque sua, prout poterant, reedificata, iugo Christi crucis suas alacri deuotione submiserunt. E b: III, 1.

былъ посвященъ верховному языческому богу Триглаву. Здѣсь стоялъ треглавый идолъ; золотая повязка покрывала очи и уста его. Жрецы утѣряли: верховный богъ имѣеть три головы потому, что властвуетъ надъ тремя царствами: небомъ, землею и преисподней, золотая же повязка покрываетъ лицо его въ знакъ того, что онъ не обращаетъ вниманія на проступки людей, какъ будто не видитъ и молчитъ о нихъ. По обращеніи въ христіанство этого могущественнаго города, идолы были преданы сожженію, на треглавой горѣ построена церковь въ честь св. Адальберта, а другая, во имя св. Петра — за городскою стѣною; жертвы и богатые дары, которые прежде обильно приносились жрецамъ и языческимъ святилищамъ, отошли на церкви. Это, какъ полагали, возбуждало жрецовъ: видя, что прежніе роскошные доходы ихъ со дня на день все болѣе слабѣютъ, они искали случая возобновить ихъ, обративъ народъ въ прежней религіи. Случилось, что въ городѣ появилась большая смертность; народъ прибѣгнувъ къ жрецамъ, спрашивая о причинѣ; жрецы говорили, что это — наказаніе за отпаденіе отъ религіи отцовъ и грозили немедленною смертію, если не умиостивятъ своихъ старыхъ боговъ жертвами и обычными приношеніями. Слово подѣйствовало на суевѣрные, запуганные умы: собралось вѣче, отыскали снова идоловъ, и снова всѣ сообща совершали торжественно языческое служеніе. Возбужденная толпа бросилась затѣмъ на христіанскіе храмы и наполовину разорила ихъ, но, дойдя до алтаря — остановилась и вызывала главнаго жреца довершить разрушеніе. Рассказывали, что при этомъ произошло чудо: жрецъ взявъ стѣкиру и уже готовился разорить святилище, какъ внезапно отступилъ и упалъ пораженный ударомъ. Какъ бы то ни было, народъ не уничтожилъ христіанскихъ святилищъ, но рядомъ съ ними воздвигнулъ языческія капища и двое-вѣрно поклонился и вѣтцкому богу, и прежнимъ богамъ своихъ отцовъ (Ево III., 1) ¹⁾.

1) «Stetin, amplissima ciuitas et maior Iulin, tres montes ambitu suo conclusas habebat. Quorum medius qui et alcior, summo paganorum deo Trigelawo

Въ то-же время въ Штетинѣ случилось происшествіе, неоставшееся безъ вліянія на утвержденіе христіанства. На сѣверо-западъ отъ славянскаго Поморья находится Данія, отдѣленная отъ него моремъ; ширина моря здѣсь такова, что если въ ясный день стать на немъ въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ земель, то онѣ представляются взорамъ въ видѣ легкихъ облачковъ. Въ Штетинѣ жилъ одинъ гражданинъ, по имени Вирчакъ, знаменитый и воинскою славою, и своими богатствами: онъ часто ходилъ за добычею въ Данію, подобно тому, какъ и датчане производили частые

---

dicatus, tricapitum habebat simulacrum, quod aurea cidari oculos et labia contegebat; assistentibus ydolorum sacerdotibus: ideo summum deam tria habere capita, quoniam tria procuraret regna, id est celi terre et inferni; et faciem cidari operire pro eo, quod peccata hominum, quasi non videns et tacens dissimularet. Hae itaque potentissima ciuitate ad ueri Dei agnitionem per beatum presulem adducta, delubra ydolorum flammis erant absumpta, duces ecclesiae, una in monte Triglawi sub honore sancti Adelberti, alia extra ciuitatis menia in ueneratione sancti Petri erant locate. Et ex hoc sacrificia, quae copioso apparatu et diuiciis sacerdotibus fanisque ydolorum exhibebantur, nunc ecclesiae Christi uendicabant. Vnde commoti sacerdotes et prioris pompe delicias cottidie sibi decrescere uidentes occasione querere, ut populum ad ydolatriam questus sui gratia remocarent. Accidit ergo, mortalitatem magnam ciuitati superuenire. Et requisiti a plebe sacerdotes dicebant: aburationis ydolorum causa hoc eos incurrisse; omnesque subito morituros, nisi antiquos deos sacrificiis et muneribus solitis placare studerent. Ad hanc uocem statim commentus forenses aguntur; simulacra requiruntur; et in commune profanus sacrificiorum ritus ac celebritas repetitur; ecclesiae Christi ex media parte destruuntur. Cumque ad sanctuarium plebs furibunda uenisset, non ausa ulterius progredi, summum ydolorum pontificem sic tumultuoso strepitu alloquitur: «Ecce, quod nostrum erat, exsecuti sumus; tuum est istud caput et culmen Teutonici dei pro officio tuo aggredi et profanare». Ille autem, arrepta securi cum alcius dextram librasset, subito dirigit [у Герборда: «Unus illorum, dum malleo cementarii altare percateret, subito languore ac stupore a Domino percussus est. III, 16] et, resupinus, corruens clamore lamentabili dolorem suum protestatus est. Accurrens uulgus causam doloris requirit. At ille grauius ingemiscens «Heu pro dolor — inquit — quante potentie, quante fortitudinis est Teutonicus deus; et quis resistet ei? Ecce ego, quia sacram eius edem contingere presumpsi, quomodo percussus sum?» Illis uero attonitis et quid agerent inquirentibus, pontifex eorum «Edificate, ait, hic domum dei uestri iuxta edem Teutonici dei; et colite eum pariter cum diis uestris, ne forte indignatus interitum huius loco quantocius inferat. Qui precepto eius paruuerunt. Et usque ad reditum pilissimi apostoli sui Ottonis in hoc errore permanserunt. Ebo: III, 1. У Герборда, III, 16, говорится о нестройкѣ языческаго алтаря возрѣ христіанскаго: «[populus] consilium probauit exstructoque nefando altari iuxta dominicum altare, Deo seruierunt et demonibus.

разбойничьи набѣги на Поморье. Въ то время, когда городъ отпалъ въ язычество, сильный Вирчакъ снарядилъ шесть кораблей и пустился новымъ набѣгомъ на Данію; но тамъ его ждала непредвидѣнная засада, и онъ попалъ въ плѣнъ со всѣми товарищами. Датчане предали послѣднихъ жестокой смерти, а предводителя, въ расчетѣ на хорошій выкупъ, заключили въ тяжкіе оковы и бросили въ темницу. Какимъ-то чудомъ Вирчаку удалось избавиться: въ малой ладѣ онъ, по попутному вѣтру, переплылъ море и благополучно возвратился въ родной городъ. Свое чудесное освобожденіе онъ объяснялъ заступничествомъ Оттона, къ богу котораго онъ обращался съ мольбами о спасеніи. Такъ рассказывалъ онъ своимъ согражданамъ, и тѣ, во свидѣтельство происшествія, повѣсили самую ладью на входныя городскія ворота. Хотя рассказъ Вирчака и долженъ былъ расположить жителей къ христіанству, но, подѣ влияніемъ жрецовъ, они остались въ прежнее заблужденіе (Ево, III, 2) ¹⁾.

Вѣсть, что штетинцы внави въ двоевѣріе, что они служатъ истинному Богу и идоламъ, возбудила христіанскую ревность Оттона. Онъ рѣшился снова идти въ Поморье, имѣя намѣреніе по-

---

1) «Siquidem orientalis est regio barbarorum Pomerania, habens ex latere provinciam Danorum, mari interfacente. Tantaque est maris latitudo, utramque dividens regionem, ut, qui in medio navigans serenissima die positus fuerit, uix provincias has ad instar parvissime nubis considerare valeat. Hic [Wirtschachus] ciuis Stettinensis, gloria et diuiciis inter suos opinatissimus, frequenter in provinciam Danorum nauigare et predam ex ea agere solebat; sicut et illi e contra in Pomeraniam crebras incursiones piraticas faciebant. Sed eo tempore, quo ciuitas sua apostasiam incurrerat, idem perpotens uir Wirtschachus copioso sex nauum apparatu Danos sibi infensos petebat et, non preuisas incidens insidias, cum omnibus suis captus est. Sociisque crudeliter strangulatis, ipse solus carceri traditus, collo pectore manibus pedibusque graui catenarum nexu, questus dumtaxat gratia, compeditus. Слѣдуетъ — чудо: Оттонъ яляется во снѣ Вирчаку и тотъ, по пробужденіи, видитъ себя свободнымъ отъ оковъ, идетъ къ морю, находитъ челнъ безъ весла, садится въ него и во вѣтру приплываетъ въ Штетину. «Maximoque ciuium suorum gaudio et admiratione susceptus, omnem lactare et ereptionis sue ordinem eis exposuit. Qui etiam in testimonium miraculi huius nauiculam ipsam in porte urbis introita suspenderunt. Sed malis incitati sacerdotibus, legationem pii doctoris sui spreuerunt, in eodem errore durantes...» Ево: III, 2. Гербордъ—III, 15, не прибавляетъ къ рассказу Эбона—ничего существеннаго.

бывать на этотъ разъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ немогъ посѣтить въ первое путешествіе. Запасшись въ обиліи всѣмъ необходимымъ и выбравъ достойныхъ товарищей, между которыми находился теперь и любимецъ его, свѣщ. Удальрикъ, Оттонъ отправился въ путь за три дня до праздника Пасхи (31 марта, 1127 г.). Не желая, б. м., утруждать своимъ присутствіемъ чешскаго и польскаго князей, или по какой иной причинѣ — Оттонъ слѣдовалъ теперь другою дорогою, чрезъ Саксонію. Въ Галле онъ закупилъ много драгоценныхъ тканей и другихъ вещей, назначенныхъ для подарковъ, и, отправивъ ихъ по рѣчному пути до предѣловъ лютичей (до Гавельберга), самъ направился туда чрезъ Магдебургъ. Гавельбергская епископія такъ была разорена частыми набѣгами язычниковъ, что въ ней едва оставались слабые слѣды христіанства. Въ самый день прихода Оттона въ Гавельбергъ (около 15-го апрѣля) — городъ праздновалъ торжество «какого-то идола Яровита» и былъ отовсюду окруженъ знаменами. Епископъ остановился у воротъ города и, призвавъ правителя Вирикнда, упрекалъ его за поущеніе такого язычества; Вирикндъ оправдывался; онъ говорилъ, что никакъ не можетъ побудить народъ принять ученіе вѣры отъ архіепископа Норберта, который своими жестокими угнетеніями до того вооружилъ всѣхъ, что они скорѣе готовы претерпѣть смерть, чѣмъ иго подобнаго рабства. Вирикндъ упрасивалъ Оттона раскрыть городу его заблужденія, увѣряя, что народъ гораздо охотнѣе послушаетъ его увѣщаній, чѣмъ приказаній своего архіепископа. Оттонъ согласился и съ возвышенія, бывшаго предъ городскими воротами, проповѣдывалъ собранному народу слово спасенія. Жители легко отказались отъ языческаго празднованія, говорили даже, что при другомъ архіепископѣ они скоро и добровольно примутъ и самое крещеніе ¹⁾. Подаривъ Вирикнда деньгами, а его жену — богато

1) «[Havelbergense episcopium]. . . tunc paganorum crebris incursionibus ita destructum erat ut christiani nominis uix tenues in eo reliquie remanserint. Nam ipse die aduentus eius [sc. Ottonis] ciuitas, vexillis undique circumpositis, cuiusdam ydoli Gerouiti nomine celebritatem agebat. Quod uir Domini ut aduertit, cordetenus

украшенною Псалтырю, Оттонъ запасае здѣсь всѣмъ необходимымъ для путешествія, уложилъ пожитки на тридцать подводъ и просилъ Вирикинда дать ему проводниковъ; но тотъ, вопреки прещиему общанію, отказался: путь миссіи лежалъ чрезъ страну непріятелей, и онъ боялся, что стража его попадетъ въ руки враговъ и погибнетъ. Оттонъ съ товарищами отправились одни, безъ проводниковъ¹⁾. Пять дней они шли по обширному лѣсу и вышли къ большому озеру; здѣсь имъ встрѣтился человекъ въ малой лодкѣ, и они приобрѣли отъ него значительное количество рыбы. Къ общему изумленію рыбакъ не принялъ отъ нихъ въ вознагражденіе ни денегъ, ни иныхъ вещей, а согласился взять только нѣкоторое количество соли: онъ рассказывалъ, что уже семь лѣтъ не видѣлъ хлѣба и жилъ одною рыбою и водою изъ озера; бѣдникъ съ женою убѣжали сюда во время польскаго погрома, захвативъ съ собою только тоноръ и большой ножъ (косырь): среди озера они нашли небольшой островокъ, построили хижину и жили въ безопасности; лѣтомъ они заготовляли большой запасъ сушеной рыбы, которою питались во время зимы; потому—соль была для нихъ необходимѣе денегъ. Изъ тѣхъ мѣстахъ обитало племя морачанъ; они слышали о добромъ епископѣ и просили его

---

pro tali errore compunctus, urbis menia ingredi recusavit. Sed ante portam consistens Wirikindum, eiusdem loci dominum accessit et, cur hanc ydolatriam exerceri pateretur obiurgavit. Qui protestatus, plebem archiepiscopo suo Noriperto rebellem, eo quod duriori servitutis iugo eam subiugare temptaret, nullo modo cogi posse fatebatur, ut ad eo doctrine verbum reciperet; sed prius mortis occasum quam servitutis huiusmodi onus subire paratam esse. Idem vero Wirikindus supplicabat episcopo: ut eidem civitati errorem suum pandere non abnueret; dicens monitis eius multo ardentius plebem quam archiepiscopi sui fussionibus obaudire. Qui stans in edito ante portam civitatis, omni populo coadunato, verbum salutis predicabat; et abdicationem huius sacrilege celebritatis facile apud eos obtinuit, protestantibus eis: etiam baptismi gratiam sub alio archiepiscopo se prompta voluntate suscepturos... Ebo: III, 3.

1) «predicator... ibique diuersa itinera necessaria cum triginta plaustris comparavit. Deinde a Wirikindo exquirere cepit, si ducatum sibi per regionem suam, sicut in Merseburgensi oppido coram gloriosissimo rege Lothario ei sponderat, prebere paratus esset. Qui abnuens respondit: eum per terras hostium suorum paulo post transituram, ideoque ducatum ei prebere non posse; ne forte satellites sui ab eisdem hostibus capti et iugulati interirent. Ebo, III, 3.

крестить ихъ; но Оттонъ не могъ исполнить ихъ желанія: онъ находился въ епархіи архіепископа магдебургскаго и считалъ неумѣстнымъ свое вмѣшательство въ дѣла ея; потому онъ совѣтовалъ жителямъ обратиться къ главному наставнику ихъ, Норберту. Туземцы наотрѣзъ отказались послѣдовать совѣту: они жаловались, что Норбертъ угнетаетъ ихъ жестокии рабствомъ и снова изъявляли полную готовность слѣдовать внушеніямъ кроткаго Оттона. Тронутый этимъ, онъ обѣщалъ, съ дозволенія папы и согласія архіепископа магдебургскаго, посѣтить ихъ на возвратномъ пути, по выполненіи своего призванія (Ебо: III, 1—4) ¹⁾.

Путники прибыли въ поморскій городъ Дыминъ во время военной тревоги. Незадолго предъ тѣмъ императоръ Лотаръ, вторгнувшись въ страну лютичей, сжегъ главный городъ съ языческимъ святилищемъ ихъ; лютичи хотѣли теперь вознаградить свою потерю опустошеніемъ Дымина и плѣномъ его гражданъ; послѣдніе защищались мужественно и просили князя Вартислава о помощи. Въ самое время, когда Оттонъ со свитою и пожитками приближался къ Дымину, лучшіе граждане его держали вѣче на погѣ предъ городскими воротами; увидѣвъ, что съ

---

1) «Erat illic nastissima silva. Qua diebus quinque transmissa, venit ad stagnum miro longitudinis; ubi homuncionem parve insidentem nauiculae contemplantas, copiosam ab eo piscium multitudinem comparavit. Sed ipse, mirum dictu, argenteo multo alioque speciebus sibi propositis, nil pretii aliud tantum sal accipere consensit. Dicebat enim: septennio se panem non gustasse, sed piscibus tantum et aqua stagni illius vitam alere inopem. Siquidem, capta a duce Poloniae eadem provincia, ipse cum uxore sua fugiens, securi et ascia sua assumpta, parvam in medio stagni ipsius plasciem invenit; ubi edificata domuncula secure habitabat, tantamque siccatorum piscium multitudinem estivo tempore congregabat, ut tota hieme superhabundaret. Quibus etiam condiciendis non parvam salis quantitatem a bono predicatore coemit. Erat etiam illic barbarorum natio, que Moris uocabatur. Haec, audita beati presulis opinione, ultro se fidei sacramentis ab eo imbui expetebat. Sed ipse... ad Noripertum archipresulem suum eos dirigebat... At illi, Magdeburgensem pontificem se nolle sequi protestantes, quia grauissimo seruitutis iugo eos opprimere aiteretur, ei... ceruicem cordis humiliter submittere et dictis eius per omnia abundire pollicentur. Quorum deuotionem intuens, benigne respondit: se quidem interim ad gentes sibi commissas tendere: sed post earum conuersionem, si in hac uoluntate persisterent, auctoritate et permissu domni pape atque consensu Noriperti archiepiscopi, eos in ipse uisitaturum». Ebo: III, 4.

высотѣ, окружавшихъ городъ, съ шумомъ спускается большой обозъ, народъ пришелъ въ безпокойство: онъ думалъ, что это нападеніе лютичей, и торопился войти въ городъ и приготовиться къ отиору. Не замѣчая, однако, во мнимыхъ врагахъ никакой воинской обстановки, дымницы скоро узнали Оттона, уже извѣстнаго имъ по слуху, и поспѣшили къ нему на встрѣчу (Ево: III, 5). Правитель города былъ извѣстенъ Оттону еще изъ перваго путешествія; онъ дружески принялъ проповѣдниковъ, но не могъ предложить гостепрѣмства, говоря, что ждетъ другихъ гостей (конечно, самого Вартислава), и назначилъ для помѣщенія ихъ мѣсто въ старомъ замкѣ, лежавшемъ внѣ города. Тамъ путники и разбили свои шатры, надеясь отдохнуть отъ трудной дороги (Herb.: III, 1). Оттонъ немедленно призвалъ народныхъ старѣйшинъ и убѣждалъ ихъ принять христіанство (Ево: III, 5) ¹⁾.

Хотя дымницы и ожидали въ ту ночь прибытія князя Вартислава съ поморскимъ войскомъ для защиты ихъ отъ лютичей, но слухъ, что лютичи сами имѣли намѣреніе выступить противъ Вартислава къ Дымину, сильно тревожилъ городъ (Herb.: III, 2.) Войско Вартислава было раздѣлено на двѣ части: пѣхота слѣдо-

---

1) «Veniens ad urbem Timinam, magnam illic belli apparatus hostilemque Luticensem incurSIONem reperit. Nam Luticensea, quorum ciuitas cum fano suo a gloriosissimo rege Lothario zelo iusticie nuper igni erat tradita, urbem Timinam nastare ciuesque eius captiuare nitentur. Sed ipsi, eis uiriliter resistentes, Wortalai ducis auxilium requirebant... Ipsa uero die aduentus presulis eximii ciues Timinenses ante portam conuentus forenses agebant. Sed quia ciuitas in ualle profunda erat, ipse [sc. Ottone] de montibus cum tam copioso-triginta plaustrorum apparatus descendente, plebs omnia, tumultuoso hoc perterrita sonita hostiumque canes super se arbitrata irruere, urbem quantocius ingredi seque ad resistendum preparare molitur. Appropinquante seruo Dei, nichil armorum in circuito eius sed potius uexillum crucis deprehendunt; statimque plium Ottonem, fame apud eos celeberrima uulgatum, agnoscentes, alacri deuotione occurrunt mentaque ciuitatis intrare deposcunt». Ebo: III, 5. «Nos solum tamen urbis prefectum in priori peregrinatione cognitum habentes, ipsam de hospicio conuenimus; sed ille, amice nos suscipiens et alios quoque se hospites habiturum dicens, arcem iuxta ciuitatem in ueteri castello nostre mansioni designauit. In qua fixis tentoriis... Herb. III, 1)... habitabat [Otto]; interimque accessit ad se primates plebis ad fidei christiane et lauacri salutaris gratiam mira predicationis dulcedine prouocabat». Ebo: III, 5.

вала путемъ воднымъ, конница — путемъ сухимъ; послѣдняя, по расчету, должна была прийти къ Дымину ранѣе, чѣмъ пѣхота; но случилось такъ, что сильный вѣтеръ пригналъ ладьи съ пѣшихъ войскомъ быстрѣе обыкновеннаго и до прибытія конницы. Когда та пришла и замѣтила въ темнотѣ ночной стоявшее войско, то, не ожидая встрѣтить своихъ, подумала что это — враги. Произшла довольно продолжительная и шумная стычка. Устрашенные криками и звукомъ оружія, спутники Оттона погасили огни и, полагая, въ чемъ увѣрялъ ихъ переводчикъ Альбинъ, что толпа язычниковъ — лютичей напала на войско князя и истребила его, побуждали другъ друга къ побѣгу. Оттонъ, однако, хотѣлъ узнать вѣрное — и для того отправилъ Альбина на развѣдку; но когда тотъ переплылъ рѣку, то спокойствіе уже водворилось: обѣ стороны узнали другъ друга. Между тѣмъ правитель города съ своей стороны прислалъ къ Оттону вонна съ объясненіемъ происшедшаго. Вартиславъ былъ очень радъ приходу Оттона, но, спѣша поутру выступить съ войскомъ на добычу, не могъ тогда же свидѣться съ нимъ и, чрезъ посланнаго, совѣтовалъ, какъ можно скорѣе перебраться на другую сторону рѣки и здѣсь ожидать его возвращенія. Князь удивлялся, какъ проповѣдники остались невредимы въ эти два дня, среди столь частыхъ воинскихъ движеній враговъ. Около полудня съ той стороны, гдѣ лежала земля лютичей, потянулось облако дыма: то былъ знакъ грабежа, а къ вечеру возвратился и самъ князь съ войскомъ, обремененный большою добычею (Ево III, 5, Herb.: III, 2)¹⁾. Проповѣдники видѣли, какъ

1) «Dux Pomeranie, populaturus Leuticiam, cum exercitu eadem nocte illo nenturus erat. Timinenses autem Leuticios audierant ad pagnam ibi ei occurrentes; unde non modica trepidatio fuit in ciuitate». Herb., III, 2. «Sequenti nocte dux Pomeranie in auxilium Timinensium cum duobus exercitibus, id est nauali et equestri, seperuenit. Et equester exercitus prior occurrere debuerat; sed uentus rapidissimo cursu nauam impellens celerius littori appulit. Equester uero exercitus, postea ueniens sociamque turmam, quam se tarde secuturam sperabat, illic inuadens, suspicatus est, hostilem cuneum se incurrisse, eo quod tetra noctis ingruerit caligo; statimque clamor confusus et tumultus importabilis utrimque exoritur. Vniuersus pili presulis comitatus, nimio terrore perculsus, ad fugam semet inuicem

воины раздѣляли между собою награбленное: одежды, деньги, скотъ и всякое другое имущество. Въ раздѣлъ шли также и плѣнники. Слышались вопли, плачь и безграничное горе: мужъ разлучался съ женою, родители съ дѣтьми, поступаая, въ силу раздѣла, къ разнымъ владѣльцамъ. Это были язычники, но несчастная судьба ихъ тронула сострадательнаго епископа, и онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Довольный и удачей предпріятія, и присутствіемъ Оттона, князь желалъ сдѣлать ему пріятное: онъ подарилъ свободу болѣе юнымъ и слабымъ плѣнникамъ и постарался не разлучать тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ особенно горька была разлука; съ своей стороны — епископъ выкупилъ и отпустилъ на волю многихъ плѣнниковъ-христіанъ. Обмѣнявшись рѣчью и подарками, Вартиславъ и Оттонъ занялись своими дѣлами. Быть можетъ вслѣдствіе переговоровъ съ княземъ, Оттонъ не медилъ долге въ Дымнѣ: онъ приказалъ сложить на ладьи пожитки и отправилъ съ ними по рѣкѣ Пѣнѣ въ Узномъ большую часть своей свиты, самъ же съ немногими слѣдовалъ туда сухимъ путемъ. Благодаря успіямъ священниковъ, оставшихся въ Поморьѣ отъ первой миссіи, христіанство уже успѣло распространиться и въ Узномѣ; Оттону пришлось только довершить дѣло (Herb.: III,

---

cohortatur: affirmante domno Albwino interprete uiri Dei: paganorum Luticencium adesse cateruam et iam cede miserabili ducis exercitum laniare. Doctor uero eximius eundem Albwinum religiosum presbiterum illuc celeriter pro inuestiganda rei ueritate transiit. Qui, flumini concitus se iniiciens, eo quod natandi peritus esset, pacata iam omnia reperit, quia exercitus illi ciues se tandem recognouerant.. Ebo., III, 5. «Nos strepitu ac tinnitu armorum excitati et exterriti, ignem in castris nostris aqua perfudimus, fugam meditantes. Interea, socios se agnoscentes, illi a pugna desierunt. Prefectus uero, misso satellite causam illius tumultus nobis insinuans, ne timeremus rogauit. . Herb. III, 2. «Dux Wortizlana, de aduenta pii pastoris ultra quam credi potest gratulatus, mandat ei: sine mora in ulteriorem sibi ripam occurrere; dicens, diuina esse miraculi, quod biduo ibi inter tam erebras hostium discursiones illesus permansit. Ebo. III, 5. «Facto mane dux, cum exercitu omni ad predam festinans, episcopum uidere non potuit; sed missis nunciis ibidem illum die illa se rogauit expectare. Circa meridiem uero Leuticiam quaqua uersum fumigare aspeximus, signum omnia uastantis exercitus. Ad uesperum autem ecce dux, uoti compos, multa onustus preda, cum suis omnibus letus et incolomis reuegitur. Herb. III, 2.

2)¹⁾ Расположеніе Вартислава къ христіанству ясно обнаружилось еще во время первой миссін; извѣстно также, что самъ онъ былъ христіанинъ, но, живя среди язычниковъ, не могъ слѣдовать правиламъ христіанской жизни. Теперь онъ желалъ прочно утвердить новую религію и съ этою цѣлью — къ 22 мая назначилъ въ Узвоинѣ общій съѣздъ воеводъ, знатныхъ людей и жупановъ земли своей. Когда они съѣхались изъ Дымина и другихъ городовъ и сѣли на вѣче, Вартиславъ держалъ къ нимъ рѣчь о приходѣ епископа; напомнилъ, что и прежде въ ихъ страны приходили многіе проповѣдники слова божья, но наши здѣсь смерть себѣ. Еще недавно былъ распятъ одинъ изъ нихъ, останки котораго собрали и предали честному погребенію капелланы епископа. Князь указывалъ на высокое положеніе Оттона въ имперіи и нравственный подвигъ его самоотверженія; «съ такимъ знаменитымъ посланникомъ папы и императора, говорилъ онъ, нельзя и не должно поступать неуважительно: если вы откажете ему въ повинненіи, или чѣмъ огорчите, то, услышавъ объ этомъ, немедленно явится съ войскомъ императоръ и разоритъ въ конецъ васъ и землю вашу». Вартиславъ предлагалъ общимъ голосомъ обсудить дѣло и съ должнымъ уваженіемъ принять епископа. Знатные люди

---

1) «Nobis insipientibus, diuidebant spolia, vestes pecuniam pecora et aliam diversae generis substantiam. Homines quoque, quos captivauerant, inter se distribuiebant. Ibi uero fletus et gemitus et dolores innumeris, cum ad diversos domos pro ratione diuisionis uir ab uxore et uxor a uiro et filii a parentibus et parentes a filiis discedebant. Et quamuis pagani essent omnes, quos huiusmodi miseria inuoluerat, episcopus tamen. . . condicionem miseratus humanam, lacrimas tenere non potuit. Dux uero et successu rerum et de aduentu episcopi letissimus, uidens, quia hoc eius uoto placuit, teneriores et infermiore quosdam absoluit inuoluit; et quibus separatio dolori erat, manere simul eius interuentu ordinabat. . . Episcopus etiam multos precio absoluit; quos fide imbutos baptismoque nouit regeneratos, liberos abire dimisit. Deinde cum mutuis se colloquiis recreassent et inuicem muneribus honorassent, dux ad sua negocia digressus, nos omnem substantiam nostram Timisae nauibus imponentes, per Pene fluminis undam tribus diebus Vrsolimam uecti sumus; episcopo itinere terrestri cum paucis gradientes. . . Neque ibi difficultas erat in opere; quia ciuitas illa precompluta fuerat imbre doctrine salutaris. Sacerdotes etenim, quos pater beatus operis sui uicarios in gentem illam reliquerat, Vrsolimam ex magna parte conuerterant; reliqua uero pars per episcopum apposita est ad Dominum». Herb. III, 2.

и старѣйшины составили совѣтъ; долго они находились въ нерѣшительности и колебались, смущаемые противорѣчіями жрецовъ; наконецъ, болѣе разумная сторона совѣщанія, наклонная къ христіанству, взяла верхъ, и такимъ образомъ — состоялось рѣшеніе принять новую религію (Ево III, 6)¹⁾. Окрестивъ въ Узноимѣ всѣхъ знатныхъ, Оттонъ отправилъ напередъ въ другіе города, вдвое въ каждый, своихъ священниковъ, которые должны были извѣстить народъ объ обращеніи высшихъ людей и скоромъ прибытіи его самого. Двое изъ такихъ посланниковъ, священникъ Удаляркъ и переводчикъ Альбинъ, пришли въ богатый городъ Волегощъ. Они были съ почетомъ приняты женой правителя города, которая тотчасъ накрыла столъ и предложила имъ обильное угощеніе; священники пришли въ изумленіе, встрѣтивъ такую ласку и гостепрѣимство въ «царствѣ діавола». Когда они удовольствовались пищей, Альбинъ, знавшій послavianски, тайно сообщилъ ей причину прихода ихъ и какъ, вслѣдствіе совѣщанія въ Узноимѣ, всѣ знатные люди отказались отъ идолослуженія и приняли хри-

1) «(Dux Wortizlaus) in festiuitate pentecostes generale principum regni sui colloquium in eodem loco (in ciu. Vznoin) indixit. Vbi conuenientibus Timinensis ciuitatis altarumque arbiu primoribus, sapienter eos ad suscipiendum christiano fidei iugum prouocabat. Ipse enim in puericia sua captiuus erat in Teutonicas regiones abductus, atque in oppido Meraburgensi baptismi gratiam consecutus; sed inter paganos uiuens, ritum christiano legis exequi non poterat. Ideoque gentem, cui preerat, fidei iugo subici ardentem desiderabat». Ebo. III, 6. «in hac ciuitate (Vznoinle) . . . dux terre Wortizlaus, toto corde christianus, instinctu Ottonis baronibus et capitaneis locius prouincie ac prefectis ciuitatum in festo pentecostes conuentum indixit». Herb. III, 3. Conscientibus ergo principibus, dux ita exorsus est. . . слѣдуетъ, конечно — вымышленная рѣчь Вартислава, изъ которой мы находимъ нужными привести только слѣдующее: «antea quidem multi uerbum Dei his partibus annunciantes uenerunt, quos . . . occidit. E quibus etiam unum super cruce fixistis, sed ossa eius capellani . . . episcopi . . . colligentes honorifice tradiderunt sepulture» . . . His auditis, principes et nata maiores, oportuum hinc colloquio locum petentes, diu multumque ancipiti sententia notabundi oberrabant, precipue sacerdotibus ydolorum questus sui gratia contradicentibus. Tandem . . . unanimiter cultum ydolorum abdicarunt et . . . baptismi gratiam flagitare ceperunt». Ebo III, 6. «Concilium hoc non antea solutum est, quam principes ipsi et omnes qui cum eis aduenerant baptismi sacramenta percepissent». Herb. III, 3.

стіанство. Извѣстіе это до того поразило домохозяйку, что она долгое время не могла прийти въ себя. На вопросъ Альбина о причинѣ ея ужаса, она объяснила, что имъ грозитъ неминуемая гибель, такъ-какъ городскія власти и весь народъ постановили предать ихъ немедленной смерти, если они появятся въ Волегощѣ. Добрая женщина скорбѣла, что ея домъ, спокойный и гостепріимно открытый для всѣхъ странниковъ, сдѣлается мѣстомъ убійства: провѣдай о приходѣ Удалярика и Альбина кто-нибудь изъ городскихъ начальниковъ, домъ ея сейчасъ окружатъ и или сожгутъ со всѣми, въ немъ находящимися, или принудятъ ее выдать пришельцевъ. Желая спасти ихъ, хозяйка указала комнату въ верхнемъ отдѣленіи дома, гдѣ до поры — времени они могли скрыться, а слугамъ своимъ велѣла увести ихъ лошадей съ пожитками въ отдаленную свою деревню. Въ городѣ, однако, уже распространился слухъ о прибытіи проповѣдниковъ и о мѣстѣ ихъ нахождения. Скоро привалила на дворъ разъяренная толпа и искала ихъ, чтобы предать смерти. Жена правителя города сознавалась, что дѣйствительно къ ней приходили чужестранцы, но удовольствовавшись пищею, скоро ушли, и она не могла узнать кто — они и куда идутъ. Толпа повѣрила и успокоилась на этомъ отвѣтѣ (Ево: III, 7) ¹⁾. Причиною этой тревоги, по мнѣнію Удалярика,

1) «In eadem ciuitate baptisatis principibus uniuersis, binos et binos e presbiteris sibi adherentibus ad alias urbes ante faciem suam promisit (sc. Otto) ut populo conuersionem principum suorumque aduentum denuntiarent. Quorum duo, id est Ydalricus religiosus presbiter S. Egidii et Albwinus, interpres ulri Dei, opulentissimam ciuitatem Hologost dictam adierunt. Vbi a matre familias uxore scil. prefecti urbis, honorifice suscepti sunt; ita ut pedes eorum summa humilitatis deuotione lauaret statimque, mensa apposita, copiosissimis eos dapibus resceret; mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent. Tandem finita refectioe, dominus Albwinus (Sclauice linque gnarus, Herb., III; 5) matrem familias secretius alloquens, indicauit ei causam aduentus sui, et qualiter ab colloquium Vrnolm habitum cuncti principes, abdicatis ydolatrie sordibus, Christi gratiam induerint. Hec illa audiens adeo expauit, ut, terre procumbens, diu semianimus remanserit. Quam aqua refecillatam dm. Albwinus requirere cepit: cur adeo exhoruisset. . . At illa . . . «pro nece uestra iam iamque imminente contremuit cor meum. Nam magistratus ciuitatis huius cum omni plebe dispositum habet, ut, si uspiam apparueritis, sine retrac-

былъ одинъ жрецъ, который, слыша объ успѣхахъ христіанской проповѣди, поднялся на хитрость: онъ облекся въ плащъ и другія священныя одежды и до разсвѣта, тайно вышелъ изъ города въ ближній лѣсъ; замѣтивъ какого-то шедшаго на рынокъ крестьянина, жрецъ внезапно остановилъ его; тотъ, сильно испуганный необыкновенною встрѣчею, видя священныя бѣлыя облаченія, вообразилъ, что ему явился самъ верховный богъ, и въ ужасѣ нагъ ницъ на землю. Жрецъ говорилъ: «я богъ твой, которому ты поклоняешься; не бойся, но возстань и иди немедленно въ городъ, тамъ повѣдай властямъ и всему народу слово мое: если придутъ ученики того оболстителя, который вмѣстѣ съ княземъ находится теперь въ Узномѣ, да предадутъ ихъ немедленной смерти; иначе — погибель грозитъ городу и всѣмъ жителямъ». Жрецъ скрылся, а крестьянинъ, придя въ себя, поспѣшилъ передать гражданамъ волю мнимаго божества, и они единодушно рѣшили привести ее въ исполненіе¹⁾.

---

tatione occidamini. Et hec domus mea, semper quiescens et pacifica, omnibus peregrinis superuenientibus hospitalis fuit, nunc uero sanguine uestro contaminanda erit. Re uera namque, si aliquis magistratum introitum uestrum huc deprehendit, hac hora domus mea obsidione uallabitur; et ego infelix, nisi uos tradidero, igni cum omnibus uestris concremabor. Ascendite ergo in superiora domus mee ibique latitate (у Герборда: matrona in superiori quodam cenaculo eos abscondit, III, 5). Et ego ministros (Herb. pueros) meos cum exuuiis uestris atque caballis ad remotiores uillas meas dirigam». III . . fecerunt ut docti erant. Post modicum plebs furibunda irrupit (gladiatores et turba populi cum telis et sustibus tecta matrone irrumpunt, Herb. III, 5); omnesque scrutantes, peregrinos, illic ingressos uiolenter ad mortem expetebant. Quibus mater familias: «fateor, ait — domum meam ingressi sunt; et sufficienter refecti uelociter abierunt. Et ego, qui uel unde essent aut quo tenderent, explarare non potui». Ebo: III, 7.

1) «Causa huius inquisitionis et tumultus sacerdos quidam ydolorum fuit Qui, audita noue predicationis opinione, ad callida argumenta conuersus, cuiusdam sani clamide et reliquis indutus exuuiis, urbem clam egreditur uicinamque petens siluam pretereantem quendam rusticum insolito occursum perterruit. Qui, uidens eum uestibus ydoli amictum, suspicatus, deum suum principalem sibi apparuisse, pre stupore exanimis in faciem corruit, eumque talia dicentem audiuit: «Ego sum deus tuus, quem colis. Ne paucas; sed surge quantocius, urbemque ingrediens, legationem meam magistratibus omnique populo insinua; ut, si discipuli seductoris illius, qui cum dace Wortizlao apud Vzaom moratur, illis apparuerint, sine dilatione morti acerbissime tradantur. Alioquin ciuitas cum habitatoribus suis peribit». Quod cum

Удальрикъ и Альбинъ не долго скрывались въ своемъ уѣзжцѣ: на другой же день (по Герборду — на третій, III, 5) пришелъ Оттонъ съ княземъ и воинами и освободилъ ихъ. Уже

rusticus ille summa festinatione ciuibus denunciasset, III, unanimiter adunati mandatum dei sui peragere conabantur. Ebo: III, 8, «Fama facti repente in uniuersam provinciam uulgatur, uillas et uicos in studia diuersa concidens, aliis dicentibus: «quia bene est, aliis autem dicentibus: quia non; sed magis seductio magnates apprehendit. Ipsi uero sacerdotes ydolorum, non minima causa huius concisionis, erant apposit iis, quibus displicebat, quod factum fuerat; sua nimirum lucra cessatum iri non ignorantes, si cultura demonum illic aboleretur. Vnde, modis omnibus rem prepedire moliti, uaria calliditatis sue argumenta uisionibus sompnis prodigiis et uariis terroribus confinxerunt. Quia etiam in Hologosta ciuitate — quo tunc proxime aduenturus nunciabatur episcopus — sacerdos, qui illis ydolo ministrabat, nocturno tempore uicinam siluam ingressus et in loco ediciori secus uiam inter condensa fruticum sacerdotailibus indutus astabat, et mane summo quendam rusticum de rure ad forum gradientem his alloquitur: «Heus tu, inquit, bone homo. At ille respiciens in eam partem, unde uocem audierat, inter uirgulta personam candidis iadutam quamuis dubia luce uidere cepit et timere. Et ille: «Sta, inquit, et accipe, que dico. Ego sum deus tuus; ego sum, qui uestro et grammis campos et frondibus aemora; fructus agrorum et lignorum, fetus pecorum et omnia, quecunque usibus hominum seruiunt, in mea sunt potestate. Hec dare soleo cultoribus meis, et his, qui me contempnunt, auferre. Dic ergo eis, qui sunt in ciuitate Hologosteni, ne uascipiant deum alienum, qui eis professe non possit; mone, ut alterius religionis nuncios, quos ad eos uenturos predico, uisere non patientur». Hec ubi attonito ruricole demon uisibilis edixerat, ad densiora memoris sese contulit inopositor. Rusticus uero, quasi de oraculo stupidus, corruens prorsus adorauit in terra. Deinde abiens in ciuitatem cepit annuciare uisionem. Credidit populus; iterumque atque iterum circumdantes hominem, eadem sepius narrare cogebant, moti nidellcet monstri nouitate. Postremo, acsi nocens omnium, aduenit sacerdos, indignationem primo simulans quasi de mendacio; deinde attentius audire et obtestari cepit hominem, ut, uera tantum narrans, nullo figmento populum sollicitaret. At ille, ut erat rusticane simplicitatis, manus tendere, os uos ad celum leuare, magnisque iuramentis et forti protestatione rem ita se habere asserens, etiam locum ipsius apparitionis se ostensurum pollicetur. Tunc sacerdos, conuersus ad populum, uane suspirans: «En hoc est, inquit, quod toto anno dicebam. Quid nobis cum alieno deo? Quid nobis cum religione christianorum? Iuste mouetur et irascitur deus noster, si post omnia benefacta eius stulti et ingrati ad alium conuertimur. Sed ne iratus occidat nos, illis irascamur; et occidamus eos, qui nos seducere ueniunt». Quod dictum cum placuisset omnibus, firmauerunt decretum: ut, si Otto episcopus uel quisquam de societate eius ciuitatem intraret, sine mora acciderentur. Item firmauerant sibi sermonem nequam, scilicet ut, si nocte uel clam intrantes quisquam tecto reciperet, simili sententie subiaceret». Нерб.: III. 4. Такъ, какъ рассказъ Герборда представляется только распространениемъ простаго повѣствованія Эбона, то мы въ изложеніи и слѣдовали повѣстнику, но, по принятому нами правилу, привели здѣсь только и герб.

вечерѣло, когда нѣкоторые изъ спутниковъ Оттона захотѣли посмотреть находившееся въ городѣ языческое святилище и отправились туда, не принявъ никакихъ предосторожностей. Жители подумали, что они хотятъ зажечь ихъ святилище, на улицѣ собралась вооруженная толпа и грозила пришельцамъ нападеніемъ. Въ виду опасности Удалърикъ счелъ нужнымъ остановить товарищей, и они поспѣшили удалиться; но клерикъ Дитрихъ, который шелъ впереди всѣхъ, слишкомъ поздно замѣтилъ отступленіе своихъ: онъ былъ уже у дверей самаго храма и теперь, внезапно захваченный толпой, не зналъ куда скрыться, въ испугѣ вбѣжалъ въ святилище. Тамъ на стѣнѣ висѣлъ огромной величины щитъ, обтлупуѣтый золотомъ и искуснѣйшей работы; никому изъ смертныхъ не дозволено было прикасаться къ нему въ обыкновенное время, ибо язычники соединяли съ этимъ какое-то религиозное предзнаменованіе; щитъ былъ посвященъ богу войны Яровиту и только въ военное время могъ быть тронутъ съ мѣста. Тогда его несли впереди войска и вѣрили, что чрезъ это останутся побѣдителями въ битвахъ. Дитрихъ увидѣлъ щитъ и, быстро овладѣвъ имъ, выбѣжалъ на встрѣчу разъяренной толпѣ. При видѣ священнаго вооруженія жители, въ деревенской простотѣ своей, вообразили, что это явился самъ Яровитъ, одни въ ужасѣ ударились въ бѣгство, другіе — пази ницъ на землю; Дитрихъ же, миновавъ опасность, бросилъ щитъ и присоединился къ своимъ (Ево: III, 8; Herb.: III, 6)¹⁾.

---

1) «Advesperascente die, quidam ex comitibus dm. episcopi, sanum in eadem urbe situm considerare volentes, minus caute pergebant. Quod cernentes aliqui de civibus, suspicanti sunt, sanum ipsum igne eos tradere velle; et congregati horrissono armorum, strepitu eis occurrere gestiebant (у Герборха: congregantes se in platea, etiam arma portare ac fustes et . . . nobis obuiam stare, III, 6). Tum religiosus presbiter Vdalricus ad socios conuersus ait: «Non sine causa cogregantur isti; sed sciatis, eos re vera interitum nostrum festinare». Quo audito socii, retrogradum iter secuti, fuge presidia petunt. Clericus autem Dietricus nomine, qui iam precedens eos, portis delubri ipsius appropinquauerat (fores delubri tenebat. . . Herb. ib.), nesciens quo diuerteret, audacter sanum ipsum irrupit; et uidens aureum clipeum parieti affixum, Gerouito qui deus milicie eorum fuit consecratum —

Оттонъ оставался въ Волегощѣ цѣлую недѣлю, и усилія его увѣщались успѣхомъ: весь народъ принялъ христіанство. Разрушивъ языческіе храмы, положивъ основаніе церкви, епископъ оставилъ здѣсь одного изъ спутниковъ своихъ, священника Іоанна и поселился въ городъ Гостьковъ. Тамъ находился богато украшенный и отстроенный съ удивительнымъ искусствомъ храмъ; жители употребили на него триста талантовъ и гордились имъ. Соглашаясь принять христіанство, они просили Оттона и даже предлагали ему значительную сумму денегъ, чтобы только онъ не разрушалъ этого украшенія города. Но Оттонъ не согласился сохранить языческую святыню, говоря что она, по его уходѣ, будетъ причиною ихъ отступничества и гибели (Ево: III, 9, Нерб.: III, 7) ¹⁾. Идолы, стоявшіе въ храмѣ, были изваяны съ невѣроятнымъ изяществомъ и отличались столь удивительной величиной, что нѣсколько паръ быковъ едва могли двинуть ихъ съ мѣста. Послѣ того, какъ имъ отрубили руки и ноги, выкололи глаза, вырвали носъ, ихъ вывезли чрезъ мостъ для сожженія:

---

quem contingere apud los illicitum erat — arrepto eodem clipeo, obuiam eis processit. (У Герборда: Erat illic clipeus pendens in pariete mire magnitudinis, operoso artificio, auri laminis obiectus, quem contingere nulli mortalium liceret; eo quod esset illis nescio quid in hoc sacrosanctum ac pagane religionis auspiciis, in tantum ut nunquam nisi belli solummodo tempore a loco suo moueri deberet. Nam, ut postea comperimus, deo suo Gerouito, qui lingua Latina Mars dicitur, erat consecratus, et in omni prelio uictores sese hoc prelio confidebant. Clericus autem. . . clipeum corripuit, et amento collo infecto, leuaque loris inserta, in medium turbe furentis e ianua prosillit. III, 6.) Illi autem, utpote uiri stulte rusticitatis, suspicati, deum suum Gerouitum sibi occurrere; obstupefacti abierunt retrorsum et ceciderunt in terram. Dietricus autem, . . . proiecto clipeo, aufugit. Ebo: III, 8.

1) «Apostolus Pomeranorum. . . aliam urbem Chosegowam expellit, in qua magnis decoris et miri artificii fana erant, que ciues eiusdem loci trecentis extraxerant talentis. Sed et beato patri nostro maximam pecunie quantitatem offerebant, ne ea deleret, sed pro ornatu loci integra et inconvulsa reseruaret. Quod uir Domini penitus abdicauit. . . Ebo: III, 9. «In hac ciuitate (sc. Gorgaugia) mire magnitudinis ac pulchritudinis templum fuit, sed episcopus cum de fide christiane religionis eos per interpretem alloqueretur, illi ad omnia se paratos asserebant, si modo fanum eorum intactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper extractum fuerat; multumque in illo gloriabantur, eo quod uideretur magni tocius ciuitatis esse ornamentum». etc. Нерб. III, 7.

приверженцы язычества стояли при этомъ зрѣлищѣ и сильно вопили, какъ бы желая помочь богамъ своимъ и призывая погубель на голову разрушителей отечества; другіе же, болѣе благо-разумные — говорили, что если бы идолы были дѣйствительно боги, они могли бы защитить сами себя. Въ то самое время, когда Оттонъ разрушалъ въ Гостыковѣ знаменитое своей художественной отдѣлкой языческое святилище, пришли провѣдать его послы маркграфа Адальберта, а также и бамбергскіе вѣстники, которые, согласно прежде данному приказанію, принесли различные предметы житейской потребности (Ево: III, 10) ¹⁾; ибо Оттонъ содержалъ себя и своихъ спутниковъ на собственные средства, во отстраненіе толковъ, что онъ пришелъ въ далекія, богатыя страны ради своей нищеты, съ цѣлью стяжанія, онъ ни чего не требовалъ и ничего не принималъ отъ туземцевъ; когда же близкіе къ нему знатные люди предлагали что-либо добровольно, — нужны были успешныя просьбы, чтобы склонить его на принятіе; но въ такомъ случаѣ онъ съ почетомъ предлагалъ имъ взаменъ что-нибудь драгоценное изъ своихъ запасовъ, отдавая всегда большимъ противъ принятаго (Ево: III, 9) ²⁾. По

1) «Eo tempore quo fana hec mirandi operis in urbe Chozegowa destruebatur (se. Otto), legati honorabiles marchionis Adalberti. . . et nuncii de uillis suis Macheln et Scidingen, iuxta condictum oportuna ei subsidia deferentes, superuenere. Iocundum erat spectaculum, cum simulacra mire magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine celata, que multa bouum paria uix mouere poterant, abscissis manibus et pedibus, effossis oculis ac truncatis naribus, per descensum cuiusdam pontis igni cremanda traherantur; astantibus ydolorum fautoribus et magne ciuitatis, ut diis suis succurrerent ac iniqui patrie subuersoresque per pontem demergerentur, acclamantibus; aliis uero sanioris consilii e contra protestantibus: quia, si dii essent, semet ipsos defendere possent. . . Ebo: III, 10.

2) «Immo propriis se comitesque suos transigebat sumptibus. . . ne forte reputarent (Pomerani) eum causa inopie tam remotas adisse regiones; quasi, in terra sua ingrante rerum uictualium penuria, in hec opulentissima regna secedens, sub pretextu euangelizandi uite sustentacula argumentosa requireret. Quod prudenter animaduertens uir sagacissimi ingenii, numquam ab eis, quibus spiritualia seminabat carnalia metere uolebat; sed nec loco muneris quicquam ab eis percipere consensit. Si uero a primoribus sibi fidelissima familiaritate adherentibus, quicquam uoluntarie offerretur et ut id susciperet, multa precum instantia constringeretur, ipsa, de suis preciosa quelibet eis honorabiliter offerens, maiora dabat, quam accepisset. . . Ebo: III, 9.

разрушеніи святилища и уничтоженіи идоловъ; Оттонъ окрестилъ народъ и залаялъ постройкою церкви. Къ освященію ея прибылъ правитель города, Мицлавъ, который уже былъ крещенъ вмѣстѣ съ прочими знатными людьми во время сейма въ Узномѣ. Оттонъ обратился къ нему съ увѣщаніемъ исправить прежнюю жизнь: нѣтъ ли на его совѣсти какого насилія, нѣтъ ли плѣнниковъ, плѣненныхъ имъ ради денегъ. Последнее оказалось справедливымъ: у Мицлава въ темницахъ содержалось много датскихъ должниковъ — христіанъ, которые, по предстательству Оттона, и были немедленно освобождены; равнымъ образомъ Мицлавъ даровалъ свободу и плѣнникамъ — язычникамъ, хотя за ними считались большія преступленія и невыносимыя обиды.

Во время обряда освященія церкви — не оказалось необходимаго сосуда съ золою; и такъ какъ его нигдѣ не могли достать, то Удальрикъ самъ отправился въ подземелье, гдѣ находилась зола. Тамъ, въ дальнемъ отдѣленіи, заключенъ былъ одинъ узникъ. Услышавъ чей-то приходъ, онъ со стономъ протянулъ руку изъ темницы; взумленный Удальрикъ подошелъ и увидѣлъ юношу, обремененнаго тяжкими оковами на шеѣ, груди и ногахъ. На вопросъ о причинѣ, узникъ разсказалъ, что онъ — сынъ какого-то знаменитаго датчанина и заключенъ въ темницу, какъ заложникъ, потому что отецъ его состоятъ долженъ Мицлаву пятьсотъ марокъ¹⁾. Набравъ зола, Удальрикъ возвратился къ

---

1) «Pius predicator, destructis ydolorum fanis et populo sacre regenerationis lausaco in sinum matris ecclesie congregato, novam Christo edificare cepit basilicam. Ad cuius dedicationem cum loci eiusdem princeps Mislaus nomine venisset, qui dudum cum aliis primoribus ad curiale colloquium in penthecoste Vzanoim habitum baptismatis gratiam perceperat (precipue vero Mislaus; ipsius civitatis principem, quem pridem in penthecoste cum aliis primatibus Vzanoime baptizaverat, ut in eo ceteros erudiret de omnibus his alloquitur. . Herb. III, 9), his cum beatus pontifex verbis per interpretem suum Adalbertum allocutus est: . . . «Hoc est, quod moneo: ut secreta conscientie tue scruteris et, si cui aliquid per violentiam rapuisti, digne restituas; si quos causa pecunie captivasti, pro honore Dei absolvas». Tum ille: «Nomial inquit violentiam exhibui; sed captivos multos penes me habeo grautiter michi obnoxios». Cui uir Domini: «Require ait alicui inter eos sint christiani. Et cum requisisset, inuenit plures ex Danorum regione christia-

епископу и передалъ ему, что видѣлъ и слышалъ. Оттонъ не рѣшился на этотъ разъ лично просить Мицлава и поручилъ это дѣло Удалярку и Адальберту, свосму переводчвку. Не охотно склонился Мицлавъ на убѣжденія ихъ: датчанинъ былъ долженъ ему весьма значительную сумму денегъ, и заключеніе его сына въ подземной темницѣ представлялось дѣйствіемъ справедливости; посягъ долгихъ увѣщаній и просьбъ, наконецъ, онъ уступилъ и велѣлъ своей стражѣ освободить должника (Ево: III, 12)¹⁾. По освященіи церкви Оттону предстояло иное важное дѣло: пронеслась вѣсть, что Болеславъ, князь польскій, съ огромнымъ войскомъ снова вторгнулся въ предѣлы Поморья. Причина этого была слѣдующая: поморяне не выполнили своихъ обязательствъ, они возвратились къ язычеству, возобновили разрушенныя укрѣпленія и крѣпости и, понадѣясь на свои силы, отказались отъ платежа трибута; оскорбленный этимъ Болеславъ рѣшился наказать и снова покорить ихъ своей власти. Когда поморяне узнали, что

---

nos; quos statim beato patri nostro omni debito absolutos obtulit. Ad quos seruus Dei gratulatus: «Qui, ait, cepisti, perfice gratum Domino sacrificium, ut paganos etiam captiuitate depressos. . absolutas». Et ille: «Maltorum, inquit, criminum rei sunt isti et dampna michi non ferenda intulerent. Sed . . . iuxta uerbum tuum — absolutantur. . . . Ex inprouiso cineres defuerunt; . . . tunc religiosus presbiter Vodalricus . . . ad subterraneum quoddam habitaculum pro cineribus colligendis uelocius abiit. Cuius introitu audito, captiuus illic (in abditiori parte — Herb. III, 9) latrans uocem cum gemitu emisit et manum de cauea protraxit. Obstupefactus Vdalricus accessit uidere, quidnam hoc esset; uiditque iuuenem miserabiliter collo pectore ac pedibus ferro inclusum. Et accessito interprete, hec ab eo audiuit: . . . «Ego sum filius nobilissimi Danorum principis (cuiusquam potentis de Dacia — Herb. III, 9); et dux Mizlaus pro quingentis marcis, a patre meo sibi dandis, hic me inclusum retinet». (Iste in cauea subterranea uinctus cippo et cathenis tenebatur, eo quod pater eius, quingentarum librarum debitor, hunc nadem possisset, Herb. ibid). Ebo: III, 12.

1) «Illi auditis (т. е. слова Удалярка), obstupefactus princeps: «Hic, ait, captiuus singulariter michi pre omnibus aliis obnoxius est; ideo que suppliciter peto, ne causa manifestetur; sed magis in subterraneo habitaculo, ut dignus est, reseruetur. . . . «Quid fiet de quingentis argenti talentis, a patre ipsius pro incomparabili dampno michi illato exsoluendis?» Tunc demum Mizlaus princeps. . . missis militibus suis, de ergastulo tenebroso eum produxit et sic cathenis undique astrictum manibus suis altari consecrando superponens, holocaustum obtulit Domino». Ebo: III, 12.

войско князя находится вблизи, они пришли въ ужасъ: одни бѣжали и сносили свое имущество въ укрѣпленные мѣста, другіе вооружались и имѣли намѣреніе защищать свои предѣлы (Herb.: III, 10) ¹⁾. Знатные люди и старѣйшины единодушно обратились къ Оттону и просили его о совѣтѣ и защитѣ. Онъ успокоилъ ихъ, обѣщая лично отправиться къ Болеславу и удержать его отъ войны. Оставивъ всѣ свои вещи и свещ. Удальника въ Узноимѣ, Оттонъ скоро собрался и, вмѣстѣ съ спутниками и лучшими людьми земли, выступилъ въ путь. Присутствіе послѣднихъ было необходимо, потому что они хорошо знали положеніе дѣлъ и могли отвѣчать на обвиненія князя (Ево: III, 18; Herb. III, 10) ²⁾. Болеславъ встрѣтилъ Оттона съ отличными почтеніемъ и оказывалъ ему полное расположеніе, но, узнавъ о причинѣ прихода его, очень изумился. «Это племя, говорилъ онъ, съ такою страшною свирѣпостью опустошало набѣгами мою землю и народъ, что даже не щадяло моголъ усопшихъ праотцевъ, вырывая и разметывая кости ихъ по полямъ». Болеславъ удивлялся, какъ остались въ

1) «Boleslaus dux Polonorum inuictissimus, in multa fortitudine et copioso militum apparatu de terra sua ueniens, iam in ipsis terminis Pomeraniae castra metatus ferebatur, in furore graui terram ipsam ingressurus. Audierat enim: quod post priorem Ottonis predicationem nec pacti secum federis nec susceptae religionis iura seruare curarent. Insuper compertum habebat: quod ciuitates, quae pridem conuersae fuerant, cum his quae conuersae nondum fuerant, remissi tributum ueniam aspersioni suiue mediatoris obliti, uiribus suis se deinceps tutos fore confiderant; munitionibus et castris, quae bellica ut complanata fuerant, ex magna parte hoc intervallo reparatis. Unde quasi iustam commotionem habens, dux iterum eos conterere ueniebat suaeque ditioni subiugare. Quod illi audientes, missisque sepius atque remissis exploratoribus, exercitum iam in proximo cognoscentes, multum ubique trepidare ceperunt; partimque fugere ac res suas ad loca munita deferre, partim etiam arma contra mouere finesque suos defendere meditabantur». Herb: III, 10.

2) «Primates natuque maiores, unanimiter ad apostolum suum confugientes eius magnopere flagitabant consilium. . . Quibus auditis, nolite, ait, timere. . . Ego cum comitibus meis ducem Polonorum ad eam eumque ab intentione bellandi, Deo auxiliante, auertam», Ebo: III, 18. Assumptis igitur clericis, (Vdalricum uice sua ad confirmandam neophitam plebem Vznoim reliquit. Ebo: ib.) sarcinas quidem et omnem suppellectilem suam ibi relinquens, obuiam se parat exercitui; iunctis sibi uiris honorabilibus de terra, qui a duce obiectis responderere et omnibus controuersis decidendis hinc inde exortis possent sufficere». Herb.: III, 10.

живыхъ проповѣдники, когда еще недавно одинъ такой былъ распятъ поморянами на крестовой палѣ. Оттонъ говорилъ, что поморяне приняли теперь христіанство, и онъ пришелъ именно за тѣмъ, чтобы отвратить отъ нихъ грозу войны; иначе, возмущенные при самомъ началѣ христіанской жизни, они могутъ уклониться отъ прямого пути. Болеславу нелегко было отказаться отъ давно задуманнаго предпріятія: онъ опасался вызвать общее презрѣніе своего народа, если не возместитъ должнымъ возмездіемъ столь виновному обидчику, поморскому князю. Желая, однако, уважить Оттона, онъ соглашался прекратить войну, если Вартиславъ самъ въ смиреніи придетъ къ нему и станетъ просить о милости. Немедленно посланы были за княземъ Вартиславомъ и Удаальрикомъ почетные послы, причемъ напередъ обезпечена была безопасность прочнаго мира. По трехдневномъ пути Вартиславъ и Удаальрикъ прибыли въ Польшу и вступили въ переговоры о дѣлѣ; два дня совѣщанія не приводили къ желанному соглашенію и только на третій, при посредничествѣ Оттона, состоялась условія мира и союза, которыя и скрѣплены были въ присутствіи правителей и знатныхъ людей взаимнымъ поцѣлуемъ польскаго и поморскаго князей. Затѣмъ, во свидѣтельство своей преданности Вартиславъ принесъ на алтарь Адальберта большую сумму денегъ и за тѣмъ отправился вмѣстѣ съ Оттономъ и свитою обратно въ Узинюмъ. Епископъ ревностно продолжалъ свое дѣло, но прежнему посылая служителей слова божья для проповѣди по окрестнымъ городамъ (Ево: III, 13)¹). Неподалеку отъ

---

1) «Aggitis causis itineris (dux Poloniorum) admodum obstupuit; dicens: gentem illam belvine ferocitatis immanitate terram populumque suum devastasse, adeo ut etiam parentes suos e sepulchris protraheret et collisis capitibus dentes excuteret ossaque eorum per publicum aggerem disperderet; mirumque esse quod ipse ulius discerptus non fuisset ab eis, cum omnes anteriori tempore Christum illie annunciantes mortis sententiam incurriasset sed et unus eorum crucis patibulo super affixus occubuisse. At ille. . . gratia christi gentem illam aiebat inittatam; seque ad hoc venisse, ut incursionem bellorum ab ea amoveret, ne novus grex inter ipsa fidel primordia turbatus a recto tramite exorbitaret. Dux autem Polizlaus respondit: non ex facili sibi constare, ut expeditionem illam, tanto tem-

Узномъ, за озеромъ жило племя Украинъ, отличавшееся особенною дикостью и свирѣтностью нравовъ; услышавъ объ успѣхѣ проповѣди Оттона, они неоднократно присылали къ нему, объявляя, что если онъ придетъ въ ихъ землю, то немедленно со всѣми своими будетъ преданъ жестокой смерти¹⁾. Потому, хотя епископъ и имѣлъ сильное желаніе идти въ ту землю, но приближенные люди всегда удерживали его; наконецъ, на этотъ подвигъ вызвался Удальрикъ, и Оттонъ далъ ему дозволеніе и назначилъ спутниковъ. Несмотря на всѣ отговоры и представленія переводчика Адальберта, Удальрикъ оставался твердъ въ своемъ намѣреніи и однимъ днемъ отправился въ путь вмѣстѣ съ путниками и какимъ-то переводчикомъ полякомъ. Погода сначала была благопріятна, но когда они отѣхали отъ берега на значительное разстояніе, поднялась буря и обратно приблила волной ладью ихъ къ прежней пристани. Буря продолжалась дѣлью семь дней и помѣшала Удальрику привести въ исполненіе его намѣреніе (Ebo:

---

pore propositam, intermitteret; sed pro nichilo se deinceps ab omni populo suo habendum, si Pomeranorum ducem tam grauiter sibi obnoxium debito tallone non repereretur. . . . «Si, inquit, humiliatus Pomeranorum dux per semet ipsum michi occurrere et ueniam deprecari noluerit, faciam secundum uerbum tuum». . . . Mox ergo legati honorabiles Wortizlaum ducem et Vdalricum capellanum accersientes, diriguntur, data eis prius firmissime pacis desiderata securitate. Qui trium dierum itinere confecto, Poloniam uenerunt et, honorifice cum suo comitatu suscepti, causam pro qua uenerant tractare ceperunt. Sed per duos dies interminatam reliquerunt; tertia tandem die, pio Ottone mediante, reconciliati pacis oscula libant et, abdicata bellandi intentione, sedus intemerate dilectionis ambo duces coram primatum et nobilium frequentia pepigerunt. Ipse quoque dux Pomeranorum in testimonium deuotionis sue magnam pecunie quantitatem super altari beati Adalberti martiris. . . obtulit. . . itinero quo uenerat cum pio Ottone uaiuersoque comitata Vsnom reuersus est. . . piusque predicator ad circumpositas ciuitates uerbi ministros, sicut et antea, peruigili sollicitudine dirigebat. Ebo: III, 13.

1) «Erant autem trans mare barbari crudelitate et seculcia singulares, qui Ycrani dicebatur. Hi, audita beati presulis opinione, crebris ei legationibus mandauerant: quod, si umquam terras eorum intrare presumeret, sine mora cum omnibus suis morti acerbissime se tradendum secreto. Ebo: III, 14. Гербордъ III, 11, 12, въ описаніи неудачной поѣздки Удальрика къ Украинамъ не прибавляетъ ничего новаго къ извѣстію Эбона, кромѣ страннаго утвержденія, что страна Украинъ лежала на островѣ.

III, 14): Оттонъ желалъ теперь идти въ Штетину, жители которой, какъ было извѣстно, снова отпали въ язычество; близкіе люди старались отговорить его отъ опаснаго путешествія въ городъ, гдѣ возбужденный жрецами народъ готовилъ ему гибель; но Оттонъ не поколебался: не находя должнаго соревнованія въ своихъ сотрудникахъ, онъ рѣшился самъ исполнить задуманное и тайно ото всѣхъ, собравъ необходимыя пожитки, вышелъ въ путь; онъ прошелъ уже значительное пространство и готовился отплыть далѣе на кораблѣ, какъ былъ настигнутъ спутниками, которые замѣтили его отсутствіе и отправились отыскивать его¹⁾.

Они твердо рѣшились не оставлять его, но убѣдили пока возвратиться и повременить до слѣдующаго дня, когда путешествіе должно было совершиться сообща (Ево: III, 15; Негр.: III, 13) 2).

На другой день Оттонъ съ своими сотрудниками отправился на кораблѣ въ Штетину. Штетинцы раздѣлялись на двѣ стороны: одни оставались вѣрны христіанству, другіе по большей части возвратились къ язычеству. Когда Оттонъ приближался къ городу, его скоро замѣтили и узнали: вѣстовщики кричали гражданамъ, что прибылъ обманщикъ, что слѣдуетъ встрѣтить его оружіемъ и отмстить за обиду боговъ своихъ. Переводчикъ передалъ объ этомъ Оттону, и тотъ облекся въ священныя одежды съ зна-

---

1) «Apostolus Pomeranorum. . . ad Stetinenses, qui a fide apostataerant, iter suum direxit; licet multi fideles Christi et familiares sui cum ab hoc proposito renouarent. Nam pontifices ydolorum plebem apostatam in necem eius unanimiter concitauerant. Sed ipse, nullum suorum hoc opus aggredi presumere cernens, quodam die, secreto collectis pontificalibus exiuit colloque inpositis, uoluit illo tendere cepit et, nauim ibi fortuito pretereuntem aspiciens, nauio dato eam quanto eius ingredi accelerabat. Quod Vdalricus. . . animaduertens, sociis confestim indicauit. Illi pernici cursu eum insecuntur; primusque Adalbertus interpres, eum comprehensens inuitum ac resistentem domum redire compulsi». Ево: III, 15.

2) Последнее обстоятельство находится только у Герборда: III, 13; вообще сматывая до тѣноты разсказъ :Бона — у Герборда представляется гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе: нѣтъ сомнѣнія, что онъ почерпнулъ его изъ другого источника.

немъ креста приготовился встрѣтить опасность. Предъ входомъ въ городъ на площади стояла церковь св. Петра, построенная Оттономъ въ первое путешествіе; сюда укрылись проповѣдники и немедленно начали божественное служеніе. Немного спустя, толпа съ шумомъ высыпала изъ городскихъ воровъ и окружала церковь съ намѣреніемъ разорить ее и предать смерти пришельцевъ; но слыша церковное пѣніе, остановилась въ нерѣшимости и долго совѣщалась, что дѣлать; наконецъ — успокоилась и ушла обратно¹⁾. Это было въ пятницу; слѣдующій день проповѣдники провели здѣсь же, постомъ и молитвою готовясь къ предстоящему подвигу, быть можетъ — подвигу мученичества (Herb.: III, 14; Ebo: III, 15). Между тѣмъ благоразумная часть жителей Штетинны совѣщалась со жрецами и вызывала ихъ защитить свое дѣло и старую религію основательными доказательствами; извѣстный же знатный гражданинъ Вирчакъ, и прежде при всякомъ удобномъ случаѣ и мѣстѣ, въ народныхъ совѣщаніяхъ, на улицѣ и въ домахъ говорившій въ пользу христіанства, ободренный теперь присутствіемъ Оттона, дѣйствовалъ съ особенною

---

1) «Ascensa navi, prosperis flatibus Stetinum veeti sumus. Homines autem de civitate inter se diuisi erant, aliis adhuc in fide manentibus, aliis autem ex maiori parte ad paganismum reuersis. Herb.: III, 14. «Cum civitati Stetinensi appropinquassent, speculatores eos agnoscentes et considerantes ingenti strepitu civibus antiquum erroris magistrum superuenire acclamabant, cui cum gladiis et fustibus occurrere et — ad iniuriam decorum vindicandam — indigne tractare expediret. Quod famulus Dei cum per interpretem agnouisset, crucis vexillum erexit, pontificalibus sese indumentis preparavit eisque obviam ire deliberavit. Primoque ecclesiam principis apostolorum, quam ante portam (ante introitum civitatis in area spaciola, Herb.: III, 14) eiusdem urbis ipse extruxerat, ingressus, debitum Christo persolvebat obsequium. Illi vero, post modicum tumultuoso strepitu portis erumpentes (ecclesiam undique cingerent et insanis tumultibus debachantes, edem ipsam conuellendam et omnes qui erant ibi una cum magistro interficiendos clamarent. Herb., III, 14), cum seruos Christi diuinas laudes psallere cernerent, diu multumque hesitantes et inter se quidnam agerent conferentes, tandem. . . via qua venerant confusi regrediuntur. Ebo: III, 15. «Unus autem ex civibus cui auctoritatem non sapientia solum, sed et senectus addiderat, id fieri videns vehementer indoluit ac primo conuersus ad plebem, utquid contra inermes armata conuenerit, sciscitatur. . . perdere homines innocentes, sine causa, sine audientia, non debere» . . . Priefl. Mon. III, 7.

ревностью¹⁾: онъ прѣшелъ къ епископу съ друзьями и родственниками, разсказалъ ему обо всемъ происходившемъ и побуждалъ къ проповѣди, обѣщая полное содѣйствіе и свое, и своихъ близкихъ (Herb.: III, 14, 15, 16). Въ воскресенье, отслуживъ обѣдню, Оттонъ, какъ былъ въ церковныхъ облаченіяхъ и предшествуемый знаменемъ креста — отправился съ своимъ клиромъ на торговое мѣсто, стоявшее среди города. Съ ними слѣдовалъ и Вирчакъ. У городскихъ воротъ, онъ дотронулся копьемъ до висѣвшаго челна и обратилъ на него вниманіе Оттона, говоря, что этимъ знакомъ хотѣлъ предложить каждому мимоидущему свидѣтельство о милосердіи божьемъ и его (т. е. епископа) заслугахъ. Сквозь густую толпу народа проповѣдники пришли на торговую площадь; тамъ стояли большія деревянныя *стѣсени*, подымавшіяся уступами вверхъ; отсюда вѣстники и власти имѣли обыкновеніе говорить къ народу. Оттонъ съ клиромъ взошелъ на одну изъ нихъ, и когда, по движенію руки Вирчака, улегся шумъ непріязненной толпы — началъ проповѣдывать чрезъ переводчика Адалберта (Herb.: III, 17, Ebo: III, 15)²⁾. Народъ не неохотно слушалъ слова епископа, но тишина продолжалась не долго. Одинъ жрецъ, «толстый и громадный», еще прежде

1) «Sapientiores quique super his rebus ipsos sacerdotes secretius conveniunt, ipsorum esse dicentes: congruis rationibus religionem suam defendere». Herb. III, 14. «Inter ea cinis quidam nobilis eiusdem civitatis Witsacac nomine in conventu populi, in plateis et domibus, ubicunque et quandocunque facultatem habuit, regnum Dei et fidem predicare non desit». Herb. III, 15.

2) «Die dominice, completis missarum sollempniis, sicut erat sacra indutus armatura, ac illo crucis ex more prelato, in medium forum civitatis duci se rogavit. Cum ad portam ventum esset, ecce, per quam sine remigio trans mare Witsacacus vectus erat, naucula postea pendebat, et admotus lateri pontificis: «Vides, ait, pater. Et feriens eam hasta: «Hanc ideo suspendi feci ad portam, ut ingredienti et egradientes hoc facto discerent, quid in suis necessitatibus de misericordia Dei ac de tuis meritis sperare deberent. His dictis, in concertissimas turbas paganorum, ministris comitantibus, in medium forum sese intulit episcopus. Erant autem ibi gradus lignei, de quibus precones et magistratus concionari soliti erant (у Жюна: erant autem illic pyramides magne et in altum more paganico murate, III, 15.) In quibus stans minister (per interpretem suum Adelbertum, Ebo, ib.) evangelii sermonem cepit, fremitum autem disidentis populi Witsacacus ictu preconis manu et voce sedabat». Herb.: III, 17.

замышлявшій гибель Оттону, услышавъ, что онъ проповѣдуетъ теперь на вѣтовомъ мѣстѣ, пришелъ въ ярость, приближалъ съ налицей въ рукѣ, прорвался сквозь толпу къ «степени» и сильными ударами потрясъ столбъ, на которомъ стояла она. Съ ругательствами онъ кричалъ епископу замолчать и, заглушивъ голосъ его и переводчика, укорялъ народъ, что поддался обману; онъ называлъ Оттона врагомъ народа и боговъ его, побуждалъ немедленно поразить его копьями, которыя они постоянно носили съ собою. Толпа взволновалась, нѣкоторые уже подняли руки, чтобы метнуть копья, какъ внезапно остановились. Видя ихъ бездѣйствіе, жрецъ въ ярости старался вырвать копье у одного изъ нихъ, и самъ намѣревался поразить Оттона, но также не могъ ничего сдѣлать и скоро обратился въ бѣгство¹⁾. Отчего произошло это — неизвѣстно, но самое событіе не могло ни казаться чудеснымъ; такъ, по крайней мѣрѣ, объяснили его и Оттонъ, и его спутники. Счастливо миновавъ опасность, Оттонъ сошелъ съ степени и отправился въ полуразрушенную церковь св. Адалберта; по торжественной молитвѣ, онъ испровергъ стоявшій вблизи языческой жертвеникъ и выбросилъ его. Это, быть можетъ, было причиною новаго народнаго волненія: толпа, вооруженная мечами

1) «Predicante autem eo, ecce pontifex ydolorum aethelus cucurrit (pinguis et procerus . . . cambucam suam manu gestabat . . . Herb.: III, 18) multoque sudore confertissimam irrepens turbam, pyramidem percussit (usque ad ipsos gradus accessit leuataque manu semel et bis columnam graduum validissime percussit) ac seruum Dei obmutescere magui clamoris uirtute imperauit. Ipse enim cum suis priori nocte in necem episcopi . . . conspirauerat; sed . . . hoc frustratus est proposito. Cumque . . . uirum Dei in conuentu forensi iam predicare audisset, furibundus illuc accurrit ac alientium indixit. Sed famulus Domini constanter quo ceperat persecutus est. Ille autem, gracilem Adelberti uocem interpretis sua clamosa atque altisona comprimens (ait: «Sia, o insensati stulti et laertes, quare decepti et incantati estis? Ecce hostis uester et hostis dcorum uestrorum?» Herb.: III, 18) magna fortitudine barbaris imperat; ut praedicatorum Christi hastis, quas more Quiritum Romanorum iugiter ferebant, transfodere non morentur. Qui, iusis eius obaudientes, cum dextras alcius ad sagittandum eum eleuassent, . . . quasi saxa dirigerunt . . . Quod cerneus infaustus ille ydolorum sacerdos, ira inflammatus, ignauiae eos accusare cepit uisique eorum hastam manu eripere ac seruum Christi conatus est transfodere. Nec mora et ipse dirigit; pudoreque actus in fugam conuertitur. Ebo: III, 16.

и палками, окружила церковь и снова грозила смертью проповѣдникамъ; но и на этотъ разъ ушла, не сдѣлавъ имъ никакого вреда. При такомъ расположеніи умовъ, знатный Вирчакъ и его друзья настоятельно убѣждали Оттона уйти скорѣе изъ города, говоря что иначе, окруженный коварствомъ жрецовъ, онъ погубитъ; но епископъ отказался. На нѣкоторое время, казалось, гроза утихла: назначено было чрезъ двѣ недѣли собраться вѣчу, на которомъ жрецы и народъ должны были окончательно рѣшить: примутъ ли они христіанство или откажутся отъ него¹⁾. Народъ, такимъ образомъ, выжидалъ дальнѣйшаго, а Оттонъ, воспользовавшись спокойствіемъ, заботился о возстановленіи церкви св. Адальберта, которое предпринялъ на свои деньги (Ево: III, 16; Нерб.: III, 18). Онъ часто посѣщалъ этотъ храмъ, и однажды встрѣтилъ игравшихъ на улицѣ дѣтей, поздоровался съ ними на ихъ родномъ языкѣ и, какъ будто въ шутку, благословилъ знаменемъ креста; онъ шелъ далѣе, какъ замѣтилъ, что всѣ они, оставивъ игры, съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдовали за нимъ и разсматривали незнакомыхъ людей. Оттонъ остановился и спросилъ: нѣтъ ли между ними принявшихъ крещеніе? Такіе нашлись, и епископъ, взявъ ихъ на сторону — спрашивалъ, желаютъ ли они сохранить ту вѣру, въ которой крещены? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ говорилъ, что, какъ христіане, они не должны быть вмѣстѣ съ язычниками и допускать ихъ къ своимъ играмъ. Сейчасъ же крещеные отдѣлились отъ некрещеныхъ и,

1) «Descendens vero de gradibus, ecclesiam S. Adalberti cum fidelibus visitavit ac, premissa inibi orationis sollempnitate, altare abhominationalis fregit, comminuit et elecit». Нерб. III, 18. «Interea barbari cum gladiis et fastibus congregati portam ecclesiae ambiunt, servos Dei ad mortem expetunt; sed mox.. in fugam convertuntur. Tunc Wirtschachus princeps... cum ceteris familiaribus episcopi superuenit, omnimodis eum deposcens, ut ab urbe secederet, priusquam perfidia sacerdotum circumventus, morti succumberet. Abnegat presul beatissimus.. Indicitur ergo generale colloquium post quatuordecim dies, in quo certa diffinitione sacerdotes cum plebe iugum Christi aut susciperent, aut penitus abdicarent». Ево: III, 16. Нѣкоторыя, впрочемъ, глупія, выраженія Эбона даютъ, какъ будто бы, поводъ заключать, что вѣчевымъ ступени стояли за городомъ, а не въ срединѣ его на торговомъ мѣстѣ по имени показанія Герборда прямо эту противорѣчать; cf. Нерб.: II, 36.

переставъ играть съ ними, отворачивались отъ нихъ. Гордось своимъ христіанствомъ, они запросто и смѣло обращались съ епископомъ и слушали его даже среди игръ; некрещенные же стояли поодаль въ замѣшательствѣ и какъ будто въ испугѣ. Оттонъ, дѣтскою, поплтною рѣчью, укрѣпилъ въ вѣрѣ первыхъ и столь долго убѣждалъ послѣднихъ, что и они возжелали принять крещеніе и стать христіанами (Herb.: III, 19).

Кажется, еще до общаго окончательнаго вѣча — происходило предварительное обсужденіе дѣла: старѣйшины и благоразумные люди долго совѣщались между собою о предстоящемъ дѣлѣ, интересахъ города и отечества; въ особенности тщательно взвѣшивали они слова и поступки Оттона; наконецъ — рѣшили снова обратиться въ христіанство и окончательно, безповоротво отказаться отъ язычества. На этомъ разошлась сходка. Ночью пришелъ къ епископу Вирчакъ съ немногими друзьями: онъ самъ присутствовалъ въ собраніи и теперь кратко разсказалъ о происшедшемъ (Herb.: III, 20)¹⁾. Въ назначенный день — въ большомъ, удобномъ для совѣщанія зданіи, помѣщавшемся въ срединѣ города на холмѣ Триглава, гдѣ стоялъ замокъ князя — собралось вѣче; на немъ присутствовали знатные люди, жрецъ и старѣйшины, явился и Оттонъ. Когда воцарилось молчаніе, онъ спросилъ, что рѣшили они: желаютъ ли принять божественную религію, или останутся при служеніи князю тьмы? Одинъ изъ жрецовъ отвѣчалъ, что какъ прежде, такъ и теперь, и всегда они твердо будутъ чтить боговъ отцовъ своихъ, и потому — напра-

1) *Interim vero maiores natu et sapientiores quique, de rebus istis altius inter se tractaturi conseruerant et, a mane usque ad medium noctis huic deliberationi vacantes, de salute propria et tocius populi, de statu ciuitatis et conseruatione patrie secundum prudentiam seculi diligenter disputabant. Precipue autem uniuersa, que Ottonis erant, dicta uel facta examusim trutinabant; et . . . in hanc sententiam omnes communiter cedunt, ut funditus exstirpata ydolorum cultura, ex intergo se religioni christiane submittant. Atque in hoc uerbo concilium soluant. Witsacus autem, qui omnibus his intererat, nocte ipsa cum paucis ad epi-scopum ueniens, optatam nuncium affert, omne consilium ei breuiter insinuans.* Herb.: III, 20. Причина, почему мы принимаемъ это соуданіе въ смыслъ предварительнаго — объяснена въ слѣдующей выпискѣ.

сень трудъ и слово его. Возмущенный Оттонъ грозилъ ихъ вѣчною мукою и, поднявшись съ мѣста, возложилъ на себя столу и готовился предать ихъ проклятію. Увидѣвъ это, знатные люди просили его остановиться на некоторое время, сами же, оставивъ жрецовъ въ домѣ, вышли для отдѣльнаго совѣщанія и скоро единодушно рѣшили отказаться отъ язычества и принять христіанство. Знатнѣйшій изъ нихъ Вирчакъ, войдя къ епископу, объявилъ, что онъ и знатные люди — правители опредѣлили: жрецовъ, зачинщиковъ всякаго зла — изгнать изъ предѣловъ отечества и во всемъ, что касается дѣла религіи — слѣдовать его, Оттона, руководству и наставленію. Ушавъ такое рѣшеніе, жрецы поспѣшно удалились, и съ той поры ни одинъ изъ нихъ болѣе не появлялся въ той мѣстности. Оттонъ же съ своими сотрудниками приступилъ къ уничтоженію языческихъ капищъ [Ево: III, 16]¹⁾.

1) Statuta die antistes Domini montem Triglaui in media civitate, ubi sedes erat duca, ascendit magnamque domum, huic colloquio oportunam, intravit. Assunt principes cum sacerdotibus natuque maioribus, et facto silencio vir Domini sic ait: . . . ex ore uestro audire desidero, utrum dm. men Iesu Christo an principi tenebrarum diabolo seruire disposuistis. Respondens unus sacerdotum: «Non, inquit, tanto tempore colloquium hoc differi oportuit; quia et pridem et nunc et semper deos nostrorum colere fixum est nobis; ideoque noli frustra laborare, sermo tuus non capit in nobis». Quibus auditis, vir Domini. . . de loco suo consurgens, arma spiritualia arripit, stolam collo inponit, ut eos anathematis ulculo astringat. Quo ulso principes. . . vestigiis eis aduoluntur, humiliter supplicantes, ut. . . adhuc breuissimi spacium colloqui eis indulgeat. Annuit statim pressu plissimus. . . principes ergo, relicti in domo sacerdotibus, egressi, unanimiter fidem Christi, abdicatis ydolatrie sordibus, receperunt. Primusque Wirtschachus, nobilissimus eorum, ad seruum Dei ingressus, hanc pro omnibus dedit rationem: Ego, pater honorande, cum primatibus hunc locum regentibus. . . pari uoto in hoc convenimus: ut sacrilegos istos sacerdotes, omnium malorum incentores, longe a terminis nostris eliminemus, teque ducem et preceptorem in uiam salutis eterne auida mente sequamur. . . Quo audito, cuncti sacerdotes ydolorum sine mora surgentes pernicel fuga elapsi sunt, ita ut nullus eorum delnceps sibi comparuerit. Antistes autem Domini. . . confestim delubra ydolorum cum suis destruere cepit. Ево: III, 16. Сравнивая Обонъ разсказъ о сейшъ съ вышеприведеннымъ Гербордовымъ, мы встрѣчаемъ между ними такіа несогласіяи разности, что почти становится невѣроятнымъ, чтобы дѣло шло объ одномъ и томъ же происшествіи; невѣроятнымъ также кажется, чтобы рѣшеніе такого важнаго дѣла, каково принятіе христіанства, могло произойти такъ, какъ передаетъ его Обонъ, т. е. вдругъ, безъ предварительныхъ совѣщаній и обсужденій. Вотъ почему, въ видѣ предположенія — мы обособляемъ оба разсказа въ отдѣль-

Затѣмъ, когда оставшіеся въ язычествѣ были крещены, а отпадшіе отъ христіанства присоединены къ церкви, случилось происшествіе, необычайность котораго проповѣдники объясняли особеннымъ благоволеніемъ божьимъ. Штетинскіе рыболовы поймали въ рѣкѣ Одрѣ двухъ необычайной величины камбалъ, которыя встрѣчались тамъ только весной, а не осенью [это было именно въ августѣ]. Изумленные такой ловлей, они принесли ихъ въ даръ проповѣдникамъ, объясняя, что имъ никогда не случалось видѣть этой рыбы въ настоящее время года; камбалы были — будто-бы такъ велики, что Оттонъ со всею свитою кормился ими въ продолженіи двухъ недѣль и еще удѣлили часть нѣсколькимъ знатнымъ людямъ [Ево: III, 17]¹⁾. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Штетины находилось какое-то языческое святилище; разрушеніе его Оттонъ поручилъ своему вѣрному и близкому Удалярку. Тотъ отправился, но немногіе еще оставшіеся приверженцы язычества, замѣтивъ съ городской стѣны, куда онъ шелъ, старались поразить его въ голову камнями и бревнами. Хотя Удаляркъ и остался невредимъ, но долженъ былъ возвратиться назадъ. Когда Оттонъ узналъ объ этомъ, онъ облекся въ церковныя облаченія, и съ знаменемъ креста самъ отправился на опасное предпріятіе. Приверженцы язычества на этотъ разъ не посмѣли напасть на него: они разсѣялись и скрылись по сво-

---

ные факты сомнѣніе предостерзливое [изложенное у Герборда] и собственныя сѣмю (описанный Эбономъ). Конечно это обособленіе — далеко не историческая достоверность и принимается только по необходимости, но оно вполне удовлетворяетъ нашей цѣли.

1) «Piscatores Stetinensium autumnali tempore, quo haec christiane milicie rudimenta agebantur [т. е. 1127 г.], ad fluvium Odoram progressi, quos insolite magnitudinis rombones apprehendunt, quorum occurus non nisi verno tempore esse solet. Obstupefacti illi novam hanc capturam, novis predicatoribus cellitas prolesam, inter se conferunt; moxque apostolo suo cum haec locundo munere occurrentes, aiebant: nunquam in illis partibus rombones autumnali tempore alios... Erant autem rombones tante vastitatis et longitudinalis, ut sermo Dei cum uniuerso comitata suo per quatuordecim dies sufficientem preberent alimoniam, ita ut mobilibus etiam quibusque ex eadem copia reliquie honorabiliter partirentur. Ebo: III, 17.

ннѣ убѣжищамъ. Разрушивъ святилище, Оттонъ на возвратномъ пути нашелъ огромное орѣховое дерево, подѣ которымъ протекалъ источникъ: они были посвящены какому-то божеству. Не медля, епископъ приказалъ срубить дерево; но пришедшіе Штетиняне усильно просили не дѣлать этого; ибо бѣдникъ, сторожившій орѣшникъ, продажею его поддерживалъ свое скудное существованіе; сами же они клятвенно увѣряли, что навсегда запретить жертвоприношенія языческому божеству, которыя совершались въ этомъ мѣстѣ. Оттонъ благоразумно уступилъ ихъ просьбѣ; но покаместъ шли переговоры, внезапно явился сторожъ дерева и, подойдя къ епископу сзади, размахнулся сѣкирою и хотѣлъ поразить его; по счастью — ударъ былъ невѣренъ и сѣкира, миновавъ Оттона, воззлзла въ мость, на которомъ стоялъ онъ, и такъ глубоко зашла въ деревѣ, что бросившій съ трудомъ могъ вытащить ее¹⁾. Увидя это, переводчикъ Адальбертъ пораженъ былъ ужасомъ, онъ быстро бросился, вырвалъ сѣкиру изъ рукъ варвара и скрылъ ее; всѣ другіе окружили виновника и грозили ему смертію. Заступничество Оттона спасло его; Адаль-

---

1) «Erat autem sanum quoddam longius remotum, ad quod deiciendum fidelem et familiarissimum sibi Vodalricum sacerdotem religiosum direxerat. Sed pauci qui remanserant fautores ydolorum, de muro prospicientes eum illo tendere, lactu lapidum et lignorum caput eius conterere moliebantur. Qui tamen illesus evasit, reuersusque ad plium patrem Ottonem, insidias eorum retexuit. Vir Domini, statim elato crucis vexillo ac pontificali redimitus infula, semet ipsum huic periculo lagerere non dubitavit; cuius presenciam barbari non ferentes, hac illacque dispersi, fuge latibula quiesiere. Destructo igitur fano, cum uir Dei reuerteretur, arborem nucemam pregandam ydolo consecratam cum fonte, qui subter fluebat, inuenit; quam statim succidere suis imperavit. Accedentes uero Stetinenses suppliciter rogabant: ne succideretur; quia pauperculus ille custos arboris ex fructu eius uitam alebat inopem. Se autem, iurciurando affirmabant, sacrificia, que illic demonis exhibebantur, generale edicto perpetualiter inhibere. Quorum petitioni doctor piissimus, dictante equitatis ratione, nauiter annuit. Dum uero mutuis hec conferunt sermonibus, ecce barbarus ille custos arboris [agri possessor Herb.: III, 22] ex laprouiso accurrit, seruoque Dei post tergum clam assistens, eius sanctum uerticem francisca annis forti appeiit [securim bellicam utrisque manibus leuans, caput episcopi feriro nisus est, Herb. ib.]. Sed.. frustrato lectu, ponti firmo tabulatu strato, cui tum forte superstabat, franciscam tam ualide infixit, ut difficultas extrahendi moram percussori faceret. Ebo: III, 18.

бертъ относилъ это чудесное спасеніе къ покровительству божію, говоря, что сторожъ орѣшника владѣлъ природнымъ талантомъ и такъ былъ искусенъ въ метаніи копья и ударѣ сѣкиры, что безошибочно могъ попасть въ самую средину небольшого отверстія [Ево: III, 18, 19] ¹⁾.

Оттонъ исполнилъ въ Штетинѣ все, чего требовала его духовная обязанность; онъ хотѣлъ теперь возвратиться въ Узонюгъ; но граждане пришли и убѣдительно просили его утишить раздоръ, возникшій между ними и княземъ Вартиславомъ. Оттонъ общалъ, но требовалъ, чтобы Штетиняне съ своей стороны отправили вмѣстѣ съ нимъ почетныхъ пословъ, которые, въ случаѣ, если князь имѣетъ какія жалобы, могли бы разъяснить ихъ и потомъ увѣдомить своихъ согражданъ о дѣлахъ состоявшагося мира. Послы были снаряжены и во время пути могли оказать Оттону добрую защиту, ибо ему снова готовилась гибель. Два жреца устроили засаду съ цѣлью убить его: они тайно отправили впередъ толпу воиновъ [числомъ 84], которые въ одномъ узкомъ водномъ проходѣ должны были напасть на епископа, отрубить ему голову и доставить ее жрецамъ. При приближеніи Оттона засада дѣйствительно выбѣжала и готова была сдѣлать нападеніе, но, встрѣтивъ въ послухъ своихъ согражданъ и друзей и узнавъ, по какому дѣлу они ѣдутъ съ епископомъ, оставила враждебныя намѣренія и удалилась ²⁾. Разказывали потомъ, что и

1) «Quo niso Adalbertus interpres, nimio terrore concussus, pernalciter franciscam barbari manibus eripit et abscondit; omnesque . . . sacrilegam inuadunt et mortem ei intentant. Sed pietas Ottonis, ne quid mali homicida patiatur, obstitit ei que licet indigno uitam et salutem impetrat. Adalbertus autem montem S. Michaelis babenbergensem deuota inclinatione salutans, ait . . . : «barbarus iste, naturali ingenio callens, ita sagittandi uel manu ferlendi peritla est imbutus, ut etiam angusti foraminis orbem non frustrato ietu oppetere idoneus esset». Ebo: III, 19.

2) «igitur confirmatis in fide et doctrina Domini Stetienensibus cum uir Dei Uzonim redire disponeret, accedentes ad eum urbis eiusdem ciues suppliciter rogabant, ut discordiam, que inter eos et ducem Wortislaum confiata erat, suo interuentu dissolueret. Ad hec ille: «Faciam, inquit, ut uultis; sed peto, legatos honorabiles ex parte uestra mecum dirigi, qui pacis huius munia uobis reportent et

оба жреца погибли неестественною смертию: одинъ пораженъ былъ ударомъ, другой — впалъ въ какое-то помѣшательство и былъ повѣшенъ своими же соотечественниками [Ево, III, 20]. Въ Вольшъ Оттонъ не встрѣтилъ никакого противорѣчiя: какъ прежде Вольшцы отпали отъ христіанства, слѣдуя примѣру Штетинянъ, такъ теперь, по обращеніи послѣднихъ, легко обращались и первые, потому что у Вольшцевъ считалось какъ бы правиломъ поступать во всемъ по примѣру Штетинны [Herb. III, 25] ¹⁾. Народъ вѣрилъ въ особое могущество Оттона, потому часто прибѣгалъ къ нему въ своихъ пуждахъ: такъ приходилъ одинъ воинъ, прося о помощи для сына, страдавшаго лунатизмомъ и предлагая въ подарокъ двѣ пары быковъ; приходила какая-то слѣпая женщина, прося объ исцѣленіи. Оттонъ помогалъ каждому — сколько могъ, увѣщевалъ гражданъ помнить прежнія бѣдствія и не возвращаться болѣе къ поклоненію Юлу [sic!] и его копыю, къ обожанію идольскихъ изображеній или встукановъ. Прислѣвшее время жатвы нерѣдко заставляло поселянъ нарушать христіанскіе праздники, и по этому поводу рассказывали о

---

si dux iuste aliquid habet querele, de obiectis rationem reddant». Confestim legati Stetiniensium bono pastori assignantur, qui etiam non parvo in eadem via presuli almo fuere presidio. Nam quo pontifices ydolorum uiro Dei mortis laqueos intenderunt; ut milites octoginta quatuor clam premiserant, qui eum obseruantes in redita iugularent et caput eius palo infixum sibi remitterent... Cum ergo milites uirum Dei nauigantem aspexissent, ex insidiis erumpentes, quo tenderet, clamorosa uoces requirunt. Respondentes legati Stetinienses, cur hoc inquirerent, uicissim percunctantur. At illi, uoces ciuium et amicorum suorum agnoscentes, gradum sistant seque presentiam eorum illic nescisse fatentur». Ево. III, 20. Кажется одно только стремленіе: придать литературную обработку простому разсказу Эбона, и ничто иное, увлекло Герборда [III, 24] въ сторону: онъ передаетъ происшествіе нѣсколько иначе, чѣмъ Эбонъ, рисуетъ напр. цѣлую картину схватки между проводниками Оттона и ассадой, но при всемъ томъ, не прибавляетъ къ своему источнику ни одной существенной, самостоятельной важной черты.

1) «Sicut enim exemplo Stetiniensium pridem a fide recesserant, ita denuo, conuersis illis, facile conuertebantur. Illos enim per omnia imitari, quasi pro sententia eis fuit». Herb. III, 25.

нѣкоторыхъ чудесныхъ наказанійхъ, постигшихъ виновныхъ [Ево. III, 21, 22; Herb.: III, 26, 27, 29] ¹⁾.

Изъ Волына Оттонъ, вмѣстѣ съ послами Штеттины, отправился въ Каминь къ князю Вартиславу и былъ съ почетомъ встрѣченъ имъ и всѣмъ народомъ. Объяснивъ князю дѣло, по которому пришелъ, онъ просилъ его о мирѣ. Вартиславъ отвѣчалъ, что Штеттинцы — народъ упорный, не уважали ни Бога, ни людей и долгое время безчестили землю его, опустошая ее своими грабежами и разбоями, то такъ какъ теперь ихъ буйство укрощено Оттономъ, то они и могутъ, при его посредничествѣ, получить желанный прочный миръ. Немедленно затѣмъ послы Штеттины, отказались отъ прежней неправды, приняли отъ князя подѣлу мира и принесли должную благодарность Оттону за примиреніе; потомъ они купили необходимые припасы — чего прежде, находясь въ враждѣ, никакъ не смѣли сдѣлать — и довольные, ушли обратно къ своимъ [Ево: III, 23] ²⁾.

1) «Miles quidam, habens filium lunaticum, seruo Dei eum adduxit; boves quatuor, ut sanitati puerum restitueret, obtulit». Ево: III, 21. «Mores, ut, illius calamitatis memores, nec Iulium ipsum nec Iulii hastam nec statuiculus ydolorum vel simulacra ullo modo colatis denno». . Herb.: III, 26. «Accidit in festo beati Laurentii ut presbitor quidam ex comitatu Ottouis nomine Bockeus preteriens uideret rusticos in agro frumenta metentes. . . et ecce ignis Dei cecidit e celo tactasque messes eorum. . . consumpsit». «Item in urbe Ganes dicta rusticus quidam cum coniuge sua ad metendum exierat in solempnitate assumptionis Dei genitricis Marie perpetue uirginis. . . et ecce cecidit retrorsum et expirauit; partemque segetis, quam metendo apprehenderat etiam moriens manu retinuit». Ево: III, 22.

2) «Igitur pontifex cum legatis Stetinensium ad ducem Pomeranie tendens, urbem Gaminam adit. Vbi occurrente sibi duce Wotizlao cum omni plebe, debita reuerencia. . . exceptus est, [et] causam pro qua uenerat tractare cepit. . . Dux. . . benigne humiliterque respondit: . . . «Populus iste, pro quo petis, dure ceruicis est nec Deum nec homines reueretur; multo iam tempore rapinis et latrociniiis regnum meum uastando maculauit. Sed tu, pastor dulcissimo, efferos mitigasti. . . ; ideoque pacis firmissime gaudia doinceps, te mediante, obtineant. Statimque legati Stetinensium, nestigliis eius aduolati, omnem prioris discordie occasionem penitus abdicarunt, pacisque osculo a duce percepto, beato pontifici debitas reconciliationis huius gracias egerunt. Emptisque, prout uolebant, necessariis, quod antea discordes nullo modo presumpserant in sua ostantes remearunt». Ево: III, 23.

Между тѣмъ Руяне, узнавъ, что Штетиняне безъ ихъ со-
вѣта и участія приняли христіанство, порушали союзъ съ ними,
прервали торговлю и всякія взаимныя сношенія торговыхъ лю-
дей. Ненависть ихъ къ Штетинянамъ росла постепенно и вскорѣ
перешла въ открытую вражду: они удалили отъ своихъ береговъ
корабли Штетинянъ и, по общему приговору, постановили счи-
тать ихъ врагами; слыша же, что Оттонъ имѣеть намѣреніе при-
быть въ Руяну съ проповѣдью, они, подъ угрозой смерти, объ-
явили ему запрещеніе вступать въ ихъ предѣлы. Съ тѣхъ поръ
Руяне частыми обидами раздражали Поморянъ и наконецъ, вторг-
нулись съ военными кораблями въ область Штетинянъ. Не-
смотря на то, что они были нѣсколько разъ съ уровнемъ отражены,
они не хотѣли прекратить войны; тогда Штетиняне постановили
вооружиться и, при новомъ нападении Руянъ, выступивъ противъ
нихъ соединенною силою, нанесли имъ рѣшительное пораженіе.
Руяне бѣжали, оставивъ многихъ плѣнныхъ, и съ той поры не
тревожили болѣе Штетинянъ, которые вскорѣ чрезъ плѣшниковъ
вынудили ихъ къ уважительному мирному договору ¹⁾. Оттонъ
хотѣлъ воспользоваться этимъ событіемъ, чтобы привести Руянъ
къ христіанству: прежняя угроза ихъ не устрашала его, онъ

1) «Interea Rutheni, comperta fide et conversione Stetinensium [graviter in-
dignati, quod sine respectu et consilio eorum christianam subissent legem, Ebo:
III, 23]. . a societate illorum se auertunt; commercia omnia mutuaque negocia
institutorum ex indignatione abruptentes. Isti autem, sepenumero a multis predica-
toribus ad fidem vocati, de integro nunquam venire uoluerunt; sed aliis interdum
credentibus, alii non credebant. Atque ex maiore parte paganis ritibus degentes
semina fidei illic conualescere non sinebant. . Rutheni ergo paulatim crescente
odio Stetinensibus publice aduersari ceperunt; et primo quidem naues illorum a
littoribus suis arcent, post etiam ex communi decreto hostes eos haberi statuunt,
Ottoni episcopo mandantes — audierant enim, quod illo ad predicandum venire
uolet — ne nunquam fines eorum attingeret. Dicebat enim, nichil eum apud se in-
uenturum nisi acerbas penas et mortem certissimam». Herb.: III, 30. «Rutheni
autem crebris insultibus Pomeranos laceasant et Stetinensium fines armatis mani-
bus perturbant. Cumque semel et bis reperiunt, a bello cessare nolissent, Steti-
nenses ex consilio communi arma tractare ceperunt atque iterum uenientibus coa-
dunatis uiribus occurrere. Sed quid plura? Tanta strage Rutheni fusi sunt et
tanti ex eis in captiuitatem redacti, ut, qui euadere potuerunt, nullum ultra uicto-
ribus bellum intulerint». . Herb.: III, 31.

привыкъ идти на встрѣчу опасности; но одно особое обстоятельство остановило исполненіе его замысла: въ числѣ людей, окружавшихъ его въ Вольтѣ, находилось нѣсколько Штетинянъ, людей добрыхъ и разумныхъ, хорошо знавшихъ и съ мѣстностью, и съ нравами Руянъ; на вопросъ епископа, не согласятся ли они провести его въ Руяну, они много рассказывали ему о происхожденіи, свирѣпыхъ нравахъ, непостоянствѣ въ вѣрѣ и зѣтроскомъ образѣ жизни этого народа, говорили также, что онъ, должно быть, подчиненъ власти архіепископа датскаго ¹⁾. Узнавъ объ этомъ, Оттонъ не рѣшился своевольно вѣшаваться въ дѣла чужой епархіи, но думая, что датскому архіепископу пріятно будетъ, если Руяне обратятся въ христіанство, онъ отправилъ къ нему съ письмомъ и подарками пресвитера Ивана, испрашивая на это дѣло его дозволенія. Архіепископъ былъ добрый и простой человекъ, необыкновенной учености и благочестія, но во вѣшнемъ — отличался славянской деревенщиной; да и жители той страны, не смотря на свое благосостояніе и богатство, отличались какою-то общею грубостью, были необразованы и мужиковаты. Города и крѣпости не укрѣплялись тамъ стѣнами и башнями, а деревяннымъ частоколомъ и рвами; церкви и дома знатныхъ людей — очень бѣдны и убоги на видъ. Занятіе жителей состояло въ охотѣ, рыбной ловлѣ, пастушествѣ стадъ, ибо въ стадахъ заключалось все ихъ богатство; земледѣіемъ же занимались рѣдко; въ образѣ жизни и одеждѣ у нихъ не было ни роскоши, ни изящества ²⁾. Архіепископъ много разспрашивалъ Ивана объ

1) «Stetinaenses quidam viri boni et prudentes in comitatu episcopi erant Illinc, quari locorum prouinciarum et morum culusque gentis. Nos ergo episcopus paulatim interrogationibus pretemptabat, scire volens, si quomodo eum illuc (r. e. въ Руяну) perducere uellent. Ad illi de origine Ruthene gentis, de feritate animarum et de instabilitate fidei et bestiali eorum conuersatione multa ei narrantes, etiam hoc, quod archiepiscopo Danorum subiecti esse debuorint, non tacebant. Herb.: III, 30.

2) «Erat (archiepiscopus) air bonus et simplex. . non mediocris scientie ac religionis, in exterioribus tamen Sclauice rusticitatis. Nam et homines terre illius tales sunt, ut in maxima ubertate atque dititlis generali quadam duritia omnes faculti uideantur et agrestes. Vrbes ibi et castra sine muro et turribus ligno tan-

Оттонѣ, его учении и дѣлахъ; касательно же главнаго предмета посольства отозвался, что не можетъ дать никакого отвѣта, пока ни спроситъ совѣта князей и знатныхъ людей земли. Иванъ не желалъ такъ долго оставаться въ Даніи, потому просилъ архіепископа отпустить его обратно; тотъ дружественно простился съ нимъ, послалъ Оттону письмо, подарки и цѣлую лодку масла въ знакъ любви и дружбы, обѣщавъ, что немедленно спроситъ мнѣнія князей и увѣдомитъ о томъ Оттона (Herb. III, 30).

Послѣдній не дождался, однако, этого увѣдомленія: онъ исполнилъ все, что могъ и что долженъ былъ исполнить въ отношеніи къ народу, за христіанское просвѣщеніе котораго онъ взялся. Изъ тьмы грубаго язычества онъ вывелъ и твердо поставилъ его на широкую дорогу религіи историческаго человѣчества. Сверхъ того, Логаръ истерпѣливо требовалъ его возвращенія, грози, въ противномъ случаѣ, ущербомъ церковнаго интереса. Вотъ почему — Оттонъ рѣшился воздержаться отъ увлекательнаго подвига озарить свѣтомъ христіанства коренную страну славянскаго язычества, темное царство Свантовита. Простившись съ друзьями, близкими и знакомыми, онъ отправился въ обратный путь около конца ноября, навѣстивъ по дорогѣ еще разъ своего друга, князя польскаго, и прибылъ наконецъ въ Бамбергъ 20 декабря 1127 года, встрѣченный радостнымъ клиромъ и всѣмъ народомъ.

Въ подвигѣ Оттона нѣмецкіе историки видятъ прочный починъ распространенія и утвержденія нѣмецкой народности на сѣверѣ Европы; это дѣло внушаетъ имъ гордое чувство національ-

---

tum et fossatis muniuntur; ecclesie ac domus nobillium humiles et ulli scemate. Studia hominum aut uenatio aut piscatio est uel pecorum pastura. In his etenim omnes diuicie illorum consistunt; siquidem agrorum cultus rarus ibi est. Porro in uicta uel in habita uestium parum lauti habent aut pulchritudinis. Herb.: III, 30.

наго торжества, они цѣнятъ въ немъ только побѣду нѣмецкаго начала надъ славянскимъ.

Съ иною мыслью и инымъ чувствомъ взглянуть на подвигъ Оттона славянинъ: онъ оцѣнитъ преимущественно чистоту побуждений, безкорыстiе и человѣческое благородство дѣйствій поморянскаго апостола; не встрѣчался въ исторiи отношенiй нѣмцевъ къ балтiйскимъ славянамъ ни съ чѣмъ подобнымъ, онъ, можетъ быть, увидать въ дѣлѣ Оттона прямой упрекъ нѣмецкому началу; но, во всякомъ случаѣ, онъ благословитъ это ядро, которое въ вѣка корысти и насилiя умѣло сохранить чистоту и достоинство дѣйствій, которое съ братскою любовью отвеслось къ славянину-язычнику и признало въ немъ равноправнаго себѣ человѣка.

Къ критикѣ свидѣтельствъ.

Выше (стр. 307—321) мы рассмотрѣли общія свойства и характеръ «Жизнеописаній» Оттона, какъ источниковъ славянской исторіи и древности. Теперь, изложивъ весь заключающійся въ нихъ славянскій матеріалъ — необходимо дать ему болѣе близкую критическую оцѣнку, такъ сказать распредѣлить составныя части его по степени ихъ достовѣрности и исторической важности.

Весь запасъ свидѣній о балтійскихъ славянахъ, находящійся въ произведеніяхъ Эбона и Герборда, распадается на два, существенно различныя отдѣла: а) *фактовъ въ собственномъ смыслѣ* и, б) *мнній, сужденій, объясненій и выводовъ изъ фактовъ.*

Къ тому, что сказано нами о правдивомъ характерѣ сообщеній Сефрида и Удалярка и о ихъ умѣннн наблюдать явленія, находимъ нужнымъ прибавить слѣдующее. Мы замѣчали уже (стр. 312, 316), что оба сотрудника Оттона были хорошо по своему времени образованы. Образование ихъ не ограничивалось книжною монастырскою ученостью, а было — столько же образованіемъ ума, сколько и вкуса или эстетическаго чувства. XII вѣкъ былъ временемъ высшаго процвѣтанія тк. изв. романскаго искусства (стиля). «Это — пора противуборства великихъ всемірно-историческихъ силъ, на которыхъ коренилась средневѣковая жизнь, пора фантастически восторженнаго увлеченія крестовыми походами, глубоко возбужденнаго движенія и вмѣстѣ — новаго сосредоточенія внутреннихъ силъ. Такая усиленная многоподвижность, при обновившемся въ то время углубленіи внутренняго чувства — сообщается и художественному стремленію; простота

стия, господствовавшая въ IX вѣкѣ, уступаетъ мѣсто болѣе обильному, живѣе расчлененному развитію, въ которыхъ существо романизма находитъ себѣ полнѣйшее выраженіе. Архитектура и въ эту эпоху остается рѣшительно господствующимъ и опредѣляющимъ элементомъ.. она вступаетъ въ тѣснѣйшую связь съ изобразительными искусствами, предлагая совсѣмъ новый, небывалый просторъ для ихъ дѣятельности; въ то-же время, при живѣйшемъ возбужденіи фантазій, она обогащается бездною новыхъ, орнаментическихъ видообразованій; но и фигурный элементъ и орнаментика — все покоряется ея высшему закону въ совершенной подчиненности и въ строжайшемъ, схематическомъ порядкѣ¹⁾. Много превосходныхъ, образцовыхъ созданій христіанской архитектуры относится къ этой эпохѣ... Самъ Оттонъ съ особенною ревностью заботился о построеніи новыхъ, передѣлкѣ и украшеніи старыхъ церквей согласно съ новыми художественными требованіями времени: біографы его представляютъ подробныя извѣстія объ этой религіозно-художественной сторонѣ его дѣятельности²⁾. Потому, нельзя, да и незачѣмъ — думать, что Удальрикъ и Сефридъ, люди образованные и столь близкіе къ бамбергскому епископу, оставались чужды художественнымъ интересамъ эпохи и своего патрона; они не могли быть имъ чужды даже и тогда, когда упорно пожелали бы этого: видная дѣйствительность есть такая образовательная школа, отъ вліянія которой никто не бываетъ властенъ уклониться по своей прихоти или произволу. Эстетическое образованіе Удальрика и Сефрида для насъ — очень важно: оно служитъ порукою истиннѣ извѣстій ихъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ и фактахъ славянской жизни, которые вызываютъ со стороны ихъ хвалу и признательное удивленіе. Образованный и развитой вкусъ нерѣдко можетъ найти

1) Ф. Куглеръ: Руководство къ исторіи искусства, рус. переводъ 1869, стр. 429—30.

2) Ebonis Vita Ottonis, I, 4, 17, [18], 21, [22]; Herberdi Dialogus in process, I, 11, 12; 21—2, 26.

грубость въ произведеніяхъ изящныхъ, но едва-ли когда назоветь изящнымъ что-нибудь дѣйствительно грубое.

Совершенно иное представится намъ при оцѣнкѣ такихъ свидѣтельствъ и извѣстій нашихъ памятниковъ, которыя говорятъ о фактахъ и историческихъ явленіяхъ, выходящихъ изъ отношеній проповѣдниковъ къ туземцамъ. Здѣсь, чтобы стать на твердыя основанія — необходимо прежде прочаго войти въ образъ мыслей, интересы и взаимныя отношенія дѣйствующихъ сторонъ. Передъ нами въ отвѣтъ двѣ собирательныя личности: бамбергскіе миссіонеры и туземцы — Поморяне. Нельзя ожидать, чтобы нѣмецкіе проповѣдники отправляясь въ дальній сѣверный край, къ варварамъ-язычникамъ безъ всякихъ предубѣжденій: общая молва времени, рассказывавшая о предательскихъ правахъ и невѣроятной звѣрской жестокости славянъ, печальная судьба многихъ христіанскихъ проповѣдниковъ, нашедшихъ на сѣверѣ кончину мучениковъ, свидѣтельство Беригарда о своей неудачѣ, наконецъ — самое письмо Юлеслава III, гдѣ довольно ясно выдавалось боязливое нежеланіе польскаго духовенства идти на проповѣдь къ «грубымъ варварамъ», и отзывы поляковъ, для которыхъ Поморяне были предметомъ ненависти и политическаго озлобленія — все это напередъ должно было породить въ умахъ бамбергскихъ проповѣдниковъ мрачныя, непривѣтливые образы. Они шли въ страну ужаса и несчастій, въ развращенное царство діавола, шли, правда, съ рѣшимостью, но — едва ли со спокойнымъ духомъ, едва-ли безъ тревожныхъ предубѣжденій. Естественно, что сужденіе ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могло быть правильнымъ: на многое они должны были глядѣть тѣ. скз. закупленными глазами, понимать и объяснять его по своимъ готовымъ понятіямъ, иногда вовсе не отвѣчавшимъ сущности предметовъ и явленій. Сблизившись болѣе съ народами, они нерѣдко возвышаются надъ національными и релігіозными предубѣжденіями, но вполнѣ освободиться отъ нихъ — не могутъ. Потому нерѣдко видятъ вражду, коварство, злой умыселъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было и чудомъ объясняютъ самыя обыкновен-

ныя, простыя явленія. Была и другая причина возможности неправильнаго взгляда и пониманія миссіонеровъ: чужеземцы, незнакомые съ славянскою рѣчью, они сносились съ народомъ и дѣйствовали чрезъ переводчиковъ и, такимъ образомъ, во многихъ воззрѣніяхъ и объясненіи предметовъ — находились въ зависимости отъ сторонняго толкованія. Мы не имѣемъ никакихъ основаній считать посредниковъ Оттона людьми, незаслуживающими довѣрія; но въ то-же время не можемъ думать, что ихъ передача сужденій и мыслей туземцевъ — была бы вполнѣ точна и вѣрна оригиналу, что ихъ объясненія предметовъ были всегда не личными толкованіями, а настоящимъ объясненіемъ знатоковъ дѣла. Польскіе переводчики (во время первой миссіи Оттона) слѣдили свою опредѣленную цѣль: они имѣли въ виду такъ или иначе успѣшно выполнить порученіе своего князя и потому старались по возможности уладить дѣло между Оттономъ и туземцами; понятно, что при этомъ они иногда могли давать иной смыслъ поступкамъ послѣднихъ и смягчать рѣзкость нѣкоторыхъ фактовъ. Съ своей стороны, положеніе туземцевъ было вовсе не таково, чтобы вызвать ихъ на прямодушныя, открытыя объясненія. Оттонъ явился въ ихъ землю тк. скз. непрошеннымъ вѣстивкомъ ученія, внутренней потребности котораго они еще не почувствовали: нравственный смыслъ христіанства и христіанскіе порядки жизни стояли выше понятій простого народа; историческая необходимость принятія христіанства сознавалась очень немногими; напротивъ, привязанность къ исконнымъ формамъ жизни, гнѣвное довольство старой религіей — были явленіями общими. Поэтому, внутренно туземцы не могли иначе отнестись къ дѣлу Оттона, какъ съ подозрительнымъ нерасположеніемъ, какъ къ ненужному новшеству, за которымъ таились недобрыя цѣли и стремленія; ихъ зрѣнію и чувству не была доступна искра божественнаго огня, воодушевлявшая Оттона. Но послѣдній шелъ, хотя и со знаменемъ мира, но подъ защитою грозной и памятной руки Болеслава III, посломъ его. Страхъ предъ польскою силою вынуждалъ Поморяиъ покориться. Въ ко-

лебаніи между такими мыслями — поступки и рѣчи ихъ долгое время имѣють нерѣшительный, двуличный характеръ: они не желаютъ отказаться отъ старшны, но въ то-же время не смѣють отвергнуть и новаго, они уступаютъ настоятельнымъ требованіямъ проповѣдниковъ, принимаютъ крещеніе; а въ глубинѣ души остаются прежними язычниками, или впадаютъ въ двоевѣріе, чтуть старыхъ боговъ, не отвергая вполне и новаго. Вообще, убѣжденіе въ превосходствѣ илмсскаго бога предъ богами родными — могло не иначе развиться и созрѣть, какъ процессомъ медленнымъ, для этого нужны были цѣлые годы благоприятныхъ условій; а пока такое убѣжденіе не пустило прочныхъ корней въ народѣ, до тѣхъ поръ въ немъ не могло быть полного довѣрія къ чужеземцамъ, вѣры въ чистоту и безкорыстіе дѣйствій ихъ и искренности поступковъ и рѣчей въ отношеніи къ нимъ. Такое естественное положеніе вещей, кажется, вовсе не сознавалось миссіонерами. Люди своего вѣка, они были не чужды нѣкотораго вышшняго пониманія своей задачи, они считали дѣло поконченнымъ, когда народъ принималъ наружное крещеніе, уничтожалъ идоловъ и языческіе храмы и обѣщалъ слѣдовать порядкамъ христіанской жизни. Неудивительно, что они видѣли полный успѣхъ тамъ, гдѣ была только тѣнь его. Событія, происшедшія въ промежутокъ времени между концомъ перваго и вторымъ путешествіемъ Оттона, вполне подтверждаютъ эту мысль. Отсюда слѣдуетъ, что и всѣ торжественныя заявленія проповѣдниковъ о томъ, какъ охотно и радостно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ принималъ христіанство, должны быть въ значительной степени объясняемы личными воззрѣніями ихъ, удовлетворявшихся наружной стороной дѣла и не проникавшихъ до сущности его. Въ дѣйствительности это расположеніе къ христіанству объясняется политическими отношеніями къ Польшѣ и извѣстной долей терпимости, присущей языческой религій. Неполное и преувеличенное объясненіе событій, зависѣло не мало и отъ невольнаго стремленія прославить личность знаменитаго епископа. Шла ли эта апотеоза отъ непосредственныхъ свидѣтелей, или она принадлежала

Эбону и Герборду, но слѣды ея въ «Жизнеописаніяхъ» — несомнѣнны, какъ несомнѣнно и ея вліяніе на изложеніе и объясненіе событій. Разказы о великомъ уваженіи, чрезмѣрной любви и преданности народа Оттону вытекаютъ именно изъ этого личнаго источника.

Таковы думаемъ, были отношенія, въ которыхъ находились стороны, прикосновенныя къ дѣлу, и таковъ былъ образъ мыслей ихъ, выходявшій изъ этихъ отношеній!

Попытаемся же на этихъ основаніяхъ обозначить степень исторической достовѣрности свидѣтельствъ, такъ — какъ отъ этого зависить и самая степень важности ихъ содержанія.

Факты славянскаго быта и исторіи, занесенныя въ «Жизнеописанія» Оттона, не одинаково равны по достоинству достовѣрности.

Первое мѣсто занимаютъ тѣ изъ нихъ, которые были лично замѣчены и наблюдаемы бамбергскими проповѣдниками; а равно и тѣ событія, въ которыхъ они принимали непосредственное, прямое участіе.

Достовѣрность этого рода извѣстій — полная; ибо, не обращаясь уже къ правдивости характера свидѣтелей и ограничиваясь однимъ содержаніемъ показаній ихъ, мы не только не найдемъ никакихъ слѣдовъ вымысла, но даже не можемъ предположить и какихъ-нибудь прѣчинъ, или поводовъ къ нему. Мысль, что бамбергцы могли увлечься желаніемъ разказать побольше о чудесахъ, видѣнныхъ ими въ землѣ язычниковъ, и о бѣдствіяхъ, ими тамъ вынесенныхъ — устраняется естественною простотою разказа и отсутствіемъ всякихъ, особенно поразительныхъ, невѣроятныхъ и небывалыхъ явленій, особенно тяжкихъ бѣдствій и страданій. Хвастовство, даже и осторожное, не удержалось бы въ такихъ скромныхъ границахъ... Менѣе довѣрія внушаетъ форма, въ которую иногда бывають облечены эти извѣстія; въ скупомъ разказѣ анахорета Эбона факты и событія гложутъ, подъ взящнымъ классическимъ перомъ Герборда — они распространяются въ искусственныя картины; но освободивъ ихъ изъ

этой вѣшной оболочкѣ, мы найдемъ въ нихъ мало, почти ничего, что вызывало сомнѣніе или недоразумѣніе. Относительно формы — наши памятники мало чѣмъ отличаются отъ средневѣковыхъ историко-гагіографическихъ произведеній; потому, пользуясь ими, какъ историческими источниками, необходимо всегда отдѣлять слогъ писателей или способъ выраженія факта отъ самаго факта или его содержанія, — иначе дѣйствительность легко можетъ получить ложное освѣщеніе, и гагіографическій мнѡзъ займетъ мѣсто дѣйствительной исторіи. Такъ-какъ событія въ «Жизнеописаніяхъ» передаются по памяти, то и нельзя думать, чтобы они были изложены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Огмѣченныя нами въ выноскахъ несогласія между Эбономъ и Гербордомъ подтверждаютъ это: но въ общемъ — рассказъ Герборда (т. е. Ссфрида) для первой миссіи и рассказъ Эбона (т. е. Удалярка) для второй — представляются довольно послѣдовательными и согласуются съ географическими данными, т. е. съ размѣщеніемъ городовъ и путей сообщенія между ними.

Второй родъ фактовъ и событій составляютъ тѣ, которые стоятъ внѣ личнаго наблюденія и участія миссіонеромъ, которые стали имъ известны изъ рассказовъ стороннихъ лицъ.

Здѣсь — почва уже не такъ прочна, какъ въ предыдущемъ: слухъ не имѣетъ достоинствъ личнаго наблюденія, онъ можетъ быть неоснователенъ, неточенъ, можетъ вывѣтриться до пустоты и растянуться до поэтической исторіи. Поэтому и факты, переданные по сообщеніямъ, со вторыхъ рукъ — требуютъ при употребленіи въ дѣло скорѣе осторожности, чѣмъ довѣрія. Мѣркою оцѣнки такихъ фактовъ должно служить согласіе ихъ съ прочими извѣстіями, неумышленность или такъ сказать — невинность ихъ и простота: чѣмъ естественнѣе и проще фактъ, чѣмъ менѣе провѣщество позволяетъ предполагать заднія мысли, чѣмъ менѣе оно заключаетъ признаковъ предвзятыхъ, хотя бы и неумышленныхъ — понятій и стремленій, тѣмъ болѣе оно имѣетъ права на вниманіе изслѣдователя. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія второй порядокъ фактовъ славянскаго быта и исторіи въ

«Жизнеописаніяхъ» содержитъ въ себѣ немного такого, которое пришлось бы отвергнуть или оставить подъ сомнѣніемъ. Всего чаще — это не самый фактъ или событіе, а форма, въ которой передается оно и подробности обстановки, въ которую ставитъ его настроенный къ чудесному умъ Эбона или драматическое авторство Герборда. Факты, переданные со слуховъ — двоякаго рода: одни касаются Польши и ея отношеній къ поморянамъ, другіе относятся собственно къ поморянамъ и нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ нимъ славянскихъ племенъ (лютичамъ, украинамъ, и руянамъ). Источникомъ первыхъ свѣдѣній были, конечно, сами поляки и поморскіе свидѣтели польскаго нашествія; источникомъ вторыхъ были туземные друзья Оттона и оставленные въ Поморьѣ духовныя лица. Миссіонеры имѣли практическую необходимость въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ: отъ нихъ перѣдко зависѣлъ успѣхъ ихъ дѣла и вѣрность предпріятій, потому они вообще должны были быть разборчивы въ отношеніи слуховъ, по крайней мѣрѣ — слуховъ болѣе важныхъ. Отсюда, въ значительномъ большинствѣ случаевъ извѣстія ихъ, взятая изъ этихъ источниковъ — имѣютъ достовѣрный характеръ. За исключеніемъ нѣкоторой чудесной обстановки — они не заключаютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, вполне согласуются съ дѣйствительными событіями, объясняются ими и, въ свой чередъ — даютъ имъ немалое объясненіе.

По всему тому, что было выше замѣчено объ образѣ мыслей и взглядахъ миссіонеровъ, объ отношеніяхъ къ нимъ туземцевъ — трудно предполагать, чтобы *мнѣнія, сужденія, выводы и объясненія явленій и происшествій*, встрѣчающіяся перѣдко въ нашихъ памятникахъ, — могли быть правильными, могли въ точности соответствовать дѣйствительности, и потому — всегда равно быть важны для изслѣдователя. Важны эти сужденія только въ тѣхъ случаяхъ, когда они просто передаютъ впечатлѣніе, произведенное на чужеземцевъ явленіями и порядками славянскаго быта; гдѣ же дѣло идетъ о причинахъ и слѣдствіяхъ явленій, тамъ мнѣніе нѣмецкихъ пришельцевъ имѣетъ силу не

болѣе личную предположенія людей, которымъ открыта одна наружная сторона предмета: прощательный умъ можетъ иногда угадать, что находится внутри его; но безъ основательнаго ознакомленія съ дѣломъ — гораздо чаще можетъ впасть въ ошибку или пустое гаданіе. . . Пусть-бы, однако, это были личные мнѣнія и сужденія очевидцевъ и непосредственныхъ участниковъ: хотя и неѣтрныя, они все же могутъ заключать въ себѣ извѣстную долю косвенной, посторонней истины и навести изслѣдователя на некоторыя немаловажныя соображенія; но въ «Жизнеописаніяхъ» Оттона они такъ слиты съ мыслями и литературною риторикою Эбона и Герборда, что нерѣдко нѣтъ никакой возможности распознать настоящій источникъ. При такихъ обстоятельствахъ — критика не можетъ допустить этого рода показаній даже въ качествѣ косвенныхъ свидѣтельствъ: они останутся для нея личными предположеніями и заданіями, которыя она, по своимъ соображеніямъ, вольна признать или отвергнуть.

Такъ на нашъ взглядъ размѣщаются по степени достовѣрности и важности составныя части славянскаго матеріала «Жизнеописаній» Оттона!

Внутренній бытъ и историческія отношенія славянскаго Поморья. *)

Край, гдѣ происходила дѣятельность Оттона, носятъ въ нашихъ источникахъ названіе Поморья: «*tota Pomerania, provincia Pomerania, terra, regio Pomeranorum* 1). Подъ этимъ именемъ аналитамъ X—XII вв. извѣстна часть славянской земли, лежащая по побережью Балтійскаго моря между рѣками Одрой и Вислой 2). У біографовъ Оттона «Померанія» обозначаетъ не этнографическую единицу, а политическое соединеніе нѣсколькихъ славянскихъ племенъ, состоявшихъ подъ рукою поморскаго князя. Оттонъ самъ свидѣтельствуеъ, что онъ былъ въ Поморьѣ и нѣкоторыхъ городахъ земли лютичей; и дѣйствительно онъ, во второе путешествіе, обходитъ Дыминь, Гостьковъ, Волегоицъ и Узноицъ, которые, лежа на западъ за Одрой — принадлежали собственно къ лютичамъ, хотя и причисляются біографами къ городамъ поморской земли и стоятъ въ зависящихъ отношеніяхъ отъ поморскаго князя 3). Пространство и границы политическаго

*) Считаеиъ напередъ необходимымъ замѣтить, что въ послѣдующихъ ссылкахъ — буквы: pag. обозначаютъ *paginae*, т. е. страницу нашего предмудшаго изложенія, нп. — *notam*, т. е. — прииѣчаніе или выноску его.

1) Herb. II. 1, 5, 7, 10, 12, 30, 37; III, 10; Ebo II. 9, III. 2; pag. 333, 334 n. 1, pag. 326 n. 1, pag. 331 n. 2, pag. 335 n. 1, pag. 354 n. 1, pag. 364 n. 3, pag. 390 и 391 n. 1, pag. 350 n. 1, pag. 373 n. 1.

2) Adamibrem. Gesta IV, 13; cf. II, 19 et schol. 15; Helmoldi Chron. I, 2. У польскихъ лѣтописцевъ кромѣ Pomerania встрѣчается переводъ «Maritima», см. Index postum къ изданію Кадлуба г. Мулковскаго. Crac. 1864.

3) Ebo II. 12; III. 6; Herb. II. 24; pag. 360 n. 1, pag. 331, 332 n. 1; pag. 345, 346 n. 1. См. объ этомъ предметѣ болѣе подробныя замѣчанія у Виггера, Mecklenburgische Annalen, Schw. 1860, p. 114—15; и Квандта, Baltische Studien t. XXII. Schw. 1868, p. 149 sq.

Поморья съ точностью неизвѣстны. Правда, Гербордъ довольно подробно обозначаетъ внѣшній видъ и предѣлы славянской «Помераніи»; но впадаетъ при этомъ въ такія преувеличенія и темноту, которыя ясно показываютъ, что его географія вышла не изъ опыта и дѣйствительнаго знакомства со страной, а изъ общихъ соображеній или глухихъ слуховъ ¹⁾. Если справедлива мысль, что территорія поморскаго политическаго союза была исключительно поприщемъ дѣятельности бамбергскихъ проповѣдниковъ, что Оттонъ не проповѣдывалъ и не имѣлъ въ виду проповѣдывать внѣ предѣловъ его ²⁾, то пространство союза въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ быть обозначено слѣдующимъ образомъ: оно обнимало южное побережье Балтійскаго моря, начиная отъ мѣста противъ острова Руаны, гдѣ впадала рѣка Гильда (нынѣш. Рыкъ) — на востокъ по рѣку Персанту съ двумя городами, лежавшими за нею (Колобрегой и Бѣлградомъ); юговосточная граница края остается въ точности неизвѣстна; на югѣ же онъ непосредственно прилегалъ къ Польшѣ, отдѣляясь отъ нея рѣкою Итецью и огромнымъ лѣсомъ; наконецъ — на западѣ гра-

1) Негб. II. 1; pag. 333, 334 нн. 1.

2) Болеславъ приглашалъ Оттона на проповѣдь не вообще къ смернымъ латышкамъ, а исключительно, къ поморянамъ, которые находились тогда въ зависимахъ отношеніяхъ отъ Польши. Согласно съ этимъ Оттонъ опредѣляетъ цѣль своего предпріятія «проповѣдью въ Поморъ и нѣкоторыхъ городахъ земли лютичей», *Ebo* II. 12; pag. 369 нн. 1, и именно въ тѣхъ, на которые распространялась власть поморскаго князя; онъ идетъ «*litteris Wortizlai duci Pomegranio evocatus... ad gentes sibi commissas*», *Ebo* III. 4, pag. 376, 377 нн. 1, и потому отказываетъ въ проповѣди морчанамъ, не принадлежавшимъ къ поморской власти, *Ebo* III. 4; pag. 376, 377 нн. 1; нигдѣ не видно, чтобы онъ дѣйствовалъ внѣ владѣній поморскихъ и внѣ союза съ польскимъ княземъ (въ первую миссію) и съ поморскими князьями (во вторую). Если Оттонъ, уступая просьбамъ Вриккида, остановился для обличенія латычства лютичей-долишцевъ, *Ebo* III. 8; pag. 378 нн. 1, то онъ сдѣлалъ это на правахъ прохожаго проповѣдника, не входя въ городъ, не недая и не добиваясь успѣха, какъ дѣлалъ въ городахъ Поморья. Онъ желалъ, правда, вти еще къ руянамъ, но не иначе, какъ съ согласія датскаго архіепископа, Негб. III. 30, pag. 406, 407 нн. 1; — да къ тому же это желаніе и осталось однимъ желаніемъ. Всѣ эти обстоятельства, думается, достаточно указываютъ, что истонъ апостольской дѣятельности Оттона было единственно Поморье въ смыслѣ политическаго союза.

ница шла по верховьямъ рѣки Пѣны отъ Дымна къ сѣверу по рѣку Гильду ¹⁾. Дѣятельность Оттона сосредоточивалась преимущественно на сѣверной части страны, какъ болѣе населенной и важной; южной окраины онъ коснулся только мимоходомъ и, кромѣ того, во второе путешествіе прошелъ часть земли лютичей (долинцовъ) и морачанъ ²⁾.

Природа страны соединяла въ себѣ много условій для довольнаго существованія человека и поощренія труда его. Край представлялъ обширную равнину. Море, облежавшее сѣверъ ея, мѣстами глубоко врѣзывалось въ материкъ, образуя множество заливовъ, среди которыхъ помѣщались значительные острова и полуострова ³⁾. Въ странѣ проходили многія рѣки; между ними первенствующее мѣсто занимала Одра, какъ по величинѣ, такъ и по удобности сообщенія съ моремъ; внутри—находилось довольно много большихъ и малыхъ озеръ. Мѣстность—ровная, почти лишённая горныхъ возвышенностей, по крайней мѣрѣ—такихъ, которыя могли бы имѣть замѣтное вліяніе на бытъ народа, во многихъ частяхъ была покрыта густыми и обширными лѣсами ⁴⁾. *Естественныя богатства края* засвидѣтельствованы Сефридомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя можно было бы назвать преувеличенными, еслибы справедливость ихъ не подтверждалась другими источниками. Воды страны были несвѣротно обильны рыбою, лѣса—дичью и полезными животными: оленими, зубрами, вепрями, медвѣдями и прочими звѣрями. Почва, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и имѣла болотистый характеръ, отличалась вообще необыкновеннымъ плодородіемъ, произрастая въ изобиліи тучные

1) Herb. II, 1, 10, 12; III, 1—2; Ebo II, 4; III, 5; pag. 333 an. 1, 2, 334 an. 1, 335 an. 1, 336, 337 an. 1, 378, 379 an. 1, 378 an. 1. Впрочемъ, принадлежность Вѣлграда и Колобреги къ поморско-лютичскому союзу—еще вопросъ.

2) Ebo III, 2, 4; pag. 375 an. 1, 376, 377 an. 1.

3) Herb. II, 1; Ebo II, 18; pag. 333, 334 an. 1.

4) Herb. II, 1, 10, 24, 28, 41; III, 2; Ebo II, 1; III, 4, 6; pag. 333, 334 an. 1, 335 an. 1, 345, 346 an. 1, 365 an. 1, 368 an. 1, 376, 377 an. 1, 381 an. 1, 382 an. 1.

злаки, разнаго рода зелень, овощи, сѣмена, всякія полезныя растенія и деревья ¹⁾).

Столь богатая и разнообразная природа должна была отозваться соответствующимъ вліаніемъ на бытъ и образъ жизни обитателей. Ровный характеръ страны, отсутствіе внутри ея рѣзкихъ естественныхъ преградъ, сближая и связывая отдѣльныя части населенія, сообщало ему племенное однообразіе и нѣкотораго рода этнографическую цѣльность. Тогда — какъ на пространствѣ между Лабой и Одрой исторія замѣчаетъ множество мелкихъ славянскихъ племенъ, конечно — близкихъ между собою, но имѣвшихъ и свои бытовые отличія, она — не знаетъ ничего подобнаго относительно собственнаго Поморья, гдѣ сидитъ одно цѣльное племя, безъ этнографическихъ подраздѣленій. Естественныя богатства страны и легкость путей сообщенія должны были отозваться не только на внутреннемъ благосостояніи жителей, но и на развитіи труда и обмѣнѣ его посредствомъ торговли, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и на образованности ихъ. Разнообразіе природныхъ условій сообщало странѣ и значительную внѣшнюю крѣпость, и безопасность, поставляя естественныя преграды внешнимъ вторженіямъ и дѣйствіямъ враговъ: огромныя лѣса и рѣки тянулись по границамъ земли, города и другія осѣлости, окруженные озерами и болотами, были трудно доступны для непріятеля, а по морскимъ заливамъ и озерамъ находилось много острововъ, на которыхъ, въ случаѣ вражяго погрома, жители могли найти временное безопасное убѣжище ²⁾. Вообще природа Поморья представляла много простора и поощренія для успѣшнаго развитія просвѣщенія и гражданственности. Если успѣхи въ этомъ отношеніи были вообще слабы, то причина этого зависѣла не отъ природы, а отъ человѣка и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, среди которыхъ ему выпало жить и дѣйствовать.

1) Herb. II. 1, 3, 31, 33, 41; Ebo III. 4, 17; pag. 333, 334 no. 1, 336 no. 1, 342 no. 3, 363 no. 1; 376, 377 no. 1.

2) Herb. II. 5, 10, 24, 25; Ebo II. 18; III. 4; pag. 326 no. 1, 335 no. 1, 345, 346 no. 1, 365 no. 1, 377 no. 1.

Населеніе страны было исключительно славянское. Нѣмецкіе проповѣдники въ два путешествія и съ двухъ разныхъ концовъ обходятъ всѣ важнѣйшія мѣста поморской земли и восточныхъ лютичей, они находятся въ близкихъ непосредственныхъ сношеніяхъ и съ высшимъ сословіемъ, и съ простымъ народомъ, и они не встрѣчаютъ ни малѣйшаго слѣда другой рѣчи, кромѣ славянской. Они окружены славянами—и только одними славянами; всѣ сношенія ихъ съ «варварами» идутъ чрезъ переводчиковъ; чрезъ переводчика же и самъ Оттонъ говоритъ къ народу; языкъ туземцевъ они постоянно называютъ «slauica» или «barbarica lingua»¹⁾. Правда, не всегда, не при каждомъ частномъ случаѣ сношеній Оттона съ поморянами біографы указываютъ на участіе и посредство переводчиковъ; но это потому, что такое участіе само собою разумѣлось, что незачѣмъ было повторять фактъ, извѣстный и незамѣчательный. Поэтому можно даже думать, что среди славянскаго населенія страны—не существовало никакихъ, сколько нибудь значительныхъ, инородческихъ поселковъ; иначе—они были бы замѣчены и указаны внимательными миссіонерами. Конечно, въ поморскихъ городахъ были и иноземцы, пришлые ли гости, случайные ли обитатели или плѣнные рабы—но такіа одиночныя явленія могутъ быть оставлены безъ вниманія при опредѣленіи этнографіи населенія Поморья.

Степень заселенности края не можетъ быть съ точностью опредѣлена изъ показаній бамбергскихъ проповѣдниковъ: они шли по свѣжему слѣду польскаго погрома; города и другія осѣдлости лежали въ развалинахъ; множество жителей погубло, много разбѣжалось и укрылось по островамъ, много было уведено плѣнными и поселено въ Польшѣ²⁾. Судить о нормальномъ историческомъ состояніи по такому случайному, возмущенному положенію

1) Herb. II. 6, 9, 11, 16; III. 6, 7, 19; Ebo II. 8, 18; III. 5, 7, 12, 15, 16; pag. 390 nn. 2, 331 nn. 1, 335 nn. 1, 340 nn. 1, 338 nn. 1, 367 nn. 1, 361 nn. 1; 331 nn. 1, 379 nn. 1, 369, 396 nn. 2, 397 nn. 1.

2) Herb. II. 6, 18, 38; Ebo II. 16; III. 4; pag. 326 nn. 1, 337 nn. 2, 365 nn. 1, 377 nn. 1.

нию страны — невозможно. Есть, однако, въ нашихъ источникахъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія, заслуживающія быть замѣчанными, таковы извѣстія о значительномъ числѣ крестившихся въ Пырицѣ и Камнитѣ, о многолюдномъ населеніи жупы вольнской¹⁾... Принявъ въ расчетъ и другія соображенія, можно полагать, что сѣверная часть края и бассейнъ Одры были заселены не бѣдно. Условія, благоприятныя для развитія жизни, промышленной и торговой дѣятельности, образовали въ этихъ мѣстахъ многолюдные города, которые, естественно, должны были притягивать населеніе съ востока и юга. Поэтому и дѣятельность Оттона не безъ причины сосредоточилась на сѣверѣ страны, гдѣ находился центр поморской жизни, по мѣрѣ отдаленія отъ котораго населеніе рѣдѣло, и начинались пустоши²⁾.

Образъ жизни населенія былъ прочный, осѣдлый. Формы осѣлости: деревни и села, крѣпости и города.

Деревни и села — uillae, uici, uiculi, rura — неоднократно упоминаются въ «Жизнеописаніяхъ» Оттона, но очень глухо³⁾; изъ этихъ показаній нельзя составить никакого опредѣленнаго понятія о формѣ поморской сельской осѣлости. Кажется, что бамбергскіе проповѣдники не заходили въ эти мѣста, да и не имѣли въ томъ необходимости, такъ какъ сельское населеніе часто само сходилось въ города. Деревни и села по большей части расположены были недалеко отъ торговыхъ и защитныхъ центровъ; и изъ того, что въ нихъ проживали иногда знатныя и богатые лица⁴⁾ — можно заключать, что они были не незначительны.

Крѣпости — castra, castella, urbes, municiones — находились и внутри, и по окраинамъ страны, въ мѣстахъ отъ природы удоб-

1) Herb. II, 17, 20, 34, 37; Ebo II, 11; pag. 348 an. 2, 342 an. 2, 360 an. 1, 361 an. 2.

2) Ebo II, 4; Herb. II, 13; pag. 337 an. 2.

3) Herb. II, 13, 14, 23, 26, 34, 38, 39; III, 4, 23; Ebo II, 4, 13; III, 7; pag. 337 an. 2, 338 an. 1, 344 an. 1, 352 an. 1, 365 an. 1, 366 an. 1, 384 an. 1, 361 an. 383 an. 1.

4) Herb. II, 23; (Ebo II, 9); pag. 344 an. 1, 352, 353 an. 1.

ныхъ для защиты и были укрѣплены съ такимъ искусствомъ, что считались непобѣдимыми ¹⁾. Нѣкоторыя, какъ Пырица, Градецъ и Любвицъ имѣли кажется и постоянное обывательское население ²⁾; въ другихъ—была одна стража; окрестные жители собирались въ нихъ съ своимъ имуществомъ только въ виду опасности непріятельскаго нападенія ³⁾. Хотя количество пограничныхъ крѣпостей въ Поморьѣ было довольно значительно ⁴⁾, но самое положеніе ихъ не могло быть особенно благоприятно для развитія широкаго общежитія. Вотъ почему напр. южныя пограничныя крѣпости не разрослись, какъ на сѣверѣ, въ обширные города; Пырица была скорѣе сильною княжескою крѣпостью — *castrum ducis*, чѣмъ городомъ въ широкомъ значеніи этого слова: какъ политическое (и религіозное?) средоточіе окрестной области, она соединила подъ своими стѣнами, въ годовищну языческаго праздника, болѣе четырехъ тысячъ народа, но это не были ея постоянные обитатели, а деревенскіе пришельцы; и вообще изъ источниковъ не видно, чтобы Пырица имѣла устройство настоящаго города ⁵⁾. Пограничныя крѣпости стояли слишкомъ далеко отъ возможности движенія жизни и ея интересовъ, въ мѣстахъ постоянной опасности, среди пустынной, неводѣланной и непривлекательной природы, они могли удовлетворять цѣлямъ защиты, но не могли стать центромъ развитаго общежитія.

Города — *ciuitates, oppida, urbes*. Выше мы имѣли случай замѣтить, что въ силу историко — географическихъ условій развитіе общественной жизни должно было сосредоточиться преимущественно на сѣверѣ страны, гдѣ море, съ своими безчисленными заливами и островами, не только давало обильный источникъ для промышленной дѣятельности, но и открывало свободный торговый путь къ иноземнымъ рынкамъ и предлагало довольно прочную

1) Herb. II. 6; III 10; pag. 326 н. 1, 391 н. 1.

2) Herb. II. 14—17; 37; pag. 325 н. 1, 338 н. 2, 340 н. 2, 361 н. 2.

3) Herb. II. 6; III, 10; pag. 326 н. 1, 391 н. 1.

4) Herb. II. 6; pag. 326 н. 1.

5) Herb. II. 14—17; pag. 338 н. 1, 340 н. 2, 3.

защиту въ случаѣ нападенія непріятеля. Оттого самые значительные города Поморья возникаютъ въ сѣверѣ страны, при морѣ, или вблизи его, на рѣкахъ, непосредственно въ него ведущихъ. Таковы:

а) *Штетина*; она лежала при впаденіи Одры въ озеро, образуемое морскимъ заливомъ. Хотя имя города становится въ первый разъ исторически извѣстно изъ «Жизнеописаній» Оттона, но уже тогда онъ слылъ *знаменитѣйшимъ и дрскнѣйшимъ* городомъ поморской земли. По понятіямъ того времени городъ былъ очень обширенъ и многолюденъ: онъ вмѣщалъ въ себѣ три холма и имѣлъ жителей—девятисотъ отцовъ семействъ, не считая женъ, дѣтей и множества прочаго люда. Окруженная со всѣхъ сторонъ водой и болотами и сильно укрѣпленная искусствомъ, Штетина была почти непреступна для непріятеля. Какъ старѣйшій и сильнѣйшій изъ поморскихъ городовъ, какъ средоточіе обширной торговой дѣятельности, наконецъ — какъ важный передовой постъ, стоявшій защитой у входа страны съ сѣвера, Штетина имѣла первенствующее политическое значеніе, признавалась метрополіей земли и матерью прочихъ городовъ ея; ей принадлежалъ починъ въ общественныхъ дѣлахъ и рѣшеніямъ ея покорялись младшіе сверстники ¹⁾).

б) *Волына* — *Iulin* — находилась на сѣверъ отъ Штетины, на островѣ, обтекаемомъ широкимъ устьемъ Одры. Городъ былъ также великъ, сильно укрѣпленъ и многолюденъ. Значительность населенія его видна отчасти изъ того, что бамбергскіе проповѣдники положили на дѣло крещенія два мѣсяца — и все таки осталось много некрещеныхъ, ходившихъ за море по торговымъ дѣламъ. Важное значеніе Волына, какъ торговаго центра страны, побудило кн. Вартислава избрать его стольнымъ городомъ поморской епископіи ²⁾).

1) Herb. II. 5, 23, 34; III. 25; Ebo II. 9, 11; III. I. pag. 326 nn. 1, 349 nn. 1, 360 nn. 1, 404 nn. 1, 350 n. 1, 361 nn. 1, 372 nn. 1.

2) Herb. II. 24, 87, 40; Ebo II, 7, 11. 15; III. I; pag. 345, 346 nn. 1, 361 nn. 3, 365, n. 1, 371 nn. 1.

в) *Камни* — на востокъ противъ острова Волина. Городъ, кажется образовался изъ княжьяго укрѣпленія и потому считался собственностью князя и былъ постояннымъ мѣстомъ его жительства. Здѣсь проживали законная жена Вартислава, его семейство и родственники. Оттонъ оставался въ Камни около 50 дней, крестя народъ, который ежедневно приходилъ изъ того мѣста и окрестности ¹⁾).

г) *Клодно*. Судя по направленію пути бамбергской миссін, Клодно должно было находиться между Волиномъ и Колобрегой, на лѣвомъ берегу рѣки (Реги?), среди лѣсной природы. Жители города занимались преимущественно торговлею въ чужихъ земляхъ, спускаясь для этого по рѣкѣ — въ море ²⁾).

д) Неизвѣстно, какъ назывался тотъ обширный и простран- ный городъ, обгорѣлыя развалины котораго миссіонеры встрѣ- тили за рѣкой (Регой?) на пути отъ Волина къ Колобрегѣ ³⁾).

е) *Колобрега* находилась на морскомъ берегу при устьѣ рѣки Персанты, на правой сторонѣ ея. Городъ былъ по преимуществу торговый: Оттонъ, прійдя въ него въ началѣ 1125 года, засталъ его почти пустымъ, ибо большинство жителей ушло торговать въ море, на острова ⁴⁾).

ж) *Бьлградъ* — также на правомъ берегу Персанты, на раз- стояніи одного дня пути отъ Колобреги ⁵⁾).

За Одрой, въ области поморскихъ лютичей, находились слѣ- дующіе города:

з) *Дыминъ* — на верховьѣ рѣки Пѣны. Городъ стоялъ на гра- ницѣ поморскихъ лютичей и долинцевъ, а потому имѣлъ преиму- щественно военно-оборонительное значеніе и былъ хорошо укрѣ- пленъ ⁶⁾).

1) Herb. II. 19—23; Ebo II. 5; III. 23, pag. 342 an. 1, 2.

2) Herb. II. 33, 40; pag. 365 an. 1, 367 an. 1.

3) Herb. II. 33; pag. 365 an. 1.

4) Herb. II. 39; pag. 366 an. 1.

5) Herb. II. 39; pag. 366 an. 1.

6) Herb. II. 39; III. 2; Ebo III. 5, 6; pag. 366 an. 1, 379 an. 1, 379 an. 1.

в) *Узномъ* на островѣ того же имени. Городъ, какъ кажется, былъ не незначителенъ, иначе-едва ли Вартиславъ избралъ бы его въ 1127 г. мѣстомъ сейма всѣхъ волостителей и знатныхъ людей поморской земли ¹⁾).

к) *Волстоуцъ* находился на сѣверѣ страны поморскихъ лютичей, противъ острова Узномъ, на заливѣ, образуемомъ впадениемъ р. Пѣны въ море. По отзыву бамбергскихъ миссіонеровъ—это былъ богатѣйшій (торговый) городъ ²⁾. Въ немъ находилось замѣчательное святилище Яровита.

л) *Гостыковъ* между Дымшинымъ и Узномомъ. Значительность города видна отчасти изъ того, что въ немъ находилось святилище удивительной величины и художественной отделки ³⁾. Городъ велъ значительную торговлю.

Таковы главные города поморской земли. Кромѣ нихъ въ нашихъ источникахъ упоминаются еще: *Иакла*, сильно укрѣпленная и твердая; она была разорена и сожжена Болеславомъ III въ 1121 г. ⁴⁾; княжеская крѣпость *Старырадъ* ⁵⁾ и городъ Гаволянъ-неизвестнаго наименованія ⁶⁾. Города Поморья, какъ вобще всѣ старинные славянскіе города—выросли и развились во большей части изъ небольшихъ защитныхъ городковъ или религіозно-военныхъ укрѣпленій, подъ стѣнами которыхъ — ради удобствъ защиты и общегита, садилось постоянное население. Крѣпость тк. обр. образовала среднее ядро или центръ собственного города. Въ ней обыкновенно помѣщалось святилище, замокъ князя, обширныя прочныя зданія, къ нимъ принадлежавшія, и дворъ; все вмѣстѣ было обнесено твердыми стѣнами ⁷⁾.

1) Herb. III, 3; Ebo III, 6; pag. 362 an. 1.

2) Herb. II, 39; III, 5, 6; Ebo III, 7, 8, 17; pag. 366 an. 1, 393 an. 1, 384 an. 1; 386 an. 1.

3) Herb. II, 39; III, 7; Ebo III, 9—10; pag. 366 an. 1, 386 an. 2.

4) Herb. II, 5, 30; pag. 326 an. 1, 354 an. 1.

5) Ebo II, 4; pag. 333 an. 2.

6) Ebo III, 8; pag. 375 an. 1.

7) Ebo II, 7, 9, 24; III, 1, 16; Herb. II, 24, 26; Prief. II, 5; pag. 346 an. 1, 350 an. 1, 371 an. 1, 372—78 an. 1, 397 an. 1,

Жилъ ли кто постоянно въ этомъ мѣстѣ — изъ источниковъ не видно; но если и жили, то не простые, обыкновенные обыватели, а правительственные лица и городская стража. Вокругъ стѣлъ крѣпости располагался городъ, гдѣ жило торговое и ремесленное и вообще все главное населеніе. Городъ имѣлъ улицы, по которымъ для удобства иногда лежали деревянные помосты; площади, на которыхъ происходили торги и совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ, вѣча; для послѣднихъ были устроены особыя возвышенныя мѣста, вѣчевыя ступени, съ которыхъ говорили къ народу правительственные лица и старѣйшины. Дома въ городѣ, иногда довольно высокія, были выстроены по большей части изъ дерева и тѣсно стояли другъ возлѣ друга. Самый городъ былъ также обнесенъ валомъ или стѣнами и имѣлъ входныя ворота ¹⁾. За городомъ — помѣщалось предмѣстье, гдѣ находились различныя хозяйственные зданія, житницы, амбары и т. д. далѣе ²⁾. Не всѣ города имѣли такое развитое устройство, но всѣ — въ большей или меньшей степени, смотря по значительности и обширности города.

Такимъ образомъ — поморскій городъ соединялъ въ себѣ два назначенія: онъ былъ столько же мѣстомъ общежитія, взаимной обмѣны труда, религіознымъ и административно-экономическимъ центромъ, сколько и мѣстомъ защиты, пространною оборонительною крѣпостью ³⁾.

Пути сообщенія. Сообщеніе между отдѣльными мѣстностями и частями страны, городами, крѣпостями и селами — происходило

1) Ево II, 1; III, 1—3, 15, 18; Herb. II, 24, 26, 34; III, 17, 23; pag. 326 no. 2, 371 no. 1, 372 no. 1, 395 no. 1, 396 no. 1, 2, 397 no. 1, 403 no. 1, 347 no. 1, 348 no. 1, 2, 352 no. 1, 360 no. 1, 2.

2) Herb. II, 24; pag. 348 no. 2. Существованіе пригородовъ — suburbia изъ нашихъ источниковъ не совсѣмъ ясно, но оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, cf. Martini Galli Chronicon II, 28 у Бѣлевскаго въ Monumenta Poloniae, I, p. 446—8 о пригородѣ въ Колобрегѣ.

3) Для ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ и исторіею поморскихъ городовъ можно обратиться къ превосходному сочиненію Кратца: Die Städte der Provinz Pommern. В. 1865; а равнымъ образомъ къ ст. Геринга: «Beiträge zur Topographie Stettins in älteren Zeit» въ Baltische Studien X, 1, 1844, p. 1—86.

безъ особыхъ затрудненій, столько же посредствомъ многихъ путей водныхъ, сколько и чрезъ твердыя дороги, которыя были достаточно устроены даже для движенія значительнаго количества людей. Миссія слѣдовала изъ города въ городъ то по рѣкамъ и озерамъ, то по твердому пути; тѣми же дорогами ходили войска и дружина князя Вартислава и, наконецъ—войска Болеслава III, разгромившія сѣверное Поморье. Затрудненія въ путяхъ сообщенія замѣчаются на южной и западной окраинахъ страны, гдѣ на большихъ пространствахъ тянулись огромные еще дикіе, дѣвственные лѣса и болота ¹⁾. Впрочемъ, такъ-какъ путь миссіонеровъ и князей былъ строго опредѣленный, отъ одного значительнаго города къ другому, то и заключеніе объ особенно широкомъ развитіи путей сообщенія во всемъ Поморьѣ—не представляется необходимымъ. Вѣрно только, что *важнѣйшіе* города и мѣста жительства сообщались между собою легко и свободно. По болотистымъ топямъ, заливамъ и рѣкамъ находились мосты, правда—непрочные; но удовлетворявшіе первымъ потребностямъ сношеній ²⁾.

Занятія населенія были довольно разнообразны:

Земледѣльемъ, оторочничествомъ и садоводствомъ занималось преимущественно населеніе сельское и жители пригородей. Они воздѣлывали рожь, пшеницу, лёнъ и коноплю, макъ и многія другія огородныя и садовыя овощи. Жатвы отличались обиліемъ и производились посредствомъ серпа. Богатство плодовыхъ деревьевъ приводило бамбергскихъ миссіонеровъ въ изумленіе ³⁾. Само собою разумѣется, что усѣбки земледѣлія были не вездѣ одинаковы: они зависѣли и отъ характера почвы, неравномѣрно плодородной, покрытой еще во многихъ частяхъ тонкими болотами,

1) Herb. II, 8, 10, 12, 21, 24, 26; III, 2, 14; Ebo II, 4; III, 8, 5, 15, 20; 326 н. 1, 335 н. 1, 337 н. 1, 342 н. 3, 345, 346 н. 1, 350 н. 1, 361, 374, 381 н. 1, 395 н. 333 н. 1, 378 н. 1, 394 н. 1, 403 н. 2.

2) Ebo III, 10, 18; Herb. II, 24; pag. 368 н. 1, 402 н. 1, 348 н. 2.

3) Herb. II, 1, 23, 41; III, 4; Ebo II, 6; III, 22; pag. 333, 334 н. 1, 344 н. 1, 368 н. 1, 384 н. 1, 405 н. 1.

и отъ историческихъ обстоятельствъ: мѣста, открытыя для вражнихъ набѣговъ, представляли для земледѣльца мало прочной надежды на успѣхъ, и потому — не могли особенно поощрять и развивать трудъ его. Земледѣіе успѣвало только въ болѣе счастливыхъ, плодородныхъ и безопасныхъ мѣстностяхъ... Тѣмъ не менѣе, говоря вообще о всемъ народѣ, характеръ занятій его былъ по преимуществу земледѣльческій; иначе — едва ли бамбергскіе миссіонеры воздали бы такую хвалу земледѣльческому обилію и богатству страны.

Скотководство находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Роды домашняго скота были: свиньи, овцы и бараны, козы, коровы и быки, составлявшіе вьючный скотъ; особенно же славны были огромные и сильные кони, цѣнившіеся очень высоко. Количество ихъ измѣрилась сила и могущество знатныхъ людей ¹⁾.

Рыболовство, естественно, было однимъ изъ важнѣйшихъ занятій жителей, сидѣвшихъ по морскимъ заливамъ, озерамъ и рѣкамъ. Главный родъ рыбы составляли сельди, обиліе, величина и пріятный вкусъ которыхъ столь положительно засвидѣтельствованы Сефридомъ. Кромѣ сельдей ловилась иная рыба; объ одномъ большомъ родѣ ея (камболд-ромбъ) миссіонеры сохранили почти полубаснословное воспоминаніе ²⁾.

Пчелководство, какъ особый промыселъ или занятіе, можетъ быть предполагаемо изъ существованія отличныхъ медовъ, о которыхъ рассказываетъ Сефридъ ³⁾.

Ремесленные занятія главнымъ образомъ обнимали предметы первой необходимости: постройку жилыхъ и хозяйственныхъ зданій, рѣчныхъ и морскихъ судовъ, выдѣлку оружія, домашней утвари, полотна и другихъ тканей для одеждъ, обуви... ⁴⁾. Впрочемъ, какъ кажется, ремесленная дѣятельность уже не ограни-

1) Herb. II, 23, 41; III, 2, 27; Ево III, 10, 21; pag. 344 на. 1, 366 на. 1, 361 на. 1, 388 на. 1.

2) Herb. II, 1, 41; Ево III, 4, 17; pag. 333, 334 на. 1, 366 на. 1, 377 на. 1, 402 на. 1.

3) Herb. II, 1, 41; pag. 333, 334 на. 1, 366 на. 1.

4) vide infra: pag. 433 на. 3, 4, 432 на. 4, 354 на. 1, 2, 3.

чивалась однимъ этимъ, но распространялась и на нѣкоторые предметы роскоши, шитье золотомъ, художественныя скульптурныя и живописныя работы, литье или ковку изъ благородныхъ металловъ ¹⁾).

Война, или говоря вѣрнѣе—*пиратство и грабежъ* принадлежали къ обычному промыслу. Знатные, богатые люди, вожди собирали дружины и ходили наудалую грабить сосѣднія земли, преимущественно Данію и Польшу ²⁾. Добыча раздѣлялась между соучастниками похода; часть ея шла въ сокровищницы храмовъ. Пиратствомъ и разбоемъ занимались очень многіе изъ народа, по крайней мѣрѣ о поморянахъ шла общая молва, какъ о народѣ дикомъ, несобуданномъ, привыкшемъ жить грабежомъ и войною, безпрестанно разорявшемъ сосѣднія страны, нещадившемъ даже своихъ близкихъ соотечественниковъ ³⁾.

Торговая дѣятельность—при естественной производительности страны и легкости путей сообщенія—была очень значительна. Это видно даже изъ случайныхъ показаній нашихъ источниковъ: многіе волиняне ходили за море (въ Данію и Швецію) по торговымъ дѣламъ, то-же дѣлали и жители Штетина и Клодны; Штетинъ торговалъ съ Руюной; обитатели Колобреги, при наступленіи зимы, почти всѣ отпраивались въ море на острова для торговли, такъ что Отгонъ нашелъ городъ опустѣлымъ; Гостыковцы вели торговля дѣла съ датчанами... ⁴⁾ Для внутренней торговли по городамъ и большимъ деревнямъ въ опредѣленные дни открывались рынки, къ которымъ и сходился окрестный народъ ⁵⁾. Предметами торговли, можно полагать, были: рыба, соль, хлѣбъ, товары, шедшіе съ запада, а также и челядь—рабы. Торговля,

1) Нерб. II, 28, 32; III, 6; Ево II, 13, III, 1, 8, 10; pag. 352, 353. н. 1, 356. н. 1, 357 н. 2, 366 н. 1, 363 н. 1, 371 н. 1, 372 н. 1, 388 н. 1.

2) Ево III, 2; pag. 374 н. 1.

3) Нерб. II, 1, 32, 33; III, 2; Ево III, 2, 13, 23; pag. 333, 334 н. 1, 356 н. 1, 359 н. 1, 379 н. 1, 381 н. 1, 374 н. 1, 392 н. 1, 405 н. 2.

4) Ево II, 15, III, 12; Нерб. II, 39, 40, III, 30; pag. 364 н. 2, 389 н. 1, 366 н. 1, 367 н. 1, 406 н. 1.

5) Нерб. II, 26; III, 4; pag. 332 н. 1, 384 н. 1.

можно думать, производилась и мѣною предметовъ, и денежною куплею. Монета въ странѣ ходила чужеземная, польская и вѣроятно — датская и саксонская. Особою рѣдкостью она не была, какъ видно изъ того, что ее въ большомъ количествѣ имѣли не только владѣтельные и знатныя лица, но и обыкновенные горожане ¹⁾).

Общій экономическій бытъ Поморья представляется бамбергскими проповѣдниками въ состояніи довольства и богатства: въ странѣ, по ихъ словамъ, не было нищихъ, и бѣдняки вообще презирались. Наученный печальнымъ примѣромъ Бернгарда, отвергнутаго волиничами ради его видимой бѣдности, Оттонъ особенно заботился о томъ, чтобы явиться къ варварамъ въ блескѣ, обиліи и богатствѣ и тѣмъ привлечь ихъ къ христіанству; этимъ обстоятельствомъ онъ объяснялъ потомъ часть успѣха своего дѣла ²⁾. Дѣйствительно, въ странѣ было много богатыхъ людей, они имѣли большое вліяніе и силу, но едва ли можно сказать, что въ ней вовсе не было бѣдности, по крайней мѣрѣ — едва ли наблюденія проповѣдниковъ и ихъ знаніе народнаго быта были столь многосторонне — обширны, чтобы мы могли принять отзывъ ихъ за полную правду: бамбергская миссія видѣла только города и не заглядывала въ тѣ глухія гнѣзда, гдѣ обитаетъ голъ и суровая нищета.

Домашнее хозяйство, смотря по состоянію лицъ, было болѣе или менѣе обширно и благоустроено. Дома и другія зданія за недостаткомъ камня строились изъ дерева и имѣли иногда верхнее (горницы) и нижнее отдѣленія ³⁾. Яства и питье подавались въ изобиліи. Сефридъ особенно хвалитъ необыкновенный вкусъ меду въ и пива, необыкновенную чистоту и порядокъ стола ⁴⁾. Изъ

1) Herb. II, 9, 30, 41; III, 2; Ebo III, 9, 12, 13; pag. 333 nn. 1, 354 nn. 1, 368 nn. 1, 361 nn. 1, 387 nn. 1, 389 nn. 1, 390 nn. 1, 392 nn.

2) Herb. II, 7, 14; Ebo II, 2, 3, 13; III, 9; pag. 329 nn. 2, 330 nn. 1, 331 nn. 2, 338 nn. 2, 328 nn. 1, 364 nn. 1, 388 nn. 2.

3) Herb. II, 24, 31; III, 5; Ebo III, 7; pag. 347 n. 1, 357 nn. 1, 383 nn. 1.

4) Herb. II, 1, 41; Ebo III, 7; pag. 383, 384 nn. 1, 368 nn. 1, 363 nn. 1.

домашнихъ вещей упоминаются: чаши, турьи рога, удобные для пѣвїа, а равно и рога для питья меда, и другіе сосуды ¹⁾. Одежда была проста, но едва ли особенно бѣдна, такъ—какъ она составляла предметъ воинской добычи. Какъ воины, такъ и простые люди носили плащи и шляпы, отличные по своей формѣ отъ подобныхъ нѣмецкихъ. Жрецы носили длинную одежду ²⁾. Обыкновенное вооруженіе состояло въ копьяхъ, между прочимъ, металлическихъ, мечахъ, сѣкирахъ, ножахъ и щитахъ. Войска имѣли знамена ³⁾.

Военное дѣло. По отзывамъ свидѣтелей поморяне были опытны и искусны въ болахъ на морѣ и твердой землѣ, усердно и ловко отправляли свои воинскія обязанности; каждый сражался безъ щитоносца, и только князья и воеводы имѣли одного, много—двухъ слугъ ⁴⁾. Такому отзыву нельзя, впрочемъ, придавать большого значенія: ихъ военного искусства и силъ хватало на борьбу съ такими сосѣдями, какъ лютичи и руяне; но не съ такими, каковы были поляки. Погромы Болеслава III показываютъ, что поморскія полчища не могли выдержать борьбы съ правильно устроеннымъ войскомъ; потому всего ближе думать, что поморяне приобрѣли славу искусныхъ воиновъ своими удалыми пиратскими набѣгами, а не веденіемъ настоящей войны. То-же или почти то-же должно сказать и о ихъ военномъ оборонительномъ искусствѣ: хотя свидѣтели и говорятъ о крѣпости ихъ городовъ и мѣсть защиты, хотя сами туземцы очень надѣялись на ихъ неприступность и непобѣдимость; но эти надежды мало оправдывались дѣйствительностью ⁵⁾. Войско поморянъ состояло изъ пѣхоты и конницы. Последняя была, какъ кажется, войскомъ по-

1) Herb. II, 32; pag. 356 nn. 1.

2) Herb. II, 23; III, 2; Ebo II, 13; III, 8; pag. 344 nn. 1, 381 nn. 1, 363 nn. 1, 384 nn. 1.

3) Herb. II, 11, 23, 24, 32—3; III, 5, 6, 17—18, 22; Ebo III, 8, 16, 18, 18; pag. 330 nn. 1, 344 nn. 1, 347 nn. 1, 356 nn. 1, 367 nn. 2, 369 nn. 1, 383 nn. 1, 360 nn. 2, 365 nn. 1, 375 nn. 1, 396 nn. 2.

4) Herb. II, 1, 29; pag. 334 nn. 1, 344 nn. 1.

5) Herb. II, 5; III, 10; pag. 226 nn. 1, 391 nn. 1.

стояннымъ, т. е. постоянными дружинами князей и знатныхъ людей земли ¹⁾).

Правственное состояніе народа представляется на первый взглядъ полнымъ рѣзкимъ противорѣчіемъ: съ одной стороны свидѣтели хвалятъ его необыкновенную общительность, честность, гостепримство и вѣжство, простое добродушіе, веселость и чистоту нравовъ ²⁾;—съ другой отзываются о немъ, какъ о народѣ дикомъ, свирѣпомъ и грубомъ, народѣ звѣрской жестокости, преданномъ грабежу и разбою ³⁾. Противорѣчіе исчезнетъ, если вспомнимъ, какую тяжелую школу жизни проходили поморяне: тѣснимые отовсюду врагами, они неминуемо должны были огрубѣть въ борьбѣ за свободу и право существованія. Въ сферѣ домашней, среди мира, выходили наружу и дѣйствовали старые добрые нравы, привычки и инстинкты народа; но въ ея, въ отношеніи ко врагамъ—жажда добычи, ненависть и месть увлекала его въ другую, противоположную сторону. И нѣтъ ничего удивительнаго, что систематическій, закономъ церкви и государства освященный—разбой и жестокость своихъ враговъ онъ стремился вознаградить мелкимъ грабежомъ и равною жестокостью. Потому, въ нравственномъ отношеніи поморяне едва-ли въ глазахъ историка стануть ниже своихъ сосѣдей, нѣмцевъ, датчанъ и поляковъ. Грубость и звѣрство было общемою чертою быта всѣхъ ихъ. Что ожесточенная дикость поморянъ зависѣла не отъ низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, а была слѣдствіемъ историческихъ обстоятельствъ, это видно изъ ихъ обширныхъ торговыхъ сношеній и изъ того, что имъ вообще не остались чужды нѣкоторые успѣхи образованности. Правда, они не пользовались

1) Herb. II, 11, 12, 21—3; III, 2, 5; Ebo III, 5; pag. 335 an. 1, 337 an. 1, 392 an. 3, 343 an. 1, 344 an. 1, 378 an. 1, 384 an. 1.

2) Herb. II, 12, 14, 41; Ebo III, 1, 7; pag. 337 an. 1, 338 an. 1, 339 an. 1, 2, 368 an. 1, 371 an. 1, 383 an. 1.

3) Herb. II, 1, 4, 24, 37; III, 30; Ebo II, 1, 7; III, 3, 13, 14, 23; pag. 325 an. 1, 327 an. 1, 334 an. 1, 340 an. 1, 347 an. 1, 348 an. 1, 364 an. 3, 407 an. 1; 375 an. 1, 392 an. 1, 393 an. 1, 405 an. 2.

искусствомъ письма, но зато понимали и цѣнили достоинство пластическаго искусства, имѣли художественно отдѣланные храмы и художественныя изображенія боговъ, приводившія въ изумленіе миссіонеровъ своею красотою ¹⁾.

Обычаи и преданія отцовъ были для народа закономъ, который дѣйствовалъ тѣмъ шире и сильнѣе, что государственная власть едва начиналась.. Въ сферѣ религіозной и домашней частной жизни господство обычнаго права было полновластное, въ области же общественныхъ отношеній оно уже ограничивалось, или вѣрнѣе — пополнялось нѣкоторыми распоряженіями правительства, князя и старѣйшинъ землн ²⁾.

Семейный бытъ и его условія — неполнѣ ясны. Народъ жилъ семействами, а не родами ³⁾. Власть отца, можно думать, была очень велика, но уже не имѣла той абсолютной безпредѣльности и суровости, какою обыкновенно отличаются чисто патріархальныя семья. По крайней мѣрѣ—этого не видно. Единственный остатокъ быта такой отдаленной, грубой эпохи уцѣлѣлъ въ обычай предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ. Миссіонеры замѣчаютъ, что обычай былъ сильно распространенъ въ народѣ, они приписываютъ его власти материнской и объясняютъ его тѣмъ, что туземцы, умерщвляя однихъ дѣтей, хотѣли доставить болѣе присмотра и призора другимъ ⁴⁾. Наблюденіе и объясненіе—поверхностныя: гораздо вѣрнѣе будетъ полагать, что обычай истекалъ изъ власти отцовской, что онъ не имѣлъ особенно широкаго распространенія и держался изстари въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не въ силу педагогическаго убѣжденія, а потому что при тревогахъ воинскаго быта извѣщество дѣтей слабаго женскаго пола — представлялось тяжелымъ бременемъ для семьи. Населеніе жило въ формѣ единожества, только князь и знатныя богатыя

1) Herb. II, 32; III, 7; Ebo III, 9, 10; pag. 356 nn. 1, 357 nn. 1, 358 nn. 1.

2) Herb. II, 21, 23, 24, 26, 32; Ebo II, 7, 11; III, 6; pag. 343 nn. 1, 344 nn. 1, 346 nn. 1, 347 nn. 1, 351 nn. 1, 356 nn. 1, 361 nn. 1, 362 nn. 1.

3) Herb. II, 30, 34, 41; pag. 354 nn. 1, 360 nn. 1, 365 nn. 1.

4) Herb. II, 18, 33; Ebo II, 5, 12; pag. 341 nn. 1, 359 nn. 1, 369 nn. 1.

лица пользовались старымъ правомъ многоженства; но при этомъ одна жена считалась законною, остальные же — наложницами ¹⁾. Многоженство тк. обр. не имѣло правовой силы и рассматривалось какъ фактъ дозволенный, но не законный. Положеніе женщины — не было низкимъ: въ качествѣ жены она пользовалась въ семьѣ и обществѣ значительнымъ нравственнымъ вліяніемъ, а по смерти мужа могла получить даже и нѣкоторую юридическую власть и стать правительницею семейнаго имущества, такова была напр. знатная вдова, мать большой семьи, управлявшая всѣмъ домою, о которой рассказываетъ Гербордъ ²⁾. Начала семейнаго наследованія не видны.

О собственности въ нашихъ источникахъ находимъ очень немного: извѣстны только предметы ея, но не условія владѣнія ими. Племя осѣдлое, земледѣльческое, поморяне — естественно, должны были имѣть недвижимую, т. е. поземельную собственность ³⁾. Предметами собственности движимой были домашній скотъ, произведенія земли и водъ, вещи, добытыя по праву войны и грабежа, предметы домашняго обихода, одежда и вооруженіе ⁴⁾.

Договоры и обязательства при довольно развитыхъ общественныхъ отношеніяхъ и торговой дѣятельности — должны были имѣть не малое значеніе и силу. Въ политическіе договоры и обязательства поморяне вступали съ рунами и польшею ⁵⁾. Частныя долговыя обязательства обезпечивались залогомъ или вѣрнѣе — заложниками, которые, при неуплатѣ долга, подвергались тяжелому темничному заключенію ⁶⁾. Договорные акты скрѣплялись символическимъ дѣйствіемъ рукобятья и поцѣлуя ⁷⁾.

1) Herb. II, 18, 19, 22, 24; Ebo II, 12; pag. 341 an. 1, 342 an. 1, 348 an. 1, 360 an. 1, 369 an. 1.

2) Herb. II, 19, 23, 28; Ebo III, 7; pag. 342 an. 1, 344 an. 1, 353 an. 1, 363 an. 1.

3) Herb. II, 12, 21, 22, 23; pag. 337 an. 1, 342 an. 1, 343 an. 2.

4) См. выше, pag. 430 an. 3, pag. 431 an. 1, 4 pag. 432 an. 3, pag. 433 an. 3, pag. 434 an. 2.

5) Ebo III, 13, 23; Herb. II, 26, 30; III, 10; pag. 392 an. 1, 406 an. 1, 351 an. 2, 354 an. 1, 391 an. 2.

6) Ebo III, 12; Herb. III, 9; pag. 389 an. 1, 390 an. 1.

7) Ebo III, 13, 23; pag. 392 an. 1, 406 an. 2.

Состоянія. По общему историческому закону времени самымъ низшимъ состояніемъ было *рабское*.

Рабами становились военнопленные, взятые по праву войны или грабежа. Они, вѣроятно, употреблялись на болѣе тяжелыя работы или поступали въ продажу, какъ всякій другой предметъ собственности; потому въ рабѣ цѣнились прежде всего сила и способность къ работѣ. Хотя изъ нѣкоторыхъ показаній нашихъ источниковъ явствуетъ, что положеніе плѣнниковъ—рабовъ у поморянъ было очень тяжкое и мучительное, но нѣтъ сомнѣнія, это завистью отъ желанія получить скорѣйшій и большій выкупъ ¹⁾. Таково ли было состояніе рабовъ натурализованныхъ, оставшихся на работѣ-службѣ въ странѣ—можно сомнѣваться; иначе, конечно христіанскіе проповѣдники не преминули бы попытаться улучшить и смятчить ихъ положеніе. Самое существованіе натурализованныхъ рабовъ въ Поморьѣ—изъ «Жизнеописаній» не вполне ясно ²⁾; но оно можетъ быть предполагаемо съ достаточными основаніями.

Народъ, какъ кажется—пользовался правомъ личной свободы: нигдѣ и ни изъ чего не видно, чтобы служебныя несвободныя отношенія его опредѣлялись правами рожденія и состоянія, а не правами добровольнаго взаимнаго обязательства или договора. У богатыхъ и знатныхъ людей мы находимъ слугъ и служебную дружину, но не видимъ крѣпостныхъ въ собственномъ смыслѣ ³⁾. Если несвободное состояніе вытекало только изъ нарушенія обязательствъ ⁴⁾. Народъ имѣлъ право носить оружіе ⁵⁾. Имѣлъ ли онъ право земельной собственности—не извѣстно, есть только

1) Herb. II, 29, 33; III, 2; Ebo III, 12; pag. 358 nn. 2, 359 nn. 1, 361 nn. 1. 369 nn. 1, 390 nn. 1.

2) «Clientellia», о которыхъ говорится у Герборда II, 38 pag. 363 nn. 1, бытъ кажется не рабы, а просто слуги.

3) «*ordens, populus*». Herb. II, 25, 26, 30, 38; Ebo II, 9; III, 7; pag. 344 nn. 1, 349 nn. 1, 352 nn. 1, 354 nn. 1, 365 nn. 1, 363 nn. 1, 361 nn. 1.

4) Ebo III, 12; Herb. III, 9; pag. 369 nn. 1, 390 nn. 1.

5) Herb. II, 24; III, 5, 18; Ebo III, 15, 16, 18; pag. 346 nn. 1, 363 nn. 1, 396 nn. 1, 397 nn. 1, 398 nn. 1.

примѣры, что онъ пользовался правомъ владѣнія землею³⁾. Въ какой степени народу принадлежало право участія и голоса въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ — съ опредѣлительною точностью сказать трудно: изъ нѣкоторыхъ указаній бамбергскихъ проповѣдниковъ видно, что это участіе было прямое, непосредственное; изъ другихъ — что онъ участвовалъ посредствомъ своихъ представителей и только утверждалъ или принималъ рѣшеніе послѣднихъ⁴⁾. Одно достовѣрно, что самъ народъ не могъ принять или постановить что-нибудь безъ совѣта и рѣшенія старѣйшинъ и лучшихъ людей и стало быть не пользовался полнымъ правомъ участія въ рѣшеніи дѣлъ⁵⁾. Изъ земскихъ повинностей его ясно упоминается повинность военной службы, при чемъ ему принадлежало право на часть военной добычи⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія также, что и всѣ работы по общественному благоустройству, постройка, укрѣпленіе и починка мѣстъ защиты (крѣпостей), постройка мостовъ и общественныхъ зданій — были общенародною повинностью.

Знатные люди или высшее сословіе земли было *благородное*, т. е. отличалось отъ прочаго народа правами по рожденію⁷⁾. Оно имѣло право поземельной собственности и право непосредственнаго участія и голоса въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ и управленіи странюю, составляло высшій правительственный совѣтъ⁸⁾. Обязанностью его, можно думать, была конная военная служба.

1) Herb. III, 22; Ebo III, 18; pag. 402 an. 1.

2) Herb. II, 14, 30; III, 20; Ebo II, 1; III, 16; pag. 339 an. 1, 354 an. 1, 328 an. 2, 400 an. 1.

3) Ebo II, 5, 11; pag. 359 an. 361 an. 1.

4) Herb. II, 30, III, 2; pag. 354 an. 1, 381 an. 1.

5) *enobiles, nobilitate generis eminentissimi, primates, primores, magnates, principes, barones, eximii cives.* Herb. II, 7, 14, 23; 25, 26, 30, 32, 37; III, 3, 4, 9, 15; Ebo II, 5, 9, 11, 13; III, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 16, 17; pag. 331 an. 2, 333 an. 2, 339 an. 1, 344 an. 1, 349 an. 1, 351 an. 1, 356 an. 1, 364 an. 3, 383 an. 1, 389, an. 1, 396 an. 1, 340 an. 3, 353 an. 1, 361 an. 1, 364 an. 1; 378 an. 1, 391 an. 2, 400 an. 1, 401 an. 1, 381 an. 1.

6) Herb. II, 14, 23, 25; III, 3, 20; Ebo II, 1, 5, 9; III, 5, 6, 16; pag. 339 an. 1, 344 an. 1, 349 an. 1, 382 an. 1, 399 an. 1, 400 an. 1, 328 an. 2, 353 an. 1, 378 an. 1, 340 an. 2.

Дружина князя, вѣроятно, состояла изъ такихъ благородныхъ людей, да и сами они имѣли право содержать собственныя дружины ¹⁾. Поморская знать была многочисленна и богата, она имѣла очень значительное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ ²⁾. Ограниченіе власти ея со стороны народа представляется болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ; гораздо болѣе дѣйствительнымъ было ограниченіе власти князя посредствомъ власти знатныхъ людей.

Князь. Княжескую власть мы застаемъ въ Поморьѣ въ неразвитомъ состояніи. Князь, кажется, былъ только первый, болѣе богатый и могущественный изъ знатныхъ людей земли. Согласно съ этимъ и права его немногимъ были выше правъ прочихъ знатныхъ. Онъ владѣлъ большими помѣстьями и сильными крѣпостями ³⁾, ему принадлежало право почина въ общественныхъ дѣлахъ, т. е. назначеніе и созваніе сеймовъ знатныхъ людей для обсужденія и рѣшенія дѣлъ ⁴⁾, онъ былъ главнымъ восводою ополченія земли ⁵⁾ и представителемъ ея при договорахъ о мирѣ ⁶⁾, съ его мѣстомъ жительства, наконецъ, соединено было право убѣжища для преступниковъ и вообще людей, угрожаемыхъ насильственной смертью ⁷⁾... Но при всемъ томъ, власть князя была не только слаба фактически, но и основывалась на весьма шаткихъ правахъ. Едва ли что значительное въ отношеніи всей земли могъ предпринять онъ по своему благоусмотрѣнію, безъ согласія прочихъ знатныхъ людей, бывшихъ также своего рода князьми. Вотъ почему-такъ незначительна въ дѣйствительности была его

1) Herb. II, 11, 12, 21—23; Ebo III, 2; pag. 335 nn. 1, 342 nn. 3, 343 nn. 1, 344 nn. 1, 374 nn. 1.

2) Ebo II, 8, 9; III, 2; Herb. III, 15, 17, 20; pag. 350 nn. 1, 353 nn. 1, 374 nn. 1, 396 nn. 1, 2, 399 nn. 1.

3) *dux terrae, dux Pomeranorum, princeps terrae*; Herb. II, 12, 19, 21—24; Ebo II, 4; pag. 333 nn. 1, 337 nn. 1, 342 nn. 1, 343 nn. 3, 348 nn. 2.

4) Ebo III, 6; Herb. III, 3; pag. 381, 382 nn. 1.

5) Ebo III, 5; Herb. III, 1, 2; pag. 378 nn. 1, 379 nn. 1, 387 nn. 1.

6) Ebo III, 13; pag. 392 nn. 1.

7) Herb. II, 24, 26; Ebo II, 7; Pried. II, 5; pag. 345, 346 nn. 1, 347 nn. 1, 350 nn. 1.

личная помощь бамбергскимъ проповѣдникамъ. Его авторитетъ, какъ видно, былъ очень слабъ въ большихъ городахъ: штеттиняне стояли какъ-то независимо отъ него, раздорили съ нимъ и грабили его владѣнія, воляныне ни во что вмѣняли его право *убъ-асица* ¹⁾; самъ Оттонъ побѣждаетъ упорство язычниковъ, прибѣгая не къ силѣ и власти туземнаго князя, а къ силѣ князя польскаго ²⁾. Кромѣ главнаго князя всей земли, были и мѣстные князья ³⁾. Они, вѣроятно, входили въ составъ высшаго благороднаго сословія и ничѣмъ существенно не отличались отъ прочихъ знатныхъ лицъ земли.

Чужеземцы. Народъ, стоявшій въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ чужими странами, не могъ не быть терпимымъ къ людямъ захожимъ, чужеземцамъ. Они необходимо должны были у него пользоваться правомъ безопасности. Примѣры противнаго, указываемые нашими источниками ⁴⁾, находятъ объясненіе въ исторіи: въ чужеземцахъ народъ часто видѣлъ и встрѣчалъ враговъ, посягавшихъ на его свободу и миръ, относившихся къ нему съ корыстными цѣлями, оскорблявшихъ его вѣрованія и святыню. Подъ дѣйствіемъ подозрительно-непріязненнаго взгляда на такихъ враговъ-чужеземцевъ, и Оттону съ его спутниками пришлось нѣсколько разъ испытать дѣйствительную опасность ⁵⁾; но тамъ, гдѣ на нихъ глядѣли иначе, т. е. безъ недовѣрія и подозрѣнія, тамъ и отношенія къ нимъ туземцевъ становились вныя. Тамъ дѣйствовалъ старый патриархальный обычай гостепріимства, въ силу котораго личность гостя-странника не только находилась въ полной безопасности, но и имѣла право на уваженіе и обязывала къ дру-

1) Ебо II, 7; III, 20, 23; Нерб. II, 24; pag. 345, 346 нн. 1, 403 нн. 2, 405 нн. 2.

2) Нерб. II, 25—6, 30; pag. 349 нн. 1, 351 нн. 2.

3) Нерб. II, 15, 37; III, 6, 9; Ебо III, 12, 16; pag. 364 нн. 3, 362 нн. 1, 369 нн. 1, 390, 439, нн. 5, 396 нн. 1.

4) Ебо II, 1—2, 7; III, 6, 7, 13, 14; Нерб. III, 24; pag. 326 нн. 1, 2, 362 нн. 1, 363 нн. 1, 392 нн. 1, 393 нн. 1, 347 нн. 1, 348 нн. 1.

5) Нерб. II, 24; III, 5, 6, 14, 18, 22; Ебо II, 7, 8; III, 7, 8, 15, 16, 16, 19, 20; pag. 346 нн. 1, 347 нн. 1, 348, 363 нн. 1, 394 нн. 1, 385, 386 нн. 1, 395 нн. 1, 397 нн. 1, 398 нн. 1, 402 нн. 1, 403 нн. 1, 2.

жественному приему и угощенію. Съ удивленіемъ встрѣтали проповѣдники дѣйствіе такого добраго обычая: его существованіе казалось имъ страннымъ у язычниковъ, «въ царствѣ діавола»¹⁾. Потому, устранивъ случайную возможность непріязненныхъ отношеній къ чужеземцамъ и выходявшей отсюда опасности или гибели для нихъ, мы должны будемъ признать, что законъ-обычай въ Поморьѣ предоставлялъ имъ и право безопасности, и право гостепріимства.

Управленіе. Земля раздѣлялась на области или жупы²⁾. Средоточіемъ каждой жупы былъ городъ, къ нему принадлежало или вѣриге—тяготѣло большее или меньшее число крѣпостей и другихъ мѣстъ осѣлости³⁾. Всѣ они вмѣстѣ составляли въ административно-юридическомъ отношеніи — одно цѣлое: городъ былъ только центральнымъ мѣстомъ управленія жупы и не имѣлъ, какъ кажется, своего особаго, отдѣльнаго отъ прочихъ частей ея, юридическаго устройства и управленія; потому—и не существовало въ правовомъ смыслѣ различія между бытомъ города и всей жупы, не видно сословія городского, и понятіе «горожанина» было скорѣе понятіемъ мѣстнымъ, чѣмъ юридическимъ. Такое устройство — понятію тамъ, гдѣ городъ образовался не вслѣдствіе намѣренія отдѣлать свои интересы отъ интересовъ прочихъ мѣстъ страны, а единственно по естественному стремленію къ удобствамъ общежитія и безопасности. Онъ сталъ центромъ страны, но не обособился отъ нея въ самостоятельную отдѣльную единицу и жилъ съ нею одною общою жизнью. Изъ правительственныхъ лицъ въ «Квизисописаніяхъ» упоминаются: *старѣйшины народа, знатные лучшіе, крѣпые люди, князья*⁴⁾, т. е. благородные дворяне; на-

1) Ebo III, 7; Herb. II, 41; III, 5; pag. 337 an. 1, 368 an. 1, 363 an. 1.

2) «provincia, pagus». Herb. II, 14, 20, 26, 36, 37, 39; Ebo II, 13; III, 1; pag. 342 an. 2, 352 an. 1, 361 an. 2, 3, 366 an. 1, 361 an. 1, 371 an. 1.

3) Herb. II, 14, 20, 26, 36, 37; III, 4; Ebo III, 1, 16; pag. 337, 338 an. 1, 342 an. 2, 352 an. 1, 361 an. 2, 3, 366 an. 1, 371 an. 1, 402 an. 1.

4) «maiores natu, seniores plebis, eximii ciues, principes». etc. Ebo II, 1, 5, 11, 13; III, 5, 6, 7, 13, 16; Herb. II, 14, 20, 23, 30, 37; III, 3; pag. 326 an. 2, 338 an. 2, 361 an. 1, 364 an. 1, 378 an. 1, 381 an. 1, 382 an. 1, 383 an. 1, 391 an. 2, 399 an. 1, 338 an. 2, 339 an. 1, 344 an. 1, 354 an. 1, 364 an. 2. см. также 439 an. 5.

челювими веродовъ или *кастеланы* ¹⁾; наконецъ—*воеводы* ²⁾. Всѣ эти лица составляли городской совѣтъ, обсуждавшій и рѣшавшій дѣла, касавшіяся города и всей жупы ³⁾. Упоминаются также еще: *эмстники*, которые объявляли народу рѣшенія правительственнаго совѣта, *сторжа* начальника города и деревенскій *староста*, управлявшій князьими имѣніями ⁴⁾. Въ дѣлахъ, касающихся религіи или связанныхъ съ нею — принимали участіе и *жрецы* ⁵⁾. Способъ рѣшенія дѣлъ происходилъ посредствомъ совѣщаній: вѣчей и сеймовъ. *Вмче* было двухъ родовъ: одно—открытое всенародное, имѣвшее мѣсто *sub ioue* на площадяхъ или особыхъ вѣчевыхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены въ Штетинѣ для этого вѣчевыя ступени или возвышенія, съ которыхъ можно было говорить къ народу ⁶⁾; другой родъ вѣча—частный или закрытый—происходилъ въ особыхъ помѣщеніяхъ или въ зданіяхъ, принадлежащихъ святилищу и называвшихся *континнами* (въ Штетинѣ); здѣсь участвовали только члены правительства, старѣйшины, знатные люди земли, вообще—правительственный совѣтъ. Обсудивъ дѣло, они предлагали свое рѣшеніе на утвержденіе народа и къ исполненію ⁷⁾. *Сеймы* собирались въ случаѣ важныхъ дѣлъ, касающихся интересовъ всей страны; князь назначалъ время и мѣсто, знатные люди, воеводы и жупаны съѣз-

1) «*princeps loci, — civitatis, prefectus civitatis, — urbis, dominus loci.*» Herb. III, 1, 2, 3, 9; Ebo III, 3, 7, 12; pag. 375 an. 1, 378 an. 1, 379 an. 1, 38 an. 1, 383 an. 1, 389 an. 1.

2) «*Capitanas*» Herb. II, 23; III, 3; pag. 344 an. 1, 382 an. 1.

3) «*magistratus civitatis.*» Ebo III, 7, 8; Herb. III, 17; pag. 383 an. 1, 384 an. 1, 396 an. 2, были-ли между правительственными лицами и *сторжи* или *народу*, по роду непринадлежавшіе къ знати, рѣшить трудю. Латинская терминологія историковъ не позволяетъ никакого твердаго заключенія, а изъ самихъ обстоятельствъ дѣла не открывается ничего положительнаго.

4) «*presones, — milites principis, — satellites prefecti urbis, — millicas.*» Herb. III, 17, 2; Ebo III, 12; Herb. II, 21; pag. 396 an. 2, 379 an. 1, 380 an. 1, 342 an. 2.

5) Ebo III, 16; pag. 400 an. 1.

6) Ebo III, 1, 5, 7, 16; Herb. II, 20; III, 15, 17; pag. 372 an. 1, 378 an. 1, 383 an. 1, 396 an. 1, 2, 397 an. 1, 384 an. 1.

7) Ebo II, 5, III, 1, 6; Herb. II, 14, 22; III, 20, pag. 359 an. 1, 362 an. 1.

жались, обсуждали предстоявшія дѣла и постановляли свое рѣшеніе ¹⁾).

Преступленіе и наказаніе. Преступнымъ дѣйствіемъ считалось: нарушеніе сдѣланнаго обязательства, нарушеніе установленныхъ законовъ и обычаевъ отцовъ, которыми держалась страна; а равно и—неисполненіе постановленій городского совѣта и народа ²⁾). Наказаніями были: лишеніе свободы и тяжелое заключеніе въ тюрьму — за первый родъ преступленій; *мотокъ* или разграбленіе и сожженіе дома преступника — за послѣдній ³⁾). Существовали ли наказанія увѣчьемъ членовъ и смертная казнь? Судя по тому, что было сказано штетинцами на предложенія Оттона принять христіанство, можно подумать, что ихъ не было. Для увѣчья, дѣйствительно, мы не находимъ примѣровъ въ нашихъ источникахъ, но что поморяне предавали позорной смерти не только христіанскихъ проповѣдниковъ, но и своихъ — на это указанія существуютъ ⁴⁾); а потому едва ли и слѣдуетъ заключать изъ словъ штетинцевъ объ отсутствіи смертной казни. Существованіе какъ ея, такъ и правнаго увѣчья — доказывается другими источниками, которыхъ мы здѣсь не касаемся.

Судъ. Какимъ образомъ и чрезъ кого производился судъ и расправа, на это нѣтъ никакихъ указаній. Все, что мы можемъ отмѣтить въ этомъ отношеніи — есть существованіе княжья права *убъжища* (*ius asyli*): угрожаемый смертью убѣгалъ въ княжье мѣсто и былъ тамъ безопасенъ до разбора дѣла. Если преступленіе его доказывалось — князь выдавалъ его на расправу. Конечно такое учрежденіе явилось вслѣдствіе потребности ограничить дѣйствіе личной расправы или кровной мести. Какъ показываетъ случай съ бамбергскими проповѣд-

1) Ebo III, 6; Herb. III, 3, cf. II, 37; pag. 361 an. 1, 363 an. 1, cf. 365 cf. 364 an. 3.

2) Ebo II, 7; III, 7, 12; Herb. III, 9; pag. 363 an. 1, 369 an. 1, 390 an. 1.

3) *Ibidem*.

4) Ebo III, 6, 18, cf. a. 20; Herb. II, 26; pag. 362 an. 1, 392 an. 1, 351 an. 1, cf. въ «Приложеніяхъ».

никами — право княжяго убѣжища мало уважалось волишской волишцей ¹⁾).

Международныя отношенія. При томъ распространѣніи въ какомъ мы находимъ у поморянъ пиратство и грабежъ сосѣдей — международныя отношенія едва-ли могли быть опредѣленны и тверды; но интересы торговли и потребность безопасной жизни все же вызывали необходимость договоровъ и союзовъ съ другими племенами, основанныхъ на взаимныхъ обязательствахъ. Въ такомъ союзѣ стояли поморяне съ рулянами, такіе договоры заключали они съ Польшей, облызаясь ими къ дани и военной помощи ²⁾). Договоры заключались посредствомъ уполномоченныхъ нарочитыхъ людей или посланниковъ и скрѣплялись, какъ мы замѣтили выше, символическимъ дѣйствіемъ рукобитья и поцѣлуя, знаменовавшимъ миръ, согласіе и любовь ³⁾).

Внутреннія отношенія, т. е. отношенія другъ къ другу отдѣльныхъ областей страны, кажется, тоже основывались на взаимныхъ обязательствахъ, по крайней мѣрѣ — при нападеніи лютичей на Дыминъ князь съ войсками явился на помощь послѣднему. Отношенія Волины и др. городовъ къ Штетинѣ были чисто феодальныя ⁴⁾).

Религія представляла вѣрный нравственный образъ быта и культуры народа. Мы находимъ въ ней то-же раздвоеніе, какъ и въ жизни: съ одной стороны — это религія мирнаго земледѣльца, боготворящаго силы природы, чтущаго добрыхъ, дружественныхъ боговъ, надѣляющихъ людей всякимъ обиліемъ и земнымъ богатствомъ; съ другой — это религія воина или пирата, исполненная грозныхъ образовъ и страха, карающая гибелью, погромами и разореніемъ. Религія поморянъ перешла за черту простого

1) Herb. II, 24, 26; Ebo II, 7, 8; Prief. II, 5; pag. 346 nn. 1, 347, 348, 350 nn. 1.

2) Ebo III, 23; Herb. II, 30; III, 30; pag. 406 nn. 1, 354 nn. 1.

3) Herb. II, 26, 30; III, 10; Ebo II, 11; III, 13, 20, 23; pag. 351 nn. 2, 352 nn. 1, 354 nn. 1, 391 nn. 2, 392 nn. 1, 403 nn. 2, 405 nn. 2, 361 nn. 1.

4) Ebo III, 5; Herb. III, 2; Ebo II, 9, 11; Herb. II, 26; III, 15, 25; pag. 378 nn. 1, 379 nn. 1, 350 nn. 1, 361 nn. 1, 348 nn. 2, 401 nn. 1.

естественнаго народнаго вѣрованія и поклоненія: она была въ вѣдѣннх развитой жреческой іерархіи и изъ этой школы выходила въ формѣ доктрины, вѣроученія, богослужебнаго ритуала. Божества воплотились въ опредѣленные внѣшніе образы (идолы), размѣстившись въ опредѣленномъ порядкѣ по храмамъ, получили опредѣленный образъ чествованія. Насколько въ всемъ этомъ участвовала объяснительная, систематизирующая богословская работа жрецовъ—сказать трудно; но присутствіе ея здѣсь несомнѣнно.

Народъ, жившій въ довольствѣ и благосостояніи, и съ понятіемъ божества соединялъ мысль о матеріальномъ обиліи и богатствѣ: оно было для него источникомъ всякихъ благъ земныхъ, оно одѣвало зеленью и плодами поля и лѣса, дарило людямъ стада и великія другія богатства ¹⁾.

Слѣды древнѣйшихъ вѣрованій видны въ обожаніи деревьевъ, орѣшника и дуба (посвященныхъ богу громовнику?) и воднаго источника, гдѣ обитало какое-то стихійное божество ²⁾. Возниственное направленіе народнаго быта ясно и довольно грубо выразилось въ обожаніи оружія, коня, которое висѣло на огромномъ столбѣ или колоннѣ среди Вольна ³⁾. Божествъ было много. Верховный изъ нихъ (Свантовитъ?) имѣлъ тк. скз. главное мѣстопребываніе въ Штетинѣ, въ святилищѣ на высокой горѣ, находившейся въ срединѣ города. Большой идолъ его былъ представленъ въ формѣ челоуѣка съ тремя смежными головами, почему и назывался Триглавомъ; золотая повязка покрывала его глаза и губы. По ученію жрецовъ, кажется, впрочемъ, произвольному—три головы обозначали, что богъ властвуетъ надъ тремя областями: небомъ, землей и преисподней, а повязка обозначала будто бы, что онъ не обращаетъ вниманія на грѣхи людей, какъ бы не видать и молчать о нихъ. Верховный богъ былъ воинъ-паѣздникъ: однимъ изъ атрибутовъ его святилища было сѣдло; онъ помогать

1) Herb. II, 23; III, 4; Ebo II, 1; pag. 344 an. 1, 328 an. 1, 2.

2) Herb. II, 32; Ebo III, 16; pag. 357 an. 2, 403 an. 1.

3) Ebo II, 1; III, 1; Herb. III, 26; Prieč. II, 6; pag. 329 an. 1, 370, 371 an. 1, 404, 405 an. 1, 399 an. 1.

людямъ въ опасныхъ предпріятіяхъ. Кромѣ большого изображенія его существовали и малыя. Объ одномъ подобномъ, сдѣланномъ изъ золота, упоминается, что оно помѣщалось въ дуплѣ древеснаго пня ¹⁾. Въ Волегощѣ и у Гаволянъ чтится Яровитъ, весеннее (земледѣльческое) божество, ставшее главнымъ богомъ войны: на стѣнѣ его святилища висѣлъ огромный щитъ, обтннутый золотомъ; прикасаться къ нему не дерзали никто изъ смертныхъ, суевѣрный народъ соединялъ съ такимъ дѣйствіемъ какое недоброе предзнаменованіе, это значило б. м. — пробудить къ дѣятельности брашнаго бога, навлечь гибель... Но во время войны громадный щитъ выносили и вѣрили, что подъ его покровомъ они останутся побѣдителями ²⁾. О многочисленныхъ идолахъ другихъ боговъ, стоявшихъ по разнымъ святилищамъ въ Волинѣ, Гостьковѣ, Штетинѣ и пр. наши источники отзываются довольно глухо, они замѣчаютъ только необыкновенно художественную, красивую отдѣлку ихъ, что даетъ понятіе о довольно развитомъ религіозно-эстетическомъ чувствѣ и вкусѣ народа ³⁾.

Храмы или святилища, въ которыхъ помѣщались изображенія боговъ и гдѣ происходило служеніе имъ — находились и въ городахъ и въ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ. Проповѣдники говорятъ съ удивленіемъ о красотѣ и богатствѣ ихъ. Въ Штетинѣ стояло четыре *коитины* (к.жшта, к.жтъ); главная изъ нихъ была отстроена съ удивительнымъ художествомъ: внутри и снаружи на стѣнахъ находились рѣзные выпуклыя изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя такъ живо и согласно съ природою, что можно было подумать — они живутъ и дышатъ. Краски изображеній были такъ прочны, что имъ вовсе не вредили ни снѣгъ, ни дождь ⁴⁾. Въ Гостьковѣ находились также великолѣпной отдѣлки художе-

1) Ebo II, 13; III, 1; Herb. II, 32; III, 20; Prief. II, 11; pag. 363 an. 1, 372 an. 1, 357 an. 1, 356 an. 1.

2) Ebo III, 3, 8; Herb. III, 4, 6; pag. 375 an. 1, 393, 394 an. 1, 395, 396, an. 1.

3) Herb. II, 30; III, 26; Ebo II, 13; III, 1, 10, 16; pag. 357 an. 1, 405 an. 1, 360, 361 an. 1, 371 an. 1, 388 an. 1, 400.

4) Ebo II, 13; III, 8, 18; Herb. II, 30—32; III, 6; Prief. II, 11, 16; pag. 363 an. 1, 402 an. 1, 357 an. 1, 356 an. 1, 388 an. 1, 361 an. 1.

ственные храмы; жители потратили на нихъ значительную сумму денегъ и славились ими, какъ знаменитымъ украшеніемъ своего города ¹⁾). Нельзя, конечно утверждать, что эти памятники поморскаго искусства были произведеніемъ туземной культуры и туземныхъ художниковъ; скорѣе здѣсь можно видѣть работу европейскихъ мастеровъ романскаго стиля, столь любившаго скульптурныя изображенія звѣрей, птицъ и людей; но во всякомъ случаѣ самый фактъ существованія художественныхъ произведеній въ Поморьѣ представляеть не малое свидѣтельство въ пользу образованности, если не всего народа, то лучшихъ изъ него. Торговля сполненія въ этомъ случаѣ не прошли даромъ. Въ храмы — въ честь и украшеніе боговъ — по старому обычаю приносилась часть добычи, награбленныя богатства и оружіе враговъ; здѣсь сохранились золотыя и серебряныя чаши, огромные позолоченныя и украшенныя драгоценными камнями рога звѣрей, пригодныя для питья, и другіе рога, на которыхъ можно было играть, ножи и кинжалы и вообще всякія рѣдкія и художественныя драгоценности ²⁾). Подъ покровомъ боговъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ храмамъ, въ урочное время, происходили собранія гражданъ: они сходились сюда играть, веселиться или обсуждать свои дѣла. Три прочія штетинскія континны, менѣе украшенныя, чѣмъ главная, служили именно для этой цѣли: въ нихъ кругомъ были устроены скамьи и столы, за которые и садились приходящіе. Религіозное значеніе трехъ меньшихъ континъ — не подлежитъ сомнѣнію, иначе Отгонъ не предалъ бы ихъ разрушенію ³⁾). Служителями боговъ и блюстителями святилищъ ихъ были жрецы. Они совершали богослуженіе и всякіе обряды, связанныя съ религіей, они же служили истолкователями воли божества. Каждое святилище — кажется имѣло своего жреца; въ Штетинѣ, по числу континъ, ихъ было четыре; изъ нихъ одинъ главный. Отъ про-

1) Ebo III, 9; Herb. III, 7; pag. 387 an. 1.

2) Herb. II, 32; pag. 356 an. 1.

3) Ibidem.

чаго народа жрецы отличались особой, длинной одеждой. Власть и вліаніе ихъ на народъ едва ли были особенно значительны, по крайней мѣрѣ — ихъ противодѣйствіе введенію христіанства находило весьма слабую поддержку и отзывъ со стороны лучшихъ людей и всего народа ¹⁾. Мы замѣчали уже, что въ сокровищницы святилищъ, въ видѣ *жертвъ*, приносилась часть добычи; въ источникахъ упоминаются еще обрядовыя жертвоприношенія, совершавшіяся подъ орѣшникомъ, гдѣ обитало божество; а равно и другія умилостивляющія и благодарственныя жертвы Триглаву ²⁾. Воля божества узнавалась посредствомъ гаданій. Въ Штетинѣ находился огромный и быстрый конь вороной масти; круглый годъ на него никто не садился, онъ считался священнымъ и за нимъ ухаживалъ одинъ изъ жрецовъ. Когда задумывался какой-нибудь набѣгъ или военный походъ, народъ гадалъ объ исходѣ предпріятія слѣдующимъ образомъ: на землю полагались рядомъ девять копій, каждое въ разстояніи локтя одно отъ другого; сѣдали и взнуздывали священнаго коня, и жрецъ, смотрѣвшій за нимъ, провождалъ подъ уздцы его трижды взадъ и впередъ по простертымъ коньямъ. Если конь проходилъ, не задѣвъ ногами и не смѣшавъ копій, то предвѣщалась удача предпріятію, и полчище выходило въ походъ; въ противномъ случаѣ знаменовалась неудача, и предпріятіе оставлялось ³⁾. По другому извѣстію отлагалось не самое предпріятіе, а только способъ его: думали, что божество, чрезъ своего коня, такимъ знаменіемъ воспрещаетъ отправленіе въ походъ коннымъ и потому прибѣгали къ *жребіямъ*, чтобы посредствомъ ихъ узнать, что слѣдуетъ предпринять: иѣшій ли набѣгъ или морской ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ — основная

1) Нерб. II, 33, 34; III, 4, 14; Ево II, 1, 7, 13; III, 1, 2, 6, 8, 15, 16, 20; pag. 359 an. 1, 360 an. 1, 384 an. 1, 396 an. 1, 329 an. 2, 361 an. 1, 373 an. 1, 374 an. 1, 382 an. 1, 394 an. 1, 398 an. 1, 397 an. 1, 400 an. 1, 403, an. 2.

2) Ево II, 13, 15; III, 1, 16; pag. 363 an. 1, 364; an. 2, 371 an. 1, 373 an. 1, 402 an. 1, 366 an. 1.

3) Нерб. II, 33; pag. 359 an. 1.

4) Prickl. mon. II, 11; 359 an. 1.

мысль гаданія ясна: проходя свободно чрезъ рядъ копій впередъ и назадъ, невидимый божественный всадникъ тѣмъ, какъ бы указывалъ на свободный, безпрепятственный проходъ чрезъ опасности предпріятія, на свободное возвращеніе домой, стало быть—на удачу. Какое значеніе имѣло число *десяти* копій—неизвѣстно, но что оно не было случайнымъ—это ясно. Кромѣ этого способа гаданія, наши источники говорятъ еще о гаданіяхъ *жребіями и чашами*, которыя хранились въ святилищахъ и употреблялись при торжественныхъ случаяхъ. Быть можетъ, гаданіе чашами заключалось въ простомъ возлітіи напитка въ честь божества и молитвы къ нему о счастья, благополучіи и удачѣ¹⁾. Религіозныя *празднства* совершались въ земледѣльческія урочныя времена. Таково было празднество, совершавшееся въ началѣ лѣта въ Пырицѣ (въ іюні), на которое стекался народъ изъ всей окрестной области и проводилъ время въ пиряхъ, играхъ, пляскѣ и пѣніи. Гаволяне торжествовали празднество Яровита въ среднѣ апрѣля, т. е. при возвратѣ солнечной силы и возрожденіи природы. Съ полевымъ, земледѣльческимъ характеромъ праздникъ соединялъ характеръ воинскій: онъ совершался окруженный ото всюду священными знаменами. Въ Волинѣ празднованіе божеству (Свантовиту?) происходило въ началѣ лѣта; къ торжеству стекалось множество народа изъ области. Сверхъ этихъ большихъ праздниковъ были, кажется, и меньшіе, мѣстомъ дѣйствія которыхъ служили континны²⁾.

Изъ *языческихъ суевѣрныхъ обычаевъ* источники упоминаютъ еще погребеніе усопшихъ по лѣсамъ и полямъ и прибѣганіе къ вѣдушымъ за помощью. Къ числу такихъ «вѣщихъ женокъ» принадлежала, быть можетъ, та женщина-вдова, которой жрецы поручили храненіе скрытаго ими Триглава³⁾.

1) Herb. II, 32, 33; Ebo II, 12; Prief. II, 11; pag. 356 нн. 1, 359 нн. 1, 369 нн. 1.

2) Herb. II, 14, 32; Ebo III, 1, 3; pag. 357, 358 нн. 1, 356 нн. 1, 371 нн. 1, 373, 375 нн. 1.

3) Ebo II, 12, 18; pag. 369 нн. 1. 362, 363 нн. 1.

Характеръ поморскаго язычества — на сколько онъ открывается изъ «Жизнеописаній» — не отличался рѣзкой, упорной религиозной исключительностью. Несмотря на, повидимому, твердо установившіяся, доктринами закрѣпленныя формы языческаго вѣроученія и культа, несмотря на существованіе во главѣ ихъ речивой жреческой іерархіи и на то, что религія приняла и усвоила политическій элементъ страстной народной вражды, она не въ концѣ утратила и терпимость, присущую панвному язычеству, не перешла въ фанатизмъ. Завистью ли это отъ свойствъ народнаго характера или отъ степени образованія, сказать трудно; но то вѣрно, что религиозными фанатиками въ настоящемъ смыслѣ поморяне не были, и случаи нетерпимости ихъ вытекали не столько изъ религіи, сколько изъ историческихъ отношеній и обстоятельствъ. Этимъ объясняется съ одной стороны довольно легкой видѣніи усилѣнъ проповѣди Оттона, съ другой — знаменательное явленіе *двосмысленнаго* поклоненія въ Штеттинѣ¹⁾. Но хотя темная сила жреческаго язычества и не была у поморянъ тѣмъ подавляющимъ бременемъ, какимъ являлась она у ихъ ближайшихъ родственниковъ, все же она была темною силою; она могла еще вызвать и поддержать дѣятельность народа, но была рѣшительно не въ состояніи вести его впередъ, по стезѣ развитія и прогресса.

Историческія отношенія. Изъ того, что было доселѣ сказано о бытѣ и образѣ жизни поморскаго народа, можно заключать, что онъ издавна не оставался чуждъ движенію сѣверной политической исторіи. Народъ съ такими развитыми торговыми сношеніями, преданный постоянною занятію морскихъ и сухопутныхъ войнъ и грабежа, былъ, конечно, дѣятельнымъ участникомъ событій времени. Напрасно, однако, мы будемъ искать въ источникахъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ объ этомъ извѣстій и указаній: политическая исторія славянскаго Поморья остается совершенно темна до самаго конца XI вѣка. Правда, грамоты папъ и нѣмец-

1) Ево III, 1, 3, 4; Herb. II, 15, 20; pag. 372 an. 1, 375 an. 1, 376, 377 an. 1, 340 an. 1, 342 an. 2.

кихъ императоровъ еще прежде указываютъ на часть поморской земли, лежавшую между рр. Пѣной и Одрой ¹⁾), но собственнаго Поморья онѣ не знаютъ: сюда, какъ видно, не проникало еще римско-нѣмецкое оружіе креста и меча, а вмѣстѣ съ ними — и притязанія духовныхъ и свѣтскихъ властителей... Поморье была для нихъ «terra incognita, Christo et Imperatori adhuc non subiugata».

Первыми засвидѣтельствованными событіями поморской исторіи были:

а) войны поляковъ съ поморянами при Болеславѣ I, Казимирѣ, Болеславѣ II и Владиславѣ-Германнѣ,

б) борьба Поморья съ Болеславомъ III, Кривоустымъ, и слѣдовавшее за нею

в) введеніе христіанства чрезъ бамбергскую миссію.

О войнахъ поморянъ съ первыми князьями Пястова рода «Кизисописанія» Оттона вовсе не упоминаютъ: имъ извѣстны только отношенія Поморья къ Польшѣ при Болеславѣ III. Чтобы уяснить эти отношенія, необходимо поставить ихъ въ связь съ предшествовавшими. Средства къ тому дастъ старшій польскій анналистъ, Мартинъ Галль и отчасти — Кадлубекъ.

Племя «необузданное и ненавистное», поморяне издавна, тревожили польскія земли безпрестанными набѣгами, разореніемъ и грабежомъ; потому — естественно, одною изъ важныхъ заботъ слагавшагося польскаго государства была забота объ укрощеніи буйныхъ сосѣдей. Какъ ни глухи извѣстія польскихъ лѣтописцевъ (в школіаста Адама бременскаго) о предпріятіяхъ Болеслава I и Казимира въ отношеніи Поморья, но изъ нихъ все таки видно, что польскіе князья, дѣйствительно или номинально, владѣли страпою по праву завоеванія. Гданскъ былъ въ концѣ X в. польскимъ

1) Codex Pomeraniae diplomaticus ed. Hasselbach et Cossegarten, Pr. 1848—62, Nro. 8, 9, 10; Pommerisches Urkundenbuch, hrg. v. Klempin I, St. 1866, Nro. 17, 19, 20, 21.

городомъ, въ Колобрегѣ Болеславъ I основалъ даже епископство¹⁾. По словамъ Мартина Галла Болеславъ II въ началѣ своего правленія *славдычествовалъ* надъ поморянами, но вскорѣ — несмотря на одну выигранную битву, утратилъ власть²⁾; такъ что при Владиславѣ-Германѣ Поморье является свободнымъ и вызываетъ противъ себя рядъ военныхъ предиріятій со стороны поляковъ. Еще до 1091 г. Владиславъ, поразивъ поморянъ, взялъ многіе города и крѣпости внутри страны и на побережьѣ моря, посадилъ по важнѣйшимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ своихъ воеводъ и посадниковъ я, желая отнять у язычниковъ всякія средства къ возстанію, велѣлъ за одинъ разъ сжечь всѣ крѣпости, находившіяся въ центрѣ страны. Мѣра не принесла ожидаемой пользы. Поморяне вскорѣ поднялись снова, избравъ болѣе строгихъ и жестокихъ польскихъ посадниковъ, прогнали другихъ, образъ дѣйствій которыхъ былъ мягче и благороднѣе, и снова стали свободны³⁾. Владиславъ не могъ оставить безъ возмездія такой обиды: въ началѣ 1091 г. онъ съ сильнымъ войскомъ вторгся въ поморскіе предѣлы, проникъ до богатой и многолюдной Штеттины, взялъ огромную добычу и безчисленное количество плѣнныхъ и отошелъ къ своимъ предѣламъ. Поморяне, однако, шли по слѣдамъ и настигли его у рѣки Наклы (? Нотеца). Битва, кажется, имѣла вершительный исходъ: обѣ враждующія стороны разошлись ни при чемъ⁴⁾. Слѣдовавшая въ томъ-же году попытка Владислава овладѣть поморскою крѣпостью Накломъ (на р. Нотецѣ) окончилась для поляковъ — безплодно. Осажденнымъ удалось отвѣлечь непріа-

1) Martini Galli Chronicon I, 6, 19, 21 — у Бѣльскаго въ Monumenta Poloniae historica, I, Lw. 1864, pag. 400, 416, 418; Wia. Kadlubkonis Chronicon II, 12 — у Бѣльскаго въ Monumenta II, Lw. 1872, pag. 279. О принадлежності Гданьска Польшѣ и объ основаніи Болеславомъ колобрегской епископіи, см. замѣчанія: Rörppl'a: Geschichte Polens, Hamb. 1840, I, p. 108—7 in notis, Adami Brem. Gesta II, 83, schol.; cf. Helmoldi Chronica I, 15.

2) Mart. Galli Chronicon I, 22, 25 (Monum. I, p. 419—420); Kadlubkonis Chronicon II, 18 (Monum. II, p. 294).

3) Martini Galli Chronicon II, 1 (Monum. I, p. 420); Kadlubkonis Chronicon II, 22 (Monum. II, p. 303).

4) Martini Galli Chron. II, 2 (Monum. I, p. 420—430).

теля в сторону и сжечь осадныя орудія его и часть лагеря; къ тому же войска, особенно союзныхъ чеховъ — начинали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Эти обстоятельства побудили князя снять осаду и уйти домой ¹⁾. Между тѣмъ подросли дѣти Владислава, Сбигнѣвъ и Болеславъ; престарѣлый князь передалъ имъ начальство надъ войскомъ и отправилъ ихъ въ походъ противъ поморянъ. Мартинъ Галль рассказываетъ, что при этомъ особенно отличился Болеславъ: онъ принудилъ къ сдачѣ находившуюся въ ихъ власти крѣпость Межирѣчье, овладѣлъ другою какою-то знаменитою крѣпостью поморянъ, при чемъ взялъ богатую добычу и множество плѣнныхъ, а воиновъ предалъ смерти, и заставилъ, наконецъ, — поморянъ разрушить ихъ собственное сильное укрѣпленіе, которое они возвели насупротивъ польской крѣпости Зантока и которое столь тщетно осаждалъ братъ его, Сбигнѣвъ. Вообще «желая покорить страну варваровъ», онъ стремился не столько за добычею, сколько затѣмъ, чтобы овладѣть городами и укрѣпленіями и разорить ихъ ²⁾. Таковы были отношенія Поморья къ Польшѣ до вступленія на престолъ Болеслава III, Кривоустаго.

Не смотря на то, что польско-поморскія войны имѣли характеръ неправильной и случайной пограничной борьбы и не достигали никакихъ прочныхъ результатовъ, — со стороны поляковъ онѣ, какъ кажется, не были только одними набѣгами съ цѣлью грабежа, укрощенія и возмездія за обиды, но имѣли и политическую задачу распространенія польскаго государства приобрѣтеніемъ или усвоеніемъ богатыхъ земель Поморья. Укрощеніе буйныхъ сосѣдей и месть имъ, по взглядамъ времени, вполнѣ достигались разореніемъ, грабежомъ страны, плѣномъ и вложеніемъ тяжелаго трибута; но болѣе прочное завладѣніе требовало иныхъ мѣръ — и потому Владиславъ-Германъ занимаетъ войскомъ

1) Martini Galli Chronicon II, 8 (Monum. I, p. 430—1).

2) Martini Galli Chronicon II, 7, 14, 15, 17 (Monum. I, p. 434, 436, 439—40); Kadlubkoni Chron. II, 24 (Monum. II, 311—12).

важнѣйшія поморскія крѣпости и ставить тамъ своихъ посадниковъ, потому и Болеславъ III, желая покорить страну, стремился овладѣть городами и укрѣпленіями ея. Со стороны польскихъ князей было естественно стремленіе возвратитъ то, что, по ихъ мысли, добыто оружіемъ Болеслава I, чѣмъ владѣли онъ и Казимиръ. Этого требовалъ долгъ семейно-государственной традиціи.

Хотя мѣры къ утвержденію польскаго владычества въ Поморьѣ оказались слабыми и малодѣйственными, но политическая задача осталась въ полной силѣ и въ лицѣ Болеслава III нашла себѣ неутомимаго поборника и отчасти исполнителя.

Однимъ изъ первыхъ предпріятій Болеслава III, по вступленіи его на престолъ (1102), былъ походъ въ Поморье. Съ отборнымъ небольшимъ войскомъ онъ проникъ въ самую средину земли язычниковъ, до главнаго города ихъ, богатаго и многолюднаго Бѣлграда, взялъ его въ тотъ-же день приступомъ, разрушалъ и сжигалъ съ землею укрѣпленія и съ богатою добычею возвратился домой. Дальнѣйшія послѣдствія этого дѣла заключались главнымъ образомъ въ устрашеніи поморянъ: другихъ, по крайней мѣрѣ, летописецъ не указываетъ ¹⁾. Въ 1107 г., не успѣвъ довести къ концу походъ противъ моравянъ, Болеславъ съ конницей устремился противъ Колобреги, «города обильнаго богатствами и укрѣпленнаго». Въ пять дней непрестаннаго пути чрезъ пустыни, онъ достигъ мѣста, перешелъ рѣку (Персанту) и неожиданно напалъ на городъ. «Если бы—говоритъ Мартинъ Галль, нападеніе случилось съ одинаковымъ единодушіемъ, поляки, безъ сомнѣнія, овладѣли бы знаменитымъ и главнымъ городомъ поморянъ. Но добыча и богатства, находившіяся въ «подгородѣ»—ослѣпили отвагу воиновъ, и судьба спасла городъ отъ поляковъ». Войско бросилось грабить подгородъ; пока оно выводило и везало плѣнныхъ, дѣтей и плѣнницъ, брало «морскія богатства», граждане, несмотря на то, что вождь ихъ убѣждалъ другими воротами при первомъ извѣстіи о появленіи врага, успѣли приготовиться

1) Mart. Galli Chronica II, 22 (Monum. I, p. 443).

къ отпору. Городъ остался нетронутымъ, разграблена и сожжена была одна подгородъ. Чувствуя недостаточность силъ своихъ, Болеславъ немедленно вышелъ за стѣны ея и отправился въ возвратный путь ¹⁾. Вѣсть объ этомъ событіи сильно устрасила все «племя варваровъ», такъ что, когда Болеславъ снова поднялся на защиту какого-то своего родича Сватобора, котораго поморяне лишили власти и заключили въ тюрьму, они поспѣшили отвратить грозу немедленною выдачею узника ²⁾. Войны, однако, далеко не кончились. Кромѣ самого Болеслава въ то же время ихъ дѣятельно велъ и воевода его Скарбимиръ. Онъ взялъ двѣ поморскія крѣпости [одна изъ нихъ называлась Битомъ], разрушилъ ихъ, при чемъ — овладѣлъ большою добычею и плѣнными ³⁾. Съ своей стороны поморяне, хотя и стѣпенные, не оставляли своихъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу, грабили и уводили въ плѣтъ жителей, жгли селенія ихъ ⁴⁾. Болеславъ неутомимо преслѣдовалъ врага. Однажды, находясь на охотѣ, отъ съ немногими отроками своими попалъ въ засаду и едва было не погибъ. Подоспѣвшая помощь спасла его; поморяне ушли, «обремененные болѣе печалью, чѣмъ добычею» ⁵⁾. Отметивъ за такую обиду разоряющимъ походомъ, Болеславъ въ зимнее время (1107—1108 г.) предпринялъ новый, болѣе рѣшительный. Намѣреніе его было овладѣть такими поморскими крѣпостями, которыя, находясь среди болотъ, были почти неприступны лѣтомъ. Онъ направился снова къ средоточію страны, Бѣлграду, осадилъ его и сталъ готовиться къ приступу. Городъ—сдался; князь оставилъ здѣсь часть своихъ воиновъ и поспѣшилъ на побережье, къ Колобрегъ. Онъ еще не подошелъ къ городу и имѣлъ намѣреніе сначала взять крѣпость, лежавшую у моря, какъ граждане вышли къ нему на

1) Martini Galli Chron. II, 28 (Monum. I, p. 446—7).

2) Martini Galli Chronicon II, 29 (Monum. I, p. 447—48).

3) Martini Galli Chronicon II, 30, 31 (Monum. I, 448).

4) Martini Galli Chronicon II, 33, 34 (Monum. I, 449, 445—6; Kadlabeknia Chronicon II, 26; III, 8 (Monum. II, 314, 335).

5) Martini Galli Chronicon II, 33 (Monum. I, 449).

встрѣчу, отдалъ себя во власть его, предлагая «миръ и службу». Приѣхавъ съ покорюю и какой-то поморскій князь и также обязался къ службѣ и военной повинности полякамъ. Все Поморье, казалось, было покорено: пять недѣль ходилъ Болеславъ по странѣ и нигдѣ не нашеть противодѣйствія¹⁾. Но эта покорность—была только наружная, вынужденная обстоятельствами. Не успѣвъ Болеславъ уйти, какъ поморяне снова ополчились и поднялись, по обычаю, на грабежъ польской земли: они внезапно напали на перковъ въ Свицмирѣ, ограбили ее, взяли въ плѣнъ какого-то священника, принятаго ими за архіепископа (гитѣденскаго, Мартина), и ушли²⁾. Въ Поморьѣ находилось еще много городовъ и крѣпостей, которые сохраняли независимость и неприязненные отношенія къ Польшѣ. Противъ одной изъ такихъ, Чарикова, (надъ р. Нотецью) выступилъ Болеславъ съ большими силами. Осада длилась довольно долго, но наконецъ крѣпость отдалась во власть Польшѣ. Многие были при этомъ убиты, другіе—крещены и между ними начальникъ укрѣпленія Гитѣвомиръ³⁾. И это пріобрѣтеніе Болеслава было непрочю и безъ послѣдствій: въ то время (1108), какъ онъ былъ занятъ войной съ мораванами и чехами, поморяне, чрезъ измѣну Гитѣвомира—овладѣли польскою крѣпостью Устьемъ (Уске на р. Нотецѣ). Болеславъ долженъ былъ сѣшить на выручку; его появленіе возстановило, правда, прежній порядокъ⁴⁾, но ничего не измѣнило къ лучшему въ отношеніи къ поморскимъ дѣламъ; такъ что, давъ краткій отдыхъ воинамъ и лошадямъ, онъ снова вторгается въ Поморье и, пренебрегая сборомъ добычи, прямо осаждаетъ крѣпость Велунъ. Поморяне защищались отчаянно: они не надѣялись на пощадъ. Пока оса-

1) Martini Galli Chronicon II, 34, 39 (Monum. I, p. 450, 453—4); Kadlubkonis Chronicon III, 2 (Monum. II, 329—331).

2) Martini Galli Chronicon II, 43 (Monum. I, 455—6); Kadlubkonis Chronicon III, 10 (Monum. II, 330 sq.).

3) Martini Galli Chronicon II, 44 (Monum. I, 456—7).

4) Martini Galli Chronicon II, 47 (Monum. I, 457); Kadlubkonis Chronicon III, 4 (Monum. II, p. 335).

ждающіе приготовляли осадныя орудія, они исправили укрѣпленія, огородили ворота и заготовили камни. Борьба длилась долго, потери были велики съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, истомленные и доведенные до крайности поморяне, получивъ отъ Болеслава въ залогъ неприкосновенности его перчатку, рѣшились сдаться. Разсвѣдѣлые побѣдители не исполнили уговора: вопреки приказу князя, они избивъ всѣхъ, не пощадивъ ни одного. Крѣпость была исправлена и занята польскимъ войскомъ¹⁾. Бѣдствія не образумили, однако, поморянъ: на слѣдующее же лѣто (1109) большое полчище ихъ вторглось въ предѣлы Мазовіи, жгло, грабило и плѣнило жителей. Мазовшане собрались подъ начальствомъ воеводы Магнуса, разбили и разстѣли толпу грабителей²⁾. Славная побѣда Болеслава III надъ поморянами стала въ томъ-же году (1109) у Накеля. Крѣпость стояла на границѣ Польши и Поморья, среди болотъ, и была сильно укрѣплена. Полки обложили ее и готовились къ приступу, когда осажденные попросили перемирія на срокъ, съ условіемъ, что если къ тому времени они не получатъ помощи, то сдадутъ крѣпость. Перемиріе имъ было дано; но осадныя работы не были сняты. Между тѣмъ вѣстники поднявъ поморское войско, оно послѣшило на выручку, давъ клятву или умереть за родину, или одержать побѣду; съ этою цѣлью они отпустили лошадей и «неготовыми» дорогами, по лѣсамъ, пробивались къ Накелю. Имъ удалось напасть на поляковъ неожиданно: срокъ перемирія еще не кончился, многіе воины были въ отсутствіи за продовольствіемъ себѣ и скоту, другіе на разныхъ развѣдкахъ движеній непріятелей. Болеславъ, раздѣливъ свое небольшое войско на два полка, одинъ повелъ лично, другой поручилъ начальству Скарбимира, и битва началась. Поморяне стояли толпою, поставивъ конья на землю и обративъ ихъ противъ врага, какъ сплошную щетину, такъ что подступъ къ нимъ

1) *Martini Gallii Chronicon* II, 48, (Monum. I, 458).

2) *Martini Gallii Chronicon* II, 49 (Monum. I, 459); *Kadlubekis Chronicon* III, 8 (Monum. II, 334—5).

былъ почти невозможенъ. Въ то время, когда Болеславъ напалъ спереди, Старбынръ обошелъ съ тылу и нашолъ случай проникнуть въ средину толпы. Раздѣленные и окруженные, поморяне еще долго сопротивлялись, но потомъ обратились въ бѣгство. Изъ сорока тысячъ едва спаслось десять, остальные погибли въ битвѣ или въ болотахъ. Крѣпость сдалась на условіи пощады; ея примѣру вскорѣ послѣдовали и какія-то другія шесть поморскихъ укрѣпленій¹⁾. Среди серьезной борьбы съ Гейрихомъ V и чехами Болеславъ не упускалъ изъ виду и поморянъ: въ началѣ 1110 г. онъ еще разъ предпринялъ походъ противъ нихъ, взялъ снова три крѣпости, сжегъ и сразилъ ихъ съ землею, съ добычею и плѣнными возвратился домой, желая отдохнуть и укрѣпить города, пострадавшіе во время борьбы съ империаломъ²⁾. Въ 1111 г. мы снова находимъ польскаго князя среди войнъ съ поморянами. Посадникъ его въ Накелѣ и другихъ городахъ, поморянинъ Святополкъ, быть можетъ, одинъ изъ князей страны — не исполнялъ данныхъ обязательствъ, дѣйствовалъ самостоятельно и даже относился враждебно къ Польшѣ. Это побудило Болеслава осадить Накель. Осада шла неуспѣшно; у поляковъ не было осадныхъ орудій: болотистая мѣстность не допускала привоза ихъ; сверхъ того, крѣпость была сильно укрѣплена и хорошо снабжена войскомъ и всякими запасами, она могла выдержать долгую осаду. Потому, когда Святополкъ предложилъ миръ, заложниковъ — между ними и собственнаго сына — и значительную сумму денегъ, Болеславъ согласился и снялъ осаду³⁾. Неполненіе условій со стороны Святополка было причиною, что на слѣдующій же годъ поляки неожиданно осадили поморскую крѣпость Вышеградъ и принудили ее къ сдачѣ. Оставивъ тамъ часть воиновъ, какъ стражу, Болеславъ появился у

1) Martini Galli Chronicon III, 1 (Monum. I, p. 463—6), Kadlubkonic Chronicon, III, 14 (Monum. II, 340—342).

2) Martini Galli Chronicon III, 18 (Monum. I, p. 473).

3) Martini Galli Chronicon III, 26 (Monum. 462—3).

другой, гораздо болѣе сильной крѣпости (Накеля?) и повелъ осаду. Осажденные защищались храбро: они знали, что ихъ ожидала гибель въ случаѣ торжества поляковъ. Наконецъ, видя успѣхи польской осады и потерявъ надежду на помощь со стороны Святополька, крѣпость сдалась на условіяхъ неприкосновенности жизни и свободнаго выхода жителей. На этотъ разъ поляки точно сдержали слово ¹⁾).

Извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ оканчивается Хроника Мартина Галла. О дальнѣйшихъ отношеніяхъ Польши къ Поморью уже говорить «Жизнеописанія» Оттопа. Но прежде чѣмъ рассмотримъ ихъ показанія, считаемъ необходимымъ сдѣлать общій историческій выводъ изъ всѣхъ доселѣ переданныхъ фактовъ.

Болеславъ, несомнѣнно, продолжалъ и отчасти привелъ въ исполненіе политическую задачу своихъ предшественниковъ. Нѣкоторыя дѣйствія его въ отношеніи поморянъ объясняются, конечно, лишь чувствомъ личнаго раздраженія и справедливаго возмездія, но вообще всѣ его походы направлены къ одной цѣли подчиненія поморской земли своей власти. Это ясно, когда взглянемъ на мѣста, противъ которыхъ направлены были его удары: прежде прочаго, чтобы открыть страну и такъ сказать соединить ее съ Польшею — ему необходимо было овладѣть пограничною полосой земли по рѣкѣ Нотеци. Противъ сильныхъ поморскихъ крѣпостей, здѣсь стоявшихъ, устремлены главныя усилія его. Затѣмъ онъ направляется въ центръ страны и беретъ главные города ея, Бѣлградъ и Колобрегу, очевидно не ради наказанія или случайной добычи, а ради прочнаго завладѣнія землею. Враждебныя политическія отношенія къ инымъ народамъ, нѣмцамъ, чехамъ, моравянамъ, а отчасти дѣла внутреннія и поморская сила — были причиною, что войны съ поморянами велись съ перерывами и достигли своей цѣли не прежде окончательнаго взятія крѣпости Накеля и вторичнаго покоренія Бѣлграда, но тѣмъ не менѣе этой цѣли онъ достигъ: все достаточное Поморье, около

1) Ibidem.

1110—1112, поступило во власть Польши, стало страню польскаго государства ¹⁾). Съ того времени источники не говорятъ болѣе о походахъ Болеслава противъ поморянъ, обитавшихъ между р. Персантою и Вислою: такихъ походовъ, по всему вѣроятію — не было, потому что въ нихъ не было нужды. Мѣсто дѣйствія его оружія переносится теперь на Одру, т. е. въ страну западнаго Поморья, еще свободнаго, столь же необузданнаго и безпощаднаго, какъ и ихъ восточные соплеменники.

Возвратимся къ нашимъ «Жизнеописаніямъ». Соберемъ въ одно ихъ извѣстія объ отношеніяхъ западнаго Поморья къ Польшѣ, попытаемся затѣмъ привести ихъ въ порядокъ и связь съ вышеприведенными польскими свидѣтельствами.

Безпрестанно тревожимый поморскими набѣгами и грабежами, Болеславъ старался или совершенно уничтожить язычничество, или мечомъ привести ихъ къ покою и игу христіанства: нѣсколько разъ вторгался онъ съ своими полчищами въ Поморье и страшно опустошалъ его; такъ, устроивъ свои отношенія къ Руси, незадолго до прихода въ страну бамбергской миссіи, онъ овладѣлъ Штетинною, взявъ приступомъ, разорилъ и сжегъ сильную Наклу и иные города и крѣпости, избилъ и расточилъ множество жителей, множество ихъ увелъ плѣнными и поселилъ въ Польшѣ. Поморяне должны были покориться, они обязались къ мирнымъ отношеніямъ, военной помощи полякамъ, платсжу дани и къ принятію христіанства ²⁾). Обязательства, какъ видно, были ими плохо выполнены. Собравшись съ силами, оправившись отъ пораженія, поморяне снова принимались за прежнее удалое ремесло набѣговъ и грабежей въ польскихъ окраинахъ. Требовалось принятіе мѣръ рѣшительныхъ: для собственнаго спокойствія поляки должны были держать въ постоянномъ страхѣ неугомон-

1) Колонанъ въ своемъ письмѣ къ Болеславу титулуетъ его: «*Magnum monarchum, Kadibconis Chronicon III, 4 (Monum. II, p. 332).*

2) *Herbordi Dialogus II, 8, 6, 10, 18, 30; Ebo III, 4. pag. 326, an. 1, 334, an. 1, 335, an. 1, 357, an. 2, 354, an. 1, 376, 377, 1.*

ныхъ сосѣдей, вести съ ними почти непрерывную войну. Но исполнить это было нелегко, чтобъ не сказать — невозможно. Поморские имѣла сильно укрѣпленные города и крѣпости по границамъ и внутри земли, овладѣть ими требовалось и много времени, и немалого труда; сверхъ того — частые походы большого войска въ Поморье были очень тяжелы и затруднительны — и по характеру страны, покрытой лѣсами, болотами и пустошами, и потому, что они ослабляли, дробили и отвлекали польскія силы, столь нужныя, какъ для поддержанія порядка внутри страны, такъ и для защиты прочихъ границъ государства, съ разныхъ сторонъ угрожаемаго врагами¹⁾. Болеславъ III видѣлъ, что путемъ войны и разоренія онъ не достигнетъ прочнаго успѣха; а между тѣмъ ему необходимы были мирныя отношенія къ Поморью, необходимо было сдѣлать свирѣпыхъ и безпокойныхъ сосѣдей данниками и надежными союзниками. Ближайшимъ и вѣрѣйшимъ средствомъ къ тому представлялось введеніе и распространеніе между ними христіанства. Не встрѣтивъ дѣятельнаго сочувствія къ такому дѣлу въ средѣ своего духовенства и потерѣвъ неудачу съ Беригардомъ, князь польскій, вѣроятно — съ вѣдома поморскаго князя — вызвалъ на это дѣло Оттона, знаменитаго и своими христіанскими добродѣтелями, и дарами практическаго разума²⁾. Оттонъ принялъ приглашеніе. Уполномоченный Болеславомъ, въ сопровожденіи его посланниковъ, онъ ограничиваетъ свою дѣятельность во время перваго путешествія — мѣстами собственнаго Поморья, т. е. городами, лежащими между Одрой и Персаптой. Въ Пырицѣ, Каминѣ, Кюднѣ, Колобрегѣ и Бѣлградѣ онъ не встрѣчаетъ никакого противорѣчія своей проповѣди³⁾; но въ Волинѣ и Штетинѣ терпитъ сначала неудачу и, только послѣ новаго угрожающаго заступничества князя польскаго, водру-

1) *Herbordi Dialogus* II, 8—5, 10; pag. 323, 324 н. 1, 325, 326 н. 1, 335 н. 1.

2) *Ebo* II, 1; *Herb.* II, 5, 6. pag. 326 н. 1, 328 н. 1, 2, 330 н. 2. *Helmoildi Chronicon* I, 40.

3) *Herb.* II, 14, 19, 38, 39; pag. 339 н. 1, 342 н. 1, 365 н. 1, 366 н. 1.

жасть въ этихъ мѣстахъ знанія христіанства ¹⁾). Успѣхъ проповѣди Оттона въ первое «хожденіе» его былъ далеко неполный. Кажется, что въ слѣдующемъ же году (1126) Штетина и Вольтинъ возвратились къ язычеству ²⁾); поморяне отстроили разрушенныя Болеславомъ крѣпости, укрѣпили другія, и попадѣвъ на свои силы, перестали платить дань и возобновили свои набѣги и непріязненные отношенія къ Польшѣ; послѣдними, можно думать, руководилъ самъ поморскій князь Вартиславъ ³⁾). Узнавъ объ отпадѣніи Штетинны и Вольтина въ язычество и, быть можетъ, вызванный христіанниномъ Вартиславомъ ⁴⁾), Оттонъ отправился снова къ поморянамъ. На этотъ разъ его дѣятельность сосредоточивается главнымъ образомъ въ городахъ земли лютичей-чрепѣлянъ и Штетинѣ. Она вѣчается дѣйствительнымъ успѣхомъ: христіанство принимается прочно, при посредничествѣ Оттона утишается и вражда Вартислава съ Болеславомъ, который уже вторгся было въ Поморье для новаго наказанія буйныхъ и вѣроломныхъ сосѣдей ⁵⁾).

Уже выше мы имѣли поводъ замѣтить, что извѣстіе «Жизнеописаній» Оттона о походахъ Болеслава въ Поморье не имѣетъ точнаго хронологическаго характера и представляетъ простое припоминаніе о событіяхъ съ цѣлью объясненія послѣдующаго ⁶⁾). Всмотриваясь въ него ближе, нельзя не видѣть, что главнымъ источникомъ здѣсь были сообщенія поляковъ. Они рассказывали миссіонерамъ, что знали о поморянахъ и, конечно, по чувству національной гордости, не могли умолчать о славныхъ подвигахъ своего князя. Отъ такихъ рассказовъ нельзя требовать исторической послѣдовательности и точности: они — припоминанія общія. Потому намъ кажется, что нѣтъ никакой надобности относить съ

1) Herb. II, 24, 26, 30, 37; pag. 347 no. 1, 351 no. 1, 2, 354 no. 1, 361 no. 2.

2) Ebo III, 1; pag. 370, 371 no. 1, 372 no. 1.

3) Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 391 no. 1, 2, 392 no. 1.

4) Ebo III, 4; pag. 377 no. 1.

5) Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 391 no. 1, 2, 392 no. 1,

6) pag. 326 no. 1.

повѣшными изслѣдователями взятіе Наклы ко времени 1119—20 г. и ради этого полагать, что Накла была совсѣмъ другая крѣпость, чѣмъ Накель Мартина Галла и будто бы лежала неподалеку отъ Колобреги¹⁾. Для подтвержденія такой догадки — нѣтъ надежныхъ данныхъ; напротивъ, зная характеръ разсказа, основаннаго на воспоминаніи, гораздо ближе думать, что Накло («Жизнеописаній») и Накель польскаго аннала — тождественны, что оба источника говорятъ хотя и различно, но объ одномъ и томъ же событіи.

Управившись съ восточнымъ Поморьемъ, Болеславъ обратилъ оружіе противъ западнаго. Изъ словъ нашихъ памятниковъ можно заключать, что онъ нѣсколько разъ вторгнулся въ страну, но объ этихъ походахъ его у насъ нѣтъ никакихъ подробныхъ и определенныхъ свѣдѣній. Въ строгомъ смыслѣ исторически засвидѣтельствованнымъ представляется только походъ 1120—1 г., когда Болеславу удалось взять Штетину, разорить нѣсколько крѣпостей и городовъ. Бамбергскіе проповѣдники имѣли случай лично видѣть страшные слѣды польскаго погрома²⁾. Сколь далеко прошло польское оружіе — остается неизвѣстнымъ; можно думать, что оно не переходило за Одру, равнымъ образомъ, какъ кажется, Волынь осталась нетронутымъ³⁾. Если дать силу случайнымъ показаніямъ «Жизнеописаній» и мнѣнію самихъ поляковъ, то результатомъ этой войны было *покореніе Поморья*⁴⁾; но

1) Квандтъ, Кэнке и Бѣлевекій, см. Monumenta Poloniae historica II, Lw. 1872, pag. 75—76, an. 2. Думать, что видѣнный бамбергскими проповѣдниками разрушенный городъ (Herb. II, 38; 365 an. 1.) былъ именно Накло — нельзя. Или Накло и самое событіе нѣтъ было хорошо извѣстно, и они не замедлили бы это замѣтить.

2) Herb. II, 13, 38; pag. 357 an. 2, 365 an. 1.

3) Гейселя, Gesch. Polens I, p. 268, думаетъ, что Болеславъ проникъ далеко за Одру до озера Морича, на томъ, конечно, основаніи, что бамбергская миссія во второе ходженіе свое — встрѣтила на этомъ озерѣ рыболова, который скарта а ducem Poloniae eadem provincia бѣжалъ сюда отъ польскаго погрома (Ebo III, 4, pag. 376, 377 an. 1); но eadem provincia — здѣсь очевидно значитъ Поморье; а что рыболовъ зашелъ такъ далеко, то должно вспомнить, что онъ бѣжалъ не отъ поляковъ только, но и отъ голода.

4) Herb. II, 10, 30; pag. 335 1; an. 364 an. 1.

прошествія указываютъ иное; изъ нихъ видно, что зависимость поморянъ отъ поляковъ не шла далѣе общаѣи дани, военной помощи и принятія христіанства. Хотя и сильно пораженное, Поморье стоитъ независимо съ своимъ народнымъ княземъ и своимъ правительствомъ; польскій авторитетъ, въ виду недавнихъ бѣдствій, имѣеть значительную внушающую силу, но это — сила страха ¹⁾, а не политической зависимости или подчиненія; при томъ же свободный и сильный Волинь знать не хочетъ ни миссіонеровъ, ни посланниковъ польскаго князя и относится къ нимъ съ грубымъ неуваженіемъ ²⁾. Изъ всѣхъ обязательствъ поморскій князь, какъ христіанинъ, расположенъ исполнить только обязательство принятія христіанства, да и здѣсь, м. б. недовѣряя призванному поляками миссіонеру, онъ оказываетъ ему мало помощи, и вначалѣ предоставляетъ его — собственнымъ его силамъ. Такія непрочныя отношенія къ Поморью были нескрыты отъ Болеслава: затрудняясь б. м. новыми войнами, онъ рѣшился испытать средство, къ которому кромѣ того обязывало его и званіе христіанскаго монарха, къ введенію христіанства. Онъ вызвалъ на этотъ подвигъ Оттона ³⁾.

Что побудило бамбергскаго епископа принять на себя такое трудное и опасное дѣло? Біографы его даютъ разумѣть, что это было внутреннее призваніе, чуждое всякихъ стороннихъ цѣлей и намѣреній. Оттонъ хотѣлъ достойно завершить свои многолѣтніе труды и старанія на пользу христіанства и церкви. Дѣйствительно, разсматривая внимательно всё его дѣйствія въ Поморьѣ въ періодъ перваго путешествія — нельзя открыть въ нихъ ничего, кромѣ самой чистой ревности о спасеніи народовъ, ходившихъ во тьмѣ и сѣни смерти⁴⁾, ни слѣда какого-нибудь затаеннаго политическаго замысла. Было ли это дѣйствительно чистое воодушевленіе христіанина, или политическое благоразуміе и

1) Herb. II, 26; III, 10; Ebo III, 18; pag. 351 n. 2, 301 n. 2.

2) Herb. II, 24; pag. 346, 347 n. 1, 330 n. 2.

3) Herb. II, 6; pag. 330 n. 2. Helmodi Chronica Sclavorum I, 40.

слѣдствіе убѣжденія, что только при такомъ образѣ дѣйствія возможенъ успѣхъ — рѣшить трудно. Одно представляется достовернымъ, что если Оттонъ, какъ человекъ практическаго, дальновиднаго ума и не оставался чуждъ нѣкоторымъ политическимъ стремленіямъ, то они въ началѣ направлены были въ пользу польскаго, но отнюдь не нѣмецкаго интереса. Онъ твердо вѣрилъ въ торжество христіанства подъ державою польскаго князя и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ, вовсе не помышляя о выгодахъ нѣмецкихъ. Въ союзѣ съ Болеславомъ, поддерживаемый его помощію и силою, Оттонъ во время первой миссіи обходитъ только ту область, которая, хотя и узнала грозу польскаго оружія, но не пришла еще въ прочныя зависимыя отношенія къ Польшѣ; проповѣдь бамбергскаго апостола, по мысли Болеслава, кажется, должна была, посредствомъ утвержденія и распространенія истинной религіи, утвердить и упрочить политическую зависимость страны отъ Польши. Тамъ, гдѣ эта зависимость стояла твердо и не подвергалась колебаніямъ — не было особой необходимости и въ дѣйствіяхъ Оттона: распространеніе христіанства могло быть приведено въ исполненіе и туземнымъ, польскимъ духовенствомъ. Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется, почему бамбергскій проповѣдникъ вовсе не коснулся политически обезсценнаго восточнаго Поморья и въ Бѣлградѣ положилъ предѣлъ своей евангельской дѣятельности. Страна принадлежала къ гнѣзденской епархіи, дѣло христіанства здѣсь предоставлено было уже заботѣ архіепископа гнѣзденскаго. Намъ совершенно невѣстны взгляды и мысли Оттона на счетъ того, въ какой мѣрѣ Польша могла упрочить насажденное имъ Христіанство, организовать и утвердить церковь. Изъ личнаго опыта и знакомства съ поморскими обстоятельствами онъ, кажется, могъ убѣдиться въ относительной слабости польской власти. Самое намѣреніе Вартислава и знатныхъ земель устроить въ Волынѣ самостоятельную епископскую епархію¹⁾ указывало на отношенія довольно неза-

1) Herb. II, 7; pag. 364 an. 3.

всемыя отъ воляковъ; но какъ бы то ни было, за недостаткомъ времени или по инымъ соображеніямъ, только Оттонъ совершенно устранился отъ дѣла устройства поморской церкви и предоставилъ его Болеславу. Черезъ три года Оттонъ узналъ о возвращеніи къ язычеству двухъ главнѣйшихъ городовъ страны, Штетина и Волина. Его извѣстилъ объ этомъ, кажется, самъ поморскій князь Вартиславъ и просилъ о помощи ¹⁾. Оттонъ обсуждаетъ предстоящее предпріятіе съ нѣкоторыми славянскими князьями во время государственнаго сѣзда въ Межиборьѣ ²⁾ и отправляется въ путь; но уже не чрезъ Польшу, а чрезъ земли нѣмецкой церкви, именно — магдебургской епархіи. Главнымъ мѣстомъ дѣйствій его служатъ теперь страны, издавна номинально причисляемыя къ римско-нѣмецкимъ владѣніямъ ³⁾, но въ дѣйствительности — еще язычествующія и признающія власть поморскаго князя, т. е. страны лютичей-чрезпѣлянъ, лежавшія между рр. Пѣной и Одрой ⁴⁾. Въ Узномѣ Вартиславъ назначаетъ общій сѣздъ волостителей земли, на которомъ постановляется общее принятіе христіанства ⁵⁾. Съ этого времени Оттонъ дѣйствуетъ рука объ руку съ Вартиславомъ и поморскою знатью; съ ихъ помощью онъ приводитъ въ крестную вѣру чрезпѣлянъ,

1) Ebo III, 4; pag. 377 па. 1.

2) Это мѣсто изъ его переговоровъ съ Виркиндомъ. Ebo III, 8; pag. 376 па. 1.

3) Gosegarten: Codex Pomeraniae Diplomaticus I, Nro. 8—10; Klempin Pomn. Urkundenbuch I, 17, 19, 20, 21.

4) Когда и вслѣдствіе чего образовался союзъ поморянъ съ чрезпѣянами — на это не указываетъ прямо ни одно историческое свидѣтельство. Существуютъ указаніе косвенное: Гельмольдъ, Chronica Slavorum I, 26, говоритъ, что землю лютичей-чрезпѣлянъ владѣлъ князь Оботритовъ Гейрихъ; въ 1118 г. онъ предпринималъ вмѣстѣ съ ними изъ Вологоса походъ противъ руниъ (ibid. 26). Гейрихъ скончался въ началѣ 1119 г., стало бытъ, можно полагать, что политическій союзъ чрезпѣлянъ съ поморянами состоялся вскорѣ этого времени, можетъ быть въ ту пору, когда сыновья Гейриха были заняты усобицами, Heim. Chr. I, 46, 48. Условія союза неизвѣстны, изъ «Жизнеописаній» Оттона открывается только, что въ ихъ число входило обязательство взаимной помощи или защиты.

5) Ebo III, 6; pag. 381, 382 па. 1.

отвращаетъ новую польскую грозу, готовую разразиться¹⁾, улаживаетъ раздоръ между поморскимъ княземъ и Штетиню²⁾, возвращаетъ къ христіанству послѣднюю³⁾. При всемъ этомъ польскій авторитетъ остается какъ-бы всторонѣ, по крайней мѣрѣ—въ отношеніи христіанства и церкви. Очевидно, что наученный опытомъ Оттонъ пересталъ опираться на непрочную польскую силу и перешелъ на сторону туземныхъ поморскихъ интересовъ. Но однихъ-ли туземныхъ? Нисколько не отрицая чистоты намереній и дѣйствій поморскаго апостола, мы полагаемъ, что мысль еще не оставалась чужда и нѣкотораго расчета, что онъ дѣйствовалъ съ яснымъ сознаніемъ конечной цѣли, къ которой должна была привести посаженная его рукою новая религія, именно къ приобрѣтенію благодатной страны не только для христіанства вообще, но и для нѣмецкой церкви и народности. Дальнѣйшія событія вполне оправдываютъ эту мысль. Плодами обращенія поморянъ въ христіанство воспользовался вовсе не тотъ, кто думалъ, кто началъ и кто такъ старался объ этомъ, кто ожидалъ отъ этого добрыхъ для себя послѣдствій. Болеславъ на дѣлѣ остался ни при чемъ: «тевтоискій богъ» покорилъ поморянъ не для него, а для своихъ кровныхъ соплеменниковъ, «ad usum prorgriū». Съ введеніемъ христіанства въ Поморь прочною ногою утвердилась нѣмецкая церковь; а съ нею — нѣмецкое начало становится основнымъ руководящимъ началомъ государственной власти и народнаго образованія. Княжеская власть, подпитая и усиленная новой религіей, постепенно усвоить нѣмецкую политику, княжескій родъ и знать мало по малу отдаляются отъ родной славянской національности и переходятъ въ нѣмецкую; нѣмецкое духовенство и монашество распространяются по всей странѣ, за ними вслѣдъ идутъ густыя толпы нѣмецкихъ переселенцевъ, привлеченныя и природными богатствами края и разными

1) Ебо III, 13; Herb. III, 10; pag. 391 n. 1, 2, 392 n. 1.

2) Ебо III, 20, 23; pag. 403 n. 2, 405 n. 2.

3) Ебо III, 15 sq.; Herb. III, 13 sq.; pag. 395 n. 1.

льготами и привилегіями, которыя давались имъ свѣтскими и духовными властями. Словомъ, водвореніе христіанства чрезъ нѣмецкую миссію неизбѣжно повлекло за собою утвержденіе и дальнѣйшее господство нѣмецкаго начала. Въ высшихъ сферахъ, въ области церковной, политической и правительственной дѣятельности—*славянское Поморье* скоро становится *нѣмецкимъ исчисломъ*; а въ то время только въ этихъ сферахъ и совершалось собственно историческое движеніе...

Дальнѣйшія отношенія Польши къ западному Поморью—неизвѣстны. Тѣнь польской власти исчезаетъ здѣсь, когда, чрезъ полстолѣтіе, Гейнрихъ Левъ, Свендъ и Вальдемаръ обращаютъ на эту страну свои тяжелые удары. Поморье съ тѣхъ поръ становится укрѣпленною землею то датчанъ, то нѣмцевъ—попеременно.

Оттонъ еще находился въ живыхъ, когда Поморье, повидяному, снова уклонилось на путь язычества. По смерти Вартислава произошла реакція въ пользу стараго порядка вещей, ее, какъ можно думать, велъ Ратиборъ, братъ и преемникъ власти Вартислава. Успѣхъ ея былъ непродолжителенъ: нѣмецкая церковь успѣла уже пустить слишкомъ твердые корни и могла легко вынести непоколебимое потрясеніе.

Пробѣгая мыслью все доселѣ изложенное, нравы, обычаи и порядки быта славянскаго Поморья—не могу не коснуться двухъ, близкихъ вопросовъ изъ отечественной, русской древности.

Давно, одинъ почтенный ученый, память котораго заслуживала бы большаго уваженія потомковъ, случайно обронилъ гипотезу о заселеніи новгородской области съ балтійскаго Поморья. Свѣтлая мысль не нашла отголоска и не была признана, какъ не были признаны и многія другія его свѣтлыя мысли, только теперь находящія признаніе и справедливую оцѣнку; но пора, ка-

жется, воздать ей должное, пора сказать, что она имѣетъ всѣ условія основательнаго, глубокомысленнаго и плодотворнаго историческаго предположенія.

Недавно другой, почтенный ученый, разувѣрившись въ непогрѣшимости канонической гипотезы о происхожденіи Руси и призваніи первыхъ князей отъ норманновъ, высказалъ не менѣе свѣтлую и плодотворную мысль о призваніи ихъ отъ славянъ, съ балтійскаго Поморья... Мысль осталась также мало признана наукою.

Ни пок. Каченовскій, ни г. Гедеоновъ не доказали своихъ догадокъ, не усилѣли, да и не могли—сообщить имъ значеніе ученой истины. Скудость матеріала не допускала ничего иного, кромѣ догадки.

Пройдя съ такими надежными руководителями, каковы жизнеописатели Оттона, весь наличный запасъ свѣдѣній о бытѣ славянскаго Поморья, принявъ въ соображеніе и нѣкоторыя указанія поморскихъ грамотъ, я не задумываюсь высказать, что изъ всѣхъ догадокъ о первоначальной колонизаціи Новгорода и призваніи первыхъ князей—догадки Каченовскаго и г. Гедеопова представляются самыми основательными и правдоподобными. Онѣ стоятъ между собою въ причинной связи: заселеніе новгородской области съ балтійскаго Поморья дѣлаетъ вполне вѣроятнымъ признаніе и князей оттуда-же и тѣми-же новгородцами. Имя *Новгорода* становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старьградѣ (даже не одномъ, а двухъ), находившемся на балтійскомъ Поморьѣ; имя Славнокажется противнемъ такого же балтійскаго Славна (slawna, slawene); характеръ новгородской вольницы и торговой знати точно тотъ-же, что и поморской; характеръ вѣча (ср. Thietm. Chr. VI, 18), вѣчеваго устройства и вѣчевой «степени» сходенъ до подробностей; одинаково и устройство «княжяго двора...» Такихъ фактовъ—еще мало, чтобы догадкѣ сообщать значеніе истины, но для вѣроятности исторической догадки они имѣютъ вѣское значеніе.

Если въ сказаніи о происхожденіи Руси и призваніи князей

изъ-за моря должно признать дѣйствительное историческое основаніе или самый фактъ, то нѣтъ ничего естественнаго, какъ прийти къ мысли, что Новгородъ, стоявшій въ постоянныхъ торговыхъ связяхъ съ поморскими славянами, родственнѣй или по крайней мѣрѣ — близко знакомѣй съ ними, всего скорѣе долженъ былъ обратиться къ нимъ, а не чужезычнымъ норманнамъ или пруссамъ. Сужденно ли этимъ догадкамъ остаться только вѣроятными догадками, откроется ли новый матеріалъ, который устранилъ ихъ или подтвердитъ ихъ истину, оставаясь въ предѣлахъ исполнимаго — мнѣ кажется, что вопросъ значительно подвинулся бы впередъ, еслибы: во первыхъ — былъ сличенъ мѣстный славянскій именованіе (по грамотамъ) съ новгородскимъ, во вторыхъ — если бы были разобраны особенности языка поморскихъ славянъ, насколько онѣ видны изъ латинскихъ грамотъ, сравнительно съ особенностями древняго новгородскаго нарѣчія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отрывокъ неизвѣстнаго автора о нравахъ поморанъ.

«Pomerani slavi est gens indomita. pugnaх et praeda uiuens. et danorum maxime terram depopulans. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratice apparatu praedas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt et indicium dei non metuunt. De nouo Christiani adhuc poganizant. uicinisque gentibus pacem non tenentes. Horum insolentias in suis dampnis cum Dani ferre non possent. arma conclamant et ad urbem praedonum adunati. nemine excusato. miles et rusticus. rex et sacerdos simul in unum diues et pauperi pugnaturi conueniunt. Et archiepiscopus affuit ultor iniquitatis. terre defensor. uindex ecclesie. uisor denique miraculi, quod retulit ipse. Duo inquit corpora pendebant patibula non collotenus ut solent fures suspendi, sed ut canes aut lupi calcaneis appensi. uisi tam horridi, ut non possent causae illorum pro horrore non discuti uel inquiri. Responsum est ab indigenis. iuste illos sic passos fures fuisse pessimos. diu et eum dampno ciuium latuisse non ab homine sed a deo perditos fuisse».

Представленный отрывокъ сообщенъ А. В. Мацѣевскимъ въ VI т. его «исторіи славянскихъ законодательствъ (Historia prawodawstw slowiańskich, W. 1858 t. VI p. 390—1)». Онъ

взять изъ пергаменной рукописи XIII столѣтія, находящейся въ бібліотекѣ графовъ Рачынскихъ въ Познани. Отрывокъ находится въ статьѣ «epistola de leproso per ignem mundato». Онъ замѣчательнъ не только, какъ живое, современное изображеніе воинственныхъ нравовъ поморянъ, но и какъ свидѣтельство о существованіи у нихъ смертной казни, въ чемъ можно было-бы сомнѣваться, положившись на слова «Жизнеописаній» Оттона (surga, pag. 351, pp. 1). Откуда взять этотъ отрывокъ — до сихъ поръ неизвѣстно. По характеру своему онъ всего ближе подходитъ къ повѣствованію Саксона Грамматика, хотя существенно отличается отъ него по слогу. Впрочемъ, *дажское* происхожденіе его едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію: едва-ли въ особѣ «архіепископа, мстителя отчизны и защитника церкви» можно разумѣть кого иного, а не знаменитаго Абсалона, архіепископа Лундскаго, непосредственнаго вождя датскихъ походовъ противъ руянъ, поморянъ и лютичей. Со временемъ воинской дѣятельности Абсалона вполне совпадаетъ и извѣстіе, что поморяне «de novo Christiani adhuc paganizant». Но какой походъ датчанъ противъ поморлихъ разумѣется здѣсь? Всего ближе подходитъ сюда Вальдемаровъ походъ 1169 г. (?), предпринятый вскорѣ по конечномъ паденіи Руяны и подробно описанный Саксономъ Грамматикомъ (Hist. danica, l. XIV, ed. Müller, p. 856 sq.).

II.

Извѣстія Мартина Галла о бытѣ поморянъ.

Изагая войны псковичей съ поморянами (выше, стр. 452—460), мы слѣдовали главнымъ образомъ Мартину Галлу, но ограничились извлеченіемъ изъ его Хроникъ однихъ историческихъ данныхъ и простыми бібліографическими ссылками на источникъ. Между тѣмъ подробности разсказа польскаго лѣтописца имѣютъ значительную цѣнность и въ бытовомъ, археологическомъ отношеніи: онѣ представляютъ довольно крупныя черты поморской

культуры и нравовъ и въ этомъ отношеніи могутъ служить немаловажнымъ дополненіемъ къ тому, что сообщается «Жизнеописаніями» Оттона. Такое обстоятельство побуждаетъ насъ представить здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ польско-латинской хроникки, именно — извлеченіе всего, что можетъ имѣть значеніе въ отношеніи разъясненія поморскаго быта и древностей. Реторическія фигуры и измѣненія полѣтико-патріотическаго энтузіазма хроникста мы, конечно, по возможности устранимъ изъ текстовъ. Въ заключеніи даемъ мѣсто общему обзорѣ матеріала и нѣкоторымъ поясненіямъ его, съ цѣлью дополнить нашу предшесгвующую картину поморскаго быта. Извлеченія изъ Хроникки магистра Викентія, обыкновенно называемаго Кадубкомъ — не представляются необходимыми. Въ этомъ произведеніи изслѣдователь не найдетъ ничего, или почти что ничего, для поясненія поморскаго быта и древностей: надутая реторика здѣсь вконецъ сгубила чувство исторической дѣйствительности и уваженіе къ ней.

Текстъ Мартина Галла приводится по рецензіи А. Бѣльскаго, изъ его «*Monumenta Poloniae historica*» t. I, Lw. 1864.

1. «*Quibus (id est Pomeranis) uictis, ciuitates eorum et municipia infra terram et circa maritima uolenter occupauit (dux Wladizlauus), suosque uastaldiones et comites in locis principalibus et munitioribus ordinauit. Et quia perfidiae paganorum omnino uoluit insurgenti fiduciam amputare, suosmet praelatos iussit nominato die in hora constituta omnes in meditullio regni munitiones concremare*». II, 1.

2. «*At Wladizlauus dux.. cum forti manu terram eorum (sc. Pomeranorum).. introiuit... Stetin, urbem terrae populosiozem et opulentiozem, ex improuiso intrauit, indeque praedam immensam et captiuos innumerabiles congregauit. Cumque iam cum sua praeda nichil dubitans remearet, iamque securus sui regni finibus propinquaret, Pomorani subito subsequentes eum super fluuium Nacla (?) innaserunt, bellumque cum eo pridie palmarum cruentum et luctuosum partibus utrisque commiserunt*». II, 2.

3. «Qui (Boleslauus) regionem barbarorum subiugare concupiscens, praedas agere prius uel incendia facere non conatur, sed eorum munitiones uel ciuitates obtinere uel destruere meditatur. Igitur gressu concito quoddam nobile satis ac forte castrum obsessurus inuasit, quod tamen eius primum impetum non euasit, unde praedam multam et captiuos egit, bellatores uero sententiae bellicae redegit». II, 15.

4. «. . . nunciatum est eis Pomoranos exiuisse, eosque contra Zutok regni custodiam et clauem, castrum oppositum erexisse. Erat enim castrum nouum ita altum et ita proximum christianis quod ea quae dicebantur et fiebant in Zutok et audiri et uideri bene poterant a paganis.. Puer Boleslauus aduenit.. et pontem inuadendo castellanis abstulit, et in portam prosequendo suos enses intulit». II, 17.

5. «Conuocata multitudine bellatorum, cum paucis electis penetrauit (Bolezlauus) meditullium patriae paganorum. Cumque ad urbem regiam et egregiam Albam nomine peruenisset.. equo descendens uiolenter ac mirabiliter urbem opulentam et populosam die qua uenerat expugnauit. Dicunt etiam quidam eum primum inuasisse, eumque primum propugnacula conscendisse.. De ciuitate autem praedam innumerabilem asportauit, municionem uero planiciei coaequauit». II, 22.

6. «Conuocato exercitu... (Boleslauus et milites) Cholbreg ueniunt ductu sidereo... ad urbem Cholbreg propinquantes, fluumque proximum sine ponte uel uado, ne praescirentur a paganis, cum periculo transeuntes, agminibus ordinatis, aciebusque retro duabus in subsidio collocatis, ne forte Pomorani hoc praescirent eosque incautos adirent, urbem opulentam diuitiis munitaque praesidiis unanimiter inuadere concupiscunt.. Quidam tantum praedam, quidam urbem capere meditantur. Et si cuncti sicut quidam unanimiter inuasissent, illa die procul dubio gloriosam Pomoranorum urbem et praecipuam habuissent; sed copia diuitiarum praedaeque suburbii militum audaciam excecavit, sicque fortuna ciuitatem suam a Polonis liberauit. Pauci tantum

probi milites gloriam diuitiis praeferebant, emissis lanceis, pontem extractis gladiis transierunt portamque ciuitatis intrauerunt, sed a ciuium multitudine coacti, uix tandem retrocedere sunt coacti. Ipse dux etiam Pomoranus illis aduenientibus intus erat, timensque totum exercitum aduenire, per aliam portam effugerat... Interea alii aliam portam et alii aliam inuadebant, alii captiuos ligabant, alii marinas diuitias colligebant, alii pueros et puellas educebant. Igitur Bolezlauus milites suos, quamuis tota die fatigatos assultando, uix tandem eos circa uesperem reuocare potuit commorando. Militibus itaque reuocatis ac suburbio spoliato, recessit inde Bolezlauus.. extra muros, omni prius aedificio concremato. Ex quo facto natio tota barbarorum concussa uehementer exhorruit, famaue Bolezlai longe lateque dilatata procrebuit. Vnde etiam in prouerbium cantilena componitur, ubi satis illa probitas et audacia conuenienter extollitur in haec uerba:

«Pisces salsos et foetentes apportabant alii,
 Palpantes et recentes nunc apportant filii.
 Ciuitates inuadebant patres nostri primitus,
 Illi procellas non uerentur neque maris sonitus,
 Agitabant patres nostri ceruos, apros, capreas.
 Illi uenantur monstra maris et opes aquoreas». II, 28.

7. «Rursus hiemali tempore Pomoraniam inuasuri Poloni congregantur, ut facilius munitiones congelatis palludibus capiantur... Adueniens Bolezlauus ad urbem (Albam) quae quasi centrum terrae medium reputatur, castra ponit, instrumenta parat, quibus leuius et minori periculo capiatur. Quibus partibus assidue armis et ingeniis laborauit, quod paucis diebus urbem ciues reddere coartauit. Qua recepta, suos ibi milites collocauit, signoque dato, motisque castris ad maritima properauit. Cumque iam ad urbem Cholbreg declinaret, et castrum mari proximum expugnare priusquam ad urbem accederet cogitaret, ecce, ciues et oppidanos

pronis cernicibus obuiam Bolezlauo procedentes, semet ipsos et fidem et seruitium proferentes. Ipse quoque dux Pomeranorum adueniens Bolezlauo inclinauit, eiusque, residens equo, se seruitio et militiae deputauit. II, 39.

8. «Bolezlauns iterum Pomoraniam est ingressus, et castellum obsessurus Carnkou magnis uiribus est agressus; machinis diuersi generis praeparatis, turribusque castellana munitione praeeminentioribus eleuatis, armis tamdiu ac instrumentis oppidum impugnauit, donec illud facta deditioe suo dominio mancipauit. Insuper etiam ad fidem multos ab infidelitate reuocauit, ipsumque dominum castelli de fonte baptismatis eleuauit. Audientes autem hoc pagani ipseque dominus paganorum, sic facile uidelicet corruisse contumaciam Charncorum, ipse dux Bolezlauo primus omnium inclinauit, sed eorum neuter longo tempore confidelitatem obseruauit. II, 44.

9. «Hostium terram (Pomoraniam) ingrediens, non praedas sequitur uel armenta, sed castrum Velun obsidens machinas praeparat ac diuersi generis instrumenta. At contra castellani, uitae diffidentes solummodo in armis confidentes, propugnacula releuant, destructa reparant, sudes praeoccupatas et lapides sursum eleuant, obstruere portas festinant... Ad extremum tamen Pomorani.. sese castellumque, recepta Bolezlauo ciroteca pro pignore, reddiderunt. II, 48.

10. «Quoddam castrum nomine Nakel in confinio Poloniae ac Pomoraniae paludibus et opere firmum constat, ad quod capiendum dux belliger cum exercitu suo sedens, armis et machinis laborabat. Cumque oppidani non posse tantae multitudini resistere se uidissent, et cum tamen a suis auxilium principibus expectassent, inducias quaesierunt, diemque certum indiderunt, infra quem, si sui eos non iuarent, in potestatem hostium et oppidum et se darent. Induciae quidem eos assultandi conceduntur, sed apparatus tamen expugnandi minime differuntur. Interim oppidanorum nuntii Pomoranorum exercitum conuenerunt, eisque pactionem suorum factam cum hostibus retulerunt. Tunc uero Pomorani,

audita legatione stupefacti, coniurant insimul pro patria uel se mori uel uictoriam de Polonis adipisci. Dimissis igitur equis, ut adaequato periculo fiducia cunctis et audacia maior esset, nullam uiam uel semitam gradientes, sed ferarum lustra condensaque siluarum irrumpentes, non in die statuto sed in S. Laurentii sacrosancto quasi sorices de latibulis emerferunt.. (Bolezlauus) cepit hostes in circuitu transgirare, quia sic in terra hastas suas uersis cuspidibus in hostes affixerant, seseque simul constipauerant, quod nullus poterat ad eos uirtute nisi cum ingenio penetrare. Erant enim.. pedites fere cuncti, nec ad proellum more christianorum ordinati, sed.. in terra poplitibus recuruati. Dumque magis impiger Bolezlauus circumquaque nolitare uideretur quam currere, transuersis in eum hostibus, Scarbinius intrandi locum inueniens, ex aduerso non differt in cuneos diutius confertissimos penetrare. Penetratis itaque barbaris ac uallatis, arciter imprimis resistunt, sed coacti tandem fugam petunt.. Oppidani uero uidentes se totam spem amisisse, nec auxilium aliunde uel a quolibet expectare, ciuitatem uita donata reddiderunt. Audientes autem haec de sex aliis castellis oppidani, consilium itidem inierunt, se ipsos uidelicet munitionesque tradiderunt». III, 1.

11. «Castrum Nakel.. Bolezlauus cuidam Pomorano genere sibi propinquo, Suatopole uocabulo concesserat cum aliis castellis pluribus sub tali fidelatis conditione retinere, quod nunquam deberet ei suum seruitium uel castella causa pro qualibet prohibere; sed postea nunquam iuratum sibi fidelitatem retinuit, ueque ueniens unquam promissam seruitutem exhibuit, nec uenientibus portas castellorum aperuit, immo, sicut perfidus hostis et traditor, uiribus et armis sua seseque prohibuit. Vnde Bolezlauus dux septentrionalis ad iracundiam concitatus, conuocatis bellatorum cohortibus castrum Nakel fortissimum obsedit. Ibiq.. laborem suum in uanum penitus expendebat, quia humidum per locum, aquosum et paludosum, machinas et instrumenta ducere non sinebat. Insuper castellum erat et uiris et rebus necessariis sic fir-

matum, quod non esset armis uel necessitate rei cuiusalibet per annum continuum expugnatum». III, 26.

12. einde (sc. a castello Wyschrad) progrediens, obsidione castrum aliud circumiuit. Illud namque castrum cum maiori labore prolixiorique dilatione Bolezlauus expugnauit, quia plures et fortiores ibi pugnatores locumque munitiorem assultu bellico exprobauit. Paratis igitur a Polonis instrumentis ac machinationibus expugnandi, Pomorani similiter instrumenta modis omnibus repugnandi fecerunt; Poloni foucas acquant, terram lignaque comportant, quo lenius ac planius ad castrum cum turribus ligneis accedant; Pomorani contra lardum lignaque picca parant, quibus paulatim congeriem illam comburant. Tribus enim castellani uicibus instrumenta omnia de muro descendentes furtiue combusserunt, tribusque uicibus iterum illa Poloni construxerunt. Ita nempe turres lignae Bolezlai castello uicinae stabant, quod castellani de propugnaculis cum eis armis et ignibus repugnabant. Si quandoque Polloni castellum armis, igne, lapidibus stratis impetebant, castellani similiter modis omnibus uicem contrariam repugnabant. De Polonis multos castellani sagittis et lapidibus uulnerabant; de castellanis uero Poloni plures cottidie perimebant. Interdum tamen cum Bolezlauo pactum facere castrumque reddere cogitabant, interdum inducias petentes, uel auxilium expectantes illud consilium differebant. Interea Poloni. tot laboribus et uigiliis fatigati desistebant, sed castrum capere uel insidiis insistebant. Pomorani uero talem Bolezlai mentem et intentionem cognoscebant, quod nullatenus euadere manus ipsius nisi castro reddito praeualebant, et ex hoc maxime diffidebant, quia de Suatopole suo domino nullum auxilium expectabant. Vnde pro tempore consilium partibus utrisque satis idoneum inierunt, castellum uide licet fide recepta tradiderunt, ipsique sani cum suis omnibus, incolumes, quo sibi libuit, abierunt». III, 26.

Разсматривая извѣстія Мартина Галла о поморянахъ, нельзя прежде прочаго не замѣтить одной важной этнографической черты: несмотря на близость своей рѣчи къ польской, поморяне считаются совершенно особымъ племенемъ; въ противоположность полякамъ они были «barbari», «natio barbarorum». Въ образованіи такого понятія несомнѣнно участвовали политическія и религіозныя причины: поморяне были «hostes Polonorum», «ragani»; но кажется — не одни эти причины, а и нѣкоторыя отличія въ обычаяхъ; польскій лѣтописецъ отмѣчаетъ напр., что ихъ военныя обычая были иные, чѣмъ у поляковъ: они сражались не отдѣльными строями, а въ густой толпѣ, устремивъ свои копья щетиной противъ врага и прясѣвъ къ землѣ, вѣроятно затѣмъ, чтобы удобнѣе защититься щитами (II, 1, cf. Saxo Gram. p. 751).

Свидѣтельство Сесфрида (p. 326 pp. 1, 391 pp. 1), что поморяне имѣли много, какъ внутри земли, такъ и по границамъ ея, природою и искусствомъ укрѣпленныхъ крѣпостей, находятъ полное подтвержденіе въ извѣстіяхъ Мартина Галла: «municipia, munitiones, castra, castella» поморянъ находились въ среднихъ страны, на побережьи моря и южной границѣ, онѣ были сильно укрѣплены, имѣли высокія стѣны, защищенные частоколомъ, были окружены рвами, чрезъ которые лежали мосты, имѣли, кажется, и боевыя башни (II, 1, 15, 17, 22, 39; III, 1, 26). Помѣщенныя среди болотъ и тонкихъ мѣстъ (II, 39, III, 26), поморскія укрѣпленія были трудно доступны для непріятели: послѣдній долженъ былъ выжидать зимняго времени, чтобы имѣть возможность подвезти осадныя орудія. Несмотря, однако, на свою крѣпость, поморскія мѣста защиты почти всегда уступали полякамъ; причина заключалась не только въ превосходствѣ правильно организованнаго польскаго войска, но и въ превосходствѣ польскихъ осадныхъ средствъ, которымъ поморяне могли противопоставить только личную отвагу и мужество. Тамъ, гдѣ поляки были лишены этихъ средствъ — крѣпости были въ состояніи выдержать долгую осаду (III, 26).

Было-ли въ крѣпостяхъ, кромѣ постоянной стражи, и по-

стоянное не-военное население—изъ показаній польскаго лѣтописца не ясно; оно едва ли могло быть въ укрѣпленіяхъ пограничныхъ, но внутри страны существованіе его предположить можно, такъ какъ изъ крѣпостей здѣсь выросли уже города, «*ciuitates*». Въ одной изъ такихъ сильныхъ крѣпостей Болеславъ предалъ смерти всѣхъ воиновъ, жителей же увелъ плѣнными (II, 15).

Объ устройствѣ поморскаго города дать нѣкоторое понятіе разскажъ лѣтописца о взятіи Колобреги (II, 28): перейдя рѣку, войско Болеслава бросилось грабить *suburbium*, торговую пригородъ, отдѣленную отъ собственнаго города стѣнами его и ровомъ, чрезъ который проходилъ мостъ. Пригородъ также была обнесена валомъ (II, 28).

Восточное Поморье, составляя въ этнографическомъ отношеніи одно цѣлое, въ политическомъ состояло изъ отдѣльныхъ областей, находившихся подъ властью отдѣльныхъ князей. «*Dux, princeps terrae*» вовсе не извѣстенъ Мартину Галлу; онъ знаетъ только отдѣльныхъ князей, воеводъ и правителей, таковы: «*dux pomoranus*», убѣжавшій изъ Колобреги при вѣсти о появленіи поляковъ (II, 28) и лившійся потомъ съ покорюю (II, 39); «*dux*» или «*dominus raganoium*», покорившійся по взятіи крѣпости Чарикова (II, 44); Святополкъ «*pomoranus*», родственникъ Болеслава, владѣвшій крѣпостью Накелемъ и многими другими укрѣпленіями; «*principes*», отъ которыхъ тщетно ожидали помощи осажденные въ Наклѣ (III, 1). Отсюда можно заключать, что въ эпоху Болеслава въ восточномъ Поморьѣ еще не было единой державной княжеской власти, и это, быть можетъ, было причиною успѣха польскаго оружія.

Бѣлградъ, по словамъ Мартина Галла, былъ «*urbs regia, praecipua, quae quasi centrum terrae medium reputatur*» (II, 22, 39), т. е. столица, средоточіе земли. Удаляркъ и Сефридъ называютъ такимъ городомъ Штетину (Ево II, 9, III, 2; Нерб. II, 6, 25; pag. 349 nn. 1, 350 nn. 1, 371, 372 nn. 1, 326 nn. 1). Понимая такія наименованія не въ политическомъ, а въ прав-

ственномъ смыслѣ (а иначе ихъ понимать нельзя, такъ-какъ страна не имѣла государственно-политическаго единства), мы не найдемъ никакого противорѣчія между этими показаніями: Штетина считалась первымъ городомъ, метрополіей западнаго Поморья, Бѣлградъ же — восточнаго.

Остановимся въ заключеніе на выраженіяхъ «*diuitiae marinae*» «*ores aequogaeae*» (II, 28) Въ чемъ заключались они? Судя по контексту, можно подумать, что эта добыча поляковъ заключалась въ соленыхъ и свѣжихъ рыбахъ, которыми торговали жители Колобреги; но позволительно также полагать, что этимъ именемъ польскій лѣтописецъ хотѣлъ обозначить вообще богатства, добываемыя изъ моря и путемъ моря, всякіе товары и, можетъ быть, янтарь. Последнее предположеніе даже нѣсколько вѣроятнѣе, такъ—какъ конница Болеслава могла взять рыбы только въ той мѣрѣ, въ какой нуждалась въ ней для своего продовольствія. «*Diuitiae marinae*» скорѣе были нѣчто болѣе цѣнное и менѣе обременительное!

III.

Слѣды Оттоновой проповѣди въ грамотахъ.

Въ поясненіе и пополненіе къ предыдущему — представимъ краткія регесты нѣкоторыхъ грамотъ, заключающихъ въ себѣ указанія на миссію Оттона или ея послѣдствія.

- а) Грамота, данная въ 1136 г. императоромъ Лотаремъ Оттову и бамбергской церкви. По просьбѣ Оттона, въ награду за то, что онъ первый потруился надъ разрушеніемъ язычества и обращеніемъ варварства славянъ — императоръ даруетъ ему и его пресвитерамъ, съ согласія маркграфа Адальберта, дань съ четырехъ областей славянскій земли: Гросвины съ Руховымъ, Лѣсной, Межирѣчья и Сатной. Кроме этого бамбергской церкви отдается еще область Требуша. *Codex Pomer. diplom. № 14; Klempin, Pommersch. Urk. Buch № 27.*

- б) Грамота 1139—1147 г., данная аббатомъ монастыря св. Михаила Германомъ одному изъ поморскихъ спутниковъ Оттона—Берону. Аббать освобождаетъ его жену и дѣтей отъ подвѣдомственнаго подчиненія своимъ чинамъ. *Klempin Rom. Urk. V. № 29.*
- в) Грамота 1139, данная папой Иннокентіемъ II бамбергскому епископу Эгильберту. Иннокентій постановляетъ, чтобы всѣ церкви, находящіяся въ странахъ варваровъ, обращенныхъ къ христіанству Оттономъ, подлежали бы вѣдѣнію бамбергскаго епископа до той поры, пока не получатъ своего особаго. *Codex Rom. dipl. № 15, Klempin, Urk. V. № 28.*
- г) Грамота 1140 г. Папа Иннокентій II, по просьбѣ перваго поморскаго еп. Адальберта, принимаетъ новую поморскую епископію подъ свой покровъ, устанавливаетъ главнымъ мѣстомъ ея — церковь св. Адальберта въ Волинѣ, опредѣляетъ владѣнія и доходы ея, именно: городъ Волинъ съ рынкомъ и корчмою, крѣпость—городъ: Дыминъ, Требошу, Гостьковъ, Волегощъ, Узедомъ, Гросвину, Пыррицу, Старьградъ съ принадлежащими къ нимъ деревнями; Штеттину, Камину съ корчмою, рынкомъ, деревнями и другими принадлежностями; Колобрегу съ соловарней, мытомъ, рынкомъ, корчмою и всѣми принадлежностями; сверхъ того опредѣляетъ дань со всего Поморья до рѣки Лебы съ каждаго пахара—двѣ мѣры хлѣба и пять денаровъ; а также десятину съ рынка Ситемъ (?). *Cod. Rom. dipl. № 16; Klempin, Urk. v. № 30.*
- д) Грамота Адальберта поморскаго епископа, 1153 г., монастырю въ Столпѣ. Адальбертъ упоминаетъ, что поморскій народъ, благочестивымъ стараніемъ Болеслава, славнаго польскаго князя и проповѣдью Оттона былъ приведенъ въ христіанство при князѣ Вартиславѣ; что первымъ епископомъ по общему выбору князей и съ утвержденія папы

былъ избранъ овъ, Адалбертъ. Cod. Rom. dipl. № 11,
Klempin, Rom. Urk. b. № 43.

Какъ ни значительны, повидимому, эти указанія, но они не мало подтверждаютъ высказанное нами (стр. 468) предположеніе объ устраненіи поляковъ отъ вліянія и участія въ судьбахъ поморской церкви и о томъ, что проповѣдь Оттона немедленно положила первое прочное начало зависимымъ отношеніямъ Поморья отъ нѣмцевъ. Старанія Болеслава по обращенію поморянъ сохраниются, какъ признательное воспоминаніе (cf. Helmoldi Chronica I, с. 40), но остаются безъ политическихъ для него послѣдствій, по крайней мѣрѣ—послѣднія ни изъ чего не видны; напротивъ—связь съ нѣмецкою церковью и зависимость отъ нея начинается съ первыхъ шаговъ христіанской жизни страны.

Не безъ значенія и то обстоятельство, что стольнымъ мѣстомъ первой поморской епископіи сталъ г. Вольтъ: рѣшеніе Вартислава и прочихъ князей (выше, стр. 364, 365), какъ видно, приведено было въ исполненіе.

Число сотрудниковъ Оттона (см. выше pag. 312 nn. 1) пополняется новымъ именемъ Берона.

ОБОЗРѢНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

---

1. *Историческая поминка: 303—307.*

Личность и характеръ Оттона, епископа бамбергскаго— 303; дѣятельность его въ Польшѣ и нѣмецкой Имперіи— 304—306; просвѣтительная и художественная его дѣятельность — 305—306; характеръ его миссіи— 306—307.

2. *Жизнеописанія Оттона, какъ историческіе источники 307—322.*

Общій характеръ памятниковъ—307; судьба ихъ въ исторической наукѣ— 308—309; произведеніе Эбона и его источники— 309—310; достовѣрный характеръ сообщеній Удальрика— 310—311; оцѣнка II книги Эбона произведенія—311—314; степень личнаго участія автора въ обработкѣ извѣстій его источниковъ — 314; личность и произведеніе Герборда — 314—315; источники его: Тимонъ и Сефрідъ и достовѣрный характеръ ихъ сообщеній— 315—317; литературная обработка Герборда— 317—319; сравнительная оцѣнка трудовъ Эбона и Герборда— 318—319; Прифлингенскій монахъ и его произведеніе— 319—320; его источники, историческая ненадежность ихъ— 320—321; наши приемы обработки славянской части памятниковъ— 321—322.

3. *До Миссіи: 322—330.*

Значеніе христіанской миссіи въ средніе вѣка и ея политическій характеръ на сѣверѣ Европы 322—323; дѣятельность Болеслава III, Кривоустаго, и его политическія отношенія къ Русѣ — 323—325; вражда его съ поморянами и опустошительные походы въ ихъ землю — 324—325; безуспѣшныя старанія Болеслава объ обращеніи поморянъ въ Христіанство — 326; неудачная попытка проповѣди Бернгарда въ Вольтѣ — 327—328; Бернгардъ сближается съ Оттономъ и пробуждаетъ въ немъ ревность миссіонера — 329; Болеславъ приглашаетъ Оттона на проповѣдь въ Поморье — 329—330.

4. *Первая проповѣдь Оттона въ Поморье: 331—369.*

Приготовленія къ миссіи, выборъ сотрудниковъ — 331; путь проповѣдниковъ чрезъ Баварію, Чехи — въ Польшу — 332; приемъ и помощь, оказанныя Оттону Болеславомъ — 332—334; Гербордова Географія и характеристика Поморья — 333—335; трудности пути въ предѣлахъ Поморья — 335; встрѣча миссіи съ поморскимъ княземъ Вартиславомъ и его дружиною, переговоры съ ними — 336—337; съ туземными проводниками миссіи идетъ внутрь страны, обращеніе нѣкоторыхъ поселянъ въ христіанство — 337; приходъ въ крѣпость Пырицу, языческое празднованіе тамъ — 337—339; вѣче пырицкихъ старѣйшинъ по поводу предложенія принять христіанство — 338; крещеніе жителей, воспрещеніе языческихъ обыкновеній — 340—342; прибытіе миссіи въ Камину, дѣйствиіа законной жены князя въ пользу христіанства, легкость обращенія жителей города, приходъ Вартислава съ дружиною, крещеніе ихъ и отреченіе отъ обычая многоженства — 341—343; знаменательный случай противорѣчія христіанству вдовы одного знатнаго человека, черты быта воиновъ — 343—344; подъ руководствомъ знатнаго Домислава миссія приходитъ въ Вольтѣ и укрывается въ князьемъ мѣстѣ, возбужденная толпа выгоняетъ ее отсюда, опасность положенія проповѣдниковъ, выходъ чрезъ озеро за городъ —

345—349; переговоры съ «лучшими людьми» Волына, рѣшеніе послѣднихъ—349; приходъ миссіи въ Штетину, отказъ жителей принять христіанство; посольство къ Болеславу Оттона и Штетинянь—350—351; первые дѣйствія Оттона; крестные ходы и проповѣдь, крещеніе дѣтей знатнаго Домслава, миссія сближается съ народомъ—351—354; возвращеніе посольства съ льготною грамотою отъ Болеслава, рѣшеніе жителей принять христіанство—353—354; штетинскія святилища—контни, устройство ихъ, украшенія и богатства—355—356; разрушеніе святилищъ и главнаго идола Триглава—356—357; черты языческаго быта: обычай гаданій посредствомъ священнаго коня, коній и жребіевъ, порабощеніе христіанъ, убійство поворожденныхъ дѣвочекъ, многоженство, запрещеніе ихъ и общее принятіе христіанства—357—360; Волыняне сами приглашаютъ Оттона на проповѣдь—360—361; приведеніе въ крещеную вѣру крѣпостей Любина и Градца, неудачная попытка овладѣть золотымъ изображеніемъ Триглава, скрытымъ жрецами въ отдаленной деревнѣ—361—363; крещеніе многихъ торговыхъ людей и учрежденіе будущей епископіи въ Волынѣ—363—365; обращеніе г. Клодны—365; огромный городъ неизвѣстнаго имени, разрушенный Болеславомъ III—365; приходъ въ Колобрегу и Бѣлградъ, крещеніе ихъ обитателей—366; миссія обходитъ во второй разъ прежнія мѣста своей дѣятельности—366—368; выходъ изъ предѣловъ Поморья въ Польшу и возвращеніе въ Бамбергъ—367; характеристика страны Поморья и добрыхъ обычаевъ народа, черты языческой жизни—367—369.

В. Вторая проповѣдь Оттона въ Поморья:—370—409.

Возвращеніе Волына и Штетины въ язычество, двоевѣрное поклоненіе—370—372; пиратское предпріятіе Виртика, его плѣнь и спасеніе—373—374; Оттонъ отправляется въ Поморье чрезъ Саксоцію—374—375; языческое празднованіе гаволянъ и проповѣдь Оттона—375—376; встрѣча съ рыбо-

ловомъ на озерѣ Моричѣ—376—377; морачане—376—377; миссія приходитъ въ Дыминъ во время военной тревоги, прибытіе кн. Вартислава съ войсками на помощь дыминцамъ, ночная тревога—377—379; походъ противъ лютичей и разграбленіе ихъ—379—380; миссія отправляется въ Узонимъ, гдѣ собирается земскій сеймъ, рѣшеніе принять христіанство—380—382; Удаляркъ и Альбинъ приходятъ въ Вологощъ, славянское гостепрѣимство, при помощи жены начальника города ошсчастливо избѣгаютъ опасности—382—386; приходъ Оттона съ княземъ, приключеніе съ клерикомъ Дитрихомъ въ храмѣ Яровита—385—386; обращеніе вологощанъ въ христіанство—386; разрушеніе художественныхъ храмовъ и идоловъ въ Гостьковѣ—387—388; образъ дѣйствій Оттона—389; епископъ освящаетъ въ Гостьковѣ церковь и при этомъ кн. Мицлавъ даетъ свободу плѣнникамъ и должникамъ своимъ—389—390; гроза новаго польскаго погрома, Оттонъ, по просьбѣ знатныхъ людей, вѣдетъ лично къ Болеславу и примиряетъ съ нимъ поморскаго князя—390—392; неудачная попытка Удалярка отправиться къ украинцамъ—393; миссія переходитъ въ Штетину и встрѣчаетъ тамъ очень дурной приемъ со стороны приверженцовъ язычества—394—395; совѣщаніе жителей и помощь миссія Вирчана—395—396; проповѣдь Оттона на торговомъ мѣстѣ съ «вѣчевой степени», опасность положенія—396—399; вѣче штетинскихъ старѣйшинъ и рѣшеніе ихъ принять христіанство—399—400; вторичное крещеніе Штетины, знаменательное событіе, уничтоженіе остатковъ языческаго поклоненія, Оттонъ счастливо избѣгаетъ опасности—400—403; вражда штетинянъ съ кн. Вартиславомъ и примиреніе ихъ при посредничествѣ Оттона, путевыя опасности, крещеніе Вольна, нѣкоторые случаи, объясненные проповѣдниками въ пользу своего дѣла—403—405; раздоръ руанъ съ штетинянами по поводу принятія христіанства, пораженіе руанъ—406—407; желаніе Оттона идти съ проповѣдью въ Руану, онъ посылаетъ священника Ивана испросить на это до-

зволени архієпископа датскаго; образъ жизни датчанъ—406—408; отходъ и возвращеніе Оттона въ Бамбергъ, общее заключеніе о характерѣ его подвига—407—409.

6. *Къ критикѣ свидѣтельствъ*: 410—419.

Степень художественнаго образованія свидѣтелей Удальрика и Сефрида, какъ доказательство сираведливости нѣкоторыхъ наблюденій и извѣстій ихъ—410—411; взаимныя отношенія двухъ дѣйствующихъ сторонъ: проповѣдниковъ и туземцевъ, и вытекающій отсюда образъ мыслей и дѣйствій тѣхъ и другихъ—411—416; оцѣнка такихъ фактовъ и событій славянской жизни, гдѣ миссіонеры были непосредственными участниками и свидѣтелями—415—416; оцѣнка фактовъ и событій, ставшихъ имъ извѣстными изъ рассказовъ стороннихъ лицъ—416—418; оцѣнка мнѣній и объяснительныхъ сужденій ихъ—417—418.

7. *Внутренній бытъ и историческія отношенія славянскую Поморья*: 419—471.

Край и границы его—419—421; природа страны, ея богатства—421; вліяніе его на образъ жизни обитателей—422—423; этнографія населенія—423; степень заселенности края—423—424; образъ жизни народа, осѣдлости: деревни и села—424; крѣпости—424—425; города, перечень ихъ—425—426; общее образованіе и устройство поморскаго города—428—429; пути сообщенія—429—430; занятія народонаселенія: земледѣліе, огородничество и садоводство—430—432; скотоводство—431; рыболовство—431; пчеловодство—431; ремесленные занятія—431; война, пиратство и грабежъ—432—433; обширная торговая дѣятельность—432—433; общій экономическій бытъ страны—433; состояніе домашняго хозяйства—433—434; военное дѣло—434; нравственное состояніе народа—435; обычаи—законы его—436; семейный бытъ и его условія: отцовская власть, многоженство, положеніе женщны—436—437; предметы собственности—437; до-

говоры и обязательства—437; состоянія: рабы—438; народъ—438—439; высшее сословіе—знатные люди—439—440; князь, шаткость власти его—440—441; положеніе чужеземцевъ и странниковъ, обычай гостепримства—441—442; управленіе земли, жупа и городъ, правительственныя лица, вѣча и сеймы—442—444; преступленіе и наказаніе—444; судъ—444—445; международныя отношенія—445; внутреннія отношенія отдѣльныхъ областей и городовъ—445; религія, общій характеръ ея, слѣды древнѣйшаго культа, смѣшеніе въ религіи земледѣльческаго начала съ воинскимъ, изображенія боговъ—445—447; храмы и святилища, художественная отдѣлка и богатства ихъ—447; жрецы, ихъ занятія и значеніе—448—449; религіозныя гаданія посредствомъ коня, жребіевъ и чашъ—449—450; религіозныя празднества—450; нѣкоторыя языческія обыкновенія—450; терпимый характеръ поморскаго язычества—451; историческія отношенія страны: темнота исторіи Поморья до XI в.—451; войны поморянъ съ первыми князьями Пястова рода: съ Болеславомъ I, Болеславомъ II и Владиславомъ Германомъ—451—454; характеръ войнъ и политическая задача Польши въ отношеніи Поморья—454—455; рядъ военныхъ походовъ Болеслава III противъ Поморянъ: взятіе Бѣлграда и разграбленіе колобредской пригорода—455—456; поморскіе грабежи—456. сдача Бѣлграда и Колобреды, наружное покореніе восточнаго Поморья—456; новыя удачныя предпріятія Болеслава противъ пограничныхъ поморскихъ крѣпостей—457; взятіе Наклы и другихъ укрѣпленій—458—460, общій характеръ и слѣдствія походовъ Болеслава въ восточное Поморье: оно становится польскимъ владѣніемъ—460—461; Болеславъ обращаетъ свое оружіе противъ Поморья западнаго, извѣстія объ этомъ «Жизнеописаній» Оттона: непрочность успѣховъ польскаго оружія и власти—461—463; Болеславъ приходитъ къ мысли упрочить свое завоеваніе введеніемъ христіанства и для этого, послѣ неудачной попытки Бернгарда, обращается съ

просьбою къ Оттону принять на себя это дѣло—462; первая проповѣдь Оттона, неполный успѣхъ ея—462—463; возобновленіе враждебныхъ отношеній Поморья къ Польшѣ и отпаденіе Штетина и Вольна въ язычество—468; вторая иносія Оттона, успѣхъ ея—468; польскій источникъ извѣстій «Жизнеописаній» объ отношеніяхъ Болеслава къ западному Поморью—463—464; критика этихъ извѣстій: дѣйствительныя отношенія Поморья къ Польшѣ—464—465; изслѣдованіе причины, почему Оттонъ принялъ на себя труды по обращенію поморянъ въ христіанство — 465 — 466; почему онъ дѣйствовалъ за-одно съ княземъ польскимъ во время первой своей миссін и всторонѣ отъ него, въ союзѣ съ поморскими властями — во время второй—466—468; политическія послѣдствія Оттоновой проповѣди: распространеніе нѣмецкаго начала въ странѣ—468—469; двѣ гипотезы изъ русской древности: о заселеніи Новгорода и призваніи князей съ балтійскаго Поморья, полная вѣроятность ихъ—469—471.

В. *Приложенія*: 472—484.

I. *Отрывокъ неизвѣстнаго автора (XII—XIII в.) о нравѣхъ Поморянъ*: 472—473.

датское его происхожденіе, свидѣтельство о существованіи у поморянъ смертной казни—472—473.

II. *Извѣстія Мартина Галла о бытѣ поморянъ*: — 473—482.

Этнографическое различіе между поморянами и поляками 480; крѣпости поморянъ и укрѣпленіе ихъ—480—481; къ устройству поморскаго города: торговая пригородъ—481; отдѣльныя, самостоятельныя князья восточнаго Поморья, отсутствіе единовластія—481 Бѣлградъ и Штетина—481—482; что можно разумѣть подъ словомъ Мартина Галла: «*diuitiae maritimaе*» — 482.

III. *Слѣды Оттоновой крѣпости въ грамотахъ*: 482—484.

Грамоты: Лотара, аб. Германа, папы Иннокентія, еп. Адальберта (1186—1183)—482—484; нѣмецкое и польское вліянія въ поморской церкви—484 новый сотрудникъ Оттона 484.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

О погребальных обычаях языческих славянъ	стр.
Посвященіе графу Алексію Сергѣевичу Уварову	III
I. Іанъ Манинъ	1
II. Славянское язычество и обычаи	10
III. Источники. Языкъ	16
IV. Славянскіе порядки	168
Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ. Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности:	
Введеніе	301
I. Историческая поминка	303
II. Житіа Оттона, какъ историческіе источники	307
III. До иносія	322
IV. Первая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ	331
V. Вторая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ	370
VI. Къ критикѣ свидѣтельствъ	410
VII. Внутренній бытъ и историческія отношенія славянскаго Поморья	419
VIII. Приложенія	472
1. Отрывокъ неизвѣстнаго автора (XII—XIII в.) о нравахъ поморянъ	472
2. Извѣстія Мартина Галла о бытѣ поморянъ	473
3. Слѣды Оттоковой проповѣди въ грамотахъ	482

**Въ статьѣ: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ
произошли, по болѣзни корректора, слѣдующія опечатки въ ссыл-
кахъ:**

стр.	Напечатано.	Должно быть.	стр.	Напечатано.	Должно быть.
122	101— 2	102— 2	239	131— 2	132— 4
132	119—20	120—21	—	74, 118, 126	75, 120, 126
145	100— 1	102— 2	—	131— 2	132— 4
146	105	106	—	113—14	115
147	95	96	—	200	202
148	101— 2	102— 2	240	199	203
—	93	94	—	172	175— 6
206	60— 7	67— 8	241	73—80	81
210	143	145	—	89	90
213	64— 5	66— 7	242	121, 117—18	123, 116—19
—	74	75	—	112—113	114—115
—	75	76	—	180— 1	184— 5
—	146	149	244	68	69
—	75	76	245	64	65
214	147	150	—	116—17	118—19
215	142	145	—	126	128
—	152	155	—	65	66
—	173	176	246	66, 126	67, 128
216	147	150	—	126	128
217	54	55	247	83, 75, 85	83, 76, 86
—	128, 104	123, 105	—	182	185
218	151	154	248	138— 9	140— 1
219	147, 151—27	150, 154—56	—	123—90	132
—	146— 7	149	249	89, 126	100, 128
220	108	107	—	119—120	121—122
221	106, 116—17	107, 118—19	250	120	122
—	147	150	—	227	231
—	138	141	251	39—40	38—40
—	207	210	—	113	115
223	124— 5	126— 7	—	118	120
225	190	193	—	142— 4	144— 6
227	182, 66	185, 67	—	94— 5	95— 6
—	138, 147	140, 149	—	143—5, 182	145—8, 186
228	176	179	254	130	133
229	108	109	—	101, 103	102, 104
231	93, 101	94, 102	255	147	150
232	121, 123	123, 125	—	147— 8	150— 1
—	99, 118, 138	100, 120, 140	257	144	147
—	100	101	—	145, 101	148, 102
234	79—80	81	—	102, 123	104, 125
—	83	84	271	039	236
237	76—78	77—79	274	IX—X	267— 8
238	85	86	285	012	268—70
—	118	120			

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000500809

